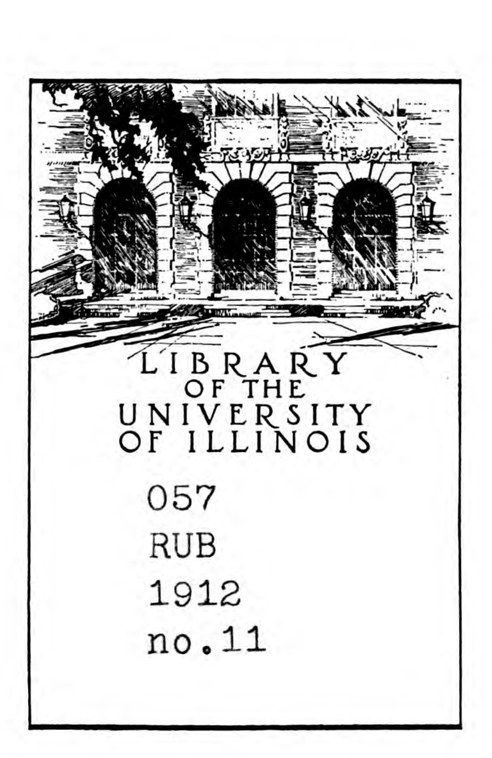

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

4626

НОЯБРЬ. **1912.**

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія СПБ. Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, 21.
1912.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЛУКА И СѢРЫЙ.

Разсказъ.

I.

Они встрѣтились на большой дорогѣ и сразу стали друзьями.

Лука прошелъ отъ станціи пять верстъ, утомился отъ жары и присѣлъ на краю сухой канавки.

Южное іюльское солнце заливало равнину свѣтомъ и тепломъ, а по сторонамъ дороги было уныло, какъ на кладбищѣ. Созрѣвшія поля неубраны и затоптаны. Деревни безлюдны, разрушены и сожжены. Мѣстами, по краямъ дороги, валяются обломки колесъ, лафетовъ, повозокъ и трупы лошадей.

Тутъ же, на тонкихъ шестахъ, тянется проволока военнаго телеграфа, иронически напоминая о высокой культурѣ.

Въ горячей тишинѣ прокатился и растаялъ слабый гудокъ далекаго паровоза.

Лука лѣниво поглядѣлъ вдоль пройденной дороги и замѣтилъ въ разстояніи версты темную точку, окруженную облакомъ пыли. Она очень медленно двигалась къ нему. Не похоже было ни на человѣка, ни на лошадь съ верховымъ. Когда точка выросла на полуверстѣ, то оказалось, что это оселъ. Онъ шелъ беззаботно и лѣниво, какъ на прогулкѣ. Дойдя до Луки, пріостановился, равнодушно посмотрѣлъ на него, однако мотнулъ головой.

Лука отвѣтилъ на поклонъ.

— Здравствуй, если не шутишь. Могу я тебѣ дать сухаря за твою деликатность.

Онъ вынулъ изъ мѣшка сухарь и, не вставая, протянулъ ослу.

Тотъ взялъ сухарь, повалялъ его во рту языкомъ и выбросилъ.

— Не ѣшь? Тоже не дуракъ. Сухарь надо размочить и ѣсть. Это ты вѣрно сказалъ. Я, тоже самое, сухого сухаря ѣсть не буду. Подавай намъ чаю, да съ сахаромъ. Другой еще лимону захочетъ.

Лука хитро ухмыльнулся.

— И кто насъ съ тобой избаловалъ, скажи пожалуйста? Ино бываетъ, конечно, на позиціи, два дня не ѣшь, а то дадутъ тебѣ ветчину съ горошкомъ въ жестяной коробкѣ, ключемъ открывается. Подъ названіемъ консертъ. Опустишь его въ горячую воду и кушай себѣ, какъ въ хорошемъ трактирѣ.

Оселъ грустно смотрѣлъ своими кроткими глазами вдоль дороги и слушалъ разсѣянно.

— И откуда ты взялся Сѣрый? Гляжу—идетъ кто-то. Думалъ вѣстовой, а это оселъ. Ну, ладно, оселъ такъ оселъ, мнѣ все равно. Только удивляетъ меня, какъ ты одинъ, безъ хозяина. Я человѣкъ, а надо мной есть хозяинъ, да не одинъ, а много ихъ командировъ. Это ужъ обязательно. Тебѣ тоже надо опредѣлиться. Не шататься зря по дорогѣ. Желаешь, буду твоимъ хозяиномъ? Желаешь или нѣтъ?

Оселъ мигнулъ однимъ глазомъ.

— Желаетъ! И уменъ же ты, Сѣрый,—не гляди, что оселъ. Жалко мнѣ тебя, что ты безъ хозяина. Ни сѣдла на тебѣ, ни поводочка. Худой ты и косматый, вродѣ какъ нищій, и откуда ты взялся?

Оселъ повелъ ушами, не мѣняя выраженія покорной лѣни въ глазахъ и во всей фигурѣ.

— Ну, ужъ ладно, знаю. Былъ и у тебя хозяинъ, нельзя безъ хозяина. Разорили вашу деревню. Побили твоего хозяина, или самъ ушелъ отъ бѣды и забылъ объ тебѣ. Все знаю. Много вашего народу погублено. Большое количество. Были деревни, а теперь однѣ стѣны да мусоръ.

Лука одѣлъ на плечо скатанную шинель, вещевой мѣшокъ и закинулъ на спину винтовку.

— Хочешь послужить новому хозяину? Тащи меня.

Онъ сѣлъ на осла, поближе къ крупу. Ноги почти касались земли.

Оселъ безропотно покорился своей участи и понесъ новаго хозяина.

Лука былъ доволенъ этой встрѣчей. Больше доволенъ, чѣмъ бы встрѣчей съ человѣкомъ. Всю дорогу въ вагонѣ къ нему приставали съ вопросами, почему онъ, будучи раненъ, вернулся въ строй, хотя имѣлъ право на освобожденіе. Надъ его отвѣтами смѣялись. Теперь объ этомъ самомъ дѣлѣ онъ радъ былъ поговорить съ осломъ. Ни задавать вопросовъ, ни смѣяться этотъ не станетъ.

— Я тоже самое долженъ послужить,—говорилъ онъ, размахивая ногами.—Тоже не сладко, а уйтить немыслимо. У меня, напримѣръ, два пальца скосило на правой рукѣ. Съ винтовкой обращаться не могу. А ежели тебя спрашиваютъ—желаешь послужить по мѣрѣ возможности? Что ты скажешь на это? Я тоже понимаю, что и безъ пальцевъ можно послужить по мѣрѣ возможности. Могу ли я на это сказать: „Нѣтъ, молъ, не желаю, охота, молъ, домой ѣхать“. Можетъ быть, я и вовсе не согласенъ, хоть у меня и всѣ пальцы будутъ цѣлы. Это я обязанъ при себѣ держать. У меня своей воли нѣтъ, чтобы выражать подобное. Вотъ и тебя тоже спрашиваю: „желаешь ты мнѣ послужить?“ Это я тебя только изъ деликатности спрашиваю. А скажи ты мнѣ—„нѣтъ не желаю“,—нешто я посмотрю на твою фантазію? Кто на тебя верхомъ сѣлъ, тотъ тебѣ и хозяинъ. И обижаться нечего. Вотъ какое происшествіе...

II.

Лука проѣхалъ верхомъ версту и замѣтилъ, что Сѣрый начинаетъ спотыкаться. Онъ сошелъ на землю, попробовалъ переложить на осла свое снаряженіе, но никакъ не могъ приторочить его безъ подпруги. Тогда одѣлъ ослу на шею скатанную шинель, какъ хомутъ, а мѣшокъ оставилъ при себѣ.

Участокъ Луки былъ на правомъ флангѣ. Оставалось идти верстъ десять. Охота была напиться, да не хотѣлъ онъ подходить близко къ позиціямъ. Пойдутъ разговоры, да опять показывай имъ свою искалѣченную руку. Оселъ тоже стѣснялъ его. Былъ бы вьючный или подъ сѣдломъ, а то идетъ за солдатомъ, какъ собака. Засмѣютъ!

Лука свернулъ съ дороги и пошелъ полями. А по дорогѣ между тѣмъ стали чаще попадаться люди. То ординарецъ, не торопясь, проѣдетъ съ донесеніемъ, то прокатитъ пустая двуколка, то рота лѣниво протащится, утопая въ пыли. И похоже было, что блуждаютъ они безо всякаго дѣла, сами не зная, куда и зачѣмъ. Попадались резервныя части, стоящія бивакомъ. Лука далеко обходилъ ихъ. Въ оврагѣ онъ увидѣлъ деревню цѣлѣе другихъ. Изъ середины подымался высокій шестъ съ поникшимъ флагомъ краснаго креста. На площадкѣ виднѣлся колодецъ, охраняемый часовымъ. Хотѣлъ туда пройти Лука со своимъ Сѣрымъ, да неудобно было. На углу улицы у забора сидѣли на землѣ двѣ сестры милосердія и весело смѣялись. Надъ ними на

заборѣ, свѣсивъ ноги, сидѣлъ докторъ и длиннымъ прутомъ старался сдернуть съ нихъ платочки.

Лука не хотѣлъ мѣшать господамъ и пошелъ дальше.

Сѣрый сталъ понемногу уклоняться влѣво, къ позиціямъ, вѣроятно, почуявъ тамъ рѣку. Дорога отошла далеко въ сторону и стало опять безлюдно. Но вотъ впереди, точно вынырнувъ изъ-подъ земли, пронеслись въ тылъ зарядные ящики. Ѣздовые изо всей мочи хлестали лошадей, какъ бы убѣгая отъ невидимаго врага.

Лука посмотрѣлъ влѣво, отыскивая батарею, куда отвозились снаряды, но тамъ было пустынно и спокойно. Горящій воздухъ трепеталъ и струился надъ сухой травой. Зарядные ящики уже далеко, они едва виднѣлись, а тяжелыя колеса все еще громко гремѣли по кочкамъ.

Надъ ушами Сѣраго заметались двѣ бѣлыя бабочки, играя и кокетничая. Онъ тряхнулъ головой, и онѣ ломанными линіями понеслись дальше.

Лука поглядѣлъ на нихъ и пересталъ думать о зарядныхъ ящикахъ, объ орудіяхъ, скрытыхъ, гдѣ-нибудь въ оврагѣ или подъ блиндажами. Кругомъ тишина и приволье. Солнце жаркое, но ласковое. И захотѣлось ему лечь на спину и беззаботно глядѣть на рѣдкія, какъ паутина, облака. Рубаха на немъ смокла. Сѣрый тоже усталъ. За ушами и на плечахъ шерсть у него почернѣла отъ поту. Бабочки тоже утомились и чаще стали припадать къ землѣ.

— Отдохнемъ, Сѣрый, что намъ торопиться!

Скатанную шинель онъ положилъ на землю для изголовья и легъ такъ, чтобы укрыться тѣнью отъ Сѣраго. Глядя въ небо, онъ слушалъ тиканье кузнечиковъ, ровное дыханіе Сѣраго, а когда глаза устали, началъ дремать.

Разбудилъ его страшный грохотъ. Земля подъ нимъ задрожала, упругой волной воздуха толкнуло его въ грудь. Онъ присѣлъ и сталъ слушать. Загудѣли снаряды, какъ стая летящихъ голубей.

Сѣрый вздрогнулъ, поднялъ голову и зашевелилъ ноздрями.

— Не бойся, Сѣрый—это наши. Ишь поютъ какъ дудки. Оттуда которые—тѣ шипятъ по-змѣиному.

Между тѣмъ Лука машинально считалъ секунды, откладывая на пальцахъ. Насчиталъ одиннадцать. Далеко, какъ дѣтскія хлопушки, послышались разрывы снарядовъ. Потомъ опять стало тихо. Солнце какъ будто зажгло жарче прежняго. Не ласково, а назойливо.

Прошло минуты двѣ. Опять залпъ. Ожидая этого, Лука уже ясно различилъ сухіе, жесткіе выстрѣлы полевыхъ орудій. Скрытая батарея была совсѣмъ близко.

— Пойдемъ, Сѣрый. Сейчасъ отвѣчать будутъ. Здѣсь не ладно.

Лука захватилъ на руку, не одѣвая на себя шинель и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Гдѣ-то въ воздухѣ зашипѣло невидимое чудовище, сверля воздухъ, какъ каменную, стѣну и снарядъ съ оглушительнымъ трескомъ упалъ саженяхъ во ста, выбросивъ кверху столбъ чернаго дыма.

Лука невольно нагнулся, изъ-подъ руки глядя на своего пріятеля.

Тотъ моталъ ушами, вздрагивалъ хвостомъ, но стоялъ на мѣстѣ.

— Пойдемъ, что ли, Сѣрый. Ну ихъ къ лѣшему! Еще зацѣпитъ!

Но Сѣрый не двигался. Лука вернулся и ткнулъ его торчащимъ изъ-за спины прикладомъ винтовки. Потомъ потянулъ его за гривку, но Сѣрый упрямо уперся на своемъ мѣстѣ.

— Чего-жъ ты хочешь, дура голова? Вѣдь убьютъ. Ну, стой! Сражайся! А я пойду.

Лука пошелъ впередъ, посвистѣлъ, прицокнулъ, но Сѣрый, опустивъ голову, глядѣлъ въ землю и, видимо, твердо рѣшилъ не покидать занятой позиціи.

Черные столбы дыма стали выростать кругомъ на далекое разстояніе. И увидѣлъ тутъ Лука, что напрасно онъ хочетъ уйти изъ огня. Сѣрый раньше его догадался объ этомъ и покорно ждалъ своей участи.

Лука вернулся и сердито бросилъ на землю шинель.

— Ну, ладно, будемъ на мѣстѣ. Это ты вѣрно сказалъ. Теперь вотъ какое дѣло. Ты стой, а я за тебя лягу. Береги меня.

Онъ легъ около осла съ тыльной стороны.

— Ежели тебя убьютъ, обижаться нечего. Ты скотина. Тебѣ вся цѣна пятнадцать рублей. А мнѣ...

Лука задумался прежде, чѣмъ оцѣнить самого себя.

— На мнѣ снаряженіе. Одна винтовка стоитъ рублей десять, сапоги новые рублей пять. А шинель, мѣшокъ, фуражка? Меня убьютъ — хоронить надо. Яму рыть. Крестъ поставить.

Лука говорилъ, чтобы заглушить томительную тоску, но уши его все время были настороже. Послѣ гранатъ стали падать шрапнели. Поминутно въ небѣ вспыхивали ослѣпительно бѣлыя облачка рвущихся снарядовъ и по землѣ разсыпался свинцовый градъ. Небо затянулось дымомъ. Солнце виднѣлось какъ черезъ пыльное стекло.

III.

Одинъ ударъ, необыкновенно звонкій, грянулъ совсѣмъ близко. Казалось, надъ ушами Сѣраго. Сердце у Луки съежилось. Онъ не слышалъ, какъ по сухой землѣ кругомъ разсыпались пули. Невольно пощупалъ себя, не задѣло ли его, и шутливо, чтобы разогнать тревогу, сказалъ:

— Испугался, Сѣрый?..

Оселъ отрицательно мотнулъ головой.

— Нѣтъ? Ну и храберъ же ты у меня, Сѣрый. Вполнѣ можешь быть военнымъ. Ей-богу.

Лука улыбнулся пришедшей ему въ голову забавной мысли.

— И сколько они тутъ снарядовъ набросаютъ. Большое количество. А какая польза? Я да ты — вотъ и весь резервъ. Не одну тысячу потратятъ на насъ. По семи съ полтиной снарядъ — ну-ка, считай. Ну, случится насъ убьютъ. Какія потери? Одинъ солдатъ, да одинъ оселъ. Мало, скажешь? Ладно. А онъ пускай деньги платитъ. Тысячу рублей. Нѣтъ, братъ не отвертишься. По семи съ полтиной за снарядъ. Тоже много глупости въ этомъ дѣлѣ.

Сѣрый плохо слушалъ своего хозяина и все моталъ головой. Лука съ тревогой посмотрѣлъ на него, потомъ всталъ, обошелъ осла съ головы. На шеѣ, около плеча, темнѣло круглое отверстіе. Кровь стекала по груди и по лѣвой ногѣ.

Лука протяжно свиснулъ и черезъ шею Сѣраго посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ.

— Ишь она куда смѣтила, подлая. Прямо мнѣ въ башку. Ну, спасибо, Сѣрый,—пострадалъ за меня.

Покорный видъ животнаго, глаза, медленно мигавшіе отъ боли, и обильная кровь растрогали Луку. Но, чтобы не показать этого, онъ сурово сказалъ:

— Плакать нечего. Я тоже пострадалъ, да опять пришелъ сюда.

Пуля не проникла насквозь. Лука просунулъ палецъ въ рану, думая нащупать ее, но Сѣрый не дался.

Шрапнели все еще рвались въ воздухѣ. Со стороны батареи изъ оврага тянуло сухимъ, кислымъ духомъ. Не захотѣлъ больше Лука ложиться за Сѣраго. Стыдно ему было пользоваться защитой живого тѣла. Отъ каждаго выстрѣла широкая спина его болѣзненно ежилась, но онъ стоялъ на мѣстѣ. Обтеръ палецъ, испачканный кровью, о спину Сѣраго и досталъ изъ запасного кармана перевязочный пакетъ. Растрепалъ его и заткнулъ рану ватой.

— Пойдемъ, Сѣрый. Все одно—стоять или идти. Что ихъ бояться? Плевать надо, а не бояться. Они дурни. Тысячи двѣ имъ обойдется твоя рана.

Онъ одѣлъ все снаряженіе на себя. Долго еще уговаривалъ Сѣраго оставить позицію, и на этотъ разъ его доводы подѣйствовали.

По дорогѣ Лука мечтательно говорилъ своему спутнику:

— Взялъ бы я тебя съ собой въ деревню, Сѣрый, да не дозволятъ, въ вагонъ не пустятъ. А то бы взялъ. Обязательно. Привелъ бы домой и сказалъ: „Вотъ онъ, мой избавитель“.

IV.

Было уже темно, когда Лука дошелъ до мѣста. Обозный указалъ ему бивакъ полка и версты три провезъ на арбѣ. Сѣрый безъ привязи шелъ сзади. Канонада стихла, съ востока повѣяло свѣжимъ дыханіемъ, и мирная ночь сразу забыла дневныя тревоги. Далеко на горизонтѣ мелькала нѣмая зарница.

У моста черезъ оврагъ Лука наткнулся на часового. Отзыва онъ не зналъ, и часовой послалъ подчаска за старшимъ. Еще фигуры ихъ не различались въ темнотѣ, а ужъ слышно было, какъ старшій жестоко чесалъ свою поясницу. По голосу Лука узналъ въ немъ ефрейтора Лемешева, и ефрейторъ его тоже узналъ, но для строгости этого не показалъ.

— Обязанъ являться днемъ, а не ночью. А это какая тварь?

— Ишакъ, господинъ ефрейторъ. Дозвольте намъ вмѣстѣ.

Ефрейторъ широко зѣвнулъ, обдумывая свое рѣшеніе. Лука тѣмъ временемъ старался подладиться.

— Вы, можетъ, думаете краденый. Такъ, ей-богу же, нѣтъ. Вижу—идетъ животное безо всякаго результата...

— Самъ иди, а ишакъ пущай останется.

— Дозвольте вмѣстѣ. Одному мнѣ никакъ невозможно. Всю дорогу вмѣстѣ. Подъ огнемъ были. Онъ, позвольте доложить, мою пулю на себя принялъ. Осликъ исправный. Для вьюка пригодится.

Ефрейторъ вдругъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ.

— Нѣтъ такого положенія, чтобы изъ-за осла безпокоить ночью караульнаго начальника. Жди до утра.

Повернулся на лѣвой босой пяткѣ и исчезъ въ темнотѣ.

Лука разсердился.

— Хоть бы напиться дали, черти. Цѣлый день не жравши, не пивши.

Часовой указалъ куда-то въ сторону:

— Иди къ рѣкѣ. Тамъ располагайся.

Сѣрый помогъ Лукѣ найти дорогу. Почуялъ воду и пошелъ впередъ. Лука едва поспѣвалъ за нимъ, спотыкаясь въ темнотѣ по кочкамъ. На самомъ краю берега у его ногъ блеснула искра. Тутъ кто-то сидѣлъ и курилъ. Лука обошелъ его, спустился къ водѣ и напился, ставъ рядомъ съ Сѣрымъ на четвереньки.

Курившій сказалъ ему:

— Не туда всталъ, землякъ. Ниже скотины пьешь.

Но Лука уже напился. Всталъ, вытеръ губы рукавомъ и сѣлъ рядомъ съ курящимъ.

Первое время они молчали, но когда курящій затянулся, папироской, лицо его освѣтилось. Лука обрадовался.

— Никакъ Заяцъ! Мое почтеніе, здравствуйте!

— А я что-то не признаю.

— Лука Потугинъ, изъ одной роты.

— Какъ же, личность знакомая.

Заяцъ протянулъ руку. Лука подалъ ему лѣвую.

— А тая гдѣ? Отрѣзали?

— Нѣтъ, цѣла. Пальцевъ двухъ не хватаетъ. Неудобно.

— Ну?

Заяцъ ожидалъ продолженія, но Лука не хотѣлъ разсказывать о себѣ. Вмѣсто отвѣта онъ спросилъ:

— Почему сидите здѣсь въ одиночествѣ?

— Я-то? Табакъ у меня есть, а у пріятелей нѣтъ. Такъ чтобы не вышло соблазну. Вы тоже самое извините.

— Я не курящій,—мнѣ не надо.

Заяцъ опять вернулся къ прерванному разговору:

— Лука Потугинъ. Такъ. Значитъ, опять пригнали обратно. Покажь-ка руку!

Лука нехотя подалъ правую руку, на которой не хватало двухъ пальцевъ: указательнаго и средняго.

Заяцъ пощупалъ и авторитетно заявилъ;

— Не имѣли права. Настоящій законъ не дозволяетъ.

Лука это замѣчаніе предвидѣлъ и опять заговорилъ о другомъ:

— Разныя исторіи бываютъ. Вотъ, тоже самое, привязался ко мнѣ оселъ. Идетъ и идетъ сзади. Вмѣстѣ подъ огонь попали. Одна пуля, шрапнельная, его задѣла въ жилу. Боюсь, кровью изойдетъ.

— Ничего. Это животное полнокровное. Способенъ выдержать.

Заяцъ опять замѣтилъ, что Лука отошелъ отъ разговора.

— Слышь, Потугинъ. Какъ же ты безъ пальцевъ? Имѣешь право заявить претензію. Эхъ, кабы мнѣ два пальца аккуратно отхватило, я бы всѣмъ богамъ по свѣчкѣ поставилъ. Обязательно домой ушелъ бы... Люблю я свое дыханіе.

— Кому домой не охота!

— Имѣешь полное право въ твоемъ положеніи. Чего молчалъ? Тебя, вонъ, пригнали сюда вродѣ скотины.

Лука почувствовалъ себя обиженнымъ.

— Зачѣмъ пригнали—я самъ пришелъ.

Этотъ отвѣтъ привелъ Зайца въ недоумѣніе. По движенію головы видно было, какъ онъ осмотрѣлъ темную фигуру Луки отъ фуражки до сапогъ.

— Такъ... Выходитъ—отъ большого усердія.

Опять заискрилась папироска, и Лука замѣтилъ, что Заяцъ ехидно улыбается, глядя на него. При всемъ нежеланіи говорить о себѣ, онъ не вытерпѣлъ.

— Ежели тебя генералъ спроситъ: „хочешь идти?"—ты что на это?

— Какой генералъ?

— Да вотъ такой, санитарный. Мнѣ на выписку, а тутъ приходитъ генералъ въ чистомъ кителѣ съ орденами за храбрость. „Хочешь—говоритъ—послужить? Мужикъ здоровый, въ обозѣ пригодишься". Я молчу, а онъ тутъ и ляпни: „Нешто—говоритъ—пальцами служатъ, а не грудью. Помереть за отечество можно и безъ пальцевъ". Веселый такой, смѣется. Молчать неудобно. „Такъ точно", говорю. А онъ мнѣ: „Молодчина. Дать ему новые сапоги". Выдали. Сапоги хорошіе. Вотъ эти самые.

Лука показалъ на свои ноги.

Заяцъ зѣвнулъ и бросилъ въ воду докуренную папироску.

— Дешево ты стоишь, Лука Потугинъ. Не люблю я подобныхъ людей. Можетъ, водки принесъ?

Онъ пощупалъ мѣшокъ Луки.

— Нѣтъ, я не пьющій.

— Тьфу! А земляки не пьютъ что ли? Невыносимый ты человѣкъ!

Оселъ, стоявшій спокойно, вдругъ поднялъ голову и заголосилъ рыдающимъ ревомъ. Точно въ тихомъ ночномъ раздумьи представилась ему его тяжелая батрачья жизнь, и невольный вздохъ разрѣшился страдальческимъ воплемъ.

— Двѣнадцать часовъ,—сказалъ Заяцъ, — ишаки всегда къ полуночи играютъ.

Лука видѣлъ, что Заяцъ недоволенъ его объясненіемъ. Чувствуя себя какъ бы виноватымъ, онъ попробовалъ завести дѣльный разговоръ:

— Новая позиція у васъ?

Заяцъ отвѣтилъ послѣ большой паузы:

— Со старой прогонятъ, новую займешь. Вчерашній день ротный велѣлъ мнѣ плясать передъ господами. Въ концѣ

концовъ и говоритъ: „Хорошо ты пляшешь. Будешь ли такъ же хорошо бить непріятелей?“ А я ему въ отвѣтъ: „Зачѣмъ его бить? Пущай живетъ“ Ничего не сказалъ. Они меня вродѣ дурачка считаютъ. Подъ шинелью, дѣйствительно, не разберешь—который умный, а который дуракъ. Каждый отъ каждаго укрывается. Тебя тоже не понять—врешь ты или не врешь.

Сзади по сухой травѣ зашаркали шаги, и недовольный голосъ вызвалъ:

— Который тутъ оретъ?

— Здѣсь!—отозвался Лука.—Кого надо?

Солдатъ въ бѣлой рубахѣ безъ пояса подошелъ къ сидящимъ.

— Который пастухъ? Подымайся. Веди ишака къ господамъ офицерамъ.

— Не спятъ?—спросилъ Заяцъ.

— Весь день дрыхли. Теперь, по крайней мѣрѣ, въ карты играютъ.

Лука всталъ и, обойдя Сѣраго, погналъ его отъ воды. Тотъ упрямился. Пришлось вмѣстѣ съ Зайцемъ втащить его на откосъ. Пришедшаго солдата Лука узналъ по голосу и по ухваткамъ. Это былъ деньшикъ одного изъ офицеровъ. На Луку онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія и на его вопросъ, для чего требуютъ осла, коротко отвѣтилъ:

— Для занятія.

V.

Въ длинной двускатной палаткѣ съ открытыми концами стояли четыре походныя кровати. Офицеры безъ кителей столпились у складного столика, вплотную занимавшаго узкій проходъ по серединѣ, и играли въ макао. Дымъ отъ папиросъ не вылеталъ изъ палатки и держался въ неподвижномъ воздухѣ подъ низкой парусиной. Свѣча, воткнутая въ бутылку, догорала длиннымъ, коптящимъ пламенемъ. Одни полулежали на кроватяхъ, другіе сидѣли на чемоданахъ. Истрепанныя карты безшумно, какъ пуховыя, падали на столъ, уставленный солдатскими чарками. Иногда чья-нибудь рука протягивалась подъ столъ за бутылкой и наливала въ жестяной стаканъ теплаго шампанскаго. Играли неохотно, чтобы убить время. Выигрывали и проигрывали безъ радости и сожалѣнія. Карты по своимъ изъянамъ были почти всѣ извѣстны. Точнаго разсчета не велось. Платили и наличными или записывали на летучкахъ изъ походной записной книжки. Бумажки и золото безпорядочно валялись

по столу и, если, задѣтыя локтемъ, падали на полъ, то ихъ не скоро подымали.

Денщикъ доложилъ, что привели осла.

— Волоки сюда,—сказалъ пожилой человѣкъ въ очкахъ, съ длинной бородой, голымъ черепомъ и засученными рукавами рубахи.

Это былъ старшій между офицерами—капитанъ Дымша.

Сѣрый вошелъ въ палатку и, оглядѣвъ кампанію, понюхалъ голую руку капитана. Сидѣвшій рядомъ на кровати поручикъ Рязанцевъ досталъ изъ-подъ надутой кожаной подушки пачку печенья и далъ ему одну таблетку. Сѣрый жадно съѣлъ ее.

Третій офицеръ, лежавшій на кровати съ газетой въ рукахъ, запротестовалъ:

— Не давайте ему, господа, бисквитовъ. Я знаю, чѣмъ его кормить. Въ китайскую кампанію у меня былъ оселъ. Бумагу ѣлъ. Письма отъ жены не ѣлъ, а газеты ѣлъ. Они любятъ печатное. Сейчасъ мы узнаемъ о степени его умственнаго развитія.

Онъ оторвалъ кусокъ газеты, скомкалъ и далъ Сѣрому. Тотъ охотно взялъ въ ротъ, пожевалъ и проглотилъ.

Игравшіе оставили карты и занялись осломъ. Производившій опытъ воодушевился.

— Молодчина! Это господа была передовая статья. Теперь дадимъ ему фельетонъ: „Вокругъ да около“.

Опять кусокъ скомканной газеты былъ поднесенъ Сѣрому. Эту порцію онъ долго жевалъ и проглотилъ съ меньшимъ аппетитомъ.

— Это понятно, господа: фельетонъ легкомысленнѣе, чѣмъ передовая статья. Теперь дадимъ ему кусокъ объявленій.

Сѣрый понюхалъ, но ѣсть не сталъ. Громкій хохотъ офицеровъ испугалъ его и, не понявъ одобренія, онъ попятился назадъ.

— Замѣчательно умное животное,—сказалъ Дымша, ласково глядя на Сѣраго.—Впрочемъ это, конечно, безсознательно,—добавилъ онъ, подумавъ, и сталъ серьезенъ.

Поручикъ Рязанцевъ опятъ приманилъ Сѣраго своимъ печеньемъ. Другіе офицеры также стали его угощать. Деньщику велѣно было принести бобовыхъ жмыхъ и соломы. Кто-то предложилъ Сѣрому оставшуюся въ жестянкѣ сардинку. Болѣе догадливый изъ хозяевъ подлилъ туда шампанскаго, но Сѣрый наотрѣзъ отказался отъ этого изысканнаго блюда. Больше всего ему понравилось печенье. Когда весь пакетъ былъ съѣденъ, поручикъ Рязанцевъ похлопалъ гостя по шеѣ и брезгливо посмотрѣлъ на свою руку.

— Фу, чортъ! Кровь! Откуда у него кровь?

— Шрапнелью задѣло, ваше высокородіе, — отозвался Лука, все время стоявшій у входа.

Капитанъ Дымша повернулся къ нему.

— А ты откуда?

— Лука Потугинъ, изъ роты вашего высокоблагородія.

— Ага, помню. Въ госпиталѣ былъ?

— Такъ точно.

— Подойди сюда. Раздуло у тебя рожу въ тылу. Куда былъ раненъ?

Лука показалъ правую руку,

Дымша свиснулъ и чмокнулъ языкомъ.

— По своей охотѣ вернулся?

— Какъ сказать, ваше высокородіе. Обязанъ. Отговариваться совѣстно.

— Да... Но какой же ты стрѣлокъ безъ пальцевъ?..

Дымша подумалъ и оживленно сказалъ:

— Поручикъ Рязанцевъ, вотъ вамъ денщикъ. На роялѣ играть не заставите.

Рязанцевъ брезгливо посмотрѣлъ на пальцы Луки.

— Онъ, пожалуй, и бутылки не откупоритъ.

— А вотъ сейчасъ посмотримъ,—вмѣшался офицеръ, кормившій Сѣраго газетой.—Сдѣлаемъ опытъ. У насъ еще имѣется бутылочка шартрезу. Ну-ка ты, пистолетъ! Запаливай!

Лука взялъ бутылку, долго ковырялъ штопоромъ пробку, но вытащить ее не могъ.

Дымша разсердился.

— Брось! Не годишься. Эй! возьми у него. Что мнѣ съ тобой дѣлать? Въ санитары тоже не годишься. Вѣдь ты калѣка!

— Такъ точно.

— Осла ты привелъ?

— Такъ точно. По дорогѣ присталъ. Ну, думаю, пущай идетъ. Пригодится господамъ офицерамъ вьюки таскать.

— Куда его къ лѣшему? Вѣдь онъ раненъ. Вонъ вся нога въ крови. Пристрѣлить его надо и больше никакихъ.

Лука не ожидалъ такого рѣшенія и невольно возвысилъ голосъ:

— Ваше высокородіе! Зачѣмъ убивать животное. Онъ отойдетъ. Я похожу около его.

— Пристрѣлить!—крикнулъ Дымша и ладонью ударилъ по столу.—Самъ калѣка и привелъ калѣку. Что ты пришелъ сюда—съ осломъ няньчиться?

Лука переступалъ съ ноги на ногу.

— Можетъ, доктора?

— Зачѣмъ доктора? Онъ и безъ доктора околѣетъ. А ты

сталъ много разговаривать. Въ тылу избаловался. Гони отсюда своего пріятеля. Его кормили, кормили, а онъ теперь, вонъ, одѣяло жуетъ. А ты самъ-то ѣлъ?

— Никакъ нѣтъ. Съ утра не ѣмши.

— Ну, завтра поѣшь. Ступай.

Капитанъ снялъ очки, чтобы ихъ протереть, и сильно расширенными глазами побѣдоносно оглядѣлъ своихъ сосѣдей.

— Вотъ они гдѣ герои! Видѣли? А? Обязательно махну телеграмму въ Петербургъ.

VI.

Лука переночевалъ на волѣ. Но спалъ плохо. Сначала недалеко прошли какія-то части. Какъ потомъ оказалось, это были два батальона его полка, посланные впередъ для занятія передовыхъ окоповъ. Передъ разсвѣтомъ гдѣ-то далеко раскатилась ружейная трескотня. Днемъ Лука не обратилъ бы на это вниманія, но въ ночное время къ этой музыкѣ невозможно привыкнуть. Она тревожитъ и не даетъ покоя. Стрѣляли залпами и пачками. Временами трескотня какъ будто бы приближалась. Лука вставалъ, смотрѣлъ въ даль, думая увидѣть мгновенное зарево. Урывками на полчаса онъ засыпалъ, но его будилъ какой-то шумъ. Точно мѣха раздували надъ его ухомъ. Это Сѣрый тяжело дышалъ надъ нимъ. Лука вставалъ, перемѣнялъ мѣсто, но Сѣрый опять подходилъ къ нему.

Утромъ его разбудилъ фельдфебель и съ перваго же слова началъ его упрекать.

— Лука Потугинъ креста захотѣлъ? Другіе страдаютъ, кровь проливаютъ до послѣдней капли крови и ничего не получили. А ты три мѣсяца прогулялъ въ тылу, сапоги, вонъ, получилъ новые, одежу, и теперь къ самому бою явился. Скидавай сапоги! Ну-ка я примѣрю на свои ноги.

Лука покорно сѣлъ и снялъ сапоги. Фельдфебель снялъ свои протертыя поршни изъ недубленой кожи, работы ротнаго мастера, и обулся въ сапоги Потугина.

Вставъ, онъ прошелся, любуясь на давно невиданную роскошь.

— Можетъ, промѣняешь или продашь?

Лука сдѣлалъ видъ, что не слышитъ и сталъ рыться въ мѣшкѣ, отыскивая свои бумаги.

Фельдфебель еще разъ прошелся, пристукивалъ, выворачивалъ ноги, осматривалъ задки, съ трудомъ загибая голову за спину.

— Говори, что ли, цѣну.

Но Лука хранилъ упорное молчаніе. Новые сапоги были его единственною гордостью.

— Вся рота безъ сапогъ. Одинъ ты ты такой самозванецъ явился.

Фельдфебель съ остервенѣніемъ плюнулъ и сѣлъ.

— И куда ихъ таскать въ такую жарищу. Проклянешь.

Онъ снялъ сапоги и отбросилъ ихъ съ негодованіемъ.

А скотину обязательно пристрѣлить. Ротный велѣлъ. Ночью опять орать будетъ. Давай билетъ.

Лука досталъ изъ мѣшка измятую бумагу, вручилъ начальнику и, когда тотъ ушелъ, долго глядѣлъ ему въ слѣдъ. Въ лагерѣ стало шумно. Ребята возвратились съ купанья и ждали ѣды. Со стороны тыла уже подтягивались дымящія походныя кухни.

Лука посмотрѣлъ на своего больного спутника, какъ на тяжелую обузу. Тотъ стоялъ, не двигаясь. Поодаль валялась нетронутая куча соломы.

— Ну тебя къ лѣшему, Сѣрый. Только непріятности изъза тебя. Былъ я солдатомъ, а теперь пастухомъ сталъ.

Однако, Лука нащипалъ короткой сухой травы и съ руки покормилъ Сѣраго. Больная шея не позволяла животному нагибать голову.

„И за что я его жалѣю вислоухаго?“ говорилъ про себя Лука. Пришло ему на умъ сходство ихъ положенія. Оба калѣки, оба безъ дѣла и оба не имѣютъ своей воли, чтобы придумать что-нибудь для себя. Собравъ эти мысли, онъ улыбнулся и сказалъ вслухъ:

— Это вѣрно, Сѣрый... Совершенно правильно. Одинаковая у насъ съ тобой кальера.

Лука отвязалъ отъ шинели свой котелокъ. Около кухни солдаты уже стояли гуськомъ. Кашеваръ, возвышаясь надъ всѣми, разливалъ большой черпалкой похлебку.

Лука обошелъ кругомъ Сѣраго нѣсколько разъ, все увеличивая круги, чтобы обмануть его, и свернулъ къ лагерю.

Съ ребятами поздоровался на словахъ, такъ какъ руки были заняты, и сталъ въ очередь. Получивъ порцію, хотѣлъ сѣсть въ сторонку, но его окликнулъ Заяцъ и позвалъ въ свою компанію. Отказаться было нельзя. Заяцъ насильно притащитъ. Такой ужъ навязчивый человѣкъ.

Этого солдата никто не называлъ по фамиліи. Онъ былъ некрасивъ. Рыжій съ далеко разставленными раскосыми глазами. Борода у него не росла, а усы были рѣдкіе. Большая верхняя губа отъ постоянной улыбки всегда шевелилась какъ у зайца. Онъ былъ хлестокъ на языкъ и умѣлъ сказать то, что другому даромъ не прошло бы. Въ самое не-

удобное время для сношенія съ тыломъ онъ ухитрялся доставать водку и табакъ. Въ душѣ онъ былъ трусомъ. Въ боевые дни невыносимо страдалъ нервной лихорадкой, но умѣлъ скрывать это и вышучивалъ тѣхъ, въ которыхъ замѣчалъ то же чувство. Объ опасности говорилъ съ презрѣніемъ и не только офицеры, но и свои братья—солдаты считали его храбрымъ, а потому не особенно долюбливали.

— Ура господину Потугину!—закричалъ Заяцъ, когда Лука подошелъ и скромно сѣлъ въ кругъ.

— Земляковъ очень любитъ. Не желалъ оставлять. Опять къ намъ явился.

Лука сердито огрызнулся:

— Ну, замололъ... Прежде поѣшь.

— Я прежде выпью, а потомъ поѣмъ.

Заяцъ вынулъ изъ кармана небольшую аптечную склянку темнаго стекла съ надписью: „Для наружнаго употребленія", и покуда медленно пилъ изъ нея, сосѣди освѣдомились у Луки, когда онъ прибылъ, что новаго въ тылу, и поглядѣли на его оставшіеся пальцы, которыми онъ неловко управлялся съ деревянной ложкой. Но это между прочимъ, а главное—завистливое вниманіе ихъ было обращено на его новые сапоги.

Заяцъ бережно спряталъ бутылку въ карманъ и подмигнулъ сосѣдямъ, указывая на Луку:

— Хочу я тебя спросить, Потугинъ, на какомъ ты основаніи?

— Дай поѣсть человѣку,—вступился одинъ изъ компаніи.

— Пускай ѣстъ. У меня вопросы такіе, что можно не отвѣчать. Я самъ отвѣчу. Напримѣръ, взялъ человѣкъ и вернулся. Что мы хуже его? Зачѣмъ доказывать? Ему открыли капканъ, а онъ опять лапу суетъ. Какъ сказать объ человѣкѣ, который не можетъ держать свой нейтралитетъ?

Лука молчалъ и по лицамъ сосѣдей видѣлъ, что они думаютъ не въ его пользу. Они усердно хлебали изъ котловъ и поощрительно посматривали на Зайца.

— Я, напримѣръ, фабричный человѣкъ,—продолжалъ тотъ.—Работаю ли, нѣтъ ли,—безъ меня заведеніе не пропадетъ, а ты крестьянинъ, у тебя хозяйство. Зачѣмъ пришелъ сюда задаваться передъ другими? Вѣдь это съ твоей стороны поступокъ и больше ничего.

Сидѣвшій до сихъ поръ молча степенный солдатъ изъ запасныхъ вставилъ свое мнѣніе:

— Заноситься тоже не слѣдуетъ. Другіе не хуже.

Лукѣ стало невмоготу выслушивать такія обвиненія.

— Да нешто я для поступка?.. Вотъ какъ передъ истиннымъ—безо всякой гордости. Мнѣ говорятъ: „хочешь вер-

нуться?“ Какъ тутъ отвѣтишь? Генералъ въ чистомъ кителѣ присталъ, какъ пластырь... ей-богу.

Лука, тономъ оправданія, опять подробно разсказалъ про санитарнаго генерала и закончилъ сапогами. Это отвлекло бесѣду отъ главной темы. Слушатели пожелали примѣрить новые сапоги, и Лука охотно ихъ снялъ. Со стороны подошли другіе солдаты и каждому лестно было сдѣлать то же самое. Въ концѣ концовъ пара Потугинскихъ сапогъ, заслуживъ быструю извѣстность, обошла чуть ли не всю роту, многимъ помѣшавъ даже какъ слѣдуетъ поѣсть.

Котелокъ Луки былъ уже пустъ, онъ радъ бы уйти, но приходилось сидѣть въ однихъ портянкахъ.

Заяцъ не отставалъ отъ него:

— Поди, какой рѣзвый нашелся! Сдѣлай мнѣ генералъ такой предлогъ. Пѣшкомъ домой пойду и назадъ не оглянусь. Другое дѣло тутъ, конечно. Неволя. А тамъ... Господи Іисусе... Дается же людямъ счастье. Не берутъ! Не хочу, говоритъ, домой, хочу кровь проливать. А кому она, твоя мужицкая кровь, нужна? Мало ее тутъ понапрасну льется. Креста захотѣлъ? Выкуси. Не только серебрянаго,—и деревяннаго не дождешься. Сожрутъ тебя собаки.

Лука до головной боли сосредоточилъ свои мысли, чтобы придумать самый убѣдительный отвѣтъ. Трудно это было послѣ сильныхъ выраженій Зайца.

— Погоди, Заяцъ... Заладилъ одно. Тебѣ говорятъ—безо всякаго умысла. Чтобы какія-нибудь мысли въ головѣ—ни боже мой! Кого я обидѣлъ? Тебя обидѣлъ? Извини, милый. Никакого поступка у меня не было. Мнѣ бы посмѣлѣе быть, можетъ, я не пришелъ бы. Храбрости не имѣю—вотъ и вся моя вина.

Искреннія слова Луки подѣйствовали на слушателей.

Степенный солдатъ примирительнымъ тономъ замѣтилъ:

— Напирать тоже очень нельзя. Можетъ, человѣкъ по слабости?

Другой солдатъ изъ молодыхъ предложилъ догадку болѣе опредѣленную:

— Можетъ, выпивши былъ?

Лука махнулъ рукой:

— Гдѣ тамъ... Не пью... Слышь, ребята! Генералъ, то же самое, говоритъ: „Нешто пальцами служить отечеству, а не грудью?“ Ей-богу, такими словами выразилъ. Вотъ и пойми.

— Да,—сказалъ степенный солдатъ и задумался.

Заяцъ задергалъ губою, но промолчалъ. На всѣхъ слова генерала произвели неотразимое впечатлѣніе.

— Да... Ежели, конечно, вникнуть въ самую точку зрѣнія... Со всякимъ можетъ случиться такое происшествіе...

Взять хоть бы меня, другого, третьяго... Ручаться тоже нельзя...

Лукѣ почти простили его безсознательный героизмъ. Даже Заяцъ присмирѣлъ и растянулся на спинѣ. Стали хлопотать о возвращеніи сапогъ. Послѣ долгой перебранки съ разныхъ концовъ лагеря ихъ вернули.

Обуваясь, чтобы уходить, Лука уже болѣе спокойнымъ и увѣреннымъ голосомъ говорилъ:

— Обижать земляковъ никогда не желаю... И въ умѣ этого не было. Храбрости во мнѣ мало—это дѣйствительно.

VII.

Мимоходомъ, около кухни, Лука забралъ охапку соломы и пошелъ къ Сѣрому. Нужно было его увести подальше къ тылу. Но передъ этимъ Лука хотѣлъ сводить его на рѣку и напоить. Они далеко обогнули стоянку и вышли на дорогу. Тутъ стали попадаться раненые изъ передовыхъ окоповъ, молчаливые и равнодушные. Были и знакомые, но дѣлали видъ, что не узнаютъ Луку. Въ особенности легко раненые. Такіе всегда идутъ крадучись, точно боятся, чтобы ихъ не вернули обратно.

Лукѣ пришло въ голову сводить на перевязочный Сѣраго. Такъ онъ и сдѣлалъ. Назадъ отъ рѣки пошелъ по той же дорогѣ. Рана Сѣраго упорно сочилась. На ходу онъ уже не кивалъ по прежнему головой и слабо ступалъ на переднія ноги. Одна задняя нога судорожно подергивалась.

До перевязочнаго было версты три. Первое, что Лука увидѣлъ надъ стѣнами деревни,—большой флагъ. Онъ необычайно трепеталъ въ безвѣтренномъ воздухѣ. Солдатъ, стоя на крышѣ, отвязывалъ древко. Это значило, что пунктъ снимался съ мѣста. По узкой улицѣ выстраивались повозки. Крикъ стоялъ на всю деревню. Санитары орали на пугливыхъ, непослушныхъ муловъ. Толпа раненыхъ съ жалобными воплями осаждала мѣста въ повозкахъ. Доктора уѣхали впередъ и сборами распоряжался фельдшеръ, красный отъ натуги, съ мѣднымъ самоваромъ подъ мышкой. Не оставляя своей драгоцѣнной ноши, онъ перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто и набрасывался на раненыхъ, какъ на своихъ лютыхъ враговъ. Однимъ взглядомъ, по выраженію лицъ, онъ отличалъ легко раненыхъ и властнымъ жестомъ, прибавляя крѣпкое слово, отсылалъ ихъ пѣшкомъ до новой стоянки.

Лука обратился къ нему не въ добрый часъ. Сталъ ему поперекъ дороги вмѣстѣ съ Сѣрымъ и, стараясь быть крат-

кимъ, началъ очень длинно разсказывать, какъ Сѣрый принялъ на себя его пулю.

Фельдшеръ не далъ договорить ему, поставилъ на землю самоваръ и посыпалъ на него такое изобиліе самыхъ неправдоподобныхъ ругательствъ, что Лука поморщился, точно хлебнулъ уксусу, и даже Сѣрый затрясъ ушами.

— Я полагалъ, что вы и скотину понимаете,—вставилъ свое слово Лука, пользуясь передышкой фельдшера.

— Вотъ такую скотину, какъ ты, я не понимаю. Съ народомъ едва управишься, а онъ осла привелъ.

И опять пошелъ и пошелъ... Лука терпѣливо ждалъ, глядя ему въ ротъ. Наконецъ запасъ крѣпкихъ выраженій фельдшера сразу истощился. Онъ подумалъ еще, не забылъ ли чего-нибудь, и только плюнулъ. Послѣднее слово осталось за Лукой:

— Животное тоже страдаетъ. Примочки бы какой!

Фельдшеръ энергичнымъ жестомъ взялъ Луку за шиворотъ, перевелъ черезъ дорогу, мимо фургоновъ, и, указывая въ поле, сказалъ:

— Иди прямо. Свернешь за бугоръ — будетъ деревня, а за ней артиллерійскій резервъ. Тамъ имѣется ветеринаръ... А сюда не лѣзь, соленая твоя голова.

Лука безнадежно посмотрѣлъ въ даль.

— Не пойду я туда. Тоже облаетъ. Ваше благородіе, возьми ослика. Никакъ не могу опредѣлить.

— Не надо.

— Вы бы, ваша милость, взяли для пристяжки. Осликъ страсть умный. У него пуля въ горлѣ. Можетъ онъ ее съ пищей проглотитъ.

Фельдшеръ опять вернулся къ ослу, пальцемъ открылъ ему вѣки и посмотрѣлъ въ глаза.

— Не ѣстъ?

— Плохо.

— Къ ночи подохнетъ. И къ ветеринару зря ходить.

Лука кивнулъ головой.

— Ну, пойдемъ, Сѣрый...

А куда идти—онъ, покуда, и самъ не зналъ. Явиться съ нимъ обратно въ лагерь онъ не могъ. Прошли они вмѣстѣ до конца деревни и свернули на огородъ. Лука втиснулъ охапку соломы, которую все еще держалъ подъ рукою, между жердями изгороди, а самъ перелѣзъ черезъ ограду. Уже съ другой стороны онъ погладилъ Сѣраго между ушами.

— Ну, прощай, милашка... Намъ, видно, съ тобой не по пути... Оставилъ бы тебѣ воды, да не во что... Ну...

Махнувъ рукою, онъ повернулся и полями пошелъ къ лагерю.

Влѣво по дорогѣ по одиночкѣ тащились раненые. Шагомъ ѣхали открытыя арбы, и оттуда виднѣлись качавшіяся головы. Вдали уже бѣлѣли палатки, и Лука равнодушно замѣтилъ, что ихъ убирали. Тяжелыя колеса глухо стучали по изрытой просохшей дорогѣ, вдали гремѣли раскаты канонады, и сквозь эти знакомые и надоѣвшіе, какъ удары маятника, звуки, Лука услышалъ частые мелкіе шаги за собой.

Онъ остановился и оглянулся. Въ десяти шагахъ стоялъ Сѣрый и скорбно глядѣлъ на него.

Лука не трогался съ мѣста, не зная, что дѣлать. И почудилось ему, что, помимо ихъ воли, судьба столкнула и неразрывно связала ихъ, чтобы идти для неизвѣстной имъ цѣли дальше. Истекающее кровью животное стало его тѣнью. Его охватилъ суевѣрный страхъ. Онъ уже хотѣлъ бѣжать отъ Сѣраго, какъ отъ бѣды. Ему подумалось даже, что околѣвающее животное знаетъ впередъ больше, чѣмъ онъ самъ, и сейчасъ скажетъ ему человѣческимъ голосомъ: „погоди, землякъ—все одно намъ по пути“... Ни свѣтъ, ни движеніе живыхъ людей по дорогѣ не могли разсѣять овладѣвшаго имъ жуткаго чувства. Онъ тихо повернулся и пошелъ, слѣдя ухомъ за собой. Опять мелкіе, частые шаги сзади.

Лука передвинулъ фуражку съ одного бока на другой и опять остановился.

— Не уйтить мнѣ отъ тебя, покуда не издохнешь.

Тутъ же легъ на землю, точно дѣйствительно хотѣлъ переждать смерти своего неотвязнаго спутника.

Неподвижно лежалъ онъ, глядя въ небо и ожидая, что вотъ-вотъ Сѣрый приблизится къ нему и шепнетъ ему на ухо неизвѣстное слово. Но Сѣрый молчалъ, а въ его хриплюмъ дыханіи, въ гнетущей тяжести раскаленнаго воздуха, въ своихъ собственныхъ спутанныхъ мысляхъ Лука чуялъ что-то недоговоренное и непонятное.

Такъ пролежалъ онъ, можетъ быть, часъ, можетъ быть, всего нѣсколько минутъ, и до слуха его донесся чей-то голосъ, какъ будто его звавшій. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ идущаго прямо на него солдата. Когда тотъ сталъ ближе, Лука узналъ Зайца и сѣлъ.

— Потугинъ! Чортъ глухой! Оселъ слышитъ, а тебѣ ни по чемъ...

Заяцъ поравнялся съ нимъ и безъ лишнихъ разговоровъ, зашелъ за Сѣраго и погналъ его къ лагерю.

VIII.

Для Луки и для Сѣраго нашлось подходящее дѣло.

Два батальона стрѣлковъ минувшей ночью должны были занять передовые окопы, но они оказались уже занятыми непріятелемъ. Нашихъ стрѣлковъ оттуда неожиданно встрѣтили жестокимъ огнемъ. На разсвѣтѣ они опять пытались пойти въ атаку, но были отбиты. Люди окопались какъ могли и засѣли въ крайне неудобной мѣстности, непрерывно отстрѣливаясь. Патроны были израсходованы. Изъ резерва пустили дополнительную патронную двуколку, но до мѣста она не доѣхала. На бугрѣ, по пути, ее подшибло гранатой.

Разсказавъ объ этомъ, Заяцъ, однако, не пояснилъ, для какого дѣла требовали Луку и Сѣраго. Лука, впрочемъ, и не любопытствовалъ на этотъ счетъ. Онъ это смутно предвидѣлъ и теперь съ облегченіемъ сознавалъ только одно: и онъ, и Сѣрый перестали быть лишними.

Лагерь снимался съ мѣста и ночью долженъ былъ двинуться въ подкрѣпленіе. Свободные солдаты молча послѣдовали за Лукой. Имъ, видимо, было извѣстно о его назначеніи. Кто-то вслухъ усомнился относительно Сѣраго. Дойдетъ ли онъ?

— Дойдетъ,—увѣренно объявилъ Заяцъ,—у него задняя нога подыгрываетъ.

Черезъ обмелѣвшую рѣку всѣ переходили вбродъ, но Лукѣ Заяцъ предложилъ снять новые сапоги и самъ бережно понесъ ихъ.

Офицеры были за рѣкой и съ нагорнаго берега смотрѣли въ бинокли. Въ разстояніи версты на отлогой возвышенности одиноко торчала покосившаяся двуколка съ разбитымъ колесомъ. Убитой лошади не было видно. Уцѣлѣвшій солдатъ, вернувшійся еще утромъ, доложилъ, что самый ящикъ остался невредимъ. Отъ верхняго угла ящика досадно возвышался забытый прутъ съ краснымъ флагомъ, привлекая на себя выстрѣлы. Кругомъ падали гранаты, но все время давали недолетъ.

Офицеры сидѣли и лежали на землѣ, чтобы быть незамѣтными. Лукѣ тоже приказали сѣсть.

Капитанъ Дымша безъ фуражки, съ очками, спущенными на носъ, и съ биноклемъ, висящимъ на ремнѣ у подбородка, отечески обратился къ нему:

— Здравствуй, Потугинъ. Въ строю тебѣ дѣлать нечего—самъ знаешь. Ну-ка, иди охотникомъ... А? Дѣло я для тебя нашелъ...

Лука улыбнулся и шевельнулъ плечомъ.

— И для тебя и для твоего пріятеля. Гдѣ онъ?

— Это Сѣрый? Онъ, ваше высокородіе, пониже остался, съ ребятами.

— Ну такъ вотъ—гляди туда. Видишь, тамъ двуколка застряла. Они, черти, ее обязательно разобьютъ. А патроновъ жалко, надо забрать. Мѣсяца два назадъ у насъ тутъ три ослика были. Отлично подносили патроны въ цѣпи. Донесутъ, ихъ тамъ разгрузятъ и назадъ погонятъ. Да, жалко, побило ихъ. Ну, теперь твоего можно пустить. Все равно ему околѣвать.

— Такъ точно, ваше высокородіе: чѣмъ зря околѣвать, лучше послужить.

— Дойдешь съ нимъ до двуколки. На спину ему можно мѣшки. Нагрузишь ихъ патронами и пустишь. Ну, не пойдетъ—потолкай его, самъ проведи... покуда возможно... Потомъ назадъ и вторично такимъ же манеромъ, покуда... ну, покуда есть возможность... Понимаешь?

— Такъ точно...

Лука вдругъ почувствовалъ, что ему сидѣть неудобно и ремень винтовки оттягиваетъ ему плечо. Онъ передернулъ его и поднялся на колѣни. Въ это время гулкій снарядъ, перелетѣвъ черезъ двуколку, ударился въ землю нѣсколько ближе къ зрителямъ.

— Однако, это ужъ перелетъ,—строго сказалъ Дымша, двумя пальцами водворяя очки на мѣсто и одѣвая фуражку. Затѣмъ тоскливо посмотрѣлъ назадъ черезъ рѣку и, преувеличенно зѣвая, обратился къ офицерамъ:

— А что, господа, не пойти ли намъ позавтракать? Здѣсь ужъ очень жарко.

Офицеры молча согласились и сейчасъ же двинулись къ рѣкѣ, кто бокомъ, кто на четверенькахъ, точно дѣти, играющіе въ индѣйцевъ.

Лука неожиданно всталъ во весь ростъ.

— Ваше высокородіе! Дозвольте одно слово... Ежели, случится, убьютъ—прикажите похоронить.

Дымша замахалъ на него руками.

— Сиди, сиди! Чего всталъ? А впередъ загадывать нечего. Живѣе насъ будешь.

Лука не сѣлъ и медленно пошелъ къ берегу. Внизу солдаты навѣшивали Сѣрому вещевые мѣшки. Заяцъ вертѣлся около нихъ, размахивая сапогами. Увидѣвъ Луку, онъ поднялся къ нему. Оба сѣли.

— Слышь, Лука, а положеніе твое мокрое.

Лука молчалъ.

— И зачѣмъ пришелъ? Никакого нѣтъ развитія у тебя въ головѣ.

Осматривая и щупая со всѣхъ сторонъ сапоги, Заяцъ, какъ бы мимоходомъ, спросилъ:

— Обуваться станешь, или босой пойдешь?

— Все одно...

— Нѣтъ не одно—босому легче.

Видя, что Лукѣ не до сапогъ, Заяцъ заботливо посовѣтывалъ ему.

— У командира просилъ объ себѣ. Этотъ забудетъ. Ты бы лучше у земляковъ попросилъ...

Но видя, что Лука и на это замѣчаніе ему не отвѣчаетъ Заяцъ растянулся на спинѣ и забылъ о новыхъ сапогахъ о бутылкѣ съ надписью „для внутренняго употребленія“, и вмѣстѣ со взоромъ, устремленнымъ въ ясное небо, мысли его отдѣлились отъ палатокъ, пьянства и осатанѣлаго сидѣнья на позиціяхъ.

— А меня ежели ухлопаютъ, пущай птицы склюютъ мое сердце и подымутъ надъ землей. Не хочу въ землю. Она тутъ измученная. Тяжело въ ней лежать. А ежели невзначай, такъ лучше помереть, ей-богу. Надоѣло до-смерти тутъ болтаться. Когда еще домой? Конца краю не видно.

Полетъ мыслей Зайца устремился еще выше.

— И какой сатана водитъ насъ тутъ, скажи пожалуйста? Сколько народу насъ, а никто не знаетъ. У любого спроси— заморгаетъ глазами, вродѣ какъ твой оселъ, и никакого объясненія. Я думаю, во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого субъекта, который сумѣлъ бы объяснить. Да что объяснять! Надо доказать на практикѣ. Тутъ одного субъекта мало. Тутъ надо всѣмъ сразу подняться умомъ.

Но Лука не слушалъ Зайца. Его мысли были гораздо ближе къ землѣ и съ болѣзненной, непривычной для него остротой, сосредоточены у одной опредѣленной цѣли.

Черезъ рѣку, шумно плеская ногами, перешелъ взводъ саперъ и расположился на берегу. Ночью они должны были идти впередъ для земляныхъ работъ. Одинъ изъ солдатъ вынулъ изъ чехла свою короткую лопату и камнемъ сталъ отбивать погнувшійся край. Лука долго смотрѣлъ на его работу, временами щуря глаза отъ ослѣпительнаго блеска металла подъ солнцемъ. Потомъ поднялся на ноги и пошелъ къ рѣкѣ.

Заяцъ замѣтилъ его движеніе и присѣлъ, зорко наблюдая за нимъ.

Лука взялъ у одного солдата лопату, у другого другую и съ двумя лопатами подъ мышкой вернулся обратно.

— Подсоби Заяцъ, коли такъ,—сказалъ онъ съ удивленной улыбкой, проходя мимо.

Заяцъ, не глядя на него, тихо спросилъ:

— А какъ пойдешь, босой?

Лука остановился и точно вспомнилъ о надоѣвшемъ ему дѣлѣ.

— Ну, ладно, не ломайся. Бери сапоги... твои будутъ.

Заяцъ, какъ бы нехотя, поднялся и послѣдовалъ за Лукой. Прошли они шаговъ сто. Лука остановился и оглядѣлся вокругъ, выбирая мѣсто, потомъ махнулъ рукой и сталъ рыть лопатой тамъ, гдѣ стоялъ. Земля была вспахана весной, но не засѣяна. Лопата забирала легко.

— Что еще задумалъ?—спросилъ Заяцъ, притворяясь непонимающимъ.

Лука строго и укоризненно посмотрѣлъ въ красные глаза Зайца, не вѣря его притворству.

— Самъ сторговался и спрашиваетъ, за что... Дай-ка сюда сапоги на время.

Работать босому было неудобно, и Лука обулся. Заяцъ вздохнулъ и тоже принялся за дѣло.

— Что-жъ, не тебѣ, такъ мнѣ. Всякому пригодится. Никто не отказывайся.

Пришли двое саперъ, у которыхъ были взяты лопаты, а съ ними нѣсколько солдатъ изъ лагеря.

Постояли, потоптались, помолчали. Кто-то сурово и глухо промолвилъ:

— Шелъ бы, Лука Потугинъ, по своему дѣлу, чѣмъ заниматься. Безъ тебя устроютъ.

— Ничего,—отозвался другой голосъ побойчѣе и съ усмѣшкой—самъ для себя лучше постарается.

Заяцъ опасался замѣчаній на свой счетъ, а потому поспѣшилъ осадить шутника:

— Молчи, балда! Чѣмъ пустое звонить, лучше бы шапку снялъ!

Тихо, какъ бы украдкой, одинъ за другимъ обнажили головы. Говорили вполголоса. Лука и Заяцъ стояли въ ямѣ уже по поясъ. Трескучіе снаряды стали чаще падать около двуколки. Одинъ, съ большимъ перелетомъ, заставилъ всѣхъ колыхнуться, но никто не присѣлъ.

Опять тотъ же суровый голосъ послышался изъ толпы:

— Будетъ тебѣ, Лука Потугинъ. Вылѣзай. Твой рысакъ дожидается.

Заяцъ выскочилъ изъ ямы, а Лука повернулъ голову, кого-то отыскивая, и, найдя, радостно улыбнулся. Между стоящими, выдѣляясь впередъ, глядѣла понурая голова Сѣраго. Ихъ глаза приходились почти вровень. Кто-то смасте-

рилъ ему недоуздокъ изъ холщевыхъ ремней, придававшій его тощей фигурѣ еще болѣе мизерный и растерянный видъ. По бокамъ у него висѣли два мѣшка.

Лука снялъ сапоги и вмѣстѣ съ лопатой передалъ ихъ Зайцу. Потомъ вылѣзъ изъ ямы. Передъ нимъ разступились. Онъ чувствовалъ, что всѣ смотрятъ на него, можетъ быть, жалѣютъ его, и не рѣшался поднять глаза. Стѣсняло его, что всѣ молчатъ, а ему самому нечего было сказать. Прямо таки ни слова не придумать.

Но кто-то неожиданно громко вскрикнулъ:

— Счастливо тебѣ, Лука Потугинъ! Возвращайся!

Онъ поднялъ глаза и, увидѣвъ кругомъ хмурыя, точно сердитыя лица, опять опустилъ ихъ. Потомъ сказалъ, прислушиваясь къ своему голосу:

— Нѣтъ, братцы,—не вернуться мнѣ!..

— Ну, Богъ дастъ.

— Нѣтъ, не вернуться. А ежели кого обидѣлъ—простите. Возноситься я не желаю. Зачѣмъ я буду передъ земляками задаваться? Мнѣ велѣли идти—я и пошелъ... Храбрости во мнѣ мало—это дѣйствительно... Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ.

— Да ужъ что тамъ... Вѣримъ! Собирайся.

Кто-то одѣлъ на голову Луки забытую на краю ямы фуражку, перекинулъ черезъ плечо винтовку. Онъ сразу заторопился. Осмотрѣлъ Сѣраго, пожалъ нѣсколько протянутыхъ рукъ и, взявъ короткій поводокъ недоуздка, потянулъ его за собой.

IX.

Впереди, насколько хватало зрѣнія, было пусто и безлюдно. Пологіе холмы пестрѣли желтыми и бурыми пятнами, точно забросанные цыновками. Лука туда и смотрѣть не сталъ и всѣмъ своимъ существомъ устремился на красный флажекъ двуколки. Она тянула къ себѣ какъ единственное прикрытіе среди поля. Сѣрый плохо шелъ, и его нужно было тащить.

Дойдя до двуколки, Лука сѣлъ на землю съ тыльной стороны и посмотрѣлъ туда, откуда пришелъ. На высокой линіи берега, закрывавшаго лагерь, людей на было видно. Солдаты, вѣроятно, прилегли, а, можетъ быть, ушли, забывъ и Луку, и Сѣраго. Это показалось ему въ порядкѣ вещей. Все, что происходило съ нимъ теперь, было давно намѣчено. Никакихъ желаній онъ не имѣлъ и не хотѣлъ ничему противиться. Въ мѣшкѣ на Сѣромъ что-то выдавалось угломъ,

вѣроятно, край хлѣба, положенный земляками. Это было тоже необходимо, хотя ѣсть онъ совершенно не хотѣлъ.

Отдохнувъ ровно столько, сколько по его разсчету было нужно, Лука обошелъ двуколку, перешагнулъ черезъ трупъ лошади, снялъ красный флагъ, открылъ крышку ящика и сталъ накладывать патроны, поровну въ оба мѣшка.

Сѣраго теперь не нужно было погонять. Почувствовавъ тяжесть на спинѣ, онъ понялъ, что служба началась, и самъ пошелъ впередъ слабымъ неровнымъ шагомъ.

„Не дойдетъ“—думалъ Лука, заботливо слѣдя за нимъ изъ-подъ двуколки.

Впереди ни одной живой точки, ни дымка. Только ухомъ чуется, что тамъ происходитъ бѣдовое дѣло. Идетъ ружейная трескотня, точно кто ломаетъ сухую лучину на растопки.

Сѣрый сталъ едва замѣтенъ. За пригоркомъ ясно бѣлѣли только два мѣшка да уши между ними. На минуту уши затряслись, а мѣшки заколыхались. Лука поднялся на ноги и вышелъ изъ-за своего прикрытія. Онъ ожидалъ, что уши сейчасъ перестанутъ быть видны. Такъ и случилось. Это значитъ, Сѣрый упалъ на переднія ноги. Постоялъ въ этомъ положеніи нѣсколько секундъ и свалился на правый бокъ.

Все происходило такъ, какъ было назначено. Лука нисколько не удивился и не опечалился. Его кольнуло только сожалѣніе, что все происходитъ такъ быстро. Солнце еще высоко, день великъ, и такъ невыразимо тяжело этотъ сіяющій день отнять отъ себя. Но, взглянувъ на бѣлѣющій вдали мѣшокъ, онъ вспомнилъ, что ему некогда, и сказалъ:

— Не иначе какъ мнѣ самому идти.

Бросилъ на землю винтовку (теперь ужъ она была ему не нужна) и, чуть нагнувшись, побѣжалъ впередъ, припадая на одну ногу. Когда нѣсколько пуль свиснули мимо его ушей, онъ присѣлъ и поползъ на четверенькахъ. Въ этомъ положеній онъ самъ надъ собой посмѣялся: „Прежде Сѣрый за мной, а теперь я за нимъ поползъ“. Но долго такъ двигаться было неудобно, и Лука пошелъ перебѣжками. Присядетъ, отползетъ въ сторону, чтобы уйти отъ прицѣла, и пробѣжитъ шаговъ десять впередъ.

Сѣрый, лежащій между двумя мѣшками, былъ уже близко и Лука заранѣе видѣлъ себя приникшимъ къ землѣ, около его спины. Онъ одной лѣвой рукой развязываетъ ремень, но это ему не удается. Затѣмъ одна нѣжно пѣвучая пуля должна была скользнуть по бедру Сѣраго и какъ отъ гвоздя оставить царапину на кожѣ. Сѣрый не дрогнетъ, и это докажетъ, что онъ уже издохъ. Тутъ Луку одолѣетъ жалость, и онъ головой приляжетъ къ шеѣ Сѣраго, зароется лицомъ подъ его жесткую, еще горячую, гривку и вспомнитъ, какъ

хотѣлъ взять его къ себѣ въ деревню. Все это онъ предвидѣлъ, и все незамѣтно такъ и случилось.

Но одно обстоятельство оказалось неожиданнымъ. Пришло ему на умъ, что теперь онъ своимъ тѣломъ закрываетъ Сѣраго, какъ наканунѣ Сѣрый закрывалъ его. Только тутъ онъ увидѣлъ, что онъ уже лежитъ, и все уже произошло на яву. О дальнѣйшемъ онъ пересталъ думать и чувствовалъ одинъ жгучій, обезсиливающій страхъ. Спина его открыта и его сейчасъ убьютъ. Онъ повернулъ голову и отчаянно закричалъ:

— Эй, ребята! Слушай!

Но никто не отозвался. Только назойливая удручающая трескотня доносилась, точно изъ-подъ земли.

Лука сталъ считать секунды. Если до десяти онъ еще не будетъ раненъ, то встанетъ и пойдетъ дальше. Насчиталъ десять, двадцать, тридцать и сбился со счету. Неожиданно вспомнилось ему, какъ онъ самъ говорилъ капитану про Сѣраго: „Чѣмъ зря околѣвать, лучше пустъ послужитъ“.

Это мысль какъ будто поубавила въ немъ страху. Онъ сѣлъ и принялся за ремень. Пальцы по-прежнему тряслись, но узелъ былъ развязанъ. Лука торопливо взвалилъ одинъ мѣшокъ себѣ на спину. Онъ оттянулъ туловище назадъ и сидѣть стало неудобно. Но эта же тяжесть, лучше всякихъ доводовъ, напомнила ему, что онъ навьюченъ и нужно тащить свою ношу.

И Лука пошелъ.

Первая пуля ущипнула его за правый локоть. Боли не было, а только рука сама собой опустилась. Пришлось держать ремень одной лѣвой рукой. Вторая пуля попала въ лѣвый бокъ на высотѣ пояса, точно кто ударилъ хлыстомъ.

Слѣдующихъ ранъ Лука уже не замѣчалъ и чувствовалъ, что слабѣетъ съ каждымъ шагомъ. Впереди себя увидѣлъ тощій кустикъ, обожженный снарядомъ, и рѣшилъ дойти до него и сѣсть. Но странно, что кустикъ не становился ближе, а удалялся. Кто-то закричалъ впереди, но Лука не обратилъ вниманія и хотѣлъ только отдохнуть. Изъ канавы махалась фуражка, поднятая на штыкъ, но и это ничуть не подѣйствовало на него. Имъ овладѣла спокойная увѣренность, что ни передъ кѣмъ, ни передъ чѣмъ онъ больше не отвѣчаетъ.

— Махай, не махай,—подумалъ онъ,—а дальше не пойду. Шабашъ...

Хотѣлъ тутъ же прилечь, но споткнулся на ровномъ мѣстѣ и упалъ навзничь. Попробовалъ повернуться на бокъ, но не хватило силъ. Вытянулъ въ сторону руку, для чего-то

сталъ царапать пальцами землю и при этомъ напослѣдокъ вспомнилъ:

— Яма больно далеко.

И затѣмъ пересталъ сознавать, что съ нимъ происходитъ.

Ночью рота Дымши была неожиданно послана впередъ. Передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня саперамъ приказали расширить яму, вырытую Лукой. Туда сложили человѣкъ двадцать убитыхъ нижнихъ чиновъ, но попалъ ли туда Лука Потугинъ — объ этомъ никто не зналъ.

Вл. Табуринъ.

Политическія выступленія парижскихъ секцій во время великой революціи.

(Памяти Николая Өедоровича Анненскаго).

I.

Каждый, кто читалъ какую-нибудь, хотя бы и не очень подробную исторію революціи, не могъ не встрѣтиться съ названіемъ „парижскія секціи“ и съ бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ упоминаній объ ихъ участіи въ событіяхъ этой бурной эпохи [1]. Едва ли, однако, читатели разныхъ исторій революціи вынесли изъ своего чтенія сколько-нибудь ясное представленіе о томъ, что такое были эти секціи. Сами историки революціи, даже наиболѣе крупные, очень мало говорятъ о секціяхъ и совсѣмъ, обыкновенно, не входятъ въ ихъ внутреннюю жизнь. Между тѣмъ отъ сорока восьми парижскихъ секцій революціонной эпохи осталась масса бумагъ, разбросанныхъ по разнымъ парижскимъ архивамъ, дающимъ въ руки историку богатый матеріалъ по этому предмету.

Правда, матеріалъ этотъ уже давно печатается, но историковъ, къ нему обращавшихся, было до послѣдняго времени очень мало, да и тѣ, которые имъ пользовались, большею частью приводили только выдержки изъ секціонныхъ документовъ по отдѣльнымъ вопросамъ, не указывая притомъ точно архивовъ, гдѣ хранятся подлинники и не отмѣчая нумеровъ картоновъ, связокъ или регистровъ, въ которыхъ находили свои документы. Такъ поступали Бюшезъ и Ру, составители сорокатомной „Парламентской исторіи французской революціи“, предпринятой въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, и совершенно то же самое приходится сказать о Мортимеръ-Терно, авторѣ восьмитомной, оставшейся неоконченною, „Исторіи террора“, начатой въ шестидесятыхъ годахъ. Къ сожалѣнію, значительная часть матеріала, которымъ пользовались

[1] Въ новомъ романѣ Анатоля Франса „Les dieux ont soif“, который имѣется и въ рус. пер., тоже очень часто упоминаются секціи, членомъ одной изъ которыхъ былъ, между прочимъ, и герой этого романа.

названные писатели, сгорѣла, во время усмиренія парижской коммуны 1871 г.: однихъ регистровъ, т. е. переплетенныхъ томовъ съ разнаго рода протоколами, погибло тогда около трехъ съ половиною сотенъ!

Какъ ни важно то, что было спасено для исторической науки Бюшезомъ и Мортимеръ-Терно, все таки ими ничего не было сдѣлано для освѣщенія внутренней жизни, организаціи и дѣятельности этихъ своеобразныхъ общественныхъ „коллективовъ", носившихъ названіе парижскихъ секцій. Первый, кто предпринялъ изслѣдованіе вопроса о томъ, чѣмъ были и какъ жили парижскія секціи, былъ молодой, рано умершій французскій историкъ Э. Меллье, издавшій въ 1898 г. книгу „Парижскія секціи въ эпоху французской революціи". Habent sua fata libelli: трудъ Меллье, не смотря на новизну своей темы, почему-то оставался мало извѣстнымъ, т. е. о немъ какъ-то совсѣмъ не писали, и вообще на него очень мало ссылались; повидимому, нѣкоторые новѣйшіе авторы работъ по французской революціи и не знали о его существованіи. Во всякомъ случаѣ, только послѣ появленія книги Меллье мы впервые могли узнать о внутреннемъ устройствѣ и дѣятельности секцій въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ XVIII вѣка.

Въ прошломъ, 1911 году вышелъ въ свѣтъ еще одинъ крупный трудъ (громадный томъ съ 1.236 стр.), посвященный исторіи секцій, но на этотъ разъ уже исторіи ихъ политическаго выступленія во второй половинѣ 1792 г., когда во Франціи произошло крушеніе монархіи, въ которомъ секціи принимали самое живое участіе. Я говорю объ изслѣдованіи молодого французскаго ученаго Ф. Брэша (Ph. Braesch) „Коммуна 10 августа 1792 г.".

Къ сожалѣнію, этотъ капитальный трудъ вышелъ въ свѣтъ, когда мною уже была напечатана почти вся статья „Парижскія секціи временъ французской революціи" [1]), для которой я имѣлъ возможность воспользоваться кое-какимъ неизданнымъ матеріаломъ, собраннымъ мною во время двухъ поѣздокъ въ Парижъ въ 1911 г. Книга Брэша дала бы для этой моей работы не мало интереснаго матеріала, но я могъ изъ нея воспользоваться очень немногимъ, только къ концу печатанія статьи и лишь для приложенныхъ къ ней плановъ Парижа съ его 48 секціями. Впрочемъ, надъ исторіей секцій я буду еще продолжать работать и, между прочимъ, уже имѣю въ распоряженіи и совсѣмъ свѣжій архивный матеріалъ собранный во время зимняго пребыванія въ Парижѣ 1911—1912 г и теперь опубликованный [2]).

Прибавлю, что болѣе къ детальному ознакомленію съ исторіей парижскихъ секцій я обратился, желая провѣрить рядъ мнѣній,

---

[1]) Вошла въ составъ XVI тома „Историческаго Обозрѣнія", издаваемаго Истор. Общ. при Спб. унив., и имѣется въ видѣ отдѣльной брошюры.

[2]) Н. Карѣевъ. Неизданные документы парижскихъ секцій. 1912 г. (въ „Зап. Имп. Ак. Наукъ" и отдѣльно).

высказанныхъ о нихъ П. А. Кропоткинымъ въ его книгѣ „Великая французская революція“, съ которою я познакомилъ читателей „Русскаго Богатства“ въ большомъ критическомъ ея разборѣ, напечатанномъ въ 1910 г. Авторъ этой интересной книги приписываетъ секціямъ очень важное значеніе, какъ носительницамъ идеи коммунальной автономіи въ борьбѣ съ централистическимъ „этатизмомъ“, и при томъ стремившимися, по его представленію, къ соціализаціи промышленности и обмѣна. Въ секціяхъ, по его мнѣнію, была душа революціи, отнюдь не въ законодательныхъ собраніяхъ, не въ комитетѣ общественнаго спасенія, не въ якобинскомъ клубѣ. Многое, высказанное Кропоткинымъ, имѣетъ подъ собою фактическую основу, но многое является результатомъ предвзятыхъ взглядовъ, недоразумѣній и увлеченій.

Продолжая заниматься исторіей секцій, какъ темою, и безъ того поставленною на очередь новѣйшей французской исторіографіей, въ настоящей статьѣ я далеко не думалъ о какомъ-либо подведеніи итоговъ подъ тѣмъ, что уже сдѣлано въ исторической наукѣ по вопросу о секціяхъ. Послѣднему я отчасти и посвятилъ упомянутую выше свою работу, имѣющую во многихъ отношеніяхъ чисто справочный характеръ. Цѣль настоящей статьи—дать широкому кругу читателей общаго журнала нѣкоторое представленіе о политической роли парижскихъ секцій, при чемъ я буду позволять себѣ ссылаться на свою работу для тѣхъ изъ читателей, которые пожелали бы узнать о томъ или о другомъ больше, нежели я имѣю возможность говорить въ настоящей статьѣ.

II.

Старый, дореволюціонный Парижъ дѣлился въ церковномъ отношеніи на 47 приходовъ, въ полицейскомъ—на 20 кварталовъ, съ подраздѣленіемъ ихъ на коммиссарства, которыхъ было 48, а въ административно-хозяйственномъ—на 16 кварталовъ, оставшихся еще неизмѣнными съ XIV в., при чемъ границы этого трояваго раздѣленія были страшно перепутаны. Нужно еще имѣть въ виду, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ лишь о тогдашней территоріи Парижа, заключенной во вторую линію бульваровъ [1]). Когда для выборовъ въ генеральные штаты 1789 г. пришлось создавать избирательные участки, то таковыми были сдѣланы такъ называемые дестрикты, остававшіеся офиціальнымъ дѣленіемъ Парижа въ первый годъ революціи.

Какъ извѣстно, съ лѣта 1789 г. по всей Франціи совершалось коммунальное движеніе. Въ эпоху полнаго крушенія стараго порядка, когда въ странѣ происходила стихійная анархія („l'anarchie

---

1) Monin. État de Paris en 1789. стр. 26—27 и 501.

spontanée“ Тэна), одновременно начиналась и организаціонная работа снизу, именно въ отдѣльныхъ общинахъ, устанавливавшихъ у себя новые порядки и вступавшихъ потомъ въ сношенія между собою, федерировавшихся. Это коммунальное движеніе выразилось въ Парижѣ, съ одной стороны, въ образованіи новаго общиннаго совѣта и національной гвардіи, съ другой, въ томъ, что и дистрикты почувствовали себя маленькими коммунами и стали стремиться къ автономіи [1]). Въ началѣ лѣта 1790 г. учредительное собраніе замѣнило раздѣленіе Парижа на 60 дистриктовъ новымъ — на 48 секцій, но и въ этихъ новыхъ единицахъ, изъ которыхъ складывалась столичная коммуна Франціи, проявился тотъ же духъ независимости, проявилось стремленіе къ автономіи.

Изъ двадцати округовъ, на которые дѣлится теперешній Парижъ, въ составъ тогдашняго входило лишь двѣнадцать, образовавшихся изъ соединенія въ каждомъ округѣ четырехъ секцій, созданныхъ въ 1790 г. [2]). Если не въ каждой изъ нихъ, то въ очень многихъ, былъ, такъ сказать, свой спеціальный составъ населенія, что отражалось, хотя далеко не всегда, на политическомъ настроеніи и поведеніи секцій [3]). Наиболѣе революціонными были, какъ извѣстно, секціи двухъ рабочихъ предмѣстій, Сентъ-Антуанскаго и Сентъ-Марсельскаго, составлявшихъ восточную окраину тогдашняго Парижа. Въ особенности въ первомъ изъ нихъ, на правомъ берегу Сены, отличалась своимъ бурнымъ характеромъ секція, носившая названіе Quinze-Vingts, а во второмъ, на лѣвомъ берегу рѣки, секція Гобеленовъ; отсутствіе, въ тогдашнемъ Парижѣ, моста между ними служило не малымъ препятствіемъ въ ихъ совмѣстныхъ выступленіяхъ. Въ исторіяхъ французской революціи эти секціи чаще всего и упоминаются. Въ своемъ капитальномъ трудѣ Брэшъ для второй половины 1792 г. раздѣлилъ всѣ парижскія секціи на четыре категоріи: демократическія, умѣренно-демократическія, умѣренно-консервативныя и консервативныя [4]); но онъ замѣчаетъ при этомъ, что, наприм., для мая 1793 г. карта Парижа получила бы другой видъ: настроеніе иныхъ секцій мѣнялось подъ вліяніемъ событій и перевѣса въ нихъ, въ разное время, тѣхъ или другихъ элементовъ населенія. Слѣдить за исторіей секцій бываетъ трудно иногда и по чисто внѣшней причинѣ: нѣкоторыя изъ нихъ перемѣняли (и

---

[1]) L. Foubert. L'idée autonomiste dans les districts de Paris en 1789 et 1790 (статья въ журналѣ Олара „La Révolution Fransaiçe“ за 1895 г.). Кое-какіе факты той же категоріи см. въ книгѣ В. М. Устинова „Ученіе о народномъ представительствѣ“ (1912), т. I, стр. 481 и слѣд.

[2]) См. планъ Парижа, раздѣленнаго на секціи, въ приложеніяхъ къ моей работѣ „Парижскія секціи“ и объяснительный къ нимъ текстъ, стр. 85 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 91—93 и 99.

[4]) Его планъ Парижа я воспроизвелъ въ одномъ изъ плановъ, приложенныхъ къ моимъ „Парижскимъ секціямъ“.

при томъ не одинъ разъ) свои названія, такъ что для 48 секціи я насчиталъ въ общей сложности вдвое больше (97) названій [1]). Если, напр., секція Quinze-Vingts такъ все время и называлась, то Гобелены переименовали себя въ Финистеръ, и т. п.

Новое раздѣленіе на секціи было дано Парижу декретомъ 21 мая—27 іюня 1790 г. [2]). Этотъ декретъ носитъ на себѣ слѣды заботъ Національнаго собранія, чтобы отдѣльные кварталы столицы не считали себя самостоятельными единицами, а именно лишь отдѣленіями (sections) парижской общины (коммуны). Въ каждой секціи должны были существовать двоякаго рода собранія: первичныя для выборовъ (и только для выборовъ) и общія для обсужденія разнаго рода дѣлъ, созывавшіяся по требованію извѣстнаго числа гражданъ. На практикѣ, однако, это раздѣленіе не соблюдалось, и собранія принимали очень часто смѣшанный характеръ. Участвовать въ нихъ могли одни активные граждане, т. е. тѣ парижане, достигшіе 25 лѣтъ и не находившіеся ни у кого въ услуженіи, которые платили прямой налогъ въ размѣрѣ заработка за три дня. Такихъ гражданъ на весь Парижъ насчитывалось въ 1790 г. около 80 тысячъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ секціяхъ не было ихъ и одной тысячи, а въ другихъ по двѣ тысячи и болѣе, до почти четырехъ въ одной секціи [3]). Когда избирательный цензъ былъ отмѣненъ, число членовъ секцій увеличилось вдвое.

Собранія секцій вели свои протоколы. Если бы всѣ протоколы всѣхъ секцій сохранились, мы имѣли бы громадный матеріалъ, который позволилъ бы намъ самымъ подробнымъ образомъ знать, что дѣлалось въ секціяхъ за все время ихъ существованія, но многое неизвѣстно гдѣ пропало, а остальное почти все погибло въ пожарѣ въ 1871 г. Я уже упомянулъ о 340 регистрахъ сгорѣвшихъ въ это время, и то, что сохранилось, уже даетъ намъ понять, чего лишилась въ этихъ регистрахъ историческая наука [4]).

Внутренняя исторія секцій заключается въ томъ, что онѣ все болѣе и болѣе, при томъ, такъ сказать, явочнымъ порядкомъ или захватнымъ правомъ расширяли кругъ своей дѣятельности, что прекрасно выяснено въ книгѣ Меллье, который впервые познакомилъ насъ съ этимъ предметомъ [5]). Исполнительнымъ органомъ въ каждой секціи и посредствующимъ звеномъ между нею и общиннымъ управленіемъ былъ такъ называемый гражданскій комитетъ, на который съ теченіемъ времени возлагалось все бóльшее количество обязанностей [6]), и рядомъ съ которымъ суще-

---

[1]) Парижскія секціи, стр. 88—90.

[2]) Тамъ же, стр. 23—24.

[3]) См. тамъ же особую карту и текстъ къ ней на стр. 90—91.

[4]) Брэшъ недавно издалъ протоколы общихъ собраній одной секціи (des Postes) съ дек. 1790 по сент. 1792 г. Изъ уцѣлѣвшихъ регистровъ большія извлеченія и напечатаны мною въ „Неизданныхъ документахъ“.

[5]) Ср. стр. 485 и слѣд. I тома книги В. М. Устинова.

[6]) Парижскія секціи, 42 и слѣд.

ствовали другіе комитеты и комиссіи спеціальнаго характера [1]), но наибольшимъ значеніемъ пользовались такъ называемые комитеты для надзора, болѣе извѣстные подъ именемъ революціонныхъ комитетовъ [2]).

О послѣднихъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ отдѣльно. Муниципальный законъ 1790 г., раздѣлившій Парижъ на 48 секцій, въ то же время передалъ общинному управленію исполненіе полицейскихъ обязанностей, частью попавшихъ въ руки гражданскихъ комитетовъ секцій. Осенью 1792 г., уже послѣ паденія монархіи, городское управленіе въ спеціально полицейскихъ цѣляхъ учредило въ секціяхъ особые комитеты, которые потомъ и прославились подъ названіемъ революціонныхъ. Это были органы сыска и охраны, составлявшіе списки неблагонадежныхъ („подозрительныхъ"), выдававшіе свидѣтельства о благонадежности („цертификаты цивизма"), производившіе обыски, выемки, аресты, отдававшіе подозрительныхъ подъ надзоръ, допрашивавшіе арестованныхъ и т. п. Секціонныя собранія, избиравшія комитеты, давали имъ неограниченныя полномочія, но мало-по-малу сами комитеты сдѣлались органами конвентскихъ комитетовъ общественнаго спасенія и общей безопасности. О начальной дѣятельности революціонныхъ комитетовъ съ осени 1792 до весны 1793 г. мы знаемъ сравнительно немного, но ихъ дѣятельность, главнымъ образомъ, и развернулась въ 1793—1794 годахъ, отъ которыхъ дошло до насъ не малое количество ихъ регистровъ. Я пересмотрѣлъ ихъ довольно много въ парижскомъ національномъ архивѣ, гдѣ они преимущественно и сохранились, снялъ нѣсколько копій съ отдѣльныхъ записей и даже въ видѣ образцовъ ихъ напечаталъ [3]). О господствовавшемъ въ дѣятельности этихъ комитетовъ произволѣ говорятъ не только такіе историки, какъ Тэнъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, наприм., и Оларъ, и Кропоткинъ. Послѣдній изъ названныхъ писателей объясняетъ превращеніе революціонныхъ комитетовъ въ колеса государственнаго механизма тѣмъ, что ими руководили образованные буржуа или чиновники стараго режима [4]), но это еще нужно было бы доказать. Малая грамотность или даже совершенная безграмотность записей въ комитетскихъ протоколахъ [5]), говоритъ не въ пользу такого объясненія.

Среди секціонныхъ учрежденій нужно еще сказать особо о такъ называемыхъ секціонныхъ мастерскихъ [6]), давшихъ Кропот-

---

[1]) Тамъ же, стр. 53 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 44 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 64 и слѣд.

[4]) P. Kropotkine, стр. 655—656, 680 и 684—685.

[5]) Въ напечатанныхъ мною въ „Парижскихъ секціяхъ" документахъ я сохранилъ невозможную орѳографію подлинниковъ.

[6]) Парижскія секціи, стр. 56 и слѣд.

кину поводъ приписать секціямъ стремленіе къ соціализаціи производства. Существо дѣла заключалось въ слѣдующемъ. Секціи съ самаго начала своего существованія очень интересовались такъ называемыми благотворительными мастерскими, оказывавшими трудовую помощь населенію, составляли списки нуждающихся въ работѣ, рекомендовали лицъ, которыя могли бы завѣдовать дѣломъ, стремились даже принимать нѣкоторое участіе въ управленіи мастерскими. Въ іюнѣ 1791 г. благотворительныя мастерскія были закрыты декретомъ Національнаго Собранія и болѣе не открывались, несмотря на настойчивыя просьбы секцій, которыя въ числѣ своихъ учрежденій также имѣли благотворительные комитеты для оказанія матеріальной помощи наиболѣе нуждающимся гражданамъ. Когда во второй половинѣ 1792 г. началась война революціонной Франціи съ монархической Европой и военное вѣдомство стало дѣлать заказы для обмундированія арміи, нѣкоторыя секціи воспользовались этимъ для доставки работы наиболѣе нуждающимся гражданамъ. Сама администрація пошла навстрѣчу желаніямъ секцій, предоставивъ имъ указывать на тѣхъ лицъ, которымъ слѣдовало бы раздавать работы по изготовленію платья, обуви и т. п. Слѣдующимъ шагомъ было вмѣшательство секцій во взаимныя отношенія между рабочими и предпринимателями-подрядчиками въ защиту интересовъ рабочихъ, а затѣмъ одна, по крайней мѣрѣ, секція (а можетъ быть, и другія) сама выступила въ роли подрядчицы, взявъ раздачу обмундировочныхъ работъ на себя и устроивъ для этого свою закроечную мастерскую. Болѣе достовѣрно, что другія секціи ограничивались простымъ надзоромъ за частными предпринимателями. Комитетъ общественнаго спасенія былъ, однако, недоволенъ тѣмъ, какъ велось дѣло въ отдѣльныхъ мастерскихъ при той или другой формѣ вмѣшательства секцій въ раздачу работъ: работа производилась нерѣдко очень дурно, доставка заказанныхъ вещей запаздывала, и уже лѣтомъ 1795 г. комитетъ общественнаго спасенія устранилъ секціи отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Конечно, сказаннаго недостаточно для того, чтобы имѣть право утверждать, будто секціи начали превращаться въ коллективныя производительницы. Организація секціями работъ для военныхъ надобностей и для пропитанія безработныхъ, при томъ, обыкновенно, при помощи предпринимателей, находившихся лишь подъ надзоромъ секцій, была чѣмъ-то очень далекимъ отъ коллективистскаго опыта, какъ дѣло представляется Кропоткину. Брэшъ даже находитъ, что „самыя смѣлыя экономическія идеи, возникавшія въ парижскихъ секціяхъ въ эпоху революціи, касались проблемы распредѣленія матеріальныхъ благъ, отнюдь не ихъ производства“ [1]).

---

[1]) Ph. Braesch. La commune du 10 août 1792, стр. 866. Попытку соціализаціи торговли П. А. Кропоткинъ видитъ въ законѣ о максимумѣ, истин

Что секціи, какъ это особенно подчеркиваетъ Кропоткинъ, стремились къ независимости и къ расширенію своей компетенціи, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но въ эпоху наибольшаго своего развитія имъ приходилось постоянно считаться съ двумя учрежденіями, которыя этому не могли не противодѣйствовать. Однимъ изъ нихъ было парижское городское управленіе, обыкновенно называемое Коммуною, другимъ былъ Національный Конвентъ. Секціи до извѣстной степени пользовались соперничествомъ, возникшимъ между этими властями, т. е. парижскимъ городскимъ, и общефранцузскимъ, національнымъ, представительствомъ, находя поддержку по временамъ то въ одной, то въ другой изъ обѣихъ этихъ властей, но, по существу дѣла, ни одна изъ нихъ не могла сочувствовать слишкомъ большой самостоятельности секцій.

Другое стремленіе, красною нитью проходящее черезъ всю внутреннюю исторію секцій, это было стремленіе столковаться между собою и дѣйствовать сообща. Въ тѣхъ протоколахъ секціонныхъ собраній, которыхъ мнѣ пришлось перечитать не мало, то и дѣло идетъ рѣчь о появленіи, въ отдѣльныхъ засѣданіяхъ секцій, депутацій отъ другихъ секціонныхъ собраній съ разными заявленіями, предложеніями, проектами, и каждое, мало-мальски важное постановленіе, принятое одною секціею, немедленно сообщалось другимъ [1]). Изъ протоколовъ одной секціи можно даже узнавать, какія рѣшенія принимались другими по тѣмъ или инымъ важнымъ вопросамъ, составлявшимъ злобу дня. Мало того, секціи время отъ времени дѣлали попытки создать себѣ центральный органъ въ видѣ собранія делегатовъ отъ отдѣльныхъ секцій [2]). Обединились или, по крайней мѣрѣ, пытались объединиться и революціонные комитеты [3]).

Благодаря взаимодѣйствію, установиавшемуся между секціями, ихъ дѣятельность часто принимала совершенно однородный характеръ. Объединенію ихъ стремленій и выступленій много способствовалъ и якобинскій клубъ. Рядомъ съ собраніями секцій, которыя существовали по закону, возникли въ секціяхъ еще такъ называемыя „народныя общества“ (sociéte's populaires), съ самого же начала получившія характеръ филіальныхъ отдѣленій якобинскаго клуба. Это было время, когда вообще секціями овладѣли санкюлоты, являвшіеся нерѣдко и въ собранія чужихъ секцій, когда это требовалось ихъ якобинскими вождями. Въ сентябрѣ 1793 г. за посѣщеніе секціонныхъ собраній, — мѣра, которая должна была

ный характеръ котораго выясненъ въ книгѣ Е. В. Тарл „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи“. Отсылаю къ статьѣ своей объ этой книгѣ въ „Рус. Бог. за 1911 г.

[1]) Неизданные документы, passim.

[2]) Парижскія секціи, стр. 29, 32, 34—35, 37 и др.

[3]) Тамъ же, стр. 46—47.

усилить демократичность ихъ состава,—было введено вознагражденіе въ размѣрѣ сорока су (т.-е. двухъ франковъ) каждому нуждающемуся гражданину. Правда, у якобинцевъ въ дѣлѣ общаго руководства политическимъ поведеніемъ секцій были конкуренты среди другихъ „лѣвыхъ" партій, но въ общемъ главный успѣхъ имѣли якобинцы [1]).

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, говоря о политическихъ выступленіяхъ секцій, что граждане были вооружены [2]) Еще лѣтомъ 1789 г., когда въ Парижѣ возникла національная гвардія, она составилась изъ шестидесяти батальоновъ, по числу шестидесяти дистриктовъ, на которые раздѣлялся городъ, и эти батальоны даже назывались по своимъ дистриктамъ. Законъ 1790 г., давшій Парижу муниципальное устройство, уничтожилъ это соотвѣтствіе между отдѣльными батальонами національной гвардіи и городскими кварталами, къ великому неудовольствію секцій. Послѣ низверженія монархіи въ августѣ 1792 г. онѣ получили то, чего желали, когда имъ было разрѣшено имѣть свою военную организацію, во главѣ которой стояли военные комитеты. Въ каждой секціи имѣлись свои роты, состоявшія изъ вооруженныхъ гражданъ, съ выборными капралами, сержантами, офицерами и командирами, и были даже свои пушки. Весною 1793 г., когда потребовалось увеличить военныя силы республики въ виду внѣшней войны и возстаній внутри государства, Конвентъ предоставилъ „цивизму парижскихъ секцій" установленіе способа набора рекрутъ и даже самую ихъ вербовку. Для этой операціи нужны были деньги, собиравшіяся секціями путемъ добровольныхъ подписокъ или принудительнаго обложенія болѣе зажиточныхъ гражданъ [3]).

Сохранившіеся протоколы секціонныхъ собраній позволяютъ намъ отвѣтить и на вопросъ, насколько дѣятельно участвовало населеніе Парижа въ секціонной жизни. Уже давно историкамъ французской революціи сдѣлалось извѣстнымъ, что количество гражданъ, принимавшихъ участіе въ выборахъ, было очень незначительнымъ, но то же приходится сказать и о посѣщаемости секціонныхъ собраній. Временами онѣ дѣлались перманентными, происходили, случалось, по два раза въ день, а потому постоянно посѣщать ихъ могли или желали только немногіе. Революцію, какъ потомъ и контръ-революцію, дѣлали, въ сущности, только меньшинства въ каждой секціи. Большинство вездѣ состояло изъ абсентеистовъ и индифферентныхъ, склонившихся передъ побѣдителями.

А побѣдителями въ секціяхъ не всегда были одни и тѣ же элементы: въ началѣ въ нихъ господствовали элементы революціонные, потомъ преобладаніе перешло къ умѣреннымъ и даже реакціон-

---

[1]) Тамъ же стр 40 и 55—56.
[2]) Тамъ же, стр. 54.
[3]) Тамъ же. стр. 39.

нымъ. Если секціи участвовали въ созданіи общаго хода событій, то и сами вмѣстѣ съ тѣмъ испытывали на себѣ вліяніе хода событій, складывавшагося въ зависимости отъ великаго множества причинъ.

III.

Секціи въ Парижѣ просуществовали около пяти лѣтъ, но крупную политическую роль играли въ теченіе менѣе продолжительжительнаго времени. Въ первые два года своего существованія, съ середины 1790 г. до середины 1792 г., парижскія секціи ничѣмъ себя особенно не заявили, и даже еще движеніе 20 іюня 1790 г., бывшее, такъ сказать, прелюдіей къ низверженію монархіи 10 августа того же года, не можетъ разсматриваться, какъ дѣло секцій. Брэшъ въ своей книгѣ „Коммуна 10 августа 1792 г.“ прослѣживаетъ ихъ настроеніе между 20 іюня и 10 августа, какъ оно постепенно наростало въ революціонномъ направленіи, особенно послѣ третьей годовщины взятія Бастиліи. Болѣе или менѣе демократическимъ духомъ отличались въ іюнѣ 1792 г. едва двѣ пятыхъ секцій, но къ началу августа особенно демократическихъ секцій уже было болѣе пяти восьмыхъ. Вотъ съ какого времени, значитъ, начинаются политическія выступленія секцій. Низверженіе во Франціи королевской власти было первымъ ихъ крупнымъ дѣломъ. Послѣ этого ни одно сколько-нибудь значительное событіе французской революціи въ самомъ Парижѣ не обходилось безъ ихъ участія. Послѣднимъ ихъ политическимъ выступленіемъ, но уже подъ знаменемъ умѣренныхъ идей, была попытка, направленная противъ Конвента послѣ составленія конституціи III года и потерпѣвшая самое рѣшительное пораженіе. Событіе это носитъ названіе по тогдашнему календарю „3 вандемьера“ III года, что при переводѣ на обыкновенный календарь (т. е. грегоріанскій) падаетъ на 5 октября 1795 г. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого (17 вандемьера) Конвентъ навсегда запретилъ общія собранія секцій подъ страхомъ тяжкихъ каръ. Такимъ образомъ, изъ пяти съ четвертью лѣтъ, въ теченіе которыхъ парижскія секціи существовали, на долю ихъ политическихъ выступленій приходится около трехъ лѣтъ.

Вспомнимъ вкратцѣ послѣдовательность событій въ эти три года, чтобы легче оріентироваться въ послѣдующемъ изложеніи.

Въ апрѣлѣ 1792 г. Франціей была объявлена война Австріи, къ которой скоро присоединилась Пруссія. Война началась для французовъ очень неудачно, и въ то же время нація имѣла основаніе не довѣрять королю и двору, которые въ иностранныхъ войскахъ, двинутыхъ противъ Франціи, готовы были видѣть скорѣе своихъ союзниковъ, нежели непріятеля. Отказъ короля санкціонировать постановленіе Законодѣятельнаго Собранія объ образованіи

подъ Парижемъ вооруженнаго лагеря изъ двадцати тысячи федератовъ послужилъ однимъ изъ поводовъ отставки жирондистскаго министерства, пользовавшагося популярностью; и отвѣтомъ парижскаго населенія на это было возстаніе 20 іюня, когда народная толпа овладѣла королевскимъ дворцомъ и подвергла самого Людовика XVI ряду униженій.

Парижскія секціи не принимали участія въ подготовкѣ этого движенія, бывшаго дѣломъ, главнымъ образомъ, клубовъ, но и не протестовали противъ того, что произошло. Во всякомъ случаѣ, однако, съ этого момента въ нихъ началось большее, нежели прежде, броженіе. Въ самомъ Законодательномъ Собраніи Людовика XVI обвиняли чуть ли не въ прямой измѣнѣ. 11 іюля оно провозгласило „отечество въ опасности", торжественное объявленіе о чемъ на площадяхъ и улицахъ Парижа было совершено 22 числа этого же мѣсяца, въ промежуткѣ же между этими двумя датами отпразднована была третья годовщина взятія Бастиліи. Все это только усиливало общее возбужденіе. Въ послѣднихъ числахъ іюля Парижъ сталъ наводняться „федератами" изъ всѣхъ частей Франціи, являвшими на защиту революціи. Достаточно было при такомъ настроеніи одной искры, чтобы произвести взрывъ горючаго матеріала, и этою искрою сталъ, какъ извѣстно, манифестъ герцога Брауншвейгскаго, главнаго начальника австро-прусской арміи, угрожавшій всякими карами мятежному населенію Парижа.

Взрывъ произошелъ 10 августа, и въ немъ участвовала бóльшая часть парижскихъ секцій, въ своихъ общихъ собраніяхъ уже обсуждавшихъ положеніе дѣлъ, сносившихся между собою и принимавшихъ общія рѣшенія. Черезъ шесть недѣль послѣ паденія монархіи Національный Конвентъ, смѣнившій Законодательное Собраніе, провозгласилъ Францію республикой. Извѣстно, однако, что въ Конвентѣ началась борьба между партіями жирондистовъ и монтаньяровъ, окончившаяся полнымъ пораженіемъ первыхъ и столь же полнымъ торжествомъ вторыхъ. Эта борьба не могла не отразиться и на внутренней жизни секцій, въ которыхъ все сильнѣе дѣлалось вліяніе якобинскаго клуба. 31 мая и 2 іюня 1793 г. произошли два возстанія, подготовленныя наиболѣе революціонными секціями, и результатомъ ихъ было исключеніе изъ Конвента цѣлаго ряда жирондистовъ, послѣ чего монтаньяры сдѣлались господами положенія въ Конвентѣ. Это было второе крупное революціонное выступленіе парижскихъ секцій.

Перевороты 10 августа 1792 и 31 мая и 2 іюня 1793 г. придали секціямъ большую силу, и съ нею нельзя было не считаться. Новымъ внутреннимъ кризисомъ, исходъ котораго зависѣлъ отъ поведенія секцій, было 9-ое термидора III года (27 іюля 1794 г.), когда совершилось паденіе Робеспьера, бывшее началомъ реакціи. Дѣло шло о томъ, кто возьметъ верхъ—общинный совѣтъ г. Парижа („Коммуна") или Конвентъ, противъ котораго собирались

повторить 31-ое мая, но на сей разъ секціи не поддержали предпріятія, хотя ихъ къ этому усиленно приглашали. Если бы секціи заступились за Робеспьера, тогда побѣда осталась бы на сторонѣ Коммуны, и ходъ дальнѣйшихъ событій былъ бы иной.

Уже въ дѣлѣ паденія жирондистовъ сыгралъ большую роль вопросъ о пропитаніи парижскаго населенія. Секціи требовали закона о максимумѣ, т. е. таксаціи предметовъ потребленія, а жирондисты были главными противниками такой мѣры. Слѣдующими народными движеніями были жерминальское и преріальское III года (1 апр. и 20 мая 1795 г.), когда на Конвентъ было сдѣлано два нападенія съ требованіями „хлѣба и конституціи 1793 г.“ (12 жерминеля) и „хлѣба и возвращенія народныхъ правъ“ (1 преріаля). Въ подготовкѣ обоихъ движеній и въ руководствѣ ими тоже участвовали нѣкоторыя секціи, но оба возстанія были подавлены и послужили только поводами для принятія репрессивныхъ мѣръ противъ наиболѣе неспокойныхъ элементовъ населенія и противъ самихъ сакцій. Реакція была въ воздухѣ еще съ 9 термидора, и первое преріаля было послѣднею революціонною попыткою парижскихъ секцій.

Въ самихъ секціяхъ въ это время начали брать верхъ болѣе умѣренные граждане, что не помѣшало, однако, секціямъ сдѣлать еще одну попытку возстанія противъ Конвента, когда послѣдній издавъ конституцію III (1795) года, потребовалъ, чтобы въ новый законодательный корпусъ было избрано двѣ трети членовъ непремѣнно изъ членовъ самого Конвента, и принялъ рядъ мѣръ противъ самихъ секцій. Это и было неудачное возстаніе 13 вандемьера.

Итакъ, въ сущности, насчитывается пять крупныхъ выступленій секцій: 10 августа 1792 г. и 31 мая—1 іюня 1793 г., бывшія удачными, 1 апрѣля, 1 преріаля и 5 октября 1795 г., окончившіяся неудачно. Первыя два создали республику и якобинскую диктатуру, три послѣднія привели самыя секціи къ гибели. Эпоха торжества секцій отдѣляется отъ эпохи ихъ пораженія переворотомъ 9 термидора, исходъ котораго не можетъ быть хорошо понятъ безъ разсмотрѣнія поведенія парижскихъ секцій въ этотъ моментъ [1]).

Исторія перечисленныхъ событій разсказывалась неоднократно, но только въ сравнительно недавнее время стали изучать, какую роль въ нихъ играли секціи, хотя и не всѣ новѣйшіе историческіе труды объ этихъ событіяхъ одинаково интересуются участіемъ, какое въ нихъ принимали секціи [2]).

---

[1]) Къ сожалѣнію, для рѣшенія вопроса объ отношеніи парижскихъ секцій къ вопросу о процессѣ и казни Людовика XVI имѣется очень мало данныхъ. Недавно вопросъ этотъ былъ разсмотрѣнъ въ статьѣ г-жи Матафтиной „Изъ исторіи общественнаго мнѣнія во Франціи въ эпоху революціи“, напечатанной въ XVII томѣ „Историческаго Обозрѣнія“, изд. Истор. общ. при Спб. унив. (1912).

[2]) По революціи 10 авг. 1792 г. новѣйшіе труды: Pelletier. Histoire de la révolution du 10 août (1907).—Ph. Sagnac. La revolution du 10 août

IV.

Парижское населеніе впервые почувствовало себя господиномъ положенія послѣ 20 іюня 1792 г., что отразилось и на секціонныхъ собраніяхъ съ этого времени. Фактически раздѣленіе гражданъ на активныхъ и пассивныхъ исчезло, и полицейскій коммиссаръ одной изъ секцій доносилъ 21 іюня министру внутреннихъ дѣлъ: „Граждане Парижа считаютъ себя на площади *народомъ*, *populus*, тѣмъ, что мы называемъ совокупностью гражданъ". Къ сожалѣнію, мы обладаемъ лишь отрывочными свѣдѣніями о томъ, что происходило въ собраніи секцій въ началѣ двадцатыхъ чиселъ іюня. Мы знаемъ, однако, что въ нѣкоторыхъ говорились рѣчи на ту тему, что народъ одинъ сувереннъ, что только онъ долженъ издавать законы, что въ королевской власти нѣтъ надобности и т. п. Къ этому же времени относится начало дѣятельныхъ сношеній между отдѣльными секціями и первыя заявленія о необходимости еще разъ идти на Тюйлери, гдѣ имѣлъ пребываніе король. Брэшъ очень подробно, почти изо дня въ день, слѣдитъ за тѣмъ, какъ наростало революціонное настроеніе секцій, самовольно демократизировавшихся въ это время.

Наоборотъ, буржуазія подъ вліяніемъ того, что происходило, какъ говорится, поправѣла, чѣмъ воспользовались роялисты, составившіе такъ называемую „петицію двадцати тысячъ" въ Національное Собраніе, въ которой требовали обуздать агитаторовъ и наказать попустителей. Съ своей стороны, дворъ сѣялъ среди имущихъ подозрѣнія относительно намѣреній агитаторовъ, къ имущимъ же нужно отнести и среднюю буржуазію, которая до этой минуты господствовала въ секціонныхъ собраніяхъ и батальонахъ національной гвардіи. Вожди демократическаго движенія, боявшіеся оттолкнуть отъ себя этотъ общественный классъ, старались успокоить народъ и не давать совершиться новымъ эксцессамъ. Не такъ-то, однако, было легко этого добиться.

25 іюня въ Національное Собраніе были принесены двѣ петиціи отъ наиболѣе, за все время революціи, демократически настроенныхъ секцій Парижа: Quatre-Vingts (въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ) и Gobelins (въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсо̀), гдѣ было сосредоточено особенно много рабочихъ. Обѣ петиціи заключали въ себѣ

1792. La chute de la royauté (1909).—Ph. Braesch. La commune du dix août 1792. Etude sur l' histoire de Paris du 20 jun au 2 dècembre 1792. (1911).— P. Lacombe. La première commune revolutionnaire de Paris (1911). Впрочемъ, книга Лакомба ничего не говоритъ о самомъ 10 августа. О 9-омъ термидорѣ: D'Hericaut. La révolution de Thermidor.—A. Savine et Fr. Bournaud. Je 9 Thermidor d' apres les document d'archives et les mémoires (1907). О 13 вандемьера: Zivy. Le 13 vendémiaire an IV (1898).— Macé. La journée de vendémiare (въ журналѣ Олара „La Revolution Française).

протесты противъ какихъ-бы то ни было репрессій по поводу событія 20 іюня. „Побѣдители Бастиліи“ заявили, между прочимъ, что и разрушеніе Бастиліи было актомъ неконституціоннымъ, сопротивленіемъ королевской волѣ. Особенно рѣзкимъ характеромъ отличалась петиція первой изъ названныхъ секцій. Любопытно, однако, что она не имѣла еще республиканскаго характера, потому что протестовала она не столько противъ королевской власти, сколько противъ антидемократическихъ „заблужденій Учредительнаго Собранія“.

Брэшъ разсказываетъ въ своей книгѣ съ мельчайшими подробностями, на цѣлой сотнѣ страницъ, о томъ, что дѣлалось въ Парижѣ въ теченіе шести недѣль, отдѣляющихъ десятое августа отъ конца іюня, и что́ предпринималось со стороны обѣихъ сторонъ, между которыми произошла 10 августа рѣшительная битва. По внѣшности все оставалось спокойнымъ, но борьба шла во всю борьба между сторонниками status quo и лицами, имъ недовольными, и обѣ стороны вербовали въ населеніи Парижа защитниковъ своихъ стремленій. Борьба была необычайно сложная, такъ какъ въ обоихъ лагеряхъ были разныя теченія. Сами секціи раздѣлились. Въ то время, какъ однѣ высказывались за событіе 20 іюня самымъ рѣшительнымъ образомъ, другія проявляли по этому вопросу извѣстную умѣренность, и, въ сущности, изъ 48 секцій до 7 іюля лишь семь съ большой рѣшительностью выступили съ защитою 20 іюня. Важнѣе, впрочемъ, то, что ни въ одной секціи не было сдѣлано постановленія, которое осуждало бы это событіе въ то самое время, какъ противъ него высказался, вмѣстѣ съ министерствомъ и властями Сенскаго департамента, самъ генеральный совѣтъ коммуны, хотя,—нужно прибавить,—въ нѣкоторыхъ секціяхъ отдѣльными лицами и дѣлались попытки осужденія двадцатому іюня. Секціи были, очевидно, настроены противъ бывшихъ тогда у власти фельяновъ, сторонниковъ конституціи 1791 г. Когда 7-го іюля послѣдовало отрѣшеніе отъ должности бывшаго очень популярнымъ въ населеніи Парижа Петіона, городского головы (мэра) столицы, за бездѣйствіе власти во время бунта 20 іюня, секціи, бывшія до того времени настроенными болѣе умѣренно, стали выступать съ большею рѣзкостью: Петіонъ какъ разъ пользовался теперь особымъ сочувствіемъ за то, что не хотѣлъ проливать народной крови. Брэшъ съ документальными данными въ рукахъ перечисляетъ отдѣльныя секціи, которыя послѣ 7 іюля перешли на сторону одобренія двадцатому іюня. По его словамъ, къ 14 іюля такихъ секцій было уже 27. Въ эти же дни въ секціяхъ, все чаще и чаще начинавшихъ сноситься между собою, возникла мысль и о необходимости сдѣлать свои собранія перманентными и обсуждать на нихъ всѣ вопросы, касающіеся общественнаго спасенія.

При дворѣ все время послѣ 20 іюня готовились къ новому нападенію, и мѣры, принимавшіяся для защиты Тюйлери, только

сѣяли новую тревогу въ населеніи столицы. Дворъ очень хлопоталъ о томъ, чтобы имѣть на своей сторонѣ національную гвардію, бывшую въ распоряженіи активныхъ гражданъ секцій, и въ концѣ іюня въ національной гвардіи еще наблюдалось извѣстное сопротивленіе революціонному движенію въ народной массѣ, но, когда внѣшнія отношенія усилили въ населеніи опасенія относительно иностраннаго нашествія, настроеніе и національной гвардіи стало мѣняться. Секціямъ въ эти тревожные дни было особенно важно имѣть на своей сторонѣ остальную Францію, а потому въ ихъ средѣ возникла мысль о прокламаціяхъ къ арміи и къ 83 департаментамъ, объяснявшихъ въ благопріятномъ для Парижа смыслѣ событіе 20 іюня. Мало того, одна изъ секцій (des Lombards) взяла на себя иниціативу приглашенія въ Парижъ къ 14 іюля, празднику федераціи въ годовщину взятія Бастиліи, двадцати тысячъ федератовъ, несмотря на то, что на это Людовикъ XVI не далъ разрѣшенія, пользуясь своимъ королевскимъ *veto*. Извѣстно, что федераты стали стекаться въ Парижъ, при чемъ секціи встрѣчали ихъ съ энтузіазмомъ и позаботились о томъ, чтобы эти гости парижанъ ни въ чемъ не нуждались. Съ своей стороны, якобинскій клубъ взялъ на себя заботу объяснить прибывшимъ, что ихъ роль вовсе не въ томъ, чтобы быть простыми фигурантами на торжествѣ: они должны были оставаться въ Парижѣ, пока дѣло спасенія отечества не будетъ доведено до конца.

Праздникъ 14 іюля прошелъ спокойно, но несмотря на декретъ, предписывавшій федератамъ отправиться въ Суассонскій лагерь, они остались въ Парижѣ.

Въ теченіе четырехъ недѣль между 14 іюля и 10 августа въ столицѣ Франціи господствующимъ настроеніемъ была боязнь иностраннаго нашествія. Еще 11 іюля Законодательное Собраніе провозгласило отечество въ опасности, что вызвало въ населеніи города большое патріотическое одушевленіе. Вскорѣ на площадяхъ началась публичная запись добровольцевъ, которые должны были идти защищать отечество, и во главѣ этого дѣла сталъ Петіонъ, возвращенный на должность мэра Законодательнымъ Собраніемъ къ величайшей радости парижанъ. Декретъ о Петіонѣ состоялся 13 іюля, а 15 послѣдовалъ другой, удалившій изъ Парижа линейныя войска, тогда какъ федераты самовольно продолжали оставаться въ городѣ [1]), а въ національной гвардіи настроеніе дѣлалось все болѣе тревожнымъ. Секціи приняли большое участіе въ оставшихся въ Парижѣ федератахъ. Секція Гобеленовъ пріютила у себя всѣхъ брестцевъ, въ количествѣ 300, и на память объ этомъ переименовала потомъ себя въ секцію Финистера (названіе департамента

---

[1]) Впрочемъ, ихъ было не особенно много: 23 іюля Брэшъ насчитываетъ ихъ всего 3.673 (вмѣсто ожидавшихся 20 т.), но нѣкоторые все таки отправились въ Суассонъ. 10 августа ихъ осталось около тысячи, не считая 500 марсельцевъ и 300 брестцевъ, пришедшихъ послѣ 23 іюля.

гдѣ находится Брестъ), а секція французскаго театра пріютила 500 марсельцевъ, принявъ также новое названіе—Марсельской. Перемѣнила свое названіе—въ секцію Федератовъ—и секція Королевской площади, по такой же причинѣ. Въ благодарность федераты своими адресами, петиціями и деклараціями поддерживали всѣ домогательства секцій, заходя въ своихъ требованіяхъ при этомъ гораздо дальше самихъ парижанъ. Въ сущности, именно федераты съ середины іюля шли во главѣ революціоннаго движенія, и первые они, давъ себѣ особую организацію, которая дѣйствовала подъ вліяніемъ якобинцевъ и кордельеровъ, заговорили объ отрѣшеніи Людовика XVI отъ власти и о созывѣ Національнаго Конвента. Вдохновители федератовъ прямо называли ихъ депутатами отъ 83 департаментовъ, посланными народомъ для спасенія отечества. Инициатива того, что произошло 10 августа, такимъ образомъ, принадлежала не секціямъ, а федератамъ. Ихъ петиціи противъ Людовика XVI начались съ 17 іюля. Не мудрено, что изъ-за федератовъ въ Парижѣ шла глухая борьба: роялисты пытались разссорить ихъ съ національной гвардіей, конституціоналисты выставляли ихъ защитниками порядка и конституціи, якобинцы дѣлали все, что только могли, чтобы отстранить отъ федератовъ всѣ подобныя вліянія; когда же роялисты увидѣли безплодность всѣхъ своихъ попытокъ, былъ пущенъ въ ходъ лозунгъ: „берегите свое имущество отъ федератовъ, это—разбойники“.

Буржуазія, однако, въ эти дни предпочитала идти за одно съ народомъ противъ внѣшняго врага, не желая быть заодно съ дворомъ, который подозрѣвался въ измѣнѣ отечеству. Національная гвардія столицы прямо подчинилась патріотическому одушевленію федератовъ, которые были распредѣлены по ея батальонамъ. Даже въ тѣхъ секціяхъ, гдѣ преобладала буржуазія, національная гвардія еще болѣе заражалась настроеніемъ федератовъ, тѣмъ болѣе, что объявленіе очечества въ опасности имѣло слѣдствіемъ включеніе въ составъ національной гвардіи всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе. Передъ десятымъ августа рѣдко кто уже дерзалъ въ національной гвардіи проявлять роялистическія чувства.

Объявленіе отечества въ опасности привело еще къ тому, что собранія секцій сдѣлались перманентными и доступными также для пассивныхъ гражданъ. 25 іюля Законодательное Собраніе издало декретъ, легализировавшій перманентность секцій, и 28 числа онъ былъ утвержденъ королемъ. Новый порядокъ вещей продолжался до 9 сентября 1793 г., когда Національный Конвентъ постановилъ, чтобы секціи собирались лишь два раза въ недѣлю. Въ теченіе болѣе, нежели года, на территоріи парижской коммуны дѣйствовало сорокъ восемь клубовъ, сдѣлавшихся, по выраженію Брэша, „истинными регуляторами парижской политики“. Немедленно же секціи, одна за другою, стали отмѣнять у себя различіе между активными и пассивными гражданами. Кромѣ того, въ на-

чалѣ августа стало функціонировать особое бюро, въ которое доставлялись всѣ постановленія отдѣльныхъ секцій, и изъ котораго копіи съ нихъ раздавались другимъ секціямъ. Среди такихъ постановленій въ первыхъ числахъ августа обращаетъ на себя „arrêté“ секціи Королевской Площади убрать всѣ королевскія статуи и замѣнить ихъ пирамидами въ честь свободы. Устройство указаннаго „bureau de correcpondance“ немало содѣйствовало объединенію дѣятельности секцій. Гораздо большее еще значеніе имѣла организація въ Ратушѣ центральнаго комитета секцій, въ которомъ принимались и общія для всѣхъ рѣшенія.

Главное, это было то, что дѣлалось въ самихъ секціяхъ въ послѣднихъ числахъ іюля и первыхъ августа. Делегаты отдѣльныхъ секцій позаботились о томъ, чтобы въ каждой создать кадры будущихъ дѣятелей, которые захватятъ власть, когда для этого настанетъ время. Поводомъ для междусекціонныхъ совѣщаній послужилъ проектъ адреса, съ какимъ секціи должны были обратиться къ арміи по иниціативѣ одной секціи (Marché des Innocents). Адресъ, дѣйствительно, былъ составленъ и притомъ съ характеромъ діатрибы противъ короля. Изъ 48 секцій, которыя его разсматривали, противъ него высказались только шесть, воздержались отъ присоединенія три, такъ что въ большей части секцій (въ 39) адресъ имѣлъ успѣхъ.

Другой вопросъ, который рѣшали секціи въ своихъ собраніяхъ, былъ о низверженіи короля. Въ данномъ случаѣ, первою объ этомъ заговорила секція Четырехъ Націй, подавшая свое заявленіе Законодательному Собранію 26 іюля, хотя и не поставивъ еще въ немъ точку надъ і. Нѣсколько рѣшительнѣе, но безъ произнесенія слова „республика“, отъ имени федератовъ дѣлали заявленіе въ томъ же смыслѣ якобинцы и кордельеры. Мотивомъ всѣхъ было „отечество въ опасности“. Но все это были частичныя манифестаціи. 18 іюля общее собраніе секціи Фонтэль-де-Гренелль первое подало мысль о необходимости выступленія всей коммуны, а 19 числа предложило соединиться всѣмъ 48 секціямъ для обсужденія мѣръ, какихъ требуетъ спасеніе отечества. 24 іюля, говоритъ Брэшъ, мысль о низложеніи Людовика XVI имѣла очень большой успѣхъ въ секціонныхъ собраніяхъ. Въ этомъ смыслѣ говорились рѣчи, нѣкоторыя изъ которыхъ и публиковались. Единственная секція, которая не хотѣла требовать низложенія короля. была секція Тампля,—та самая, въ которой находилось, „по странной ироніи судьбы“, прибавляетъ Брэшъ, мѣсто будущаго заключенія Людовика XVI.

Выработкою адреса коммуны о низложеніи короля занималась коммиссія изъ секціонныхъ делегатовъ, засѣдавшая въ Ратушѣ между 26 іюля и 3 августа, а 28 числа сдѣлался извѣстнымъ въ Парижѣ знаменитый манифестъ вождя австро-прусской арміи, герцога Брауншвейгскаго, заключавшій въ себѣ величайшія угрозы

всѣмъ французамъ. Къ адресу о низложеніи примкнули 47 секцій, а изъ делегатовъ секцій, собиравшихся въ Ратушѣ, почти половина попала потомъ въ революціонный генеральный совѣтъ 10 августа.

Впрочемъ, изъ длиннаго перечня постановленій секцій, принимавшихся между 14 іюля и 10 августа,—перечня, занимающаго въ книгѣ Брэша десять страницъ большого формата и очень мелкаго шрифта, явствуетъ,—что рѣшенія эти были часто противорѣчивы, и что не всѣ секціи были, въ общемъ, одинаково настроены. Составъ собраній мѣнялся, потому что была масса „абстенціонистовъ", не посѣщавшихъ собраній, а иной разъ въ собранія являлись и члены другихъ секцій. Приходило иногда самое незначительное меньшинство, какая-нибудь сотня членовъ съ небольшимъ, когда въ секціи насчитывалась тысяча и больше гражданъ. Парижъ вело за собою незначительное меньшинство ярыхъ революціонеровъ противъ такого же меньшинства умѣренныхъ или реакціонеровъ, при равнодушіи или уклончивости большинства. Въ исторіи политическихъ выступленій секцій на всемъ ея протяженіи это необходимо имѣть въ виду; безъ этого нельзя себѣ объяснить, какъ послѣднія выступленія могли получить совсѣмъ иной характеръ, нежели имѣли первыя.

На основаніи постановленій, принимавшихся разными секціями передъ 10 августа, Брэшъ далъ въ своемъ трудѣ „политическую карту Парижа наканунѣ 10 августа", на которой раздѣлилъ всѣ секціи на демократическія, умѣренно-демократическія, умѣренно-консервативныя и консервативныя [1]). Въ своихъ заключеніяхъ авторъ „Коммуны десятаго августа" очень остороженъ и остерегается назвать, предваряя событія, секціи первой и второй категорій революціонными или антиконституціонными. Такихъ секцій онъ насчитываетъ 32, т. е. двѣ трети общаго числа, а среди нихъ различаетъ девять болѣе рьяныхъ и двадцать три, т. е. почти половину общаго числа, болѣе умѣренныхъ. На долю консервативныхъ секцій приходится, такимъ образомъ, 16, т. е. остальная треть, но изъ нихъ наиболѣе рѣшительными въ своемъ направленіи были лишь семь секцій [2]). Разумѣется, дѣло не обходилось безъ

---

[1]) Эта карта воспроизведена мною въ приложеніи VI къ „Парижскимъ секціямъ". Ею, по моему мнѣнію, совершенно устраняется аналогичная карта, приложенная къ книгѣ Саньяка и тоже воспроизведенная въ „Парижскихъ секціяхъ" (прил. III), гдѣ секціи болѣе грубо раздѣлены лишь на революціонныя и конституціонныя, смотря по тому, были или нѣтъ ихъ делегаты при образованіи революціонной коммуны 10 августа, причемъ нѣкоторыя секціи у Брэша и Саньяка попали въ разныя категоріи. Дѣло въ томъ, что по признаку, принятому Саньякомъ, нельзя судить о настроеніи секцій вообще и за все время, Брэшъ же сдѣлалъ свою классификацію на основаніи многихъ данныхъ. См. объ этомъ стр. 98 — 100 „Парижскихъ секцій".

[2]) См. списокъ секціонныхъ постановленій, принимавшихся секціями между 22 іюня и вечеромъ 9 августа, стр. 166—169.

сильной внутренней борьбы въ самихъ секціяхъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ были значительныя колебанія. Напр., въ секціи Термъ Юліана въ одинъ и тотъ же день сначала адресъ о низложеніи былъ отвергнутъ, а потомъ состоялось рѣшеніе въ пользу его принятія. Въ иныхъ мѣстахъ происходили и серьезные безпорядки. Брэшъ прибавляетъ ко всему сказанному, что политическій характеръ секцій, въ общемъ, соотвѣтствовалъ экономическому и соціальному положенію разныхъ кварталовъ Парижа, хотя въ частностяхъ и есть кое-какія аномаліи, трудно объяснимыя, по признанію самого Брэша. Экономическія вліянія всего не объясняютъ, были и моральныя, какъ, напр., особенное вліяніе духовенства въ секціи Jardin des Plantes съ ея очень суевѣрнымъ населеніемъ. Впрочемъ, позднѣе и въ этой секціи верхъ взяли ультрадемократы, какъ это случалось и съ другими секціями. Нашъ историкъ поэтому и считаетъ нужнымъ оговориться, что политическая карта Парижа для 31 мая 1793 г. получилась бы уже совершенно иная, нежели та, которую онъ начертилъ для 10 августа 1792 г. Если нѣкоторыя секціи, подобно Jardin des Plantes, сдѣлавшейся революціонною и даже принявшей имя секціи Санкюлотовъ, измѣнились въ одну сторону, то были другія, измѣнившіяся въ обратномъ направленіи, т. е. изъ революціонныхъ сдѣлавшіяся консервативными. Въ эту эпоху жирондисты и якобинцы шли еще рука объ руку, но впослѣдствіи однѣ секціи стали на сторону первыхъ, другія—на сторону вторыхъ.

Движеніе, происшедшее 10 августа, уже давно ожидалось въ Парижѣ, какъ нѣчто неминуемое. Всякая манифестація могла послужить началомъ взрыва. Извѣстіе о манифестѣ герцога Брауншвейгскаго и приходъ марсельскаго батальона въ Парижъ (28 и 30 іюля) подлили масла въ огонь. Петіону стоило большого труда сдерживать народныя страсти, и если народъ не поднимался, то лишь въ ожиданіи, что не сегодня—завтра Людовикъ XVI будетъ низложенъ. Былъ даже назначенъ день—5 августа. 31 іюля секція Моконсейль приняла знаменитое постановленіе, въ которомъ было сказано, что въ воскресенье, 5 августа, вся секція въ полномъ составѣ отправится въ Законодательное Собраніе и объявитъ ему, что она болѣе не признаетъ Людовика XVI, и при этомъ секція пригласила всѣ остальныя поступить такимъ же образомъ. Къ этому постановленію присоединился рядъ секцій [1]), изъ которыхъ наиболѣе революціонно настроенныя собирались идти вооруженными. Предполагалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ случаѣ отказа со стороны Законодательнаго Собранія народъ прямо двинется на королевскій дворецъ. Петіонъ успѣлъ разослать по секціямъ приглашеніе не дѣлать никакихъ необдуманныхъ шаговъ и ждать отвѣта Націо

---

[1]) См. составленную мною карту, II приложеніе къ „Парижскимъ секціямъ“.

нальнаго Собранія на петицію коммуны въ ея 48 секціяхъ. Это подѣйствовало. Петиція соединенныхъ секцій, т. е, примкнувшихъ къ „arrêté Mauconseil", была вручена, но общаго народнаго движенія не было.

Съ обѣихъ сторонъ тѣмъ не менѣе готовились къ рѣшительной борьбѣ. Въ секціяхъ и среди федератовъ у многихъ были пики, но у тѣхъ, у кого были ружья, не было патроновъ. Въ городскомъ управленіи были лица, сочувствовавшія движенію, и благодаря имъ, изъ арсенала народу были выданы патроны, сабли и пистолеты, ружья и т. п. Не проходило дня, чтобы у Законодательнаго Собранія кто-нибудь не требовалъ отвѣта на вопросъ о низложеніи Людовика XVI, но Собраніе молчало по этому вопросу. Когда Петіонъ просилъ секціи сидѣть смирно, одна изъ нихъ, знаменитая секція „Quinze-Vingts" въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ, „сдѣлавшемъ и 14 іюля, и 20 іюня", постановила „терпѣливо и спокойно до 11 ч. вечера ближайшаго четверга ждать рѣшенія Національнаго Собранія, но, если народу не будетъ оказано справедливости законодательнымъ корпусомъ въ четвергъ къ 11 часамъ в., въ полночь же раздастся набатъ съ барабаннымъ боемъ, и все мгновенно поднимется". Когда предуказанный срокъ наступилъ, произошло возстаніе 10 августа.

Въ мой планъ не входитъ разсказывать событія этой ночи, которымъ Саньякъ недавно посвятилъ цѣлую книгу, и о которыхъ собрано много свѣдѣній въ трудѣ Брэша. Авторъ „Коммуны 10 августа" слѣдитъ отдѣльно за тѣмъ, что дѣлалось, во-первыхъ, въ Тюйлери и около него, въ залѣ засѣданій Законодательнаго Собранія, во-вторыхъ, на улицахъ, въ-третьихъ, въ собраніяхъ секцій и, въ-четвертыхъ, въ Ратушѣ. Въ секціяхъ происходили собранія и обсуждался вопросъ, какъ быть и что дѣлать, и отъ секцій посылались коммиссары въ Ратушу. Къ сожалѣнію, протоколы этихъ собраній сгорѣли въ 1871 г., и сохранились свѣдѣнія, да и то недостаточно полныя, о томъ, что происходило лишь въ 8 секціяхъ. На основаніи этихъ данныхъ и другихъ отрывочныхъ извѣстій Брэшъ даетъ общій обзоръ преній, происходившихъ въ 48 секціяхъ въ ночь съ 9 на 10 августа. Онъ находитъ, что въ началѣ вечера къ рѣшенію секціи Quinz-Vingts примыкало только 13 секцій, но очень быстро это число дошло до 30. Изъ 48 секцій 41 еще до полуночи устроили свои собранія, изъ которыхъ почти всѣ продолжались и послѣ, хотя при очень небольшомъ количествѣ членовъ. Собранія эти были наводнены пассивными гражданами, „дѣломъ которыхъ, говоритъ Брэшъ, въ значительной мѣрѣ и была революція 10 августа". Правда, въ качествѣ участниковъ или зрителей они раньше допускались въ секціонныя собранія, но теперь впервые приняли дѣятельное участіе въ событіяхъ. Въ нѣкоторыхъ демократическихъ секціяхъ въ началѣ вечера, когда въ сборѣ были одни активные граждане, сначала господствовало настроеніе, вра-

ждебное какому бы то ни было революціонному выступленію. Во всякомъ случаѣ, нельзя не отмѣтить того, что двѣ пятыхъ секцій не были представлены своими коммиссарами въ Ратушѣ передъ началомъ боя [1]). Своими рѣшеніями секціи предвосхитили введеніе всеобщаго избирательнаго права, которое Законодательнымъ Собраніемъ было декретировано лишь на другой день. Съ другой стороны, онѣ постановили повиноваться только своимъ коммиссарамъ въ Ратушѣ и замѣнить прежнихъ начальниковъ національной гвардіи своими вождями.

Если успѣху движенія 10 августа содѣйствовали, главнымъ образомъ, пассивные граждане, то тотъ же результатъ имѣло самоустраненіе въ этотъ день активныхъ гражданъ консервативнаго лагеря. Брэшъ разсматриваетъ, какія секціи послали своихъ представителей въ Ратушу, гдѣ послѣдніе и захватили власть надъ городомъ въ свои руки. Это были всѣ ультра-демократическія секціи, во-первыхъ. Далѣе, изъ 23 умѣренно-демократическихъ секцій послали своихъ делегатовъ 15; относительно 4 мы ничего не знаемъ, о двухъ извѣстно, что онѣ были на сторонѣ движенія, и только двѣ секціи, очень рано (въ 10 ч.) закрывшія свои собранія 9 августа, были, повидимому, настроены не въ пользу движенія. Нѣкоторыя секціи вообще держались выжидательной политики и примкнули къ движенію, тогда лишь, когда побѣда была уже за нимъ. Удивительно, наконецъ, что въ числѣ секцій, представленныхъ въ Ратушѣ въ ночь съ 9 на 10 августа, оказались нѣкоторыя консервативныя секціи. Очевидно, въ нихъ появленіе пассивныхъ гражданъ сразу создало новое большинство. Мѣстами консерваторы просто удалились, но въ большинствѣ случаевъ, должно быть, собранія рано закрывались или же собраній и вовсе не было.

Говоря о составѣ революціонной коммуны (т. е. общаго совѣта) 10 августа, Брэшъ поправляетъ ошибку Жореса, называющаго ее пролетарскою. На самомъ дѣлѣ, изъ 206 ея членовъ, профессіи которыхъ намъ извѣстны, къ пролетаріату можно отнести только двоихъ: наиболѣе демократическими ея членами были ремесленники, лавочники и т. п. [2]).

Таково было первое крупное политическое выступленіе парижскихъ секцій, отразившееся, между прочимъ, и на ихъ собственной судьбѣ. Революціонная коммуна, ими созданная, съ самаго же начала обнаружила стремленіе держать ихъ въ извѣстной зависимости отъ себя и контролировать ихъ дѣятельность,—какъ хотѣла

---

1) См. въ „Парижскихъ секціяхъ“ карту III, воспроизводящую карту Саньяка, и объяснительный текстъ къ этой картѣ.

2) Интересный вопросъ въ исторіи секцій 1792 г. представляетъ собою участіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ сентябрьскихъ убійствахъ. Оно, къ сожалѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, и новѣйшіе историки революціи его не отрицаютъ.

господствовать и надъ Законодательнымъ Собраніемъ, доживавшимъ послѣдніе дни. Уже въ двадцатыхъ числахъ августа 1792 г. нѣкоторыя секціи начали протестовать противъ диктаторскихъ замашекъ созданной ими городской власти. Антагонизмъ между этимъ центральнымъ органомъ Парижа и секціями проходитъ красною нитью черезъ исторію ихъ взаимныхъ отношеній. Между прочимъ, и въ самомъ началѣ Конвента, съ которымъ Парижская Коммуна тоже вступила въ конфликтъ, секціи стояли въ оппозиціи противъ Коммуны и поддерживали національное представительство. Въ это время уже разыгрывалась борьба между жирондистами и монтаньярами, которой суждено было разрѣшиться побѣдою вторыхъ при помощи новаго бурнаго выступленія секцій.

Н. Карѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Весеннія терцины.

Опять, опять въ молчаньѣ переулка
Я слышу зовъ, твой тихій зовъ, весна.
Шаги звучатъ отчетливо и гулко.

Въ разливахъ лужъ дрожитъ, змѣясь, луна,
И надъ землей, сквозящей изъ-подъ снѣга,
Тамъ, въ вышинѣ, колдуетъ тишина.

А здѣсь, въ саду, запутавшись съ разбѣга,
Гудитъ въ вѣтвяхъ, среди сквозныхъ вершинъ,
Февральскій вечеръ,—странникъ безъ ночлега.

Онъ мнѣ съ полей, съ чернѣющихъ равнинъ
Принесъ земли весеннее дыханье,
А съ моря шумъ и грохотъ синихъ льдинъ.

Весна моя! Привѣтствую въ молчаньѣ
Я твой приходъ! Твоихъ звенящихъ дней
Мнѣ радостно и сладко ожиданье.

Твой тихій зовъ поетъ въ душѣ моей,
И таетъ грусть отъ первой вешней ласки,
Какъ таяла отъ блещущихъ лучей

Снѣгурочка изъ старой дѣтской сказки.

Ада Чумаченко.

ПОДОБІЕ БОЖІЕ.

Разсказъ.

I.

-- Теперь я имъ покажу, кто я!—воскликнулъ Николай Васильевичъ Ежовъ, поднимая кверху тѣсно сжатый кулакъ.—Всѣмъ покажу!.. И самому директору правленія, и управляющему конторой, и всѣмъ остальнымъ мерзавцамъ и мучителямъ!.. Посчитаюсь теперь съ ними по-свойски, ого!

Онъ побѣдно потрясалъ кулакомъ...

А кулакъ у него не грозный, — маленькій, сухонькій, дряблый. Да и вся фигура Николая Васильевича не слишкомъ устрашающая: щуплая, хилая, немножко кривенькая...

На Ежовѣ нѣтъ пиджака. Жилетка застегнута на одну верхнюю пуговку. На животѣ жилетка расходится, и изъ нея вываливается мягкая и мятая манишка сѣрой бумазейной рубахи. На ногахъ, вмѣсто туфель, старыя калоши. Когда Ежовъ шагаетъ, калоши громко шлепаютъ и шаркаютъ по полу. Штаны на Ежовѣ ветхіе, коротковатые и такіе узенькіе, что ясно обрисовываются подъ ними ноги, сухія, слегка согнутыя въ колѣняхъ... Зубовъ у Николая Васильевича немного, плѣшь во всю голову, бороденка жиденькая, уже сѣдая. Когда-то бородка была грязно-желтая, такая же, какъ и щеки, которыя она украшаетъ... Сзади, за ушами, частью покрывая уши, болтаются у Ежова сѣро-желтые хвостики. Это остатки плотной гривы, которою блисталъ онъ когда-то. Лучше бы хвостики срѣзать, но Ежовъ этого не сдѣлаетъ никогда. Хвостики—это эмблема, своего рода символъ или реликвія. Хвостики—это то, что напоминаетъ ему прошлое, говоритъ ему, что былъ, что былъ вѣдь и онъ когда-то студентомъ!..

Если не считать этихъ хвостиковъ, — ничего ровно отъ студенчества въ Ежовѣ не осталось. Знанія позабыты давно и основательно, а воспоминанія тоже тускнѣютъ и гаснутъ... И только вотъ эти бѣдныя, жиденькія, сѣрыя пряди волосъ

за ушами сѣро говорятъ о томъ, что была когда-то у Ежова alma mater, что знакомъ онъ былъ съ профессорами...

— Вѣдь они тамъ еще ровно ничего не знаютъ!—захлебываясь отъ радости и звонко шлепая большими калошами, кричитъ женѣ Ежовъ. Ничего, не подозрѣваютъ... Дуррраки!.. Они считаютъ, что такъ оно имъ до скончанія вѣковъ будетъ: старый Ежовъ будетъ тянуть свою проклятую лямку, будетъ гнуть свою несчастную старую шею, а они—ишь ты какіе вумные!—они будутъ Ежовымъ помыкать... Вотъ имъ чего требуется!.. А дулю не хотите? Вотъ этакую здоровенную?

Онъ остановился передъ женой и показалъ какую здоровенную....

Потомъ зашагалъ опять, шлепая калошами, и залился тихимъ, блаженнымъ смѣхомъ... Его желто-сѣрые хвостики, жиденькая, сѣрая бородка и грязная манишка бумазейной рубашки при этомъ сильно затряслись.

— Сколько угодно, голубчики!.. Сколько угодно воображайте себѣ, и важничайте, и нахальничайте! Но только надъ кѣмъ-нибудь другимъ нахальничайте, а не надъ Ежовымъ. Надъ Ежовымъ—дудки!.. Подавитесь... Ежовъ теперь никого не боится. Никого изъ васъ онъ и знать не хочетъ. Наплевать ему теперь на васъ на всѣхъ съ высокаго дерева, вотъ оно что!

II.

Въ жизни Ежова произошло необыкновенное и чудесное событіе.

До сихъ поръ все существованіе этого человѣка протекало тоскливо и тяжело.

Въ молодости, тотчасъ послѣ университета, который по бѣдности пришлось ему бросить съ третьяго курса, была служба въ сиротскомъ судѣ, маленькая, нудная, глупая, такая глупая, что взрослому и не безграмотному человѣку даже неловко и обидно было ее исполнять. Духовной мощи гоголевскаго Петрушки хватило бы съ избыткомъ, чтобы справиться съ ней. Жалованье было крохотное. За неимѣніемъ лучшаго, Ежовъ крѣпко держался и за эту службу... А когда перешелъ онъ изъ сиротскаго суда въ контору судостроительнаго завода, онъ сталъ получать больше жалованья, но работа оказалась не умнѣе. Онъ былъ корреспондентомъ, ежедневно писалъ писемъ тридцать, и почти каждое изъ нихъ начиналось такъ:

— „Симъ подтверждая полученіе Вашего почтеннѣйшаго отъ такого-то сего мѣсяца, честь имѣемъ сообщить“...

Честь имѣлъ онъ сообщить въ день своего поступленія на заводъ, честь имѣлъ онъ сообщить и девятнадцать лѣтъ спустя, въ самый часъ оставленія службы...

Въ этой непрерывавшейся чести онъ провелъ лучшую часть своей жизни. И эта, даже лучшая часть его жизни была скучна и нудна, безцвѣтна, безвкусна, безрадостна и, какъ мельничный жерновъ, тяжела.

Нищета духовная, скудость матеріальная. Ничего живого, что шевелило бы мозгъ, и въ то же время каждый кусокъ сахару на учетѣ и каждую даже обгорѣвшую уже спичку надо охранять заботливо,—„послужитъ еще разъ“. Горькое, запуганное и пасмурное существованіе пришибленныхъ бѣдняковъ, въ которомъ каждый нехмурый взглядъ представляется чѣмъ-то чуждымъ, непозволеннымъ, чѣмъ-то почти оскорбительнымъ для установившагося разъ навсегда тона угодливой скромности и неразсуждающаго послушанія...

Николая Васильевича природа надѣлила хорошимъ ростомъ. Но подневольная робкая жизнь согнула его хребетъ, вдавила грудь, и теперь Ежовъ казался маленькимъ. Когда онъ былъ студентомъ и еще игралъ на корнетъ-а-пистонѣ, курсисткамъ нравились его большіе синіе глаза и веселый румянецъ щекъ. Теперь глаза были, какъ эта облинявшая отъ многократной стирки бумазейная рубашка его, угрюмы и тусклы, а глядя на впалыя, мятыя, сѣрыя щеки Ежова, можно было подумать, что его точитъ тяжкая хроническая болѣзнь...

Строго говоря, особенно тяжелой нужды, недоѣданія, семья Ежова не испытывала. Были сыты и обуты дѣти, была всегда натоплена квартира, и почти не зналъ Николай Васильевичъ долговъ. Но скучна, противна, до одури утомительна была эта вѣчная необходимость пугливо оберегать каждый грошикъ, это постоянное подсчитываніе каждой ложки супа, и такъ раздражало порою,—даже его, покорившагося,—что на конку нельзя сѣсть у своихъ воротъ, откуда платить придется за два участка восемь копѣекъ, а надо раньше прошагать два квартала до ренсковой лавки Гребенюка, и тогда будетъ стоитъ только пятачокъ...

Тринадцатый годъ живетъ на той же квартирѣ Ежовъ. Каждый день, отправляясь на службу, онъ дѣлаетъ одинъ и тотъ же коночный конецъ, и за все время онъ, можетъ быть, только разъ десять отважился на этотъ перерасходъ въ три копейки: садился въ вагонъ у своихъ воротъ. Позволялъ онъ себѣ это при обстоятельствахъ самыхъ исключительныхъ: когда на заводѣ случился пожаръ, и онъ спѣшилъ туда, чтобы спасти свои бумаги, или когда беременную жену отвозилъ для родовъ въ родильный пріютъ.

III.

Дома у Ежова, въ сущности, все благополучно: дѣти не сорванцы, не дуботолки, не буяны-горлодеры. Ничего себѣ дѣти, среднія. И жена тоже ничего себѣ, средняя. Не злая и не очень добрая. Не больная и не вполнѣ здоровая. Худощавое, неразговорчивое, безцвѣтное существо, которое какъ будто и присутствуетъ, какъ будто и подсчитываетъ куски сахару, но котораго въ то же время какъ будто вовсе и нѣтъ... Ахъ, скука!

Вотъ въ этой скукѣ, въ долголѣтней и ежедневной подчиненности каждому куску сахару и каждой обгорѣлой спичкѣ, и жилъ Ежовъ.

Дома давила бѣдность. На заводѣ давили сослуживцы.

Нельзя сказать, что сослуживцы относились къ нему особенно худо. Но Ежову худо было съ сослуживцами оттого, что онъ былъ среди нихъ самый робкій и самый скучный. Онъ былъ, если не бѣднѣе другихъ, то экономнѣе всѣхъ. Отъ одного его пахло скипидаромъ, которымъ дома чистила ему жена ветхонькій пиджачокъ, и одинъ только онъ носилъ воротнички изъ гуттаперчи.

Служитель Поликарпъ, маленькій сѣденькій старичокъ въ синей ливреѣ съ золотыми позументами, приносилъ служащимъ чай. Чай былъ крѣпкій, темнокрасный, какъ пиво, сладкій, и платили за него служащіе по рублю двадцати копѣекъ въ мѣсяцъ. Къ чаю обыкновенно брали и крендельки. Ежовъ же, всегда хлопотавшій о дешевизнѣ, вошелъ съ Поликарпомъ въ особое соглашеніе, и тотъ дѣлалъ ему уступку съ общей цѣны, а чай за то наливалъ свѣтленькій, блѣдный, какъ касторовое масло... Сахаръ Ежовъ имѣлъ свой, а вмѣсто крендельковъ ѣлъ черствую булку, которую приносилъ изъ дому въ карманахъ пиджака, пахнувшаго скипидаромъ...

Ежовъ твердо усвоилъ разъ навсегда: для него на свѣтѣ будетъ только то, что похуже, подешевле, что третій сортъ. До такой степени прочно утвердился онъ въ этомъ сознаніи, что даже тамъ, гдѣ платить и не нужно было, онъ все-таки не позволялъ себѣ посягнуть на лучшее и тихонько протягивалъ руку только къ тому, что было почерствѣе, качествомъ пониже. На бульварѣ онъ гулялъ не по главной аллеѣ, а по боковой, гдѣ не поливаютъ и гдѣ скамейки безъ спинокъ. А въ заводской конторѣ, которая выписывала нѣсколько газетъ, онъ читалъ не большой, хорошо освѣдомленный и содержательный „Нашъ Край“, а скучную и неинтересную „Городскую Копѣйку“.

Начальство заводское не любило Ежова.

Директоръ завода фонъ-Райеръ, спокойный медлительный старикъ, съ длинной, раздвоенной, бѣлоснѣжной бородой, совсѣмъ не имѣлъ съ нимъ сношеній, мало о немъ и зналъ. Но управляющій конторой Должанскій, непосредственный начальникъ Ежова, высокій румяный блондинъ съ рыжими усами и веселымъ взглядомъ, относился къ нему съ худо скрытой брезгливостью.

Унылый, поношенный, пугливый старикъ съ жалкими хвостиками за ушами не могъ нравиться жизнерадостному, полному силъ и бойкости, молодому инженеру. Но инженеръ этотъ все-таки сдерживалъ себя,—онъ немножко жалѣлъ старика,—и старался подчиненнаго своего не тѣснить.

Случалось однако, что, чѣмъ-нибудь раздраженный, онъ срывалъ свою досаду на Ежовѣ безъ церемоніи и оскорблялъ его тяжко.

— Вы отчего это вчера не изволили явиться на службу?

— Я... я... Обстоятельства...

— У васъ всегда обстоятельства!

— Ангина... въ горлѣ ангина,—замирая лепечетъ Ежовъ.

— Чего?

— Ангина... У младшенькаго моего... Боялись даже, не дифтеритъ-ли...

— Милліонъ дѣтей народятъ, и всѣ не переставая хвораютъ и болѣютъ...

Потомъ, сознавъ свою грубость и раскаиваясь въ ней, Должанскій старается быть съ Ежовымъ ласковымъ, пожалуй, нѣжнымъ. Но этой ласки и этой нѣжности бѣдняга Ежовъ боялся больше даже, чѣмъ окриковъ и оскорбленій... Недовѣрчивый, подозрительный, забитый, навѣки пришибленный и запуганный, ничего добраго отъ жизни, отъ людей не видѣвшій и не ожидавшій, онъ даже улыбки начальника боялся, даже въ похвалѣ его чувствовалъ опасность и готовился всегда къ однимъ только непріятностямъ, обидамъ и щелчкамъ... И если бы только могъ онъ дать свободу своимъ чувствамъ, если бы свободы этой не боялся больше, чѣмъ боялся самого начальства,—великую, неугасимую и острую ненависть питалъ бы онъ къ инженеру Должанскому...

Теперь же онъ говорилъ себѣ, что инженера Должанскаго онъ любитъ, любитъ и чтитъ, и что инженеръ Должанскій, въ сущности, хорошій парень, очень, очень милый человѣкъ...

IV.

И вдругъ произошло чудесное событіе.

Извѣстили Ежова, что тетка его, вдова Любовь Андреевна

Кудрявцева, домовладѣлица въ Севастополѣ, схоронившая прошлой осенью свою единственную дочь и собиравшаяся на Красную Горку обвѣнчаться съ отставнымъ капитаномъ второго ранга Цвѣтковымъ, неожиданно умерла...

Умерла въ три дня, отъ той же болѣзни, которая унесла и ея дѣвочку,—отъ скарлатины. Завѣщанія она составить не успѣла, и теперь домъ ея и вообще все ея имущество по закону переходитъ къ нему, Ежову.

Послѣ первой поры недовѣрія, сомнѣній и радостной очумѣлости, окончательно утвердившись въ сознаніи, что тутъ не пустой только слухъ, а самая настоящая, прочная правда, Ежовъ сталъ вдумываться въ новое свое положеніе. Наслѣдство было большое: домъ, кое-какая движимость и за слободкой хатка съ обширными баштанами, которые сдавались въ аренду. Все вмѣстѣ должно доставить отъ трехъ съ половиной до четырехъ тысячъ въ годъ...

Что жъ?

Значитъ, полный переворотъ!

Значитъ, служба—къ черту!

Значитъ, бѣдности, подчиненности какъ и не бывало!? Живи спокойно, свободно, независимо, не работая, доставляя себѣ всѣ удобства и удовольствія?...

Да не можетъ это быть!...

Всего этого нѣтъ. Все это неправда! Все это невѣроятно!..

Ежовъ снова бросался къ нотаріусу, къ адвокатамъ, въ сиротскій судъ... Онъ провѣрялъ, узнавалъ, справлялся, распрашивалъ...

Да, все такъ!... Все вѣрно. Тетка умерла. Наслѣдство есть...

У Ежова стало работать воображеніе.

Воображеніе окоченѣло у него давно. Способность мечтать оставила его много лѣтъ назадъ. Когда-то, въ началѣ своей служебной карьеры, онъ былъ большой охотникъ до разнаго рода мечтаній. Онъ мечталъ, что полюбитъ его начальство и дадутъ ему отличную службу. Почему бы, чортъ возьми, не сдѣлаться и членомъ правленія?... Мечталъ онъ и о томъ, что выиграетъ двѣсти тысячъ... И о многихъ другихъ пріятныхъ вещахъ мечталъ онъ, часто и долго. Но тяжкая и темная жизнь ни въ чемъ и никогда не осуществляла его мечтаній, даже въ самомъ незначительномъ. И потому уже всякая мечта была Ежову ненавистна и вызывала въ немъ только раздраженіе и глухую злобу.

— Къ чорту!

И какъ-то утрачивались даже и желаніе и умѣнье мечтать...

Если же, въ рѣдкихъ случаяхъ, воображеніе Николая

Васильевича все-таки начинало шевелиться, то ужъ не заносилось оно никуда ввысь. Полета не было и въ мечтахъ. Смѣлость не являлась и въ сновидѣніяхъ. Воображеніе тяжело ползало около маленькаго и тусклаго, около копеекъ и вершковъ... Вотъ стали въ городской думѣ говорить о выкупѣ конки. Значитъ, удешевится проѣздъ. Это чудесно!.. На семью это можетъ составить въ мѣсяцъ экономію въ рубликъ. Очень даже пріятно!

Или: если пошлетъ судьба хорошаго жильца, то за гостиную, которую теперь сдаютъ по тринадцати рублей, можно будетъ взять и всѣ пятнадцать... А если повезетъ особенно, и захочетъ Господь, чтобы жилецъ былъ еще и хворый, онъ возьметъ да поѣдетъ лѣтомъ въ Одессу на лиманъ лѣчиться, а комнату оставитъ за собой. Въ его отсутствіе, значитъ, можно будетъ пользоваться гостиной. Ишь-ты,—съ гостиной! Какъ настоящіе господа!.. Хе-хе-хе...

Передъ Пасхой пришлось Ежову взять за полтинникъ лотерейный билетъ. Лотерея была въ пользу клуба студентовъ академистовъ. Билеты распространялись при содѣйствіи полиціи, и отвертѣться, не взять билета, нельзя было. Воображеніе Ежова, когда онъ смотрѣлъ на свой билетъ, начинало работать.

— Вотъ, если выиграю!

Но, по твердо вкоренившейся привычкѣ къ третьему сорту, онъ мечталъ не о брилліантовыхъ серьгахъ, главномъ выигрышѣ, а только о черныхъ часахъ „Омега“ или о живой тирольской коровѣ...

Теперь, когда на него такимъ чудеснымъ образомъ свалилось вдругъ цѣлое состояніе, что-то словно дрогнуло въ мозгу Николая Васильевича, оттаяло тамъ, выпрямилось,—и вернулась къ нему способность грезить... Что за грезы обступили, что за планы, что за удивительныя мысли!..

И, можетъ быть, одной изъ самыхъ яркихъ и самыхъ сладостныхъ мыслей была мысль о томъ, какъ гордо, и торжественно, и эффектно онъ объявитъ на заводѣ, что—чортъ ихъ дери всѣхъ,—бросаетъ онъ службу! Бросаетъ совсѣмъ, навсегда, навѣки! И знать онъ никакой службы отнынѣ не хочетъ и не желаетъ!...

Ага, подскочатъ?!

Подскочатъ, ахнутъ, завоютъ, черти проклятые. Какъ клопы отъ кипятку забѣгаютъ, засуетятся! Отъ зависти полопаются всѣ!..

И самъ-то, самъ-то господинъ управляющій конторой, самъ-то знаменитый господинъ инженеръ Должанскій какую рожу состроитъ!..

— А-а-а, миленькій, не по вкусу тебѣ?.. Не нравится,

что не можешь больше угнетать Ежова?.. Ву не вуле па? Ажъ глаза вылупилъ...

О, какъ же это будетъ хорошо, какъ это будетъ невыразимо сладко: подойти къ Должанскому — къ Должанскому, къ Болванскому,—подойти этакъ спокойненько, сдержанно, вѣжливо, какъ будто ничего ровно и не случилось, какъ будто совсѣмъ о пустякѣ будетъ рѣчь, и сразу же ему—бухъ:

— Не желаю-съ... Ухожу-съ. Больше не служу-съ!.. И я тоже, же не вуле па!..

V.

— Вотъ, они гдѣ у меня теперь всѣ, вотъ, — въ сотый разъ показывалъ Ежовъ свой сухонькій кулачокъ женѣ.— Давили меня, мерзавцы!.. Оскорбляли, душу мою топтали, человѣка изъ меня вытравили. Даже дѣтей мнѣ имѣть запрещаете. „Милліонъ дѣтей народили, и всѣ дѣти болѣютъ“!.. Ужъ не имѣютъ мои дѣти права болѣть?!.. Ну, теперь будетъ вамъ! Баста! Теперь я снова человѣкъ. Съ самолюбіемъ!.. Съ сознаніемъ своего достоинства... Съ гордостью!.. Съ образомъ и подобіемъ Божьимъ!

Онъ выпяливалъ нижнюю губу и важно поднималъ кверху свою плѣшивую голову. Прозрачная бороденка становилась почти горизонтально, а хвостики за ушами сползали на плечи и ерзали по нимъ.

— Подобіе Божье!.. ты это понимаешь или нѣтъ?

И видѣлъ: жена не понимаетъ.

Жена радуется наслѣдству. Она счастлива. Но у нея все какія-то низменныя соображенія,—матеріальныя, хозяйственныя. Главнаго же, того, что вотъ, возвращается къ человѣку его духовная цѣнность — священное подобіе Божье,— этого она оцѣнить не въ состояніи...

— Ну, да! Знаю... для тебя главное, чтобы можно было квочку на яйца посадить, — съ грустнымъ укоромъ обращается къ женѣ Ежовъ.

— А что жъ?.. И очень хорошо, когда квочка... — объясняетъ жена.—А что жъ, какъ тутъ у насъ: сараи общіе, и жильцы пакостятъ, обливаютъ нашу квочку водой...

— Да. У тебя одно только въ головѣ: чтобы яйца...

— Повѣсили мы сушить бѣлье, а полковницкая Дунька чисто все бѣлье наземь поскидала. Все, проклятая, перепачкала. Опять полоскать надо... Воображаетъ, если она полковницкая прислуга, такъ и врать можетъ. „Вѣтеръ поски-

далъ"... А гдѣ тамъ вѣтеръ, когда жъ сама своими глазами видѣла...

— Э-э-эхъ, матушка ты моя...

Непонятый Ежовъ съ выраженіемъ досады и печальнаго укора нетерпѣливо чешетъ себя сзади, подъ плѣшью, въ сѣрыхъ хвостикахъ.

— А когда мы въ собственномъ своемъ домѣ будемъ жить, никто моего бѣлья тронуть не посмѣетъ.

Ну, конечно, она не понимаетъ!..

Она не можетъ понять.

Это выше ея духовнаго уровня.

И ее тоже заѣла и принизила вѣчная бѣдность и зависимость... Свобода, какъ таковая, цѣнности для нея уже не представляетъ. „Квочка, бѣлье, полковницкая Дунька"...

Что-жъ, надо правду сказать: она человѣкъ невысокой культуры... Образованіе у нея скудное, и вотъ это (Ежовъ взялся концами пальцевъ за свои сѣроватые хвостики у ушей,—остатки и символъ студенчества)—это вотъ всегда было ей чуждо... Alma mater—какая тамъ у нея alma mater?.. Бѣлье вотъ, квочка, полковницкая Дунька...

Изъ деликатности, изъ любви къ женѣ, изъ ласковаго сожалѣнія къ ней, онъ ничего этого ей не говоритъ. Но про себя онъ съ гордостью и удовольствіемъ думаетъ, что вотъ когда оно и обнаруживается: университетскій воздухъ не остался безъ вліянія на его душу... Теперь, въ этихъ счастливыхъ перемѣнахъ, главное для него, самое главное и дорогое, это не матеріальная сторона, не квочка тамъ или другое подобное, а освобожденіе духа,—то, что возвращается ему образъ и подобіе Божье...

Заводъ, проклятый заводъ съ гудками и черными трубами, куда каждый день по медленно тащившейся конкѣ столько лѣтъ ѣздилъ Ежовъ, заводъ этотъ казался ему главнымъ и самымъ наглымъ врагомъ его. Долгіе годы службы на заводѣ, годы подневольности, тупой угодливости, тихаго подобострастнаго смиренія, превратили его въ тусклаго раба, опустошили всю его душу, умертвили ее... Ну, а теперь—стопъ! Назадъ!.. Теперь кончено!.. Теперь можно посчитаться Теперь заводъ не страшенъ.

Если бы у завода была рожа, Ежовъ плюнулъ бы въ эту рожу. На, дрянь, получай! Получай, гнусный мерзавецъ!..

Но рожи у завода нѣтъ. Рожи нѣтъ, а есть начальство... Директоръ правленія есть, нѣмецъ фонъ-Райеръ, съ раздвоенной бородой. Есть управляющій конторой, бойкій инженеръ Должанскій... Что-жъ, можно посчитаться съ ними. Какъ слѣдуетъ, можно побесѣдовать съ этими милыми мо-

лодчиками! Теперь можно. Теперь Ежову все можно. И теперь Ежовъ все можетъ.

VI.

Ежовъ пришелъ въ контору, какъ всегда, раньше другихъ.

Онъ вошелъ тихо, беззвучно, и тихо снялъ пальто. Выраженіе лица было у него, какъ всегда, тихое и сосредоточенное. Но старенькому Поликарпу, который въ эту минуту надѣвалъ синюю ливрею съ золотыми позументами, онъ на привѣтствіе отвѣтилъ какъ-то странно, не по обычному,—не то фыркнувъ, не то кашлянувъ. Какъ теперь обходиться съ Поликарпомъ?..

Ежовъ взялъ газету, — не „Городскую Копѣйку“, какъ всегда, а „Нашъ Край“. Онъ усѣлся за своей конторкой и, широко развернувъ огромный листъ, принялся читать... Расположеніе матеріала было незнакомо, подписи подъ статьями неизвѣстны, и писалось въ газетѣ все про что-то ненужное, лишнее, про такое, чѣмъ Ежовъ интересоваться давно отвыкъ... Но онъ газеты не оставлялъ и держалъ ее въ рукахъ долго,—даже и тогда, когда пришли другіе служащіе, претенденты на нее...

„Только для васъ дорогая газета? А мнѣ „Городскую Копѣйку“ читать? Дуррраки! Аристократы собачьи!.. Да я теперь богаче васъ! Я самъ себѣ десять газетъ могу выписать. И „Вѣстникъ Европы“ могу.. Изъ Парижа „Figaro“ могу... Ослы“...

Ему очень хотѣлось, чтобы кто-нибудь выразилъ удивленіе, что онъ взялъ сегодня „Нашъ Край“. Еще лучше было бы, если бы кто-нибудь вздумалъ пошутить на этотъ счетъ... Ему казалось, что Асташкинъ, молоденькій, рыжій, смѣшливый конторщикъ въ дымчатомъ пенснэ, сидѣвшій въ углу, у шкафа съ зелеными занавѣсками, очень хочетъ поострить на эту тему. И онъ ждалъ Асташкинскихъ остротъ съ нетерпѣніемъ... А ну-ну! Попробуй!..

Онъ показалъ бы тогда этому цуцыку, какіе бываютъ на свѣтѣ зубы и какъ ими огрызаются...

Но Асташкинъ ничего Николаю Васильевичу не сказалъ, и скоро въ конторѣ всѣ принялись за обычную работу...

„Подтверждая полученіе Вашего почтеннѣйшаго отъ тринадцатаго сего мѣсяца“...—выводилъ Ежовъ. А самъ внутренно вздрагивалъ и замиралъ: сейчасъ онъ объявитъ... заявитъ... скажетъ...

Пойдетъ къ самому директору фонъ-Райеру и скажетъ

ему, дурацкому нѣмцу съ двумя бородами, что вотъ, гутъ моргенъ! Не нуждается!.. Ага, затрясутся его двѣ бороды!..

„Что, да какъ?..“

А никакъ!.. Гутъ моргенъ, и конченъ балъ. Не желаетъ служить. А почему не желаетъ—не хочетъ и объяснять.

Обязанъ объяснять что-ли?

Если у директора двѣ бороды, то Ежовъ обязанъ? Да хоть бы восемь бородъ было.,. Бисмаркъ собачій, страсбургскій паштетъ!

„Въ отвѣтъ на Ваше почтеннѣйшее“...

— Сегодня еще напишу это письмо, отвѣчу. Чортъ съ ними, сегодня отвѣчу... А, впрочемъ, если не захочу, то и не отвѣчу... Брошу вотъ на полусловѣ и уйду... Что мнѣ могутъ сдѣлать? Жалованье не отдадутъ? А мнѣ начхать на жалованье. Я самъ себѣ положу жалованье,—вотъ!..

VII.

Въ двѣнадцатомъ часу пили чай...

Всѣмъ служащимъ Поликарпъ понесъ подносъ съ крѣпкимъ красноватымъ и сладкимъ чаемъ. Понесъ и крендели. Для Ежова, по обыкновенію, стоялъ стаканъ свѣтло-желтенькаго чаю, безъ сахару...

Ежовъ не зналъ, какъ поступить: заорать на Поликарпа, сказать ему, что онъ дуракъ и хамъ, не умѣетъ наливать чай, или наоборотъ: вѣжливо и мягко, съ особой снисходительностью, съ той самой, съ какой говоритъ всегда директоръ фонъ-Райеръ, попросить себѣ стаканъ самаго крѣпкаго и сладкаго чаю и даже бутербродъ.

— Да, лучше я мягко... Поликарпъ что жъ? Поликарпъ не виноватъ... На маленькаго человѣка чего орать?.. Вотъ если бы на директора или, положимъ, на инженера Должанскаго, это другое дѣло: тѣмъ задать слѣдуетъ. Здорово бы имъ всыпать! Чтобъ чухались долго. А на Поликарпа?.. Нѣтъ, надо теперь съ достоинствомъ... Это главное. Надо не перегнуть лукъ. Надо умѣть быть на высотѣ положенія. Надо съ достоинствомъ, по-человѣчески. Маленькихъ людей нельзя оскорблять...

Силясь быть спокойнымъ и сдержаннымъ, онъ попросилъ бутербродъ съ ветчиной...

Потомъ попросилъ еще одинъ—съ сыромъ.

Смѣшливый Асташкинъ озадаченно посмотрѣлъ на Ежова черезъ свое дымчатое пенснэ и выразилъ догадку, что тотъ вѣрно экспропріировалъ государственный банкъ, если „такъ закутилъ“... Ежовъ не отвѣтилъ Асташкину. Внутренно же

залился радостнымъ, хитрымъ смѣхомъ, отъ котораго все его мятое и сѣрое лицо такъ и засвѣтилось...

— Постой, пенснэ паршивое, постой!.. Сейчасъ ты у меня еще не такъ завертишься... Пріѣдетъ директоръ, объявлю ему... И узнаете всѣ... Небось, подскочите... Ну, главное, чтобы теперь съ достоинствомъ!.. Чтобы не потерять самообладанія. И чтобы не нахально какъ-нибудь. Нужно, чтобы гордо, съ достоинствомъ, но отнюдь не нахально, отнюдь не какъ выскочка...

— Сегодня играютъ оперу „Аида“,—громко объявилъ онъ вдругъ.

— „Оперу Аида“,—гримасничая, фыркнулъ Асташкинъ.— А я до сихъ поръ все считалъ, что „Аида“ — это водевиль.

Ежовъ понялъ, что выразился неудачно,—какъ человѣкъ, который уже лѣтъ пятнадцать не былъ въ театрѣ и который даже афишъ театральныхъ никогда не читаетъ. Но это его не смутило. Ничего-съ!.. Скорѣе онъ можетъ купить ложу, чѣмъ этотъ рыжій Асташкинъ. Ничего-съ!.. Наплевать!..

Онъ сидѣлъ, писалъ... „Подтверждая полученіе Вашего почтеннѣйшаго“... И въ душѣ его звучало что-то нѣжное, весеннее, какая-то особенно сладостная музыка... Сначала онъ не могъ понять, что это за музыка. Потомъ вспомнилъ: это былъ полонезъ „Прекрасная Подолянка“, который много лѣтъ назадъ молодымъ влюбленнымъ студентомъ выводилъ онъ въ одну апрѣльскую ночь на корнетъ-а-пистонѣ..

Онъ совсѣмъ забылъ этотъ полонезъ, забылъ, что зналъ его, кажется, забылъ, что былъ влюбленъ, и что бываютъ апрѣльскія ночи... Теперь, въ день, когда онъ объявитъ директору, что уходитъ съ завода, музыка вдругъ ожила...

„Подтверждая полученіе Вашего почтеннѣйшаго“..., — а „Прекрасная Подолянка“ звучитъ и звучитъ...

VIII.

Въ половинѣ второго пріѣхалъ директоръ правленія, „двухбородый“ нѣмецъ фонъ-Райеръ. Ежовымъ овладѣло такое огромное, сладостное напряженіе, что голова у него закружилась и руки стали трястись...

Наступаетъ моментъ освобожденія! Вотъ пришелъ моментъ, съ котораго жизнь круто повернетъ въ другомъ направленіи.

Зависимость, приниженность, порабощеніе—до этой только черты. А за чертой—свобода!

И снова станетъ онъ человѣкомъ, и вновь обрѣтетъ онъ образъ и подобіе Божье...

До такой степени отчетливо и сильно было это сознаніе что даже физически сталъ онъ ощущать какую-то перемѣну въ себѣ: точно расправлялась на лицѣ кожа, дѣлалась легче, свѣтлѣе, нѣжнѣе...

— Поликарпъ, — ласково и какъ-то даже устало, разнѣженно, позвалъ Ежовъ.—Сходите, милый Поликарпъ, къ директору, скажите, что я желаю съ нимъ поговорить.

— Чего изволите?

Ежовъ повторилъ свои слова.

— Значитъ, просите, чтобы васъ приняли?—попробовалъ Поликарпъ разъяснить себѣ смыслъ выраженнаго Ежовымъ страннаго желанія.

— Ну да... Передайте, какъ я сказалъ вамъ...

Поликарпъ внимательно оглядѣлъ Ежова, пошевелилъ сѣдыми бровями и, оправляя на себѣ ливрею, сказалъ:

— Извините, Николай Васильевичъ, но теперь вѣдь нѣтъ пріема, сами изволите знать.

— Это ничего! Вы скажите, что я желаю. Мнѣ надо.

— Подождали бы, Николай Васильевичъ... Сейчасъ у нихъ господинъ управляющій съ докладомъ. Разгнѣваются, поди.

Ежовъ стоялъ у своей конторки, и лицо его свѣтилось тихой, снисходительной улыбкой. „Съ докладомъ"... Вотъ дурачокъ! А хоть бы съ тремя докладами... Именно то и хорошо, что съ докладомъ. Чудесно... Развѣ Ежовъ теперь боится?.. Пусть директоръ гнѣвается. Ежовъ и самъ можетъ разгнѣваться. Ого, еще какъ! И такой отпуститъ директору карамболь, что тому тошно станетъ... Но только зачѣмъ отпускать карамболь? Зачѣмъ ссоры? Вѣдь какія обстоятельства наступили, какая близится минута!

Ахъ, какая минута!

Могъ ли онъ когда-нибудь и грезить о ней?

Онъ уходитъ съ завода! Онъ идетъ заявить объ этомъ. Онъ требуетъ, чтобы директоръ принялъ его! И чтобы принялъ не въ часы пріема, а немедленно, когда тотъ занятъ, когда выслушиваетъ докладъ управляющаго!

Вѣдь директоръ. Ди-рек-торъ!

Тридцать шесть тысячъ жалованья. Почти столько же процентами съ доходности завода. Пять тысячъ наградныхъ. Чинъ генерала, и въ Петербургѣ онъ съ первыми лицами, съ великими князьями... На заводѣ три тысячи человѣкъ зависятъ отъ его каприза, отъ его взгляда... И вотъ, однако, маленькій, старенькій Ежовъ не боится и требуетъ, чтобы его приняли.

А впрочемъ, чего же тутъ бояться?

Развѣ люди не всѣ одинаковы?

Всѣ однимъ и тѣмъ же манеромъ явились на свѣтъ Бо-

жій,—и директоръ съ тридцатишеститысячнымъ жалованьемъ, и послѣдній конторщикъ.

Ежовъ былъ въ самомъ блаженномъ и нѣжномъ настроеніи. Совсѣмъ исчезло желаніе говорить рѣзкости и карамболи. Онъ все забылъ теперь, все простилъ... Душа его полна была ласки и свѣта. Онъ всѣхъ любилъ въ этотъ моментъ, и ему казалась даже, что и его всѣ любятъ и что всѣ рады его радостью и счастливы его счастьемъ.

И директоръ, когда Ежовъ разскажетъ ему о наслѣдствѣ,—и директоръ будетъ радъ и счастливъ, счастливъ за него, за маленькаго и бѣднаго человѣка, который вдругъ пересталъ быть маленькимъ и бѣднымъ. Директоръ поздравитъ его и радостно пожметъ его руку...

Вотъ сейчасъ онъ зайдетъ къ директору... Ахъ, директоръ за нимъ уже послалъ...

До крайней степени взволнованный и возбужденный, Ежовъ свѣтящимися глазами смотрѣлъ на приближающагося къ нему управляющаго конторой, инженера Должанскаго.

VIII.

Когда въ директорскомъ кабинетѣ, почтительно выпрямившись, докладывалъ старенькій Поликарпъ просьбу Ежова, директоръ смотрѣлъ на старика внимательно и равнодушно. Управляющій же Должанскій, стоявшій передъ директоромъ съ большимъ зеленымъ портфелемъ въ рукахъ, удивленно спросилъ:

— Что такое?.. Ежовъ проситъ, чтобы его приняли?

— Такъ точно.

— Что за дичь?

— Можетъ быть, у него какое-нибудь экстренное заявленіе,—спокойно проговорилъ директоръ.—Какое-нибудь неотложное важное дѣло...

Поликарпъ, съ почтительной развязностью, свойственной старымъ и любимымъ слугамъ, развелъ руками.

— Такъ что я ужъ и самъ... Я и самъ спрашиваю: можетъ у васъ, господинъ Ежовъ, какое заявленіе, неотложное важное дѣло,—сталъ онъ для чего-то врать.—Такъ вѣдь, если и заявленіе, или какъ, то надо же проситься, когда пріемные часы. Чтобы, какъ всегда, по порядку. А господинъ Ежовъ мнѣ на это: нѣтъ, говоритъ, я желаю немедленно.

Директоръ молча придвинулъ къ себѣ большой чертежъ и съ выраженіемъ преувеличенной сосредоточенности сталъ его разсматривать... Должанскій понялъ... Это — безмолвный выговоръ ему, управляющему конторой. Выговоръ за распущенность служащихъ, за отсутствіе дисциплины.

Оставивъ на столѣ свой зеленый портфель, Должанскій поспѣшно направился въ корридоръ. Поликарпъ пошелъ за нимъ.

— Господинъ Ежовъ, вамъ что было угодно? — рѣзко спросилъ Должанскій, войдя въ контору.

Николай Васильевичъ, весь затопленный радостнымъ, ласковымъ чувствомъ, не сразу понялъ, о чемъ его спрашиваютъ.

— Вамъ угодно было видѣть господина директора?—началъ опять Должанскій.

Ежовъ дружелюбно, по-дѣтски, улыбался. Въ головѣ его стояла какая-то милая, свѣтлая путаница. Онъ никакъ не могъ сообразить, почему это вышелъ къ нему управляющій... Долженъ бы прійти звать его Поликарпъ. А пришелъ самъ управляющій... Отчего?... Можетъ быть они тамъ уже узнали?... Уже дошло до нихъ о полученномъ имъ наслѣдствѣ, о неожиданно привалившемъ къ нему счастьѣ. Управляющій и директоръ уже узнали, и вотъ вышелъ къ нему Должанскій поговорить, разспросить...

Можетъ быть, да... Но если такъ, то что сказать ему? И какъ съ нимъ держаться? Какой взять тонъ?

Ежовъ даже поблѣднѣлъ.

Моментъ и такъ былъ слишкомъ великъ. Душа и такъ была перегружена. Напряженіе ея и такъ уже дошло до крайнихъ предѣловъ. А тутъ вдругъ какія-то новыя обстоятельства, которыхъ уже никакъ нельзя было предвидѣть!.. Если бы все шло, какъ ожидалось, по намѣченному раньше пути, Ежовъ все-таки справился бы съ положеніемъ. Теперь же его охватило большое замѣшательство, растерянность, почти страхъ...

— Если вамъ необходимо видѣть господина директора, если у васъ есть какое-нибудь важное заявленіе, вы знаете порядокъ!—слегка нахмуривъ брови, сказалъ Должанскій:— вы могли бы просить, и васъ бы приняли въ положенное время. Но надоѣдать, когда господинъ директоръ занятъ... Или, можетъ быть, это ошибка?.. Можетъ быть, Поликарпъ напуталъ, невѣрно исполнилъ ваше порученіе?

Должанскій повернулся къ Поликарпу и выжидательно уставился на него своими красивыми синими глазами.

„Въ чемъ дѣло?—спрашивалъ себя между тѣмъ Ежовъ.— О чемъ онъ тутъ?... Да онъ какъ будто сердится“...

И продолжая не понимать, но уже чувствуя какую-то странную, нелѣпую непріятность, онъ забормоталъ:

— Нѣтъ... Поликарпъ... Отчего же... Онъ вѣрно... Онъ именно вѣрно...

— Вотъ какъ?!. Вѣрно... Въ такомъ случаѣ, что же это

такое?.. Да вы, господинъ Ежовъ, я не знаю, вы, кажется, просто вотъ тутъ вотъ...

Должанскій указательнымъ пальцемъ постучалъ себя по лбу.

— Извините, это отъ старости у васъ, что ли, ужъ я не знаю, но вы положительно потеряли разсудокъ...

— Да вѣдь я... я собственно... я вѣдь ухожу...

— Или, можетъ быть, вы выпили сегодня?—не слушая, перебилъ Должанскій.—Во всякомъ случаѣ, поведеніе ваше въ высшей степени непозволительно и дико.

„Что такое?.. Да какъ же это?—мелькало у Ежова, чувствовавшаго мучительное недоумѣніе и растерянность.—Да съ какой же стати?.. Какъ онъ смѣетъ?..“

— Это переходитъ всѣ границы, господинъ Ежовъ,—продолжалъ Должанскій.—Это глупо и дерзко.

Инженеръ не кричалъ. Онъ говорилъ тихо и не жестикулируя. Но посредствомъ того страннаго, таинственнаго, безпроволочнаго телеграфа, который всегда какъ-то самъ собою и внезапно устанавливается въ канцеляріяхъ или конторахъ, когда кого-нибудь распекаютъ, уже всѣмъ служащимъ стало извѣстно, что совершается расправа... И во всѣхъ комнатахъ конторы работа пріостановилась. Люди замерли, притихли и стали чутко прислушиваться... Въ ближайшихъ же двухъ комнатахъ служащіе привстали съ мѣстъ, а тѣ, кто рангомъ были повыше и управляющаго конторой стѣснялись поменьше, подошли и къ самымъ дверямъ—посмотрѣть.

— Это ни начто не похоже!—повысилъ голосъ Должанскій.—И если, дѣйствительно, вы послали Поликарпа... Поликарпъ! Просилъ Ежовъ, чтобы его приняли немедленно?

Поликарпъ, стоявшій сзади, подлѣ конторки рыженькаго Асташкина, началъ пятиться къ двери.

— Такъ что вѣдь я обязанъ,—забормоталъ онъ, шевеля бровями.—Я что? Мнѣ скажутъ, я и докладаю... А только я же и самъ... Я Николаю Васильевичу и самъ говорю, что если у нихъ есть заявленіе какое, или неотложное важное дѣло, то лучше повременить... Вѣдь я что? Я долженъ сполнять...

Вспомнивъ о томъ холодномъ, величественно-сумрачномъ и недовольномъ выраженіи, которое легло на лицо директора, когда онъ принялся внимательно разсматривать неинтересный для него чертежъ, Должанскій почувствовалъ приливъ мстительной злобы... „Изъ-за этого вотъ стараго наглеца Ежова такія непріятности“...

— Вашимъ глупымъ и дерзкимъ поведеніемъ вы сѣете

здѣсь распущенность, — вскрикнулъ онъ, сверкнувъ глазами.—Васъ попросту слѣдовало бы убрать отсюда вонъ...

„Да что жъ это... что это?“ — холодѣя, спрашивалъ себя Ежовъ.

Тусклые глаза его расширились, округлились и съ дикой ошеломленностью смотрѣли на Должанскаго, отъ котораго не въ силахъ были оторваться... И въ то же время Ежовъ чувствовалъ, что онъ улыбается... И, кромѣ того, онъ чувствовалъ, что тѣло его покрывается испариной: рубаха прилипаетъ къ груди и къ лопаткамъ...

„А тетка?“—проносилось въ его головѣ.—„Развѣ не умерла тетка?.. Вѣдь есть домъ въ Севастополѣ... Хатка съ баштанами... И четыре тысячи доходу...“

Ежовъ стоялъ, хлопалъ вѣками, открывалъ ротъ, закрывалъ ротъ,..

Ни одного слова не могъ онъ проронить...

Въ душѣ же слова такъ и бурлили.

Вѣдь заявленіе, о которомъ вотъ говоритъ Должанскій, заявленіе для директора и въ самомъ дѣлѣ есть! Важное, неотложное дѣло,—вѣдь оно въ самомъ дѣлѣ имѣется!.. Ежовъ бросаетъ заводъ, вотъ его заявленіе!.. Ему наплевать на директора,—вотъ его неотложное дѣло!.. Такъ отчего же онъ молчитъ? И отчего на него покрикиваютъ? Какъ смѣютъ?..

При всѣхъ служащихъ, при рыжемъ щенкѣ Асташкинѣ, при Поликарпѣ, на него, на стараго человѣка, на интеллигентнаго человѣка, на бывшаго студента, орутъ, его оскорбляютъ... Да какъ смѣютъ?.. Развѣ онъ чей-нибудь рабъ?.. Да онъ и самъ заоретъ, если на то пошло... Онъ не боится... Онъ можетъ, онъ, что угодно, можетъ!.. Онъ и швырнуть чернильницу въ голову можетъ!..

— Да вѣдь я ухожу,—началъ было Ежовъ.—Я бросаю службу.

— Молчать!—гаркнулъ вдругъ Должанскій, топнувъ ногой.—Не смѣть разговаривать!.. Старый дуракъ!.. Если бы не великодушіе господина директора, васъ сегодня же вышвырнули бы на улицу. Но директоръ прощаетъ васъ: у васъ тамъ куча дѣтей. Помните, однако, что это въ послѣдній разъ!

— Но я... я...

Ежовъ вытеръ потъ на плѣши. Онъ трясся, а ноги его подламывались.

— Дѣло въ томъ... Я... я...

Застарѣлая, привычная, безсмертная покорность, десятки лѣтъ давившая этого человѣка, полностью затопила его изувѣченную душу и трепетомъ и страхомъ стиснула сердце.

— Извольте садиться на мѣсто и продолжать ваши занятія!—твердо скомандовалъ Должанскій.

— Я сяду... Я... Но вѣдь дѣло въ томъ...

— Сѣсть!.. И продолжайте ваши занятія!—отчеканивая каждый слогъ, повторилъ Должанскій.

На сѣромъ мертвомъ лицѣ Ежова лежала странная и страшная кривая улыбка.

— Я сяду,—пролепеталъ онъ покорно.—Я сяду... но...

— Садитесь... И помните, что я вамъ сказалъ!

Должанскій рѣзко повернулся и вышелъ.

IX.

Вечеромъ Ежовъ лежалъ на диванѣ у себя дома и съ омерзѣніемъ и страхомъ думалъ о томъ, что случилось въ конторѣ.

Какъ могло это случиться? какъ?!..

Онъ не понималъ.

Но онъ понималъ, что теперь ни домъ въ Севастополѣ, ни четыре тысячи годового дохода, ни даже сорокъ тысячъ годового дохода не могутъ уже сдѣлать его счастливымъ.

Подавленной душѣ, многолѣтнимъ тяжелымъ рабствомъ разрушенной и искалѣченной, не подняться и не расцвѣсти,—что бы ни случилось, что бы ни произошло, и какое бы солнце надъ ней ни засіяло. Не расцвѣсти, не отдохнуть...

— Образъ... Человѣческій образъ... Подобіе Божье...

Онъ трогалъ рукою свои сѣрые хвостики за ушами.

Да, она была,—пора молодости... Была пора студенчества... Былъ человѣческій образъ. Былъ...

А теперь...

Что теперь?..

— Эхъ ты, подобіе Божье!

Ежовъ дернулъ себя за волосы. Онъ хрипло разсмѣялся. А по щекамъ его катились слезы...

Д. Айзманъ.

Страхованіе отъ безработицы на Западѣ.

Необходимая спутница капиталистическаго строя, резервная армія безработныхъ достигала за послѣдніе годы прямо колоссальныхъ размѣровъ въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ.

Слѣдующія цифры, заимствованныя изъ правительственныхъ переписей населенія, даютъ представленіе о распространеніи безработицы.

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ перепись 1900 г. констатировала около 6½ милл. (6.468.964) безработныхъ, т. е. 22,3% всѣхъ рабочихъ старше 10-лѣтняго возраста; изъ этого числа 39%, т. е. около 2 милліоновъ человѣкъ, находилось безъ работы въ этомъ году въ теченіе 4—6 мѣсяцевъ.

Впрочемъ, этотъ годъ отличался исключительно высокимъ % безработныхъ. По даннымъ, доставляемымъ ежегодно главнѣйшими синдикатами Штата Нью-Іорка въ Бюро Труда, % безработныхъ былъ равенъ: 14,3 въ 1902 г., 16,9 въ 1904 г., 11,2, въ 1905 г., 9,3 въ 1906 г., 16,2 въ 1907 г., 29,7 въ 1908 г. (годъ кризиса, или, лучше сказать, слѣдовавшій за осеннимъ кризисомъ 1907 г.). Обращаетъ на себя вниманіе распредѣленіе безработныхъ по мѣсяцамъ. Слѣдующая таблица даетъ представленіе объ этомъ:

	1902 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
Январь	21,0	25,8	22,5	15,0	21,5	36,9
Февраль	18,8	21,6	19,4	15,3	20,1	37,5
Мартъ	18,5	27,1	19,2	11,6	18,3	37,5
Апрѣль	13,1	17,0	11,8	7,3	10,1	33,9
Май	12,7	15,9	8,3	7,0	10,5	32,2
Іюнь	12,5	13,7	9,1	6,3	8,1	30,2
Іюль	12,1	14,8	8,0	7,6	8,5	26,8
Августъ	10,2	13,7	7,2	5,8	12,1	24,6
Сентябрь	3,7	12,0	5,9	6,3	12,3	24,6
Октябрь	10,8	10,8	5,6	6,9	18,5	23,1
Ноябрь	12,9	11,1	6,1,	7,6	22,0	21,5
Декабрь	20,7	19,6	11,1	15,4	32,7	28,0
	14,3	16,9	11,2	9,3	16,2	29,7

Изъ этой таблицы явствуетъ, что даже въ наиболѣе благопріятные годы (какъ 1906) число безработныхъ въ среднемъ за годъ лишь немного ниже 10%; въ годы же кризисовъ (какъ 1908) оно охватывало чуть ли не *третью часть* рабочихъ; при чемъ черезъ всѣ годы проходитъ одинъ общій законъ: число безработныхъ значительно увеличивается (вдвое и больше) въ зимніе мѣсяцы, по сравненію съ лѣтними (главнымъ образомъ за счетъ земледѣльческихъ, строительныхъ, транспортныхъ и другихъ „сезонныхъ" производствъ и предпріятій).

Однодневныя переписи *только безработныхъ*, произведенныя наприм., въ Германіи 14іюня и 2 декабря 1895 г., даютъ интересныя данныя о *продолжительности* безработицы.

Всего безработныхъ въ эти дни было зарегистрировано:

	14 іюня.	2 декабря.
Мужчинъ	132.737	400.017
Женщинъ	46.267	153.623
	179.004	553.640

Общій законъ о повышеніи числа безработныхъ въ зимніе мѣсяцы подтверждается и этими данными: въ декабрѣ констатировано безработныхъ *втрое больше*, чѣмъ въ іюнѣ.

По продолжительности безработицы зарегистрированные распредѣлялись такъ:

	въ іюнѣ		въ декабрѣ	
	въ %	въ числахъ	въ %	въ числахъ
1 день	1,17	2.104	2,85	15,791
2— 7 дн.	9,76	17,471	12,75	70,589
8—14 „	22,16	39,659	28,03	155,206
15—28 „	11,05	19.782	17,74	98,180
29—90 „	22,01	39,398	23,99	132,810
91 и болѣе	14,11	25,256	7,05	39.051
Неизвѣстно	19,74	35,334	7,59	42,013
	100,00	179,004	100,00	553,640

Отсюда ясно, что безработица отнюдь не представляетъ кратковременнаго бѣдствія; наоборотъ, случаи болѣе продолжительной безработицы значительно превосходятъ случаи краткосрочной потери работы.

Первыми, выступившими на путь борьбы съ безработицей при помощи страхованія, были профессіональные союзы *Англіи*.

Еще въ 1844 г. общество личильщиковъ перочинныхъ ножей въ Шеффильдѣ объявило, что „цѣль, къ которой мы стремимся, состоитъ въ томъ, чтобы оказывать поддержку всѣмъ безработнымъ членамъ; чтобы ни одинъ членъ не былъ доведенъ до тяжелой необходимости просить помощи у прихода или соглашаться на несправедливыя требованіа нашихъ предпринимателей".

Яснѣе выразили значеніе борьбы съ безработицей для успѣховъ классовой борьбы пролетаріата рабочіе въ хрустальномъ производствѣ (въ томъ же 1844 г.): „наша заработная плата зависитъ отъ предложенія труда на рынкѣ; нашъ интересъ, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, чтобы ограничить это предложеніе, чтобы уменьшить избытокъ рабочихъ рукъ, доставить нашимъ безработнымъ членамъ хорошее содержаніе, избавить ихъ отъ заботъ о завтрашнемъ днѣ. Если мы исполнимъ это, то мы будемъ регулировать избытокъ рабочихъ рукъ, и намъ не придется бояться несправедливыхъ предпринимателей“.

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени это сознаніе необходимости вести борьбу съ безработицей постепенно и все шире распространялось среди англійскихъ трэдъ-юніоновъ.

Въ *Германіи* первымъ союзомъ, введшимъ страхованіе отъ безработицы, былъ союзъ типографщиковъ (въ 1879 г.). Въ резолюціи, доказывающей необходимость для профессіональныхъ союзовъ вести борьбу съ безработицей, указывалось, что это: 1) удержитъ рабочихъ въ профессіональныхъ союзахъ, и 2) замѣнитъ функціи профессіональныхъ союзовъ, носящихъ благотворительный характеръ (помощь больнымъ и старикамъ), функціями боевыми, къ каковымъ резолюція причисляла и борьбу съ безработицей.

Исключительный законъ противъ соціалистовъ, нанесшій ударъ политическимъ и профессіональнымъ организаціямъ германскаго пролетаріата, затормозилъ надолго и эту сторону дѣятельности германскихъ рабочихъ союзовъ. Появилось, съ другой стороны, теченіе внутри партіи (такъ называемые „радикалы“) и внутри профессіональныхъ союзовъ (такъ называемые „локалисты“), которое боролось противъ введенія страхованія безработныхъ, полагая, что это создаетъ иллюзіи мирнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса, ослабляетъ классовый духъ рабочихъ организацій.

Споръ объ этомъ былъ перенесенъ на берлинскій конгрессъ профессіональныхъ союзовъ 1896 г.), и въ въ результатѣ борьбы двухъ мнѣній конгрессъ громаднымъ большинствомъ принялъ слѣдующую резолюцію: „принимая во вниманіе, что страхованіе отъ безработицы, не говоря уже о его гуманитарномъ характерѣ, гарантируетъ въ значительной степени постоянство членовъ въ отдѣльныхъ профессіональныхъ союзахъ; что оно оказываетъ благотворное вліяніе на высоту заработной платы и на положеніе рабочихъ, если не устраняя совершенно предложеній безработныхъ рукъ, то, по крайней мѣрѣ, уменьшая его,—второй конгрессъ нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ видитъ въ немъ важную, даже необходимую функцію профессіональныхъ организацій, которая ни въ коемъ случаѣ не можетъ уничтожить классоваго и боевого характера этихъ организацій. Поэтому конгрессъ рекомендуетъ нѣмецкимъ профессіональнымъ союзамъ вводить страхованіе

отъ безработицы всюду, гдѣ не встрѣтится къ этому никакихъ препятствій".

Съ этого года число профессіональныхъ союзовъ, оказывающихъ помощь безработнымъ, непрерывно росло, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

Въ 1891 г. пособія безработнымъ выдавали только 6 союзовъ; въ 92 г.—11 союзовъ; въ 1901 г.—17, въ 1904 г.—22, въ 1907—40 и въ 1909—42 союза (изъ 57).

Такую же эволюцію идея страхованія отъ безработицы пережила и у *профессіональныхъ союзовъ Австріи*. Въ 1893 г. австрійскіе металлисты въ телеграммѣ къ своимъ нѣмецкимъ товарищамъ „настойчиво предостерегали" послѣднихъ „не дарить слишкомъ много вниманія страхованію отъ безработицы". Въ 1906 г. уже 57 союзовъ (изъ 66) въ Австріи ввели у себя страхованіе отъ безработицы.

Какое значеніе придаютъ теперь профессіональные союзы этой сторонѣ своей дѣятельности, какую часть своего бюджета они удѣляютъ на эту цѣль, видно изъ слѣдующихъ таблицъ, въ которыхъ собраны данныя, касающіяся профессіональныхъ союзовъ, поставившихъ правильно выдачу пособій безработнымъ.

Въ *Англіи* перечисленные ниже союзы въ слѣдующей пропорціи распредѣляли свои выдачи:

% *ко всѣмъ расходамъ союза.*

СОЮЗЫ.	Безработнымъ.	Больнымъ и пострад. отъ несч. случ.	Старикамъ.	На похороны.	Всего.	На стачки.	Расходы на управленіе.
Текстильщики	28,9	5,1	1,7	17,8	53,5	27,7	18,8
Типографщики	48,2	5,2	13,6	9,7	76,7	5,7	17,6
Древообдѣлочники	29,5	10,5	14,1	10,4	64,5	11,8	23,7
Машиннаго произв.	27,3	19,3	16,8	8,3	71,7	15,9	12,4

Такимъ образомъ отъ $^3/_{10}$ до почти половины своихъ расходовъ англійскіе крупные трэдъ-юніоны тратятъ на поддержку безработныхъ.

Въ *Германіи* на помощь безработнымъ падали слѣдующіе расходы (въ маркахъ) на каждаго члена союза:

СОЮЗЫ.	1895 г.	1898 г.	*1901 г.*	1904 г.	1906 г.	1907 г.	*1908 г.*
Печатники	5,09	5,89	16,59	13,20	9,40	10,40	12,74
Стекольщики	0,76	0,39	2,63	3,53	7,22	10,74	14,08
Перчаточники	0,67	2,48	20,60	8,98	8,97	17,03	32,62
Кожевники	—	0,31	?	3,67	2,74	8,50	9,64
Фарфороваго производства	3,61	3,87	6,73	2,76	2,41	2,34	9,26
Древообдѣлочнаго	—	—	—	2,30	3,20	5,80	9,63
Сѣдельнаго	—	—	—	0,62	3,60	5,58	6,56
Плотники	—	—	—	—	1,88	4,18	9,02

И т. д. и т. д.

Годы 1901 и 1908-ой были годами кризиса. Изъ этой таблицы видно, что расходы на безработныхъ послѣ годовъ кризиса не возвращались къ своей прежней нормѣ, а продолжали расти.

Всего въ Германіи было израсходовано профессіональными союзами на безработныхъ 1,2 милліона марокъ въ 1901 г.; въ 1907 г. эти расходы доходили уже до 4,3 милл. марокъ, а въ 1908 г. (годъ кризиса)—до *8,1 милл. марокъ!*

Такъ же быстро расли и такихъ громадныхъ размѣровъ достигли расходы австрійскихъ профессіональныхъ союзовъ на помощь безработнымъ: за періодъ 1901—1909 г.г. этими союзами уплачено безработнымъ 43,37%, т. е. чуть не половина всѣхъ вообще произведенныхъ выдачъ членамъ (на каждаго члена союза приходилось около 2 кронъ въ 1906 г., около $3^1/_2$ кронъ — въ 1908 г. и 4,13 кроны въ 1909 г.).

Союзы принимали рядъ мѣръ, чтобы ограничить расходы на безработныхъ до необходимаго минимума. Союзная практика выработала въ этомъ направленіи слѣдующія мѣры: 1) право на поддержку получаетъ только тотъ, кто пробылъ членомъ союза болѣе или менѣе продолжительное время (большинство германскихъ и англійскихъ профессіональныхъ союзовъ требуютъ минимума пребыванія въ 12 мѣсяцевъ для полученія права на пособіе отъ безработицы); 2) поддержка оказывается не съ 1-го дня безработицы, а спустя нѣкоторое время (въ Германіи у 13 союзовъ — спустя 1 недѣлю, у 6 союзовъ—черезъ 2 недѣли, у остальныхъ черезъ 1—6 дней); 3) устанавливается максимальный срокъ, въ теченіе котораго оказывается поддержка безработному (въ Германіи 19 союзовъ поддерживаютъ въ теченіе 40—60 дней, остальные—21—42 дня и лишь печатники—280 дней); 4) размѣръ поддержки уменьшается по мѣрѣ увеличенія продолжительности безработицы: напримѣръ, въ Англіи въ первыя 12 недѣль уплачивается 12 шиллинговъ въ недѣлю, а въ слѣдующія 12 недѣль—только 6 шиллинговъ; 5) ограничивается самый размѣръ поддержки; въ Германіи, напримѣръ, выдается $^1/_2$—1 марки въ день, т. е. около $^1/_3$ заработной платы.

И, тѣмъ не менѣе, многіе союзы и при томъ какъ разъ тѣ, гдѣ % безработныхъ особенно высокъ (какъ, напримѣръ, союзъ строительныхъ рабочихъ въ Германіи), а заработная плата очень низка, вынуждены отказаться отъ поддержки безработнымъ, какъ задачи, для нихъ непосильной.

Такимъ образомъ, изъ практики борьбы профессіональныхъ союзовъ съ безработицей нужно сдѣлать слѣдующій выводъ: не говоря уже о томъ, что профессіональные союзы могутъ оказывать поддержку только организованнымъ рабочимъ, а не всей безработной массѣ, союзы съ большимъ трудомъ и большимъ несовершенствомъ выполняютъ эту задачу, ибо, несмотря на крайнее (почти предѣльное) напряженіе своихъ платежныхъ силъ, они въ состояніи оказывать лишь нищенское пособіе. При томъ тѣ союзы, которые

особенно нуждались бы въ организаціи помощи безработнымъ (гдѣ % безработныхъ высокъ, а уровень заработной низокъ),—какъ-разъ эти союзы и не въ силахъ организовать эту помощь. Такимъ образомъ, передъ рабочимъ классомъ ясно встаетъ задача переложить матеріальную тяжесть борьбы съ безработицей на буржуазные классы.

Что касается до коммунальнаго страхованія, то коммуны (городскія и сельскія общины) принимали участіе въ страхованіи рабочихъ отъ безработицы въ двухъ формахъ.

Во 1-хъ, сама коммуна организовывала и распоряжалась страхованіемъ отъ безработицы. Такъ, напримѣръ, въ Швейцарскомъ городѣ Сэнтъ-Галленъ, въ 1893 г., по предложенію швейцарскихъ с.-д., было введено коммунальное страхованіе отъ безработицы всѣхъ рабочихъ и служащихъ съ субсидіей отъ города въ 12.000 марокъ. Это вызвало сильнѣйшее неудовольствіе со стороны тѣхъ категорій рабочихъ, среди которыхъ % безработныхъ былъ сравнительно невысокъ (главнымъ образомъ у служащихъ) и которыя, тѣмъ не менѣе, благодаря обязательности страхованія, должны были также дѣлать взносы. Послѣ 2 лѣтъ функціонированія касса была закрыта.

Во 2-хъ, коммуна ассигнуетъ ежегодно опредѣленную сумму (такъ назыв. „фондъ безработныхъ“) для поддержки профессіональныхъ союзовъ, оказывающихъ помощь безработнымъ и имѣющихъ такъ называемую „кассу безработныхъ“.

Это—такъ называемая Гентская или Льежская система, функціонирующая въ Бельгіи [1]).

Величина коммунальнаго фонда безработныхъ, завися, прежде всего, конечно, отъ средствъ коммуны, опредѣляется размѣрами пособій, оказываемыхъ союзами, и обыкновенно не превышаетъ эти размѣры: максимумъ коммунальной поддержки—1 фр. въ сутки на безработнаго; уплачивается эта поддержка съ 3-го дня безработицы (введено по предложенію самихъ профессіональныхъ союзовъ) въ продолженіе 60 дней.

Пользовались поддержкой по этой системѣ въ 1901 г. 29 союзовъ и 13 тыс. членовъ (изъ нихъ 13 союзовъ соціалистическихъ, съ 9 тыс. чл., 12—антисоціалистическихъ, съ 3½ тыс. чл., 4 ней-

---

[1]) Названіе „Гентской“ системы для этого типа коммунальнаго страхованія является болѣе общепринятымъ и распространеннымъ. Между тѣмъ Льежская система въ нѣкоторыхъ существенныхъ деталяхъ выгодно отличается отъ Гентской системы и представляетъ несомнѣнныя преимущества съ точки зрѣнія рабочихъ: при Гентской системѣ коммуна дѣлаетъ взносы непосредственно на имя застрахованнаго безработнаго; при Льежской системѣ взносы идутъ въ профессіональные союзы; при Гентской системѣ субсидіи выдаются не только синдикатами, но и кассами взаимопомощи; тогда какъ при Льежскомъ типѣ—только синдикатами; Гентская система не страхуетъ отъ безработицы при локаутѣ; Льежская—принимаетъ страхованіе въ этомъ случаѣ и т. д. Словомъ, „солидаристическая“ Льежская система предоставляетъ больше самодѣятельности профессіональнымъ организаціямъ пролетаріата, нежели „филантропическая“ Гентская; да и самый объемъ страхованія она понимаетъ значительно шире.

тральныхъ, съ 500 членовъ), въ 1906 г.—33 союза съ 13,1 тыс. чл., въ 1909 г.—42 союза съ 17,5 тыс. чл.

Какъ видно отсюда, количество страхующихся возрастало, особенно до 1909 г., весьма незначительно.

Между тѣмъ расходы профессіональныхъ союзовъ на помощь безработнымъ возрастали колоссально: въ 1898 г., до введенія Гентской системы, союзы тратили на субсидіи безработнымъ 15 тыс. фр., въ 1900 г.—25 тыс. фр., въ 1901 г.—41 тыс., въ 1908 г.—97 тыс., т. е. расходы союзовъ возросли за это время *въ 6 разъ!*

Ясно, что при такихъ условіяхъ профессіональнымъ союзамъ грозитъ опасность выродиться въ простыя кассы для помощи безработнымъ. Еще болѣе увеличиваетъ эту опасность обязательство строгаго раздѣленія фондовъ—на помощь безработнымъ и на другія нужды. Въ англійскихъ и германскихъ союзахъ, которые оказываютъ эту помощь на свои средства, такого раздѣленія не существуетъ, и изъ фонда безработныхъ въ критическіе моменты (стачки и т. п.) дѣлаются позаимствованія на другія нужды. При коммунальной же системѣ фонды строго раздѣлены, безработный фондъ подлежитъ постоянному контролю коммунальныхъ чиновниковъ и ревизіямъ со стороны коммунъ.

Есть и еще весьма крупные недостатки коммунальной системы страхованія: союзныя кассы отъ безработицы находятся *въ прямой зависимости* отъ состава и характера коммунальныхъ управленій; всегда открыты широкія ворота для коррупціи союзовъ со стороны коммунальныхъ управленій. Опытъ Бельгіи это блестяще доказалъ: такъ, нѣкоторыя коммуны ставятъ обязательнымъ условіемъ участія въ страхованіи, чтобы данные союзы „отказались отъ точки зрѣнія классовой борьбы“, признали основой своей дѣятельности принципы семьи и частной собственности и т. п. Наконецъ, немаловажное значеніе имѣетъ и слѣдующее обстоятельство: такой типъ страхованія прикрѣпляетъ рабочихъ къ данной коммунѣ (ибо въ разныхъ коммунахъ условія, взносы и разсчеты могутъ быть различны), что мѣшаетъ передвиженію рабочихъ, подыскиванію ими лучшихъ условій труда, и т. д. Мало того, при такой системѣ затрудняется и объединеніе профессіональныхъ союзовъ, вслѣдствіе разницы построенія страхованій въ нихъ. Излишне доказывать, что это противорѣчитъ тенденціи профессіональнаго движенія къ объединенію не только въ областныя, но и въ національныя организаціи.

Кризисъ 1901 года въ *Даніи* рѣзко поставилъ на очередь дня вопросъ о мѣрахъ борьбы съ безработицей. Закономъ 9 апрѣля 1907 г. тамъ были созданы особыя „кассы безработныхъ“. Сущность этого закона сводилась къ слѣдующему:

Каждая касса состоитъ минимумъ изъ 50 членовъ. Она можетъ объединять рабочихъ одной профессіи, или же она можетъ быть мѣстной, охватывающей рабочихъ всѣхъ или многихъ профессій.

Кассы получаютъ ежегодно отъ государства 1/3 всѣхъ суммъ, уплачиваемыхъ ими безработнымъ; однако эта приплата государства не должна превышать 250.000 кронъ; сумма эта распредѣляется между кассами пропорціонально ихъ расходамъ на безработныхъ. Ежедневная поддержка безработному не должна превышать 2/3 заработка въ его профессіи, а въ кассахъ, построенныхъ по территоріальному типу, 2/3 средней заработной платы въ данномъ округѣ; но ни въ коемъ случаѣ ежедневная поддержка не должна быть выше 2 кронъ и ниже 50 оръ. Если безработный получаетъ заработокъ ниже указанной максимальной для него поддержки, то касса можетъ доплачивать ему до этого максимума. Правомъ получать поддержку пользуется членъ кассы, пробывшій въ ней не менѣе 12 мѣс.; поддержка оказывается съ 6-го дня безработицы. Относительно сезонныхъ рабочихъ, остающихся безъ работы въ опредѣленное время года, мин. вн. дѣлъ можетъ издать, по ходатайству самой кассы, обязательное постановленіе о лишеніи ихъ права на пособіе въ это время года или о выдачѣ имъ пособія лишь съ 15-го дня безработицы.

§ 13 закона даетъ опредѣленіе случаевъ безработицы, въ которыхъ должна оказываться помощь; опредѣленіе это дается отрицательными чертами: касса *не* оказываетъ поддержки: 1) во время стачки или локаута; 2) лицамъ, потерявшимъ работу вслѣдствіе болѣзни или лишенія трудоспособности; 3) потерявшимъ работу изъ-за пьянства, неуживчивости съ хозяиномъ или съ товарищами по работѣ; 4) отбывающимъ наказаніе или находящимся подъ арестомъ; 5) получающимъ постоянное пособіе для бѣдныхъ и 6) лицамъ, отказывающимся принять работу, предложенную имъ кассой и соотвѣтствующую ихъ способностямъ. Поддержка оказывается не болѣе 70 дней въ году; если же членъ кассы получалъ три года подъ рядъ пособіе въ теченіе 210 дней, то въ четвертый годъ онъ теряетъ право на пособіе. Въ связи съ мѣстными кассами могутъ быть организованы бюро для пріисканія работъ, куда члены кассы должны сообщать о началѣ и прекращеніи безработицы.

Черезъ годъ послѣ изданія этого закона, къ 1 апрѣля 1908 г., существовало въ Даніи 36 такихъ кассъ съ 72.600 членовъ; интересно отмѣтить, что образовалась касса поденщиковъ-рабочихъ, наиболѣе трудно организующихся и имѣющихъ очень высокій процентъ безработныхъ; эта касса насчитываетъ 20.000 членовъ.

Всѣ эти кассы представляли собой не что иное, какъ отдѣлившіяся отъ профессіональныхъ союзовъ уже существовавшія кассы безработныхъ. Взносы въ этихъ кассахъ колебались отъ 4 до 20 кронъ ежегодно, въ зависимости отъ высоты % безработныхъ. Поддержка уплачивалась чаще всего съ 6—7 дня безработицы, лишь въ 7 кассахъ—съ 10—14 дня. Размѣръ поддержки устанавливался въ зависимости или отъ продолжительности безработицы, или отъ продолжительности участія въ кассѣ. Доходы кассъ за

этотъ годъ равнялись 328.341 кронъ; расходы составляли 246.305 кронъ.

На первомъ конгрессѣ (1908 г.) администраціи этихъ кассъ обсуждались вопросы, возникшіе изъ практики веденія страхованій. Въ первую очередь былъ поднятъ вопросъ о бюро для пріисканія работъ. Рѣшено было, чтобы эти бюро были организованы по профессіямъ и связаны съ кассами для безработныхъ; указывалось, что только при такой организаціи возможно правильно поставить контроль надъ уважительностью причинъ безработицы. Далѣе вызвалъ возраженія пунктъ закона, предоставляющій право на поддержку только послѣ 12-мѣсячнаго членства въ кассѣ; указывалось, что это, помимо понятной обременительности для безработныхъ, создаетъ еще прикрѣпленіе рабочихъ къ данной кассѣ и, слѣдовательно, къ данной мѣстности или профессіи; рѣшено было, что рабочій, переходящій изъ одного мѣста на другое или изъ одной профессіи въ другую получаетъ право на пособіе послѣ недѣльнаго членства въ новой кассѣ. Утвердительно былъ рѣшенъ вопросъ, имѣетъ ли право членъ, заявленный безработнымъ до стачки, получать пособіе, если безработица вызвана локаутомъ или стачками въ другомъ мѣстѣ.

Въ *Норвегіи* въ 1906 г. была сдѣлана попытка своеобразно видоизмѣнить Гентскую систему: законъ, принятый въ 1906 году норвежскимъ парламентомъ, устанавливалъ приплату кассамъ безработныхъ, существующимъ при профессіональныхъ союзахъ; при чемъ, въ отличіе отъ Гентской системы: 1) эта приплата производится государствомъ, а не коммунами; 2) чтобы распространить страхованіе и на тѣхъ рабочихъ, которые не входятъ въ профессіональные союзы, законъ предоставляетъ имъ право входить въ кассы безработныхъ, существующія при союзахъ, но при томъ условіи, что они не принимаютъ никакого участія ни въ организаціи, ни въ управленіи этихъ кассъ, что остается всецѣло въ компетенціи профессіональныхъ союзовъ; для покрытія увеличивающихся расходовъ по управленію, вслѣдствіе принятія членовъ, только страхующихся отъ безработицы, правленіе союза имѣетъ право повышать взносы съ послѣднихъ на 10—15%.

Въ заключеніе скажемъ о современной государственной формѣ борьбы съ безработицей въ Англіи. Нынѣшнее либеральное министерство уже не первый разъ дѣлаетъ попытки борьбы съ безработицей. Въ 1909 г. парламентомъ былъ принятъ законопроектъ Уинстона Черчилля о рабочихъ биржахъ (Labour Unchange Act). Все королевство, по этому закону, раздѣлено на округа, при чемъ въ каждомъ округѣ основана группа рабочихъ биржъ, „имѣющая спеціальною цѣлью собирать и доставлять свѣдѣнія относительно хозяевъ, могущихъ дать работу, и рабочихъ, ищущихъ ее“,—какъ опредѣляетъ задачи биржъ законъ.

Опытъ, протекшій со времени изданія этого закона, еще слиш-

комъ кратокъ, чтобы дѣлать относительно его примѣненія какіе-нибудь категорическіе выводы. Статистически же первые шаги дѣятельности биржъ были удачны, какъ показываютъ слѣдующія данныя: биржи были открыты 31 января 1910 г., за февраль мѣсяцъ онѣ доставили работу 60% всѣхъ обращавшихся въ нихъ; за мартъ—69%, за апрѣль—75%, за май—78%, іюнь—81%, іюль—85%, августъ—82,5%, и т. д.

Теперь Ллойдъ-Джорджъ дѣлаетъ новый шагъ въ системѣ борьбы съ безработицей.

Сущность билля Ллойдъ-Джорджа сводится къ слѣдующему: подлежатъ обязательному страхованію не всѣ рабочіе, а только, по примѣрному подсчету, одна шестая часть англійскаго пролетаріата,—главнымъ образомъ сезонные рабочіе, страдающіе отъ безработицы въ „мертвые“ сезоны (строительные, земельные, рабочіе на верфяхъ, и т. п.). Каждый застрахованный вноситъ 2½ пенса въ недѣлю; столько же вносятъ и предприниматели; государство уплачиваетъ ⅓ (33⅓%) пособій.

Страхованіемъ будутъ вѣдать трэдсъ-юніоны, находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ биржами труда (этой стороной билль напоминаетъ норвежскій законъ 1906 г.).

Каждый застрахованный, потерявшій работу, обращается прежде всего въ бюро труда; если послѣднее или не въ состояніи предложить ему работу, или даетъ работу въ томъ предпріятіи, гдѣ объявлена стачка, или гдѣ заработная плата несоразмѣрно низка, безработный, имѣющій право отказаться отъ послѣдняго рода предложеній, обращается въ свой трэдсъ-юніонъ.

Размѣръ пособій—7 шиллинговъ въ недѣлю; право на него имѣетъ всякій, кто дѣлалъ взносы, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе ½ года. Лишается права на пособіе безработный, потерявшій работу вслѣдствіе стачки, а также какого-нибудь проступка, или оставившій работу безъ достаточныхъ основаній (въ послѣднемъ случаѣ потеря права на пособіе временная—въ теченіе 6 недѣль).

Суженный кругъ страхуемыхъ, высокіе взносы съ рабочихъ, ограниченныя права на пособіе—все это составляетъ несомнѣнные недостатки билля. Выгодно отличается онъ тѣмъ, что: 1) устанавливаетъ *обязательность* страхованія и притомъ въ такихъ профессіяхъ, гдѣ % безработныхъ особенно великъ, а заработная плата—сравнительно низка; 2) онъ привлекаетъ къ участію въ расходахъ по страхованію государственное казначейство; 3) онъ передаетъ дѣло страхованія профессіональнымъ организаціямъ рабочихъ, притомъ избавляетъ ихъ отъ той коррупціи, которой онѣ всегда рискуютъ подвергаться, наприм., при коммунальной системѣ страхованія; 4) онъ справедливо связываетъ обѣ формы борьбы съ безработицей—подысканіе работъ и государственное страхованіе.

Н. С.

„КАКЪ ВСѢ“.

I.

— Маша, дай же поговорить по-человѣчески. Не волнуйся и не стучи по столу.

Жена сѣла на диванъ. Инженеръ Красинскій остановился противъ нея. По хозяйской привычкѣ, почти машинально, она заткнула вылѣзшій изъ-подъ порванной диванной обивки пукъ мочалы и прикрыла его вышитой подушкой. Красинскій подавилъ раздраженіе и ласково продолжалъ:

— Мы съ тобой окончательно развинтились изъ-за этого проклятаго вопроса. Ну, давай говорить спокойно... Ты хорошо сознаешь, что хочешь сдѣлать?

— Конечно, сознаю. Мальчику необходимо поступить въ школу.

Красинскій посмотрѣлъ сверху на маленькую фигурку жены, съ склоненной головой и сложенными на колѣняхъ руками. Въ этой позѣ виднѣлось упорство и рѣшимость...

Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ совмѣстной жизни эти круглые, голубовато-сѣрые глаза свѣтились одной горячей привязанностью; какъ часто давали они ему ясность и спокойствіе въ трудныя минуты. И вотъ теперь она сидитъ чужая, далекая и непонятная...

Размягченный воспоминаніемъ о прожитыхъ годахъ, онъ подошелъ къ ней съ такимъ искреннимъ желаніемъ вернуть согласіе...

— Маня!

Она быстро подняла голову, посмотрѣла на него растерянно, но черезъ секунду застыла опять.

Онъ вздохнулъ, придвинулъ стулъ, сѣлъ и положилъ ей руку на колѣно.

Она досадливо повела плечами.

— Знаю, знаю я все, что ты скажешь... Господи!..

И она опять упрямо опустила глаза...

— Ну, говори...

— Что говорить... Ты, дѣйствительно, знаешь все, что мы

оба говорили прежде противъ нынѣшняго гимназическаго воспитанія. И ты все-таки хочешь исковеркать его душу...

— Говорили, говорили... А теперь я вижу: мальчикъ тоскуетъ. Ему нужна среда товарищей.

— Привыкнетъ. Мы сами найдемъ ему товарищей. Маня... Ты что-то не договариваешь. Я вижу по твоему лицу.

— У него свои вкусы. Мы держимъ его точно въ теплицѣ...

— Почему ты не хочешь посмотрѣть на меня?.. У тебя точно какая-то тайна... Все, что ты мнѣ говоришь,—не то, не то!

Она подняла голову, но глаза его встрѣтили чужой взглядъ, уходящій куда-то вдаль. Равнодушіе упорства и совершенное невниманіе къ тому, что онъ скажетъ, такъ явственно стояли въ этихъ глазахъ, всегда ему понятныхъ и близкихъ, что его обдало холодомъ. Въ груди стала закипать злость. Онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе... Еще мгновеніе, и эта отчужденность, которую онъ чувствовалъ еще отдаленно, выйдетъ и станетъ между ними надолго... Можетъ быть—навсегда...

— Значитъ все, что мы говорили о воспитаніи дѣтей, были только фразы. Да? Только фразы! И „свобода духа“, и „гармоническое развитіе душевныхъ способностей“, и вся эта критика современной школы? Маня...

Голосъ его дрогнулъ... Она сдѣлала движеніе, чтобы встать, но вдругъ сѣла опять и взглянула ему въ лицо.

Въ голубыхъ глазахъ виднѣлся стыдъ и страданіе...

— Зачѣмъ ты меня мучишь?.. Я и такъ ночей не сплю изъ-за этого... Ну, хорошо! Я скажу тебѣ. Нужно... ну, да, да! Нужно... свидѣтельство. Знаю, знаю, что ты скажешь, но... ему нужно свидѣтельство, бумажка...

— Но, Маня, онъ сумѣетъ добыть его, когда подрастетъ... Какъ я...

Въ спальнѣ закричалъ младшій, еще грудной ребенокъ. Она прошла мимо мужа, посмотрѣла ему въ лицо и задержалась на порогѣ.

— Я знаю,—ты добылъ его, но... вспомни, чего это стоило... Каторжный трудъ, волненіе, чуть не чахотка. И ты былъ сильнѣе... Я не хочу этого для нашего мальчика... Пусть идетъ обычнымъ путемъ, какъ всѣ... Да, какъ всѣ дѣти... Какъ всѣ, какъ всѣ... Я не хочу для него этихъ „новыхъ“, убивающихъ путей...

Это было сказано съ такимъ тяжелымъ, безповоротнымъ, очевидно, выстраданнымъ упорствомъ, что онъ только посмотрѣлъ ей вслѣдъ—и понялъ: это дѣло конченное, и у него не хватитъ силы, чтобы сломить эту рѣшимость въ любимомъ человѣкѣ.

II.

На слѣдующій день, вечеромъ, придя со службы, Красинскій засталъ за чаемъ знакомаго студента-политехника и обрадовался. Не будетъ, значитъ, вчерашнихъ разговоровъ и вчерашней тяжести, отъ которой онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Студентъ былъ жизнерадостный, розовый и пухлый человѣкъ, милый и легкій собесѣдникъ, немножко циникъ, но зато довольно умный, какъ разъ пригодный для того, чтобы нѣсколько разрядить домашнюю атмосферу. Красинскій съ удовольствіемъ пожалъ ему руку и попросилъ у жены чаю.

Жена, не подымая глазъ, подала ему стаканъ, и повернулась къ студенту. Тотъ продолжалъ прерванный разговоръ:

— Вотъ надѣлъ я новую тужурку, съ иголочки... Я, знаете ли, сдѣлалъ наблюденіе: взяточникъ питаетъ уваженіе къ хорошему платью... Хорошо одѣтому человѣку брать его нѣсколько легче. То есть, виноватъ, легче ему *давать*,—поправился онъ, засмѣявшись.—Итакъ, одѣлся я, честь-честью обревизовалъ себя въ зеркалѣ. Ничего! Представительный, солидный парень. Молодъ, но уже съ лысинкой, намекъ на брюшко, видъ солидный, рожа дѣловая. Сразу видно, что съ этакимъ человѣкомъ серьезно поговорить можно: не подведетъ. Прихожу. Открываетъ самъ... Вы вѣдь его знаете,—ну, видали?.. Борода почтенная, сухой, какъ кащей, золотыя очки, ученый видъ, взглядъ строгій. Повѣрите, я даже опѣшилъ немного. Знать-то знаю, наслышанъ... А все-таки: ну какъ, думаю, къ этакому величественному человѣку со взяткой подойдешь? Чортъ его знаетъ. Беретъ... это ужъ вѣрно, а предлагать неловко. И тутъ свои, такъ сказать, конвенансы. Вѣжливенько надо... Ну, однако, не стоять же чурбаномъ.—Можно, говорю, съ вами объ одномъ приватномъ дѣлѣ поговорить?

— Пожалуйте въ кабинетъ.

— Какъ сказалъ онъ это „пожалуйте въ кабинетъ“,—такъ какъ-то серьезно и просто,—мнѣ сразу будто легче стало. Вижу, что человѣкъ тебя сразу понимаетъ и не гнѣвается. Въ кабинетѣ сѣли мы и другъ другу въ глаза посмотрѣли. Посмотрѣли, и дѣло еще болѣе прояснилось. Окинулъ онъ взглядомъ мою тужурку, меня всего осмотрѣлъ, и чувствую: удовлетворенъ. Но наружной-то строгости, шельма, еще не сбавляетъ. Брови этакъ величаво и даже немного сумрачно сдвинуты, вродѣ облака на олимпійской вершинѣ. Чуть-что—и покроется туманомъ. „Ну, на этомъ, думаю, тебѣ

уже меня не поймать... Лишняго не сдерешь“. А онъ сѣлъ ко мнѣ, этакъ, бокомъ, побарабанилъ сухими пальцами по столу, скосился, вынулъ изъ кармана записную книжку и говоритъ:

— Ну-съ?..

— Наслаждается, знаете, своимъ положеніемъ. Вотъ я еще пока—невинность. Походи-ка, дружокъ, около меня, поухаживай. Ну, я ему этого удовольствія доставить какъ-то не захотѣлъ. Врешь, думаю. Ты намъ нуженъ, да и мы тебѣ тоже. И сразу взглянулъ ему прямо въ глаза, твердо этакъ и съ достоинствомъ. Вотъ, говорю, какое у меня дѣло... И чувствую: взглядъ у меня—сталь! Обмякъ онъ. Нѣкоторое время еще держался. Вынулъ карандашъ, помуслилъ, потомъ записную книжку досталъ...—„Имя? Фамилія? Возрастъ?“ Брови озабоченно сдвинуты. Записалъ, откинулся въ креслѣ... Мнѣ показалось даже, что немного растерялся... И вдругъ, слышу:

— Полтораста рублей.

„Ахъ, чтобъ тебя! Какъ ни готовился я къ борьбѣ,—тутъ, признаюсь, почувствовалъ себя озадаченнымъ. Ну, однако, скоро оправился. Задернулъ лицо эдакой дипломатической дымкой... Вотъ начну торговаться. Да вдругъ и говорю тономъ нѣсколько даже растроганнымъ:—„Конечно, то, что вы готовы для насъ сдѣлать нельзя оплатить никакими деньгами. Не скрою: поступленіе въ гимназію, это вопросъ жизни для мальчика и его родителей.—„Вотъ именно“,—отвѣчаетъ онъ.—„Да, да,—говорю:—а при наличности десяти еврейскихп вакансій и пятидесяти желающихъ—доступъ для мальчика среднихъ способностей совершенно закрытъ“. Мотаетъ утвердительно головой:—„Сейчасъ видно, что вы умный молодой человѣкъ“... Я и самъ знаю, что умный. И ты тоже не дуракъ. А вотъ посмотримъ, кто умнѣе. И продолжаю: „Мы принимаемъ отъ васъ эту услугу, какъ благодѣяніе. Мы хорошо понимаемъ, что вы свое положеніе могли бы использовать еще продуктивнѣе и можемъ отвѣтить вамъ только благодарностью“.

— Эхъ, жаль, не видали вы,—что съ нимъ стало. Даже румянецъ выступилъ, право! Повернулся ко мнѣ, руку взялъ и нѣжно такъ, какъ на сына родного, смотритъ.—„Вотъ, вотъ... сразу видно, что современный... интеллигентный молодой человѣкъ. Съ такимъ человѣкомъ и поговорить пріятно“. —„Отлично,—думаю про себя... Еще немножко подготовимъ почву:—уже идя къ вамъ, говорю, я зналъ, что буду имѣть дѣло съ отзывчивымъ человѣкомъ, понимающимъ положеніе родителей, какъ интеллигентъ и какъ отецъ“. Тутъ ужъ у

него вся эта оффиціальность къ чорту: физіономія раскисла и сразу поглупѣла. А я, знаете, крѣпну. И все этакъ благожелательно и даже снисходительно, чуть-чуть свысока. Не помню, что ужъ и говорилъ, но знаю: говорилъ очень хорошо. Совсѣмъ защекоталъ.

Зовутъ его завтракать. Я поднялся... „Можетъ, мѣшаю?“ А самъ отлично чувствую, что онъ меня не отпуститъ... Не насладился еще вполнѣ разговоромъ съ „современнымъ“ молодымъ человѣкомъ.

— Что вы, говоритъ,—мнѣ такъ было бы пріятно съ вами рюмку водки выпить.

— Ну,—думаю,—когда до рюмки дошло,—тутъ я съ тебя полсотенки сорву, не меньше... Выпили одну, другую. Я уже сталъ молчаливъ и сдержанъ, а онъ пошелъ извиваться.

— Вѣдь вотъ, говоритъ, studiosus, чѣмъ вы мнѣ нравитесь: перваго такого встрѣчаю, а то все сволочь какая-то приходитъ. Ему одолженіе дѣлаешь, а онъ смотритъ на тебя, какъ на врага и мерзавца какого-то. Богачи, стотысячники... Повѣрите: изъ-за двадцати рублей торгуются, точно на базарѣ. И еще, скареды, взяточникомъ ославятъ. Давайте, мой молодой другъ, по третьей... Gaudeamus igitur... Знаю. Можетъ и вы меня за прохвоста считаетъ... Ну, ничего, вы ужъ молчите. Я знаю, что вы скажете. А я вамъ вотъ что скажу. Выходитъ такъ: всѣмъ хорошо, а я съ четырьмя дѣтьми на 160 рублей живи, и женѣ въ театръ сходить не на что. Мальчикъ въ гимназію поступитъ—вамъ хорошо. Директоръ чистку на экзаменахъ дѣлаетъ,—ему тоже хорошо,—повышенія тамъ разныя. А я съ вашимъ болваномъ цѣлый годъ бейся, а женѣ въ театръ сходить не на что. Справедливо это? Вы по-человѣчески разсудите. Причемъ я тутъ, если помимо меня разные конкурсы устроены... Я ихъ, что ли, выдумывалъ?.. Правду я говорю? Ну, хорошо. Говорятъ такъ:—кто лучше выдержалъ, тотъ и поступитъ. У-ди-вительно правильный принципъ!.. А почему онъ вотъ лучше выдержалъ, а тотъ, другой, похуже? Вотъ вы человѣкъ умный и благородный... Эти дѣла понимаете: можетъ, другой мальчикъ съ перепугу не отвѣтилъ, или у родителей на хорошаго учителя денегъ не хватило-съ? И это—справедливость?.. Если станешь справедливости въ этой нынѣшней системѣ искать... Тутъ, батюшка мой, самъ чертъ ногу сломитъ... И все равно не найдетъ... Такъ ужъ тутъ, знаете, эти разныя тонкости лучше бросить. Такъ-то не вполнѣ, чтобы справедливо, да и этакъ не очень... Да этакъ-то хоть нашъ братъ заработаетъ. Все-таки хоть что-нибудь положительное-съ... Ну, и пошелъ, и пошелъ. Цицеронъ, да и только. И вѣдь, знаете, интересно говорилъ, право! Мнѣ ужъ уходить пора, а онъ наливаетъ.

И я его слушаю, право, съ нѣкоторымъ даже сочувствіемъ. Подъ конецъ совсѣмъ добренькій сталъ. Плечо мнѣ лапой стиснулъ, глаза сквозь очки на меня выпучилъ.—Вотъ что,—говоритъ,—мой молодой другъ.—Вы мнѣ вотъ до какой степени нравитесь: не желаю свою часть брать. Вы со мной по-человѣчески, и я съ вами по-человѣчески. Приносите сто. Математику да географу.—Ну, торговаться ужъ мнѣ послѣ этого было совѣстно...

Студентъ остановился, подвинулъ свой стаканъ къ хозяйкѣ и сказалъ съ дружеской фамильярностью:

— Такъ вотъ, Марья Михайловна! Теперь, значитъ, вы эти свои фамильныя драгоцѣнности—часики тамъ, брошку, еще что-то вы говорили, — заложите, а ужъ я пальто себѣ шить пока подожду. Вмѣстѣ и составитъ сотню. Ей-богу, за меньшую сумму невозможно. И то, какъ видите, добрый человѣкъ своей законной долей поступился...

Красинскій сдѣлалъ рѣзкое движеніе. Студентъ взглянулъ на него, слегка смутился и вопросительно посмотрѣлъ на Марью Михайловну, которая все время слушала его съ живымъ интересомъ. Теперь лицо ея вдругъ стало упрямо неподвижно и холодно.

— Такъ это...—спросилъ Красинскій,—вы для Мити ходили?.. И весь этотъ... милый разговоръ—для него?..

Студентъ въ смущеніи поднялся со стула, глядя то на одного, то на другого изъ супруговъ...

— Но, вѣдь... Марья Михайловна сама меня вчера просила... Развѣ?..

— Да, да,—поспѣшно сказала хозяйка, протягивая ему руку.—Я просила, и я вамъ такъ благодарна за то... какъ вы это хорошо сумѣли устроить... Спасибо, спасибо вамъ. Я никогда не забуду вашей дружеской услуги...

Лицо ея, дѣйствительно, свѣтилось благодарностью, но когда молодой человѣкъ ушелъ, она опять застыла, наскоро убрала посуду и, видимо, стараясь не глядѣть на мужа, вышла изъ комнаты...

III.

Онъ зналъ, что она въ дѣтской, но не рѣшился сразу пройти туда... Ходилъ долго изъ угла въ уголъ по комнатѣ, сжавъ губы. Глаза его были печальны, лицо поблѣднѣло... Когда онъ вошелъ въ дѣтскую, жена показалась ему какимъ-то новымъ человѣкомъ, не тѣмъ, котораго онъ зналъ, съ кѣмъ дѣлилъ всѣ свои мысли. Она стояла, плотно прижавшись къ

стѣнкѣ и заложивъ назадъ руки,—очевидно, ждала его съ готовыми мыслями, съ готовой враждой... Впервые за послѣдніе два дня она глядѣла на него прямо, но еще дальше вчерашняго были отъ него эти круглые лучистые глаза, и вся она, застывшая и напряженная, казалась ему чуждой почти до вражды. Красинскій сдѣлалъ два шага и тихо спросилъ:

— Маша, что же это?

Она переступила съ ноги на ногу.

— Мальчикъ долженъ поступить. Ему нѣтъ дѣла до нашихъ взглядовъ... Ахъ, не говори... „Взятки", „нечестно". Знаю, что взятки, и знаю, что нечестно. Не мучь меня всѣмъ этимъ. Я знаю одно: мальчику нужна школа.

Вдругъ показалось мужу, что она загорѣлась краской стыда подъ его пристальнымъ взглядомъ, и глаза ея на нѣсколько секундъ опустились къ нему. Онъ почувствовалъ свою силу.

— Маша...—сказалъ онъ глубокимъ голосомъ, въ которомъ зазвучала душевная боль и надежда: — Маша, вѣдь, этого не будетъ?.. Неправда ли?..

Она оторвалась отъ стѣны и изогнулась къ нему всѣмъ тѣломъ. Она напряженно смотрѣла на него, но глаза ея, казалось, ничего не видѣли отъ злости.

— Это будетъ! Будетъ! Онъ поступитъ въ гимназію!—заговорила она быстро и страстно.—Ничѣмъ, ничѣмъ ты не убѣдишь меня. Мнѣ надоѣло это благородство, за счетъ моего ребенка... Ты самъ дашь ему воспитаніе? Ты поведешь его той же дорогой, какой шелъ самъ?.. Ты доволенъ собой? Ты гордъ своими убѣжденіями? Но, вѣдь, это все неправда, что ты говоришь себѣ и мнѣ... Ты доволенъ? Нѣтъ, нѣтъ, не говори! Я вижу, я давно вижу. Тебя мучаетъ,—у меня шляпка не модная; когда самъ ты надѣваешь новое пальто, у тебя выпрямляется спина и мѣняется походка, а когда ты съ хозяиномъ садишься въ автомобиль, у тебя счастливое лицо!.. Я вижу, вижу, не спорь. Ну, съ нами дѣло кончено, и этого довольно. Довольно того, что мы замучили себя. Я не знаю, какими принципами захочетъ жить мой сынъ, но впередъ обрекаетъ его на лишнія усилія, на бѣдность и нужду я не хочу и не считаю себя въ правѣ... Гимназическое свидѣтельство онъ долженъ взять здоровымъ и бодрымъ. Ему тогда только начинать жизнь, а ты хочешь его до тѣхъ поръ замучить своими принципами... Да, да, замучить, обезсилить, надорвать...

Красинскій опустилъ голову. Они всегда жили, какъ принято говорить, душа въ душу. Онъ дѣлился съ нею самыми задушевными мыслями и считалъ до сихъ поръ, что она во всемъ съ нимъ согласна. И это такъ и было... до послѣдняго времени, когда всталъ вопросъ объ ученіи сына. Теперь

когда этотъ вопросъ сталъ не въ теоріи, а практически, требуя не разсужденій, а рѣшенія, немедленнаго и неотложнаго,— она сразу стала другой. Какъ будто все время въ душѣ ея шла какая-то внутренняя тайная, глубоко скрытая работа, теперь вдругъ вырвавшаяся взрывомъ глубокаго, враждебнаго протеста.

— Этого ты хочешь для нашего ребенка? — говорила она возбужденно. Да? Такую жизнь, какъ свою, ты для сына готовишь. А подумалъ ты: сыну-то понравится ли такая твоя жизнь? Увѣренъ ты въ этомъ? Или для тебя главное—твои принципы? Тебѣ они нравятся, ну, и держись за нихъ для себя... Пусть и для меня тоже... Но ребенка мнѣ не губи! Сдѣлать его къ сорока годамъ изжитымъ, тусклымъ старикомъ, какъ ты... Нѣтъ, нѣтъ, я не позволю! Пусть его здоровье и счастье стоитъ моихъ убѣжденій, даже жизни! Мнѣ все равно!—Она схватила съ туалета фотографію въ рамкѣ и бросила ее мужу на подоконникъ.

— Ты видишь, какимъ ты былъ всего 10 лѣтъ назадъ? И посмотри на себя теперь. Ты этого хочешь и для сына?

Съ карточки глядѣло молодое, нѣжное, опушенное густой бородкой, изнутри свѣтящееся лицо. Прямые глаза, смѣлые и мягко-задумчивые устремлены были въ безконечное пространство жизни, какъ въ безконечный источникъ радости и счастья.

Красинскій невольно посмотрѣлъ на карточку, а жена притихла и переводила свой взглядъ съ мужа на фотографію и съ карточки на мужа. Онъ сидѣлъ, опустившійся, съ сѣрымъ лицомъ, съ желтыми складками подъ глазами, съ обнажившимся у лба черепомъ и съ ярко выступающимъ серебромъ въ усахъ и бородѣ... Глаза его не отрывались отъ фотографіи, а мысли смутныя, и незнакомыя, какъ теперь казалась незнакомой жена, тяжело и безформенно ползли въ головѣ.

— Боже мой... Мишенька!

Она сразу стала маленькой и слабой, подбѣжала къ нему, опустилась на полъ, и обхватила руками его колѣна...

— Душу мою, всю мою кровь возьми! Я готова мучиться съ тобой двадцать разъ больше, но для сына, для моего мальчика я хочу другой жизни...

Онъ продолжалъ глядѣть на нее по прежнему, тяжело и тупо.

— Не смотри на меня такъ, Миша... — жалобно сказала она...—Казалось, она опять стала прежней—близкой и любящей. Но онъ зналъ: оба они теперь уже не прежніе.

— Нѣтъ больше ничего?.. Да, нѣтъ? — сказалъ онъ слабымъ разбитымъ голосомъ...

Она съ жалостью обхватила его голову и прижала къ своей груди.

Съ шумомъ хлопнула въ передней дверь, послышался топотъ быстрыхъ и крѣпкихъ дѣтскихъ ногъ и въ спальню вбѣжалъ мальчикъ. Краснощекій, съ горящими весельемъ и удалью глазами, съ мячикомъ въ одной рукѣ и палкой въ другой, онъ сгоряча даже не замѣтилъ, что мать плачетъ.

— Студентъ Коротовъ у васъ былъ?—торопливо и рѣзко заговорилъ онъ, захлебываясь отъ радости.—Да? Правда? Былъ, вѣдь?... И меня на экзаменѣ не срѣжутъ? Мама, можно уже купить форменную фуражку?.. И ты закажешь мундиръ?..

И потомъ, вдругъ замѣтивъ необычное настроеніе родителей, онъ остановился и сказалъ съ тревогой.

— Что? Слишкомъ дорого просятъ?—Папочка, милый, дай имъ... Всѣ даютъ... Иначе нельзя...

М. Кисинъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Разсказъ Генриха Федерера.

Пер. съ нѣмецкаго А. Даманской.

О ночномъ сторожѣ нашей деревни я хочу разсказать. Звали его Андреемъ Маркселе. Онъ носилъ черные штаны, пестрый жилетъ и куртку, такую узкую въ плечахъ и съ такими короткими рукавами, что одинъ видъ Андрея возбуждалъ мысль о тѣсной нуждѣ и неволѣ. Казалось, что онъ всегда рвался изъ своей темницы, но, несмотря на всѣ свои усилія, ни высвободиться, ни облегчить своего плѣна не могъ. И думалось—будь посвободнѣе куртка у этого человѣка, онъ совершилъ бы великія дѣла. Совершенно по иному распорядился бы онъ своими руками. Сразился бы съ жизнью, какъ герой, весь міръ бы удивилъ. Но куртка, проклятая куртка, жала, тѣснила его, и каждая попытка выпрямиться, противостать злымъ силамъ рока падала передъ властью узкихъ плечъ, и онъ опять съеживался и сутулился, покорно и смиренно.

Мы прозвали его „скованнымъ Прометеемъ". Когда преподаватель латыни разсказалъ намъ про этого легендарнаго героя греческой миѳологіи, принесшаго на сумеречную землю огонь со свѣтлаго Олимпа, чтобы и у людей стало свѣтло и тепло, какъ у боговъ, и чтобы они не блуждали во тьмѣ, не сбивались съ пути; когда услышали мы, какъ этотъ герой за свою божественную отвагу прикованъ былъ Юпитеромъ къ кавказской скалѣ и злые коршуны клевали его сердце,—товарищъ мой, остроумный Яковъ Броннъ, воскликнулъ: „Это нашъ сторожъ Андрей Маркселе!"

Весь классъ смѣялся. Но мы, односельчане, хорошо знавшіе этого человѣка, поражены были мѣткостью замѣчанія Якова и убѣжденно повторили за нимъ: „Да, это нашъ лахвейлерскій ночной сторожъ Андрей Маркселе".

Лишь много позднѣе поняли мы вполнѣ всю мѣткость этого сравненія. Помимо того, что Андрей Маркселе казался

скованнымъ въ своей одеждѣ, во всемъ духовномъ обликѣ его было что-то прометеевское. Никто во всей деревнѣ не разсуждалъ съ такимъ увлеченіемъ о политикѣ, никто не выходилъ такъ далеко изъ старыхъ колей, не привѣтствовалъ расширенія народныхъ правъ съ такой пылкой, почти необузданной радостью, никто не негодовалъ такъ страстно на чужеземныхъ тирановъ, какъ этотъ маленькій, сухенькій человѣкъ въ узкой курткѣ. Онъ былъ единственный человѣкъ, отважившійся громогласно заявить въ трактирѣ „Корона“, передъ всѣми посѣтителями, что французская революція возстановила справедливость.

— Но подумайте, - возражалъ школьный учитель Филиппъ Корпъ, возбужденно поднимая очки на лобъ, — вы представьте себѣ только эту парижскую чернь, эти страшныя казни...

— А вы подумайте, господинъ учитель, вы представьте себѣ этихъ сановниковъ, истощавшихъ народъ роскошью, распутствомъ, войнами...

— Но вы подумайте,—повторялъ учитель,—вы подумайте, какой ужасъ: гильотина!

— А вы вспомните, господинъ учитель, Бастилію и „lettres de cachet“!

— А убитые графы, священники, женщины,—подумайте!

— А милліоны несчастныхъ крестьянъ, затоптанное въ грязь третье сословіе...

— Ахъ, съ вами спорить нельзя,—возмущался учитель. — Вы не получили классическаго образованія. У васъ нѣтъ историческаго масштаба, такъ сказать, ретроспективнаго взгляда на прошедшее...

Андрей Маркселе молча допивалъ свой стаканъ и уходилъ. Иностранныя слова обращали его въ бѣгство. Противъ такой учености онъ спорить не могъ. И въ такія минуты онъ мучительнѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ, что куртка его слишкомъ узка въ плечахъ и слишкомъ коротка въ рукавахъ.

У него былъ острый и ясный умъ, но не было знаній. Пасторъ хотѣлъ было отправить не по лѣтамъ развитаго юношу въ реальное училище въ ближайшемъ городѣ, но отецъ Андрея открылъ свой пустой кошель и сказалъ только: „Вотъ все, что у меня за душой!“

И вмѣсто девяти музъ, Андрей сталъ холить девять козъ крестьянина Хлора. При встрѣчахъ со школьниками, въ кепи и съ ранцами, бѣдный мечтатель прижималъ ладонь ко рту, кусалъ ее до крови и беззвучно плакалъ.

Андрей пошелъ обычной дорогой неимущаго крестьянина. Пасъ скотъ Хлора, къ которому нанялся въ батраки, доилъ

козъ и бережно носилъ молоко на сыроварню, стараясь не пролить ни единой капельки. Въ свободные часы ткалъ. Станокъ его стоялъ въ полу-темномъ подвалѣ, и, съ неизмѣннымъ усердіемъ гоняя челнокъ по туго натянутой основѣ, Андрей возносился воображеніемъ и умной своей головой высоко надъ своими односельчанами, далеко за предѣлы своего села. Если бы мысли его вплелись въ основу, какіе бы узоры появились на ткани. Снѣжные хребты Альпъ, чудеса морского дна, тихія и бурныя рѣки, сѣрыя пустыни, многолюдные города: Парижъ, Москва, короли, цыгане, цѣлая галлерея человѣческихъ образовъ... И въ юморѣ и въ краскахъ недостатка бы здѣсь не было!

Воскресные дни Андрей просиживалъ надъ книгами, которыя прочитывалъ отъ заглавія и до послѣдняго слова. Въ одинъ годъ онъ проглотилъ сельскую библіотеку, потомъ коммунальную и жадно потянулся дальше: подписался въ ближайшую городскую библіотеку. Читалъ все, что попадалось ему на глаза. Все привлекало его вниманіе: звѣздное небо, путешествія по Африкѣ, японская война, соціализмъ, Ватиканъ, Сегантини и Беклинъ, туберкулезныя бациллы... Онъ читалъ предсказанія въ старыхъ календаряхъ, благоговѣйно углублялся въ повѣствованія о бородѣ Барбароссы и о бородѣ Магомета, о прерафаэлитахъ, читалъ Дарвина, Ибсена, Штрауса—о музыкѣ будущаго. И удивительнѣе всего было то, что память его удерживала отъ всего этого добрую часть, которую онъ, при случаѣ, показывалъ съ большимъ искусствомъ,—какъ ловкій торговецъ—товаръ лицомъ. Онъ былъ словоохотливъ, и два небольшихъ, живыхъ сѣрыхъ глаза, какъ ласточки, бѣгавшіе по лицу, сообщали его рѣчамъ особую убѣдительность и привлекательность. По воскресеньямъ, когда онъ выгружалъ въ трактирѣ „Корона“ свои сокровища, его слушали съ интересомъ и удовольствіемъ. Описывая какую-либо мѣстность или героя, онъ нерѣдко увлекался, сочинялъ, дополнялъ собственнымъ вымысломъ вычитанное въ книгахъ, убѣжденно повѣствовалъ о самыхъ невѣроятныхъ вещахъ и часто вступалъ въ споры съ пасторомъ и общиннымъ старостой.

Мудрость его, конечно, не являла собою солиднаго сооруженія, воздвигнутаго на крѣпкомъ каменномъ фундаментѣ. Это была, вѣрнѣе, безпорядочно-нагроможденная куча всякихъ любопытныхъ вещей мѣстнаго и чужеземнаго происхожденія. Системы не было у Андрея Маркселе. И люди, прошедшіе школу, обладавшіе методомъ, легко сбивали его съ позиціи.

Отецъ Андрея былъ ночнымъ сторожемъ. Это былъ отмѣнный ночной сторожъ. Никогда не нарушалъ онъ покоя

своихъ согражданъ, оттого, что ночью и самъ превкусно спалъ на церковной паперти, или подлѣ трактира, или на лавкѣ передъ общиннымъ правленіемъ. Тревоги онъ за всю свою жизнь ни разу не поднялъ, про пожаръ узнавалъ всегда послѣдній.

Помню, мы, дѣти, бились объ закладъ, что не уснемъ до тѣхъ поръ, пока ночной сторожъ не пройдетъ подъ нашими окнами. Голосъ его, — зимою особенно, — такъ таинственно звучалъ издали и какихъ только мыслей не навѣвалъ! Я привставалъ на своей кровати, мечтательно глядѣлъ въ окно, въ которое видѣлъ облитыя луннымъ свѣтомъ церковныя стѣны, снѣгъ на крышахъ домовъ и сотни зеленоглазыхъ сказокъ. Пѣснь ночного сторожа удалялась. Я слышалъ еще одинокіе свѣтлые звуки и не зналъ уже, снаружи ли, во мнѣ ли пѣлъ этотъ голосъ. Я опять опускалъ голову на подушки и засыпалъ.

Когда Богу угодно было отозвать стараго Маркселе къ себѣ, на лучшее и болѣе покойное, быть можетъ, мѣсто, Андрей попросился на его должность. Просьба его была уважена. Онъ раньше уже замѣщалъ иногда старика, то есть спалъ на церковной паперти или на лавкѣ передъ волостнымъ правленіемъ. Въ нашей деревнѣ всѣ должности переходили отъ отца къ сыну—старосты, судьи, учителя, пономаря, хотя бы сынъ его былъ вовсе безголосый, и даже трубочиста, хотя бы сынъ его былъ узкогрудъ и хилъ, и къ занятію этому никакого призванія не чувствовалъ.

Новая должность пришлась Андрею по душѣ. Его безпокойный, мечтательный, жадно искавшій таинственности духъ испытывалъ великую радость въ этихъ ночныхъ скитаніяхъ по залитымъ луннымъ свѣтомъ улицамъ. Онъ не засыпалъ больше ночью, но выходилъ далеко за предѣлы деревни, бродилъ въ рощѣ, и радовался свѣтлякамъ въ травѣ и тихой croзнѣ бабочекъ въ кустахъ.

Онъ хотѣлъ видѣть съ холма, какою кажется деревня ночью, когда грустно и тихо свѣтятъ надъ нею звѣзды, и едва отличишь одинъ отъ другого дома. Крыши сливаются въ одну черную массу, будто скученное стадо коровъ и телятъ. Ясно видна лишь колокольня, широкая крыша „Короны", огромная липа на кладбищѣ и холодно-сверкающій прудъ.

Когда изъ-за тучъ выглядывалъ мѣсяцъ,—по крышамъ разливалось блѣдное золото, и блескъ стеколъ въ готическихъ окнахъ церкви спорилъ съ блескомъ окошекъ въ крестьянскихъ домикахъ, гладкихъ сѣрыхъ крышъ и ивовыхъ листьевъ надъ ручьемъ. Одна половина улицы лежала въ глубокой тѣни, обрисовывавшей контуры домовъ и

крышъ, а другая половина залита была золотистымъ сіяніемъ. Вода въ ручьѣ глубоко и неслышно бѣжала межъ травъ. Но громко звучали въ водопроводныхъ трубахъ неутомимыя горныя воды, вливавшіяся въ каменный бассейнъ. Звучало это, какъ безпрерывное тріо—двухъ дѣвичьихъ и одного отроческаго голоса. Вѣтеръ то приближалъ, то глушилъ шумъ рѣки, катившейся въ ущельи, далеко подъ селомъ. Время-отъ-времени медлительно и торжественно плылъ колокольный звонъ, и разъ за всю долгую ночь доносился изъ дали шумъ курьерскаго поѣзда, будто быстрая, рѣзкая, барабанная дробь, и опять наступала тишина, и тогда лишь чувствовалось ясно, какъ далеки были міру и шуму жизни люди, жившіе въ этой глуши.

Андрей много думалъ и мечталъ въ такія ночи. Онъ бесѣдовалъ съ предками на кладбищѣ и съ рыцарями изъ стараго замка, убогія развалины котораго стояли на холмѣ. И здѣсь душа его черпала силу и отвагу для великихъ словъ, которыя онъ металъ въ безцвѣтные, унылые дни.

Въ три часа онъ возвращался домой съ сосновыми иглами въ волосахъ, и смолой на рукавахъ. Спалъ до восьми, иногда до двѣнадцати часовъ, готовилъ себѣ самъ свой холостяцкій обѣдъ, съ часокъ переговаривался изъ своего окна черезъ улицу съ сосѣдями и курилъ трубку. Потомъ читалъ немного, ткалъ и, напившись кофе, опять ложился спать. Около десяти часовъ онъ уходилъ на обычные свои посты съ бодростью и любопытствомъ астронома, поднимающагося на свою обсерваторію съ надеждой въ эту ночь, навѣрно, открыть свѣтило первой или, по меньшей мѣрѣ, второй величины.

Все, что Андрей открывалъ и узнавалъ въ теченіе недѣли, въ воскресенье становилось достояніемъ всей деревни. Онъ выгружалъ несмѣтное количество сказокъ и легендъ и съ такой обстоятельностью разсказывалъ исторіи про старыхъ владѣтелей замка, будто вычиталъ ихъ въ мемуарахъ. Онъ рисовалъ своимъ слушателямъ краски лунной ночи, описывалъ жизнь ночныхъ птицъ, полуночные звуки и призрачный обликъ спящей деревни. Описывалъ съ такимъ одушевленіемъ, что увлеченные слушатели завидовали и должности ночного сторожа, и его воображенію, извлекавшему столько чудесъ изъ этой должности.

Но только въ дни выборовъ всякъ, кто не былъ слѣпъ и глухъ, сознавалъ какого разумнаго, созрѣвшаго въ ночныхъ скитаніяхъ гражданина представлялъ собою Андрей Маркселе. Онъ одинъ отваживался выступать со своими мнѣніями изъ плотнаго круга покорной толпы противъ сильныхъ міра. Когда староста вносилъ какое-либо предложеніе,

члены общиннаго совѣта всегда кивали головами: „Правильно!“—„Присоединяюсь!“—„Согласны!“

Когда съ предсѣдательскаго мѣста раздавалось: „Предлагаю почтеннымъ гражданамъ“...—обыкновенный крестьянинъ и слова вставить не рѣшался.

Иной считалъ себя слишкомъ глупымъ, другой молчалъ изъ врожденной робости. Третій боялся, что не найдетъ нужныхъ словъ и подходящихъ выраженій. И такимъ образомъ утверждены были новые налоги, новое расположеніе мѣстъ въ церкви, ремонтъ церкви и постройка новой печи у пастора, который всегда зябъ; въ дѣйствительности же не пасторъ, а кухарка его настаивала на новой печи, такъ какъ въ старой печи подъ покривился, и ея великолѣпные пироги выходили на одной сторонѣ слишкомъ жирными, на другой—слишкомъ сухими. Прихожане, были ли они довольны или недовольны, отвѣчали неизмѣннымъ молчаливымъ согласіемъ, и каждое предложеніе проводилось.

Староста провелъ подушную подать, воспротивился покупкѣ новаго насоса, а новую улицу провелъ какъ разъ мимо своихъ полей. Каменную ограду онъ поручилъ возвести своему двоюродному брату, который въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслилъ. Нѣсколько человѣкъ, которыхъ подмывало возразить и то и другое, лишь теребили носовые платки, понюхивали табакъ, звякали ключами, и щипали другъ друга исподтишка, когда слишкомъ уже повышались подати, или когда общественныя работы распредѣлялись уже совсѣмъ по-родственному. Но этимъ и ограничивалось все ихъ геройство. А вечеромъ звенѣли стаканами въ „Коронѣ“ и стучали кулаками по столу.

Андрей Маркселе былъ не таковъ, онъ обладалъ отвагой сопротивленія, божественнымъ залогомъ свободы. Протретъ, бывало, указательнымъ пальцемъ свои сѣрые глаза, словно затѣмъ, чтобы видѣть яснѣе и начнетъ: „Г-нъ предсѣдатель, гг. односельчане“... И все выскажетъ, что не понравилось ему. Говорилъ онъ нѣсколько глухимъ, ровнымъ голосомъ. Но рѣчь его звучала явственно, и слово слѣдовало одно за другимъ, какъ удары маятника.

Если во время выборовъ начиналась комедія отказовъ, выраженій благодарности, Андрей никогда не упускалъ случая метнуть веселую шутку. А однажды, когда староста, по обыкновенію, заявилъ, что никоимъ образомъ не можетъ вновь принять на себя должность, что онъ старъ, усталъ и желалъ бы имѣть болѣе достойнаго преемника, и благодаритъ—тутъ въ голосѣ его дрогнула слеза—за пятидесятилѣтнее довѣріе милыхъ и дорогихъ его сердцу гражданъ, когда онъ сказалъ это и опустился на свое мѣсто, въ увѣ-

ренности, что единодушно и вновь будетъ избранъ, тогда у Андрея хватило смѣлости взять слова его въ серьезъ и поднять палецъ.

III.

— Слово за ночнымъ сторожемъ, Андреемъ Маркселе...

Андрей вынулъ изо рта цвѣтокъ герани, скрестилъ руки на груди и началъ:

— Г-нъ предсѣдатель, гг. односельчане! Староста заявилъ, что не можетъ больше вѣдать дѣла нашей общины. И я вполнѣ понимаю почтеннаго нашего старосту... Ему восемьдесятъ лѣтъ...

— Восемьдесятъ два!—вставилъ кто-то.

— Даже восемьдесятъ два! Въ такомъ возрастѣ, господа, онъ вполнѣ заслуживаетъ желаннаго отдыха...

— Otium cum dignitate!—добавилъ пасторъ, любившій пощеголять при случаѣ латинскими словами.

— Конечно! Иной слишкомъ старъ для общественной должности, какъ иной слишкомъ молодъ. Слава человѣку' умѣющему уйти во-время!—За словомъ дѣло!—продолжалъ Андрей Маркселе. — Староста рѣшительно заявилъ, что не желаетъ быть вновь избраннымъ. Неужели мы все-таки выберемъ его, вопреки его желанію? Развѣ это не равносильно будетъ тому, какъ если бы мы отвѣтили:

— Г-нъ староста, правда вы все это говорили, но мы вамъ не вѣримъ, наоборотъ, мы понимаемъ, что вамъ очень даже хочется быть избраннымъ вновь. Это вы шутки шутили. Мы опять выбираемъ васъ и вы забудете, что передъ тѣмъ говорили, и, продѣлавъ церемонію колебаній и отказовъ, вновь изъявите свое согласіе. Нѣтъ, на такое дурачество нашъ убѣленный сѣдинами староста не способенъ. Разъ онъ говоритъ — не могу, стало быть — онъ не можетъ. Мы свободные граждане! (Безъ этой фразы Андрей не произносилъ ни одной рѣчи). У насъ столько же королей, сколько головъ. Позоръ былъ бы, если бы у насъ не нашлось достойнаго преемника нашему достойному старостѣ. Вотъ, напримѣръ, у хозяина „Короны“ племянникъ есть. Сейчасъ онъ у него и живетъ. Онъ знаетъ людей, знаетъ жизнь. Мальчикомъ онъ бѣгалъ съ нами босикомъ, и воровалъ вмѣстѣ съ нами яблоки изъ пасторскаго сада, когда г-нъ пасторъ бывалъ въ банѣ. Онъ живетъ въ селѣ же, и каждый легко можетъ его найти, а при случаѣ и распить бутылочку, другую. Онъ богатъ, стало быть, не нуждается въ экстренныхъ на канцелярскіе расходы. У него отличный почеркъ, стало быть, можно будетъ разбирать дѣловыя бу-

маги. У него хорошая, открытая душа. Если и возьметъ согрѣшившаго за чубъ—боли ему не сдѣлаетъ. Вихры цѣлы будутъ. Коротко говоря, я предлагаю кандидатомъ на должность старосты Августа Брона изъ „Короны“.

Андрей сѣлъ на свое мѣсто и вновь взялъ въ ротъ цвѣтокъ герани.

Рѣчь эта произнесена была 2-го мая 1889 г. и произвела такое же впечатлѣніе, какъ знаменитая рѣчь великаго Мирабо ровно сто лѣтъ назадъ, 2-го сентября 1789 г. Мѣсяцы разные, но геніи одинаковы. Бронъ, двадцатишести-лѣтній Бронъ, только что окончившій юридическій факультетъ и жившій у своего дяди въ ожиданіи должности въ городѣ,— Бронъ выбранъ былъ 600-ми голосовъ противъ двадцати и одного воздержавшагося отъ голосованія, очевидно, принадлежавшаго пастору, оттого что Бронъ читалъ Толстого и рекомендовалъ гимназистамъ изучать Гёте.

Съ тѣхъ поръ комедія отказовъ и благодарностей во время выборовъ больше не разыгрывалась. Старый звонарь, полуслѣпой фельдфебель, ведшій метрическія книги и желчный пономарь, даже эти, съ отвагой отчаянія, стояли съ тѣхъ поръ на своихъ постахъ. Бывало, на каждомъ собраніи церковнаго совѣта церковный сторожъ вытаскивалъ изъ кармана ключи, театрально звенѣлъ ими и кричалъ: „Спасибо скажу тому, кто освободитъ меня отъ нихъ“... Но его всегда утверждали, оттого что никто такъ искусно не убиралъ церковь въ праздничные дни, никто такъ усердно не смахивалъ пыль со скамеекъ и не зажигалъ такъ быстро свѣчей. Но онъ и на эти свои преимущества не полагался. Забаллотированный староста послужилъ для всѣхъ предостереженіемъ.

Въ тотъ побѣдный день Андрею казалось, что куртка его сдѣлалась шире въ плечахъ и рукава стали длиннѣе. Онъ былъ счастливѣе Прометея. Онъ принесъ свѣтъ народной свободы съ алтаря отечества и бросилъ его въ среду своихъ согражданъ. И Юпитеръ не наказалъ его.

Или?

Да, когда очарованіе остроумной рѣчи потускнѣло отъ времени, старѣйшіе обыватели, собравшись какъ-то, завели межъ собою рѣчь о томъ, что со старостой поступили несправедливо. Пятьдесятъ одинъ годъ держалъ онъ бразды правленія въ своихъ рукахъ, не выпуская ихъ въ самые тяжелые дни, которые переживала община. Три французскихъ строя смѣнились за это время, церковь отдѣлилась отъ государства, нѣсколько княжествъ были упразднены, турецкій флотъ разбитъ, Парижъ былъ взятъ, а Лахвейлеръ оставался цѣлымъ и невредимымъ.

И это была заслуга старосты Маркуса. Надо было оказать ему честь и еще разъ выбрать его. Молодой староста это—прямо несчастье. Всѣ Броны—люди безпокойные. А этотъ молодой, заносчивый студентъ королемъ себя держитъ. Лахвейлеру не миновать возмездія рока за нарушеніе освященныхъ годами обычаевъ.

У стараго старосты было много племянниковъ на селѣ. Одни были его должниками, другіе занимали разныя мѣста на его угодьяхъ. Число недовольныхъ росло. „Корону“ посѣщали значительно меньше, и каждое постановленіе новаго, нѣсколько настойчиваго, рѣшительнаго старосты рѣзко осуждалось. Когда пошли слухи о томъ, что онъ намѣренъ установить налогъ на собакъ, поднялся настоящій ропотъ, и Богъ вѣсть, до чего бы могло дойти, если бы молодой староста не послѣдовалъ разумному совѣту своего дяди, хозяина „Короны“, и еще предъ осеннимъ собраніемъ не сложилъ бы съ себя обязанностей старосты для болѣе почетной и болѣе выгодной должности въ городѣ. Всѣ вздохнули съ облегченіемъ и славословили молодого юриста, который, благодаря своимъ талантамъ и положенію въ городѣ, могъ больше влiять на положеніе дѣлъ въ родномъ селѣ, чѣмъ оставаясь тамъ собственной особой.

Когда старый староста опять водворенъ былъ на свое почетное мѣсто и за это выкатилъ своимъ односельчанамъ четыре боченка пива да еще выдалъ по булкѣ и сосискѣ на каждаго голосовавшаго, Андрей Маркселе опять почувствовалъ свои узкія плечи и короткіе рукава. Сосиску свою онъ, однако, съѣлъ и выпилъ четыре кружки пива.

Къ концу пирушки староста подозвалъ его къ себѣ и спросилъ, не найдется ли у него нѣсколько свободнаго времени. Надо переплесть двѣ-три служебныхъ книги. Андрей Маркселе еще въ дѣтствѣ обучился этому пріятному искусству. Не безъ сердечнаго трепета пошелъ онъ въ домъ старосты. Но старикъ и словомъ не намекнулъ на прошедшее. Напротивъ, былъ съ нимъ очень вѣжливъ и привѣтливъ. Съ большимъ интересомъ слѣдилъ, какъ Маркселе укладывалъ въ переплетъ листомъ къ листу груду бумагъ. И чѣмъ милостивѣе разговаривалъ староста, тѣмъ уступчивѣе и угодливѣе отвѣчалъ ночной сторожъ. Его политическая совѣсть возмущалась противъ этого превращенія, но тщетно. И когда по окончаніи работы староста сунулъ ему въ руку золотую монету, Андрей въ первое мгновеніе чуть было не приложился къ дряхлой, старческой рукѣ. Но опомнился во-время, и только низко поклонился. Ему не часто приходилось держать золото въ своихъ рукахъ. Люди, расточавшіе золото, казались ему отмѣченными, особенными

людьми. Но, вернувшись къ себѣ домой, онъ съ яростью швырнулъ золотую монету подъ столъ и проклиналъ свою совѣсть, такъ легко поддавшуюся на подкупъ. Лишь недѣли двѣ спустя, когда у него гроша въ карманѣ не было, и голодъ сталъ одолѣвать, онъ нагнулся, пошарилъ подъ столомъ и подобралъ монету. Когда люди гнутся, платье всегда жметъ въ воротѣ и плечахъ. Можно представить себѣ, каково было въ тѣ минуты ночному сторожу въ его тѣсной курткѣ.

Съ той поры Андрей Маркселе, пресыщенный до тошноты мѣстной деревенской политикой, ушелъ всецѣло въ политику большихъ государствъ, подобно разочарованному министру внутреннихъ дѣлъ, переходящему въ министерство иностранныхъ дѣлъ. И не было такой большой страны, которой Андрей Маркселе не обозрѣвалъ бы своимъ государственнымъ умомъ, не было столь могучаго монарха, дѣятельность котораго не подвергалась бы самой строгой его критикѣ. Онъ говорилъ о безобразіяхъ, совершающихся въ Австріи, о щегольствѣ въ германской арміи и зло острилъ надъ расходами швейцарскаго правительства на военныя укрѣпленія. „Наши военныя потуги, — говорилъ онъ—напоминаютъ ребенка, тянущагося на цыпочкахъ въ разговорѣ со взрослыми“.

То, что онъ при каждой забастовкѣ ополчался противъ хозяевъ и громилъ капиталъ, — никого не удивляло. Это многіе лахвейлерцы дѣлали. Но когда онъ во время англобургской войны сталъ на сторону англичанъ — всѣ изумились. Спорить съ нимъ, однако, никто не рѣшался. У него одного больше было доводовъ въ пользу своего мнѣнія, чѣмъ у всѣхъ его противниковъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Я былъ тогда еще безусый, мало смысливші̆й, но всѣмъ увлекавшійся гимназистъ

— Андрей, — спросилъ я его однажды; — отчего вы за англичанъ стоите?..

— Я стою за равенство людей, стало быть, и за равенство народовъ... Понимаешь?..

— Понимаю, но...

— А буры — это народецъ, у котораго свило себѣ гнѣздо величайшее неравенство... Нѣсколько гражданъ самовластно хозяйничали надъ страной. Иностранцы были безправны, негры порабощены. Долой преимущества! Бурамъ бы еще Бога благодарить, что пришли англичане, а не русскіе или французы, чтобы срѣзать имъ бороды. Эти-то съ бородой и часть головы бы прихватили. Англичане, конечно — тоже не праведники, но изъ всѣхъ колонизаторовъ это все же люди, наиболѣе уважающіе чужую свободу.

Тогда-то вотъ я и попросилъ ночного сторожа взять меня какъ-нибудь на ночной дозоръ. Я давно уже объ этомъ мечталъ.

Андрей что-то буркнулъ.

— Можно?—вкрадчиво повторилъ я.

— Ладно. Ложись спать въ пять часовъ и разбуди меня въ половинѣ десятаго.

— Быть по сему!—ликующе воскликнулъ я.

Спать я, конечно, не ложился и уже въ девять часовъ стоялъ передъ маленькимъ домикомъ ночного сторожа.

— Чертенокъ, не терпится!—ворчалъ Андрей, потягиваясь въ своей кровати такъ, что ставни трещали.—Ну, уже разъ ты здѣсь, войди, зажги лампу.

Я покорно зажегъ лампу.

— А теперь вытащи изъ печи кофе... да не тамъ... не тамъ... въ духовой...

Я обернулъ руку носовымъ платкомъ и вытащилъ изъ печки горячій кувшинъ. Пока Андрей натягивалъ штаны и съ усиліемъ застегивалъ свой пестрый жилетъ, я налилъ кофейной гущи въ двѣ чашки, одну безъ ручки. другую—съ откушеннымъ краемъ. Затѣмъ положилъ сахару вь обѣ чашки; за этой возней, я могъ дѣлать видъ, что не слышу вздоховъ Марксаеле, втискивавшаго руки въ тѣсную куртку. Такъ стоналъ, вѣроятно, и Прометей, когда Кратъ и Віантъ съ ненавистнымъ Гефестомъ надѣвали на него желѣзныя оковы. Но мученія его дошли, наконецъ, какъ мнѣ казалось, до предѣла человѣческаго терпѣнія, я сочувственно сказалъ:

— Тѣсна вамъ ваша куртка, Маркселе!

— Какъ разъ по мнѣ!—задыхаясь, отвѣтилъ онъ.

Мы, молча, стоя подлѣ столика, выпили по чашкѣ кофе и ушли въ таинственную ночь.

IV.

Былъ конецъ февраля. Дулъ легкій, теплый, почти влажный вѣтеръ. Безчисленныя свѣтлыя тучи бѣжали съ юга на сѣверъ. Меньшія неслись быстрѣй, большія—медленнѣй, заслоняя и обгоняя другъ друга. Изъ-за нихъ выглядывали пятна по-ночному синяго, яснаго неба свѣтились маленькія блѣдныя звѣзды. Но свѣтились неувѣренно и робко мерцали, какъ огонекъ въ потайномъ фонарикѣ Андрея, вздрагивающій подъ налетами вѣтра. На западѣ подъ пластомъ тучъ плылъ мѣсяцъ. Незримый, онъ ярко освѣщалъ изнутри

тучи, плывшія къ срединѣ неба. Въ ночномъ воздухѣ уже чувствовалось весеннее томленіе, угадывалось уже біеніе многихъ весеннихъ жизней, слышался уже терпкій запахъ подснѣжниковъ и мягкій ароматъ фіалокъ.

Деревня спала. Ни звука ниоткуда. Лишь изъ пасторскаго дома доносились хриплые удары маятника. Пасторъ страдалъ одышкой и спалъ всегда при открытыхъ окнахъ. За потными, оплетенными проволокой церковными окнами мерцала неугасимая лампа. Изъ кабинета пастора улыбался огонекъ. И что-то серьезное, почти строгое было въ этомъ тихомъ свѣтѣ. За спущенными занавѣсками мѣрно двигалась человѣческая тѣнь.

— Проповѣдь готовитъ, — пояснилъ Андрей и, подмигнувъ вразумительно добавилъ:

— Проповѣдовать, въ сущности, вѣдь такъ легко... Мнѣ-то не нужно было бы такъ метаться, чтобы сочинить рѣчь...

Тѣнь задвигалась быстрѣе, быстрѣе, мелькая мимо колыхавшейся занавѣски. Цицеронъ, очевидно, гнался за ускользавшей отъ него мыслью.

Мы оба разсмѣялись. Но въ смѣхѣ нашемъ ничего непочтительнаго не было. Лахвейлерцы любили своего пастора.

Мы шли вдоль ограды кладбища. Сухіе кусты шуршали на могилахъ. Порою вздрагивала и звенѣла плохо привѣшенная къ кресту металлическая дощечка. Стояла по истинѣ могильная тишина. Мѣстами что-то поблескивало во мракѣ,—не то мѣдная пуговка, не то позолоченая надпись или жестяной вѣнокъ, обвивавшій крестъ. Могилы казались мнѣ такими узкими, длинными, и казалось мнѣ также, будто я явственно вижу покоящіяся подъ ними узкія, длинныя тѣла.

Дѣтскія могилки подальше. Ихъ не видно съ улицы. Будь онѣ поближе, я уловилъ бы, быть можетъ, изъ того міра привѣтъ двухъ моихъ милыхъ сестеръ... Но въ третьемъ отъ улицы ряду я вижу самую дорогую мнѣ могилу: могилу моей матери.

Чувствую, какъ сердце мое учащеннѣе бьется при видѣ ея и слышу тихій голосъ: „Вальтеръ, какъ поживаешь безъ меня? Все-ли благополучно?..“

Тогда у меня застилаются влагой глаза, я прижимаю руку къ сердцу, чтобы унять его.

— Что съ тобой, братъ?—спрашиваетъ меня ночной сторожъ.

— Ничего... ничего...—беззвучно отвѣтилъ я.

— Въ сущности о живыхъ бы молиться надо, — прошепталъ Андрей.

Мы шли тихо, безъ шума, едва касаясь земли. Мирно и

тихо дышала она кругомъ, и жуть ночного кладбища быстро развѣялась. Чѣмъ дольше я смотрѣлъ на него, тѣмъ ближе и роднѣе оно было мнѣ. И казалось мнѣ оно огромной спальней, гдѣ на каждомъ ложѣ кто-то отдыхалъ отъ тягостей дня, и у дверей и оконъ бодрствовали безмолвные духи и оберегали міръ почившихъ людей.

Меня вывелъ изъ моего раздумья непріятный скрипъ заводнаго ключа. Мы стояли передъ домомъ старосты, куда привезли незадолго до того провѣрочные часы, заводившіеся въ одиннадцать и въ три часа ночи. Большой домъ стоялъ въ тѣни окружавшихъ его зданій. Ставни, окна были открыты, и на вѣтру тихо звенѣла оконная форточка. Если бы не плотный мракъ, можно было бы видѣть комнаты—такъ низки были окна. Постукивала едва закрытая входная дверь, ведшая прямо на кухню. Бездѣтный староста ровно въ восемь часовъ отправлялся на покой со своей сѣдой женой и прислугою.

Въ Лахвейлерѣ двери не запирались ни на ключи, ни на засовы.

Маркусъ Эбешеръ говорилъ: „Если я не могу спать при открытыхъ окнахъ и дверяхъ, то и старостой быть не могу“.

Это былъ исполинскаго сложенія мужчина, внушавшій страхъ и почтеніе къ своей особѣ, и онъ отлично зналъ, что ни воръ, ни бродяга не отважатся забраться къ нему.

Мы подходили къ окраинѣ деревни. Изъ хлѣва доносилось фырканіе коровы, безпокойно терщей голову о деревянную стѣнку и рывшей землю копытами. Изъ послѣдняго домика свѣтилъ въ поле огонекъ. И здѣсь тоже окна были раскрыты. Андрей Маркселе подошелъ къ косяку, хотѣлъ что-то сказать, но тихій четкій голосъ предупредилъ его:

— Это вы, Маркселе?..

Извнутри выплылъ шопотъ, шорохъ набитаго сѣномъ матраца...

— Я, тетенька Катерина... Каково вамъ сегодня?..

— Спасибо, родной... Знобитъ все...

— Кто подлѣ васъ нынче?—продолжалъ Андрей.

— Агнеса Бронъ.

Меня словно теплой волной обдало.

Этой дѣвушкой меня дразнили прежде школьные товарищи, а теперь дразднило собственное сердце.

— Молодецъ дѣвочка!—бросилъ Андрей въ окно.

Я готовъ былъ на шею ему броситься за эти слова.

Изъ комнаты опять донесся шопотъ. И о чемъ это онѣ говорили?

— Дяденька Андрей,—тихо попросилъ я,—спросите, хорошо ли она ходитъ за больной?

— А стряпать-то Агнеса не умѣетъ!—сказалъ Андрей.

— Какъ не умѣетъ!—отозвалась Катерина.—И кофе и овсяный супъ—все умѣетъ...

— Спроси, лучше ли она Берты Валломеръ хозяйничаетъ?—шепнулъ я опять Андрею.

— А та... другая... Какъ ее зовутъ?—крикнулъ Андрей.

— Лахманова Тереза?

— Нѣтъ, не она...

— Берта Валломеръ?

— Эта-то, вѣрно, ловчѣй по хозяйству...

— Ну, куда ей... Агнеса гораздо лучше справляется...

Кто-то хихикнулъ въ темной комнатѣ.

— У нея ни разу еще молоко не ушло,—продолжала больная.—Глупенькая!—добавила она тише, обращаясь, очевидно, къ Агнесѣ.—Оставь! Коли правда—надо сказать.

Я блаженствовалъ... Да, да. Агнеса! Равной ей нѣтъ во всемъ мірѣ. Солнце и мѣсяцъ не видѣли подобнаго ей существа.

— Не подойдетъ ли она къ окошку?—тихо сказалъ я.

— Довольно! Довольно! Ты совсѣмъ ошалѣлъ, братъ!—Маркселе насмѣшливо и ласково взглянулъ на меня.—Пострѣлъ!

— Съ кѣмъ вы разговариваете, Андрей?—спросила больная.—Вы не одинъ?

— Вальтеръ, учительскій сынокъ, со мной. Захотѣлось пареньку на ночь поглядѣть.

— Здравствуй, Вальтеръ! — задребезжалъ опять голосъ Катерины.—И чего только этимъ гимназистамъ въ голову не придетъ! Господи милосердный, что за народъ!

— Здравствуйте, Катерина! — едва слышно проговорилъ я.

— Кому спится, тому спать надобно,—сказала больная.—Вотъ тебѣ мой сказъ.

— И я то же говорю...—подтвердилъ Андрей.

Но я блаженствовалъ. Агнеса тоже не спала. И какъ хорошо было, что мы оба бодрствовали одну и ту же ночь и оба знали это другъ о другѣ...

Мы скоро вышли полевой тропинкой на холмъ, сѣли на склонѣ, и молча смотрѣли на лежавшія подъ нами поля. Лишь здѣсь, наверху, я вполнѣ почувствовалъ тишину этой ночи. Волненіе тучъ въ небѣ, мерцаніе звѣздъ, вся эта могучая надземная жизнь совершалась въ такомъ глубокомъ беззвучьи, что все казалось сномъ. Деревня, со своими тѣсно жавшимися другъ къ другу домами,

скучившимися, будто напуганное стадо коровъ, лежала въ однотонномъ полумракѣ. Тамъ, гдѣ поднималось высокое дерево, тополь или липа, тамъ толпилось нѣсколько домовъ. Лишь немногіе храбро стояли особнякомъ. Домъ старосты, церковный дворъ—эти увѣренно глядѣли на всѣ четыре стороны и не жались къ чужимъ плечамъ. Но дома сапожника, щеточника, даже учителя, съ трудомъ пробивавшагося на свое крохотное жалованье и новогоднія подношенія отъ учениковъ, дальше лачуга прачки Бобетты Рейнеръ, покосившійся, облупившійся сарайчикъ и женская богадѣльня, словомъ—всѣ дома, не вмѣщавшіе начальства или пасторской мудрости, не могли не поддерживать другъ друга...

Тамъ, гдѣ кончается деревня и уже сливаются съ далью полевыя дорожки, еще разсѣяно нѣсколько одинокихъ домиковъ. Но они не производятъ впечатлѣнія отважныхъ форпостовъ, а скорѣе боязливыхъ, слабыхъ дѣтей, безпомощно застрявшихъ на полпути къ матери. Въ робости своей они зажигаютъ лампочку, оставляютъ пса за дверьми, посыпаютъ подоконники стеклянными осколками.

А тамъ гаснетъ и этотъ блѣдный слѣдъ человѣческой жизни. Большая темная равнина стелется темнѣе въ мѣстахъ, гдѣ растетъ лѣсъ, свѣтлѣе, гдѣ земля идетъ отлого къ горизонту.

Обыкновенно съ этого холма міръ представлялся мнѣ безконечно великимъ. Въ этотъ вечеръ онъ казался мнѣ маленькимъ до жалости. Отчего? Вѣроятно, оттого, что онъ спалъ, а во снѣ и великанъ отъ комара не отличается. Оба одинаково безсильны и беззащитны.

Я испуганно вздрогнулъ вдругъ. За нами будто камень бросилъ кто-то...

— Это стѣны всегда тутъ осыпаются...—успокоилъ меня ночной сторожъ и показалъ на развалины замка, шагахъ въ двадцати отъ насъ.

Андрей опять перевелъ свои быстрые глаза на стлавшуюся подъ нами мѣстность. Лицо его было оживлено. Густые, черные волосы, нечесанными длинными прядями падавшіе на оттопыренные уши и высокій круглый лобъ, развѣвались на вѣтру, глаза блестѣли, тонкій прямой носъ дрожалъ, какъ жгучій хоботокъ, и сухія губы двигались, двигались, будто онъ велъ беззвучную, внутреннюю бесѣду...

— О чемъ вы думаете сейчасъ?—спросилъ я.

— Все объ одномъ и томъ же... — раздраженно отвѣтилъ онъ.

— Скажите!—попросилъ я и взялъ его большую костлявую руку въ мои теплыя полудѣтскія руки.—Скажите, дя-

денька, сейчасъ скажите. Я вижу, это что-то интересное... Сейчасъ же скажите, или я уйду...

— Скатертью дорога!—сказалъ онъ, крѣпко удерживая мою руку.

— Дяденька, скажите! — вкрадчиво повторилъ я. — Мы вѣдь съ вами одинаково думаемъ.

Этимъ я подкупилъ его.

— Я считалъ крыши... Ихъ больше ста... Куда больше... понимаешь?

Я утвердительно кивнулъ головой, хотя ничего ровно не понялъ. Но я привыкъ уже къ страннымъ и неожиданнымъ предисловіямъ Андрея Маркселе.

— Подъ каждой крышей спятъ четверо-пятеро человѣкъ, а то и больше. Съ закрытыми глазами устало вытянувъ тѣло, со свѣсившимися съ кровати руками. Всѣ они похожи теперь другъ на друга: староста, пасторъ, хозяинъ „Короны“, Валломеръ, его батракъ, сыроваръ, бѣдная Гертруда въ прядильнѣ, учитель, твой товарищъ Яковъ и малышъ у бочара, котораго вчера окрестили. Всѣ будто мертвые, и таково оно во всемъ мірѣ сейчасъ.

— Да, да—повторилъ я, пораженный мыслью о томъ, что мой гордый другъ Яковъ и богатый крестьянскій сынъ Теодоръ Валломеръ такъ же слабы и безпомощны въ этотъ мигъ, какъ однодневный ребенокъ, и съ безотчетнымъ чувствомъ превосходства добавилъ:—да, это правда, Андрей.

— Изо дня въ день Господь Богъ убѣждаетъ людей, что всѣ они, въ сущности, равны. Слетитъ сонъ, и властелинъ и нищій, оба—только люди, отличающіеся другъ отъ друга лишь ростомъ да цвѣтомъ волосъ.

— Вѣрно, это вѣрно!—подтвердилъ я, пытливо глядя въ смуглое, желтоватое лицо Андрея. Я хотѣлъ понять, вычиталъ ли онъ это изъ книгъ, или это собственныя его слова, и рѣшилъ про себя: нѣтъ, это у него свое... Этого въ книгахъ не вычитать.

— И я спрашиваю себя,—продолжалъ Андрей:—неужели такое ясное доказательство не могло немного образумить человѣчество, хотя бы настолько, чтобы люди маленькіе не гнули спинъ, а сильные міра не задирали бы носовъ?..

Андрей сорвалъ сухой стебель и провелъ имъ по своимъ желтовато-чернымъ отъ жеванія табаку зубамъ.

Его замѣчаніе понравилось мнѣ. Я быстро кивнулъ головой и крѣпче сжалъ его руку. Все новое, и въ чемъ мнѣ чувствовалось дыханіе мятежа, влекло и волновало меня.

— А потомъ еще я спрашиваю себя: вотъ лежатъ люди и всѣ—нули... А встаютъ утромъ, и оттого, что больше у одного шелка, у другого денегъ, извѣстности, и еще чего-то,

извнѣ прилѣпившагося къ нимъ, оттого не хотятъ они быть, какъ другіе, единицами, а непремѣнно двойками, тройками, восьмерками, девятками... И, мало того, имъ надо еще, чтобы другіе оставались нулями и бѣгали за ними, какъ собаки, и изъ какой-нибудь единицы дѣлали бы десять, тысячу, сто тысячъ. Теперь они лежатъ всѣ плашмя на своихъ матрацахъ, а завтра одинъ будетъ глядѣть на другого сверху внизъ, какъ будто человѣчество все размѣщено на лѣстницѣ, и мы на самомъ низу, конечно... Какой-нибудь ночной сторожъ... Да вѣдь это всего только ночной сторожъ, чортъ побери!

Андрей гнѣвно вырвалъ цѣлый пукъ травы.

— О, какъ вы хорошо говорите!—восторженно воскликнулъ я, и еще крѣпче пожалъ его руку. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, но я не могъ хвалить, не лаская, какъ ребенокъ, и осуждать не могъ, не оскорбляя.

— Нравится?—самодовольно спросилъ Андрей.

— Еще бы!—подхватилъ я.

— Потомъ еще я спрашиваю себя,—продолжалъ Маркселе, срывая сухіе стебли,—отчего, напримѣръ, судьею можетъ быть лишь богатый, видный человѣкъ, какъ хозяинъ „Короны", а ночнымъ сторожемъ—лишь бѣднякъ, какъ Андрей Маркселе?... Неужели староста не можетъ вырасти подъ косой крышей щеточника? И неужели деревенскій богатей въ родѣ Валломера—не въ обиду ему будь сказано—слишкомъ уменъ для того, чтобы дѣлать ночной обходъ съ фонаремъ?.. Эхъ, Вальтеръ, въ мозги бы ихъ ночного сторожа съ этимъ самымъ фонаремъ поставить надо, — ужъ больно темно тамъ... Не правъ ли я?—добавилъ онъ и разсмѣялся, услыхавъ, что и я смѣюсь.

— Ты вотъ въ городѣ живешь и учишься,—началъ онъ опять.—Хорошо. У тебя деньги отъ матери остались, да и голова на плечахъ. Но и я не лыкомъ шитъ. А не позоръ ли? Оттого, что богатство мое въ головѣ, а не въ мошнѣ, я и учиться не могъ. Будь оно иначе, я былъ бы сейчасъ докторомъ, или адвокатомъ. А такъ вотъ въ ночные сторожа вышелъ—и только.

Онъ разсмѣялся неестественно-веселымъ смѣхомъ, отъ котораго меня рѣзнуло по сердцу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите этого!—горячо воскликнулъ я.—Вы куда выше своего положенія. Отъ васъ многому поучиться можно!

— Вздоръ ты мелешь!— сказалъ онъ и недовѣрчиво взглянулъ на меня.

— Святую правду вамъ говорю!

Андрей улыбнулся и радостно пожалъ мою руку. Онъ

упивался, казалось, блаженнымъ чувствомъ, которое вызвали въ немъ мои слова. Но вслѣдъ затѣмъ опять хмуро покачалъ густоволосой головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, Вальтеръ, это днемъ еще можетъ сойти. Но ночью, когда звѣзды все слышатъ, лгать не надо. Нѣтъ, нѣтъ, дуракъ я—и все! Ничего я не знаю. Начитался всякой всячины, а разобраться въ этомъ, связать во что-либо одно—не могу. Разное знаю, о разномъ думаю, а все неясно, нестройно отъ начала и до конца.

Онъ говорилъ такъ откровенно, съ такой печальной искренностью, что мнѣ казалось пошлостью возражать ему.

— Если я одинъ изъ этихъ домовъ, скажемъ, втащу сюда, наверхъ, другой—помѣщу на берегу рѣки, и такъ вотъ разсѣю ихъ, дома-то всѣ цѣлы останутся, а села не будетъ. Понимаешь, братъ? Все дѣло въ строѣ, въ ладѣ. Хочу связать въ одно все, чего нахватался изъ книгъ. И ничего не выходитъ. Правилъ вашихъ, законовъ не знаю. Школы нѣтъ у меня, Вальтеръ, школы нѣтъ!..

Онъ поднялъ воротникъ своего пиджака: его знобило. Потомъ устало опустилъ руки на колѣни. Онъ казался почти больнымъ въ этотъ мигъ.

У меня духу не хватило слово вымолвить.

— Вотъ, видишь, Вальтеръ, чувствую, напримѣръ, что въ смыслѣ политическомъ не такъ обстоитъ у насъ, какъ должно бы быть. Задыхается село наше въ спертомъ воздухѣ. Всѣ ходы, черезъ которые могло бы проникнуть свѣжее дыханіе, тщательно затыкаются. Маленькіе люди попрежнему гнутъ спины передъ сильными. Люди имущіе по родственному стоятъ другъ за друга. Людей создаютъ деньги и положеніе родителей. Бѣдный мальчикъ, хоть родись онъ геніемъ, народнымъ пастыремъ, пасетъ всего-то козъ да овецъ. Нехорошо это. И, навѣрно, неугодно Богу. Иначе бы все должно быть.

Маркселе возбужденно вытянулъ руки впередъ. Голосъ его дрожалъ. Слезы звучали въ немъ. Прометей дернулъ цѣпями.

— Безъ тяжелой мошны самому расталантливому юношѣ въ гимназію не попасть. Потянется, на смѣхъ поднимутъ—онъ въ ушахъ у меня звенитъ, этотъ смѣхъ. А люди бѣдные, у которыхъ тоже сыновья, громче всѣхъ вопятъ... Высоко тянется молодежь наша — подумать! Равенства и справедливости ей захотѣлось!

— Вообще-то оно такъ, — робко вставилъ я.—Но были и бѣдные мальчики, которые далеко пошли. Матвѣй Шиннеръ, напримѣръ, маленькій Ньютонъ, Шиллеръ и другіе.

— Вообще-то оно такъ... — передразнилъ меня Андрей. —

Но именно вообще-то оно и не должно быть такъ, а только какъ исключеніе. И потомъ, чего они не вытерпѣли, пока на дорогу выбились? Развѣ не отравили имъ люди лучшіе годы? Испортили желудки голоданіемъ, скверной пищей, а теперь избытокъ. На что онъ имъ, коль желудокъ не варитъ? И потомъ, Вальтеръ, то были немногіе великаны. У нихъ воля была, отвага, они могли горами двигать. Мы, деревенскія дѣти,—не великаны. Можно имѣть большой талантъ и ни капли отваги. Талантъ робокъ, оттого онъ и подчиняется сильному, грубому міру. Тачаетъ сапоги, пасетъ коровъ, оттого что денегъ нѣтъ у него на ученіе. А люди глядятъ и пальцемъ о палецъ не ударятъ, чтобы измѣнить это! Тьфу на этакій міръ!

Андрей съ сердцемъ плюнулъ. И мнѣ тоже хотѣлось плюнуть, изъ отвращенія къ этому міру. Правда, я принадлежалъ къ привилегированнымъ этого міра. Но я стыдился моихъ преимуществъ передъ другими. Въ грядущемъ мірѣ лишь благородство духа и талантъ должны имѣть рѣшающее значеніе. О, Андрей и я, мы знали, какъ надо устроить, чтобы всѣ люди имѣли одинаковыя комнаты, одинаковое количество оконъ и одинаковое количество солнечнаго свѣта. О, мы двое знали...

— Село наше,—продолжалъ Андрей, — конечно, не хуже всего остального міра... Въ городѣ всѣ по партіямъ разбиты, и кто къ партіи не принадлежитъ, къ большинству значитъ, тому не пробиться никогда, хоть будь онъ семи пядей во лбу. Первымъ дѣломъ религія, политическіе взгляды, деньги, а ужъ годъ спустя — къ уму приглядываться начинаютъ, а про сердце вспоминаютъ, уже когда человѣкъ на томъ свѣтѣ. Тогда говорятъ: „А покойникъ прекраснаго былъ сердца человѣкъ"!

Но добрыхъ католиковъ, какъ ты, скажемъ, немного; красныхъ, какъ Бебель, тоже мало; чистенькихъ дворянчиковъ, какъ товарищъ твой Яковъ, тоже не Богъ вѣсть сколько. Остальные всѣ то подъ ту, то подъ другую мѣру не подходятъ—и оттого недовольство, кривды, обиды...

Андрей глубоко вздохнулъ.

— Спятъ,— продолжалъ онъ, презрительно махнувъ рукой въ сторону деревни;—спятъ подъ своими тяжелыми крышами и забываютъ, что рабы они немногихъ людей, часто одного человѣка. О, если бы всѣ они думали, какъ я! Тогда бы они не спали...

— Чтобы они тогда дѣлали?—быстро спросилъ я.

Андрей нагнулся надъ косогоромъ. Будто тучей грозной нависъ надъ селомъ. Что-то величавое, властное было въ его движеніяхъ.

— Встали бы!—крикнулъ онъ,—и боролись бы со мною за равенство и братство. Метались и рвались бы до тѣхъ поръ, пока оковы не спали бы съ нихъ.

V.

Въ этотъ мигъ что-то треснуло. Андрей Маркселе, увлекшись, сдѣлалъ слишкомъ широкій, слишкомъ смѣлый жестъ. Швы на локтяхъ и плечахъ лопнули. Прометей и въ самомъ дѣлѣ порвалъ оковы.

Но чувство избавленія, котораго можно было бы ждать,— не пришло. Наоборотъ, вдохновенный ораторъ мгновенно замолкъ и смущенно разглядывалъ поврежденія.

— Вотъ и рукава у меня лопнули,—тихо сказалъ онъ и опять опустился на траву.

— Революція была бы! — ликовалъ я, упиваясь звукомъ громкихъ словъ Маркселе.—Революція! Ура!

Что значитъ разорванный рукавъ наряду съ низверженіемъ подгнившихъ устоевъ міра, которое мы замышляли!

— Погляди-ка, никакъ и на спинѣ швы разошлись...

— И вы думаете, Маркселе, что тогда и самые обойденные...

— Вотъ игла... стяни-ка швы на спинѣ... Фу ты! Продуваетъ...

— Ахъ, какъ хорошо было бы, если бы человѣкъ просто свѣтлой головой, однимъ добрымъ сердцемъ...

— Да ты ошалѣлъ совсѣмъ... Прежде всего, мнѣ цѣлая куртка нужна... Понимаешь, цѣлая куртка...

— Цѣлая куртка! — машинально повторилъ я, падая съ облаковъ.

— Все это прекрасно, но когда человѣку одѣть нечего, онъ не можетъ пойти на улицу проповѣдывать, и когда голоденъ человѣкъ, онъ не въ силахъ бороться. Сошлось? Надо бы булавку англійскую...

— Значитъ, безъ денегъ и богатыхъ людей всетаки не обойтись?—безнадежно спросилъ я.

— Этого я не говорю, нѣтъ, нѣтъ. И потомъ, я вѣдь только что сознался тебѣ—я неучъ, пустомеля, ладу, связи нѣтъ въ моихъ мысляхъ. Не слушай меня. Не гожусь я въ поводыри.

И онъ съ такой мольбой охватилъ мою руку, что я не зналъ, прощать ли мнѣ его или самому просить прощенія?

Мы медленно спустились съ холма. Чѣмъ ближе мы подходили къ селу, тѣмъ спокойнѣе становился Андрей.

— Нѣтъ, милый мой, все вѣрно, что я сказалъ тебѣ. Но

школы нѣтъ у меня. Связать не могу моихъ мыслей, доказывать не умѣю. Во всемъ, что я говорю, я чувствую пробѣлы. И это у меня вѣру въ себя самого отнимаетъ. О, Вальтеръ!—онъ взялъ меня обѣими руками за голову и глубоко заглянулъ въ мои глаза.—Сдѣлай ты когда-нибудь то, чего я сдѣлать не могъ! Учись! Будь сильнымъ! Мнѣ кажется, ты много хорошаго можешь сдѣлать...

Никогда въ моей жизни ничье поощреніе не исполнило меня такой гордости. Я приподнялся на кончикахъ пальцевъ и горящими глазами отвѣтилъ на взглядъ Андрея.

— Обѣщаю вамъ, я сдѣлаю все, что будетъ въ моихъ силахъ,—поклялся я.

— Руку!

— Вотъ!..

— А теперь тише...—сказалъ Андрей.—Катерина, вѣрно, спитъ уже...

Онъ весь ушелъ въ свою куртку. Ему было холодно. И мнѣ послышалось, будто дыханіе у него свистящее, какъ у страдающихъ отдышкой.

— Вы больны?—шепотомъ спросилъ я.

— Простудился... дня два уже... Отлежаться некогда...

Мы медленно обогнули домикъ больной Катерины. Я жадно заглянулъ въ окошко. На слабо освѣщенномъ окошкѣ четко выдѣлялась милая тѣнь. Маленькая головка съ вѣнцомъ изъ косъ, нѣжно очерченный лобъ, тонкій, изящный носъ, мягкая линія подбородка... О, какъ хороша была эта тѣнь!...

Все еще дулъ влажный, теплый вѣтерокъ. Непочтительно бѣжалъ по кладбищу, дергалъ жестяные вѣнки, перебиралъ прикрѣпленные къ крестамъ портреты дѣтей и бабушекъ, и вдругъ дурачливо взметнулъ кучу сухихъ листьевъ на могилу почтеннаго стараго совѣтника, который всю свою жизнь радѣлъ о порядкѣ и аккуратности.

Мы шли теперь вдоль другой стороны кладбища, внизъ, къ деревнѣ. Здѣсь тянулись ряды позднѣйшихъ могилъ. Ихъ легко было распознать. Земля на нихъ была еще свѣжа, холмики не успѣли осѣсть.

Но миромъ на меня больше не вѣяло, покой не казался мнѣ больше избавленіемъ.

Зачѣмъ покой? Что толку въ покоѣ?—говорилъ я себѣ— Тревоги жизни, борьба, метанія—все лучше этого бездѣйственнаго свинцоваго сна. И страданіе лучше. Лучше биться изъ-за куска хлѣба, чѣмъ вовсе не знать голода въ могилѣ. Лучше прокладывать себѣ дорогу сквозь толщу жизни, въ курткѣ съ короткими рукавами и узкими плечами, чѣмъ удобно и безчувственно лежать подъ землей... У меня дро-

жали руки. Я хрустѣлъ пальцами. Все существо мое возмущалось противъ смерти...

На краю послѣдняго ряда могилъ, подлѣ самой ограды, зіяла яма. Возлѣ лежала лопата. Для кого-то ложе приготовили. Я съ ужасомъ отвернулся, когда увидалъ взрытую гнилую, мокрую землю и желтовато-темныя кости прежняго обитателя могилы.

— Кто умеръ?—спросилъ я Андрея.

Я наканунѣ только пріѣхалъ изъ города.

— Ткачъ,—печально отвѣтилъ Маркселе.

Я удивился.

— Уже умеръ?

— Уже? Ему было семьдесять два года!..

— Ну, что же изъ этого?—Мнѣ казалось, что рано еще умирать въ такіе годы; смерть представлялась мнѣ возмутительной. И отчего не дать ей человѣку дожить до ста, до двухсотъ лѣтъ? Да и тогда еще рано умирать! Нѣтъ, лучше вовсе не умирать!

Я провелъ рукою по моимъ длиннымъ мягкимъ волосамъ, по щекѣ. Все было такъ нѣжно, тепло, молодо. Нѣтъ, нѣтъ, это не должно, не можетъ состариться и умереть.

— Что именно старитъ людей, дяденька?—спросилъ я и тутъ же вспыхнулъ.

Какой глупый вопросъ. Годы старятъ... Каждый ребенокъ это знаетъ.

— Время, конечно...—поправилъ я себя.

— Нѣтъ, не время,—серьезно отвѣтилъ Андрей.

— Что же?—удивился я.

— Люди другъ друга старятъ.

— Люди?.. Какъ?..—отъ изумленія у меня ротъ такъ и остался открытымъ.

— Да тѣ же неравенства, несправедливости,—все, о чемъ толковали тамъ наверху, все это старитъ людей...

Я невольно обернулся и взглянулъ на холмъ, возвышавшійся надъ черными влажными крышами.

— А теперь ступай спать. Дождь идетъ.

Вѣтеръ улегся. Небо плотно затянуло недвижными сѣрыми тучами. Мелкія теплыя капли дождя стучали по крышамъ.

— Благодарю, Андрей, отъ всего сердца благодарю, — сказалъ я и крѣпко пожалъ руку дорогому человѣку.—Чудесную ночь провелъ я съ вами. Никогда ея не забуду.

— Не за что!—кратко, почти сухо отвѣтилъ Андрей, повернулся и пошелъ своей дорогой.

Я грустно смотрѣлъ ему вслѣдъ. Андрей, вѣроятно, по-

чувствовалъ мой взглядъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ обернулся, остановился, и быстро подошелъ ко мнѣ опять.

— Ну, чего тебѣ еще?

— Андрей!—сказалъ я со слезами на глазахъ.

— Нѣтъ, незачѣмъ... Но то, что обѣщалъ тамъ, наверху—помнишь?

— Помню, Андрей!

— Кто-то слышалъ это, кто-то вѣчно бдящій!—съ угрозой въ голосѣ сказалъ онъ.

— Я могу поклясться, Андрей! — горячо воскликнулъ я.

— Не надо! Не надо! Я вѣрю тебѣ! Но трудно это... Я не сумѣлъ... Ну, покойной ночи!..

Онъ опять закрылъ лѣвой рукой разошедшіеся швы на правомъ рукавѣ и быстро пошелъ кривымъ переулкомъ къ своей лачугѣ.

— Я смогу! — говорилъ я себѣ. — Да, я смогу! Займусь теперь исторіей, куплю рѣчи великихъ древнихъ ораторовъ. Буду каждый день сочинять небольшую рѣчь; въ сумерки, когда одинъ останусь въ своей комнатѣ, взберусь на столъ, на стулъ и буду произносить мою рѣчь такъ, какъ если бы предо мною была большая толпа...

Я медленно подходилъ къ дому, упоенный своими мечтами... Въ комнатѣ было нестерпимо жарко, и я раскрылъ окно, хотя дождь заливалъ чрезъ подоконникъ.

Раздѣваясь, я думалъ все о томъ, что для выполненія моей задачи необходимо прежде всего сдѣлаться большимъ ораторомъ. Вопросъ о томъ, есть ли у меня ораторскій талантъ, казался мнѣ важности второстепенной. Всѣмъ можно сдѣлаться. Если бы Андрей поручилъ мнѣ стать скульпторомъ или музыкантомъ, я бы также не колебался приняться за работу.

— Possunt quia posse videntur—незадолго до того прочиталъ намъ изъ Виргилія нашъ преподаватель латыни. И въ эту ночь я понялъ его. Да, человѣкъ можетъ быть всѣмъ, чѣмъ захочетъ быть. Я долженъ—я твердо рѣшилъ это — сдѣлаться Демосѳеномъ, Мирабо.

Предстояло просвѣтить цѣлое поколѣніе и обратить его въ вѣру лахвейлерскаго ночного сторожа.

Я долженъ владѣть словомъ, какъ молотомъ—для разрушенія, какъ иглой—для уколовъ, какъ флейтой — для приманки и прельщенія, какъ бичомъ—для понуканія, какъ гласомъ трубнымъ, чтобы будить людей, и какъ смычкомъ віолончели—для того, чтобы волновать и утѣшать ихъ сердца. Къ счастью, у меня былъ съ собою „Юлій Цезарь“ Шекспира. Я рѣшилъ на слѣдующее же утро выучить рѣчь Антонія.

Да, я покажу, что и въ наше время возможны ораторы, умѣющіе метать громы и молніи.

Я возносился все выше и выше въ своихъ мечтахъ объ ораторской славѣ. Внизу, подо мною, волновалось море человѣческихъ головъ. Я стоялъ высоко надъ ними на ораторской трибунѣ. И говорилъ, говорилъ... Мысли мои лились чудеснымъ потокомъ. Какъ волна за волной, шла фраза за фразой. И думать не надо было. И усилій никакихъ дѣлать не надо было. Сами собою приходили и мысли и слова и бездна ихъ была еще во мнѣ... Шляпы летали въ воздухѣ. Предо мной блестѣли стекла очковъ, бѣлыя манжеты, пылающія, смѣющіяся и плачущія лица. Все забилось, колыхалось, плыло предо мною большими темными массами, какъ облака на небѣ въ ту ночь.

Я опять сидѣлъ на холмѣ, но все такъ странно измѣнилось. Небо со стремительными тучами было не надо мною, а подо мной. Ноги мои висѣли въ воздухѣ и у меня кружилась голова. Но я все говорилъ, и явственно видѣлъ здѣсь и тамъ въ прояснившемся небѣ человѣческія головы, опять блестѣли туго накрахмаленныя бѣлоснѣжныя манжеты, мелькали шляпы, фуражки, сверкали очки. „Да здравствуетъ всеобщее равенство!—кричалъ я.—Староста долженъ уйти и уступить мѣсто молодому“.

Тучи опять затянули небо подо мной, и опять вѣтеръ разогналъ ихъ. Я стоялъ словно надъ морской пучиной. Но скоро небо подо мной прояснилось, посвѣтлѣло, поплотнѣло, тысячи звѣздъ-окошекъ засвѣтились въ немъ, и каждое открывалось, выглядывали головы мужскія, женскія, дѣтскія, и всѣ смотрѣли вверхъ на меня.

— И у всѣхъ должны быть одинаково красивые дома, и одинаковое количество большихъ оконъ! — неистовствовалъ я.—Всѣ люди должны быть равны.

При этихъ словахъ головы въ окошкахъ исчезли. Я, очевидно, разсердилъ людей. Лишь въ одномъ, изъ самыхъ отдаленныхъ, самыхъ маленькихъ оконъ еще видна была головка съ очень свѣтлыми, желтыми волосами и огорченными голубыми глазами. Надо лбомъ даже дрожала складочка. Агнесса!

И маленькое, косое окошко показалось мнѣ вдругъ милѣе большихъ блестящихъ оконъ, и я раскаялся въ томъ, что говорилъ передъ тѣмъ.

— Нѣтъ, можно и маленькія окна оставить!—громко крикнулъ я внизъ такъ, чтобы она это услыхала.

Тогда она больше высунулась изъ окна и улыбнулась мнѣ.

— И маленькіе домики,—продолжалъ я,—полезны. Катеринѣ нѣтъ надобности перестраивать свой домъ.

Дѣвушка приставила руку къ уху, чтобы лучше слышать. Складка исчезла, а глаза и ротъ еще милѣе улыбались.

— И всѣ люди не могутъ быть равны! — сознался я.— Есть молодые и старые! Одни должны жить, и другіе должны умереть!—Это правда! И есть красивые,—я низко поклонился въ сторону косого окошка, и безоб... нѣтъ я хочу сказать, не очень красивые; есть богатые и бѣдные. Вотъ тутъ-то надо спѣться... Правду я говорю?

Я бросилъ мой вопросъ внизъ, къ окошечку.

Милая головка кивнула мнѣ, глаза разсмѣялись и отвѣтили такимъ чудеснымъ „да", что у меня помутилось въ головѣ.

Въ этотъ мигъ налетѣлъ сильный вѣтеръ, и опять все плотно затянулось тучками.

VI.

Когда утренніе лучи разбудили меня, первая моя мысль была—вы думаете, вѣрно,—о Маркселе?

— Какъ бы не такъ!

„Великій ораторъ будущаго, самоотверженный радѣтель о народной свободѣ"...

Не стыдите меня!.. Я былъ въ легкомысленнѣйшемъ возрастѣ, и день этотъ былъ послѣдній день масляной недѣли канунъ поста, заговѣнье.

Ахъ, я думалъ о гармоникѣ, о танцахъ вечеромъ, о процессіи, о мясныхъ пирогахъ. Нигдѣ масляница не проходитъ такъ увлекательно-весело, какъ по деревнямъ въ нашемъ краю. Въ каждомъ домѣ масляница, и на бѣднѣйшемъ столѣ съ утра уже благоухаютъ запеченыя въ тѣсто груши. На кухняхъ, круглый годъ вѣдающихъ лишь вареную говядину—такую говядину, что кошка великодушно уступаетъ ее собакѣ, а собака—кошкѣ,—жарится къ обѣду баранина, или жирный кусокъ козы, и свиная колбаса, красующаяся вѣнкомъ на горкѣ кислой капусты. Вечеромъ, предъ каждымъ домомъ взбиваются чистой метелочкой сливки въ бѣлыя, пѣнныя хлопья, и прелесть эта вкушается съ орѣхами и сушеными грушами. Въ интересахъ пищеваренія, жирныя блюда запиваются рюмочкой сливянки.

Это масляница дома. Затѣмъ—масляница по сосѣдямъ. Битыя сливки въ большихъ мискахъ, рядомъ съ запечеными

въ тѣсто грушами яблочные пироги, и вмѣсто сливянки тянутъ вишневую наливку.

Наконецъ, широкая масляница на деревнѣ. Балаганы, лари, старыя краснолицыя торговки, яичные крендели, пряничные дамы и кавалеры. Школа наглухо заперта. Изъ оконъ „Короны“ струится щекочущій ноздри запахъ сосисокъ и печенки. Къ концу дня — процессія мальчиковъ, завершающаяся стрѣльбой изъ лука и ужиномъ въ трактирѣ. Затѣмъ ряженые, страшныя маски, смѣшные колпаки, язвительныя надписи на шестахъ, мѣтко высмѣивающія какую-либо характерную особенность деревни, или даже отечественную слабость. И, наконецъ, вечеромъ — крестьянская комедія въ большомъ залѣ „Короны“, разыгрываемая на половину по тетради, на половину по вдохновенію...

Пьеса и исполнители награждаются шумнымъ одобреніемъ, выражаемымъ при посредствѣ глотки, рукъ и ногъ, и сопровождаемымъ чистосердечнымъ смѣхомъ и плачемъ. На улицахъ заливаются свирѣли, дудки, хриплые голоса выводятъ хитрыя рулады; много фонарей и трепетныхъ тѣней, и въ полумракѣ за домами шопотъ влюбленныхъ паръ.

Вдругъ пронзительный крикъ. Два человѣка, плотно обвивъ другъ друга руками, летятъ на улицу съ крыльца трактира и въ нѣмой ярости барахтаются на землѣ. Дровосѣкъ Симеонъ хватаетъ за горло горнаго пастуха Георга Швейве, и такъ хрипитъ, какъ умирающій отъ удушья. Тяжело напираетъ, однако, на нападающаго, дважды изо всѣхъ силъ ударяетъ его колѣномъ въ животъ, и длинный Симеонъ выпускаетъ изъ рукъ горло противника, и тошнота вышибаетъ потъ на его лицо. Но тотчасъ вновь набрасывается на вздутое лицо Георга, старается поймать его за уши, вцѣпиться въ волосы. Въ эту минуту быстро сбѣгаетъ съ крыльца маленькій, коренастый хозяинъ „Короны“, за шиворотъ поднимаетъ обоихъ дерущихся съ земли, встряхиваетъ ихъ изо всѣхъ силъ, и, едва онъ опускаетъ ихъ, оба, какъ мѣшки, падаютъ на землю.

— Дракъ у себя не желаю, олухи вы, слышите?.. Драться, да еще изъ-за юбки!..

Изъ трактира выходятъ нѣсколько человѣкъ и уводятъ полубезчувственныхъ драчуновъ по домамъ.

А Доротея Фроммеръ, изъ-за который сыръ-боръ загорѣлся, весело танцуетъ со всѣми пригожими парнями вальсы, польки, опять вальсы, опять польки... Но стоитъ гимназисту мигнуть ей, особенно семнадцатилѣтнему Теодору Валломеру,—и всѣмъ кавалерамъ отставка и съ нимъ однимъ лишь вертится, кружится она на своихъ стройнахъ ногахъ. Танцуетъ увѣренно, по сторонамъ не глядитъ и глазъ не

сводитъ съ курчавой головы, темнаго пушка на щекахъ и смѣющихся голубыхъ глазъ богатаго юноши.

Знаетъ она, что красивая, но бѣдная дочь шоссейнаго сторожа не пара такому баричу... знаетъ, что и на деревнѣ знать и чернь, и строго блюдется сословная рознь... Но сегодня ей весело...

Въ залѣ тяжелый запахъ сигаръ, недопитыхъ стакановъ и пьяное дыханіе танцующихъ.

Лампы блѣднѣютъ, за окнами брезжитъ тихое, сѣрое утро.

VII.

Три дня спустя я сидѣлъ на скучной гимназической скамьѣ и зубрилъ латынь. Въ окно я видѣлъ торговку, стоявшую у крыльца лѣваго гимназическаго флигеля. Жена ненавистнаго намъ педеля перебирала ея товаръ—шнурки, спичечныя коробки, восковыя цвѣтныя свѣчи, шелковыя ленты, ощупывала каждый предметъ и клала его обратно. А маленькій педеленокъ топтался подлѣ синяго кухоннаго передника своей мамаши съ такимъ видомъ, точно весь ларь вмѣстѣ съ торговкой въ ближайшій мигъ долженъ былъ стать его собственностью. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ и ждалъ,—на чемъ наконецъ остановитъ свой выборъ почтенная дама. Неужели красную ленту возьметъ? Но, на мой вкусъ, она совсѣмъ ей не къ лицу. Или желтую? Еще хуже. На этой шеѣ съ жирнымъ кадыкомъ тускнѣли всѣ цвѣта. Лицо ея представляло совокупность всѣхъ цвѣтовъ. Глаза зеленые, волосы сѣрые, носъ у основанія красный, по срединѣ лиловый, съ коричневымъ кончикомъ, а лобъ, щеки и подбородокъ желтаго, ужасно желтаго цвѣта, такъ какъ она страдала желчью. Обстоятельство это не мѣшало и супругу ея страдать желчью, особенно когда онъ выслѣдить не могъ авторовъ какой-либо ловкой ученической проказы, когда слышалъ запахъ пороха, а стрѣлковъ не видѣлъ. Губы и уши у педельши были синія, а зубы или отсутствовали, или чернѣли.

— Какой цвѣтъ она выберетъ?—спрашивалъ я себя.

Яковъ разсказывалъ въ это время, отчего Цицерону такъ трудно было защищать Лигарія. Яковъ говорилъ это съ явнымъ сознаніемъ превосходства—такъ, словно для него самымъ пустячнымъ было бы дѣломъ выиграть процессъ, въ которомъ судья былъ бы истцомъ, а защитникъ обвиняемымъ.

Преподаватель кивалъ головой и лобъ его лоснился отъ удовольствія.

— Голубой, алый, оранжевый цвѣтъ выберетъ она?—вопрошалъ я себя.

Синюю, синюю ленту взяла! Я обомлѣлъ отъ неожиданности.

— Ну, что у насъ на слѣдующій урокъ?—пропѣлъ учительскій голосъ.

Я вздрогнулъ, медленно всталъ и безпомощно озирался кругомъ.

— Ну, что задано, Вальтеръ! Забыли?—язвилъ ненавистный голосъ.

— Синяя лента!—выпалилъ я.

И сейчасъ еще не знаю, вырвался ли у меня этотъ отвѣтъ вслѣдствіе разсѣянности моей, или съ досады, или оттого, что я растерялся? Раздался гомерическій хохотъ, нѣсколько мгновеній, какъ громъ, стоявшій въ моихъ ушахъ. Учитель съ пылающимъ лицомъ и развѣвающимися полами выбѣжалъ изъ класса.

А черезъ полчаса исторія эта вылетѣла изъ моей молодой головы. Я пошелъ въ нашу привѣтливую кухмистерскую и сталъ поджидать Якова.

Подали супъ, а онъ все не шелъ. Кругомъ говорили о предстоявшемъ воскресномъ собраніи, на которомъ должно было рѣшиться, будутъ-ли впредь граждане сами непосредственно выбирать депутатовъ или черезъ своихъ представителей. За столомъ шелъ возбужденный перекрестный споръ. Говорило три-четыре человѣка одновременно, обильно заливали рѣчи пивомъ и виномъ и стучали кулаками по столу.

Меня это не интересовало и не волновало. У меня не было терпѣнія для столь медлительнаго, постепеннаго разрѣшенія народныхъ задачъ. По моему, демократія однимъ смѣлымъ взмахомъ должна была рѣшить свою судьбу.

Наконецъ, вошелъ Яковъ. Вошелъ поспѣшнѣе обыкновеннаго. На устахъ его дрожала какая-то новость.

— Что случилось? — любопытно спросилъ я. — Ничего дурного, надѣюсь?

— Ты ничего еще не знаешь?

— Что? О чемъ? Да говори!—сказалъ я и съ досадой дернулъ его за рукавъ.

— Андрей Маркселе умеръ.

Я смотрѣлъ на него, какъ оглушенный внезапнымъ ударомъ.

— Простудился, очевидно.—Письмо вотъ отъ Агнесы... Кельнеръ, кельнеръ, уберите супъ... Онъ совсѣмъ простылъ...

— И умеръ въ первый день поста... Масляницу еще су-

мѣлъ таки прожить... Разбойникъ!—легкомысленно болталъ Яковъ.

— Господи!—пролепеталъ я наконецъ.—А что еще пишетъ Агнеса? Прочитай...

— Три дня онъ лежалъ въ бреду... Эй, кельнеръ, жаркое и горохъ съ картофелемъ!..

— Три дня въ бреду! — вскрикнулъ я, чувствуя, что глаза мои застилаются слезами.

— И какой вздоръ несъ... Агнеса пишетъ,—померетъ можно было со смѣху.

— Помереть со смѣху... И это пишетъ Агнеса... Со смѣху...—огорченно повторилъ я.

— Чудакъ! Да вотъ, читай самъ...

Онъ бросилъ мнѣ письмо и принялся разрѣзывать великолѣпное жаркое, купавшееся въ темно-коричневомъ соусѣ.

— Этого она, конечно, не пишетъ...

— Онъ бредилъ...—тихо прочиталъ я.

— Читай вслухъ! — властнымъ своимъ тономъ сказалъ Яковъ.

— „Онъ бредилъ безпрерывно... Разсказываютъ удивительныя вещи... Звалъ къ себѣ императора, говорилъ большую рѣчь въ союзномъ совѣтѣ и то плакалъ, то смѣялся... Четыре человѣка съ трудомъ удерживали его въ кровати, такъ онъ неистовствовалъ. Онъ хотѣлъ выскочить въ окно. Открыли всѣ двери настежь, всѣ окна, разстегнули на немъ воротъ, рукава, а ему все дышать нечѣмъ было. Мы слышали съ улицы, какъ онъ кричалъ: „Я задыхаюсь, пожалѣйте меня, я задыхаюсь!"

— Одышка! одышка! бѣдняга! — сокрушенно сказалъ Яковъ, орошая горохъ густымъ золотистымъ соусомъ.

— „...Потомъ пытался пропѣть дозорный окрикъ, хотѣлъ заводить часы. Многіе заходили къ нему, но онъ никого не узнавалъ. Докторъ сказалъ тогда, чтобы къ нему пускали лишь пастора и тѣхъ, что за нимъ ходили. Но это староста подстроилъ, потому что рѣчи больного, молъ, вредны для здоровыхъ головъ. Разжигаютъ и волнуютъ. По моему, это вздоръ. Андрей всегда такой хорошій былъ. И чего бояться умирающаго? Что онъ можетъ сдѣлать дурного?"

— Дѣвченка! Ничего не понимаетъ...—вставилъ Яковъ и вытеръ салфеткой свои алыя губы.

Но мнѣ эта фраза показалась глубокой и значительной. Агнеса стала мнѣ еще милѣе.

„...На третій день онъ притихъ, и никто не видѣлъ, когда и какъ собственно онъ умеръ. Въ пятницу его будутъ хоронить. Пишу тебѣ это такъ подробно, оттого что здѣсь

только объ этомъ и говорятъ. Мы вѣдь всѣ такъ хорошо знали его. Разскажи это Вальтеру. Мнѣ кажется, онъ очень любилъ ночного сторожа. Быть можетъ, онъ и на похороны пріѣдетъ. Сердечно цѣлую тебя.

Твоя сестра Агнеса".

— Я не поѣду!—рѣшительно сказалъ Яковъ.—Въ пятницу утромъ у насъ химія, и д-ръ Мюллеръ будетъ демонстрировать чистый кислородъ.

— Какъ хочешь—оставайся! Я поѣду!

Мой другъ сталъ убѣждать меня не ѣздить, потому что тогда и ему придется поѣхать, а жаль пропустить химическій опытъ, да, къ тому же, директоръ и отпуска въ пятницу не дастъ. Моя рѣшимость стала ослабѣвать.

— Да и мы съ нимъ не родные!—добавилъ онъ.

— О, нѣтъ, мнѣ онъ очень даже родной!—тихо возразилъ я.

— И если поѣдемъ на похороны ночного сторожа, то придется ѣздить и на похороны церковнаго сторожа, органиста, звонаря, фельдфебеля, словомъ—всѣхъ нашихъ односельчанъ... Нѣтъ, это не дѣло, братъ! Выпей! Чокнемся! Въ память ночного сторожа!...

Кружки наши непріятно звякнули.

А Андрей Маркселе не былъ доволенъ нами. И я твердо рѣшилъ поѣхать на похороны. Но я не хотѣлъ говорить объ этомъ Якову. Я боялся его власти надо мной. Онъ способенъ былъ запереть меня дома на ключъ и не выпускать, пока поѣздъ не уйдетъ.

VIII.

Вечеромъ того же дня я стучался въ высокую дверь директорскаго кабинета.

— Вой-ди-и-те!

Базиль — какъ мы звали директора, большой, крѣпко сколоченный, сухощавый человѣкъ, — положилъ перо на пультъ и сдѣлалъ три величавыхъ шага впередъ, къ рединѣ комнаты, гдѣ мы, ученики, должны были выстраиваться, согласно этикету.

Лицо его было гладко выбрито, сюртукъ безъ пылиночки, сидѣлъ, какъ вылитый, очки сверкали, и глаза неопредѣленнаго сѣровато-голубовато-коричневаго цвѣта были также холодны и прозрачны, какъ очки.

Глядя на него, холоднаго и всевластнаго, я думалъ о томъ, что приходить сюда было незачѣмъ. Отъ этого человѣка нечего было ждать милости.

— Никакъ Вальтеръ, — сказалъ директоръ и изобразилъ на своемъ лицѣ улыбку, то-есть прищурилъ глаза и открылъ ротъ, обнаруживъ при этомъ два ряда запломбированныхъ зубовъ.

— Да, г-нъ директоръ, ученикъ седьмаго класса,—отрапортовалъ я, согласно правиламъ.

— Хорошо... Что угодно?..

Я завертѣлъ въ рукахъ фуражку, какъ дискъ. Пальцы мои потѣли. Если оберну кругомъ и пальцы сойдутся, отпуститъ,—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Я хотѣлъ бы получить отпускъ въ пятницу, г-нъ директоръ,—громко выпалилъ я.

При словѣ „отпускъ“—гладкій, высокій лобъ директора собрался въ мелкія складочки до самыхъ сѣдыхъ волосъ. По всему его лицу разлился мертвенный холодъ.

Слово „отпускъ“ было для его уха тѣмъ же, чѣмъ фальшивая нота для уха нервнаго музыканта. Порядокъ, точность, аккуратность были для него вопросами жизненной важности. Весь школьный строй былъ налаженъ имъ, какъ оркестровая симфонія. Малѣйшее отступленіе отъ правилъ, отъ программы — и ладъ нарушился бы, какъ строй симфоніи отъ невѣрно взятой паузы или фальшивой ноты.

— Но вѣдь пятница — школьный день, — строго сказалъ онъ.—У васъ...

Онъ вынулъ изъ бокового кармана записную книжку и сталъ ее перелистывать:—У васъ утромъ—латынь, французскій языкъ и химія. Послѣ обѣда — рисованіе и нѣмецкій языкъ. Отъ этихъ уроковъ я васъ освободить не могу.

Я угнетенно молчалъ.

— Зачѣмъ вамъ „*отпускъ*“, — началъ онъ опять съ раздраженіемъ подчеркивая слово „отпускъ“.—Боленъ кто-нибудь у васъ дома?—сказалъ онъ съ принужденной привѣтливостью, вспомнивъ, очевидно, что съ этого вопроса долженъ былъ бы начать.

— Нѣтъ,—сказалъ я,—но... Андрей Маркселе умеръ.

— Умеръ?.. Царство ему небесное... Вамъ-то что же тамъ дѣлать?..

— На похороны...

— Та-а-къ!.. — Директоръ провелъ рукой по лбу,—на похороны... Такой обычай... Правда...

Во мнѣ зародилась надежда.

— Можно мнѣ поѣхать? — Я могъ бы вернуться съ часовымъ поѣздомъ...

— Ну да, латынь, пусть! Но вспомните, французскій языкъ вѣдь... Въ наше время безъ французскаго языка не обойтись... Какая у васъ отмѣтка была?

Онъ опять сталъ рыться въ своей записной книжкѣ, куда внесены были всѣ отмѣтки всѣхъ классовъ за многіе годы.

— Тройка!—сказалъ я, чтобы избавить отъ пытки исканія и моего мучителя и меня.

— Да! Тройка! Видите! Видите! — А химія? Вѣдь это основа всякаго знанія. Если я не ошибаюсь, докторъ Мюллеръ опытъ произведетъ съ кислородомъ... Понимаете ли вы, что это значитъ? Вамъ будутъ показывать, какъ кислородъ добывать... о-ху-gen!

— Я наверстаю пропущенные уроки, г-нъ директоръ.

— У васъ нѣтъ вѣдь ни родителей, ни братьевъ, ни сестеръ... Что онъ вамъ дядей... или крестнымъ отцомъ приходится... этотъ Марсель Андерсъ?..

— Андрей Маркселе, г-нъ директоръ...

— Или зятемъ, что ли?

— Это ночной сторожъ нашъ... не безъ смущенія отвѣтилъ я, и тотчасъ же устыдился своего стыда.

— Ноч-ной сторожъ! Ничего не понимаю!

— Другъ и товарищъ...—началъ я было.

— Милый мой,—оборвалъ меня директоръ, кладя на мое плечо лѣвую руку съ золотымъ кольцомъ и двумя синими чернильными пятнами.—Довольно объ этомъ! Никуда вы въ пятницу не поѣдете!

Онъ положилъ правую руку на другое мое плечо и строго-наставительнымъ голосомъ продолжалъ: „Вы мечтатель! Учителя жалуются на васъ... Сегодня на урокѣ латыни отличились! Намедни въ тетради вашей среди алгебраическихъ задачъ стихи нашли...

Меня бросало въ жаръ и въ холодъ.

— Стихи нельзя сказать, чтобы плохи, но незрѣло, милый мой, незрѣло... Потомъ, у васъ еще странная манія вырѣзывать женскія имена на скамьяхъ... Лаура—Беатриче—Элеонора... Кто это, собственно?..

Онъ безпощадно поправилъ свои очки, чтобы лучше видѣть меня...

— Кто эта Лаура, мой другъ?

— Господинъ директоръ,—отвѣтилъ я, задыхаясь.—Я... я не знаю...

— Я и говорю—мечтатель... А мечтатели никогда не вѣдаютъ, что творятъ... Совѣтую: окачивайтесь каждое утро холодной водой, не пейте пива, не курите, не сочиняйте стиховъ и оставьте, пожалуйста, скамьи наши въ покоѣ!

Онъ подвелъ меня къ дверямъ и открылъ ихъ.

— Съ вашими способностями вы можете быть дѣльнымъ человѣкомъ, гордостью нашего заведенія и работникомъ на пользу и благо отечества! До свиданія!

— До свиданія, г-нъ директоръ!—беззвучно отвѣтилъ я.

Всевѣдущій Базиль обернулся и, принявъ опять приличествующій его положенію внушительный видъ, добавилъ: „Инспекторъ пришлетъ вамъ завтра утромъ счетъ за вашу рѣзьбу на скамьѣ номеръ восьмой, въ семнадцатой аудиторіи. Вчера вы трижды вырѣзали на ней „Агнессу"...

Мнѣ казалось, что директоръ раздѣлъ меня до-нага.

IX.

Яковъ и я купили настоящій лавровый вѣнокъ и вплели въ него любимые цвѣты Андрея—бѣлую и блѣдно-красную герань. Яковъ—онъ на самомъ дѣлѣ было гораздо лучше, чѣмъ казался—купилъ еще въ самомъ лучшемъ магазинѣ широкую шелковую зеленую ленту съ золотой бахромой. Послѣ долгаго обсужденія, мы нашли слова „отъ друзей" недостаточно выразительными для наполнявшихъ насъ чувствъ. Мы отпороли ихъ и заказали другую надпись въ золотыхъ буквахъ:

„Вѣрному стражу народа!
Прометею крестьянской свободы!
Благодарная молодежь!"

Въ пятницу д-ръ Мюллеръ, дѣйствительно, демонстрировалъ кислородъ. И когда мутная смѣсь растворилась, и чистый элементъ поднялся, и вспыхнуло пламя у отверстія реторты, я видѣлъ предъ собою не химическіе элементы: это была душа ночного сторожа, высвободившаяся, наконецъ, изъ своихъ короткихъ рукавовъ и узкихъ плечъ; я видѣлъ ее, поднимающуюся надъ темной, скучной землей, подобно этому свѣтлому газовому пламени. въ царство вольныхъ небесныхъ духовъ.

Черезъ два дня мы узнали, что нашъ вѣнокъ былъ самый красивый. Но надпись смутила сельское начальство, справились у волостного писаря, почитывавшаго книжки, и, такъ какъ онъ разъяснить загадки не могъ, то пошли съ вѣнкомъ къ пастору. Не таится ли, молъ, въ словахъ „Прометей народной свободы" какого-либо подстрекательства, оскорбленія властей?.. Что такое, собственно, Прометей? Звѣрь ли, или человѣкъ? И если человѣкъ, то какъ онъ себя велъ, былъ ли консерваторомъ, либераломъ, или тоже, быть можетъ, волновалъ молодые умы? Но пасторъ лишь улыбнулся и сказалъ: „Господа! Прометей этотъ никогда не существовалъ. Можете оставить надпись на мѣстѣ. Отъ этого Прометея намъ никакого вреда не будетъ".

Но староста на этомъ не успокоился. Онъ призвалъ къ

себѣ учителя и попросилъ у него также разъясненій. И тогда правда всплыла наружу. Узнали, что упомянутый Прометей былъ необузданный языческій бунтарь, возставшій противъ боговъ и захотѣвшій принести людямъ недозволенный свѣтъ, за что подвергся заслуженной карѣ. Тогда общинный совѣтъ скопомъ рѣшилъ отправиться съ ножомъ и ножницами въ трактиръ „Короны", гдѣ висѣлъ еще вѣнокъ, и отпороть преступную часть посвященія, сочиненнаго двумя молокососами, въ крайнемъ же случаѣ и вовсе срѣзать весь кусокъ ленты.

Они приступили уже было къ экзекуціи, когда подоспѣлъ хозяинъ „Короны". „Да какое дѣло, — вскрикнулъ онъ—общинному совѣту до того, что сынъ мой съ Вальтеромъ послали умершему?"—Ни одной буквы онъ измѣнить не позволитъ, и если кто осмѣлится коснуться надписи, то уже онъ позаботится о томъ, чтобы этакая нелѣпость пропечатана была во всѣхъ окружныхъ газетахъ, и авторы ея названы были полнымъ именемъ!

Это подѣйствовало, потому что хозяинъ „Короны" былъ почтенный и совершенно независимый человѣкъ. Ограничились тѣмъ, что положили щелковую ленту лицомъ къ могилѣ, смѣлой надписью къ землѣ.

Когда мы прочитали письмо, сообщившее намъ все это, Яковъ фальшиво просвисталъ какую-то пѣсенку, надѣлъ кожаныя перчатки и, помахивая своимъ острымъ хлыстомъ, пошелъ въ манежъ.

А я стоялъ у окна, глядѣвшаго въ сторону Лахвейлера и говорилъ съ паѳосомъ юноши лишь недѣлю передъ тѣмъ начавшаго читать Цицерона: „Глупцы! Какъ угодно хороните свободу во тьмѣ вашихъ старыхъ, ржавыхъ предразсудковъ"...—тутъ я возвысилъ голосъ: [я обращался не къ одной моей маленькой деревнѣ, а ко всему міру, требовавшему обновленія:—„всегда найдутся ночные сторожа, которые, подобно Андрею Маркселе, будутъ носить во мракѣ свои фонари до тѣхъ поръ, пока не засвѣтитъ утро".

Въ тотъ день я нашелъ новое подраздѣленіе исторіи міра. Прошлое покоилось подъ знакомъ борющагося Прометея, настоящее находилось на стезѣ страдающаго Андрея Маркселе, а будущее принадлежало побѣдителю... Ахъ, скромность—отвратительная вещь!..

Изъ политической жизни 80-хъ годовъ.

Въ началѣ текущаго года появилась книга В. Я. Богучарскаго: „Изъ исторіи политической борьбы 70-хъ и 80-хъ годовъ XIX вѣка. Партія народной воли, ея происхожденіе, судьбы и гибель“.

Эта книга, уже вызвавшая нѣкоторый откликъ въ литературѣ [1]), требовала бы тщательнаго просмотра и поправокъ со стороны оставшихся въ живыхъ народовольцевъ. Но въ данномъ случаѣ я не задаюсь этимъ и обращаюсь къ той части книги В. Я. Богучарскаго, которая посвящена тому, что извѣстно въ публикѣ подъ названіемъ переговоровъ правительства съ „Исполнительнымъ Комитетомъ“ партіи „Народной Воли“ въ 1882 г.

Еще въ 1906 и 1907 гг. въ журналѣ „Былое“ печатался рядъ воспоминаній разныхъ лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ этимъ переговорамъ. Писали: Николадзе, Бороздинъ; была перепечатана посмертная записка Н. К. Михайловскаго, и т. д.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ статей, и желая зафиксировать собственныя воспоминанія, я тогда же, въ концѣ 1907 г., записала то, что знала сама объ этомъ. Дѣло въ томъ, что, какъ указываютъ эти авторы, осенью 1882 г. Н. К. Михайловскій пріѣзжалъ ко мнѣ въ Харьковъ, какъ къ единственному члену Исполнительнаго Комитета, остававшемуся тогда на свободѣ въ Россіи. И пріѣзжалъ онъ именно съ тѣмъ, чтобы передать предложенія, которыя, по его выраженію, дѣлало правительство черезъ Николадзе партіи „Народной Воли“.

О свиданіи Н. К. Михайловскаго со мной я и хочу разсказать теперь, потому что въ книгѣ Богучарскаго повторяются тѣ же версіи, которыя заставили меня 5 лѣтъ тому назадъ записать то, что совершенно отчетливо сохранилось у меня въ памяти. Я считаю это тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ замѣткѣ Михайловскаго наша дѣловая бесѣда передана кратко, блѣдно, мѣстами невѣрно и безъ того опредѣленнаго характера, который она носила. Нѣкоторыя интересныя подробности ея совсѣмъ опущены: объ однѣхъ

---

[1]) См. рецензію въ январской кн. „Рус. Бог.“; „Совр. Міръ“ кн. V, ст. Плеханова; брошюру Кистяковскаго: „Страницы прошлаго“. М. 1912 г.

онъ могъ совсѣмъ забыть, а о другихъ, быть можетъ, находилъ неудобнымъ писать. Что же касается разсказа Николадзе, перепечатаннаго теперь въ книгѣ В. Я. Богучарскаго, то онъ находится въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что 30 лѣтъ тому назадъ мнѣ передалъ Н. К. Михайловскій, со словъ того же Николадзе. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто сравнитъ соотвѣтствующія мѣста въ моемъ разсказѣ и въ передачѣ Николадзе (см. въ особенности стр. 355, 356 соч. Богучарскаго).

Ниже я переписываю свою прежнюю статью, безъ внесенія въ нее какихъ-либо измѣненій, кромѣ тѣхъ, которыя вызваны появленіемъ упомянутой книги, тщательно отмѣчая то, что мнѣ лично извѣстно по данному дѣлу. Находясь въ Шлиссельбургѣ, я, въ теченіе болѣе чѣмъ 15 лѣтъ, не имѣла возможности говорить съ кѣмъ-либо на эту тему, а въ послѣдующія 5 я слышала кое-что отъ товарища по заключенію С. А. Иванова. О первой стадіи переговоровъ, происходившихъ въ Россіи, и о которыхъ я намѣрена разсказать теперь, онъ ровно ничего не зналъ, зато могъ разсказать мнѣ о второй стадіи, имѣвшей мѣсто за границей.

Тутъ я услыхала не мало для меня новаго и нѣкоторымъ подробностямъ съ трудомъ могла повѣрить. Такъ, напр., онъ разсказывалъ о милліонѣ не то франковъ, не то рублей, которые правительство будто бы должно было дать революціонной партіи Народной Воли въ случаѣ успѣха переговоровъ о прекращеніи террора. Такъ передавалъ С. А. Ивановъ, такъ и говорится въ запискѣ, написанной имъ по моей просьбѣ въ 1907 г.

Николадзе совсѣмъ не упоминаетъ о милліонѣ [1]), а Бороздинъ говоритъ [2]), что, по предложенію Тихомирова, этотъ милліонъ, положенный въ банкъ, долженъ былъ играть роль залога по выполненію правительствомъ тѣхъ обязательствъ, которыя оно на себя принимало, и въ случаѣ неисполненія—перейти въ руки Исполнительнаго Комитета.

Разсказы С. А. Иванова имѣли своимъ источникомъ его бесѣды съ Л. Тихомировымъ и М. Ашаниной-Оловенниковой, когда въ 1885 г., т. е. 3 года спустя послѣ событій, онъ попалъ за границу.

Нечего и говорить, что ни о какихъ милліонахъ въ Россіи рѣчи не было, и, я думаю, что, выплыви они на сцену, Николай Константиновичъ даже не взялся бы передавать мнѣ обо всемъ дѣлѣ.

---

[1]) „Былое“, сентябрь 1906 г.
[2]) „Былое“, октябрь 1907 г.

15 октября 1882 г. Н. К. Михайловскій пріѣхалъ въ Харьковъ и черезъ книжный магазинъ Кончаловскаго розыскалъ меня. Встрѣтившись, мы отправились въ какой-то ресторанъ, и тамъ въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ можно было свободно говорить, онъ сказалъ, что, подъ предлогомъ устройства своихъ литературныхъ дѣлъ, пріѣхалъ спеціально ко мнѣ по очень серьезному, важному дѣлу. Онъ разсказалъ, что къ нему явился Николадзе и передалъ слѣдующее: одно весьма высокопоставленное лицо, по своему характеру заслуживающее полнаго довѣрія, просило его (Николадзе) быть посредникомъ между правительствомъ и партіей Народной Воли и войти въ переговоры съ Исполнительнымъ Комитетомъ партіи съ цѣлью заключить перемиріе...

Моя увѣренность въ Н. К. Михайловскомъ была такъ велика, что—разъ онъ не назвалъ мнѣ высокопоставленное лицо — я не сочла возможнымъ спрашивать имя. Я спросила только, извѣстно ли ему это имя, и вполнѣ ли данное лицо заслуживаетъ довѣрія? Отвѣтъ былъ данъ утвердительный.

Только въ Шлиссельбургѣ отъ С. А. Иванова я узнала, что это былъ министръ двора графъ Воронцовъ-Дашковъ.

„Правительство, — такъ со словъ Николадзе, передавалъ Михайловскій рѣчь министра,—утомлено борьбой съ Народной Волей и жаждетъ мира. Оно сознаетъ, что рамки общественной дѣятельности должны быть расширены, и готово вступить на путь назрѣвшихъ реформъ. Но оно не можетъ приступить къ нимъ подъ угрозою революціоннаго террора. Не что другое, а только терроръ является тормазомъ для осуществленія благихъ намѣреній правительства... Прекратится терроръ—и реформы будутъ произведены. Итакъ, все дѣло заключается въ томъ, чтобы партія Народной Воли прекратила свои разрушительные акты. Правительство предлагаетъ Исполнительному Комитету партіи пріостановить свою террористическую дѣятельность до коронаціи. И въ такомъ случаѣ при коронаціи будетъ изданъ манифестъ, который дастъ:

1) полную политическую амнистію,

2) свободу печати,

3) свободу мирной соціалистической пропаганды".

По моимъ воспоминаніямъ, относительно прекращенія террора Исполнительный Комитетъ долженъ былъ дать лишь словесное обѣщаніе. Но покойный Спандони [1]), котораго, какъ и Дегаева, я посвятила потомъ въ это дѣло, на мой запросъ о томъ, что помнитъ онъ о пріѣздѣ ко мнѣ Н. К. Михайловскаго, въ сохранившемся у меня письмѣ отъ 26 марта, отвѣтилъ: „Исполнительный Комитетъ

[1]) Умеръ 15 октября 1906 г.

долженъ былъ выпустить прокламацію, въ которой объявлялъ бы о томъ, что до коронаціи онъ не предприметъ террористическаго покушенія"...

А Дебагоріо-Мокріевичъ сообщаетъ [1]), будто въ 1882 г. такая прокламація Исполнительнаго Комитета была, какъ онъ слышалъ, даже опубликована въ одномъ изъ польскихъ революціонныхъ изданій въ Варшавѣ (?)

Если это не ошибка со стороны Мокріевича, то это какой-то подлогъ: никакой подобной прокламаціи вплоть до моего ареста въ февралѣ 1883 г. Народная Воля не выпускала и, по самому ходу дѣла, не могла выпустить.

Въ доказательство искренности своихъ обѣщаній правительство, по разсказу Михайловскаго, предлагало: тотчасъ же выпустить кого-нибудь изъ политическихъ узниковъ, ранѣе осужденныхъ, напр., Исаева, содержавшагося тогда вмѣстѣ съ другими народовольцами въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Это имя крайне удивило меня, и его одного было достаточно, чтобы заставить насторожиться и вызвать улыбку: Исаевъ, очень хорошій человѣкъ и цѣнный техникъ, важной роли въ партіи не игралъ; освобожденіе его, не имѣя для партіи существеннаго значенія, никоимъ образомъ не могло служить доказательствомъ какой бы то ни было искренности правительства. Какъ-разъ наоборотъ, предложеніе выпустить именно его, а не кого-нибудь изъ другихъ выдающихся членовъ Исполнительнаго Комитета, томившихся въ равелинѣ, было само по себѣ подозрительно.

Любопытно, что въ Шлиссельбургѣ отъ Фроленко, гулявшаго съ Исаевымъ (ум. въ Шлиссельбургѣ), я впослѣдствіи узнала, что къ Исаеву въ равелинъ являлся Судейкинъ и предлагалъ свободу, если онъ дастъ обѣщаніе уговаривать своихъ, еще находящихся на волѣ, товарищей отказаться отъ террора. Отъ подобной миссіи Исаевъ, конечно, отказался.

Интересно, было ли предложеніе графа Воронцова-Дашкова и Судейкина выпустить Исаева простымъ совпаденіемъ, или же графъ Воронцовъ-Дашковъ дѣйствовалъ тутъ въ полномъ согласіи съ начальникомъ политическаго сыска? Или же, въ виду версіи В. Я. Богучарскаго объ интригахъ и соперничествѣ между графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ и министромъ вн. дѣлъ графомъ Д. Толстымъ купно съ Судейкинымъ, слѣдуетъ допустить, что въ данномъ случаѣ они сознательно оспаривали другъ у друга, каждый съ особыми цѣлями, одно и то же орудіе.

Михайловскій сказалъ мнѣ, что онъ придаетъ большое значеніе предложенію правительства и потому по просьбѣ Николадзе взялся розыскать кого-нибудь изъ членовъ Исполнительнаго Комитета. Зная, что я нахожусь въ Харьковѣ, онъ пріѣхалъ для перегово-

---

[1]) „Былое" апрѣль 1907 г.

ровъ со мной, какъ единственнымъ, извѣстнымъ ему, членомъ Комитета, оставшимся въ Россіи.

Лично онъ вѣрилъ въ возможность осуществленія по иниціативѣ правительства вышеназванныхъ трехъ пунктовъ и сочувствовалъ тому, чтобы Комитетъ вступилъ въ договоръ.

Что касается меня, то съ перваго же раза я отнеслась ко всему предложенію совершенно отрицательно. Я указывала Михайловскому, что предложеніе высокопоставленнаго лица есть не что иное, какъ полицейская ловушка съ цѣлью напасть на слѣдъ революціонной организаціи, чтобы потомъ нитка по ниткѣ всю ее разобрать. Слѣдя за тѣми, кто ведетъ переговоры, легко было достигнуть этого. Послѣ открытія въ іюнѣ динамитной мастерской въ Петербургѣ и арестовъ: Буцевича, Грачевскаго, Корба, Прибылевыхъ и др., этотъ слѣдъ былъ потерянъ, и теперь полиціи, во что бы то ни стало, нужно было снова найти его.

На это Михайловскій твердилъ одно: высокопоставленное лицо, давшее порученіе Николадзе, выше всякихъ подозрѣній и ничего общаго съ политическимъ сыскомъ не имѣетъ.

Но, по самому существу дѣла, оно казалось мнѣ невѣроятнымъ. Правительство, которое въ 1881 г., послѣ 1-го марта, не сдѣлало никакихъ уступокъ и открыто заявило, что никакихъ измѣненій въ политическомъ строѣ не послѣдуетъ, это самое правительство теперь, послѣ полуторагодового почти полнаго затишья [1]), искало перемирія съ партіей Народной Воли... Оно было утомлено борьбой... Понимало потребность общества въ бо́льшей свободѣ... и готово было вступить на путь реформъ...

Это казалось страннымъ...

Въ прошломъ была исторія съ Гольденбергомъ, арестованнымъ три года назадъ. Взывая къ его патріотическому чувству, прокуроръ Добржинскій уловилъ его увѣреніями, что только терроръ мѣшаетъ правительству осуществить столь необходимыя либеральныя реформы: пусть Гольденбергъ раскроетъ всѣ силы и планы террористовъ... пусть пожертвуетъ друзьями и товарищами — это будетъ великая жертва родинѣ, для которой откроется возможность идти впередъ по пути прогресса.

Гольденбергъ увѣровалъ... Онъ началъ свои показанія словами: „Сердце мое обливается кровью, но я долженъ...“ Далѣе слѣдовали хвалебныя характеристики наиболѣе близкихъ и дорогихъ ему людей и наряду съ этимъ ихъ физическія примѣты... Онъ сообщилъ относительно Народной Воли все, что зналъ, но, убѣдившись потомъ, что „жертва“ была безплодна, кончилъ самоубійствомъ въ Петропавловской крѣпости.

Теперь снова терроръ являлся единственнымъ препятствіемъ

---

1) За все время былъ лишь одинъ террористическій актъ — убійство военнаго прокурора Стрѣльникова въ Одессѣ.

для реформъ, и рѣчи Добржинскаго повторялись почти слово въ слово.

Если же предложеніе, переданное черезъ Николадзе, принять за военную хитрость, то все становилось понятнымъ. Прошло уже болѣе полутора года послѣ смерти Александра II, а о коронаціи новаго императора не было ни слуху, ни духу. По общему убѣжденію, такое промедленіе происходило отъ неувѣренности правительства въ безопасности коронаціонныхъ торжествъ. Послѣ взрыва царскаго поѣзда подъ Москвою, взрыва въ Зимнемъ дворцѣ и катастрофы 1 марта — чего нельзя было ждать отъ Исполнительнаго Комитета?!. Несмотря на множество арестовъ и судьбищъ въ 1881 и 1882 г.г., самые безпокоящіе слухи циркулировали въ публикѣ и, конечно, волновали государственную полицію, Такъ, въ концѣ 1881 г. разсказывали, что Кобозевъ (Юрій Богдановичъ), содержавшій магазинъ сыровъ на Малой Садовой, гдѣ была заложена мина для 1-го марта, проникъ въ число предпринимателей по коронаціонной иллюминаціи въ Москвѣ... Понятно, какія опасенія внушали подобные слухи, и какую тревогу возбуждала мысль о возможныхъ послѣдствіяхъ террористическаго акта во время торжествъ. Быть спокойнымъ въ этомъ отношеніи, обезопасить коронацію отъ всякихъ неожиданностей, конечно, было очень важно и для этого стоило дать обѣщанія. Наконецъ, для осуществленія предполагавшихся свободъ — свободы печати и свободы соціалистической пропаганды [1])—никакихъ гарантій не предлагалось. Слова: „Народное представительство“, „Конституція“ при всѣхъ этихъ разговорахъ ни разу не произносились.

Всѣ эти соображенія были приняты во вниманіе въ бесѣдѣ съ Михайловскимъ, но онъ поставилъ мнѣ въ упоръ существенный вопросъ: „А можете ли вы, фактически, осуществлять террористическую часть програмы? Предпримете ли вы и можете ли вы что-нибудь предпринять въ смыслѣ центральнаго террора?“

На такой прямой вопросъ я могла отвѣтить только отрицательно. Обманывать его или себя какими-либо иллюзіями на этотъ счетъ не было возможности. Центръ партіи Народной Воли — Исполнительный Комитетъ—въ то время уже не существовалъ. Всѣ его члены погибли: одни на эшафотѣ, другіе умирали въ Алексѣевскомъ равелинѣ, третьи ждали суда; Тихомировъ и Ошанина удалились за границу. Оттуда они совѣтовали мнѣ создать новый центръ изъ молодыхъ народовольцевъ, но я относилась къ этому плану совершенно отрицательно: эти молодыя, неиспытанныя силы не могли замѣнить старыхъ, опытныхъ товарищей. При такихъ

---

[1]) Не лишнее вспомнить, что Судейкинъ не разъ въ бесѣдахъ въ арестованными называлъ себя соціалистомъ, сторонникомъ мирной соціалистической пропаганды—лишь бы не терроръ!

условіяхъ и полномъ разгромѣ связей въ Петербургѣ и Москвѣ о какихъ-нибудь серьезныхъ актахъ нечего было и думать.

Я отвѣчала Михайловскому категорическимъ: „Нѣтъ!“

Этимъ я дала ему оружіе противъ себя. Онъ сталъ убѣждать меня, что, разъ мы не въ силахъ въ данное время продолжать борьбу съ правительствомъ въ прежней формѣ и, вмѣсто террористическихъ актовъ, должны заняться накопленіемъ силъ и ихъ организаціей, то наша обязанность воспользоваться случаемъ, который посылаетъ судьба въ формѣ предложенія правительства. Терять при такихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію Михайловскаго, мы ничего не теряли, такъ какъ и безъ того принуждены были сдѣлать то, чего хотѣло отъ насъ правительство, а между тѣмъ „все-таки, говорилъ онъ, есть надежда что-нибудь да получить“.

Доводы и уговоры Николая Константиновича заставили меня сойти съ той твердой почвы полнаго отрицанія всякихъ переговоровъ, на которой я ранѣе стояла.

Обдумавъ все, я предложила Николаю Константиновичу слѣдующую комбинацію: лично я рѣшительно отказываюсь отъ какихъ бы то ни было сношеній по этому дѣлу и предлагаю Михайловскому сообщить Николадзе, что никого изъ членовъ Исполнительнаго Комитета онъ не нашелъ, потому что, какъ онъ узналъ, мѣстопребываніе комитета перенесено за границу; пусть Николадзе отправляется туда и обратится со своимъ предложеніемъ къ Л. Тихомирову и М. Ашаниной-Оловенниковой. Тѣмъ временемъ я, безъ вѣдома Николадзе, пошлю къ нимъ человѣка, чтобы извѣстить о его миссіи, возможномъ пріѣздѣ къ нимъ и моемъ недовѣрчивомъ отношеніи ко всему дѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я намѣревалась передать Тихомирову, что, направляя къ нему Николадзе, мы, въ Россіи, сохраняемъ полную свободу дѣйствія и будемъ руководиться лишь наличными условіями и возможностями, оставляя за собой въ послѣднемъ счетѣ право принять или отвергнуть тѣ условія, которыя Тихомировъ и Ашанина могутъ выработать за границей, если войдутъ въ сношеніе съ Николадзе.

Относительно предложенія освободить Исаева, въ доказательство искренности правительства, я рѣшительно заявила Михайловскому, что требовать надо не Исаева, а Нечаева, Александра Михайлова или—какъ того хотѣлъ самъ Михайловскій—Чернышевскаго, и что въ этомъ же смыслѣ мной будетъ данъ наказъ за границу.

О назначеніи разслѣдованія по поводу разгрома и избіеній въ Карійской тюрьмѣ между мной и Михайловскимъ рѣчи не было. Гдѣ и когда возникъ вопросъ объ этомъ, я ничего не знаю.

Условившись обо всемъ, мы разстались: Михайловскій уѣхалъ въ Петербургъ, а я вызвала изъ Одессы Салову и просила ее от-

правиться за границу съ моимъ порученіемъ къ Тихомирову, что та и сдѣлала.

Дальнѣйшій ходъ дѣла за границей остался мнѣ лично совершенно неизвѣстнымъ, такъ какъ вплоть до моего ареста, 10 февраля 1883 г., я не получала никакихъ писемъ,—ни отъ Саловой, ни отъ Тихомирова изъ-за границы, ни отъ Михайловскаго изъ Петербурга. Да и сама я не обращалась ни къ кому изъ нихъ съ какими-либо запросами, считая все дѣло пустымъ и безнадежнымъ.

Между тѣмъ, какъ теперь это извѣстно, Николадзе, по указанію Михайловскаго, дѣйствительно отправился къ Тихомирову, и переговоры между ними состоялись: сначала—въ Женевѣ 27 и 28 ноября ст. ст., а потомъ, начиная съ 8 декабря, въ Парижѣ.

Сергѣй Андреевичъ Ивановъ въ запискѣ, написанной для меня, говоритъ, что однажды, когда переговоры между Тихомировымъ и Николадзе были въ полномъ разгарѣ, послѣдній „прибѣжалъ къ Тихомирову крайне встревоженный и показалъ только что полученную имъ изъ Петербурга телеграмму, въ которой говорилось о необходимости тотчасъ же ликвидировать начатое предпріятіе, во избѣжаніе крупныхъ убытковъ. Иносказательный смыслъ этой телеграммы былъ таковъ: прекращайте немедленно переговоры и возвращайтесь въ Россію, если не хотите нажить крупныхъ непріятностей... Николадзе высказывалъ крайнее изумленіе по поводу такого оборота дѣла, но, конечно, тотчасъ возвратился въ Россію“...

Николадзе ни о какой телеграммѣ не говоритъ, а Бороздинъ повѣствуетъ, что послѣ того, какъ Николадзе получилъ отъ Тихомирова проектъ договора, „ему ничего болѣе не оставалось дѣлать въ Парижѣ; а какъ въ то же время телеграммой изъ Петербурга извѣщали его о тяжкой болѣзни княжны Гурамовой, онъ и поспѣшилъ выѣхать. Нѣсколько дней спустя выѣхалъ и я“,—говоритъ Бороздинъ—„и 31 декабря былъ уже въ Петербургѣ“. („Былое“, октябрь 1907 г., стр. 161).

Смѣшалъ ли С. А. Ивановъ въ разсказѣ Тихомирова объ исторіи съ телеграммой имя Николадзе съ именемъ Нивинскаго, который въ августѣ 1882 г. велъ подобные же переговоры съ Лавровымъ отъ имени „Земской лиги“ [1]) и былъ внезапно вызванъ въ Петербургъ, или Николадзе, по какимъ-нибудь соображеніямъ, ввелъ въ заблужденіе Бороздина—такъ или иначе, дѣло съ переговорами на этомъ обрывается.

Въ статьѣ „Освобожденіе Чернышевскаго“ [2]), Николадзе разсказываетъ, что, вернувшись въ Петербургъ въ послѣднихъ

---

[1]) Подъ этимъ флагомъ дѣйствовала та же Священная Дружина, но уже въ лицѣ кн. Щербатова.

[2]) „Былое“. сентябрь, 1906 г., стр. 270.

числахъ декабря, онъ передалъ гр. Воронцову-Дашкову собственноручную записку Тихомирова объ условіяхъ перемирія между Народной Волей и правительствомъ; но гр. Воронцовъ-Дашковъ встрѣтилъ его заявленіемъ, что „надежды и разсчеты его разрушились: положеніе дѣлъ въ Петербургѣ измѣнилось настолько, что ему наврядъ ли теперь удастся хоть что-нибудь сдѣлать въ смыслѣ прежнихъ предположеній. Онъ просилъ Николадзе немедленно увѣдомить объ этомъ Тихомирова и сообщить ему, что онъ и его товарищи, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, вольны считать себя свободными отъ всякаго уговора".

Такую же перемѣну въ настроеніяхъ въ Петербургѣ нашелъ и Бороздинъ [1]).

Нельзя не обратить вниманія на то, что въ той же статьѣ (стр. 271) Николадзе говоритъ, что по пріѣздѣ въ Петербургъ все, что нужно, онъ сообщилъ Михайловскому, высланному въ Выборгъ, черезъ С. Н. Кривенко, довольно часто навѣщавшаго Михайловскаго въ изгнаніи. Между тѣмъ Михайловскій въ своей посмертной запискѣ пишетъ, что Николадзе „вернулся съ очень страннымъ результатомъ, никого не нашелъ" [2]).

Если бы Николадзе сообщилъ ему дѣйствительный ходъ и развязку дѣла, которому Михайловскій придавалъ значеніе и въ которомъ Михайловскій участвовалъ, разсказалъ бы все то, о чемъ онъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ [3]),—то мыслимо ли, чтобы Михайловскій могъ забыть рѣшительно все, и занести слова, что Николадзе „никого за границей не нашелъ"?

А въ такомъ случаѣ, чѣмъ же объяснить поведеніе Николадзе по отношенію къ Михайловскому?

Истинная причина перерыва переговоровъ для непосредственныхъ участниковъ дѣла осталась въ то время тайной, и, какъ мнѣ кажется, можетъ считаться еще и теперь спорной.

Въ 1882 г., когда велись переговоры, въ нихъ постоянно фигурировало слово: „Правительство". Исполнительный Комитетъ все время былъ увѣренъ, что имѣетъ дѣло именно съ нимъ. За правительство уже въ теченіе цѣлаго 25-лѣтія принимало одну изъ договаривающихся сторонъ и общественное мнѣніе.

Но В. Я. Богучарскій въ своей книгѣ объясняетъ, что подъ именемъ правительства оперировала „Священная Дружина"—

[1]) „Былое", октябрь, 1907 г., стр. 161.
[2]) „Былое", сентябрь, 1907 г., стр. 213.
[3]) „Былое", 1906 г., сентябрь.

анти-революціонное тайное общество. Въ число членовъ этого общества, образовавшагося послѣ 1 марта, входили многія высокопоставленныя и вліятельныя лица, имѣвшія большія связи и денежныя средства. Но направленіе и тенденціи этихъ лицъ были весьма различны. Съ одной стороны—это были люди, преслѣдовавшіе цѣли чистѣйшаго сыска и искавшіе сношеній съ Исполнительнымъ Комитетомъ, чтобы, проникнувъ въ сокровенныя тайны его, предать ихъ въ руки полиціи. Съ другой—это были люди либеральные, желавшіе для Россіи свободныхъ учрежденій и думавшіе бороться „съ крамолой" путемъ введенія конституціонныхъ реформъ. Таковы были: гр. Воронцовъ-Дашковъ и гр. Павелъ Петровичъ Шуваловъ. По версіи В. Я. Богучарскаго, эти искренніе конституціоналисты предполагали обезоружить Исполнительный Комитетъ посредствомъ договора,—съ тѣмъ, чтобы дѣйствительно добиться обѣщанныхъ въ договорѣ свободъ, но имъ помѣшалъ въ этомъ министръ вн. дѣлъ Д. Толстой. В. Я. Богучарскій разсказываетъ, что между Священной Дружиной и министерствомъ вн. дѣлъ существовала непрерывная борьба за власть, за вліяніе. Священная Дружина въ цѣломъ, какъ организація совершенно обособленная, отъ министерства совершенно независимая, но преслѣдовавшая, однако, по отношенію къ революціи одну и ту же цѣль—искорененія,—была занозой въ глазу гр. Д. Толстого и его правой руки—Судейкина. Стремленія же графовъ Воронцова-Дашкова и Шувалова въ ихъ глазахъ могли быть только революціонной попыткой сверху. Соперничество и интриги Д. Толстого привели наконецъ къ роспуску Священной Дружины—этой добровольной охраны, не состоявшей ни подъ какимъ офиціальнымъ контролемъ. 5 декабря 1882 г., какъ сообщаетъ В. Я. Богучарскій, по приказанію государя, Дружина была распущена.

Это и было, по мнѣнію того же автора, истинной причиной прекращенія переговоровъ.

Однако, среди участниковъ переговоровъ, какъ и въ широкой публикѣ, до самаго послѣдняго времени господствовало совершенно другое объясненіе.

20 декабря 1882 г. въ Одессѣ былъ арестованъ Дегаевъ, хозяинъ типографіи, устроенной имъ по моему порученію.

Изъ документа, предъявленнаго мнѣ въ Петропавловской крѣпости весною 1884 г. и написаннаго собственной рукой Дегаева, я увидѣла, что онъ предалъ рѣшительно все, что только было ему извѣстно о революціонныхъ дѣлахъ партіи. А въ то время, послѣ ареста старѣйшихъ членовъ Исполнительнаго Комитета, онъ былъ посвященъ мною во все, болѣе или менѣе важное, между прочимъ, и во всѣ детали моей бесѣды съ Михайловскимъ. Кромѣ того, по моему же порученію, передъ поселеніемъ въ Одессѣ, онъ совершилъ объѣздъ всѣхъ пунктовъ, гдѣ были военные кружки, въ числѣ которыхъ были такіе, доступа къ

которымъ онъ ранѣе совершенно не имѣлъ (Кіевъ, Одесса, Николаевъ).

Когда прокуроръ Добржинскій, въ присутствіи генерала Середы, по Высочайшему повелѣнію назначеннаго для производства слѣдствія по всей имперіи по дѣлу о военной организаціи, предъявилъ мнѣ тетрадь съ признаніями Дегаева, то прежде всего спросилъ:

— „Узнаете ли вы этотъ почеркъ?“

Почеркъ былъ незнакомъ (я не знала руку Дегаева), и я отвѣтила отрицательно. Тогда Добржинскій перевернулъ ту тетрадь сѣрой бумаги большого формата, которая лежала передо мной, и я увидѣла подпись: „Сергѣй Дегаевъ“; и, какъ это ни странно, у меня сохранилось воспоминаніе, что стоявшіе тутъ же рядомъ число и мѣсяцъ были: 20 ноября. И это число оставалось у меня въ памяти до опубликованія въ „Быломъ“ воспоминанія Спандони, въ которомъ говорится, что Дегаевъ былъ арестованъ 18 декабря (по даннымъ Богучарскаго—20 декабря).

Я видѣла подпись и число лишь одинъ мигъ и была, быть можетъ, слишкомъ потрясена открытіемъ, чтобы потомъ не спутать мѣсяца, хотя иногда въ такія минуты все запечатлѣвается особенно ясно. Но тогда подпись была для меня важнѣе числа; во всякомъ случаѣ, оно было ужасающе близко къ моменту ареста Дегаева...

Послѣ того, какъ Дегаевъ далъ свои показанія, онъ вошелъ въ сдѣлку съ жандармами: ему былъ устроенъ фиктивный побѣгъ по дорогѣ на вокзалъ, куда его повезли на извозчикѣ, будто бы для отправки въ Кіевъ. Какъ бѣглецъ, онъ явился сначала въ Николаевъ, а потомъ ко мнѣ въ Харьковъ, чтобы выдать меня. Здѣсь не мѣсто описывать подробности нашей встрѣчи, когда я волновалась радостью видѣть его на свободѣ, а онъ былъ совершенно подавленъ предстоящимъ предательствомъ.

Числа съ 25—26 января по 10 февраля 1883 г. Дегаевъ пробылъ въ Харьковѣ въ постоянныхъ сношеніяхъ со мной, при чемъ ту психическую перемѣну, которую я видѣла въ немъ, я объясняла тѣмъ, что его жена, арестованная вмѣстѣ съ нимъ, оставалась еще въ тюрьмѣ. За это время прежній другъ, всегда выказывавшій мнѣ крайнюю преданность, тщательно выспросилъ у меня всѣ подробности моей повседневной жизни и отъ меня самой получилъ всѣ указанія, необходимыя для того, чтобы, не будучи заподозрѣннымъ, выдать меня. Для этого онъ воспользовался другимъ предателемъ—рабочимъ Меркуловымъ, который ранѣе, на улицахъ Одессы, ловилъ для полиціи своихъ прежнихъ товарищей. Услышавъ отъ меня, что я считаю себя въ Харьковѣ въ полной безопасности, если только не встрѣчусь съ Меркуловымъ, который знаетъ меня въ

лицо, Дегаевъ выписалъ его и поставилъ на моемъ пути съ квартиры.

Въ одинъ изъ 14—15 дней, которые при мнѣ Дегаевъ провелъ въ Харьковѣ, послѣдовало правительственное распоряженіе о назначеніи въ маѣ коронаціи, внушавшей до того времени такъ много опасеній.

Теперь, послѣ предательства Дегаева, бояться и опасаться было нечего. Дегаевъ зналъ, что Исполнительный Комитетъ уже не существуетъ, а молодыя группы въ Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ и отдѣльные народовольцы Москвы и Петербурга не въ силахъ предпринять что-нибудь серьезное. Военная организація, начало которой было положено зимой 1880 г., хотя и бездѣйствовала со времени ареста Суханова, но до декабря 1882 г. была въ полной цѣлости; оживить ее я надѣялась при помощи выхода въ отставку Ашенбреннера, Рогачева, Крайскаго и Похитонова. Посредникомъ между мною и ими по этому поводу былъ Дегаевъ, посѣтившій ихъ передъ отъѣздомъ въ Одессу. Теперь всѣ они, вся военная организація, были отданы Дегаевымъ въ руки политической полиціи. Совершенный Дегаевымъ объѣздъ Петербурга, Москвы, Кіева, Одессы, Николаева давалъ ему доступъ ко всѣмъ мѣстнымъ организаціямъ, и ему было достаточно въ каждомъ городѣ назвать хотя бы одно лицо, чтобы по нему, какъ по концу нитки, размотать весь клубокъ.

Кромѣ того, съ этого времени во главѣ революціоннаго движенія становится тайный агентъ правительства: Дегаевъ не остановился на измѣнѣ и предательствѣ — онъ сталъ провокаторомъ, въ исторіи русскаго революціоннаго движенія п е р в ы м ъ провокаторомъ изъ интеллигенціи [1]).

Такимъ образомъ полиціи не только выяснялось н а с т о я щ е е, но было обезпечено и б у д у щ е е.

Когда передъ правительствомъ всѣ карты были раскрыты—къ чему были нужны какіе бы то ни было переговоры, искренніе или лукавые, исходившіе отъ конституціоналистовъ или отъ сыщиковъ? Положеніе партіи Народной Воли было ясно, всѣ наличныя силы—извѣстны, и на будущее время въ организаціи, въ самыхъ верхахъ ея, становился провокаторъ.

Итакъ, несмотря на новыя данныя В. Я. Богучарскаго о роспускѣ Священной Дружины 5 декабря 1882 г., я все же считаю, что истинной причиной прекращенія переговоровъ былъ не этотъ роспускъ, а измѣна Дегаева (арестованнаго въ концѣ декабря), измѣна, не оставившая въ революціонномъ мірѣ ничего тайнаго для правительства.

---

[1]) До этого человѣка 4—5 рабочихъ были въ разныхъ мѣстахъ убиты, какъ таковые (Рейнштейнъ въ Москвѣ, Никоновъ, Прейсъ и др.).

Что вѣрнѣе? Что правдоподобнѣе?

Интриги и взаимное подсиживаніе между лицами различныхъ вѣдомствъ вполнѣ возможны. Исторія и въ прошломъ, и въ настоящемъ даетъ немало тому примѣровъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго что роспускъ Священной Дружины произошелъ по настоянію министра вн. д. Д. Толстого. Она могла быть распущена, но графъ Воронцовъ-Дашковъ и графъ Шуваловъ могли и послѣ этого продолжать вести свою линію. Развѣ роспускъ Священной Дружины, въ которой были разнообразные элементы, самъ по себѣ доказываетъ, что графъ Воронцовъ-Дашковъ и графъ Шуваловъ потеряли довѣріе и расположеніе верховъ?

Самые переговоры съ Тихомировымъ въ Парижѣ происходили, по словамъ Николадзе, около половины декабря [1]), т. е. послѣ роспуска Дружины [2]), а по возвращеніи въ Петербургъ онъ еще въ мартѣ и апрѣлѣ 1883 г. видался съ графомъ Шуваловымъ. Послѣдній даже предлагалъ ему выхлопотать аудіенцію у государя, если онъ, Николадзе, согласится „твердо и властно увѣрить", что революціонеры произведутъ новое страшное потрясеніе, если Россіи не будетъ дана конституція [3]).

Очевидно, графъ Шуваловъ не зналъ, что во главѣ революціоннаго движенія правительство имѣетъ провокатора и ему не страшны уже никакія угрозы. Между тѣмъ это обстоятельство было такимъ большимъ козыремъ въ игрѣ Д. Толстого и Судейкина, что за спиной гр. Воронцова-Дашкова и гр. Шувалова отнимало у нихъ всякую почву и измѣняло положеніе дѣлъ въ Петербургѣ настолько, что всякіе шансы на успѣхъ ихъ конституціонныхъ плановъ утрачивались.

Оставляя въ сторонѣ, насколько искренними конституціоналистами были графы Воронцовъ-Дашковъ и Шуваловъ, какъ-ни-какъ состоявшіе въ одномъ сообществѣ съ неофиціальными сыщиками, при чтеніи документовъ бросается въ глаза, что они ламентировали на одну и ту же тему, одними и тѣми же словами и давали такія же обѣщанія, какъ и представители государственной полиціи. Такъ, въ томъ же 1882 году, прокуроръ Добржинскій и директоръ департамента полиціи Плеве предлагали О. Любатовичъ и Г. Романенко быть посредниками между партіей Народной Воли и правительствомъ („Былое" 1906 г., іюнь, ст. О. Любатовичъ: „Далекое и Недавнее").

Подозрительно похожи другъ на друга также и всѣ крахи этихъ попытокъ. Такъ, Плеве по неизвѣстной причинѣ внезапно прерываетъ переговоры съ Любатовичъ и Романенко; докторъ Нивинскій [4]), въ августѣ 1882 года ведетъ переговоры съ Лавровымъ

[1]) Съ этимъ согласуются даты Бороздина.
[2]) „Былое" 1906 г., сентябрь, стр. 270.
[3]) Ib. стр. 271—272—279.
[4]) Представитель графа Щербатова (по Богучарскому).

и Оловенниковой и внезапно прерываетъ ихъ, вызванный въ Петербургъ. Позднѣе, если вѣренъ разсказъ С. А. Иванова, то же самое происходитъ и съ Николадзе... Что за странныя совпаденія!..

Посмертная записка Михайловскаго начинается словами: „Первое, что мнѣ вспоминается, это одна необыкновенно грустная исторія, которую стыдно разсказать, а грѣхъ утаить“ [1]).

Эти строки, конечно, вызваны мыслью, что всѣ переговоры, въ которые Николадзе вовлекъ Михайловскаго и Народную Волю, были комедіей, пустой игрой, не стоившей вниманія и траты силъ.

Но какимъ образомъ могло случиться, что, выслушавъ Николадзе, Михайловскій передалъ мнѣ содержаніе ихъ бесѣды въ томъ видѣ, какъ я разсказываю, а не такъ, какъ 24 года спустя Николадзе говоритъ въ статьѣ „Освобожденіе Чернышевскаго“ [2]).

При первомъ свиданіи съ министромъ Двора, пишетъ Николадзе, я развивалъ программу, которая „заключалась въ приглашеніи (курсивъ мой. *В. Ф.*) правительства стать на путь соціальныхъ, вѣрнѣе—экономическихъ, улучшеній народнаго быта, съ значительнымъ въ этомъ смыслѣ расширеніемъ сферы воздѣйствія печати и земскаго или общественнаго самоуправленія“ [3]).

Во время второго свиданія, продолжаетъ Николадзе, „я услышалъ отъ графа Воронцова-Дашкова, что осуществленіе правительствомъ высказанныхъ мной предположеній (курсивъ мой. *В. Ф.*) было бы возможно, если бы существовала увѣренность, что этимъ путемъ положенъ будетъ конецъ террористическимъ явленіямъ и вообще нелегальной дѣятельности революціонной партіи“ (курсивъ мой. *В. Ф.*).

„Но раньше, чѣмъ правительство окончательно станетъ на этотъ путь и приметъ рѣшеніе держаться такой политики, ему необходимо получить точныя свѣдѣнія о минимальныхъ стремленіяхъ революціонной партіи, узнать изъ достовѣрнаго источника, насколько и въ какихъ случаяхъ можно быть увѣреннымъ, что она откажется отъ своей подпольной дѣятельности и вернется къ легальной. Не предпринимая, покамѣстъ, ничего, не принимая на себя никакихъ обязательствъ и не обѣщая ни малѣйшаго измѣненія своихъ дѣйствій, правительство, для своихъ соображеній, желало бы уяснить эти вопросы. Поэтому гр. Воронцовъ-Дашковъ просилъ меня обстоятельно переговорить съ кѣмъ-либо изъ руководителей партіи и выяснить осторожно ея виды и стремленія, не компрометируя прави-

---

[1]) „Былое“, сентябрь, 1907 г., стр. 212.
[2]) „Былое“, сентябрь 1906 г.
[3]) „Освобожденіе Чернышевскаго“, стр. 256.

тельства [1]) и не подвергаясь опасности принять единоличное мнѣніе того или другого заговорщика за настроеніе и программу всей партіи". (Стр. 265 — 266, „Освоб. Чернышевскаго", „Былое", сентябрь 1906 г.).

Итакъ, Николадзе высказываетъ Воронцову-Дашкову свои предположенія объ умиротвореніи страны, а министръ проситъ, не компрометируя правительства, сдѣлать осторожную развѣдку...

Между тѣмъ, Н. К. Михайловскій, со словъ Николадзе, передаетъ дѣло въ такомъ видѣ, что въ глазахъ однихъ—роняетъ личное достоинство гр. Воронцова-Дашкова, внушая мысль о его причастности къ сыску, а въ глазахъ другихъ—явно компрометируетъ полновластное правительство, которое унижается до трусливаго заискиванія у революціонной партіи.

Правда, на страницахъ, предшествующихъ только-что приведеннымъ цитатамъ, Николадзе пишетъ, что содержаніе бесѣдъ съ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ было предварительно обсуждено съ Н. К. Михайловскимъ и С. Н. Кривенко... Но, въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ Михайловскій могъ скрыть отъ меня истинный характеръ этихъ бесѣдъ?

А если Михайловскій умолчалъ, то почему за границей, въ переговорахъ съ Тихомировымъ, молчалъ Николадзе и не обрисовалъ, какъ слѣдуетъ, роль вельможи—роль, осторожную и ни къ чему не обязывающую?..

Все это загадки... загадки, придающія всему эпизоду видъ мистификаціи.

Кто же кого мистифицировалъ? Михайловскій — меня или Николадзе—Михайловскаго, Тихомирова и черезъ нихъ (и меня) „Народную Волю"?..

И поневолѣ думаешь, что въ исторіи революціоннаго движенія, быть можетъ, теперь совершенно отсутствовала бы глава о переговорахъ Священной Дружины съ Исполнительнымъ Комитетомъ партіи „Народной Воли", если бъ содержаніе 265—266 страницъ статьи Николадзе было въ свое время извѣстно всѣмъ непосредственнымъ участникамъ пресловутыхъ „переговоровъ".

В. Фигнеръ.

---

[1]) Курсивъ въ обѣихъ цитатахъ—мой.

НА ЛОСЯ.

Очеркъ.

— На лося, на лося!

Павелъ Шкулевъ стоитъ у окошка и палкой колотитъ по льдинѣ. Льдина, уже остеклѣвшая отъ теплаго апрѣльскаго припека, звенитъ, какъ хрусталь. И черная сука Игла скребется въ углу и радостно повизгиваетъ и вмѣстѣ опасливо косится на желтые козлы, гдѣ возлежитъ на доскахъ ея повелитель, хозяинъ и богъ, наборщикъ Абрамка.

Иглѣ полагается спать на дворѣ, но каждую полночь она открываетъ искусно лапами и носомъ тяжелую дверь и забирается въ избу неслышно, какъ духъ. Чуть шевельнется Абрамка, она ужъ на ногахъ и косится на Абрамкино лицо. Если Абрамка не въ духѣ и хмуритъ свои черныя брови и тянется рукою налѣво къ стѣнѣ, туда, гдѣ повѣшенъ арапникъ,—смотришь: ужъ нѣту Иглы, только дверь откроется и хлопнетъ. А если Абрамка лежитъ и зѣваетъ, а тѣмъ паче улыбнется, Игла тоже ложится на спину и опрокидывается кверху всѣми четырьмя лапами.—Дѣлайте, дескать, со мной, что хотите, а я не пойду отсюда.

— Преступники, вставайте,— вопіетъ за окошкомъ Шкулевъ и радостно смѣется.

„Преступники“—наше офиціальное имя въ этой глуши. И даже по-якутски „преступнякъ“ съ удареніемъ въ концѣ. Наивные жители „Устья“, кажется, принимаютъ это за особенный титулъ. И мѣстный торговецъ Безменовъ пишетъ намъ письма и счета по адресу: „Его Высокоблагородію, господину преступнику“ такому-то.

Солнце восходитъ или, быть можетъ, заходитъ. Сразу со сна разобрать мудрено. Широкая заря переползаетъ по небу справа налѣво, ни выше не становится, ни ниже. Крѣпкій морозецъ сковалъ подъ снѣгомъ натаявшія лужи, запечаталъ ручьи и подернулъ разсыпчатый снѣгъ коркою твердаго наста, какъ струпомъ.

Самое время идти на охоту. Лыжи за спину, ружья на

плечи, впередъ... За поясъ налѣво кинжалъ, браунингъ направо.

Это милый, старинный, испытанный другъ. Онъ пріѣхалъ сюда невредимо изъ самаго Курска, разобранный по косточкамъ, въ ящикѣ, вмѣстѣ съ частями отъ швейной машины. Только желтая одёжка его пропала по дорогѣ. Я сдѣлалъ ему другую изъ пестрой шкуры тюленя, который зовется по мѣстному „крылатая ларга". И ларга крылатая, и браунингъ крылатый, и всѣ мы тоже крылатые...

Избушки Юлайскаго „Устья", квадратныя, плоскія сверху, какъ будто полѣнницы дровъ, занесенныя снѣгомъ. Круглыя трубы заткнуты мохнатыми шапками втулокъ. Спятъ домовыя хозяйки. Еще ни одна не затопила.

Только изъ крайнихъ воротъ вышла на улицу Дука Шкулёва, Павлова родная сестра. Она въ черной люстриновой „паркѣ", съ красной оторочкой по подолу. А на шеѣ у нея ожерелокъ, пушистый и темный, изъ бѣличьихъ мягкихъ хвостовъ нанизанныхъ вмѣстѣ и сшитыхъ. Изъ-подъ боброваго капора задорно сверкаютъ веселые синіе глазки и умильно глядятъ на Абрамку.

Павелъ гогочетъ, какъ обрадованная лошадь, и подмигиваетъ, а Абрамка какъ-будто не видитъ.

Дука ступила впередъ и тихонько заводитъ дѣвичью пѣсню, лукавую и грустную вмѣстѣ:

Не сама ли я, дѣвка, глупо сдѣлала,
Свово мил-дружка распрогнѣвала,
Охъ, да распрогнѣвала...

Абрамка какъ-будто не слышитъ. Онъ съ озабоченнымъ видомъ переходитъ изрытую дорогу и сбрасываетъ лыжи на землю и твердо становится ногами въ ременныя *юкши*.

— Го-гой!

Другъ за другомъ идемъ мы въ одну полозницу мягкимъ широкимъ, размашистымъ шагомъ, бойко взбираемся вверхъ на холмы, мчимся, какъ тѣни, по длиннымъ извилистымъ спускамъ. Абрамка летитъ впереди. Кто бы подумалъ, что въ этой тщедушной груди и тоненькихъ ножкахъ таится такая желѣзная крѣпость!.. Черный Абрамка какъ-будто изъ проволоки скрученъ. Пойди, догони его! Ѳаддей забираетъ налѣво и тяжко пыхтитъ, словно разводитъ пары. Столько онъ ѣздилъ по узкимъ полѣсскимъ дорогамъ на своихъ паровозахъ, что даже усвоилъ отъ нихъ неуклюжую повадку. Полѣсскій паровозъ...

— Прибавь, прибавь!

Но вдругъ на оврагѣ, забитомъ доверху, снѣгъ проломился подъ грузнымъ Ѳаддеемъ, какъ будто подъ лосемъ.

— Го-го!

Абрамка скользитъ, какъ змѣя, и на спускѣ съ бугра подпрыгиваетъ въ воздухѣ обѣими лыжами сразу.

— Ловко, — ободряетъ Павелъ, — такъ вотъ не каждый подскочитъ...

Павелъ ходитъ большими кругами, нагибается къ снѣгу, ищетъ слѣдовъ, какъ собака.

Заяцъ покатилъ по дорогѣ, бѣлый и мягкій, какъ вата. Игла вырывается съ лаемъ впередъ и мчится вдогонку Куда? Не догонишь! Вернись, Игла!..

Воронъ сидитъ на березѣ и каркаетъ: „Дура!"

Ага, ты ругаться!..

Револьверъ на прицѣлъ... Разъ!.. На ходу, безъ всякой остановки. Черный обрызганный кровью лоскутъ мягко палъ сверху на снѣгъ.

— Ловко!—опять восклицаетъ Шкулевъ.—Вотъ это стрѣлокъ! И гдѣ ты научился?..

— Гдѣ научился?.. Не спрашивай, Павелъ. Это не перо ворона бьетъ моя пуля, въ проходку, на вольной дорогѣ.

— Значитъ, и въ вашей Рассеѣ они попадаются тоже?

— Да, попадаются тоже!.. Отстань, не разспрашивай!..

Озеро—бѣлая скатерть.

Стройся, равняйся!.. Мы поровнялись, лыжа объ лыжу. Ѳаддей посрединѣ, я справа, Абрамъ слѣва. Хорошая тройка. Три города, три званія, три племени, три партіи, три клички... Но мы изъ-за клички не споримъ. Не тычемъ другъ другу вопросомъ въ глаза: „Какова твоя вѣра?" Ибо мы нашу вѣру оставили тамъ, за Ураломъ. А здѣсь наша вѣра: Живи на свободѣ дико и просто, такъ, какъ живутъ эти лѣсные звѣроловы, и волки, и олени. Огнивомъ своего сердца искры выбивай изъ холоднаго камня.

Сливайся съ пустыней, какъ сынъ и какъ хищникъ, и какъ звѣрь, и какъ царь.

Живи,—а не можешь—умри!..

Мы движемся быстро, всѣ въ разъ, какъ будто по рельсамъ. Взяться бы за руки, да не достанешь черезъ широкія лыжи.

И Абрамъ начинаетъ:

— Уже больше года, какъ я не читаю печатнаго слова. Вы этого даже не поймете. Меня это слово кормило. Я его складывалъ съ дѣтства, буква за буквой, по копейкѣ за сотню. А теперь эти буквы я вижу только по ночамъ, живыя, огненныя. Но я ихъ не складываю. Онѣ складываются сами и выходятъ слова, тѣ слова, которыя мы помнили прежде, а теперь забываемъ.

И Өаддей откликается басомъ съ своимъ характернымъ акцентомъ:

— А по-цо-жь его помницъ? Тамъ цо было—каторга. Тутъ воля. Хцешь, такъ до свѣту вставай, хцешь, такъ спи. Никтъ не неволи. Цо ты, Михайло, милчишь?

— Я помню...

Это меня называютъ Михайломъ, Михайломъ Куржинскимъ. Я тоже немножко наборщикъ и даже машинистъ, хотя не профессіональный. Наборъ мой хранится за красной печатью въ числѣ доказательствъ судебнаго дѣла. Машина, съ которой я ѣздилъ два года, спятила съ рельсовъ и угодила въ яму... Былъ я рабочимъ бродячаго цеха, но все наше братство исчезло и растаяло, какъ дымъ... Но я ничего не забылъ, помню каждое слово и каждое дѣло и каждую ошибку. И, если угодно, готовъ повторить любую еще разъ... Любую ошибку, пускай...

Павелъ Шкулевъ забираетъ то вправо, то влѣво, не хуже Иглы. Лыжи его какъ-будто не лыжи, а такъ себѣ, природныя подошвы, только немного пошире.

Носъ у него длинный, такъ вотъ и морщится, втягиваетъ воздухъ. Забавно смотрѣть. Гончая какая-то, совсѣмъ не человѣкъ. А очи большія, свирѣпыя, круглыя, какъ-будто у орла. Подобно орлу, Павелъ Шкулевъ не любитъ мертвечины. Онъ не ставитъ капкановъ, не строитъ бревенчатыхъ ловушекъ. Его зажигаетъ живая добыча. Онъ беретъ ее съ бою ножомъ или пулей. Олени и тюлени, медвѣди и моржи, и рыси, и лоси,—чѣмъ крупнѣе, тѣмъ лучше.

Много добываетъ Павелъ и мяса и шкуръ, да только одна у него слабость: дѣвицы. Оттого сердце у него полное, а карманы пустые.

Недаромъ пѣвецъ Волокуша сложилъ про него насмѣшливую пѣсню:

Павелъ любитъ дѣвку Машу,
Хоть чужую, хоть и нашу.

Его колотили за это и въ Устьѣ, и въ Ключахъ. Дескать, не зарься на всѣхъ. А ему все неймется.

Вотъ и теперь онъ пересталъ выписывать зигзаги. Шагаетъ рядомъ со мной и тихонько мурлыкаетъ:

По три мыла перемывала,
По три юбки перемѣняла.

Это описаніе неслыханной роскоши относится къ Машѣ Бѣлобокой, одной изъ тѣхъ многочисленныхъ Машъ, о которыхъ поетъ Волокушина пѣсня.

— Что, не нашелъ ничего?..

— Теперь до Дѣвичьяго Лѣса не будетъ ничего.

— Какія еще дѣвки?

— Вольныя дѣвки, которыя въ лѣсу живутъ.

— Цо ты сплетаешь?—гудитъ недовѣрчиво Ѳаддей.

— Не спорь,—возражаетъ Шкулевъ, — старики говорятъ.

— Старики,—повторяетъ укоризненно Ѳаддей.—А самъ ты не видзѣлъ?

— Самъ видзѣлъ,—серьезно возражаетъ Павелъ.

Это совсѣмъ не насмѣшка надъ страннымъ акцентомъ Матвѣя. Павелъ ловитъ изъ нашихъ рѣчей каждое новое слово и каждый оттѣнокъ и тотчасъ усваиваетъ и даже другихъ заражаетъ. Дѣвицы на Устьѣ уже стали выговаривать: „блото“ и „перогъ“.

— Видзѣлъ,—повторяетъ Павелъ—бѣлыя онѣ, какъ береза, а волосы длинные, какъ мохъ.

— Постой, Павелъ,—вмѣшиваюсь я.—Вольныя дѣвки, въ лѣсу... Ты разскажи по порядку.

— Вольныя дѣвки такія, отъ здѣшняго корня. Которыя русскимъ не схотѣли покориться, — объясняетъ Шкулевъ.

— Было это въ досельное время, когда еще Ермакъ завоевывалъ „Устье“. И жили здѣсь люди и звались они „ванцы“. У нихъ были стрѣлки по пальцу, а копья по цѣлой березѣ. Жили деревнями. Но только въ деревнѣ изъ всѣхъ домовъ была у нихъ одна крѣпость, сто саженъ длиною, и изо всего народа одно семейство. А правила старшая дѣвка... Пищи у нихъ было довольно. Парни по осени оленей набьютъ и домой принесутъ, у порога сбросятъ. А дѣвки колдуютъ. Мясо обрѣжутъ, а кости на утро опять обростаютъ. Да такъ и до лѣта.

— Вотъ русскіе пришли. Ванскіе парни стрѣляютъ этими стрѣлками. Чего тамъ будетъ. Побили ихъ до смерти.

— Пришли къ этой крѣпости ванской, а тамъ дѣвки сидятъ. Ермакъ говоритъ: „Вы намъ покоритесь. Мы безженные люди. Васъ въ жены возьмемъ“. А старшая дѣвка вышла на крышу, вынесла лукъ и вертушку и стала огонь изъ доски вытирать на русскую сторону. А искры-то летятъ не на русскихъ, а на ванцевъ. Вспыхнула крѣпость. Тутъ дѣвки разъ простонали, выпустили бѣлыя крылья и улетѣли на полночь...

— Выпустили крылья, — соображаетъ Абрамка.—А, можетъ, то были чайки?..

Трезвая голова...

— Не чайки,—стёрхи,—поправляетъ его Павелъ невозмутимо.

— Цо то стерхи?—спрашиваетъ Ѳаддей.

— Stork,—переводитъ всезнающій Абрамка.—Ну, *bocian* по-твоему.

Каждую весну мимо Юлайскаго Устья пролетаетъ отрядъ длинноногихъ и бѣлыхъ аистовъ, направляясь на полночь. Кто знаетъ,—можетъ, и вправду это превращенныя ванскія дѣвки.

— Куда же онѣ полетѣли? — спрашиваетъ Абрамка задумчиво.

— Онѣ полетѣли за море, на Вирій, да хватились, что у нихъ пары нѣту, то пали на землю.

— А гдѣ это Вирій?

— Вирій за моремъ. Тамъ птичьи люди живутъ. Парни стрѣляютъ изъ крыльевъ пернатыми стрѣлами, а дѣвки такія красивыя, какъ Зорины дочки.

— А Зорины дочки красивыя?

— А ты не слыхалъ поговорку,—возражаетъ Павелъ.— „Заря Зореница, красная дѣвица, огненнымъ крылушкомъ всю землю обернула“.

— Вотъ и живутъ они въ этомъ лѣсу на деревьяхъ, и сами — деревья. А развертываются дѣвками, приманиваютъ пару. И какая приманитъ, сейчасъ обернется стерхой и его обернетъ. И тогда улетаютъ на Вирій...

— Какъ еще тебя не обернули?

— Обертывали лѣтось,—серьезно объясняетъ Шкулевъ,— да, видно, до конца не довернули. Ты слухай. Обранилъ я оленя на рѣчки Кисловкѣ, а онъ—сюда. Я за нимъ, да двое сутокъ не спавши и гналъ, какъ солнце безсонное. Къ этому лѣсу пришелъ, совсѣмъ потерялся олень. Такъ мнѣ бѣдно (обидно) стало. Присѣлъ я подъ кустомъ, не пивши и не ѣвши. Вижу: три стерхи летятъ мимо. Позавидовалъ я стерхамъ. „Какъ же,—говорю,—вамъ легко летать, а мнѣ и подбѣгивать трудно“.

И вспомнилъ изъ пѣсни:

Гуси, гуси, лебедушки,
Молодыя молодушки,
Уроните мнѣ по перушку...

— Ну, и что же?

— Да видишь: до конца не довернули, — наивно объясняетъ Шкулевъ.

Онъ не хочетъ разсказывать дальше. Къ чему? Вѣдь вышла неудача...

— Стерхи, дѣвки,—ворчитъ недовольно Ѳаддей,—а есть ли тамъ лоси?..

— Фью!—присвистываетъ Павелъ. — Тамъ всякая живность есть. Вотъ сами увидите.

Окончилось озеро.

— Вотъ тамъ еще озеро Курье, а дальше и Дѣвичій Лѣсъ,—указываетъ Павелъ.

Игла насторожила ухо и вытянула морду, потомъ слабо взвизгнула и бросилась впередъ.

Игла, назадъ! Надо идти на обходъ, дугою вдоль берега. А она не слушаетъ, летитъ, воздухъ пронзаетъ своимъ длиннымъ вытянутымъ тѣломъ. Впрямь игла. По землѣ разстилается и лаетъ тихонько, прерывисто, зло.

— Скорѣй!—говорятъ эти острые звуки.—Скорѣе,—уйдетъ...

— Господи, неужели она взяла духъ лосиный за десять верстъ, черезъ озеро Курье?

Летимъ, какъ бѣшеные, по льду. Абрамка и Павелъ опять впереди.

— Наддай-ка, Θаддей, а то мы и къ жаркому опоздаемъ!..

Глаза вылѣзаютъ на лобъ. Въ груди свиститъ. Лыжи какъ-будто мѣшаютъ бѣжать и волочатся сзади... Наддай, наддай!..

На льду впереди показались двѣ черныя точки. Что это— олени или лоси? Нѣтъ, эти поменьше. И головы безъ поперечной черты, значитъ, безрогія.

— Волки,—бросаетъ Шкулевъ на ходу.

Мчимся наискось, чтобъ перенять ихъ дорогу. Вотъ они стали поближе. Мнѣ кажется, будто я вижу ихъ ясно. Волкъ и волчица, высокіе и худые. У нихъ кровавыя очи и слюнявыя пасти. Головы низко пригнулись къ землѣ. Бѣгутъ, принюхиваются, видно, за дичью, по свѣжему слѣду.

Θаддей снимаетъ ружье съ плеча.

— Не стоитъ, оставь. Къ чему намъ эта падаль?

Волки подняли головы вверхъ. По вѣтру доносится тонкая жалоба.

— Спасибо, господа волки, за вольную подмогу. Прощайте, покамѣстъ!..

Волки исчезли, какъ призраки. Вотъ онъ, слѣдъ. Какой онъ глубокій, раскидистый! Мѣстами сквозь снѣгъ вѣтвистыя ямы доходятъ до самаго льда. Однѣ потемнѣли отъ нижней воды, другія подкрашены кровью. Павелъ нагнулся и взялъ въ горсть мокраго снѣгу изъ ископыти.

— Свѣжій, сейчасъ прошелъ. Направо, айда!..

Слѣдъ поднимается въ гору, въ кусты, въ частый и мелкій подлѣсокъ. Сквозь чащу пробита дорога, бѣшено, слѣпо и прямо, какъ-будто по шнуру. Вправо и влѣво разметаны сломанныя елки и березки. Сломаны какъ-будто ураганомъ, срѣзаны крѣпкою сталью, но только мѣстами на свѣжихъ изломахъ кровавыя пятна. Видно, живая бѣгущая сталь, расчищая дорогу, сама трепетала отъ боли.

Кочкарникъ, широкое поле. Опять перелѣсокъ. Луга, мертвые, занесенные снѣгомъ. А это, должно быть, ужъ Дѣ-

вичій Лѣсъ. Прямыя березы похожи на бѣлыя свѣчи. Кто ихъ разставилъ такъ чинно и стройно? Царапины нѣту на бѣлой блестящей корѣ. Вершины кудрявятся сѣтью разбухшихъ побѣговъ въ предчувствіи зеленаго расцвѣта.

Дайте дорогу намъ, бѣлыя дѣвки! Отдайте добычу.

Лаетъ Игла налѣво въ густомъ ивнякѣ и визжитъ, и захлебывается, и громко зоветъ:—Сюда! Сюда! Я нашла! Я догнала!..

— Прибавь-ка, Ѳаддей!

Ѳаддей вылетаетъ впередъ, огромный и грузный, и страшный, и мчится по узкой тропинкѣ, тоже какъ лось, только роговъ у него нѣтъ.

— Гогого!—зычно и грозно раздается его окрикъ.

Вотъ онъ, лось. Онъ высокій и сѣрый, какъ лошадь въ оленьемъ убранствѣ, и голова у него какъ толстый березовый корень и лопаты роговъ объ шестнадцати копьяхъ, какъ двѣ боевыя машины... Увязъ по колѣно въ снѣгу, а задомъ прижался къ рогатому пню и морду нагнулъ до земли и въ дикихъ глазахъ свѣтится мрачно и ярко: „Ну-ка, сунься!“

Злится, заливается Игла, бѣгаетъ кругомъ, суетится, проваливается въ ямы, а близко не подходитъ. Она не торопится узнать, какія у лося копыта. Только круги замыкаетъ то слѣва направо, то справа налѣво. Пробѣжитъ за спиной у добычи и тявкнетъ:—Дескать, не думай уйти. Я тутъ, я стерегу...

Абрамка хватаетъ винтовку на руку. Разъ! Мимо!

Лось стоитъ, какъ вкопанный въ землю, не пошатнется, какъ каменный.

Павелъ гогочетъ и медленно прикладывается изъ своей кремневой пищали.

Она—англійской работы и клеймо на ней: „Лондонъ 1820“. Павлу досталась отъ дѣда. Еще десять лѣтъ—и можно справлять ей столѣтній юбилей.

Сколько лосей и моржей она перебила, а сама все живая.

Стволъ у ней легкій, какъ дудка. Игрушечное ложе. Мелкія пули, какъ пчелы. И выстрѣлъ негромкій, словно хлопушка ударила.

— Не трогай!

Ѳаддей поворачивается къ Павлу и яростно кричитъ и машетъ рукою.

— Чего ты, лѣшій?

— Не трогай, убью!..

Даже лицо у него потемнѣло, какъ будто чугунное. Вправду лѣшій.

— Четверо васъ,—рычитъ Ѳаддей.—*Пся кревъ!* Надо идти одному...

Онъ снимаетъ ружье и бросаетъ на землю и выходитъ на лося съ голыми руками одинъ. Лось ждетъ и дико косится огромными сверкающими глазами.

— Оставь, сумасшедшій!—встревоженно кличетъ Павелъ. Поистинѣ безуміе приблизиться на лыжахъ къ ужаснымъ лосинымъ копытамъ.

— Не трогай!—рычитъ Ѳаддей. Онъ весь какъ-будто измѣнился и сдѣлался мягче и гибче. Каждое движеніе стало разсчитанно точно и какъ-то неуклюже граціозно. Это домашній медлительный буйволъ вдругъ превратился въ лѣсного медвѣдя.

Лось ждетъ. Онъ выпятилъ нижнюю губу. И глаза его стали какъ-будто другіе, упрямые, тупые.

Ѳаддей дерзко подъѣзжаетъ концами лыжъ подъ огромную морду и протягиваетъ руки и хватается за страшные рога.

Это будетъ, какъ встрѣча Лигійскаго Урса съ туромъ. Гдѣ обитали Лигійцы? Быть можетъ, въ Волынскомъ Полѣсьѣ? Та же фигура и тѣ же ухватки. Урсъ, пожалуй, придется Ѳаддею—прадядя...

Ѳаддей утверждается крѣпче на лыжахъ и тянетъ.

И вдругъ какъ будто по сигналу огромная туша тяжко валится на землю.

Вскидываются крѣпкія ноги, какъ четыре живые ствола.

Пуля Абрамки добралась до жизни, да только не сразу, проѣла дорогу сквозь крѣпкую грудь.

— Съ полемъ, — поздравляетъ Шкулевъ, насмѣшливо кланяясь.—Абрамка, съ тебя могарычъ.

По правиламъ охоты, удачливому стрѣлку достается голова и звѣриная шкура.

— Куда мнѣ ее,—отмахивается Абрамка.

— Дукѣ отдашь на постелю,—усмѣхается Павелъ.

Такъ начинается на Устьѣ сватовство. Женихъ уходитъ въ лѣса и приноситъ оттуда невѣстѣ лучшую шкуру добычи своей на постелю.

Огромное солнце садится и таетъ и словно сгораетъ въ пылающихъ волнахъ.

Заря Зореница опять протянула по небу огнистое крыло. Небо и снѣгъ, и деревья, и воздухъ отсвѣчиваютъ алымъ.

Господи, какъ мы устали! Скорѣе костеръ...

Павелъ хлопочетъ надъ тушей. Ѳаддей выворачиваетъ съ корнемъ сухія деревья.

Дымно багровымъ столбомъ встаетъ наше пламя подъ розовымъ небомъ.

Почки и сердце и печень—на шомполъ въ огонь. Надъ трупомъ огромной добычи вмѣстѣ съ Иглой мы пируемъ, какъ будто каннибалы.

Безщумно и странно и чутко подходитъ апрѣльская ночь. Огнистыя перья на крыльяхъ зари становятся темно-густыми, и воздухъ какъ будто наполнился пепломъ, обросъ паутиной, дымчато-алой и легкой и нѣжной. Садится на глаза паутина, алая дрема немеркнущей ночи нисходитъ на дѣвственный лѣсъ.

Костеръ вашъ наваленъ рогатой стѣной. Мы не взяли съ собой ни постелей, ни шубъ. Сегодня огонь намъ замѣнитъ постели и шубы. На грудахъ нарѣзанныхъ вѣтокъ Ѳаддей протянулся, какъ громомъ убитый. И Павелъ свернулся клубочкомъ, какъ ежъ. Пылаютъ сухіе стволы. Кедровыя шишки съ трескомъ взлетаютъ, какъ будто ракеты. Огромное пламя журчитъ, какъ вода, и поетъ, и сверкаетъ цвѣтнымъ переливомъ.

— Не спишь, Абрамъ?

Какъ угли, сверкаютъ большіе глаза.

— Да, не сплю. Все думаю.

— Брось! Ненужное дѣло. О чемъ же ты думаешь?

И Абрамъ подпираетъ рукой подбородокъ и тихо отвѣчаетъ:

— Я думаю жениться...

— Жениться, зачѣмъ? Вѣдь мы—перелетныя птицы.

Онъ поднимается, лежа на локтѣ, и шепчетъ печально и тихо:

— Летѣли, летѣли да сѣли. Теперь будемъ вить себѣ гнѣзда, какъ лебеди вьютъ...

Басомъ храпитъ утомленный Ѳаддей, и съ тонкимъ присвистомъ подхватываетъ Павелъ. Вотъ это беззаботная птица. Не лебедь,—кукушка. Кладетъ свои яйца въ различныя гнѣзда и весело смѣется.

Но ты отчего такъ печаленъ, мой лебедь, курчавый и черный?.. Спи, Абрамъ!..

А помнишь поговорку:—„Женишься-перемѣнишься“.

И онъ отвѣчаетъ, какъ прежде, печально и тихо:—„Ужъ я перемѣнился“.

Все глубже въѣдается пламя въ еловыя бревна. Квадратные угли ссыпаются въ груду, какъ яркіе камни, и молча сіяютъ глубокимъ и тихимъ сіяньемъ.

Спитъ Абрамъ. Курчавую голову на руки уронилъ. Пусть ему Дука приснится съ задорными глазами. Въ землю воткнулась Игла и дремлетъ и тявкаетъ слабо сквозь сонъ.

Быть можетъ, душа ея гонится снова за призракомъ мертваго лося.

Я только не сплю да бѣлыя березы. Онѣ подступаютъ все ближе и ближе и киваютъ кудрявой вершиной и о чемъ-то скрипятъ тихонько и лукаво.

— О чемъ вы скрипите, березы?..—„Пару... Любую... На выборъ“...

Нѣтъ, отойдите,—мнѣ пары не надо. Была моя пара. Такая же вольная дѣвка, и такъ же, какъ вы, она не хотѣла смириться, и когда встало надъ нею губительное пламя, крылья ея не развились, и она потонула, какъ искра.

Но вотъ она снова всплываетъ въ огнѣ, живая, святая, какъ прежде. Ибо душа ея стала огнемъ и навѣки не гаснетъ. Суровымъ призывомъ горятъ ея очи. И бѣлое платье запачкано кровью...

Я знаю, чего она хочетъ, чему она учитъ...

Я помню...

Отстаньте, березы!..

Танъ.

НА БЕРЕГУ.

1.

Какой просторъ! Вся даль горитъ!
Кипитъ, волнуется и блещетъ.
По гребнямъ вѣтеръ ли бѣжитъ,
Крыло ли чайки тамъ трепещетъ?
Въ единомъ свѣтѣ красоты
Слились всѣ дальнія примѣты:
Огнями волны повиты,
Волной огни лучей одѣты.
И волны мысли, сердца жаръ,
Въ душѣ забвенная отвага,—
То даръ тебѣ, случайный даръ,
Усталый путникъ Карадага.
Острѣй и радостнѣй твой взоръ,
Яснѣетъ мысль и слухъ твой тонокъ.
Смотри: овецъ по склонамъ горъ
Пасетъ лѣнивый татарченокъ
И пѣснь поетъ. Но отчего
Она грустна, полна печали?
Вѣдь и въ простой напѣвъ его
Влились сверкающія дали,
Завороживъ, зовутъ къ себѣ...

Его тоска грызетъ и гложетъ,
Давно знакомая тебѣ—
Тоска по вѣчности, быть можетъ.
Въ порывахъ творчества, въ любви
Вѣдь всѣ идутъ одной тропою:
Земля—въ грязи, въ тоскѣ, въ крови,
А вѣчность манитъ красотою.

2.

Волна кочуетъ за волной
И льнетъ къ землѣ жемчужной пѣной,—
Непрерываемой чредой
И неразгаданною смѣной.

Потомъ, отхлынувъ, вновь бѣжитъ
Къ своей невѣдомой отчизнѣ,
И грустно пѣснь ея звенитъ,
Подобно тайной укоризнѣ.

Пустынный берегъ тихъ и нѣмъ.
Къ скалѣ вдали прильнули дѣти.
Другіе жили раньше нихъ
И улыбалися, какъ эти.

И всѣ прошли, и всѣ ушли,
Порвавъ, тоскуя, цѣпи жизни,
Какъ эти волны отъ земли
Къ своей невѣдомой отчизнѣ.

Земля и небо тайнъ полны;
Стою и жду, готовясь къ смѣнѣ,
Напѣвовъ ласковой волны
Въ непостижимой перемѣнѣ.

Вл. Ладыженскій.

Корнеты и сугубцы.

(Картины военно-училищной жизни).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Картина, которую мы предлагаемъ вниманію читателей въ очеркахъ г-на Домрачева, до такой степени своеобразна, что мы рѣшились напечатать ее лишь по наведеніи нѣкоторыхъ справокъ у лицъ, знакомыхъ съ традиціями нашего „учебно-кавалерійскаго“ міра. Впрочемъ, всякій, кто дочитаетъ очерки до конца, придетъ, навѣрное, къ заключенію, что „такъ не выдумаешь“. Авторъ не претендуетъ на художественную полноту изображенія и, несомнѣнно, не захватываетъ въ своемъ изображеніи всей жизни того учебнаго заведенія, въ которое его забросила судьба. Но то, что ему лично пришлось испытывать втеченіи одиннадцати дней, произвело на него, очевидно, впечатлѣніе, яркое, незабываемое, запечатлѣвшее въ памяти пережитыя и перечувствованныя детали. И вотъ, черта за чертой, передъ нами рисуется этотъ замкнутый исключительный мірокъ, культивирующій, по странной преемственности, свои особыя традиціи, проникнутыя особымъ „духомъ“ съ совершенно особыми нравами и съ собственнымъ жаргономъ.

Для того, чтобы дать читателю возможность скорѣе оріентироваться въ этомъ исключительномъ и своеобразномъ мірѣ, въ который, порой безъ всякихъ предупрежденій, попадаютъ неосмотрительные новички, мечтающіе о „кавалерійской“ карьерѣ,—мы считаемъ нелишнимъ дать нѣсколько поясненій, начиная съ тарабарскаго заглавія.

„Корнетами“ на училищномъ жаргонѣ называются юнкера кавалерійскихъ училищъ, пробывшіе въ училищѣ больше году. „Сугубцы“— это новички, первокурсники. Авторъ производитъ это названіе отъ „сугубыхъ“ страданій и сугубой тяжести жизни этихъ злополучныхъ молодыхъ людей, которыхъ зовутъ еще „хвостатыми звѣрями“ и „пернатыми“. Юнкеръ, хотя бы и оставшійся на второй годъ въ томъ-же классѣ, т. е. уже заявившій себя съ значительной степенью вѣроятности лѣнтяемъ или тупицей,—тѣмъ не менѣе сразу становится начальникомъ „сугубца“, и послѣдній обязанъ безпрекословно

повиноваться самымъ хотя-бы безсмысленнымъ и незаконнымъ его приказаніямъ. Эта среда изобрѣла свое „чинопроизводство“, и чрезвычайно знаменательно, что повышеніе въ этой произвольной іерархіи обратно пропорціонально умственной работѣ и успѣхамъ въ „наукахъ“. Юнкеръ, оставшійся на второй годъ въ первомъ классѣ, считается уже тѣмъ самымъ въ чинѣ „корнета“; оставшійся дважды производится въ чинъ маіора; тотъ, кто ухитрится остаться и послѣ этого,—становится полковникомъ, и т. д. Подчиниться этому никакими уставами непредусмотрѣнному строю—значитъ „жить по традиціи“. Молодой человѣкъ, подчинившійся традиціи,—сразу становится зависимымъ отъ всѣхъ „корнетовъ“, и обязанъ безпрекословно повиноваться каждому распоряженію любого изъ этихъ „маіоровъ“ и „генераловъ“, вплоть до обязанности „выть на луну“... Правда, онъ можетъ сразу же заявить, что онъ не признаетъ „традиціи“ и хочетъ жить „по уставу“, т. е. повиноваться только законнымъ распоряженіямъ „вахмистровъ и „взводныхъ“. Но такъ какъ вахмистры и взводные въ свою очередь, принадлежатъ къ „традиціонерамъ“, то они очень скоро даютъ почувствовать дерзкому новичку, что жизнь по уставу можетъ быть обращена въ настоящую каторгу. Кромѣ того, оказывается, что эти школьныя традиціи просачиаются и дальше, за предѣлы училища. И вотъ,—парія на школьной скамьѣ становится такимъ же паріей въ своей дальнѣйшей карьерѣ. Исключеніе составляютъ только казачьи войска, проникнутыя еще, очевидно, старинными традиціями „казачьяго круга“ и потому не обращающія вниманія на традиціонную тираннію школы. Казаки-юнкера живутъ „по уставу“, сильные своей солидарностью, и рѣшаются оставаться людьми среди „пернатыхъ“ и „хвостатыхъ звѣрей“...

Какъ относится къ этому училищное начальство? Судя по очеркамъ г-на Домрачева и по другимъ свѣдѣніямъ,—его отношеніе къ „традиціи“ отмѣчено двойственнымъ характеромъ. Слабыя попытки ограничить „цуканіе“ (этотъ тарабарскій терминъ означаетъ самодурную „муштровку“ корнетами „сугубцевъ“) и... пассивная терпимость къ этому въ сущности подпольному традиціонному режиму, предоставляющему военно-кавалерійскому педагогическому персоналу нѣкоторыя удобства. Военная выправка и гимнастика офиціально преподаются въ учебные часы. „Традиція“ вноситъ ихъ всюду: въ дортуаръ, въ корридоры, въ рекреаціонные часы, не оставляя „сугубца“ даже во время сна. При всѣхъ физіологически и гигіенически нелѣпыхъ и порой вредныхъ преувеличеніяхъ,—она все-же „обламываетъ“ новичка гораздо скорѣе, чѣмъ это могли бы сдѣлать офиціальныя „ученія“, придаетъ ему специфически военную фигуру, выправку и... „образъ мыслей“. „Традиція“ такимъ образомъ снимаетъ съ педагоговъ значительную часть ихъ „воспитательной“ задачи. Поэтому, вѣроятно, она терпится иными педагогами, другими прямо поощряется. Не имѣя особой компетенціи

ва этихъ специфически военныхъ вопросахъ, мы позволяемъ себѣ думать, что эта исключительно строевая точка зрѣнія могла бы имѣть основаніе, если признать, что при условіяхъ современной войны,—можно добиться успѣховъ большихъ, чѣмъ мы достигли на поляхъ Манчжуріи,—при помощи „дисциплины“, основанной на одномъ безсмысленномъ повиновеніи, на отрицаніи личнаго и человѣческаго достоинства въ подчиненномъ, при отсутствіи знанія, мысли, инціативы,—при одномъ умѣніи держаться на лошади „шлюзомъ и балансомъ“, при одномъ знаніи всѣхъ „полчковъ“, масти ихъ лошадей и мундирныхъ выпушекъ и петличекъ...

Послѣ этихъ краткихъ поясненій мы предоставляемъ слово автору.

I.

30-го августа 1911 г. за часъ до обѣда я пріѣхалъ въ N-ское кавалерійское училище. Раздѣвшись въ шинельной и оставивъ тамъ свои вещи, я робко вошелъ въ залъ, гдѣ гуляли юнкера, громко смѣясь и крича. Замѣтивъ мое появленіе, они поспѣшили ко мнѣ.

— Какъ ваше заглавьице, сугубый?—крикнулъ пискливымъ голосомъ одинъ изъ нихъ, въ желтовато-зеленой рубашкѣ съ совершенно разстегнутымъ воротомъ.

— Изъ кэ-экихъ болотъ?—протянулъ другой, вытянувъ для чего-то подбородокъ впередъ.

— Какое заведеньице кончили?—крикнулъ третій, опять неизвѣстно зачѣмъ согнувши ноги въ колѣняхъ.

— Сугубый! Какъ ваше заглавьице? А-сь? Вы, можетъ быть, не хотите отвѣчать господину маіору?—повторилъ юнкеръ въ рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ, сдѣлавъ страшнымъ свое угловатое лицо.

Я взглянулъ на расплющенный носъ сердито кричавшаго „господина маіора“ и растерянно отвѣтилъ: „Анцигинъ... Окончилъ II-скую частную гимназію...“

— Вы какъ намѣреваетесь жить? По традиціямъ?—спросилъ юнкеръ съ безусымъ, блѣднымъ и полнымъ лицомъ.

Я лишь смутно представлялъ себѣ, въ чемъ заключались традиціи, но тѣмъ не менѣе отвѣтилъ:

— Да-а... Конечно...

— Не „да, конечно“, а „такъ точно!“ Оставьте штатскія замашки!

— А вы надолго-ли сюда прибыли, хвостатый?—спросилъ неестественнымъ голосомъ еще одинъ юнкеръ съ сильно горбатымъ носомъ.

— На два года... до окончанія курса,—тихо проговорилъ я, ошеломленный всей этой сценой.

— Какъ-съ?! Что-съ?! Вы на два года сюда?—воскликнулъ юнкеръ, назвавшій себя господиномъ маіоромъ, дѣлая крайне изумленное лицо.

Кругомъ почему-то захохотали.

— На два года?!—продолжалъ изумляться расплющенный носъ, дрыгая ногами.—А не хотите-ли отчислиться черезъ два дня? А-сь?..

Я молчалъ.

— Что вы, сугубый! Да вы не здоровы!—закричалъ юнкеръ съ горбатымъ носомъ.—Ну-съ... Извольте слушать команду! Ручки на бе-дра! Присядьте! Копытца вмѣстѣ, носочки врозь!..

Я слышалъ, что въ военномъ училищѣ прежде всего—повиновеніе, и хотя повиновеніе представлялось мнѣ въ совершенно другомъ видѣ,—я все-же присѣлъ.

— Ну-съ, теперь пожалуйте за мной! Прыжочками, прыжочками...

Не зная, куда дѣвать глаза отъ смущенія, я... сталъ прыгать, какъ лягушка, за шедшимъ впереди юнкеромъ. Онъ прошелъ, а я проскакалъ длинную залу, чувствуя за собой шаги нѣсколькихъ человѣкъ, наблюдавшихъ мое упражненіе. На порогѣ въ спальныя камеры я вдругъ покачнулся и, потерявъ равновѣсіе, опрокинулся на полъ.

— Что вы, пернатый!—заговорилъ горбоносый.—Хвостомъ зацѣпились!.. Прыжочками! Ать, два!..

Я чуть не плакалъ отъ оскорбленія, боли и непривычныхъ движеній, но больше всего отъ стыда. Очевидно, переступивъ этотъ порогъ, я—уже не человѣкъ, уважающій себя, добровольно подчинившійся порядку, который самъ избралъ, считая его цѣлесообразнымъ и разумнымъ, а какой-то „сугубый“, „хвостатый звѣрь“, безъ воли и самолюбія...

Въ кавалерійскомъ училищѣ нѣтъ юнкеровъ. Старшіе юнкера по традиціи не юнкера—они всѣ сами себя произвели въ офицеры; младшіе—опять-таки не юнкера, а „звѣри“, „сугубые“, „пернатые“, „хвостатые“. Г.г. самозванные офицеры имѣютъ разные чины. Пробывшіе одинъ годъ въ младшемъ классѣ при переходѣ въ старшій дѣлаются корнетами, оставшіеся въ младшемъ классѣ на повторительный курсъ присваиваютъ себѣ чинъ маіора; пребывающіе въ училищѣ третій годъ носятъ чинъ полковника, а на четвертый становятся генералами; ухитрившійся прочислиться свыше четырехъ лѣтъ [1]) пріобрѣтаетъ чинъ генерала-отъ-кавалеріи. Словомъ, чѣмъ юнкеръ неуспѣшнѣе или неосторожнѣе по поведенію, тѣмъ выше онъ имѣетъ традиціонный чинъ. Производствомъ „г.г. офицеровъ“ и улаживаніемъ столкновеній ихъ съ сугубыми завѣдуетъ особый таинственный „корнетскій комитетъ“, засѣданія котораго происходятъ тайно отъ начальства...

---

[1]) За крупные проступки юнкеровъ посылаютъ въ полкъ для исправленія, не отчисляя въ тоже время отъ училища.

Прискакавъ, наконецъ, за своимъ горбоносымъ вожатымъ въ отдаленную камеру, я едва держался на ногахъ. Лицо мое было покрыто крупными каплями пота.

Зрѣлище, которое представилось мнѣ въ этой камерѣ, было тоже неожиданно и странно.

Вдоль стѣнъ я увидѣлъ цѣлый рядъ какихъ-то молодыхъ людей въ студенческой формѣ и въ штатскихъ тужуркахъ... Вся эта довольно разношерстная компанія усердно выполняла ни къ чему не нужныя присѣданія.

— Пристройтесь, сугубый!—сказалъ приведшій меня горбоносый корнетъ.

Я всталъ въ рядъ.

— Присѣдайте!...

Держа руки на бедрахъ, мы присѣдали и поднимались, вновь присѣдали, вновь поднимались. Капли пота бѣжали по лицамъ, попадали въ глаза, въ ротъ, падали на полъ.

— Ну и воздухъ, отъ этихъ сугубцевъ!—сказалъ маіоръ съ разстегнутымъ воротомъ, сморщивши свой расплющенный носъ.

— Всѣ на триста шестьдесятъ! Ать, два!—скомандовалъ еще какой-то „корнетъ“, щелкая пальцами правой руки.

Всѣ студенты сдѣлали полный оборотъ въ 360° на каблукѣ лѣвой ноги черезъ лѣвое плечо. Я не понялъ этой команды и остался въ прежнемъ положеніи.

— А вы, что-же! Не желаете?! Вращайтесь! Ать, два!—крикнулъ приведшій меня горбоносый корнетъ Малеринскій, щелкая пальцами.

— Университетъ и Академія! Ха-ха!.. На триста шестьдесятъ Ать, два!

— Еще разъ! Ать, два!

— Анко́ръ фоа̀!

— Нохъ эйнмаль!

Мнѣ начинало представляться, что я попалъ въ сумасшедшій домъ! Все это было такъ странно и дико, что на лицахъ злополучныхъ сугубцевъ, несмотря на непріятное положеніе,—пробивались улыбки...

— Улыбочки въ карманъ спрячьте!.. Въ карманъ улыбочки!..

Маіоръ съ расплющеннымъ носомъ подошелъ ко мнѣ.

— Вамъ, кажется, смѣшно? Плакать будете-съ!.. Ккровавымъ потомъ выжму изъ васъ улыбочки!.. Здѣсь не шутки-съ!.. Всю жизнь будете помнить маіора Штарка!

Бросивъ на меня яростный взглядъ, „маіоръ“ Штаркъ отошелъ.

Въ камеру вошелъ маленькій, толстенькій корнетъ съ румянымъ лицомъ и, заложивъ руки въ карманы, громко крикнулъ: „Сугубцы! Кто желаетъ явиться корнету Сысоеву? Никто не желаетъ?! Пожалуйте вы, сугубый въ черкескѣ! Явитесь!“

Сугубый въ черкескѣ отправился сначала въ дальній уголъ, по-

вернулся кругомъ и пошелъ по направленію къ корнету Сысоеву, мѣряя глазами разстояніе между собой и корнетомъ. Онъ остановился только тогда, когда ему показалось, что онъ отъ корнета находится въ пяти шагахъ.

— Какъ-съ? Это у васъ пять шаговъ-съ?—иронически спросилъ корнетъ Сысоевъ, подошедши къ сугубому въ черкескѣ такъ, что вышло только два шага.—Гуляйте назадъ!

Сугубый попытался опять подойти, но подошелъ такъ, что до корнета оказалось семь шаговъ.

— Что вы! Да вы не здоровы,—изумился Малеринскій, а корнетъ Сысоевъ скомандовалъ:

— Гуляй назадъ!

Наконецъ, горецъ подошелъ на пять шаговъ.

— Являйтесь,—разрѣшилъ корнетъ.

— Во время рапорта смирно!—крикнули корнеты прочимъ сугубымъ, сами тоже нѣсколько подтянувшись.

Всѣ стали „смирно".

— Господинъ корнетъ! Разрѣшите явиться,—началъ сугубый въ черкескѣ.

— Рискните,—сказалъ корнетъ.

Горецъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Господинъ корнетъ! Окончившій курсъ Владикавказскаго реальнаго училища сугубый Ахметовъ является по случаю прикомандированія къ дивизіону юнкеровъ N-скаго кавалерійскаго училища.

Окончивъ рапортъ, Ахметовъ ждалъ дальнѣйшихъ приказаній.

— Кругомъ! Три шага впередъ—маршъ! Кругомъ! Присядьте! Дѣлайте два прыжка назадъ и одинъ впередъ и подойдите ко мнѣ.

Ахметовъ стоялъ теперь отъ корнета на семь шаговъ. Присѣвъ, онъ сталъ дѣлать большой прыжокъ впередъ, а назадъ—два маленькихъ. Вскорѣ онъ былъ около корнета.

— Стой, равняйся, стой!

Корнетъ Сысоевъ милостиво подалъ руку сугубому въ черкескѣ и отрекомендовался: „Корнетъ Сысоевъ".

— Вы, сугубый!—крикнулъ онъ затѣмъ мнѣ.—Явитесь!

Я попробовалъ „явиться", но корнетъ только махнулъ рукой.

— Вы еще не умѣете являться!—сказалъ онъ, уходя.

— Поучитесь у вашего однокопытника, какъ надо являться,—прибавилъ корнетъ Малеринскій.—Отчетливости больше!..

Въ этотъ моментъ прозвучала труба. Это былъ сигналъ къ обѣду.

— Опаздываютъ строиться!—закричалъ маіоръ Штаркъ.—Всѣ сугубцы, галопомъ—маршъ!

Одинъ за другимъ мы побѣжали въ залъ. Построившись, всѣ пошли въ столовую, гдѣ, послѣ новаго сигнала, пропѣли „Очи всѣхъ" и усѣлись за столы.

Во время обѣда пріѣхали еще нѣсколько корнетовъ, которые,

войдя въ столовую, радостно цѣловались со своими товарищами и оглядывали сугубыхъ.

— Все звѣри?—спрашивали они.

— Все сугубство,—отвѣчали имъ.—Хвостатые и пернатые...

Лица хвостатыхъ и пернатыхъ были угрюмы. Они вытягивали подъ столомъ усталыя ноги, стараясь дать имъ наиболѣе спокойное положеніе.

Послѣ обѣда стало легче: дежурный офицеръ, внезапно налетѣвъ, пятерыхъ корнетовъ посадилъ подъ арестъ за *цуканье*, т. е. за издѣвательство надъ младшими. Послѣ этого корнеты поставили на лѣстницу, именуемую на корнетскомъ языкѣ „махалкой“, сугубца, приказавъ ему во́-время предупреждать ихъ о появленіи офицера.

Сугубные бродили по камерамъ, какъ сонныя мухи подъ осень. Сдѣлавши два-три шага, они лѣпились вдоль стѣнъ, становились за двери, за печки, чтобы быть какъ можно меньше замѣтными, или вытягивались въ струнку, видя проходящаго корнета. Корнетъ или кивалъ головой отдающимъ честь сугубцамъ, или щелкалъ пальцами, и тотъ, къ кому относился щелчокъ, дѣлалъ полный оборотъ на 360°...

Въ той камерѣ, гдѣ я помѣстился до разбивки младшихъ юнкеровъ по эскадронамъ и взводамъ, было два студента—кубанскихъ казака. Они стояли около своихъ коекъ и разговаривали вполголоса. Проходившій корнетъ щелкнулъ имъ пальцами.

— На триста шестьдесятъ! Вращайтесь! Ать, два! Ать, два!.. Впрочемъ, можетъ быть, вы живете по уставу?..

— Такъ точно, господинъ корнетъ; мы—кубанскіе казаки. Живемъ по уставу.

— А! Въ такомъ случаѣ не безпокойтесь, не безпокойтесь! Не нужно-съ... не нужно-съ...

Казаки сѣли, а корнетъ, помахивая хлыстикомъ, подошелъ къ другимъ сугубымъ, стоявшимъ безмолвно у стѣнъ.

— А вы какъ живете? Быть можетъ, тоже по уставу?—спросилъ онъ строго смотря на одного изъ нихъ.

— Никакъ нѣтъ, господинъ корнетъ, живу по традиціи.

— Вращайтесь! А вы?

Корнетъ обратился ко мнѣ.

— По традиціи.

— Вращайтесь! Для поддержанія традицій N-скаго кавалерійскаго училища... нохъ эйнмаль! Да не портить копытцами стѣны, хвостатые!—крикнулъ корнетъ, видя, что мы отъ неловкости задѣваемъ за стѣны.—Стой, равняйся, стой! Кромѣ уставниковъ, всѣ присѣсть! Ручки на бедра, прыжочками кругомъ по камерѣ — маршъ!

Мы запрыгали. Корнетъ протянулъ свой хлыстъ на полъ-аршина отъ пола.

— Черезъ барьеръ—прыжочкомъ! Стой, равняйся, стой! Спасибо за службу!..

— Рады стараться, господинъ корнетъ!

— Завтра у корнета экзаменъ, корнетъ ничего не знаетъ, корнетъ будетъ маіоромъ. Чувствуете, сугубцы?!

— Чувствуемъ, господинъ корнетъ!

На минуту корнетъ задумался. Онъ повѣсилъ свой сильно выдающійся носъ, продолговатое, слегка веснушчатое лицо его потемнѣло, и взглядъ сдѣлался тусклымъ, неподвижнымъ и печальнымъ. Въ первый разъ за весь этотъ день среди сотни корнетовъ я увидѣлъ лицо, которое хоть на минуту озарилось подобіемъ человѣческаго чувства, сбросивъ нагло-насмѣшливое выраженіе.

— Кто знаетъ, сугубцы: чему подобно сердце рябчика передъ выстрѣломъ?—продолжалъ корнетъ черезъ минуту.

Никто не могъ сказать, чему подобно сердце рябчика передъ выстрѣломъ.

— Сердце рябчика передъ выстрѣломъ,—объяснилъ корнетъ,—подобно сердцу благороднаго корнета передъ экзаменомъ по артиллеріи...

Корнетъ звякнулъ шпорами и пошелъ изъ камеры. Въ дверяхъ онъ обернулся.

— Явитесь мнѣ завтра послѣ вечерней зари... Корнетъ Магерлай запомнитъ, кто не явится.

Корнетъ еще разъ стукнулъ шпорами и удалился. Я подошелъ къ кубанскимъ казакамъ.

— Скажите пожалуйста,—спросилъ я,—что, собственно, значитъ „жить по уставу"?

— Это значитъ,—сказалъ одинъ изъ казаковъ-студентовъ,—не признавать этихъ глупыхъ, мальчишескихъ традицій и повиноваться только тѣмъ юнкерамъ, повиновенія которымъ требуетъ уставъ кавалерійскихъ училищъ,—напр., вахмистру.

— Стало быть, цуканье совершенно незаконно?

— Рѣшительно.

— Какъ же оно существуетъ? Его не преслѣдуютъ?

— Стало быть, есть разсчетъ не преслѣдовать,—проговорилъ казакъ язвительнымъ тономъ.

— Кто же можетъ жить по уставу? Одни только казаки?—продолжалъ я допытываться.

— Нѣтъ. Можете и вы жить по уставу.

— Въ такомъ случаѣ, если станетъ очень тяжело, я перейду на уставъ.

Казакъ отрицательно покачалъ головой.

— Тогда будетъ еще тяжелѣе. За каждый ничтожный проступокъ на васъ будутъ налагать дисциплинарное взысканіе, записывать въ штрафной журналъ, давать по нѣскольку нарядовъ на дежурства не въ очередь... Заморятъ на дневальствахъ... Кончится

тѣмъ, что васъ или отчислятъ отъ училища въ полкъ, или вы окончите училище по третьему разряду, т. е. унтеръ-офицеромъ.

— Для каждаго проступка,—пояснилъ другой казакъ,—у нихъ двѣ мѣрки... О своихъ, традиціонерахъ, они не докладываютъ начальству: вмѣсто уставного, официальнаго наказанія назначатъ одно изъ традиціонныхъ наказаній, напр., нѣсколько тысячъ присѣданій. Разумѣется, въ физическомъ отношеніи корнетское наказаніе будетъ много тяжелѣе, но зато оно не портитъ вашего поведенія въ глазахъ училищнаго начальства... Бываютъ даже случаи, когда за проступки сугубыхъ, если они живутъ по традиціи, отвѣчаетъ передъ начальствомъ самъ взводный.

— Почему же вы сами не боитесь жить по уставу?

— Я рѣшительно не переносилъ бы цуќанья, это первое, а второе (и это главное) казаковъ юнкера меньше преслѣдуютъ. Вы спросите, почему? Можетъ быть, потому, что казаки такъ ужъ всегда живутъ по уставу. Тоже своего рода казачья традиція...

Прошло около получаса. Въ камеру вошелъ, медленно, изящно ступая, чуть позванивая шпорами, черноватый улыбающійся корнетъ. Его красивое лицо съ живыми глазами, легкой синевой на бритыхъ щекахъ и заботливо приподнятыми кончиками черноватыхъ усиковъ, невольно привлекало къ себѣ.

— Пожалуйста! Прошу васъ. Не отдавайте мнѣ чести. Не нужно. Сядьте!—произнесъ онъ, видя, что мы вскочили.

Корнетъ остановился около средняго окна въ камерѣ и усѣлся на подоконникъ. Онъ продолжалъ улыбаться, разсматривая лица сугубыхъ.

— Вамъ, поди, кажется—сказалъ онъ,—что здѣсь сумасшедшій домъ? Не правда-ли? Одинъ жаргонъ чего стоитъ!.. Я вамъ дамъ полезный совѣтъ,—никогда не улыбайтесь, когда васъ цукаютъ, смотрите лучше исподлобья. Корнеты не любятъ, когда улыбаются. Обращайтесь ко мнѣ, если что-нибудь вамъ будетъ нужно,—прибавилъ онъ и удалился, оставивъ пріятное впечатлѣніе человѣка, очевидно, не поддавшагося вліянію училищнаго режима. „Маіоры“ — неудачники по части наукъ — готовы вымещать на беззащитныхъ пережитыя въ прошломъ мученія и настоящія неудачи; они возстановляютъ свое „достоинство“ въ области гимнастики и присѣданій, гдѣ они мастера. Большинствомъ корнетовъ руководитъ традиціонная рутина и своеобразно понимаемыя воспитательныя цѣли. Изрѣдка попадаются однако и пріятныя исключенія.

Въ пять безъ четверти заиграла труба.

— Сигналъ былъ!—закричалъ краснощекій корнетъ Сысоевъ, проходя черезъ камеру.—Опаздываютъ сугубцы! Рысью! За хвостики держитесь!

Я ухватился за тужурку впереди бѣжавшаго студента, за меня

ухватился другой студентъ, и т. д... Такимъ образомъ мы вбѣжали въ залъ, чтобы построиться къ чаю.

— Какой былъ сигналъ, распущенные?—спрашивалъ сугубыхъ корнетъ Малеринскій, проходя по рядамъ.—Сигналовъ не знаютъ! Работать будете до опупѣнія!..

— Сигналъ „наступленіе“, господинъ корнетъ,—отвѣтилъ, наконецъ, одинъ изъ кадетъ.

— Какъ ваше заглавьице?

— Целегородцевъ, господинъ корнетъ.

— Какого корпуса?

— Орловскаго Бахтина, господинъ корнетъ.

— Явитесь мнѣ послѣ зари...

— Слушаю, господинъ корнетъ.

— Глаза напра-вопъ!—раздалась команда вахмистра.—Равняйсь!.. Смиррнэ! Напра-вопъ! Правое плечо впередъ, шагомъ маршъ!

Столпившись у дверей, корнеты наблюдали за шествіемъ сугубыхъ. Каждый изъ нихъ выкрикивалъ какое-нибудь замѣчаніе.

— Ножку крѣпче! Ать, два! Ать, два!

— Ручками машите!

— Головки выше!

Когда сугубцы вступили на лѣстницу, раздался крикъ: „Поводъ влѣво и вправо!“

— Поводокъ, поводокъ!

Между разступившимися влѣво и вправо сугубцами пробѣжали впередъ корнеты...

Послѣ чаю опять возвращеніе въ камеры, тоска, боязнь, незнаніе, куда дѣться, и унылое ожиданіе ужина и сна.

Мы уныло совались вдоль стѣнъ, съ тревогой слѣдили за проходящими корнетами, угадывая ихъ приближеніе по бряцанію шпоръ. Корнеты или проходили мимо насъ, какъ бы не замѣчая „звѣрей“, или принимались цукать отъ скуки, заставляя даже взлѣзать на круглыя печки, стоявшія въ камерахъ, и пѣть кукуреку. Продѣлавъ нѣсколько опытовъ надъ терпѣніемъ сугубцевъ, корнеты удалялись, при каждомъ шагѣ задѣвая ногу объ ногу, чѣмъ вызывали усиленное бряцаніе шпоръ.

Въ сосѣдней камерѣ благородное корнетство, составивъ одинъ на другой пять табуретовъ, приказывало одному изъ кадетъ влѣзть на верхушку.

— Пожалуйста, пожалуйства! Вы не стѣсняйтесь! Маіоръ Угаровъ самъ лазилъ на шесть табуретовъ,—говорилъ порядочно уже плѣшивый маіоръ, крутя большіе рыжеватые усы.

Замученный кадетъ кое-какъ влѣзъ на верхушку.

— Вращайтесь, мохнатый! На триста шестьдесятъ!—крикнулъ маіоръ Угаровъ, щелкнувъ пальцами.

Кадетъ сдѣлалъ медленный поворотъ, боясь потерять равновѣ-

сіе. Его раскраснѣвшееся лицо было залито потомъ; зубы были крѣпко стиснуты и слегка оскалены; ноги замѣтно дрожали.

— Что вы, распущенный, вращаетесь, какъ сонный!—замѣтилъ бѣлокурый корнетъ Емельяновъ съ чрезвычайно блѣднымъ и длиннымъ лицомъ, бренча одной шпорой, такъ какъ другая нога была въ туфлѣ.—Отчетливѣе поворотъ! Ну!

Кадетъ попробовалъ сдѣлать отчетливый поворотъ. Онъ пошатнулся, взмахнулъ руками и, окончательно потерявъ равновѣсіе, съ закружившейся головой вынужденъ былъ прыгнуть съ своего пьедестала. Падая, онъ немного ссадилъ себѣ ногу о стѣнку желѣзной кровати. Табуреты съ громомъ полетѣли на полъ. Лицо его судорожно дрогнуло, и слезы быстро побѣжали изъ глазъ. Онъ отвернулся къ стѣнѣ, вытащилъ изъ кармана платокъ и закрылъ имъ глаза. Верхній табуретъ при паденіи на полъ чуть не ударилъ того блѣднолицаго корнета, у котораго одна нога была въ сапогѣ, а другая въ туфлѣ.

— Вы, что это? Можетъ быть, хотѣли убить господина корнета?—спросилъ корнетъ Емельяновъ.—Явитесь ко мнѣ завтра!.. Ваше счастье, что корнетъ очень добрый, а то бы пришлось по-ра-ботать, да-съ!

Бренча одной шпорой, корнетъ Емельяновъ вышелъ изъ камеры. „Маіоръ“ Угаровъ, переставши крутить усы, достаточно ужъ высоко торчавшіе, и заложивши руки въ карманы, пожималъ плечами и удивлялся слабости сугубства.

— Это чортъ знаетъ, что такое! Что за сугубство пошло!—говорилъ онъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ.—Присѣдать—не могутъ; вращаться—не могутъ; отчетливо явиться—не могутъ!.. Удивляюсь, удивляюсь!..

Маіоръ обвелъ сугубыхъ глазами и остановился на одномъ изъ нихъ.

— А вы... какъ васъ... графъ или князь?..

— Графъ Эгельстромъ, господинъ маіоръ.

— А вы можете-съ?..

— Такъ точно, господинъ маіоръ!

— Ага?! Присядьте! Ножки вмѣстѣ, ручки на бёдра... Встать!! Сѣ-э-э-э-сть!.. Встать!! Сѣ-э-э-э-сть... Встать!! Сѣ-э-э-э-сть... Прыжочекъ кверху! Ать, два! Встать!! Спасибо за службу!

— Радъ стараться, господинъ маіоръ!

— Ну, танцуйте!.. Гуляйте!.. Всѣ гуляйте!—крикнулъ маіоръ и подошелъ къ кадету.

— Что же вы плачете? Присядьте на коечку. Успокойтесь. Маіоръ не будетъ васъ трогать. Присядьте-съ...

Кадетъ сѣлъ на койку, тщательно вытеръ лицо и успокоился. „Маіоръ“ Угаровъ вышелъ изъ камеры. Прошло полчаса. По камерамъ пробѣжалъ какой-то корнетъ.

— Начальникъ училища,—кричалъ онъ.—Сугубые, сѣсть! Вы

подведете корнетовъ, если будете стоять. Корнетамъ не нужно отдавать честь, когда въ эскадронѣ начальникъ или дежурный офицеръ.

Сугубцы присѣли. Вошелъ начальникъ съ двумя офицерами. Мы всѣ вскочили.

— Смирно!—раздалась команда.

— Здравствуйте, господа,—сказалъ начальникъ училища.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! — громко отвѣтили мы, и начальникъ прошелъ дальше... Корнеты вновь заходили по камерамъ.

Оставшись одни, мы рѣшили между собою попрактиковаться опредѣлять разстояніе въ пять шаговъ и отчетливо рапортовать. Но только что мы начали другъ другу „являться", неожиданно въ дверяхъ показались три корнета, шедшіе подъ руку. Въ срединѣ былъ маленькій корнетъ Сысоевъ, который при видѣ нашего занятія пришелъ въ неописанное негодованіе. Держа подъ руки двухъ своихъ товарищей, онъ при каждомъ своемъ слогѣ все ниже и ниже присѣдалъ и повышалъ голосъ, такъ что окончилъ свое замѣчаніе сидя ужъ на карточкахъ и дискантовой нотой.

— Какъ-съ?! Что-съ?! Пре-вы-ше-ні-е вла-сти! Сугубый сугубому являться не имѣетъ права! Всѣ пожалуйте за мной!.. Я вамъ покажу, что значитъ превышать власть!..

Мы уныло пошли за корнетомъ. На наше счастье заиграла труба, и черезъ пять секундъ мы были уже въ строю.

Послѣ ужина, въ девять часовъ, всѣ снова построились для переклички. Каждый, слыша свою фамилію, громко отвѣчалъ: „Я!"

Вдругъ появился дежурный офицеръ.

— Это что такое?! Съ папиросой въ зубахъ! Въ строю!! — закричалъ онъ страшнымъ голосомъ. — А вы куда смотрите?—крикнулъ онъ на вахмистра. — Распущенность! Застегнитесь и идите въ карцеръ: вы недостойны быть въ строю.

Изъ строя вышелъ маіоръ Штаркъ, тотъ самый, который цѣлый день ходилъ съ растергнутымъ воротомъ.

Послѣ переклички вахмистръ скомандовалъ „смирно", и горнистъ заигралъ вечернюю зарю. Въ эту торжественную минуту даже распущенные корнеты не смѣли шевельнуться въ строю. Всѣми овладѣло какъ бы молитвенное настроеніе. Я съ особымъ чувствомъ прислушивался къ мелодіи вечерней зари, которая, дѣйствительно, казалась чѣмъ-то священнымъ... Наконецъ, замеръ послѣдній звукъ.

— Эскадронъ на молитву! Шапки—долой!—скомандовалъ вахмистръ. Мы повернулись къ иконѣ и пропѣли „Отче нашъ" и „Спаси, Господи".

— На-кройсь!

Мы стали во фронтъ.

— Расходитесь!

Мы повернулись кругомъ и вышли изъ строя. Офицеръ ушелъ,

и намъ было позволено возвратиться въ камеры, гдѣ освѣщеніе ужъ было потушено и замѣнено ночнымъ, голубоватымъ, направленнымъ абажурами въ потолокъ.

— На подстилочки, на подстилочки, сугубцы! Бѣлье въ квадратики!

— У кого не будетъ одежда въ квадратикахъ, тотъ спать не будетъ... среди ночи будетъ складывать...

— Верхнюю одежду на низъ—это долженъ быть наибольшій квадратикъ, брюки—поменьше, кальсоны—еще меньше, и носки—самый меньшій квадратикъ. Сложить на табуретѣ пирамидкой. Съ правой стороны табурета—сапоги. У кого не будетъ сложено, какъ слѣдуетъ, ночью разбужу!..

— А вы, сугубый, въ кальсонахъ улеглись? Встаньте на подстилочку,—присѣдайте! Кто будетъ въ кальсонахъ спать—работать будетъ до полночи.

Камера стихла. Сквозь сонъ я почувствовалъ, что меня кто-то дергаетъ за ногу. Я открылъ глаза. Передо мной стоялъ какой-то корнетъ.

— Поменьше квадратики! Сложите снова!..

Я поднялся и снова сложилъ одежду пирамидкой, насколько возможно, маленькими квадратиками. Наконецъ, день кончился. Я заснулъ.

II.

Въ 6¼ часовъ утра раздался сигналъ, по которому всѣ сугубцы немедленно соскочили съ постели, одѣлись и застлали кровати. Во время умыванія (черезъ четверть часа послѣ перваго сигнала) горнистъ проигралъ утреннюю зарю.

Лѣниво потягиваясь, корнеты начали тоже подниматься съ постелей. По камерамъ зашлепали туфли полуодѣтыхъ корнетовъ, подпоясанныхъ полотенцами. Умывальники для нихъ были уже свободны: сугубцы встаютъ раньше.

Въ семь часовъ юнкера построились для переклички, послѣ которой сугубыхъ повели въ гимнастическую комнату для упражненій на деревянныхъ лошадяхъ, параллельныхъ брусьяхъ, лѣстницахъ и кольцахъ, а черезъ двадцать минутъ построили къ чаю.

На этотъ день была назначена разбивка молодыхъ юнкеровъ по эскадронамъ и взводамъ; сугубцы старались избѣжать вниманія праздныхъ корнетовъ; кому это не удавалось, тѣ уже „работали“ до изнеможенія.

Особенно страдали тѣ, которые съ университетской скамейки вынесли хотя бы подобіе „идейнаго направленія“, или тѣ, въ комъ замѣчалась серьезность и присутствіе мысли... Часть сугубцевъ забралась въ уборныя и курительныя комнаты. Но и тамъ ихъ нашелъ мопсообразный корнетъ Дубяго.

— Распущенные! Кто изъ васъ знаетъ, чему уподобляется жизнь сугубаго? — спросилъ громко корнетъ и затѣмъ, намѣтивъ одного, сказалъ:—Вы, молодой, говорите!

— Жизнь сугубаго—отвѣтилъ спрошенный—уподобляется маленькому стеклянному шарику, подвѣшенному на тончайшей нити, который при малѣйшемъ дуновенiи благороднаго корнета падаетъ и разбивается въ дребезги.

— Спасибо за службу!

— Радъ стараться, господинъ корнетъ!

— Какой вы корпусъ окончили!

— Варшавскiй Суворовскiй, господинъ корнетъ.

— Можетъ быть, полчки знаете? А-съ? Первый гусарскiй?

— Первый гусарскiй Сумской Его Величества короля Датскаго Фредерика VIII полкъ.

— Стоянка?

— Москва, господинъ корнетъ.

— Второй гусарскiй?

— Второй лейбъ-гусарскiй Павлоградскiй императора Александра III полкъ. Стоянка г. Сувалки.

— Продолжайте!

— Третiй гусарскiй Елисаветградскiй Ея Императорскаго Высочества великой княжны Ольги Николаевны полкъ. Стоянка Ольгинъ-Штабъ.

— Продолжайте!.. Четвертый гусарскiй?.. Ну, что жъ вы?

— Не могу знать, господинъ корнетъ.

— Какъ-съ? Не знаете-съ? Присѣдайте! Вы, распущенный,— обратился корнетъ Дубяго къ другому сугубому — четвертый гусарскiй?

— Четвертый гусарскiй Марiупольскiй генералъ-фельдмаршала князя Витгенштейна полкъ. Стоянка г. Бѣлостокъ,—сказалъ „распущенный“, успѣвшiй справиться въ дислокацiи войскъ.

— Какъ называются гусарскiе сапожки, распущенный?

— Ботики, господинъ корнетъ.

— Какъ называются гусарскiя панталончики?

— Чикчиры, господинъ корнетъ.

— А первый драгунскiй? Не знаете? Первый уланскiй? Не знаете? Присядьте! Гусиные прыжочки,—ать, ать, ать, ать... Французскiй прыжокъ! Ать, два!

Сугубый прыгнулъ кверху.

— Что вы дѣлаете? Французскiй прыжокъ!

— Не могу знать, господинъ корнетъ.

— Смотрите.

Корнетъ Дубяго присѣлъ, прыгнулъ вверхъ и въ это же время сдѣлалъ полный поворотъ на 360°. „Звѣрь“ попробовалъ сдѣлать то

же самое. Онъ присѣлъ, прыгнулъ, сдѣлалъ оборотъ и сунулся прямо подъ ноги корнету.

— Что вы, распущенный! Убить хотите господина корнета?!

— Никакъ нѣтъ, господинъ корнетъ.

— Присядьте! Попружиньтесь!..

Распущенный присѣлъ и сталъ дѣлать быстрыя и маленькія присѣданія, какъ на пружинкѣ; тотъ, который зналъ три гусарскихъ полка и чему уподобляется жизнь сугубаго, пользуясь тѣмъ, что корнетъ не обращалъ на него вниманія, пересталъ присѣдать.

— Мотаете!—закричалъ корнетъ Дубяго, внезапно поворотясь къ нему,—присядьте!—За мной—прыжочками! Я вамъ покажу, что значитъ мотать у меня!

Разгнѣванный корнетъ сталъ водить по эскадрону „мотавшаго" сугубца, который прыгалъ до тѣхъ поръ, пока могъ стоять на ногахъ. Наконецъ, онъ обезсилѣлъ и опрокинулся на полъ.

— Что вы, распущенный, на хвостикъ садитесь: безъ потомства останетесь! Встать!

— Господинъ корнетъ, разрѣшите отдохнуть,—умоляюще проговорилъ „хвостатый звѣрь".

— Отдохните. Присядьте, выставьте правую ногу впередъ, вотъ такъ...

Сугубый попробовалъ „отдохнуть", но эта поза оказалась еще труднѣе. Онъ вторично упалъ.

— Я не могу такъ, господинъ корнетъ.

— Что значитъ „не могу"? Присѣдайте!

— Я усталъ, господинъ корнетъ.

— Я тоже усталъ!.. Присѣдайте!

— Я не могу, господинъ корнетъ

— Опять „не могу"! Присѣдайте!

Приказаніе корнета было невозможно исполнить: сугубый былъ замученъ.

— Вы не хотите повиноваться?—спросилъ мрачно корнетъ.

Сугубый молчалъ. Лицо его выражало явное страданіе.

— Вы, можетъ быть, хотите отчислиться?

— Такъ точно, господинъ корнетъ.

— Сегодня же подать докладную! Здѣсь вамъ не богадѣльня!..

— Слушаю, господинъ корнетъ.

— Гуляйте!..

Корнетъ отправился выискивать себѣ новыя жертвы, а сугубый со слезами на глазахъ ушелъ шатающейся походкой въ свою камеру и написалъ докладную записку объ отчисленіи отъ училища.

Въ десять часовъ прозвучалъ сигналъ. Всѣ вновь принятые явились въ одинъ залъ для разбивки по эскадронамъ и взводамъ. Въ присутствіи начальника училища, инспектора классовъ и смѣнныхъ офицеровъ сугубые, построенные по ранжиру въ двѣ шеренги на каждой длинной сторонѣ зала, были разбиты по жребію

на эскадроны: на каждой сторонѣ зала первая шеренга попала въ первый эскадронъ, вторая—во второй; на другой сторонѣ—наоборотъ. Тотъ и другой эскадронъ раздѣлили на четыре взвода. По раздѣленіи на взводы, офицеры стали назначать сугубымъ учителей—дядекъ изъ юнкеровъ старшаго класса. Почти на каждаго учителя пришлось по два сугубца. Племяши обязывались во всемъ слушаться своихъ дядекъ и учиться отъ нихъ внутреннему распорядку и обиходу училищной жизни. Дядька же обязывался покровительствовать племяшамъ и заботиться о нихъ. Отвѣтственность за проступки племяшей возлагалась на дядьку...

„Генералъ“ Жаковъ,—немного выше средняго роста, черноватый, смуглый, съ очень низенькой, почти незамѣтной, благодаря мягкости волосъ, прической, съ черненькими усиками на продолговатомъ лицѣ, съ темно-сѣрыми, слегка выпуклыми глазами,—подошелъ къ своимъ племяшамъ—ко мнѣ и кадету Чениковскому, подалъ намъ руку и негромко сказалъ: „Генералъ Жаковъ. А какъ ваша фамилія?“

— Анцигинъ.

— А ваша?

— Чениковскій.

— Познакомьтесь.

Мы пожали другъ другу руки.

— Ну вотъ. Я вашъ учитель. Вы обязаны меня слушать. Что вамъ понадобится,—обращайтесь ко мнѣ. Ну вотъ. Я вашъ дядька. Но называть меня вы должны „ваше превосходительство“, потому что я—генералъ. Ну вотъ. Называть меня дядькой или иначе вы не смѣйте. Вы можете называть меня только „ваше превосходительство“ или „господинъ генералъ“. Ну вотъ. Если васъ спроситъ кто-нибудь изъ корнетовъ, кто вашъ дядька, вы говорите: „генералъ Жаковъ“... Ну вотъ. Теперь идите сюда. Здѣсь вы будете спать. Вы по эту сторону, а вы по эту. Я—въ рединѣ. Ну вотъ.

Въ камерѣ начали раздавать „инструкцію для юнкеровъ N-скаго кавалерійскаго училища“.

— А у васъ еще нѣтъ инструкцій? — спросилъ „генералъ“ Жаковъ.

— Нѣтъ, господинъ генералъ,—сказалъ я.

— „Нѣтъ“ вы не можете сказать. Вы должны сказать: „Никакъ нѣтъ“. „Да“—тоже не можете сказать, а должны сказать: „такъ точно“. Если чего-либо вы не знаете, вы не можете сказать: „не знаю“, а должны сказать: „не могу знать“. Ну вотъ. Послѣ своихъ отвѣтовъ вы должны прибавлять, смотря по тому, кто съ вами говоритъ: „ваше превосходительство“ или „ваше высокоблагородіе“ или просто „благородіе“. „Высокородіе“ не нужно говорить. Это говорится только гражданскимъ чинамъ. Ну вотъ. Теперь я принесу вамъ инструкціи.

Генералъ Жаковъ принесъ инструкціи и сказалъ:

— Понятно, всего изъ инструкціи вы не узнаете, поэтому обращайтесь ко мнѣ. Ну вотъ. Всѣмъ корнетамъ своего взвода вы должны явиться. Не дожидайтесь приглашеній. Будетъ хуже. Вмѣсто „прикомандированный къ дивизіону" нужно теперь вамъ говорить: „прикомандированный къ 4-му взводу 2-го эскадрона". Ну вотъ. Всѣхъ корнетовъ вы должны знать по фамиліи. Сначала вы должны запомнить корнетовъ своего взвода. Въ нашемъ взводѣ одинъ генералъ-отъ-кавалеріи—Триховскій, два генерала,—я и генералъ Кертановичъ,—три маіора—Угаровъ, Тутошьянцъ и Баркъ; остальные — корнеты. Одинъ уставникъ—казакъ Обуховъ. Ему не надо отдавать чести. Ну вотъ.

Въ дверяхъ камеры показался полный, небольшого роста, корнетъ съ круглой головой. Мы вскочили и вытянулись.

— Садитесь,—сказалъ генералъ.—Когда вы разговариваете съ генераломъ, предъ корнетами и маіорами вставать не надо. Ну вотъ. Значитъ, когда я съ вами говорю, вставать не надо. Это вошелъ корнетъ Теняшевъ. Ну вотъ. Постепенно вы должны запомнить всѣхъ офицеровъ школы. Ну вотъ. Вамъ надо знать всѣ кавалерійскіе полчки, кто шефъ, гдѣ стоянка и какая форма. Если вы не будете знать полчки, васъ будутъ здорово грѣть. Ну вотъ. Теперь учите инструкцію... Когда дочитаете до правилъ относительно сбереженія лошади, скажите мнѣ. Я васъ буду спрашивать. Ну вотъ.

Послѣ обѣда четвертый взводъ повели къ каптенармусу, который переодѣлъ насъ въ форму училища. Мы надѣли рубашки защитнаго цвѣта, прицѣпивъ къ нимъ старые, измятые погоны съ почернѣвшимъ галуномъ, синіе рейтузы и неуклюжіе сапоги безъ шпоръ. Благодаря всему этому, мы пріобрѣли грязновато-неуклюжій, „сугубый" видъ, рѣзко отличаясь отъ корнетовъ, щеголявшихъ въ собственной одеждѣ.

Переодѣвшись, я взялъ въ обѣ руки снятую штатскую одежду и вышелъ изъ кладовой каптенармуса. Чтобы попасть въ свою камеру, мнѣ предстояло пройти еще одну. Путь былъ недалекъ. но на пути было два порога. Торопясь положить свои вещи въ столикъ, я быстро перешагнулъ первый порогъ и уже намѣревался было перейти и второй. Одинъ моментъ—и я былъ бы въ своей камерѣ.

— Что вы, сугубый!—закричалъ вдругъ корнетъ, койка котораго была первой отъ двери.—Назадъ! Черезъ порогъ прыжочкомъ.

Я вернулся назадъ и перескочилъ порогъ.

— Пожалуйте сюда! Черезъ порогъ прыжочкомъ!

Я еще разъ перескочилъ порогъ и остановился передъ корнетомъ.

— Ручки на бедра! Присѣдайте! Черезъ порогъ нельзя шагать. Надо прыжочкомъ, распущенный!

Я присѣдалъ, держа около бедеръ руки, обремененныя снятой

одеждой; краснѣлъ и закусывалъ губы. Я чувствовалъ, что ужасно смѣшонъ, негодовалъ, оскорблялся и со злостью смотрѣлъ на своего мучителя—почти безусаго блондина, съ безцвѣтнымъ и полнымъ бабьимъ лицомъ.

— Присѣдайте, присѣдайте! Обновите формочку! — говорилъ онъ, полулежа на своей койкѣ.

— Господинъ корнетъ! Разрѣшите мнѣ отнести вещи,—сказалъ я, наконецъ, чувствуя, что ноги мои начинаютъ подкашиваться.

— Отнесите. Сами приходите опять. Черезъ порогъ прыжочкомъ!

Я отнесъ свои вещи и вновь явился передъ корнетомъ.

— Вы, можетъ быть, полчки знаете? 13-й гусарскій?

— Не могу знать, господинъ корнетъ. Я знаю только десять гусарскихъ.

— 13-й гусарскій Нарвскій Его Императорскаго Королевскаго Величества императора Германскаго короля Прусскаго Вильгельма II полкъ. Стоянка г. Сѣдлецъ. Полковникъ Лазаревъ Повторите!

Я повторилъ.

— А какъ моя фамилія?

Я не зналъ.

— Вращайтесь и говорите. Глѣбъ... вращайтесь... Ивановичъ... вращайтесь... Юнцовъ... вращайтесь... Глѣбъ Ивановичъ... Юнцовъ.. Стой, равняйся, стой! Вы, можетъ быть, знаете, что такое наука? Скажите...

— Наука есть собраніе всѣхъ свѣдѣній, добытыхъ человѣчествомъ путемъ опыта и умозрѣнія.

— Ничего подобнаго! Наука есть абстракція феноменальной глупости. Ну, быть можетъ, знаете, что такое математика?

— Такъ точно, господинъ корнетъ. Математика есть наука, изучающая свойство величинъ.

— Ничего подобнаго! Математика есть умственное непотребство! Что же вы ничего не знаете?! Можетъ быть, вамъ извѣстно, что такое прогрессъ?

— Никакъ нѣтъ, господинъ корнетъ.

— Прогрессъ есть контактная экзибуція циркулярныхъ новаторовъ, тенденція, кульміоранція индивидуумовъ, соціалъ-демократовъ, студентовъ, гимназистовъ, реалистовъ и прочей сволочи. Повторите! Не можете? Вращайтесь при каждомъ словѣ и говорите за мной... Прогрессъ... есть...

Корнетъ Юнцовъ повторилъ опредѣленіе прогресса и прибавилъ:—Поставьте адскую точку.

Я зналъ уже, что такое „адская точка". Я присѣлъ на носки и прыгнулъ вверхъ, но покачнулся назадъ и, чтобы не опрокинуться, сдѣлалъ назадъ маленькій прыжокъ.

— Зачѣмъ вы ставите запятую? — закричалъ корнетъ. — Поставьте адскую точку.

Я поставилъ, наконецъ, „адскую точку".

— Повторите, что такое прогрессъ!

Я повторилъ слово въ слово всю галиматью и поставилъ „адскую точку".

— Напра-во!.. Полуоборотъ налѣ-во! Кругомъ! Полуоборотъ налѣ-во!.. Кру-гомъ!.. Присядьте! Прыжочекъ кверху!.. Стой, равняйся, стой! Кто у насъ командиръ перваго эскадрона?

— Не могу знать, господинъ корнетъ.

— Какъ! Вы второй день въ училищѣ и еще не знаете офицеровъ?! Командиръ перваго эскадрона полковникъ N... Чѣмъ онъ замѣчателенъ?

Я не зналъ.

— Вращайтесь и говорите за мной. Командиръ... перваго... эскадрона... полковникъ... N... замѣчателенъ... тѣмъ... что... у него... есть... дочь... Маруся... Поставьте адскую точку. Запомнили? Повторите.

Я повторилъ. Такимъ же точно манеромъ я узналъ, что и полковникъ второго эскадрона замѣчателенъ тѣмъ, что у него есть дочь Нина.

— Направо, налѣво, налѣво, направо, на сто восемьдесятъ, на триста шестьдесятъ,—быстро проговорилъ корнетъ Юнцовъ.

Я сдѣлалъ всѣ повороты.

— Гуляйте! Черезъ порогъ прыжочкомъ!

Я перепрыгнулъ черезъ порогъ и очутился въ своей камерѣ. Генералъ Жаковъ лежалъ на постели и читалъ романъ.

— Ваше превосходительство! Разрѣшите сѣсть,—сказалъ я.

— Садитесь.

Я принялся за инструкцію, тяжело вздыхая отъ усталости и отъ тѣхъ познаній, которыя пріобрѣлъ у корнета Юнцова. Черезъ минуту я рѣшилъ напиться воды. Спросивъ позволенія его превосходительства, я пошелъ по камерѣ, въ которую вошли въ тотъ моментъ два юнкера.

— Обновите-ка форму, сугубый!—сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, останавливаясь.

— Я уже обновлялъ, господинъ корнетъ.

— Еще обновите! Вы знаете мой чинъ? Кто я такой?

— Господинъ корнетъ.

— Выше!

— Господинъ маіоръ.

— Выше!

— Господинъ полковникъ.

— Выше!

— Господинъ генералъ.

— Выше! Вы не знаете, кто выше генерала?

— Господинъ портупей-юнкеръ.

— Да, да! Господинъ портупей-юнкеръ! Вы еще не знаете портупей-юнкера своего взвода! Вы мнѣ еще не являлись?

— Никакъ нѣтъ, господинъ портупей-юнкеръ.

— Явитесь!

Я отправился подальше отъ портупей-юнкера, повернулся кругомъ и подошелъ на пять шаговъ.

— Господинъ портупей-юнкеръ! Разрѣшите явиться!

— Громче! Не слышу...

— Господинъ портупей-юнкеръ! Разрѣшите явиться!

— Не слышу!...

— Господинъ портупей-юнкеръ! Разрѣшите явиться! — заоралъ я, наконецъ, во все горло.

— Осмѣльтесь!

Я сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Господинъ портупей-юнкеръ!! Окончившій курсъ П-ской частной гимназіи Анцигинъ является по случаю прикомандированія къ четвертому взводу второго эскадрона юнкеровъ N-скаго кавалерійскаго училища!!

— Такъ вы изъ П...?—изволилъ спросить портупей-юнкеръ.

— Такъ точно, господинъ портупей-юнкеръ,—отвѣтилъ я и нечаянно при этомъ кивнулъ головой.

— Поклончики!—закричалъ портупей-юнкеръ.—Пора ужъ позабыть штатскія привычки! Второй день въ училищѣ! Руки-вверхъ! Бѣгъ на мѣстѣ—маршъ!

Поднявши руки кверху, я бѣгомъ затоптался на мѣстѣ.

— Выше ножки! Побѣгайте въ г. П..! Скажите мнѣ, когда вы добѣжите до П...

— Слушаю, господинъ портупей-юнкеръ,—отвѣтилъ я, бѣгая на мѣстѣ.

Прошло пять минутъ. Я ужъ начиналъ уставать, а города П... все еще не было видно.

— Сколько еще верстъ осталось?—поинтересовался портупей-юнкеръ.

— Около двухсотъ—господинъ портупей-юнкеръ.

— Черезъ какой городъ или мѣстечко вы пробѣгаете сейчасъ, сугубый?

— Черезъ городъ Л.., господинъ портупей-юнкеръ.

У меня начиналъ ужъ струиться по лицу потъ.

— Сколько еще осталось верстъ?—спросилъ черезъ минуту портупей-юнкеръ.

— Пятьдесятъ верстъ, господинъ портупей-юнкеръ,—отвѣтилъ я, едва переводя духъ.

— Что-то вы ужъ очень скоро бѣжите... давно-ли было двѣсти...— усумнился портупей-юнкеръ, строго смотря на меня.

— Такъ точно, господинъ портупей-юнкеръ, скоро бѣгу,—увѣ-

рилъ я и черезъ минуту сказалъ, остановясь: „Добѣжалъ, господинъ портупей-юнкеръ“.

— Очки, батенька, втираете!

— Никакъ нѣтъ, господинъ портупей-юнкеръ, добѣжалъ до П...

Портупей-юнкеръ пытливо посмотрѣлъ на меня, точно въ самомъ дѣлѣ стараясь опредѣлить, не вру-ли я.

— А вы знаете, какъ моя фамилія?

— Не могу знать, господинъ портупей-юнкеръ.

— Присѣдайте до тѣхъ поръ, покуда не узнаете.

Въ камеру вошелъ „генералъ-отъ-кавалеріи“ Триховскій, блондинъ съ голубыми глазами.

— У кого вы присѣдаете?—спросилъ онъ меня.

— У господина портупей-юнкера, господинъ корнетъ.

— Я не корнетъ, я—генералъ-отъ-кавалеріи Триховскій,—сказалъ онъ, улыбаясь глазами.

— Простите, ваше превосходительство.

— Ничего, ничего. Только надо привыкать. За что же вы это присѣдаете?

— За то, что не знаю фамиліи господина портупей-юнкера, ваше превосходительство.

— Петровъ... Портупей-юнкеръ Петровъ.

Я съ благодарностью взглянулъ въ голубые глаза генерала.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство.

„Генералъ“ кивнулъ головой и отошелъ. Вскорѣ портупей-юнкеръ обернулся въ мою сторону.

— Господинъ портупей-юнкеръ! Разрѣшите доложить!

— Докладывайте!

— Господинъ портупей-юнкеръ! Ваша фамилія—Петровъ.

— Да, да! Портупей-юнкеръ Петровъ! Давно бы такъ... Гуляйте!

Я возвратился къ своей койкѣ и, видя, что генерала Жакова нѣтъ, сѣлъ на койку Чениковскаго. Его почему-то мало цукали, но тѣмъ не менѣе онъ, глядя на чужія страданія, становился все угрюмѣе и угрюмѣе. Мысль объ отчисленіи отъ училища уже не разъ приходила ему въ голову.

— Вы раньше ничего не знали о цукѣ?—спросилъ онъ меня.

— Могъ ли я даже преополагать что-либо подобное! заговорилъ я, волнуясь,—я въ своей жизни былъ оскорбленъ и униженъ много разъ, но никогда еще не испытывалъ чувства человѣка, стоящаго у позорнаго столба... Здѣсь испытываю и это.

— А послѣ присяги, говорятъ, будетъ еще хуже, — грустно промолвилъ Чениковскій.—Теперь хоть отчислиться можно... Какая все это, въ сущности, глупая и безобразная комедія... Жалко солдатъ, которые будутъ во власти этихъ господъ... Ужъ если съ нами они обращаются такъ жестоко...

— „Генералъ“ идетъ...

Мы вскочили и вытянулись.

— Садитесь,—проговорилъ генералъ, ложась на постель и раскрывая романъ.

— Строиться!—вдругъ закричалъ вошедшій корнетъ.—Рысью!

— Возьмите полотенца,—сказалъ намъ генералъ,—вы пойдете въ баню.

Наскоро схвативши полотенцы и „фуражементы“ и не успѣвши взять ни мыла, ни губки, сугубцы выскочили въ залъ и построились. Корнеты прогуливались, какъ всегда, вдоль строя, дѣлая замѣчанія или поправляя сугубымъ „фуражементы“ и пояса.

— Когда пойдете по улицамъ, на женщинъ не засматриваться, звѣри!—говорилъ портупей-юнкеръ Петровъ, осматривая, хорошо-ли затянуты пояса у сугубыхъ.—Подтянитесь, мохнатый! Что вы, какъ беременный!

— Проходя мимо мясныхъ рядовъ и колбасныхъ, зубами не щелкать, хвостатые,—объявлялъ корнетъ Сысоевъ.

— Довольны-ли вы нашимъ училищемъ, сугубый?—отнесся ко мнѣ корнетъ Тетяшевъ.

— Никакъ нѣтъ, господинъ корнетъ.

— Что!? Вы недовольны?!—съ ужасомъ проговорилъ корнетъ. Чѣмъ же вы недовольны?

— Цука̀ньемъ, господинъ корнетъ!

— Какъ! Что вы говорите!

Корнетъ даже присѣлъ отъ ужаса.

— Я привыкъ говорить правду, господинъ корнетъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ будетъ отвратительно жить въ училищѣ. Вамъ надо отчислиться! Напрасно вы надѣли форму! Уѣзжайте изъ училища!

Вѣсть, что какой-то сугубый недоволенъ цуканьемъ, моментально облетѣла корнетовъ. Подходили посмотрѣть на недовольнаго „звѣря“. Одни молча разглядывали меня, другіе спрашивали.

— Это вы недовольны цуканіемъ? Хотите отчислиться? Отчисляйтесь, отчисляйтесь! Намъ такихъ, какъ вы, не надо!

— Въ прошломъ году были такіе же, какъ вы, и тоже въ четвертомъ взводѣ! Слава Богу, выжили! И васъ выживутъ! Вы мнѣ повѣрьте,—сказалъ другой.

— Сегодня же послѣ зори подать мнѣ докладную объ отчисленіи!—крикнулъ маіоръ Штаркъ, только что выпущенный изъ карцера.—Слышите!?

Я молчалъ.

— Слышите?! Сегодня же послѣ вечерней зари явитесь ко мнѣ и подайте докладную объ отчисленіи!—грозно повторилъ „маіоръ“.— Вы понимаете?!

Я продолжалъ молчать.

— Кто у васъ дядька?—спросилъ корнетъ Юнцовъ.

— Генералъ Жаковъ, г. корнетъ.

Наконецъ, раздалась команда и мы пошли въ баню.

На вечерній чай и на ужинъ сугубцы четвертаго взвода уже не шли по-человѣчески, а, присѣвши на корточки, дѣлали, какъ лягушки, маленькіе прыжочки въ то время, какъ правый флангъ спускался по лѣстницѣ. Проклиная въ душѣ корнетство, сугубцы четвертаго взвода скакали до лѣстницы, гдѣ поднимались на подкашивающіяся ноги, такъ какъ прыганье дальше становилось невозможнымъ.

Передъ вечерней зарей одинъ изъ сугубыхъ возмутился грубымъ и жестокимъ обращеніемъ благороднаго корнета и заявилъ, что поведеніе корнета задѣваетъ его самолюбіе. „Задѣвать же самолюбіе“ сугубаго считалось по „традиціи“ проступкомъ, за который самъ корнетъ подвергался „наказанію“: его лишали на нѣкоторое время черезъ посредство корнетскаго комитета права цукать сугубцевъ. Но гдѣ находилась та граница, за которую корнетъ не могъ переходить безнаказанно, такъ какъ за ней слѣдовало ужъ безусловное самодурство,—едва ли кто зналъ... Слезы душили сугубаго, а благородный корнетъ продолжалъ издѣваться, не подозрѣвая, что уже давно переступилъ границу нормальной безнаказанности...

Какъ только сугубый заявилъ о своемъ самолюбіи, тотчасъ же корнеты толпами стали приходить и смотрѣть, что это за сугубый „звѣрь“, у котораго пострадало самолюбіе.

— У кого тутъ самолюбіе задѣто?! Это у васъ, сугубый, самолюбіе задѣто?—кричалъ портупей-юнкеръ Петровъ.

— Отчисляйтесь! Торопитесь, а то послѣ присяги въ полчокъ поѣдете!—сказалъ корнетъ Емельяновъ.—Отправляйтесь въ пѣхотное училище, тамъ не цукаютъ.

Послѣ вечерней зари и гимнастики сугубцы раздѣлились и легли спать. Въ окна камеры смотрѣла полная луна.

— Сугубцы,—крикнулъ вдругъ портупей-юнкеръ Петровъ,—выть на луну!

Сугубцы приподнялись съ постелей, оперлись на руки, уставились въ окна и завыли дикими голосами. Вой, кажется, понравился благороднымъ корнетамъ; они изволили слушать его нѣсколько минутъ.

— Чихайте всѣ!—заключилъ неожиданно портупей-юнкеръ.

— Апчхи!—раздалось на разные голоса.

Спустя минутъ десять, всѣ спали.

III.

Наступило 1-ое сентября. Утромъ около восьми часовъ мы были построены и отведены въ училищную церковь, гдѣ былъ отслуженъ въ присутствіи начальника и всѣхъ офицеровъ учили-

ща торжественный молебенъ, на которомъ священникъ сказалъ прочувствованную рѣчь. Послѣ молебна оба эскадрона юнкеровъ были выстроены фронтомъ передъ церковью, чтобы принять обычное въ такихъ случаяхъ привѣтствіе начальника. Потомъ всѣ пошли на лекціи въ самый храмъ науки или, по здѣшнему, въ капониръ, находившійся вблизи церкви, отдѣльно отъ эскадронныхъ помѣщеній.

Сугубцы и „маіоры“ обоихъ эскадроновъ для классныхъ занятій были раздѣлены на четыре отдѣленія (по два отдѣленія въ эскадронѣ). Каждое отдѣленіе составлялось изъ двухъ неполныхъ, вслѣдствіе отсутствія корнетовъ, взводовъ, которые разъединялись для строевыхъ занятій и назывались смѣнами.

Прибывши въ училище, седьмая и восьмая смѣны, т.-е. маіоры и сугубцы третьяго и четвертаго взводовъ 2-го эскадрона, направились къ классу, имѣвшему надпись: „Четвертое отдѣленіе I-го класса“. Мы вошли въ этотъ классъ и, быстро разобравъ парты, тотчасъ же усѣлись, такъ какъ въ этотъ моментъ горнистъ проигралъ, какъ я потомъ узналъ изъ инструкціи, сигналъ „садиться на коней“.

— Встать! Смирно!—вдругъ прокричалъ оказавшійся въ седьмой смѣнѣ „маіоръ“ Магерлей, сердце котораго передъ экзаменомъ по артиллеріи уподобилось сердцу рябчика передъ выстрѣломъ.

Мы вскочили. Въ классъ торопливо вошелъ офицеръ и, назвавши по фамиліямъ двухъ сугубцевъ изъ той и другой смѣны, объявилъ, что они назначаются въ смѣнахъ старшими, долженствующими наблюдать за порядкомъ и командовать нами.

Тотчасъ по уходѣ офицера выскочилъ изъ-за парты маіоръ Баркъ, юнкеръ невысокаго роста, худощавый, но плотный, съ гладко остриженной русой головой, съ еле замѣтными усиками на кругломъ и блѣдномъ, слегка веснущатомъ лицѣ.

— Смотрите, сугубые,—приказалъ онъ:—больше семерки никому не получать. Маіоръ самъ учится только на семерку.

Затѣмъ онъ поднялъ съ брезгливой гримасой двумя пальцами за уголокъ развернутую тетрадь, на страницахъ которой были замѣтны какія-то черточки...

— Чихайте на тетрадку, сугубцы!—крикнулъ маіоръ, слегка потряхивая тетрадь.

— Апчхи!

— Всѣ чихайте!

— Апчхи!! Апчхи!!

— А вы почему не чихаете? Не желаете?—закричалъ маіоръ на сугубца, сидѣвшаго спокойно.

— Я уставникъ, господинъ маіоръ, — проговорилъ сугубый, вставая.

— Казакъ?

— Такъ точно, господинъ маіоръ.

— Какъ ваше заглавьице?

— Кулаховъ, господинъ маіоръ,

— Садитесь...—процѣдилъ маіоръ брезгливо.

— Скажите мнѣ, что такое казацкая папаха?—спросилъ маіоръ Магерлай, въ свою очередь презрительно взглянувъ на уставника Кулахова и указалъ пальцемъ на одного изъ сугубыхъ.

Сугубый не зналъ или, можетъ быть, постѣснялся. Маіору самому пришлось сказать опредѣленіе казацкой папахи. Выраженіе было грубо-непристойно и цинично. Казакъ Кулаховъ вспыхнулъ.

—Я казакъ! Я возмущаюсь!—крикнулъ онъ, вскакивая съ мѣста.

— Что вы тутъ смѣете заявлять? — заоралъ, побагровѣвъ, маіоръ Магерлай.

Послѣдовалъ страшный шумъ. Казакъ горячился. Набѣжавшіе изъ коридора корнеты, узнавъ въ чемъ дѣло, чуть не съ кулаками тянулись къ „уставнику“. Сцена могла бы закончиться свалкой, но въ этотъ моментъ въ коридорѣ показался офицеръ, идущій на лекцію. Лишніе корнеты выбѣжали изъ класса, остальные мгновенно стихли, и маіоръ Магерлай, вытянувшись, крикнулъ при входѣ офицера: „Встать! Смирно!.. Ваше высокоблагородіе, по списку юнкеровъ четвертаго отдѣленія I-го класса тридцать три, два въ околодкѣ [1]), три отчисляется, на лицо двадцать восемь“.

— Садитесь,—проговорилъ полный, коренастый офицеръ, выслушавъ рапортъ, и, неторопливо подошедши къ столу, немедленно началъ вступительную лекцію. Не касаясь пока конно-сапернаго дѣла, которое онъ долженъ былъ читать намъ, онъ говорилъ о товарищескихъ отношеніяхъ, которыя должны объединять юнкеровъ. Увы! Теорія была очень далека отъ традиціонной практики. Симпатичный офицеръ, зная, очевидно, о порядкахъ, существующихъ въ училищѣ, пытался, повидимому, нѣсколько ободрить сугубцевъ.

— Помните,—говорилъ онъ,—что вы пришли въ *свое* училище, гдѣ не должно быть ничего вамъ чужого, ничего враждебнаго...

Увы — мы, наоборотъ, чувствовали, что окружены атмосферой враждебности и издѣвательства...

Затѣмъ онъ перешелъ къ другимъ вопросамъ школьнаго поведенія, когда послышался сигналъ, означавшій „спѣшиться“.

— Встать! Смирно!—закричалъ „маіоръ“ Магерлай, когда офицеръ направился къ выходу.

Прослушавъ еще двѣ лекціи, мы къ 12 часамъ пришли изъ „капонира“ въ эскадронныя помѣщенія на завтракъ, послѣ котораго немедленно начались строевыя занятія.

Наша смѣна была приведена сначала въ гимнастическій залъ, гдѣ подъ руководствомъ офицера каждый въ отдѣльности учился садиться на деревянную лошадь и правильно держаться на ней.

За этимъ послѣдовалъ пѣшій строй или такъ называемая вы-

---

[1]) Больница при училищѣ.

правка. Передъ началомъ выправки одинъ юнкеръ нашей смѣны подалъ смѣнному офицеру докладную объ отчисленіи.

Офицеръ, на лицѣ котораго было спокойное и доброе, почти отеческое выраженіе, пристально посмотрѣлъ на юнкера.

— Почему вы отчисляетесь?

— Я перехожу въ казачье училище, ваше высокоблагородіе.

— Цукали, что-ли, васъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе... Я не могу внести реверса. [1]).

Офицеръ помолчалъ немного и затѣмъ спросилъ:—Никто больше не собирается отчисляться?

— Я, ваше высокоблагородіе,—заявилъ Чениковскій.

— Почему вы хотите отчисляться?

— По домашнимъ обстоятельствамъ, ваше высокоблагородіе...

Офицеръ ничего больше не сказалъ, но лицо его стало грустно.

По окончаніи часа, положеннаго на выправку, насъ привели на плацъ для вольтижировки и ѣзды.

Солдатъ привелъ высокую, полную лошадь, покрытую большимъ вольтижировочнымъ сѣдломъ съ двумя деревянными ручками на передней и кожаной ручкой на задней лукѣ, и сталъ гонять ее, держа на кордѣ, по кругу справа налѣво, галопомъ.

— Покажите Баркъ, что нужно дѣлать,—сказалъ офицеръ.

„Маіоръ" Баркъ вбѣжалъ въ кругъ, описываемый скачущей лошадью, и сталъ догонять ее, галопируя съ лѣвой ноги, подражая галопу лошади. Подбѣжавши къ лошади, онъ схватилъ за ручки сѣдла и, выбравъ удобный моментъ, прыгнулъ на лошадь.

— Возьмитесь правой рукой за заднюю ручку и перенесите правую ногу черезъ гривку,—сказалъ офицеръ.—Держитесь обѣими руками за переднія ручки. Вотъ такъ. Теперь прыгните на землю, не выпуская ручекъ, и, оттолкнувшись въ тотъ же моментъ отъ земли, вновь поднимитесь на лошадь... вотъ такъ. Теперь выбросьте правую ногу черезъ крупъ. Вотъ такъ. Довольно, Баркъ. Слѣдующій...

Когда каждый изъ насъ продѣлалъ все то, что показалъ „маіоръ" Баркъ, намъ привели лошадей для ѣзды. Выстроившись и сѣвши на лошадей, мы поѣхали одинъ за другимъ по кругу шагомъ. Въ это время къ намъ подошли корнеты нашего взвода. Офицеръ велѣлъ имъ нацѣпить къ каждой лошади корды и идти рядомъ съ лошадью.

— Сбросьте стремена! Повода завяжите на шеѣ лошади,—сказалъ намъ офицеръ.—Руки въ стороны! Рысью! Ма-а-аршъ...

Ѣзда сугубства первые три дня сопровождалась корнетами, которые были очень этимъ недовольны.

---

[1]) 600 рублей,—въ обезпеченіе пріобрѣтенія лошади по окончаніи училища.

— Будете у меня работать, за то,что заставили „офицеровъ" бѣгать,—грозилъ вполголоса каждый корнетъ, оборачиваясь къ сугубому, за исключеніемъ „генерала-отъ-кавалеріи" Триховскаго, который сопровождалъ меня и заботливо поправлялъ мою посадку.

— Не гнитесь напередъ! Сядьте на сѣдалище! Держитесь крѣпче шлюзомъ. Локти къ тѣлу!—кричалъ почти безпрерывно смѣнный офицеръ, такъ какъ то тотъ, то другой сугубый сидѣли на разрѣзѣ или отворачивали колѣни отъ сѣдла.

— Разверните немного плечи, сидите свободно,—говорилъ мнѣ генералъ,—тяните пятку внизъ; шенкелями не держитесь... Не держитесь шенкелями! Только шлюзомъ... Колѣнками...

— Не гнитесь напередъ! Держитесь шлюзомъ и балансомъ Носки кверху! Носки не отворачивайте, они должны быть параллельны лошади!—кричалъ смѣнный офицеръ.—Не висѣть на поводу! Поводъ нужно брать, отдавать, брать, отдавать... Сидите свободнѣе! Опустите плечи!.. Очень устали?—спросилъ офицеръ корнетовъ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе—отвѣтилъ одинъ.

— Шагомъ! Ма-а-аршъ... Огладьте лошадей!

Мы потрепали лошадей по шеѣ. Вскорѣ мы выстроились и спѣшились. По возвращеніи послѣ ѣзды въ эскадронныя помѣщенія, сугубцамъ тотчасъ же пришлось „работать" за то, что изъ-за нихъ заставили „офицеровъ" бѣгать, хотя сами они устали съ непривычки не меньше.

Послѣ обѣда по камерамъ четвертаго взвода заскакала длинная вереница присѣвшихъ на корточки „звѣрей" перваго взвода.

— Встать, сугубцы!—крикнулъ намъ корнетъ Малеринскій.—Строй идетъ!

Мы стояли на вытяжку, пока „строй" скакалъ мимо насъ, и затѣмъ усѣлись за инструкцію. Одинъ только сугубый съ очками на носу съ глубокомысленнымъ видомъ смотрѣлъ вслѣдъ ускакавшему „строю".

— У васъ очень ученый видъ, сугубый!—сказалъ ему корнетъ Сысоевъ.—Вы, можетъ быть, хотите написать сочиненіе на тему: „Вліяніе луны на бараній хвостикъ"?

— Никакъ нѣтъ, господинъ корнетъ.

— А вы сядьте и напишите! Повторите тему.

— Вліяніе луны на бараній хвостикъ.

— Ну вотъ-съ! Возьмите бумажечку и напишите.

Дѣлать нечего. Сугубый сѣлъ за свой столикъ, взялъ бумагу и сталъ обдумывать, какъ бы ему „замотать" свое сочиненіе. Прошло полчаса.

— Ну, что же вы, сугубый? Написали?—спросилъ его корнетъ Сысоевъ.

— Никакъ нѣтъ, господинъ корнетъ. Обдумываю тему.

— Пишите скорѣе! Не нужно думать. Корнетъ не любитъ ждать.

Сугубый, увидѣвши, что ему не удастся отвертѣться, медленно вывелъ одну строчку. Корнетъ Сысоевъ куда-то удалился. Появился корнетъ Теняшевъ.

— Чѣмъ вы заняты, мохнатый?—спросилъ онъ сугубца, имѣвшаго ученый видъ.

— Пишу сочиненіе корнету Сысоеву, господинъ корнетъ.

— На какую тему?

— Вліяніе луны... а дальше я забылъ, какъ.

— Что вы, пернатый! Очки втираете! Пожалуйте сюда! Вы у меня вспомните, какая тема!

Сугубый отправился „работать". Черезъ десять минутъ съ него закапалъ потъ, и онъ вспомнилъ, какая тема. Пришелъ корнетъ Сысоевъ и съ ученаго сбѣжалъ второй потъ.

— Ну, жизнь!—пробормоталъ онъ, садясь, наконецъ, за инструкцію и вытирая очки. Онъ глубоко вздохнулъ и пустилъ нѣсколько трехъэтажныхъ словъ.

Ко мнѣ подошелъ корнетъ Юнцовъ и спросилъ:

— Изъ какихъ частей состоитъ шпора?

— Не могу знать, господинъ корнетъ.

— Шпора состоитъ изъ дужки съ прорѣзями, шенкеля и репейка со шпенькомъ. Поставьте адскую точку и повторите.

Я поставилъ адскую точку и повторилъ.

— Скажите мнѣ, какія масти лошадей въ гусарскихъ полчкахъ?

— Не могу знать, господинъ корнетъ.

— Въ нечетныхъ нумерахъ гусарскихъ полчковъ масть вороная, въ четныхъ сѣрая, кромѣ двѣнадцатаго гусарскаго Ахтырскаго, въ которомъ масть буланая.

Я поставилъ адскую точку и повторилъ.

— Мы, кажется, еще не знакомы,—проговорилъ корнетъ.— Явитесь мнѣ.

Я явился.

— Сдѣлайте сто присѣданій... Встаньте на табуретъ.

Я всталъ на табуретъ и началъ присѣдать, считая вслухъ. Когда я сдѣлалъ сто присѣданій, корнетъ Юнцовъ подалъ мнѣ руку и отпустилъ меня. Въ камеру вошелъ блѣднолицый корнетъ Емельяновъ. Онъ остановился предо мной.

— Здравствуйте, сугубый!—сказалъ онъ мнѣ.

— Здравія желаю, господинъ корнетъ!

Корнетъ вытащилъ изъ кармана фотографическую карточку и показалъ мнѣ.

На карточкѣ былъ самъ корнетъ Емельяновъ рядомъ съ какой-то женщиной.

— Скажите мнѣ имя любимой женщины?—спросилъ корнетъ неестественнымъ, слишкомъ повышеннымъ голосомъ.

Я взглянулъ на круглое, улыбающееся женское лицо.

— Марія, господинъ корнетъ,—отвѣтилъ я наудачу.

— Да, да! Откуда вы знаете?!

Корнетъ поднялъ ручку хлыста, который держалъ въ рукѣ, и показалъ мнѣ. На хлыстѣ было вырѣзано: „Маруся“.

— Какъ ея отчество?—продолжалъ корнетъ.

— Не могу знать, господинъ корнетъ.

— Васильевна... Фамилія? Mademoiselle?..

— Не могу знать, господинъ корнетъ.

— Mademoiselle Конышевская! Повторите, какъ имя любимой женщины корнета?

Я повторилъ.

— Спасибо за службу!—прокричалъ корнетъ дискантомъ.

— Радъ стараться, господинъ корнетъ!

— Садитесь! Садитесь...

Въ камерѣ появился „маіоръ“ Штаркъ. Его присутствіе всегда нѣсколько тревожило сугубцевъ, чувствовавшихъ къ нему невольную антипатію. Въ эту минуту вся фигура „маіора“, его грубые окрики показались мнѣ почти невыносимыми и мнѣ захотѣлось поскорѣе выбраться изъ камеры. Я взялъ свой пустой чемоданъ и пошелъ, чтобы, согласно приказанію вахмистра, снести его въ шинельную.

— Назадъ, распущенный!—крикнулъ мнѣ „маіоръ“ Штаркъ.— Когда вы проходите мимо офицеровъ, вы должны спрашивать разрѣшенія пройти! Бѣгъ на мѣстѣ—маршъ!

Я затоптался на одномъ мѣстѣ, чувствуя снова, что я смѣшонъ со своимъ чемоданомъ.

— Бѣгъ съ выбрасываніемъ прямыхъ ногъ впередъ!—скомандовалъ маіоръ.

Я сталъ „выбрасывать прямыя ноги впередъ“. Издавая глухіе звуки, чемоданъ билъ меня по колѣнямъ, напоминая мнѣ каждую секунду, каждымъ ударомъ, что я ничтожный, жалкій, хвостатый сугубецъ. Я почувствовалъ, что краска залила мнѣ лицо; чувство оскорбленія все росло. Я уже не былъ въ силахъ перенести свое душевное состояніе и остановился.

— Я не могу больше, господинъ маіоръ,—заявилъ я придушеннымъ голосомъ.

— Какъ не можете? Продолжайте!

— Я долженъ исполнить приказаніе господина вахмистра,— снести чемоданъ, господинъ маіоръ.

— Я вамъ приказываю бѣжать!

— Я долженъ исполнить приказаніе господина вахмистра!

— Идите къ вахмистру и скажите, что вы не желаете исполнять моихъ приказаній! Снесите свой чемоданъ и являйтесь сюда!

Я снесъ въ шинельную чемоданъ и явился къ вахмистру, которому ужъ было все извѣстно.

— Почему вы не хотѣли исполнить приказанія маіора?—тихо спросилъ онъ.

— Господинъ вахмистръ! Мнѣ было очень тяжело... Я не могу сверхъ силъ...

Голосъ мой оборвался, подбородокъ судорожно дрогнулъ и глаза мгновенно наполнились слезами.

— Стойте вольно,—сказалъ вахмистръ, мягко смотря на меня своими темными, красивыми глазами.—Что вы плачете?... Успокойтесь... Вы теперь уже не мальчикъ... Успокойтесь... Что они съ вами дѣлали?

— Они... издѣваются надо мной,—сказалъ я злобно.

— Ну, что вы, какъ можно такъ говорить!—слегка ужаснулся вахмистръ.—Если вамъ очень тяжело, то... отчисляйтесь или... переходите на уставъ...

— Господинъ вахмистръ! Перейти на уставъ—это значитъ навсегда порвать добрыя отношенія... а отчислиться я не могу.

— Почему вы не можете отчислиться?

— Мнѣ тяжело потерять содержаніе года... Внесенныя на содержаніе деньги по правиламъ не выдаются обратно...

— Ну, хорошо!.. Идите. Скажите, что вамъ вахмистръ приказалъ учить инструкцію. Васъ не будутъ трогать.

Я вернулся въ свою камеру, гдѣ „маіора“ Штарка уже не было, хотѣлъ взяться за инструкцію, но ко мнѣ подошелъ корнетъ Макаренко. Лицо его было сухо и сурово. Онъ увелъ меня въ сосѣднюю камеру и сказалъ:

— Стойте вольно... Скажите, что это вы дѣлаете.

— Я не могу сверхъ силъ, господинъ корнетъ...

Корнетъ пожалъ плечами.

— Переходите на уставъ! Тогда васъ никто не тронетъ. Но... Въ прошломъ году былъ такой случай. Одинъ изъ сугубыхъ, не вынесши цуканья, перешелъ на уставъ. И знаете, что съ нимъ потомъ было? Онъ сошелъ съ ума!

Я, какъ дитя, снова заплакалъ.

— Не плачьте!.. Развѣ это съ вами однимъ? А вы знаете, какъ мы „работали“? Вотъ спросите корнета Юнцова. Ему пришлось сдѣлать двѣ тысячи присѣданій. Онъ едва дошелъ до умывальника, гдѣ холодной водой отливалъ себѣ голову. А какъ работалъ корнетъ Малеринскій? Я? Корнетъ Сысоевъ?.. Вотъ вы говорите: „не могу! не могу!..“ но корнетъ самъ увидитъ, когда вы дѣйствительно не можете. Если вы упадете безъ чувствъ или отъ полнѣйшаго изнеможенія, онъ дастъ вамъ отдохнуть. Никогда не говорите, не смѣйте говорить корнету, что вы не можете... Работайте, а не можете—падайте! Мы работали гораздо больше вашего, а вѣдь вотъ

не умерли же!.. Вы теперь возмущаетесь цукомъ, а на слѣдующій годъ, если останетесь въ училищѣ, сами будете цука́ть; и всегда было такъ: кто больше всѣхъ возмущался, тотъ на слѣдующій годъ больше всѣхъ цукалъ... Вы думаете, начальникъ училища не знаетъ, что у насъ есть цуканье? Онъ намъ объ этомъ сказалъ цѣлую рѣчь, но прекратить цуканье, повѣрьте, онъ такъ же безсиленъ, какъ перевернуть вверхъ дномъ училище... Всѣ офицеры школы перенесли цуканье. Вы думаете, что офицеры противъ цуканья? А вы знаете, какого мнѣнія объ этомъ полковникъ Z..? А что сказалъ штабсъ-ротмистръ X., когда корнеты избили одного сугубца и онъ пошелъ жаловаться? Вы не знаете? Такъ я вамъ скажу. Онъ сказалъ корнетамъ: „Зачѣмъ вы его избили такъ, что онъ еще можетъ идти жаловаться?!.“ А? Какъ вамъ это понравится?.. Вы думаете, что цуканье не приноситъ вамъ пользы? Оно пріучаетъ васъ безпрекословно повиноваться; оно васъ лучше всего дисциплинируетъ. Сколько бы времени провозились съ вами смѣнные офицеры, чтобы дать вамъ настоящую военную выправку? Благодаря цуканью вы въ недѣлю становитесь военнымъ человѣкомъ. Въ одну недѣлю вы забываете всѣ ваши штатскія привычки! Сами благодарить будете!.. Вы знаете, какъ мы дружно разстались съ нашими старшими товарищами? Какъ мы съ ними по-пріятельски кутили? Вы бы не узнали, что тутъ старшіе и младшіе; вамъ бы показалось, что тутъ одна семья!.. А какъ они насъ встрѣтятъ, когда мы пріѣдемъ въ полкъ? А? Вы не знаете? Вы не знаете, какъ это цуканье воспитываетъ кавалерійскаго офицера! Какую даетъ выдержку!.. Да-съ... Вотъ вы перетерпите одинъ годъ, а на слѣдующій сами будете цука̀ть. Повѣрьте мнѣ, сами будете цука̀ть!

— Нѣтъ, господинъ корнетъ, я не буду цукать,—сказалъ я тихо, но твердо.

— Ну, идите...

Я перешелъ въ свою камеру, перешагнувши порогъ. Послѣ слезъ и этого разговора мнѣ было слишкомъ дико и неловко миновать порогъ прыжочкомъ.

— Что вы! Назадъ!—закричалъ корнетъ Макаренко.—Черезъ порогъ, вы знаете,—сугубый не можетъ шагать. Онъ долженъ его перескочить!.. Гуляйте!..

Я перескочилъ черезъ порогъ и очутился передъ его превосходительствомъ генераломъ Жаковымъ.

— Садитесь,—проговорилъ генералъ, съ ужасомъ глядя на меня.—Что вы тамъ дѣлаете? Мнѣ на васъ со всѣхъ сторонъ жалуются... Вчера вы заявили, что вамъ непріятно цуканье; сегодня не хотѣли повиноваться маіору Штарку... Что вы, Богъ съ вами! Васъ учатъ, учатъ, а вы ничего не хотите понять. Корнетамъ никогда ничего подобнаго не смѣйте заявлять! Слышите? Ну вотъ!

— Ваше превосходительство! Я...

— Ну вотъ, опять оправданія! Вы очень любите оправдываться,

по вы оставьте эту привычку! Никогда и ни передъ кѣмъ вы не оправдывайтесь! Что бы вамъ ни говорили, вы только слушайте. Ну вотъ! Вашего мнѣнія никто не спрашиваетъ... Ну вотъ... Теперь читайте инструкцію.

Генералъ немного подумалъ и обратился къ Чениковскому.

— А вы почему хотите отчисляться?

— Тяжело живется, ваше превосходительство,—отвѣтилъ, вскочивши, Чениковскій.

— Садитесь... Вы подумайте... Вамъ тяжело,—я понимаю. Дома вы ѣли сладкія булки, а здѣсь васъ заставили присѣдать. Ну вотъ. Это непріятно... Никто и не говоритъ, что пріятно... Ну вотъ... Мой совѣтъ—живите по традиціямъ. Васъ будутъ цукать, но вы старайтесь быть отчетливымъ. Ну вотъ. Тогда васъ меньше будутъ цукать... Ко всему прислушивайтесь. Когда услышите, что корнетъ что-либо спрашиваетъ, чего вы не знаете,—обращайтесь ко мнѣ. Ну вотъ! Учите полчки и формы. Знайте словесность. Напримѣръ, что такое верхъ быстроты? Вотъ вы не знаете. А что такое верхъ разсѣянности? Верхъ темноты? Верхъ воображенія и т. д.? Вотъ, опять не знаете... За это васъ будутъ здорово грѣть. Вы должны все это знать... Ну, что такое любовь?.. Что такое поцѣлуй? И опять вы не знаете!.. Что такое женская рубашка? Не знаете... А все это вы должны знать, разъ вы твердо рѣшили быть кавалерійскимъ юнкеромъ. Кавалерійскій юнкеръ долженъ быть живымъ и отчетливымъ... Ну вотъ! Теперь вы запомните все, что я вамъ скажу по словесности. Верхъ быстроты—плюнуть съ пятаго этажа, сбѣжать и поймать. Верхъ разсѣянности—пріятно провести время съ собственной женой и положить на столикъ три рубля. Верхъ темноты—у арапа въ желудкѣ послѣ чернаго кофе. Верхъ воображенія—влѣзть на дерево, приткнуть къ заду метлу и вообразить себя райской птицей...

Дальнѣйшія опредѣленія оказались не только глупыми, но и еще менѣе приличными.

Послѣ чая передъ вечерней зарей въ нашемъ эскадронѣ появился инспекторъ классовъ.

— Послѣ вечерней зари,—сказалъ онъ передъ строемъ,—чтобы никакихъ добровольныхъ и недобровольныхъ занятій гимнастикой не было! Въ гимнастическомъ залѣ послѣ вечерней зари чтобы не происходило никакихъ упражненій!

Послѣ зари, когда инспекторъ классовъ ушелъ, распущенные сугубцы снова были построены.

— Вы слышали, что сказалъ инспекторъ классовъ?—спросилъ одинъ изъ корнетовъ.—Онъ сказалъ, что послѣ вечерней зари должно заниматься гимнастикой. Повторите, сугубцы, что сказалъ инспекторъ классовъ!

— Господинъ инспекторъ классовъ,—повторили въ одинъ го-

лось сугубцы,—сказалъ, что послѣ вечерней зари должно заниматься гимнастикой.

— Гдѣ вы, пернатые, должны заниматься?

— Въ гимнастическомъ залѣ, господинъ корнетъ!

— На гимнастику!

Мы пошли на гимнастику, послѣ которой приказано было идти на подстилочки. Раздѣвшись и уложивъ одежду маленькими квадратиками, составившими пирамидку, сугубцы повыли на луну, сконфуженно смотрѣвшую въ окна на раздѣтыхъ сугубыхъ и, наконецъ, трижды чихнули. Застраховавшись такимъ образомъ отъ вреднаго вліянія луны, сугубцы окончательно улеглись на подстилочки.

Я долго не могъ уснуть. Дни, проведенные въ училищѣ въ качествѣ „хвостатаго звѣря“, вспоминались мнѣ, какъ годы, съ безконечной вереницей пережитыхъ впечатлѣній, быстро протекавшихъ въ разнообразномъ порядкѣ передъ моимъ умственнымъ взоромъ и снова задѣвавшихъ и волновавшихъ нервы. Злыя и оскорбительныя фразы корнетовъ, какъ горячіе угольки, прокатывались по сердцу, разжигая страшную тоску одиночества. И только воспоминанія о добромъ лицѣ и ласкающемъ голосѣ „генерала“ Триховскаго смягчали эту мрачную вереницу воспоминаній...

IV.

Такъ въ общихъ чертахъ моя „сугубая“ жизнь текла до 8-го сентября. Тѣмъ временемъ безотрадныя впечатлѣнія собрались въ душѣ, какъ тучи на небѣ передъ грозой; нервы, какъ туго натянутыя струны, стали болѣзненно чутки... Я не удивлялся больше, видя на щекѣ стыдливо отвернувшагося въ сторону двадцатилѣтняго сугубца тяжелую ползущую слезу, замѣчая въ однихъ глазахъ сдержанный гнѣвъ и безконечную ненависть, въ другихъ—тупую, безсмысленную покорность, въ третьихъ—исканье и подличанье...

...8 сентября былъ праздникъ и потому встали мы въ восемь безъ четверти, т. е. на полтора часа позднѣе, чѣмъ обычно.

Послѣ обѣдни праздные корнеты обратили все свое прилежаніе и вниманіе на дрессировку „звѣрей“.

Нѣсколько сугубцевъ, въ томъ числѣ и я, до обѣда были заняты бѣшенымъ галопированіемъ гуськомъ по залу то съ лѣвой, то съ правой ноги, вслѣдствіе чего наши „копытца“ заныли отъ чрезмѣрной усталости. Послѣ обѣда я пошелъ на лѣстницу или „махалку“, такъ какъ въ этотъ день наступила очередь сугубцевъ четвертаго взвода посмѣнно оберегать корнетство отъ неожиданнаго офицерскаго набѣга.

— Стойте здѣсь безотлучно и смотрите книзу,—сказалъ корнетъ мнѣ и другому сугубцу, уже стоявшему на верхней площадкѣ.—

Какъ только замѣтите, что по лѣстницѣ идетъ дежурный офицеръ, тотчасъ же бѣгите по эскадрону, вы—вправо, а вы—влѣво, и кричите: „Офицеръ!“ Когда вы стоите на махалкѣ, чести отдавать никому не нужно; даже если и самъ вахмистръ пройдетъ, все равно, стойте вольно. Смотрите внизъ безпрерывно. Впередъ очень не высовывайтесь, а то офицеръ васъ замѣтитъ и вамъ здорово попадетъ на орѣхи. Офицеры знаютъ про махалку и, когда вступаютъ на лѣстницу, загибаютъ голову кверху. Поэтому будьте осторожны!..

Около двухъ часовъ мы стояли и смотрѣли внизъ, изрѣдка перекидываясь немногосложными фразами. Живя въ училищѣ, мы понемногу отвыкали разговаривать. Корнетство очень рѣдко удостаивало насъ милостивыхъ разговоровъ, а между собой, если только представлялась возможность разинуть ротъ, мы говорили только о цуканьѣ...

Наконецъ, внизу лѣстницы мелькнули офицерскіе погоны. Мы разбѣжались по эскадрону вправо и влѣво, объявляя о шествіи дежурнаго офицера, и цуканье временно прекратилось.

Вернувшись въ свою камеру, я сѣлъ возлѣ Чениковскаго, который уже переодѣлся въ свою кадетскую форму.

— Васъ уже отчислили?—спросилъ я его.

— Почти что да... Жду окончательнаго разсчета съ училищемъ... Почему-то долго... Возвращаютъ всѣ почти деньги, внесенныя въ училище.. Вычтутъ лишь за нѣсколько сутокъ.

Въ этотъ моментъ корнету Малеринскому надоѣло лежать на кровати. Онъ поднялся и сталъ выбирать себѣ жертву. Взоръ его остановился на мнѣ.

— Сугубый Анцигинъ! Что это у васъ такой задумчивый видъ? Не нужно быть веселымъ, не нужно быть и грустнымъ! Пожалуйте сюда!! Скажите мнѣ, когда, кромѣ царскихъ дней, вальтрапъ надѣвается въ рукава?

— По большимъ праздникамъ, господинъ корнетъ!

Корнету стало весело. Онъ засмѣялся.

— А вы знаете, что такое вальтрапъ? Вальтрапъ—это сѣдельная подушка, съ которой вы скачете на паралелльные брусья! Видали? Ну вотъ! Какіе-жъ тутъ у ней рукава? Ну, а вотъ, скажите мнѣ, когда трамплинъ надѣвается въ рукава?

— Не могу знать, господинъ корнетъ.

— Тоже не знаете? Какъ же это вы такъ? А что такое трамплинъ? Трамплинъ—это деревянное возвышенье, съ котораго вы прыгаете черезъ кобылу! Поняли?

— Такъ точно, господинъ корнетъ.

— Присѣдайте!.. Зачѣмъ же такъ медленно? Поживѣе, поживѣе! Здѣсь вамъ не балаганъ! Работайте! Шенкеля разовьете! Хорошо будетъ ѣздить. Меня благодарить станете!..

Корнетъ отошелъ къ другимъ хвостатымъ; двумъ изъ нихъ

онъ поручилъ сочинить по письму къ своей любимой женщинѣ Лелѣ; прочихъ же сталъ экзаменовать по словесности.

Черезъ пять минутъ всѣ сугубцы, бывшіе въ камерѣ, заприсѣдали, а черезъ полчаса около каждаго образовались мокрыя пятна отъ капель сбѣжавшаго съ лица пота...

...Въ такихъ развлеченіяхъ прошло время до вечерней зари, когда передъ строемъ вышелъ представительный юнкеръ старшаго класса и, назвавши себя генераломъ Дмитріевымъ, приказалъ всюду и вездѣ, исключая махалки и клозетовъ, отдавать ему честь, потому что онъ— предсѣдатель корнетскаго комитета. Прошедши вдоль строя и показавши всѣмъ „звѣрямъ“ свою физіомію, генералъ Дмитріевъ объявилъ, что портной Фламендскій что-то позволилъ себѣ съ корнетствомъ, а потому—никому не смѣть что-либо у него заказывать. Вахмистръ, съ своей стороны, добавилъ, что тѣ изъ сугубцевъ, которые не будутъ знать всѣхъ кавалерійскихъ сигналовъ, не поѣдутъ въ отпускъ на Рождество. Затѣмъ, перекликнувши всѣхъ и прочитавши списокъ лицъ, назначенныхъ на дневальства и опредѣленныхъ къ аресту, вахмистръ приказалъ играть зарю.

Послѣ зари мы были разведены на гимнастику. Тамъ я, не разслышавъ какой-то команды портупей-юнкера Петрова, по причинѣ ужаснаго шума, царившаго въ гимнастической комнатѣ, долженъ былъ дѣлать гусиные прыжочки. Силы мои быстро истощались и, наконецъ, я почувствовалъ въ ногахъ страшное напряженіе. Я попробовалъ приподняться, чтобы хоть маленькой и кратковременной перемѣной положенія дать ногамъ отдохнуть; ноги мои подкашивались, и я долженъ былъ, приподнявшись, согнуть спину и схватиться за колѣни, чтобы уменьшить боль и не упасть.

— Что вы, что вы! Продолжайте! Гусиные прыжочки!

— Я не могу больше, господинъ портупей-юнкеръ.

— Что такое! Вы не имѣете права говорить слова „не могу“. Вамъ приказываютъ и вы должны исполнять! Продолжайте!

— Я усталъ, господинъ портупей-юнкеръ.

— Продолжайте! присядьте! Когда вы упадете безъ чувствъ, тогда будетъ видно, что вы не можете! Присядьте!

Я присѣлъ и сдѣлалъ черезъ силу еще нѣсколько прыжочковъ. То обстоятельство, что я долженъ былъ дѣлать неопредѣленное число гусиныхъ прыжочковъ, убило во мнѣ всякую энергію при истощенныхъ уже въ этотъ день силахъ. Конца своимъ мукамъ я не видѣлъ.

— Господинъ портупей-юнкеръ, я усталъ,—заявилъ я, приподнимаясь съ усиліемъ.

— Продолжайте!

— Господинъ портупей-юнкеръ! Разрѣшите отдохнуть.

— Отдохните. Присядьте, выставьте правую ногу впередъ...

— Господинъ портупей-юнкеръ! Такъ отдохнуть невозможно!

— Вы еще осмѣливаетесь разсуждать?! Прыжочки!

— Я усталъ, господинъ портупей-юнкеръ!

— Присядьте!—закричалъ онъ страшнымъ голосомъ.

Корнеты обступили меня.

— Что вы, сугубый!—крикнулъ „маіоръ" Баркъ.—Вы не желаете повиноваться взводному портупей-юнкеру, своему непосредственному начальнику!

Я молча и отчаянно смотрѣлъ въ глаза портупей-юнкера, не обращая рѣшительно никакого вниманія на окружившихъ меня корнетовъ и „маіоровъ"! Они съ гнѣвомъ повторяли свои крики, но я молчалъ.

— Присядьте!—крикнулъ еще разъ вышедшій изъ терпѣнія портупей-юнкеръ.

Я не двигался.

— Вы не желаете? Идите къ вахмистру!

— Что я долженъ заявить господину вахмистру?

— Что вы не желаете повиноваться портупей-юнкеру своего взвода!

Я пошелъ къ вахмистру въ сопровожденіи корнетовъ, съ ненавистью смотрѣвшихъ на меня и бранившихся. У вахмистра я не выдержалъ и горько заплакалъ. Когда я успокоился, вахмистръ отпустилъ меня. Возвращаясь въ свою камеру, чтобы немедленно улечься спать, по приказанію вахмистра, я повстрѣчался съ „генераломъ" Дмитріевымъ. Предсѣдатель корнетскаго комитета былъ уже увѣдомленъ о случившемся.

— Вы это что!? Вы хотите, чтобы васъ перевели на красное положеніе? Вы съ ума сойдете!.. На васъ жалобы сыплются мнѣ со всѣхъ сторонъ!

Предсѣдатель корнетскаго комитета пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе.

— За то, что вы осмѣливались возражать корнетству, вы будете послѣ присяги стоять десять дней подъ шашкой и будете мѣсяцъ безъ отпуска [1]).

Возвратившись въ камеру, я уткнулся лицомъ въ подушку.

— Я вамъ покажу, что значитъ не повиноваться портупей-юнкеру,—кричалъ между тѣмъ около меня „маіоръ" Баркъ, сходившій въ отпускъ и явившійся сильно выпившимъ. — Явитесь ко мнѣ завтра подъ шашку... Подъ шашкой будете стоять!.. Я вамъ покажу!..

— Ну, оставь его, Баркъ,—сказалъ корнетъ Емельяновъ.—Да оста-авь же! Ну, видишь онъ нездоровъ!.. Пойдемъ стсюда!

Корнетъ Емельяновъ увелъ разошедшагося пьянаго „маіора".

---

[1]) Младшіе юнкера начинаютъ ходить въ отпускъ только послѣ присяги, бывающей въ октябрѣ.

— Ложитесь скорѣе спать... — посовѣтовалъ мнѣ „генералъ“ Жаковъ.

Улегшись, я долго еще не могъ успокоиться...

. . . .

Проснувшись на утро, я обдумалъ свое сугубѣйшее положеніе и рѣшилъ отчислиться. Отработавъ за вчерашнее неповиновеніе портупей-юнкеру 600 присѣданій у корнета Макаренко, я написалъ докладную объ отчисленіи и заявилъ объ этомъ вахмистру. Вахмистръ грустно покачалъ головой и посовѣтовалъ подумать.

Рѣшеніе мое было безповоротно.

Надѣвши штатское платье, я перенесъ еще разъ градъ послѣднихъ насмѣшекъ и оскорбительныхъ замѣчаній. Указывая на меня, корнеты въ строю обращались къ близъ стоявшимъ товарищамъ моимъ и спрашивали, какого я полчка. Глядя въ сторону или въ полъ, сугубцы, краснѣя отъ своихъ словъ, но не рѣшаясь ослушаться, отвѣчали, что ихъ отчисляющійся товарищъ принадлежитъ къ такому-то (слѣдовала непристойность) штатскому полку. Я молча сносилъ послѣднія оскорбленія корнетства. Теперь они меня уже не задѣвали, тѣмъ болѣе, что милый „генералъ“ Триховскій скрасилъ и эти послѣднія впечатлѣнія, долго и дружески побесѣдовавъ со мной наканунѣ моего отъѣзда.

Прощаясь со мною, одинъ корнетъ меня поцѣловалъ; нѣкоторые пожимали мнѣ руки. Чувствовалось, что и въ этой средѣ есть люди, осуждающіе безобразную „традицію“, но безсильные бороться съ нею.

Григорій Домрачевъ.

Очерки соціальной исторіи Малороссіи [1]).

I. Возстаніе Богдана Хмельницкаго и его послѣдствія.

(Окончаніе).

Размѣръ судебныхъ штрафовъ не былъ установленъ никакими точными правилами и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлялся волей суда, точнѣе говоря—сотника или полковника. Въ полтавскомъ полку „за (при) пана Леонтія Черняка полковникуючого зыманый былъ Собко на богомерзкомъ дѣлѣ съ быдлиною, именно зъ шкапою (кобылой); и тогды врядови мѣскому платилъ вину належную, а панъ Червякъ тую жъ шкапу, зъ которою его, Собка, зловлено, взялъ за проступство оного" [2]). Въ 1674 г. сотенный урядъ м. Кереберды судилъ одного изъ жителей этого мѣстечка за „чужоложство" и, получивъ сознаніе обвиняемаго, обратился къ полковнику за „наукой", приложивъ при этомъ и реестръ „худобы" преступника. „Наука" полковника оказалась такова: „до двора полковничого взято за вину: воловъ пять, лошака и ручницу зъ рогомъ; а сотникъ Керебердянскій, зо всѣмъ тамошнимъ урядомъ, за позволенемъ полковниковымъ взялъ быковъ два, овецъ двадцать и двѣ и жупанъ синій; а остатокъ худобы его, проступцы, зоставленъ его дѣтемъ" [3]). Довольно разнообразны были и самые виды налагаемыхъ такимъ путемъ штрафовъ. Брались они деньгами, но брались также, и притомъ гораздо чаще, скотомъ, различными вещами домашняго обихода, земельными участками, даже мельницами,—смотря по достатку и характеру занятій осужденнаго. Если у приговореннаго

---

[1]) Окончаніе VII главы настоящей статьи не могло появиться въ предъидущей книжкѣ „Р. Богатства" по независѣвшимъ отъ редакціи и автора обстоятельствамъ. Рукопись статьи подверглась одной изъ тѣхъ административныхъ случайностей, которыми такъ богата теперь русская жизнь, и благодаря этому въ настоящей книжкѣ статью приходится начинать съ конца VII главы.

[2]) А. М. Лазаревскій, Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера, Х., 1898, приложенія, с. 62.

[3]) Тамже, 54.

къ штрафу не оказывалось ни денегъ, ни пригодныхъ для полковника вещей, ни земель, близкихъ къ землямъ послѣдняго, случалось, что мѣстный сотникъ уплачивалъ штрафъ въ пользу полковника изъ своихъ средствъ, а за это бралъ себѣ сѣнокосъ или пахатное поле осужденнаго [1]). И эта неопредѣленность вида и размѣра судебныхъ штрафовъ создавала опять-таки возможность злоупотребленій со стороны старшины, — возможность, которая недолго оставалась неиспользованной. „А кто козакъ или мужикъ упадетъ хотя въ малую вину,—разсказывалъ въ 1667 г. полтавскій полковой судья о дѣйствіяхъ мѣстнаго полковника Витязенка—и онъ, полковникъ, того человѣка животъ всѣ и лошади и животину емлетъ на себя... А приводитъ его, полковника, на всякое злое дѣло и на корысть и на грабленіе жена его полковникова да писарь его полковой; а онъ, писарь, и пуще полковника корыстуется и людей невинно грабитъ безъ остатку“ [2]).

Эти поборы и доходы, собиравшіеся старшиной съ населенія и повышавшіеся вмѣстѣ съ повышеніемъ ея власти, замѣтно отражались, конечно, на хозяйственномъ благосостояніи отдѣльныхъ ея членовъ. Даже рядовой козакъ, попавшій на тотъ или иной старшинскій урядъ и просидѣвшій на немъ нѣсколько лѣтъ, по большей части сходилъ съ него съ такимъ достаткомъ, который уже не давалъ своему обладателю затеряться въ общей массѣ „обывателей“ и выдвигалъ его въ группу „значнаго товариства“. Власть и соединенные съ нею доходы старшины содѣйствовали такимъ образомъ постепенному образованію въ ея лицѣ новаго слоя малорусскаго общества. Но особенно глубокую грань между нею и остальною массою населенія провели тѣ права, которыя пріобрѣла старшина въ сферѣ землевладѣнія.

VIII.

Крушеніе стараго порядка, вызванное возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, обратило, какъ мы видѣли, бывшихъ панскихъ „подданныхъ“ въ свободныхъ собственниковъ тѣхъ земельныхъ участковъ, на которыхъ они сидѣли. Но рядомъ съ землями, занятыми козаками и крестьянами, одинаково являвшимися теперь собственниками своихъ участковъ, лежали еще значительныя площади собственно „панскихъ“ земель и бывшія „панскія“ угодья, находившіяся раньше въ непосредственномъ распоряженіи панскихъ дворовъ, равно

[1]) Вотъ для примѣра одинъ такой случай: въ 1697 г. Гапка Павловская, „жителка Ушенская“, судилась на городовомъ урядѣ за „пополнене вшетеченства (прелюбодѣянія)“; присужденный съ нея штрафъ полковнику заплатилъ менскій сотникъ, а она отдала ему свою сѣножать. Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 22.

[2]) Акты Ю. и З. Р., VI, № 62. VII, сс. 195—6.

какъ большія пространства никѣмъ еще не занятой и не воздѣланной земли. Право собственности на всѣ эти земли сосредоточилось теперь въ рукахъ „Войска Запорожскаго“ и составлявшихъ его мѣстныхъ территоріальныхъ общинъ, а право распоряженія такими землями перешло къ войсковымъ властямъ и къ главѣ ихъ—гетману, являвшимся представителями этихъ общинъ и объединявшаго ихъ въ одну государственную общину „Войска Запорожскаго“.

Использованіе этихъ правъ на первыхъ же порахъ происходило различными путями. До насъ дошло нѣсколько свидѣтельствъ, говорящихъ о томъ, что въ первое время послѣ изгнанія поляковъ какъ центральныя власти „Войска Запорожскаго“, такъ и мѣстныя общины распродавали оставшіяся послѣ изгнанныхъ пановъ земли и угодія. Такъ, сохранился универсалъ Богдана Хмельницкаго, данный имъ въ 1655 г. своему шурину Якиму Сомку, такъ трагически впослѣдствіи окончившему въ борьбѣ за гетманство свою жизнь, на бывшія „панскія“ земли селъ Воронкова и Рогозова въ переяславскомъ полку. „Ознаймуемъ симъ нашимъ писанемъ, кому бы о томъ вѣдать надлежало, — говорится въ этомъ универсалѣ— ижъ (что) отдалъ до скарбу нашего войскового Якимъ Сомковичъ, товаришъ нашъ, сумму певную (нѣкоторую, опредѣленную) за всѣ грунта панскіи, такъ Воронковскіи, яко и Рогозовскіи, за которими нивами сумму отобравшы, оніи въ поссесию и въ вѣчное уживанье (пользованіе) помененному Якимови подаемъ“ [1]). Въ параллель съ этимъ эпизодомъ можно поставить другой, въ которомъ въ аналогичной роли выступаетъ уже не войсковой скарбъ и не гетманская власть, а мѣстная община. Въ 1719 г. между Мгарскимъ лубенскимъ монастыремъ и обывателями м. Лохвицы шелъ споръ изъ-за мельницы Святской на рѣчкѣ Сулицѣ. При разбирательствѣ этого спора высланными отъ лубенскаго полковника коммиссарами „бережане (т. е. „побережные жители Лохвицкіе“) представили многолѣтной старости козака годного, иногда (нѣкогда) въ Лохвицѣ атаманскій урядъ носившаго, Івана Лесченка, которій созналъ такъ: ижъ за державы еще лядской наиперней преєеченную гребелку занялъ и устроилъ шляхтичъ Святскій, которій бивало временемъ и товару (скота) чрезъ оную перепускать не кажетъ; а по вигнанию ляховъ з Малой России заразъ Самохвалъ козакъ набулъ былъ (пріобрѣлъ) собѣ отъ товариства, и не за велико, оную“ [2]).

Наряду съ продажей, производившейся отъ имени всего „войска“ либо товариства той или другой сотни и даже того или дру-

---

[1]) Цитированный универсалъ напечатанъ по сохранившейся копіи его Лазаревскимъ („Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи“, вып. V, К., 1899, сс. 94—5); въ копіи же онъ сохранился въ Рум. Описи—Р. О. въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Переяславскій полкъ, документы Воронковской сотни, № 1.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616/594.

гого села, происходилъ и простой раздѣлъ бывшихъ „панскихъ“ земель. Въ новгородсѣверской сотнѣ стародубовскаго полка старый козакъ Михѣй разсказывалъ въ началѣ XVIII столѣтія, что онъ владѣлъ своимъ полемъ и сѣножатью „отъ самой лядчины“. „А то поле и сѣножать—прибавлялъ онъ—были пана Песочинского, якіе намъ, товариству войсковому, блаженные памяти панъ Васюта, полковникъ на тотъ часъ будучи нѣжински стародубовски, подѣлилъ былъ за услуги наши къ его царскому величеству пресвѣтлаго монарха Алексѣя Михайловича“ [1]). Еще чаще, надо думать, происходилъ захватъ земель, уже позднѣе освящавшійся санкціей войсковой власти въ лицѣ соотвѣтствующаго ея представителя. Въ 1660 г. кіевскій полковникъ Дворецкій особымъ универсаломъ отдалъ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ „пляцы ксендзовъ бернадиновъ и езовѣтовъ и ормянскіе, якіе въ своей долгости и широкости маютъ, зъ усими пожитками и куничниками, на нихъ будучими, хто колвекъ (кто бы то ни было) зъ мещанъ, окромъ козаковъ, на вышпомененныхъ пляцахъ кляшторныхъ побудовался (построился)“. „Стороны зась (а что касается) козаковъ, — продолжалъ полковникъ—которые собѣ волныхъ пляцовъ шляхетскихъ шаблею добыли и, за вѣдомостю прежнихъ полковниковъ и моею побудовавшися, живутъ, за заслуги на то листы одъ насъ и одъ ихъ милостей, пановъ гетмановъ войска запорожского, даные маютъ и ведлугъ (согласно) пунктовъ, въ статяхъ на столицы при его царскомъ пресвѣтломъ величествѣ поставленныхъ, козаки зъ дѣтками и жонами своими зъ вышпомененныхъ пляцовъ кляшторныхъ и шляхецкихъ отъ подачокъ и куницъ волними быти маютъ“ [2]). Такое же добываніе саблею земель происходило и въ другихъ мѣстахъ и долгіе годы спустя послѣ возстанія Хмельницкаго крестьяне и посполитые во многихъ мѣстностяхъ указывали въ числѣ своихъ владѣній земли, „займаніе по згону ляховъ“.

Рядомъ съ такимъ захватомъ бывшихъ панскихъ земель или раздѣломъ ихъ старшиною между рядовыми козаками, рядомъ съ случаями продажи прежнихъ панскихъ земель и угодій центральной войсковой властью и мѣстными общинами, шла, наконецъ, и раздача этихъ земель болѣе или менѣе значительными площадями въ однѣ руки безъ всякой платы. Подобно тому, какъ кіевской церкви Николая Добраго полковникъ Дворецкій далъ „пляцы“ бернардиновъ, іезуитовъ и армянъ въ Кіевѣ, Мгарскій монастырь, какъ мы уже видѣли, получилъ отъ Хмельницкаго принадлежавшія раньше бернардинскимъ монахамъ земли въ Лубнахъ и около Лубенъ, а монастырю Макошинскому полковникъ Гуляницкій отдалъ „поля панскія завоеванныя“ въ менской сотнѣ. Подобнымъ же образомъ раздавались прежнія панскія земли и другимъ монасты-

---

1) С. П. Моравскій. Ѳедоръ Лисовскій, с. 29.

2) „Кіевская Старина“, 1885, № 4, с. 745.

рямъ. Но эта раздача практиковалась не только въ пользу монастырей и охватывала собою не только бывшія панскія, а и вообще свободныя земли.

Верховнымъ распорядителемъ всѣхъ земель, перешедшихъ въ собственность „Войска Запорожскаго", являлся „звѣрхнѣйшій властитель" и „рейментарь" Малороссіи—гетманъ. Ему, какъ главѣ всего „Войска", олицетворявшему послѣднее и сосредоточивавшему въ своихъ рукахъ его державныя права, принадлежало право раздачи свободныхъ земель на территоріи всей Малороссіи и гетманы съ первыхъ же лѣтъ широко пользовались этимъ правомъ для вознагражденія заслугъ отдѣльныхъ войсковыхъ товарищей. Такое право принадлежало однако не только гетману. Наряду съ послѣднимъ тѣмъ же правомъ раздачи земель располагали полковникъ на территоріи своего полка, сотникъ—въ предѣлахъ своей сотни. Только размѣръ такого права у всѣхъ этихъ лицъ не былъ вполнѣ одинаковъ.

Наиболѣе скромными были права сотника, который могъ лишь раздавать на территоріи своей сотни небольшіе участки свободной земли. „Поневажъ (такъ какъ) — писалъ, напримѣръ, почепскій сотникъ Кошанскій въ своемъ универсалѣ 1677 г.—Мартинъ Щуровичъ, товаришъ войсковый, зъ дозволенія прежнего сотника селище пустое, прозиваемое Нянково, державъ и зъ покосовъ сѣнныхъ, не зносячи ни отъ кого жадной перешкоди, пожитокъ собѣ мѣлъ, теди и ми, стосуючись до того (принимая во вниманіе), же онъ просбу свою внеслъ, также по прежнему мененное селище владѣти позволяемъ, варуючи (обусловливая) то, абы жаденъ (никто) съ товариства, яко и зъ мужей, до ласки войсковой не важился (отваживался) быти перешкодою" [1]). Какъ можно видѣть изъ этого примѣра, сотникъ самостоятельно давалъ въ своей сотнѣ дозволеніе на пользованіе небольшими участками пустой земли „до ласки войсковой"—до милости войска. Такого рода распоряженія сотника не подлежали никакому постоянному контролю со стороны высшихъ властей, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждое изъ нихъ могло быть отмѣнено, не говоря уже о гетманѣ, и тѣмъ полковникомъ, которому подчинялся данный сотникъ.

Права полковника были уже несравненно шире. Онъ также могъ раздавать, и притомъ въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, лежавшія на территоріи управляемаго имъ полка свободныя земли и „пустовщины" [2]). Онъ могъ, кромѣ того, выдавать и, дѣйствительно, по-

---

[1]) Обозрѣніе Румянцевской Описи, III, с. 594.

[2]) Иного рода взглядъ неоднократно высказывался А. М. Лазаревскимъ, приписывавшимъ подобныя права лишь нѣкоторымъ полковникамъ, которымъ ихъ давала особая милость гетмана. Такой взглядъ съ особенной категоричностью былъ высказанъ Лазаревскимъ въ комментаріи къ напечатанному имъ „листу" миргородскаго полковника Даніила Апостола, данному въ 1705 г. власовскому сотнику Сахненку въ отвѣтъ на просьбу послѣдняго

стоянно выдавалъ разрѣшенія на постройку „млиновъ" (мельницъ) какъ на собственныхъ земляхъ строителей, такъ и на свободныхъ, и могъ также давать владѣльцамъ мельницъ серьезныя податныя льготы. Обычно для устройства водяной мельницы требовалось и разрѣшеніе мѣстной „громады" и „товариства", часть земель которыхъ могла быть подтоплена при постройкѣ „гребли". Особенно же важнымъ являлось это разрѣшеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда будущій владѣлецъ мельницы затѣвалъ такую „греблю", поддержка которой превышала его средства и требовала помощи со стороны жителей одного или нѣсколькихъ свободныхъ селъ. Въ этихъ случаяхъ еще до постройки мельницы предстояло запастись обязательствомъ будущихъ сосѣдей гатить предположенную греблю. Вотъ одинъ изъ примѣровъ того, какъ получались подобныя обязательства. Въ 1686 г. лубенскій полковой асаулъ Леонтій Свѣчка, будучи на пасхальномъ съѣздѣ старшины съ „ральцемъ" у полковника Илляшенка, получилъ отъ послѣдняго „письмо" съ разрѣшеніемъ построить „млинъ" на р. Переводѣ выше Гурбинскаго моста. Съ этимъ „письмомъ" Свѣчка явился къ гетману и „слова были вельможности его: а далиби людямъ тоею греблею великого утяження не було". Тогда „панъ Леонтій Свѣчка, скоро пріихавши изъ Батурина, всѣхъ атамановъ тихъ селъ тракту Пирятинского, кото-

---

разрѣшить ему владѣть пустымъ „кутомъ" земли у р. Цыбулника, „якъ бы власнымъ купленымъ грунтомъ". „Яко теды—писалъ въ своемъ листѣ Апостолъ—пустовскіе, а иле лежачіе добра не кому иншому въ полку нашомъ належитъ вѣдати и диспоновати, тылко намъ, яко господареви, по милости Божой и рейментарской, того миргородского полку, такъ, уважаючи давныѣ значныѣ въ войску запорожскомъ прислуги п. Устима Сахненка... кутъ оный... яко пустовщину, позволяемъ ему обняти и такъ власне держати и владѣти въ часы потомныѣ, якъ бы мѣлъ за гроши". „По милости Божьей и гетманской"—замѣчалъ Лазаревскій по поводу этого „листа"—„Апостолъ считалъ себя полноправнымъ распорядителемъ вольныхъ земель („пустовщинъ"). Такіе размѣры власти могли присвоивать себѣ далеко не всѣ полковники: при Мазепѣ „лежачіи добра" могли раздавать лишь тѣ изъ полковниковъ, которые долгою своею службою „войску" пріобрѣтали особый у гетмана почетъ; такими полковниками были—Данило Апостолъ, Яковъ Лизогубъ, Михайло Миклашевскій, Дмитрій Горленко"... (К. Старина, 1892 г., № 9, с. 411). Въ этомъ комментаріи сказалась наклонность покойнаго историка чрезмѣрно индивидуализировать подмѣченныя имъ явленія малорусской исторіи. Въ дѣйствительности и цитированный документъ даетъ не совсѣмъ то, что содержится въ комментаріи Лазаревскаго. Апостолъ называетъ себя въ этомъ документѣ „милостью Божой и рейментарской господаремъ миргородскаго полка", а право раздачи земель является въ его листѣ слитымъ съ должностью полковника. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ при Мазепѣ, какъ и до него. Не говоря уже о примѣрахъ, приведенныхъ въ текстѣ, въ напечатанныхъ въ послѣдніе годы сборникахъ документовъ малорусской исторіи XVII—XVIII вв. можно видѣть большое количество полковничьихъ универсаловъ, а еще большее количество такихъ универсаловъ хранится въ архивахъ. И, какъ мы еще увидимъ, права полковника въ сферѣ землевладѣнія шли въ эту эпоху много дальше раздачи пустовщинъ.

ріи тракти до города мѣютъ презъ той Гурбинскій мостъ, казалъ созвати въ городъ на праздникъ Преполовленія Господня и всю речь имъ вишъ описанную презентовалъ. Теди усѣ атамани, будучи и съ товариствомъ своимъ, ухвалили листъ его милости мосцѣ пана полковника добродѣя і милостивое слово велможной его милости мосцѣ пана гетмана, яко единими усти мовили: лучше намъ разъ нарадити греблю у вѣчность, нежели пущи свои пустошити що року (каждый годъ) на мостъ, которій мало и маемо, з поля же живучи, и всѣ зезволили (согласились) греблю гатити" [1]). Построивъ мельницу, Свѣчка черезъ нѣсколько лѣтъ продалъ ее пирятинскому протопопу, но обязательство окрестныхъ селянъ гатить греблю при ней не потеряло своей силы при этой перемѣнѣ владѣльца и было потверждено для нихъ гетманскимъ универсаломъ [2]). Въ данномъ случаѣ Свѣчка обратился къ селянамъ въ виду колебанія гетмана, затруднившагося прямо утвердить разрѣшительное „письмо" полковника на постройку „млина". Чаще же согласіе громады и товариства испрашивалось еще до разрѣшенія полковника и представлялось послѣднему вмѣстѣ съ просьбой о такомъ разрѣшеніи. Въ 1655 году, напримѣръ, въ м. Кобыжчѣ былъ для рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ „зосланный" отъ наказного нѣжинскаго полковника Григорія Кобилецкого „товаришъ" Иванъ Патока. И, когда „громада тамошняя дня первого априля зобралисе при инних громадскихъ росправахъ", передъ нею выступилъ „зайшлый (зашедшій) въ громаду" человѣкъ Сидоръ Сенченко, и, назвавъ себя мельникомъ, „оповедилъ в громаде, жемъ (что я) на грунте Кобижскомъ займище давное гребли, на которомъ млинъ станути с пожиткомъ скарбу войскового можетъ, угледѣлъ". Патока „питалъ громаде, ежели тое займище не есть на перешкоде млиномъ и сѣножатемъ Кобижскимъ; теди всѣ одностайне (единодушно) казали, козаки и мещане и мелники, въ громаде будучи, охотне то у себе признали: ми таковому человѣкове и ремесникове и ради, ему, Сидоровѣ самому, жонѣ и потомкамъ ихъ ни в чомъ перешкоди отъ громади не есть и не будеть, але (но) того желаемо и зычимо (хотимъ), жеби подвишался скарбъ Божий и войсковий". Въ виду этого наказный нѣжинскій полковникъ „именемъ его милости пана гетмана Сѣверского" далъ Сидору Сенченку разрѣшеніе построить мельницу на высмотрѣнномъ имъ займищѣ, предлагая, когда она „уже в своей станетъ перфекціи, на тотъ часъ удатися до его милости пана гетмана Сѣверского, котрий, яко иншимъ за таковие кошти (расходы), будоване новихъ млиновъ, ласку свою панскую показуеть", такъ можетъ показать ее и Сидору [3]). Но разрѣшеніе

---

[1]) Румянцовская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Документы Лубенскаго полка, № 1.

[2]) Тамже, № 11.

[3]) Тамже, Кіевскій полкъ, Документы Бобровицкой сотни, т. I, № 83. Кобилецкій выдаетъ разрѣшеніе „именемъ гетмана Сѣверского", т. е. тог-

полковника могло и замѣнить собою согласіе громады, равно какъ обязательство окрестныхъ селянъ гатить нужную для „млина" греблю могло быть не только дано ими добровольно, но и наложено на нихъ властью полковника.

Выдавая разрѣшенія на „занятіе" гребель и постройку мельницъ, полковникъ выступалъ въ роли не только представителя полковой общины, сосредоточивавшаго въ своихъ рукахъ ея права на земли, но и хранителя интересовъ войсковой казны. Дѣло въ томъ, что мельницы, являвшіяся одной изъ наиболѣе доходныхъ статей тогдашняго малорусскаго хозяйства, были вмѣстѣ съ тѣмъ обложены значительнымъ сборомъ на войсковыя нужды. Половина, а то и двѣ трети „розмѣра" т. е. взимавшейся хлѣбомъ платы за помолъ, шли подъ именемъ „войсковой мѣрочки" въ пользу „войска" и только остальная половина или треть поступала владѣльцу мельницы, который долженъ былъ, кромѣ того, уплачивать еще добавочные сборы, носившіе наименованіе „покабанщины" и „поколющины [1]). Полковникъ въ качествѣ владыки и хозяина („господаря") своего полка былъ при такихъ условіяхъ озабоченъ увеличеніемъ числа мельницъ въ полку въ интересахъ увеличенія войсковыхъ доходовъ и этотъ мотивъ заставлялъ полковника проявлять свою „ласку" къ строителямъ новыхъ мельницъ и давать такимъ строителямъ временныя льготы въ платежѣ полагавшихся съ нихъ сборовъ. „Будучи я—писалъ, напримѣръ, въ 1669 г. въ одномъ изъ своихъ универсаловъ черниговскій полковникъ Лисенко — сторожемъ скарбу въ полку моемъ войскового, слушной (справедливой) прозбѣ Кузми Речичанина, товариша сотни березинской, не отмовивши (отказавши), греблю на рѣцѣ Березной своимъ власнымъ (собственнымъ) коштомъ занявши, млинъ виставити по-

дашняго нѣжинскаго полковника Золотаренка, и лишь обѣщаетъ, что послѣдній дастъ льготы строителю „млина", такъ какъ самое право выдавать разрѣшенія на займища подъ млины и на постройку самыхъ млиновъ принадлежало лишь „цѣлому" полковнику, „наказный" же, временно назначавшійся на эту должность, самимъ ли „цѣлымъ" полковникомъ на время его отсутствія изъ полка или гетманомъ впредь до выбора „цѣлаго", такого права не имѣлъ. „А и вашмости, яко зуполной власти полковнической не имѣючому,—писалъ въ 1719 г. гетманъ Скоропадскій полковому сотнику и наказному полковнику стародубовскому, Ивану Чарнолузкому,—таковыхъ свѣдителствъ вмѣсто универсаловъ на заняте гребель и другихъ угодій давати впредь не надлежитъ, приказуемъ". Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616/2408.

[1]) Половина „розмѣра" взималась съ козацкихъ мельницъ, гребли которыхъ гатились окрестными селянами; двѣ трети „розмѣра" шли въ войсковой скарбъ съ мельницъ посполитскихъ (см. Лазаревскій. Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера, приложенія, X, с. 76; см. еще Акты Ю. и З. Р., VI, № 1. XVIII, с. 19. Но, повидимому, отъ этого общаго правила допускались и отступленія. По крайней мѣрѣ, мнѣ приходилось встрѣчать въ архивныхъ документахъ и такіе случаи, когда съ козацкой мельницы, содержимой средствами самого владѣльца, въ войсковой скарбъ взимались все-таки двѣ трети „розмѣра".

зволилемъ и, по виставленію того млина, слободи на полтора рока (года) ему надалемъ" [1]). Этотъ же мотивъ велъ права полковника и дальше. Мало того, что послѣдній, „при звѣрхности полковничой воленъ будучи въ своемъ полку таковыми добрами и грунтами войсковими диспоновати (распоряжаться)", раздавалъ „подлугъ (по) власти полковничой и волѣ своей доброй" земли подъ мельницы и разрѣшенія на постройку самыхъ мельницъ [2]). „Привлащаючи (умножая) скарбъ войску Запорожскому", онъ вдобавокъ привлекалъ къ гаченью нѣкоторыхъ гребель жителей окрестныхъ селъ, создавая такимъ образомъ для нихъ особую повинность. При этомъ самую „войсковую мѣрочку" или „войсковую часть" доходовъ съ мельницы полковникъ могъ отдать и въ частное пользованіе, тому ли или иному монастырю либо священнику „для лучшой хвалы Божой" или какому-нибудь „товарищу войсковому" за ревностную службу „Войску Запорожскому". Такая отдача въ частное пользованіе войскового дохода съ мельницы не мѣшала однако ни сохраненію, ни установленію для такой мельницы упомянутой повинности гаченья гребли окрестными жителями. Полковникъ могъ и въ этомъ случаѣ требовать отъ послѣднихъ аккуратнаго выполненія такой повинности, какъ въ цѣляхъ содержанія въ исправности дорогъ, такъ и въ тѣхъ видахъ, чтобы „пущенный" властью—предполагалось, въ интересахъ „войска"—въ частное пользованіе „пожитокъ (доходъ) войсковой части розмѣра не гинулъ". Самая раздача полковникомъ „войсковой мѣрочки" обычно носила временный и условный характеръ: полковникъ по большей части отдавалъ эту „мѣрочку" „до ласки войсковой" или „до далшой ласки звѣрхнѣйшого властителя нашего ясневелможного его милости пана гетмана" и выданный въ этомъ смыслѣ однимъ полковникомъ универсалъ при вступленіи на урядъ новаго полковника нуждался въ подтвержденіи съ его стороны.

Наряду съ этимъ однако права полковника шли и дальше раздачи „пустовщинъ", выдачи разрѣшеній на постройку мельницъ и передачи въ частное пользованіе войскового дохода съ послѣднихъ. Раздавая пустыя и свободныя земли, полковникъ могъ разрѣшать и поселенія на нихъ, и притомъ не только такія поселенія, которыя имѣли характеръ новыхъ свободныхъ селъ, но и такія, въ которыхъ складывалась частная зависимость поселенцевъ отъ получившаго полковничій универсалъ владѣльца земли. Поселенія по-

---

1) Обозрѣніе Рум. Описи, I, с. 97.

2) Цитированныя опредѣленія полковничьей власти см. въ универсалахъ черниговскаго полковника Вас. Борковскаго 1679 г. (документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616/2141) и кіевскаго полковника Конст. Мокіевскаго 1696 г. (Рум. Опись въ б-кѣ кіев. ун-та, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. III, № 308).

слѣдняго рода разрѣшались полковниками съ первыхъ же моментовъ дѣйствія новаго строя. Такъ, въ 1657 г. черниговскій полковникъ Иванъ Аврамовичъ разрѣшилъ своему „пріятелю“ Ивану Войцеховичу сзывать какъ посполитыхъ, такъ и козаковъ на слободу и далъ этой послѣдней податныя льготы на двадцать лѣтъ. Черезъ короткое время изъ этой слободы выросло большое село Дубровна, которое въ 1672 г. было подтверждено гетманомъ Многогрѣшнымъ сыну Ивана Войцеховича, полтавскому полковому писарю Богдану Войцеховичу, какъ „по отцу зешлимъ, слушнимъ правомъ, яко синовѣ, належачое“ [1]). Подобныя же разрѣшенія на поселеніе слободъ въ большомъ количествѣ выдавались и другими полковниками. Самыя разрѣшенія на постройку мельницы, когда они давались монастырю, священнику, тому или иному члену старшины, либо „значному“ козаку, очень часто сопровождались позволеніемъ осадить при мельницѣ слободу и такое позволеніе вполнѣ входило въ предѣлы власти полковника. Въ 1683 г. черниговскій полковникъ Борковскій выдалъ любецкому сотнику Устимовичу универсалъ на пользованіе войсковою частью въ построенной имъ съ разрѣшенія полковника мельницѣ и на владѣніе поселенными на расположенныхъ около нея земляхъ „людцами“. Дозволилъ я это—пояснялъ онъ въ своемъ универсалѣ — „въ надѣю (надеждѣ) тоей ко мнѣ звѣрхного владци и господара отчизни нашой, щасливе намъ рейментуючого (правящаго), ясневелможного его милости пана Ивана Самойловича, ласки, по якой воленъ естемъ въ полку своемъ при урядѣ полковничества вшелякими (всякими) войсковими добрами на семъ боку Снови диспоновати (распоряжаться) и не тилко къ моему пожитковѣ онихъ уживати (употреблять), овшемъ (но), углядуючи по заслугахъ, и подручному товариству удѣляти“ [2]). Но такой же „лаской“ гетмана или, точнѣе говоря, такимъ же правомъ, не регулированнымъ никакимъ закономъ, но прочно установленнымъ въ обычаѣ, пользовались и другіе полковники.

Это право встрѣчало однако себѣ извѣстныя ограниченія въ верховныхъ правахъ гетмана. Послѣдній, въ качествѣ носителя верховной власти „Войска Запорожскаго“, могъ отмѣнить всякое распоряженіе полковника въ дѣлѣ раздачи „войсковыхъ добръ“, хотя и не подвергалъ такихъ распоряженій своему постоянному контролю. Поэтому лица, получившія болѣе или менѣе значительныя „войсковыя добра“ отъ полковника, часто старались получить еще подтвержденіе тѣхъ же „добръ“ отъ гетмана и по большей части успѣвали въ этомъ. Съ другой стороны, гетманъ и непосредственно осуществлялъ на всей подвластной ему территоріи свое право раздачи „войсковыхъ“ земель и угодій, выдавая прямо отъ себя универсалы на свободныя земли, на постройку мельницъ и на

---

[1]) Сулимовскій Архивъ, №№ 173 и 174.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, № 181.

пользованіе „войсковою частью“ въ нихъ, наконецъ, на осаженіе слободъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ распоряженіями гетманской власти, какъ и аналогичными распоряженіями полковниковъ, въ жизни страны создавался новый фактъ въ видѣ появленія новой группы крестьянъ, находящихся въ частной зависимости. Но одновременно тотъ же фактъ создавался и инымъ путемъ—путемъ прямой раздачи свободныхъ селъ.

Въ первый моментъ послѣ окончательнаго отторженія отъ Польши всѣ села и мѣстечки Малороссіи, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя остались во владѣніи православныхъ монастырей и немногихъ уцѣлѣвшихъ въ „войскѣ“ шляхтичей, обратились въ „свободныя войсковыя“ села и мѣстечки. Населявшіе эти мѣстечки и села посполитые, избавившись отъ частной зависимости, „купно подъ сотнею, якъ волніи люде, съ козаками были“ [1]). При этомъ въ дѣлѣ распредѣленія ложившихся на посполитыхъ повинностей на „войсковыя потребы“ посполитые каждой сотни тяготѣли къ своему сотенному мѣстечку и его ратушѣ, и села всякой сотни, говоря языкомъ актовъ немного болѣе поздней эпохи, „въ общенародныхъ повинностяхъ городу помогали“. Но такъ какъ самыя ратуши оказались въ непосредственномъ подчиненіи сотниковъ и сотенной старшины, засѣдавшихъ въ нихъ вмѣстѣ съ ратушными членами и съ помощью послѣднихъ, но на правахъ прямого начальства, творившихъ здѣсь свой судъ и расправу, то посполитское населеніе свободныхъ войсковыхъ селъ и мѣстечекъ оставалось „подъ сотней“, находясь въ непосредственномъ административномъ и судебномъ подчиненіи сотеннымъ и полковымъ властямъ, не говоря ужъ о власти гетманской. Говоря опять-таки терминами, встрѣчающимися въ актахъ нѣсколько болѣе поздняго времени, но, тѣмъ не менѣе, точно передающими характеръ складывавшихся въ данную эпоху отношеній, свободныя войсковыя мѣстечки и села, поскольку рѣчь шла объ ихъ посполитскомъ населеніи, находились „подъ правленіемъ сотеннымъ, въ вѣдомствѣ полковомъ и въ диспозиціи гетманской“ [2]) Эта непосредственная зависимость свободныхъ посполитыхъ отъ чиновъ войсковой администраціи при примитивности общаго характера государственнаго строя страны отразилась, какъ мы уже отчасти и видѣли, и на повинностяхъ такихъ посполитыхъ, внеся въ эти повинности нѣкоторыя черты, свойственныя частно-

---

[1]) Показаніе козаковъ с. Семеновки конотопской сотни въ 1754 г., приведенное А. М. Лазаревскимъ въ его очеркѣ „Села конотопскаго уѣзда“. Записки Черниг. Губ. Стат. Комитета, кн. II, сс. 189—90.

[2]) Фактъ тяготѣнія свободныхъ войсковыхъ селъ къ ратушамъ создалъ въ исторической литературѣ и, въ частности, въ трудахъ А. М. Лазаревскаго нѣкоторыя недоразумѣнія. Подробный разборъ этихъ недоразумѣній данъ мною въ рецензіи на второй томъ „Описанія старой Малороссіи“ Лазаревскаго („Отчетъ о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова“ и отдѣльно „Къ исторіи Нѣжинскаго полка“. СПБ. 1896, сс. 74—83).

правовому укладу жизни. Посполитые несли на себѣ рядъ разнообразныхъ повинностей въ пользу всего „войска“. У посполитыхъ расквартировывались приходившія въ Малороссію московскія войска, посполитые же доставляли кормъ появившимся вскорѣ у гетмановъ наемнымъ отрядамъ „сердюковъ“ и „компанейцевъ“, равно какъ фуражъ для лошадей тѣхъ изъ этихъ наемныхъ воиновъ, которые отбывали свою службу на коняхъ. Подобнымъ же образомъ посполитые заготовляли на войсковыхъ степахъ сѣно на зиму для лошадей войсковой артиллеріи. Лежалъ на свободныхъ посполитыхъ и рядъ другихъ повинностей въ пользу „войска“. Но рядомъ съ этимъ они отбывали и нѣкоторыя повинности въ пользу отдѣльныхъ членовъ старшины. Въ свободныхъ мѣстечкахъ и селахъ съ посполитыхъ собирался особый оброкъ въ пользу гетмана, взимавшійся съѣстными припасами и носившій названіе стаціи. Наряду съ этимъ посполитые нѣкоторыхъ поселеній несли на себѣ спеціальную повинность—заготовки сѣна и дровъ для гетманскаго двора. Въ полкахъ подобныя же „работизны“ отправлялись свободными посполитыми для полковника и полковой старшины, въ сотняхъ—для сотника [1]). Трудъ посполитыхъ во всѣхъ этихъ случаяхъ являлся средствомъ вознагражденія старшины за ея службу „Войску Запорожскому“.

На первыхъ же порахъ однако такой способъ вознагражденія за службу принялъ и болѣе рѣзкую и отчетливую форму—форму раздачи имѣній въ частное владѣніе. Тѣ широкіе планы созданія въ Малороссіи громадныхъ частныхъ имѣній въ рукахъ старшины, какіе явились было послѣ присоединенія къ Москвѣ въ умахъ нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ Хмельницкаго, оказались, правда, неосуществимыми. Но болѣе скромные шаги въ томъ же направленіи не остались безъ результатовъ. Такъ, напримѣръ борзенскій сотникъ Петръ Забѣла уже въ 1656 г. получилъ царскую грамоту, отдававшую ему и его потомкамъ пять селъ въ борзенской сотнѣ, и успѣлъ, дѣйствительно, удержать эти села за собой [2]). Съ такимъ же успѣхомъ, большей частью при содѣйствіи гетмановъ, получили въ первые годы послѣ присоединенія къ Москвѣ царскія грамоты на небольшія сравнительно имѣнія и нѣкоторые другіе члены старшины. Наряду съ этимъ гетманы, начиная уже съ Богдана Хмельницкаго, стали и своей властью раздавать свободныя села и мѣстечки въ вознагражденіе за службу на томъ или иномъ „урядѣ“ или вообще за „войсковыя услуги“. Такъ, миргородскому

---

[1]) „Во всѣхъ сотенниxъ городкахъ—показывали въ 1729 г. сотники и сотенная старшина полтавскаго полка—обрѣтаючіесе сотники зъ урядниками городовими прежде сего посполитихъ обивателей на вспоможене домовъ своихъ употребляли для кошеня въ лѣтѣ на зиму лошадямъ ихъ сѣна и ради возки дровъ“.

[2]) А. М. Лазаревскій, „Иванъ Петровичъ Забѣла, знатный войсковой товарищъ“. Кіевская Старина, 1883 г., № 7, с. 506.

полковнику Лѣсницкому Хмельницкій отдалъ во владѣніе м. Шишакъ [1]). Подобнымъ же образомъ надѣлилъ онъ имѣніями и нѣкоторыхъ другихъ членовъ старшины, а ближайшіе его преемники стали пользоваться правомъ раздачи имѣній въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и это право не осталось сосредоточеннымъ въ рукахъ одного только гетмана. Если послѣдній пользовался имъ на территоріи всей Малороссіи, какъ верховный носитель власти „Войска Запорожскаго", то полковники, въ качествѣ представителей полковыхъ общинъ и „диспозиторовъ добръ войсковыхъ" въ ихъ предѣлахъ, располагали такимъ же правомъ раздачи свободныхъ имѣній каждый на территоріи своего полка, причемъ распоряженія полковника въ этой сферѣ не требовали непремѣнно утвержденія со стороны гетмана, хотя и могли быть отмѣнены послѣднимъ. И въ этомъ случаѣ повторялось такимъ образомъ то же соотношеніе территоріальныхъ властей, какое мы имѣли уже случай наблюдать въ другихъ областяхъ распоряженія имуществами „Войска Запорожскаго". На первыхъ порахъ, пока еше сильна была идея о правахъ „Войска", раздача свободныхъ имѣній, производившаяся всѣми этими властями, даже тогда, когда она сопровождалась весьма категорическими формулами передачи ихъ въ частную собственность, на практикѣ носила временный и условный характеръ: не только каждый полковничій универсалъ, данный на свободное село, могъ быть отмѣненъ гетманомъ или новымъ полковникомъ, не только право, данное кому-либо на такое село гетманомъ, могло быть всегда взято назадъ тѣмъ же гетманомъ или его преемникомъ, но и царская жалованная грамота не обезпечивала прочности владѣнія и, случалось, село, отданное такой грамотой въ потомственное владѣніе, отбиралось у владѣльца гетманскимъ распоряженіемъ. Но, какъ бы то ни было, путемъ этой раздачи въ странѣ во всякомъ случаѣ образовывались новыя частныя имѣнія и новые владѣльцы, пріобрѣтавшіе права надъ крестьянскимъ населеніемъ. И этотъ фактъ рѣзкими чертами запечатлѣлся въ народной памяти. Села и деревни Малороссіи—разсказывали въ 1730 г. старожилы мглинской сотни, козаки и тяглые люди,—„когда гетманъ Богданъ Хмельницкій зъ войскомъ козацкимъ выбилъ всѣхъ ляховъ зъ Украины, стали быть во владѣніи гетманскомъ и войсковомъ, и якъ уже онъ, гетманъ Богданъ Хмельницкій, поддался подъ высокодержавнѣйшую руку монарха всероссійскаго, тогда началъ роздавать нѣкоторіе заслужонымъ и знатнымъ людемъ малороссійскимъ въ подданство за вѣрніе ихъ услуги войсковіе, вмѣсто ляцкихъ пановъ, заохочуючи малороссіянъ

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., III, сс. 497 и 558.

до большихъ услугъ войсковыхъ же, что и протчіе гетманы таколде чинили по Хмельницкомъ" [1]).

На первыхъ же шагахъ новой жизни Малороссіи въ ней стала такимъ образомъ рядомъ съ остатками прежняго владѣльческаго класса складываться въ лицѣ старшины и все больше сливавшагося съ нею „значнаго товариства" и новая группа владѣльцевъ имѣній или, говоря тогдашнимъ языкомъ, „державцевъ маетностей". Селилъ ли такой владѣлецъ слободу на купленныхъ или свободныхъ земляхъ съ разрѣшенія полковника либо гетмана или получалъ по распоряженію одного изъ нихъ въ свое владѣніе свободное войсковое село, въ томъ и другомъ случаѣ надъ крестьянами становилась частная власть, вырывавшая ихъ изъ самоуправляющейся сотенной общины и пріобрѣтавшая право на пользованіе частью доходовъ съ ихъ труда. Въ томъ и другомъ случаѣ крестьянинъ равно подчинялся власти „державцы" и обязывался отбывать въ его пользу „обыклое послушенство". Размѣръ этого „послушенства" не установлялся властями при раздачѣ имѣній и опредѣленіе его предоставлялось обычаю. На первыхъ порахъ, пока свѣжи были воспоминанія о грандіозномъ крестьянскомъ движеніи эпохи Хмельницкаго, такой обычай не могъ, конечно, складываться особенно отяготительно для крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянинъ и во владѣльческомъ имѣніи оставался лично свободнымъ человѣкомъ, сохранялъ право ухода изъ имѣнія, сохранялъ и свои имущественныя права, вплоть до права собственности на перешедшую къ нему по наслѣдству или купленную имъ землю. При такихъ условіяхъ права владѣльцевъ имѣній были не особенно велики. Но все же появленіе этихъ правъ представляло собою новый шагъ въ дѣлѣ разслоенія малорусскаго общества. Съ одной стороны, въ немъ образовывался теперь многочисленный и быстро разроставшійся классъ „державцевъ", состоявшій изъ монастырей, части свѣтскаго духовенства и изъ старшины, съ другой—быстро увеличивалась въ своемъ числѣ группа находящагося въ частной зависимости крестьянства. И вмѣстѣ съ этимъ разслоеніемъ въ новыхъ условіяхъ государственной жизни страны вновь возникалъ споръ между двумя формами общественнаго строя—свободнымъ селомъ и владѣльческимъ имѣніемъ,—споръ, какъ казалось одно время народнымъ массамъ, уже разрѣшенный возстаніемъ Богдана Хмельницкаго.

В. Мякотинъ.

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Стародубовскаго полка. Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, с. 676.

Левъ Николаевичъ Толстой.

Воспоминанія и характеристика.

Десять лѣтъ назадъ Л. Н. Толстой, послѣ перенесенныхъ за лѣто въ Ясной Полянѣ всяческихъ заболѣваній, поздней осенью пріѣхалъ на южный берегъ Крыма въ Гаспру, имѣніе гр. С. В. Паниной, предоставившей въ распоряженіе Л. Н. огромный двухэтажный домъ, прекрасно расположенный высоко надъ моремъ, съ паркомъ, съ открытыми на море широкими верандами.

Вскорѣ по пріѣздѣ Л. Н. общіе знакомые передали мнѣ сказанную имъ фразу: „нужно дать д-ру Елпатьевскому тысячу руб. на Яузляръ“ [1]). Это облегчило для меня знакомство съ Л. Н. Мнѣ очень хотѣлось видѣть его, но я зналъ, что онъ пріѣхалъ въ Крымъ отдыхать, зналъ, какая масса людей, иногда желающихъ только повидать его, надоѣдаетъ ему своими визитами, и потому стѣснялся ѣхать къ нему и, вѣроятно, не успѣлъ-бы познакомиться.

Мы застали Л. Н.—я пріѣхалъ съ ялтинскимъ врачемъ И. Н. Альтшуллеромъ, лечившимъ въ то время покойную дочь Л. Н. Марью Львовну,—въ постели, такъ какъ у него была повышенная температура. Какъ ни хорошо зналъ я Толстого по портретамъ, лицо его поразило меня. У него были изумительные глаза, острые, пронзительные,—у меня нѣтъ другого сравненія, какіе-то медвѣжьи глаза. Глубоко посаженные, смотрѣвшіе изъ подъ большихъ лобныхъ дугъ, они какъ-то сразу охватывали всего человѣка—и именно пронизывали его. Они были суровые и немножко насмѣшливые, и все лицо съ косматыми бровями и глубокими морщинами, избороздившими большой лобъ, было строгое и суровое. И весь онъ, съ широкими сутуловатыми плечами, съ большими, длинными руками, казался крупнымъ, массивнымъ,—крупнѣе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Но больше всего поразилъ меня глубоко крестьянскій обликъ его,—и сутуловатыя плечи, и большія руки, словно всю жизнь тяжко работавшія, и мужицкая сѣдая борода, не по графски обряженная,—ти-

---

[1]) Мы, ялтинскіе люди, устраивали тогда санаторію Яузляръ для недостаточныхъ туберкулезныхъ больныхъ, и я помѣстилъ въ „Русск. Вѣд.“ фельетонъ съ призывомъ къ пожертвованіямъ.

пичный обликъ крупнаго и костистаго старика, великорусскаго крестьянина,—властнаго и суроваго. Очевидно, не на меня одного производилъ онъ такое впечатлѣніе. Тотчасъ по возвращеніи изъ Гаспры, я увидѣлся съ А. П. Чеховымъ, который очень интересовался, какое впечатлѣніе произведетъ на меня Толстой. Я сказалъ, что Л. Н. бурмистръ стараго воспитанія изъ дореформеннаго крѣпостного большого имѣнія... Чеховъ не соглашался и утверждалъ, что Л. Н.—лѣсной нарядчикъ, чтó ходитъ по порубкѣ, мѣряетъ саженью полѣнницы и отпускаетъ дрова. Я спросилъ: „правда, у него медвѣжьи глаза"? — „Лѣсные",—отвѣтилъ Чеховъ...

Л. Н. былъ очень возбужденъ и много говорилъ. Съ презрительнымъ смѣхомъ разсказывалъ онъ намъ удивительную исторію, о которой только что писали ему изъ Петербурга. Какой-то провинціальный чиновникъ—я помню, изъ какого города онъ былъ, открылъ чудо, случившееся съ нимъ, и такъ какъ чудеса въ то время были въ вѣдѣніи Побѣдоносцева, то и сообщилъ по инстанціи. Былъ-ли Побѣдоносцевъ одураченъ, что трудно допустить въ такомъ умномъ и въ высокой степени реальномъ человѣкѣ, или онъ имѣлъ свои особыя соображенія, но онъ повѣрилъ въ чудо и пустилъ его, куда слѣдуетъ, и пошло оно гулять по Петербургу.

Дѣло было удивительно ясное, по-дѣтски наивное, чудо, несомнѣнно, случилось въ видахъ движенія по службѣ (каковое и воспослѣдовало), и было высоко комично слушать разсказъ Л. Н. о роли Побѣдоносцева въ этомъ дѣлѣ. Л. Н. не могъ утерпѣть, вскакивалъ съ постели, рылся въ своей шкатулкѣ и вычитывалъ намъ наиболѣе пикантныя мѣста изъ полученнаго имъ длиннаго письма.

Какъ-то разговоръ перешелъ на общія темы, и Л. Н., обращаясь ко мнѣ, заговорилъ о соціализмѣ, опять въ томъ-же возбужденномъ тонѣ, и особенно возмущался насиліемъ, проявляющимся въ требованіи 8-ми часового рабочаго дня, насиліемъ надъ трудомъ и трудящимися, и въ качествѣ возраженія привелъ: „а, можетъ быть, я хочу, какъ отъ вѣковъ указано, работать отъ восхода солнца и до заката?" Мнѣ не хотѣлось поднимать перчатку и вступать въ споръ съ лихорадившимъ и возбужденнымъ Л. Н., поэтому я уклонился отъ спора, на который онъ, несомнѣнно, вызывалъ меня.

Тутъ-же пришлось и лечить его, выслушивать и выстукивать, на что онъ охотно согласился. У него оказалась увеличенная и довольно плотная селезенка, мы рѣшили, что у него тульская малярія, которая у него бывала и раньше, и назначили ему впрыскиванія подъ кожу мышьяку, отъ чего онъ рѣшительно отказался. Мы разъясняли ему, что въ виду нашей увѣренности въ томъ, что малярія давняя, одной хины недостаточно, что въ виду его желудочно-кишечныхъ непорядковъ, внутрь мышьякъ назначать неудобно, что впрыскиванія мышьяка не просто желательны, а необходимы, но въ виду повтореннаго рѣшительнаго отказа мы не

настаивали, ограничились хиной, и вопросъ о мышьякѣ предоставили на его усмотрѣніе.

Настоящее знакомство состоялось чрезъ нѣсколько дней. Л. Н. былъ здоровъ и спустился ко мнѣ изъ кабинета въ гостинную, гдѣ мы были одни,—и первый его вопросъ былъ:

— Вы какъ думаете, что дѣлаетъ мышьякъ въ организмѣ?

Я отвѣтилъ, что мышьякъ то дѣлаетъ, что затянувшаяся малярія проходитъ, и смѣясь, прибавилъ, что я не признаю парламентаризма въ отношеніяхъ врача и паціента, а только самодержавіе, что онъ можетъ намъ не вѣрить и выбрать другихъ врачей, но, если желаетъ лечиться у насъ, то долженъ исполнять наши предписанія. Повидимому, онъ былъ нѣсколько огорченъ, что я уклонился отъ словопренія и разочарованно выговорилъ:

— То-то... А я думалъ, вы скажете, что мышьякъ тамъ соединяется...

И развилъ мысль, что мышьякъ совсѣмъ не соединяется съ тѣмъ, съ чѣмъ, по его разсчету, я долженъ былъ бы соединить, а что онъ... и т. д.

Мы разговорились о Крымѣ, и онъ очень оживился, когда я замѣтилъ, что очень люблю крымскихъ татаръ, что они превосходные, добрые, честные люди, и Л. Н. сталъ разсказывать, какъ во время севастопольской кампаніи онъ пріѣзжалъ въ Ялту верхомъ горами, какъ ночевалъ въ татарскихъ деревняхъ и какое прекрасное воспоминаніе осталось у него отъ тогдашняго знакомства съ татарами.

Мы встрѣтились нашими симпатіями и къ уфимскимъ башкирамъ.

— Почему вы говорите: птицы небесныя?—спросилъ онъ меня.

Я отвѣтилъ, что въ житницы не собираютъ, и разсказалъ,—что особенно понравилось Л. Н.,—какъ мой знакомый купецъ далъ голодавшему башкиру три рубля и, когда узналъ, что изъ нихъ башкиръ только рубль истратилъ на питательные продукты, а остальное пошло на платокъ женѣ и на гостинцы мальчишкѣ—сталъ ругать его и грозить, что онъ помретъ съ голоду, и какъ башкиръ со смѣхомъ отвѣтилъ купцу слѣдующей репликой:

— А чудной ты, Степанъ (такъ звали купца)! Видишь, птица летаетъ,—кто ее кормитъ? Такъ ежели Богъ птицу кормитъ, меня-то развѣ не накормитъ?

— Вотъ, вотъ,—вѣрно. Они такіе...

Оказалось, что Л. Н. когда-то давно былъ на кумысѣ въ Бузулукскомъ или Бугульминскомъ уѣздѣ и такъ же полюбилъ башкиръ.

— Я даже имѣніе купилъ тамъ,—тогда дешево было, что-то 7—8 руб. за десятину. Это еще когда я не былъ христіаниномъ,—прибавилъ онъ.—А потомъ мои продали въ десять разъ дороже.

Я чувствовалъ, какъ проходила та нотка отчужденности и нѣкотораго стѣсненія, которая оставалась у меня отъ перваго свиданія.

— Что на васъ оказало наибольшее вліяніе въ ранней юности?—неожиданно спросилъ онъ меня. — Какая литература? Какія книги?

Я сталъ вспоминать и перечислять ему: „Училище Благочестія“ (житія святыхъ), „Калевала“, „Жизнеописанія Плутарха“... Гоголь... Диккенсъ...

— И на васъ тоже Диккенсъ?—живо подхватилъ Л. Н.—Вы порусски читали?.. По-англійски это несравненно лучше выходитъ... На меня онъ имѣлъ очень большое вліяніе, любимый былъ писатель... Я его нѣсколько разъ перечитывалъ. А вы?

Я только что передъ тѣмъ перечиталъ,—уже не помню, въ который разъ—„Записки Пиквикскаго клуба“ и сообщилъ объ этомъ ему. Л. Н. пришелъ въ пріятное настроеніе духа, онъ подвернулъ ногу подъ себя и принялъ свою любимую позу.

— Ну, а кто вамъ тамъ больше всѣхъ нравится?

Я отвѣтилъ, что самый очаровательный джентльменъ — самъ мистеръ Пиквикъ.

— Конечно, конечно!.. Ну, а еще кто изъ второстепенныхъ?

Я такъ люблю всѣхъ и второстепенныхъ лицъ въ „Запискахъ Пиквикскаго клуба“, что затруднился и назвалъ м-ра Уэллера.

— Младшій? А мнѣ больше нравится старшій Уэллеръ,—отецъ. Помните?

Онъ полѣзъ въ карманъ, казалось, бездонный, и уморительно долго съ насупленнымъ лицомъ запускалъ въ него свою руку и говорилъ:

— Помните,—сначала вытащилъ веревочку, ремешки и потомъ уже деньги...

Я и не ожидалъ, что Л. Н. можетъ такъ громко, такъ весело и заразительно хохотать.

Мы вспоминали поѣздку пиквиквистовъ въ дилижансѣ съ легкомысленнымъ Бобомъ Сойеромъ. Л. Н. съ особенной любовью вспоминалъ Рождество въ деревнѣ у достопочтеннаго эсквайра, милую сцену въ кухнѣ,—и веселый и довольный вскочилъ со стула.

— Ну, теперь пойдемте завтракать!

И пошелъ впередъ своей быстрой эластичной походкой, и было видно, что онъ радуется, что такъ легко и сильно идетъ, и бѣгомъ безъ одышки поднимается по лѣстницѣ. Я часто потомъ наблюдалъ эту характерную его походку и его радость отъ этой мускульной силы и легкости своего тѣла.

Черезъ нѣсколько дней Л. Н. безъ нашихъ настояній согласился на впрыскиваніе мышьяку, причемъ счелъ нужнымъ объяснить, что Марья Львовна, которой тоже назначены были впрыскиванья мышьяку, не хочетъ впрыскивать, если не согласится на впрыскиванья онъ, Л. Н.

— Ну, что ужъ, впрыскивайте...

А потомъ пошли черные дни для Л. Н., когда въ продолженіе 2—3 недѣль смерть неотступно рѣяла надъ его кроватью. Онъ не берегся, не слушалъ ничьихъ совѣтовъ и предостереженій, выходилъ во всякую погоду и ежедневно дѣлалъ большія прогулки верхомъ и пѣшкомъ.

По заявленію родныхъ, непосредственной причиной заболѣванія была большая прогулка верхомъ, больше 20-ти верстъ въ холодный, вѣтренный зимній крымскій день. Л. Н. не любилъ шоссе и проѣзжихъ дорогъ и предпочиталъ уединенные проѣзды между отдѣльными имѣніями, узенькія татарскія тропы,—и самъ признался мнѣ потомъ, что ему въ тотъ день не разъ приходилось перелѣзать черезъ изгороди и проводить свою лошадь и что онъ очень усталъ, вспотѣлъ и продрогъ.

Онъ заболѣлъ инфлуэнцой, осложненной гриппознымъ воспаленіемъ легкихъ. Его организмъ былъ уже ослабленъ предшествовавшимъ желудочно-кишечнымъ заболѣваніемъ и малярiей, у него былъ рѣзко выраженный склерозъ артерій и давняя атонія кишечника, и ему было уже 75 лѣтъ. А главное, была та скверная форма такъ называемаго блуждающаго воспаленія легкихъ, которая такъ опасна для стариковъ. Воспаленіе началось бурно, температура поднялась быстро за 40°, и сразу же обнаружился упадокъ дѣятельности сердца. Бывавшіе у него и раньше перебои усилились до того, что иногда невозможно было сосчитать пульсъ, пульсовая волна была мягкая и слабая, быстро развилась рѣзкая одышка, наступила крайняя слабость и скоро пришлось примѣнять возбуждающія средства. Когда воспалительный фокусъ разрѣшался въ одномъ легкомъ, дѣлался легкій промежутокъ въ день-два и, казалось, наступало выздоровленіе, — появлялся фокусъ въ другомъ легкомъ, и опять сердце изнемогало, и каждую минуту можно было ожидать конца. А потомъ опять разрѣшался фокусъ, а воспалительный процессъ изъ нижней доли переходилъ въ среднюю или верхнюю долю.

И для насъ наступили черные дни. Пришлось лечить Л. Н. и нести огромную, тяжкую отвѣтственность за него намъ двумъ съ докторомъ И. Н. Альтшуллеромъ и переживать вдвоемъ самое страшное время, такъ какъ, на наше несчастье, уѣхалъ въ отпускъ мѣстный земскій врачъ, котораго мы оба очень цѣнили, къ которому хорошо относился и Л. Н. и который жилъ почти рядомъ съ Гаспрой. Утромъ и вечеромъ мы устраивали консиліумъ, и одинъ изъ насъ поочередно оставался на ночь. Л. Н. былъ покорный и безропотно переносилъ все то, что мы назначали ему: и компрессы, и мушки, и впрыскиванія подъ кожу и лекарства. Мнѣ кажется, что и отношеніе къ медицинѣ у него было, такъ сказать, крестьянское. Онъ, такъ же, какъ крестьяне, признавалъ только серьезное леченіе, дѣйственное, очевидное, показательное. Онъ сколько угодно позволялъ себя выстукивать и выслушивать, хотя ему было

тяжело и съ помощью другихъ держать свое тѣло на вѣсу, охотно измѣрялъ температуру, охотно ставилъ спиртовые компрессы. Въ особенности, кажется, уважительно относился онъ къ мушкамъ и, сколько мы ни терзали его, онъ никогда противъ мушекъ не протестовалъ,—и, мнѣ думается, не только потому, что мушки всегда сказывались значительнымъ эффектомъ и улучшали его состояніе, а и потому, что мушки вообще серьезное средство, которое и у крестьянъ въ большомъ почетѣ. Но онъ глубоко презиралъ всякія „микстуры", и на почвѣ этого у меня вышло даже съ нимъ недоразумѣніе, единственное за все время леченія.

На мою долю выпала одна изъ самыхъ тяжелыхъ ночей за все время болѣзни Л. Н.

На вечернемъ консиліумѣ, въ виду крайней слабости и очень плохого пульса, мы рѣшили всю ночь—онъ не спалъ по ночамъ изъ-за одышки и кашля—держать его подъ возбуждающими и было назначено—одинъ часъ впрыскиваніе подъ кожу камфоры, другой часъ—столовая ложка шампанскаго, третій часъ—ложка микстуры дигиталиса, а потомъ—опять камфора, шампанское, дигиталисъ. На мое несчастіе Софья Андреевна, безотлучно сидѣвшая въ опасныя ночи у изголовья Л. Н. и очень облегчавшая намъ аккуратный пріемъ лекарствъ, въ эту ночь, или, вѣрнѣе, въ эти часы отсутствовала. Среди ночи, когда пришло время для очередной ложки дигиталиса, Л. Н. отказался принять и не помогли никакія мои просьбы и убѣжденія. Я далъ ему ложку шампанскаго, но, когда и въ слѣдующую очередь онъ заявилъ, что онъ вообще дигиталиса принимать не будетъ, я со всей деликатностью сказалъ ему фразу, которую долго обдумывалъ:

— Левъ Николаевичъ, помогите намъ лечить васъ и не дѣлайте моего пребыванія здѣсь излишнимъ.

Онъ, очевидно, очень разсердился и раздраженно, угрюмо отвѣтилъ:

— Выпью... Только уйдите [1]).

Я ушелъ и сынъ Л. Н., Сергѣй Львовичъ, коротавшій со мной ночь въ смежной комнатѣ, видѣлъ изъ-за двери, какъ Л. Н., дѣйствительно, выпилъ дигиталисъ. Больше онъ не протестовалъ противъ дигиталиса, и вообще это былъ единственный конфликтъ за все время леченія; наоборотъ, Л. Н. трогалъ насъ крайней деликатностью и не высказывавшейся, но чувствовавшейся благодарностью за то, что мы возимся съ нимъ.

II.

Больше всего поразила меня въ Л. Н., за время его болѣзни, его неустанная мысль, и мнѣ думается, что именно за болѣзнь я

---

[1]) Мнѣ было очень тяжело говорить такъ съ Л. Н., но я считалъ себя обязаннымъ настоять.

понялъ, *какъ* онъ мыслилъ всю жизнь. Л. Н. зналъ свое положеніе, и тѣмъ поразительнѣе было наблюдать эту непрестанную, никогда не прерывающуюся работу мысли, которая шла въ немъ все время болѣзни. Помню—на другой же день послѣ страшной ночи Л. Н. стало лучше, температура упала почти до нормы, выправился пульсъ, такъ что не было уже надобности въ очень энергичномъ примѣненіи возбуждающихъ, и я утромъ оставилъ его съ радостнымъ, успокоеннымъ чувствомъ. А, когда вечеромъ вернулся изъ Ялты, я засталъ у постели Л. Н. Марью Львовну съ тетрадкой и карандашемъ, записывающую то, что диктовалъ ей Л. Н. Онъ былъ крайне слабъ, лежалъ неподвижно, когда попробовалъ самъ прочитать, что записала М. Л., рука его задрожала, бумажка выпала. И не могъ онъ держать карандаша въ рукахъ, а мысль все работала. Казалось, мысль его была внѣ зависимости отъ тѣла, жила отдѣльной жизнью и на порогѣ смерти была такая-же ясная и сильная. М. Л. сообщила мнѣ, что въ этотъ разъ онъ частью диктовалъ новыя мысли, пришедшія ему въ голову, а частью заставилъ ее исправить нѣкоторыя мѣста изъ старой, заброшенной работы, къ которой онъ давно не возвращался. Было очевидно, что въ ту ночь, когда его сердце изнемогало, онъ все думалъ, и мысль его все работала. И такъ повторялось нѣсколько разъ,—при малѣйшемъ улучшеніи онъ снова звалъ Марью Львовну, пока самъ не взялъ въ руки карандашъ.

Черезъ мои руки прошли тысячи лежачихъ больныхъ,—они умирали и выздоравливали, были раздраженные и злые, бунтовавшіе противъ надвигавшейся смерти, были кроткіе и покорные,—пользуюсь опредѣленіемъ того же Л. Н., по-русски покорные, мирившіеся съ тѣмъ, что приближалось къ нимъ,—но за всю мою долгую медицинскую жизнь я не запомню ни одного случая, гдѣ бы такъ думали въ то самое время, какъ подходила смерть, думали не о дѣтяхъ, не объ неустроенныхъ дѣлахъ, не о неснятыхъ съ совѣсти камняхъ, а объ общемъ, о дальнемъ, о томъ, что не касалось личной жизни, ближней жизни.

И даже покорный намъ, онъ и въ самыя тяжелыя минуты оставался тѣмъ же непокорнымъ, какимъ онъ былъ всю жизнь, и случалось, что насмѣшливый огонекъ блестѣлъ въ его глубокихъ проницательныхъ глазахъ. Помню, какъ-то во время выслушиванія—Л. Н. было лучше—я машинально повторялъ: „хорошо... очень хорошо... отлично...“ Л. Н. ничего не сказалъ, но, когда снова началось ухудшеніе и температура поднялась за 39°, онъ сказалъ мнѣ, тоже послѣ выслушиванья:

— Ну, что С. Я.—хорошо?.. Очень хорошо?.. Отлично?

Д-ръ Альтшуллеръ очень смѣялся надо мной по этому поводу, но скоро и самъ попался. Также въ одинъ изъ свѣтлыхъ промежутковъ, продолжавшихся долѣе обычнаго, когда мы совсѣмъ было успокоились, д-ръ Альтшуллеръ имѣлъ неосторожность разсказать

Л. Н. про тверского доктора—нѣмца, который ежедневно аккуратно записывалъ въ бюллетени больного: „лютше... лютше...“ а потомъ пріѣхалъ и записалъ: „кончался“. И при слѣдующемъ же обостреніи Л. Н. тоже спросилъ его:

— Ну, что, И. Н., лютше?

Л. Н., несомнѣнно, зналъ всю опасность своего положенія и, нужно думать, чувствовалъ, какъ смерть все ближе заглядываетъ на него изъ-за изголовья. Чѣмъ дальше шла болѣзнь и чѣмъ больше изнемогало тѣло, тѣмъ серьезнѣе становилось лицо, тѣмъ меньше говорилъ онъ словъ намъ, докторамъ, и роднымъ. И тѣмъ покорнѣе становился къ медицинѣ. И временами мнѣ казалось, что онъ продѣлываетъ всю эту сложную и тяжелую, временами мучительную систему леченія только изъ деликатности, чтобы не огорчить родныхъ отказомъ отъ лѣченія, чтобы не обидѣть насъ врачей, которые такъ много хлопотали около него и которымъ такъ хотѣлось вылѣчить его.

Помню, когда всякая опасность миновала, мы собирались спустить его съ постели, и Л. Н. лежалъ съ тетрадкой, самъ записывалъ въ нее свои мысли, и былъ очень веселъ и оживленъ,—я, послѣ выслушиванія, захотѣлъ взять реваншъ и сказалъ ему:

— Ну, что, Левъ Николаевичъ,—кто оказался правъ? какъ вы теперь находите,—хорошо, очень хорошо, отлично,—или худо, очень скверно?

Онъ сдѣлался сразу очень серьезенъ, долго молчалъ и медленно и раздумчиво выговорилъ:

— Вы думаете,—хорошо сдѣлали, что вылѣчили меня? Я уже приготовился... Вы думаете, это легко? Настроиться... и опять придется. Все равно придется...

Онъ, очевидно, не забылъ этого разговора... Черезъ нѣсколько дней мнѣ же пришлось присутствовать при первомъ спускѣ его съ кровати. Онъ торопливо, дрожащими руками одѣвался и не могъ скрыть того особеннаго волненія и удовольствія, которое испытываютъ долго и тяжело хворавшіе больные, когда имъ позволяютъ, наконецъ, встать съ постели. И было радостно, и трогательно, и немножко смѣшно смотрѣть, какъ Л. Н. дѣлалъ осторожно, словно нащупывая полъ, свои первые шаги, какъ постепенно расправлялъ свои длинныя ноги, какъ, наконецъ, заложивши своимъ привычнымъ жестомъ руки за поясъ, попробовалъ сдѣлать легкій пируэтъ и засмѣялся, когда ему удался пируэтъ. Вдругъ онъ неожиданно обратился ко мнѣ и полу-шутя, полу-серьезно сказалъ:

— Былъ у меня знакомый, тульскій же помѣщикъ, почему-то все ѣздилъ ко мнѣ непремѣнно въ каретѣ. А карета была неимовѣрно грязная,—я ему и говорю однажды: „ты бы хоть когда-нибудь распорядился вымыть карету!“—А онъ мнѣ отвѣчаетъ: „нельзя мыть, если ее начать мыть, такъ она развалится“... Вотъ вы вымыли меня, а что изъ этого толку?

Я ему отвѣтилъ, что мы еще поѣздимъ и шибко поѣздимъ. Л. Н. все ходилъ по комнатѣ и улыбался и все учился ходить.

И тогда болѣзнь Л. Н. нашла широкій отзвукъ среди общества; намъ приходилось отвѣчать на множество телеграммъ изъ разныхъ концовъ Россіи и изъ заграницы. Скоро обнаружилось вниманіе и съ другой стороны. Почти тотчасъ-же, какъ появились въ газетахъ извѣстія о тяжеломъ положеніи Л. Н., стали появляться въ окрестности Гаспры какіе-то темные, чужіе люди, никому неизвѣстные, которые сидѣли въ сосѣднихъ кофейняхъ, въ лавочкахъ, перехватывали съ вопросами прислугу и извозчиковъ, заходили во дворъ, нюхали, справлялись на задворкахъ. Разъ я уѣзжалъ въ Ялту послѣ вечерняго тяжелаго консиліума,—у самаго выѣзда изъ дачи выскочила изъ кустовъ какая-то темная фигура и, схватившись за экипажъ, подозрительно встревоженнымъ голосомъ спросила:

— Что, г. докторъ, какъ съ Л. Н., говорятъ, худо?

Я бросилъ ему: „очень хорошо, выздоравливаетъ", и велѣлъ гнать лошадей. И это потустороннее вниманіе наростало во время и по мѣрѣ ухудшенія положенія Л. Н. Помню послѣднюю вспышку воспалительнаго процесса у Л. Н., быть можетъ, наиболѣе страшную, именно потому, что она была послѣдней, послѣ ряда такихъ же вспышекъ, изъ которыхъ онъ еле-еле выкарабкивался, становясь все слабѣе и слабѣй. Тогда уже пріѣхали изъ Москвы постоянный врачъ Л. Н., д-ръ Никитинъ, и д-ръ Щуровскій, вернулся изъ отпуска и земскій врачъ Волковъ. Положеніе Л. Н. было особенно тяжелое, онъ былъ въ забытьи, дыханіе было очень затруднено, появился легкій ціазнозъ и обнаружены были признаки начинающагося отека легкихъ. Консиліумъ изъ пяти врачей призналъ положеніе почти безнадежнымъ и мы съ минуты на минуту ожидали начала агоніи.

И какъ-разъ въ эту страшную минуту пришли опредѣленныя извѣстія, что рядомъ, въ Мисхоръ, прибыло лицо судебнаго вѣдомства съ порученіемъ немедленно послѣ смерти Л. Н. опечатать всѣ его бумаги, что мисхорскому священнику даны опредѣленныя инструкціи проникнуть во что-бы то ни стало къ умирающему Толстому и устроить видимость пріобщенія Толстого къ церкви... И больше появилось темныхъ, подозрительныхъ людей, расхаживавшихъ съ тросточками по шоссе, мимо Гаспры.

Я и по сіе время не знаю, сколько было правды въ этихъ сообщеніяхъ,—мнѣ положительно извѣстно, что мисхорскій батюшка не дѣлалъ никакихъ попытокъ насильственно проникнуть въ домъ,— но извѣстія были настолько опредѣленны и настойчивы, что взбудоражили всѣхъ, окружавшихъ постель Толстого. Мы, врачи, совѣщались на консиліумѣ, какъ намъ поступить въ случаѣ насильственнаго вторженія чужихъ, темныхъ людей, а въ домѣ происходила тре-

вога, собирали бумаги, письма Л. Н., чтобы уберечь ихъ отъ вторженія и исторженія, и все очистили, кромѣ маленькаго шкафика съ очень важными бумагами, что стоялъ въ комнатѣ больного прямо предъ его глазами и откуда поэтому нельзя было ничего извлекатѣ.

Все миновало. Л. Н. выздоровѣлъ, и скрылись темныя птицы, что вились надъ его скорбнымъ одромъ, гдѣ рѣшался вопросъ о жизни и смерти...

Выздоровленіе Л. Н. шло медленно. Медленно возвращались къ нему силы, и долго возили его въ креслѣ по аллеямъ сада. Только умственныя силы возвратились быстро, и скоро вернулся онъ къ своимъ привычнымъ умственнымъ занятіямъ. Снова сталъ очень оживленъ и интересовался всѣмъ, что происходило кругомъ. Пріѣзжали изъ Ялты Чеховъ и Горькій, мы ходили за кресломъ Л. Н. и вели бесѣду или сидѣли у оконъ дома, за чаемъ. И снова насмѣшливый огонекъ заблестѣлъ въ глазахъ Л. Н. Не помню, съ кѣмъ, онъ при первомъ же случаѣ успѣлъ сцѣпиться все по тому же вопросу о соціализмѣ, о насиліи надъ человѣкомъ и неизбѣжномъ принужденіи, вытекающемъ изъ соціализма.

Вернулся къ обычной мысли, къ обычной манерѣ работать. Онъ получалъ огромную корреспонденцію и отвѣчалъ на нее. Не смотря на свой заявленный уходъ отъ искусства, онъ, очевидно, никогда не могъ дѣйствительно уйти отъ него. Не знаю, писалъ ли онъ тогда „Хаджи-Мурата", но, очевидно, много думалъ о немъ. Онъ часто говорилъ мнѣ о „Хаджи-Муратѣ", и когда узналъ, что я былъ на войнѣ на Кавказѣ (въ турецкую кампанію), разспрашивалъ, слышалъ ли я о немъ, сохраняются ли еще тамъ воспоминанія. Къ сожалѣнію, я только смутно помнилъ разсказы старыхъ кавказскихъ офицеровъ о томъ, какъ Хаджи-Муратъ, кажется, похитилъ княгиню Чавчавадзе и еще какую-то другую даму и какъ рыцарски обращался съ ними, да еще смутно мелькало воспоминаніе о какой-то книжкѣ „Хаджи-Муратъ". Книжкой этой Л. Н. особенно интересовался, говорилъ, что онъ искалъ ее и не могъ найти, и даже просилъ меня помочь ему розыскать.

Очевидно, онъ въ то же время слѣдилъ за журналами и интересовался русской беллетристикой, новыми талантами. Разъ онъ спросилъ меня, не знаю ли я Куприна, въ то время еще не очень извѣстнаго, разсказъ котораго изъ цирковой жизни объ атлетѣ незадолго передъ тѣмъ появился въ „Мірѣ Божьемъ", и очень заинтересовался имъ, когда я сказалъ, что Купринъ—бывшій офицеръ, и вкратцѣ передалъ сложную біографію его. Я воспользовался случаемъ и попросилъ позволенія познакомить съ нимъ А. И. Куприна, который тогда жилъ въ Ялтѣ и просилъ меня устроить ему знакомство съ Л. Н. Онъ охотно согласился.

Л. Н. высоко цѣнилъ Чехова и однимъ изъ любимыхъ имъ чеховскихъ разсказовъ была „Душечка“. Разъ онъ спросилъ меня, какъ я отношусь къ Чехову. Я отвѣтилъ, что я—горячій поклонникъ его разсказовъ, но не очень люблю его драмы.

— А я совсѣмъ не люблю... Совсѣмъ не нравятся...—И сталъ развивать мысль, что драма—совсѣмъ особый родъ литературы, имѣющій свои непреложные законы, что въ драмѣ долженъ быть непремѣнно узелъ, центръ, изъ котораго все бы исходило и къ которому все сходилось бы, чего у Чехова совсѣмъ нѣтъ.

Я оговорился, что не все еще видѣлъ на сценѣ, что вотъ „Дядя Ваня“ въ чтеніи мнѣ умѣренно понравился, а когда я увидѣлъ пьесу въ Москвѣ на сценѣ Художественнаго театра,—очень. Л. Н. перебилъ меня:

— Меня, вотъ, тоже уговорили въ Москвѣ — поѣзжай, непремѣнно поѣзжай на „Дядю Ваню“! Поѣхалъ—еще хуже!

А потомъ Л. Н. всталъ съ кресла, расправилъ свои ноги и снова принялся за свои прогулки. И все пошло по старому. Въ Гаспрѣ не было „дерева бѣдныхъ“ и такой ежедневной толпы просителей но посѣщенія разныхъ людей все увеличивались. Проникали къ нему со своими просьбами и докуками разные странники, калики-перехожіе, нѣкоторые изъ нихъ давніе его знакомые, и онъ разсказывалъ мнѣ про нихъ исторіи. Начался весенній сезонъ, Ялта наполнялась пріѣзжими, мимо Гаспры проѣзжали экскурсіи Ялтинскаго горнаго клуба. Всѣмъ хотѣлось видѣть Л. Н., и нерѣдко въ воротахъ дачи, во дворѣ можно было видѣть экскурсантовъ, ждавшихъ, не покажется-ли Л. Н. въ окнѣ. Разъ случилась такая сцена. Мы сидѣли большимъ обществомъ на дворѣ, у оконъ дома,—кажется, былъ Горькій и Чеховъ—Л. Н. былъ внутри, ходилъ по комнатѣ, время отъ времени останавливался у открытаго окна и бесѣдовалъ съ нами, когда во дворъ буквально ворвалась толпа экскурсантовъ, очевидно, замѣтившихъ Л. Н. Впереди бѣжала дама съ сѣдыми волосами и молодымъ лицомъ, запыхавшаяся, раскраснѣвшаяся и стала говорить Л. Н. что-то торопливое, путанное, что трудно было разобрать:

— Мы... Левъ Николаевичъ... Ваши произведенія. „Дѣтство и Отрочество“... Мы всѣ... „Дѣтство и Отрочество“...

Все продолжалось минуты двѣ и кампанія удалилась, а Л. Н. сердито ходилъ по комнатѣ и раздраженно передразнивалъ: „Дѣтство и Отрочество“!.. „Дѣтство и Отрочество“!.. Я попробовалъ заступиться за даму и сказалъ, что она просто сконфузилась, да и запыхалась, но Л. Н. все сердился и говорилъ:

— Навѣрное, и не читала ничего больше... Навѣрное и не читала!—И снова передразнилъ: „Дѣтство и Отрочество“, „Дѣтство и Отрочество!“

Онъ выздоравливалъ и по мѣрѣ выздоровленія вставалъ и вы-

рисовывался предо мной настоящій здоровый Толстой, въ его огромности, сложности и необыкновенности. Именно необыкновенсти... Я говорю не объ умственномъ голодѣ Толстого и его вѣчно несытой совѣсти, не о его вѣчныхъ исканіяхъ, — съ юности до астаповской комнаты, — за которыми такъ напряженно слѣдила не только Россія, но и вся Европа, можно сказать, цѣлый міръ, — объ его исканіяхъ, такъ рѣдко въ такой мѣрѣ встрѣчавшихся въ мірѣ. Я говорю объ огромности его, какъ человѣка, о необыкновенности его индивидуальныхъ, обыкновенныхъ человѣческихъ чертъ.

Мой знакомый московскій врачъ, долго лѣчившій Толстого и хорошо его знавшій, какъ-то разсказывалъ мнѣ, какой былъ аппетитъ у Льва Николаевича, когда ему перевалило уже за шестьдесятъ, когда онъ не пилъ водки и не употреблялъ искусственныхъ возбуждающихъ аппетитъ средствъ, сколько онъ могъ съѣдать, очевидно, какъ обычную норму питанія. Повидимому, у него былъ и, такъ сказать, мускульный голодъ. Ему недостаточно было просто выкупаться въ рѣчкѣ подъ Ясной Поляной, а нужно было при этомъ совершить рядъ гимнастическихъ мудреныхъ и трудныхъ упражненій, даже въ то время, когда ему было подъ 70 лѣтъ. Онъ не могъ ходить, какъ всѣ люди, „прогуливать себя“, и его обычной нормой была ежедневная прогулка пѣшкомъ или верхомъ на 15—20 верстъ. И, повидимому, онъ уставалъ, если двигался меньше и отдыхалъ, если мускулы его работали столько, сколько они требовали,—я всегда встрѣчалъ его веселымъ и бодрымъ,— именно отдохнувшимъ, когда онъ возвращался послѣ длиннаго путешествія верхомъ или пѣшкомъ.

Былъ и умственный голодъ...

Повидимому, ему чуждо было и несвойственно и не удовлетворяло его—„поработать“, „подумать,“—а нужно было сильно работать, много думать,—надъ тѣмъ, что приходило къ нему изо дня въ день въ видѣ безчисленныхъ писемъ и разспросовъ, надъ постоянными, никогда не прерывавшимися запросами его духа, надъ своей проповѣдью и надъ художественными образами, старыми и новыми, которые неотступно стояли предъ нимъ, отъ которыхъ онъ никогда не могъ уйти, даже тогда, когда считалъ вредомъ и преступленіемъ свою работу надъ этими художественными образами.

Повидимому, онъ уставалъ отъ недѣланія и отдыхалъ отъ большого дѣланія. Онъ отдыхалъ, когда ему удавалось вдосталь наработаться, и, когда онъ выходилъ къ завтраку своей легкой эластичной походкой, оживленный, съ блескомъ въ глазахъ, я зналъ, что онъ хорошо поработалъ за утро, что онъ много передумалъ и много написалъ. Иногда онъ и самъ разсказывалъ, въ подтвержденіе моихъ мыслей, то большое, что онъ сдѣлалъ за утро. Были у Л. Н. Толстого благодушные, тихіе разговоры, они были, когда что-нибудь вспоминалось, когда онъ всматривался въ новаго чело-

вѣка, — но часто разговоръ былъ битвой, напряженной работой мысли, нападеніемъ и самообороной—болѣе нападеніемъ, чѣмъ самообороной,—стремленіемъ не только убѣдить собесѣдника въ своемъ, но прежде всего разбить его доводы. И было недовольство и усталость, если не удавалось ему отдохнуть, поработать мыслью и чувствомъ въ этомъ спорѣ.

Онъ былъ необыкновенный человѣкъ. Во всемъ человѣческомъ... Онъ самъ писалъ о своихъ властныхъ инстинктахъ и самъ мнѣ вскользь упоминалъ объ нихъ, о тѣхъ неодолимыхъ инстинктахъ, которые владѣли людьми въ его посмертныхъ произведеніяхъ, въ разсказахъ „Дьяволъ“ и „Отецъ Сергій“... Онъ былъ игрокъ въ той же необузданной мѣрѣ, какъ былъ игрокомъ Достоевскій, проигравшій платья своей жены. Софья Андреевна разсказывала мнѣ, какъ онъ проигралъ домъ, старый графскій домъ Толстыхъ. Л. Н. самъ разсказывалъ мнѣ, какъ на Кавказѣ, на случайной остановкѣ на какой-то станціи, онъ проигралъ все, что у него было съ собой, какъ другой разъ, не помню гдѣ, онъ могъ проиграть и проигралъ бы не только то, что имѣлъ съ собой, но и все, что вообще имѣлъ, если бы не остановилъ его товарищъ.

Мнѣ пришлось играть съ Л. Н. Я видѣлъ, какъ онъ играетъ, и могъ представить себѣ, какъ онъ игралъ въ молодости. Л. Н. уже выздоровѣлъ. Какъ-то я заѣхалъ къ нему вечеромъ послѣ путешествія въ продолженіе цѣлаго дня по горамъ и былъ встрѣченъ Львомъ Николаевичемъ съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ,—оказалось, у нихъ не было четвертаго партнера въ винтъ. Я не только усталъ, но и жестоко простудился въ горахъ, чувствовалъ, что у меня былъ сильный жаръ, и спѣшилъ домой, но Л. Н. такъ упрашивалъ меня, что я остался, оговорившись, что я сыграю только одинъ роберъ. Мнѣ везло нелѣпое счастье, и я кончилъ роберъ въ двѣ игры, заказавши большой и малый шлемъ. Когда я поднялся, чтобы уходить, Л. Н. запротестовалъ и началъ доказывать, что кончать роберъ въ двѣ игры — случай исключительный и какъ таковой не можетъ входить въ понятіе нормальнаго робера и потому я долженъ остаться еще на два робера. Какъ ни плохо я чувствовалъ себя, я не могъ не согласиться.

Я не знаю, правда ли, что характеръ человѣка сказывается въ карточной игрѣ, но Л. Н. я долженъ причислить къ самымъ азартнымъ, самымъ отчаяннымъ игрокамъ, какихъ я только встрѣчалъ въ жизни. Онъ страшно рисковалъ, упорно не хотѣлъ уступать игры противникамъ. Онъ весь былъ въ волненіи и, помню, когда онъ назначилъ большой шлемъ, и я по первому же ходу убилъ его туза козырной двойкой, онъ прямо подскочилъ на стулѣ и крикнулъ: „что-же это такое!“ Послѣдній роберъ я игралъ съ Л. Н.; мы оба отчаянно рисковали, и онъ остался въ полномъ восторгѣ, когда мы тоже въ двѣ игры взяли блестящій роберъ.

Было чудесное, ослѣпительное, ялтинское весеннее утро, когда мы провожали Л. Н. на пароходъ. Шла обычная пароходная суголока съ носильщиками, чемоданами, узлами, дѣтьми. Каюта была биткомъ набита родными Л. Н. и провожавшими его ялтинцами,— тамъ стало душно, и мы вышли съ Л. Н. на палубу и усѣлись на канаты, сложенные на носу парохода. Мы любовались красивой Ялтой, выглядѣвшей особенно красиво вь это чудесное весеннее утро. Л. Н. былъ мягкій, сердечный. Почему-то онъ снова заговорилъ объ учащейся молодежи, о чемъ мы не разъ говорили въ Гаспрѣ, и повторилъ съ той же нѣжностью:

— Да, они лучше насъ... Чище, чѣмъ мы были.

Въ Гаспрѣ онъ мнѣ разсказывалъ, чѣмъ жила молодежь въ его время.

Л. Н. распрашивалъ у меня о дѣлѣ, которымъ въ то время я много занимался—объ устройствѣ въ Крыму пріѣзжихъ бѣдныхъ туберкулезныхъ людей—и горячо высказывалъ свое сочувствіе этому дѣлу и вдругъ неожиданно спросилъ: „сколько вамъ лѣтъ"? Я отвѣтилъ, что 48. Къ моему удивленію, лицо его сразу сдѣлалось серьезнымъ, даже суровымъ, онъ взглянулъ на меня исподлобья пронизывающимъ и — я не могу найти другого выраженія — завистливымъ взглядомъ и, отвернувшись, угрюмо выговорилъ: „Сорокъ восемь!.. Самое лучшее время моей работы... Никогда такъ не работалъ. Онъ перестала любоваться Ялтой, долго молчалъ и потомъ тихо выговорилъ—должно быть больше себѣ, чѣмъ мнѣ:— „Анну Каренину писалъ"...

Подошелъ А. И. Купринъ,—знакомство было назначено именно на пароходѣ—и Л. Н. снова сталъ милъ и любезенъ. Я не хотѣлъ мѣшать и оставилъ ихъ вдвоемъ.

Когда мы разставались, Л. Н. взялъ съ меня слово, что я пріѣду къ нему въ Ясную Поляну.

Ближайшей же осенью я заѣхалъ въ Ясную Поляну. Л. Н. былъ на своей обычной прогулкѣ, очевидно, очень продолжительной, такъ какъ я долго сидѣлъ безъ него съ семьей. Спустились сумерки, зажгли огни въ домѣ, когда внизу хлопнула дверь. Должно быть, ему сказали внизу о моемъ пріѣздѣ, онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ черезъ ступеньку и еще съ лѣстницы говорилъ мнѣ: „Здравствуйте!.."

— А ну, присядьте!—былъ первый его привѣтъ мнѣ, тутъ-же у перилъ лѣстницы, куда я вышелъ встрѣчать его. Я не понялъ, чего онъ хотѣлъ, и стоялъ въ недоумѣніи.

— Вотъ такъ—сказалъ онъ мнѣ, и показалъ, чего онъ хотѣлъ. Я присѣлъ неловко и неуклюже и тотчасъ послѣ меня Л. Н. присѣлъ почти до полу и легко, эластично, гораздо лучше меня вскочилъ. Я смѣялся и говорилъ искренне удивленный:

— Гдѣ же мнѣ за вами, Л. Н.. угоняться!..

Л. Н. былъ чрезвычайно доволенъ,—и тѣмъ, что онъ взбѣжалъ на лѣстницу, не задыхаясь, и тѣмъ, что я присѣлъ неловко и не такъ низко, какъ онъ, и не такъ высоко подпрыгнулъ, — и я увѣренъ, что въ эту минуту мой комплиментъ принесъ ему болѣе удовольствія, чѣмъ если бы я расхвалилъ всѣ его сочиненія.

Онъ былъ очень радушенъ и чрезвычайно оживленъ, когда мы сидѣли за чаемъ. Подробно разспрашивалъ о Ялтѣ, объ общихъ знакомыхъ, о моемъ дѣлѣ устройства въ Ялтѣ туберкулезныхъ больныхъ, живо интересовался переселеніемъ крымскихъ татаръ въ Турцію, разспрашивалъ о причинахъ этого движенія, и мнѣ пришлось долго объяснять ему эту и горестную и нелѣпую исторію.

Послѣ чая онъ предложилъ мнѣ:

— Не хотите-ли, я прочитаю вамъ двѣ вещи, которыя я написалъ за это время?

Я очень хотѣлъ, и мы ушли съ Л. Н. въ маленькую комнату.

У меня остался непріятный осадокъ отъ этого вечера. Л. Н. читалъ одинъ изъ наименѣе удачныхъ своихъ народныхъ разсказовъ — „Первый винокуръ“. Мое положеніе было особенно тяжелое, потому еще, что Л. Н., очевидно, очень нравилось написанное имъ и особенно нравилось именно то, что мнѣ рѣшительно не нравилось. Онъ подчеркивалъ мѣста, которыя меня коробили, самъ смѣялся надъ мѣстами, которыя были для меня не смѣшны.

Когда Л. Н. кончилъ и спросилъ мое мнѣніе, я очутился въ очень трудномъ положеніи. Со всевозможной деликатностью, я былъ вынужденъ высказать то, что я думалъ и какіе нашелъ недостатки. Въ общемъ я высказалъ, что разсказъ приблизительно въ этой редакціи давно обращается въ народѣ и что передѣлка его мало прибавитъ народу. Не столько изъ моихъ словъ, сколько изъ моихъ умолчаній Л. Н. понялъ, что разсказъ мнѣ не понравился, и очень огорчился. И сейчасъ же вступилъ въ споръ, который скоро перешелъ на общую почву. Л. Н. говорилъ, что для народа нужно писать именно это, именно такъ, а то, что онъ писалъ раньше, было одно баловство (я не ручаюсь за выраженія, а только за общій смыслъ), что это баловство народу не нужное и даже вредное, а я говорилъ, что народъ самъ уходитъ отъ нѣкоторыхъ старыхъ темъ и старыхъ манеръ и приходитъ и все болѣе будетъ приходить къ тому, что и какъ писалъ Толстой художникъ. Я утверждалъ, что искусство и художественная форма народу еще нужнѣе, чѣмъ намъ, и что скоро придетъ время, когда народъ будетъ читать не только народные разсказы Толстого, а всего Толстого. Я разсказывалъ Л. Н. о Вятской крестьянской газетѣ, которую я получалъ тогда, о томъ, какъ широко использованъ тамъ Некрасовъ, о новомъ тогда начинаніи—выпускѣ маленькими брошюрками художественныхъ разсказовъ.

Споръ нашъ становился все интереснѣе для меня, и Л. Н. оживился и забылъ огорченіе, защищая свои взгляды,—когда въ

комнату вошла Софья Андреевна, очевидно, слышавшая начало нашего спора, и обратилась ко мнѣ:

— Вотъ и я ему говорила...

Она стала излагать свое мнѣніе о прочитанномъ разсказѣ, въ менѣе стѣснительныхъ и болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ, сильно сгущая краски. Мои попытки внести умиротворящую ноту были неудачны. Л. Н. продолжалъ спорить и защищаться, но на губахъ его была сконфуженная улыбка и весь онъ былъ огорченный и сконфуженный. Такъ чтеніе второй вещи и не состоялось. Я даже не могъ узнать, что еще онъ хотѣлъ прочитать мнѣ.

Я почувствовалъ потомъ, что Л. Н. никакого неудовольствія на меня не имѣетъ, и вся эта исторія не помѣшала намъ проститься тепло и сердечно.

II.

Понять Толстого—задача трудная. И долго люди стояли въ недоумѣніи предъ нимъ, такъ онъ былъ сложенъ и, казалось, внутренно противорѣчивъ, такой онъ былъ необыкновенный человѣкъ, такъ одинокъ былъ путь, которымъ онъ шелъ въ жизни...

Вопросъ о Толстомъ восходитъ къ вопросу о человѣкѣ вообще, къ величайшей проблемѣ человѣческаго духа. И пониманіе Толстого въ значительной мѣрѣ сводится къ пониманію двойственности человѣческаго духа, того непримиряющагося и, повидимому, непримиримаго, что заложено въ человѣкѣ, вѣчно борющихся въ человѣкѣ силъ,—инстинкта и вершинъ сознанія, вѣры и сомнѣнія, мысли и дѣйствованія и той равнодѣйствующей, что называется волей. Быть можетъ, къ пониманію и другихъ непримиренностей въ человѣкѣ, отношеній индивидуума къ коллективу, вѣчной борьбы индивидуальности и общности.

Этотъ конфликтъ борющихся и непримиряющихся въ человѣческой душѣ силъ былъ всегда основной проблемой философіи, вѣчной темой поэзіи и художества, сюжетомъ самыхъ знаменитыхъ драмъ, пережившихъ вѣка, и виситъ проклятіемъ и... благословеніемъ надъ человѣчествомъ. И прежде всего тяжкой драмой для отдѣльныхъ людей.

А люди, большіе и малые, жаждутъ прежде всего успокоенія, внутренняго примиренія, согласованности души, чтобы легка была воля, потому что воля, способность выбирать, куда идти, такъ отграничивающая человѣка отъ животнаго, давно сдѣлалась тяжкимъ бременемъ человѣка, такимъ тяжкимъ, что на распутьи жизни люди, случается, выбираютъ самоубійство, какъ наилегчайшее рѣшеніе вопроса или, вѣрнѣе, освобожденіе отъ рѣшенія вопроса—куда идти.

Вѣчно къ вѣрѣ тянетъ человѣка, или по крайней мѣрѣ, къ увѣренности, а сомнѣніе разрушаетъ вѣру и не пускаетъ вѣру въ че-

ловѣческую душу, лишаетъ его увѣренности. И мысль препятствуетъ дѣйствованію—многомыслящіе люди труднѣе поднимаемы къ дѣйствованію, и инстинктивно отворачиваются отъ многомыслія люди дѣйствованія. Повидимому, мысль, размышленіе, долго практикуемое и занимающее большое мѣсто въ психикѣ человѣка, есть по существу, если не противоположное, то качественно отличное, задерживающее, противорѣчивое дѣйствованію...

И можетъ быть, нужно посмотрѣть на Гамлета не съ Тургеневской точки зрѣнія, какъ только противоположеніе Донъ-Кихоту, а именно съ этой болѣе широкой, болѣе сложной точки зрѣнія,—внутренняго, органическаго противоположенія въ самомъ человѣкѣ чувства, мысли и дѣйствованія.

Можетъ быть, правильно будетъ сказать, что наименѣе конфликтовъ тамъ, гдѣ недалеко и неглубоко проведены эти разныя линіи человѣческаго духа и что, чѣмъ болѣе удлинены онѣ и глубоки, тѣмъ чаще, тѣмъ тяжелѣе, тѣмъ неизбѣжнѣе эти конфликты. Малымъ, среднимъ людямъ облегчается жизнь не только тѣмъ, что средняя мысль не строгая и не требовательная и средняя совѣсть не тяжка и не обременительна, но и тѣмъ, что они всегда люди общности, и что ихъ мышленіе, ихъ воля и дѣйствованіе въ значительной мѣрѣ диктуются имъ со стороны и за нихъ общностью,—окружающей обстановкой, моралью и разумомъ ихъ круга. Гораздо труднѣе большимъ людямъ, необыкновеннымъ людямъ, и вотъ почему рѣдко гармоничны бываютъ большіе люди и наиболѣе тяжки драмы, переживаемыя ими. Можетъ не быть драмы и у необыкновенныхъ людей, когда одна линія проведена дальше, чѣмъ другая, когда она доминируетъ надъ другими, будетъ ли это чувствованіе, мышленіе, дѣйствованіе, какъ было у Будды, Сократа, Наполеона. Великая драма, легко переходящая въ трагедію, начинается тамъ, гдѣ необыкновенно далеко проведены всѣ линіи человѣческаго духа, гдѣ онѣ не сходятся, гдѣ глубже антагонизмъ между вѣрой и сомнѣніемъ, между мышленіемъ и дѣйствованіемъ.

Раньше было легче примиреніе въ человѣкѣ, согласованность ума и увѣренность души. Въ тѣ „доисторическія“ времена, когда царствовалъ инстинктъ всевластный, всепокоряющій, когда было слабѣе размышленіе и сильнѣе дѣйствованіе, когда вѣра была окутана тайной и вооружена чудомъ, а сомнѣніе было безоружное и немощное, когда больше и властнѣе было міровоспріятіе и міречувствованіе и было меньше и слабѣе знаніе и міропониманіе. И, можетъ быть, та первобытная цѣльность личности, по которой такъ тоскуютъ сейчасъ, которой восхищаются въ людяхъ древности и которую такъ безплодно подъ разными лозунгами стремятся воскресить въ нашей жизни,—есть цѣльность человѣка властнаго инстинкта, великой вѣры и малаго сомнѣнія, малой мысли и яркой воли и яркаго дѣйствованія и, можетъ быть, этимъ объясняется, что люди, зову-

щіе къ воскрешенію цѣльности жизни,—такъ сильны въ критикѣ и отрицаніи и такъ немощны въ утвержденіи.

Мы часто смѣшиваемъ слова „геніальный человѣкъ" и „необыкновенный человѣкъ". Понятія не всегда сходятся. Человѣкъ можетъ быть геніальнымъ и въ то же время обыкновеннымъ человѣкомъ; можетъ быть необыкновеннымъ, какъ человѣкъ, и не геніальнымъ. Левъ Николаевичъ Толстой былъ геніальный человѣкъ въ области художественнаго творчества и былъ необыкновенный, какъ человѣческая личность.

Именно въ указанномъ мною необыкновенно далекомъ проведеніи линій человѣческаго духа и широкомъ расхожденіи этихъ линій. И въ смыслѣ великой драмы, внутренней драмы, въ которую вылилась его жизнь.

Онъ былъ человѣкъ огромныхъ инстинктовъ и великихъ запросовъ человѣческаго духа, большой вѣры и великаго сомнѣнія, напряженной мысли и жажды дѣйствованія. Такъ онъ опредѣлился съ юности. Онъ хотѣлъ непремѣнно летѣть и полетѣлъ изъ окна и въ то же время въ ту же юность онъ все размышлялъ, онъ уже тогда говорилъ: я думаю, что я думаю о чемъ я думаю [1]). И въ періодъ, когда надъ нимъ властвовали его огромные инстинкты, великимъ бунтомъ поднималась со дна души его огромная совѣсть. У него былъ голодный, никогда не сытый умъ и голодная, вѣчно алчущая и жаждущая совѣсть. И была вѣчная борьба, вѣчный конфликтъ въ душѣ его, доходившій до мысли о самоубійствѣ.

И онъ всегда, всю жизнь жаждалъ примиренія, внутренняго согласованія, и остался несогласованнымъ. Онъ искалъ вѣры и усумнился въ чудѣ, издѣвался надъ чудомъ и создалъ, придумалъ вѣру безъ тайны, вѣру — мораль, безчудную, размышляющую вѣру...

Онъ былъ непримиримый. Онъ всю жизнь стремился къ кротости, круглости, къ покорности, примиренности и согласованности Каратаева и всегда оставался гнѣвнымъ, непокорнымъ и бунтующимъ, съ рѣзкими углами личности, съ далеко продвинутыми и несогласованными сторонами его человѣческаго я,—всегда оставался рѣзко выраженнымъ я, чуждымъ общности.

Такъ онъ и умеръ непримиренный негогласованный... Я не видѣлъ его послѣднія десять лѣтъ, но изъ того, что я зналъ о немъ и изъ того, что я читалъ въ его послѣднихъ литературныхъ выступленіяхъ, онъ оставался для меня тѣмъ же, ка-

---

[1]) Въ „Отрочествѣ" оъ говоритъ: „Изъ всего этого тяжелаго моральнаго труда я не вынесъ ничего, кромѣ изворотливости, ума, ослабившей во мнѣ силу воли и привычки къ постоянному моральному анализу, уничтожившей свѣжесть чувства и ясность разсудка". (Изд. одинадцатое, часть I, стр. 184—185).

кимъ я его зналъ—гордымъ, гнѣвнымъ, бунтующимъ человѣкомъ. Да, онъ примирилъ себя, онъ убѣдилъ себя, что примирился, и, можетъ быть, это самоубѣжденіе стоитъ настоящей примиренности, увѣрилъ себя, что онъ покорный, согласованный,—онъ *настроился* на примиренность, какъ настроился на смерть въ періодъ гаспринскаго умиранія. И дѣйствіе совершилъ, свой уходъ изъ Ясной Поляны, отъ всего, отъ чего давно собирался уйти, но все-таки не ушелъ, чувствуется мнѣ, отъ себя самого.

Онъ всегда останется огромной глыбой человѣческаго „я", но не монолитомъ, а глыбой съ широкими прослойками разныхъ породъ. Въ немъ не было гармоніи, онъ весь изъ диссонансовъ,—какъ ни стремился всю жизнь къ гармоніи, какъ ни жаждалъ устранить и потушить диссонансы своей души.

Нужно помнить, что, не смотря на огромныя колебанія его духовной жизни, на конфликты, доходившіе до мысли о самоубійствѣ, онъ всегда былъ рѣдко, можно сказать, необыкновенно здоровъ умственно и душевно, и къ нему совершенно неприложимы опредѣленія, такъ удобныя и такъ охотно прилагающіяся въ подобныхъ случаяхъ: неврастенія, неуравновѣшенный человѣкъ.

Къ нему не заростетъ тропа, какъ къ геніальному художнику, и къ нему долго будутъ идти люди, какъ къ человѣческой загадкѣ, тѣ, кого волнуетъ проблема человѣческаго духа.

И прежде всего Л. Н. Толстой—русскій, сынъ своей родины, гдѣ литература испоконъ вѣковъ была полна неудовлетворенностью, исканіями, тоской и покаяніемъ, сынъ своего народа, давно уже непримиреннаго и несогласованнаго въ элементарныхъ сторонахъ человѣческой души. Трудно представить себѣ Толстого, поднявшагося изъ Швейцаріи, такъ давно во многомъ примиренной и согласованной и такъ внутренно во всемъ увѣренной,—и понять его можно только въ обстановкѣ Россіи, ея прошлаго и настоящаго, среди русскихъ полей, среди русскаго диссонанса.

Онъ—какъ гора поднимается съ равнины, и съ вершины горы можно далеко обозрѣвать равнину, онъ, какъ факелъ ночью, въ свѣтѣ котораго выступаютъ краски и линіи, окутанныя покровомъ ночи. Но гора поднялась изъ той-же равнины и факелъ горитъ тѣмъ-же освѣтительнымъ матерьяломъ, который есть въ равнинѣ. И если большой человѣкъ освѣщаетъ глубины народа, изъ котораго онъ вышелъ, то и онъ освѣщается и понимается только изъ народа, который поднялъ его на гору. Онъ ваятель, но онъ и глина и мраморъ.

Цѣлый рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ встаетъ предъ нами. Какъ случилось, что Л. Н. Толстой, при наличности эпохи, въ которой онъ жилъ, при той обстановкѣ личной и общественной, среды властвующихъ и сытыхъ людей, въ которой онъ складывался,—

какъ онъ пришелъ къ опрощенію, къ отреченію отъ своего міра, къ проповѣди? Онъ былъ гордый человѣкъ, онъ былъ человѣкъ чести, съ огромно развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, онъ былъ прежде всего человѣкъ борьбы, со всѣми свойствами, обыкновенно сочетающимися съ гордыми, сильными людьми, съ огромнымъ самолюбіемъ, съ любовью къ славѣ, къ власти, вліянію, верховенству надъ людьми.

Мы напрасно старались бы раздѣлять Толстого, какъ часто дѣлаютъ, на періоды жизни,—Толстой до мысли о смерти и до обращенія къ религіи и Толстой—послѣ обращенія. И также безплодно, какъ безплодно вышло это у самого Толстого, пытались бы втиснуть его во второмъ періодѣ въ рамки смиренія, покорности и непротивленія. Онъ всю жизнь былъ одинъ и тотъ-же, — Л. Н. Толстой. Всю жизнь у него шла борьба за утвержденіе своего „я“, правды въ себѣ и за утвержденіе той общечеловѣческой правды, которую онъ считалъ единственной правдой. И всю жизнь, утверждая, онъ отрицалъ и, созидая, разрушалъ,—и трудно сказать, на что больше положилъ онъ сердца и души, страсти и блеска и таланта,—на утвержденіе и созданіе или на отрицаніе и разрушеніе?

Ему никогда не удавалось смирить въ себѣ гордаго человѣка, и до конца жизни онъ оставался человѣкомъ пламеннаго противленія.

Какъ же могъ такой человѣкъ, съ такими яркими, индивидуальными чертами, придти къ своему вѣроученію, не къ творчеству новыхъ идеаловъ, новой сильной и яркой жизни, а къ старому вѣковѣчному русскому ученію о непротивленіи злу? Какъ онъ, сильный, гордый и страстный человѣкъ, пришелъ къ проповѣди смиренія, покорности и недѣланія?

Потомъ, пусть онъ не прошелъ школу научной дисциплины, но онъ былъ человѣкъ мысли, большой напряженной мысли. Онъ былъ хорошо знакомъ съ французскими предреволюціонными дѣятелями мысли, съ англійскими и нѣмецкими мыслителями, и все продолжалъ слѣдить за „Джорджами“, за всякими вспыхивавшими въ мірѣ новыми словами и лозунгами. И онъ жилъ въ эпоху, когда наука дѣлала все болѣе и болѣе блестящія завоеванія и развертывала предъ человѣчествомъ все новыя, безконечныя перспективы... Потомъ, онъ любилъ красоту столь же страстно, какъ страстно любилъ онъ жизнь,—всякую красоту: красоту природы и красоту искусства, а въ особенности музыки...

Какъ онъ, такой чуткій и такой жадный къ красотѣ и мысли человѣкъ, пришелъ къ отрицанію цѣнности науки, цѣнности красоты, и не только къ отрицанію, а и къ признанію вредности самаго искусства, начиная съ того, которымъ онъ занимался всю жизнь?

Можетъ быть, и еще вопросъ встанетъ: почему онъ не пошелъ по той дорогѣ, по которой шли люди его времени и его круга, по

которой шла вся русская литература и русская интеллигенція въ лицѣ величайшихъ своихъ представителей?

Можетъ быть, кое-что объясняется эпохой, въ которую онъ росъ и складывался. Нужно помнить, что Л. Н. родился въ 1828 г., что его юность протекала въ первую половину 40-хъ годовъ, въ одну изъ самыхъ темныхъ эпохъ русскаго безвременья, когда декабристы уже ушли въ прошлое, а люди 60-хъ годовъ еще не вырисовывались въ жизни, когда замиралъ голосъ Бѣлинскаго и не начинались новые голоса, когда университеты представляли то, чѣмъ былъ Казанскій университетъ во время поступленія въ него Толстого. Правда, онъ жилъ въ обстановкѣ старой дворянской графской усадьбы, въ традиціяхъ и живыхъ явленіяхъ стараго крѣпостного строя,—но, вѣдь, люди 60-хъ годовъ, его сверстники, вышли изъ того же безвременья, изъ тѣхъ же усадебъ, изъ тѣхъ же традицій, изъ того же крѣпостного строя,—тѣ люди, которые создали расцвѣтъ русской жизни въ 60-хъ годахъ, въ наукѣ, въ литературѣ, въ музыкѣ, тѣ люди обновленнаго строя, которые перестраивали русскую жизнь, проводили реформы 60-хъ годовъ, создавали судъ и адвокатуру и земство.

Почему онъ не пошелъ съ ними?

Мнѣ приходилось упоминать, что первое, главное, что поразило меня при встрѣчѣ съ Толстымъ былъ его крестьянскій обликъ. Въ лицѣ, въ согнутыхъ плечахъ, въ длинныхъ большихъ рукахъ, казалось, всю жизнь державшихся за соху, за косу. У него былъ не только внѣшній, но и внутренній крестьянскій обликъ,—къ тому времени, какъ я его встрѣтилъ, уже окончательно сложившійся, тотъ, который проявлялся во всей его жизни, который донесъ онъ до могилы... И въ этомъ—главный отвѣтъ на вопросы, поставленные мною выше.

Да, онъ былъ графъ. И воспитывался графомъ и долго оставался графомъ. Можно сказать даже, что до конца жизни графскія черты прослойками входили въ его крестьянскій обликъ и своеобразно окрашивали его. Притомъ онъ былъ графъ своей эпохи, своего времени. Повторяю, онъ родился въ 1828 году, онъ былъ окруженъ въ дѣтствѣ и юности въ лицѣ старшихъ, людьми 20-хъ, 30-хъ годовъ, людьми, такъ сказать, французской культуры, для которыхъ французскій языкъ былъ, если не роднымъ, то, во всякомъ случаѣ, языкомъ дѣтства и болѣе чѣмъ дѣтства, — языкомъ, на которомъ *думали*, которымъ пользовались въ личныхъ отношеніяхъ, въ самой интимной перепискѣ, тѣми людьми, что еще продолжали говорить какъ въ старыхъ литературныхъ произведеніяхъ: „я радъ, сдѣлавъ ваше знакомство", чей русскій языкъ былъ въ значительной мѣрѣ переводомъ съ французскаго. Онъ, вѣдь, родился и росъ еще въ пушкинскія времена. Первыя произведенія Л. Н. еще отмѣчены галлицизмами.

И уже знаменитымъ писателемъ онъ продолжалъ писать письма къ близкимъ людямъ на французскомъ языкѣ, очевидно, болѣе интимномъ, болѣе привычномъ, а, можетъ быть, и необходимомъ для сношеній съ интимными людьми, продолжавшими думать по-французски. Дѣло, конечно, не въ одномъ языкѣ, а во всей культурѣ, въ которой воспитался онъ, въ обстановкѣ дома, въ манерѣ, въ тонѣ, въ библіотекахъ тогдашнихъ дворянскихъ усадебъ, въ книгахъ и идеяхъ, которыя занимали людей дворянскихъ усадебъ и такъ рѣзко отграничивали ихъ тогда отъ всей окружающей жизни, отъ мѣщанства и купечества, мелкаго чиновничества и духовенства,—и прежде всего отъ крестьянства.

По своей соціальной позиціи, по обстановкѣ и составу того круга, въ которомъ онъ выросталъ, онъ не приходилъ въ столкновеніе съ тѣмъ новымъ слоемъ дворянско-разночинческимъ, который выросталъ въ то время въ Россіи и который далъ взрослыхъ людей 60-хъ и 70-хъ годовъ. Въ этомъ смыслѣ прошла мимо него университетская жизнь и не положила на него печати, которую клалъ университетъ на людей его эпохи. Когда онъ сложился, пережилъ уже Кавказскій и Севастопольскій періоды, сталъ уже писателемъ, получившимъ широкую извѣстность, онъ оставался въ существѣ человѣкомъ старорусской дворянской усадьбы, огромнымъ, сложнымъ, мудренымъ человѣкомъ, но графомъ, живущимъ той же жизнью, какою жилъ Пьеръ Безуховъ въ молодости, мечтавшимъ о флигель-адъютантствѣ, о томъ, о чемъ мечтали люди его круга. Онъ уже не умѣщался въ рамки своего круга, но онъ презиралъ демократическія ляшки Тургенева, онъ не связался духовными связями съ либеральными литераторами и дѣятелями 60-хъ годовъ, въ кругу которыхъ онъ одно время вращался въ Петербургѣ,—они были чужіе для него люди.

И тѣмъ не менѣе онъ пришелъ къ мужику... И путь, пройденный имъ отъ графа до мужика, отъ западно-европейской культуры къ крестьянской душѣ и къ крестьянскому міропониманію, есть вся исторія и содержаніе его жизни. На этомъ пути онъ какъ-то прошелъ мимо, обошелъ стороной новую русскую жизнь, складывавшуюся и выроставшую на его глазахъ на обломкахъ крѣпостного строя. Да, позже онъ искренно и горячо относился къ Герцену, о которомъ такъ сердечно говорилъ мнѣ, онъ былъ мировымъ посредникомъ перваго призыва, онъ горячо сочувствовалъ освобожденію крестьянъ и вообще крестьянской реформѣ, но онъ какъ-то бокомъ всталъ къ тому, что совершалось тогда, не только въ центрахъ, но и на мѣстахъ,—къ земству, къ судебнымъ институтамъ, входившимъ въ мѣстную жизнь, къ которымъ онъ такъ скоро повернулся спиной.

Можетъ быть, нужно оговориться, что, отправляясь въ жизненный путь изъ дворянской усадьбы, онъ въ то же время отправлялся и отъ мужика.

Изгородь дворянской усадьбы никогда не была такъ высока, какъ стѣны западно-европейскихъ замковъ, и деревня всегда широкой волной вливалась въ помѣщичьи и даже графскіе дома, въ видѣ кормилицъ и нянекъ и разныхъ людей отъ сохи. И, случалось, эти волны наперекоръ французскому языку и французской культурѣ именно по-русски, по народному настраивали души дворянскихъ дѣтей.

Извѣстно, что сдѣлала для души и для творчества Пушкина нянька его. И, когда Левинъ возвращался съ своими горями изъ московскаго свѣта въ свою усадьбу, тамъ ждала его нянька, со всей строгостью и лаской, которой владѣли старыя няньки, и у молодого помѣщика, котораго описываетъ Толстой тоже была нянька, смотрѣвшая за нимъ, обнимавшая его любовью своей и своимъ неуклоннымъ вниманіемъ. Въ помѣщичьи усадьбы доносились пѣсни деревенскія и стоны крестьянскіе. И кругомъ,—и въ церкви, и въ томъ, чѣмъ пропитанъ былъ весь укладъ, обнимала ихъ деревенская вѣра, хрестьянская вѣра, такая всеобъемлющая. Л. Н. Толстой ушелъ въ другой міръ, далеко ушелъ отъ деревни, въ университетъ, на Кавказъ, въ Севастополь, въ московскій и петербургскій большой свѣтъ, но деревня все жила въ немъ. И первое его литературное произведеніе „Дѣтство и Отрочество“ состояло, помимо личныхъ переживаній,—изъ помѣщичьей усадьбы и деревни. Кругъ его творчества расширялся, туда вошли другіе міры, далекіе и отъ усадьбы и отъ крестьянства, вошли темы, развертывавшіяся на фонѣ міровыхъ событій, великихъ конфликтовъ человѣчества, но эта чуткость къ деревенскимъ людямъ проходитъ неизмѣнной полосой черезъ всѣ его произведенія, самыя далекія отъ деревни. Въ его „Казакахъ“, въ кавказскихъ и севастопольскихъ разсказахъ, рядомъ съ офицерами, яркими и скульптурными, не меньшимъ вниманіемъ и такой-же любовной художественной обработкой пользуются нижніе люди, казаки и казачки, солдаты у костра, солдаты въ севастопольскихъ траншеяхъ. На широкомъ фонѣ громадной „Войны и Мира“, рядомъ съ историческими фигурами военачальниковъ и государей, всегда привлекаютъ пристальное вниманіе Толстого—крестьяне и солдаты не только въ смыслѣ массовой психологіи, но и какъ типы, какъ отдѣльные духовные міры,—и Алпатычи, и дворецкіе, и рядомъ съ Наполеономъ и Александромъ I, Пьеромъ Безуховымъ и княземъ Андреемъ, одной изъ центральныхъ фигуръ является солдатъ Каратаевъ, сыгравшій такую огромную роль въ духовной жизни главнаго героя, Пьера Безухова, и быть можетъ, наиболѣе сосредоточившій на себѣ вниманіе Толстого.

Высшей точкой литературнаго ухода Л. Н. отъ деревни была „Анна Каренина“, но тамъ и нянька, и мужикъ съ своимъ трудомъ,

съ своей косой, съ своимъ кислымъ ваксомъ тоже играетъ большую роль въ духовныхъ переживаніяхъ Левина.

Еще важнѣе остановиться на томъ, на какихъ типахъ изъ верховъ и низовъ онъ сосредоточивалъ наибольшее вниманіе, надъ кѣмъ работалъ съ большей любовью, кого больше и кого меньше авторски любилъ.

Въ „Набѣгѣ“ онъ раздѣляетъ солдатскую массу на три категоріи—покорныхъ людей, отчаянныхъ людей и начальственныхъ людей. Симпатіи его привлекали къ себѣ именно покорные люди, такъ рѣзко отличные отъ облика самого Толстого и такъ характерные для крестьянской массы. Въ его первыхъ очеркахъ, въ молодыхъ писаніяхъ много сильныхъ людей и отчаянныхъ людей, въ „Казакахъ“ даже и совсѣмъ нѣтъ покорныхъ людей, а только сильные и рѣшительные,—и мужскіе и женскіе типы. Но уже въ другихъ кавказскихъ и севастопольскихъ очеркахъ рядомъ съ сильными встаютъ покорные,—и они, солдаты и офицеры, занимаютъ первое мѣсто въ ходѣ военной жизни и привлекаютъ къ себѣ наибольшія симпатіи Толстого. Въ полной мѣрѣ вскрывается это въ самомъ широкомъ, самомъ огромномъ и самомъ геніальномъ произведеніи Л. Н. Толстого, въ „Войнѣ и Мирѣ“. Да, тамъ есть великолѣпные типы сильныхъ людей,—оба Болконскихъ, великолѣпный Багратіонъ, Долоховъ, но настоящимъ центральнымъ человѣкомъ войны онъ выставляетъ медлительнаго, жирнаго, толстаго Кутузова, съ романомъ m-me Жанлисъ подъ подушкой, подчеркивая именно его невоенныя черты,—его, какъ носителя коллективнаго духа русской арміи, какъ понявшаго, по Толстому, стихійный народный, такъ сказать, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, характеръ войны 1812 года. И самые любимые его типы были обыкновенные люди, не сильные, безъ рѣзко выраженныхъ индивидуальныхъ чертъ, по существу покорные люди, какъ Николай Ростовъ и эпизодическій, но яркій капитанъ Тимохинъ, и въ особенности такъ же любовно обдуманный, какъ и Каратаевъ, капитанъ Тушинъ, и люди порыва, беззавѣтнаго самопожертвованія, всегда нѣжнымъ, поэтическимъ флеромъ окутанные у Толстого, какъ Петя Ростовъ, повтореніе младшаго Козельцина изъ „Севастопольскихъ разсказовъ“, и любы ему были, какъ настоящему писателю эпоса, цѣльные люди, законченные, люди инстинкта, такіе, какъ Стива Облонскій, Наташа Ростова.

Всегда близки и дороги были Толстому воплощенные въ Пьерѣ Безуховѣ, и въ Левинѣ, и въ Нехлюдовѣ люди раздумья, люди совѣсти, исканій и вѣчныхъ пересмотровъ жизни, которыхъ онъ непремѣнно велъ къ примиренности, къ согласованности, къ покорности, которыхъ онъ неизмѣнно хотѣлъ связать съ психологіей массы, съ Каратаевыми, съ мужиками, съ цѣлостной деревенской жизнью.

Л. Н. опредѣленно не любилъ дѣлателей жизни, людей съ планами, активно вмѣшивавшихся въ жизнь и направлявшихъ свою жизнь не на устройство и примиреніе только своей совѣсти, своего міропониманія, а на перестройку формъ общественной жизни, общихъ условій ея, на государственную и политическую дѣятельность. Онъ зло издѣвается надъ военными совѣтами, надъ выработкой военныхъ плановъ, надъ Наполеонами и Ростопчиными. И именно здѣсь, въ изображеніи этихъ непріязненныхъ Л. Н. типовъ, ему измѣняетъ его художественное могущество. Не только исторически невѣренъ, но блѣденъ и тусклъ вышелъ у него Наполеонъ, блѣденъ и тусклъ явился у него и образъ самаго значительнаго дѣлателя жизни эпохи 12-го года,—Сперанскій. И потомъ, когда онъ мимоходомъ касался людей политическаго дѣйствованія, — будетъ ли то Сергѣй Казариновъ или Николай Левинъ и приходившіе къ нему люди, или политическіе ссыльные (въ „Воскресеньи")— всѣ они выходили блѣдны и скудны и всегда чувствовалось отношеніе къ нимъ Толстого насмѣшливое или пренебрежительно-жалостное.

Я уже говорилъ о томъ, какъ все „дѣланіе" 60-хъ годовъ прошло мимо художественнаго творчества Л. Н., не воплотилось въ образы, но еще поразительнѣе, что мимо него прошла огромная полоса русской жизни, — 70-е годы и новая русская интеллигенція, такъ заполнившая съ 60-хъ годовъ поле русской жизни. Помимо огромнаго общественнаго значенія,—позволительно было ожидать, что великаго художника заинтересуютъ разнообразіе и богатство типовъ людей 60-хъ и 70-хъ годовъ, даже независимо отъ идей, которыя они носили съ собой. Тамъ были и сильные люди, рѣзко обособленной индивидуальности, тамъ были люди покаянія и совѣсти, такъ близкіе, если не къ Толстому, то къ героямъ его произведеній, тамъ были, наконецъ, именно носители коллективнаго, деревенскаго русскаго духа, сознательно и преднамѣренно стремившіеся растворить свою индивидуальность въ народномъ коллективѣ, тамъ была, наконецъ, не только внутренняя, но и внѣшняя, такъ сказать, біографическая близость съ самимъ Л. Н. Толстымъ. Люди, вѣдь, также опрощались, также снимали съ себя интеллигентскій обликъ и входили въ крестьянскую упряжку, также оставляли за собой свои культурныя привычки и, случалось, даже отрицали духовныя цѣнности, которыми жили раньше. Вѣдь, самъ Толстой, несомнѣнно, былъ народникъ, по крайней мѣрѣ, въ психологическомъ отношеніи очень близкій къ людямъ именно 70-хъ годовъ. И тѣмъ не менѣе онъ прошелъ мимо, не заинтересовавшись, какъ художникъ.

Многое можно объяснить тѣмъ, что Л. Н. ни въ молодости, ни въ зрѣломъ возрастѣ никогда не жилъ одной жизнью съ этой новой интеллигенціей, что онъ мало зналъ этихъ новыхъ людей въ ихъ

обстановкѣ,—въ интимной жизни, но дѣло, конечно, не въ этомъ одномъ. Толстой былъ такъ могучъ въ своемъ художественномъ воспріятіи, что ему достаточно было и тѣхъ человѣческихъ документовъ, какіе заключались въ безконечныхъ судебныхъ процессахъ, и личныхъ встрѣчъ и даже продолжительныхъ знакомствъ съ дѣятелями 60-хъ и 70-хъ годовъ и послѣдовавшихъ десятилѣтій, чтобы понять ихъ и уловить ихъ типичныя особенности, ихъ психологическую индивидуальность.

Дѣло въ другомъ, — въ томъ, что онъ не хотѣлъ къ нимъ подойти, что они не гармонировали съ общимъ міросозерцаніемъ его, противорѣчили, шли въ разрѣзъ съ нимъ. Интересно, что Л. Н. Толстой, такъ долго думавшій надъ большимъ романомъ „Декабристы" и собиравшій для него матеріалы, не выполнилъ своего намѣренія, отказался отъ работы.

Нужно думать, что причина отсутствія этихъ людей 60-хъ—70-хъ годовъ въ художественномъ творчествѣ Толстого лежитъ въ томъ, что они были *непокорные* люди, люди дѣланія, дѣйственнаго вмѣшательства въ государственную и народную жизнь, чуждые ему и, быть можетъ, непріятные, какъ чужды и непріятны были ему передовые литераторы 60-хъ годовъ. Да, онъ былъ народникъ и могъ подписаться подъ народнической формулой—„все для народа и все чрезъ народъ", но онъ прибавлялъ: „все по народному", съ чѣмъ не могли согласиться народники 70-хъ годовъ, никогда не отказывавшіеся отъ общечеловѣческихъ идеаловъ и всегда находившіе, что, кромѣ личнаго самоусовершенствованія, нужно и измѣненіе и усовершенствованіе общихъ государственныхъ условій жизни народа,—въ смыслѣ этихъ общечеловѣческихъ идеаловъ.

Есть еще объясненіе. Въ душѣ Льва Николаевича было графское и крестьянское, и будило его мысль и привлекало его художественное вниманіе прежде всего и преимущественно все то, что связывалось съ старой помѣщичьей усадьбой, что жило въ деревнѣ и что билось около деревни. И мало тянуло его къ себѣ все другое, вмѣщавшееся между графскимъ и крестьянскимъ. Это было довольно точнымъ отраженіемъ дореформенной эпохи, когда, если не считать чиновничества, всегда неустойчиваго и не связаннаго постоянными непрерывнымн узами съ деревенской жизнью, Россія въ значительной мѣрѣ исчерпывалась этими двумя группами крестьянства и помѣстнаго дворянства, когда города были малы и слабы, мѣщанство и купечество были не крѣпки и не играли замѣтной роли и когда интеллигенціи не было, въ томъ объемѣ и той значительности, какъ сейчасъ. По содержанію и по объекту своего художественнаго творчества Толстой такъ и остался, если можно такъ выразиться, дореформеннымъ повѣствователемъ. У него тотъ же бытъ, та же обстановка, манеры жизни и психологія людей. Если многое изъ „Войны и Мира", изъ манеръ жизни и психологіи тогдашнихъ людей можетъ быть цѣликомъ перенесено въ сороковые и пятидесятые года,

то и значительная часть „Анны Карениной“ могла быть написана въ пятидесятыхъ годахъ и не встала бы въ противорѣчіе съ тогдашнимъ бытомъ и психологіей.

III.

А потомъ онъ уходитъ въ деревню совсѣмъ, навсегда, въ покорную рязанскую деревню. И, уходя отъ міра, въ которомъ вращался онъ, уходилъ отъ всего, что составляло сущность этого міра, отъ манеръ, привычекъ, отъ прежнихъ духовныхъ цѣнностей, отъ морали и вѣры своего круга, уходилъ къ крестьянскому весь и ко всему. И деревня обняла его всего, сняла съ него старое платье и одѣла по-своему, по-крестьянскому, наполнила его душу всѣмъ тѣмъ, чѣмъ жила въ деревнѣ крестьянская душа. Явился Толстой босой, Толстой за сохою, Толстой, шьющій сапоги, Толстой, складывающій печки...

Онъ глубоко всматривается въ крестьянскую душу, въ крестьянское міропониманіе, учится у стариковъ и у дѣтей, у Бондаревыхъ и у Сютаевыхъ, у старцевъ, у странниковъ, богомольцевъ и, по мѣрѣ того, какъ уходитъ отъ прежняго міра и отъ прежнихъ понятій, онъ приходитъ къ новому міропониманію и вырабатываетъ собственное вѣроученіе. И говоритъ: не ѣшь мяса, не кури, не люби плотской любовью, не любуйся на художественную красоту, не имѣй дѣла съ деньгами, не противься злу насиліемъ, не ищи и не строй царства Божьяго на землѣ, не ломай, не руши формъ жизни, уйди въ себя, созидай царство Божіе въ себѣ самомъ.

Это не крестьянское вѣроученіе,—это производное изъ толстовскаго отрицанія и крестьянскаго утвержденія,—старо-крестьянскаго.

Я сказалъ уже, что у Толстого былъ крестьянскій обликъ... Нужно прибавить—обликъ великорусскаго крестьянина сѣверной и средней полосы Россіи, суроваго и крѣпкаго, у котораго было больше общности и меньше индивидуальности, больше покаянія и тоски, тайны и сумерекъ въ душѣ и меньше радости и веселія, чѣмъ у южнаго крестьянина, болѣе индивидуальнаго, у котораго меньше покаянія и болѣе радости и веселія.

При томъ обликъ стараго крестьянина крѣпостной дореформенной Россіи... И она, эта старая Россія, съ своей психологіей, съ своимъ міропониманіемъ, съ старымъ укладомъ жизни, положила печать на Л. Н. Толстого, на его психологію, на его міропониманіе.

Та деревенская Россія была покорная, непротивлявшаяся. Она успѣла идеализировать эту покорность, возвести ее на степень святости, найти въ ней своего рода оправданіе жизни, — можетъ быть, единственное, что она могла сдѣлать, чтобы сохранить душу цѣлостной. Она не любила тогда непокорныхъ людей, людей гордыни, тѣхъ, кто „зазнался“, тѣхъ, кто „высоко о себѣ понимаетъ“,

кто хочетъ выскочить, лѣзетъ впередъ, она любила смирныхъ и добрыхъ, мягкихъ и уступчивыхъ. Это она сложила сказку объ Иванушкѣ-дурачкѣ, который все бралъ въ жизни, о тѣхъ, кто былъ покорный, кто самъ никогда не *хотѣлъ*, у кого хотѣнье всегда сочеталось съ щучьимъ велѣньемъ. Она не любила ярко выраженной индивидуальности, выступающей изъ общности, она подозрительно относилась къ „умственности", и ироніей и недоброжелательствомъ звучали старыя опредѣленія: „умъ за разумъ зашелъ", „книгъ начитался". И было тогда много молитвы, и покаянія, и прощенія.

Крестьянскій міръ былъ тогда особый міръ, отгороженный и отгораживавшійся. У него было все свое и всѣмъ своимъ удовлетворялся онъ. Была эпоха натуральнаго хозяйства. Деревня, если не потребляла все, что производила, то сама производила, что нужно было ей. И рѣдко зачѣмъ надо было поѣхать въ городъ, и люди доживали до глубокой старости и умирали, не побывавши въ сосѣднемъ городѣ. У нея была своя община, свое понятіе о правѣ, свой укладъ жизни и правила поведенія, и мораль, и вѣра. Даже своя наука, своя метеорологія, своя геологія и цѣлый рядъ другихъ наукъ вродѣ медицины и ветеринаріи, которыя худо-ли, хорошо-ли удовлетворяли крестьянскія нужды. Свои пѣсни, своя поэзія, свои романы и повѣсти...

Деревня тогда была до извѣстной степени цѣлостная, по своему примиренная и согласованная. Тамъ мало было мѣста сомнѣнію и была крѣпкая вѣра, смиренная, старая русская вѣра, не знавшая догматовъ, плохо разбиравшаяся въ ипостасяхъ, но крѣпкая, всеобъемлющая, хрестьянская вѣра. И была мірская правда, можетъ быть, не всегда правильная, но тоже всеобъемлющая, всеопредѣлявшая мірская правда. Въ предѣлахъ своего отгороженнаго міра совершалось все крестьянское *дѣланіе*, строительство жизни. И въ этомъ было утвержденіе деревни.

За предѣлами крестьянскаго міра начинался другой міръ, чуждый и враждебный, помѣщичья усадьба, городъ и чиновникъ, и то огромное, что смутно вырисовывалось предъ нимъ — государство. Крестьянство знало только то государство, куда оно несло подати, для котораго справляло старую свирѣпую рекрутчину, куда оно все отдавало и отъ котораго никогда, до воли, ничего не получало, кромѣ утвержденія помѣщичьяго строя, податей, экзекуцій и плетей.

Тамъ, въ другомъ мірѣ, было все неправда, все „грѣхъ". И обида, учиняемая государствомъ крестьянству, и неправедное владѣніе дворянъ крестьянами, и самое понятіе частной собственности на землю. И выраженіе: „въ городу грѣхъ одинъ" — опредѣляло тогдашнее крестьянское отношеніе къ городу. Въ этомъ было деревенское отрицаніе.

Случалось, чужой враждебный міръ становился непереносенъ, тогда поднимался крестьянскій бунтъ, вставало крестьянство на

государство, шла деревня на помѣщичью усадьбу. Короткій бунтъ, за которымъ слѣдовало долгое непротивленіе, замыканіе въ своемъ отгороженномъ мірѣ. И тѣ, кто не мирился съ деревенской примиренностью и покорностью, уходилъ русскимъ уходомъ—въ келью, въ киновію, въ Сибирь, въ дремучіе лѣса, въ вольницу, на Бѣлыя воды... Случалось, что отрицалась война, какъ у духоборовъ, случалось, что отрицаніе доходило, какъ въ сектѣ бѣгуновъ, до отрицанія государства, паспортовъ, податей, даже постояннаго жилья, до признанія необходимости всю жизнь бѣгать и убѣгать отъ враждебнаго міра, доходило до самосожженія, до пріятія красной смерти.

Развѣ исповѣдь Л. Н. Толстого не есть старое русское деревенское покаяніе? Развѣ, подводя итоги своей жизни, онъ не рѣшилъ, что все, что онъ дѣлалъ раньше, есть сплошной грѣхъ,—не осудилъ развѣ не только свои кутежи и игру, и увлеченія женщинами, и свою барскую жизнь, и владѣніе землей, но и свою умственность, свою гордыню, свое художественное творчество? Все было грѣхъ, грѣхъ... И развѣ опредѣленіе „грѣхъ" не играетъ у Толстого такую же всеобъемлющую роль, какъ въ народѣ? Развѣ не говорилъ онъ другими словами „въ городу грѣхъ одинъ"? И развѣ въ его отношеніи къ деньгамъ не звучитъ то же старо-крестьянское: „съ деньгами согрѣшишь?" Развѣ не этимъ объясняется оповѣщенный въ газетахъ случай отказа Л. Н. отъ большой суммы денегъ, которыя какая-то дѣвушка просила его взять и истратить на добрыя дѣла? И, равнымъ образомъ, знаменитый совѣтъ, поданный Толстымъ и казавшійся многимъ такимъ лицемѣрнымъ, не помогать голоднымъ крестьянамъ деньгами, а только пріѣзжать въ деревню, жить тамъ и платить за трудъ, за то, что полы вымоютъ, скамейку сдѣлаютъ,—не тѣмъ же объясняется?

Онъ говоритъ: не кури, потому что табакъ одурманиваетъ совѣсть, потому что грѣхъ *курить*...

И все, и непротивленіе злу насиліемъ, и отрицаніе Толстовское, развѣ не отзвукъ старой народной психологіи? И, наконецъ, развѣ его послѣдній уходъ изъ Ясной Поляны, такъ договорившій послѣднее слово его жизни, не есть старый, исконный, русскій уходъ?

Можно было бы болѣе подробно прослѣдить морально этическое ученіе Л. Н. Толстого и показать пунктъ за пунктомъ его крѣпкую связь, доходящую порой до полнаго слiянія съ крестьянской душой и деревенскимъ міропониманіемъ.

Я ни одной минуты не хочу затемнять и преуменьшать значеніе той огромной работы мысли и совѣсти, которая происходила въ самомъ Толстомъ, какъ личности, которая принадлежала ему одному,—она громадна, она на вѣка останется поученіемъ чело-

вѣчеству, но я хотѣлъ только понять эту огромную сложную эволюцію духа, понять, почему она привела Толстого къ основнымъ элементамъ его вѣроученія, и указать, что безъ пониманія народной души стараго крестьянскаго міра, безъ установленія связи между нимъ и душой Толстого, нельзя понять Толстого.

Эта народная душа съ тяжкой совѣстью, съ тоской и отчаянностью, съ покорностью и великой мечтой о дальнемъ и великомъ положила свою печать на всѣ ушедшія поколѣнія русскихъ писателей, независимо отъ того, были-ли они западниками или славянофилами, людьми 40-хъ или 70-хъ годовъ.

Она покорила и великую, мятежную душу Достоевскаго.

Онъ былъ другой человѣкъ, другого происхожденія, другого склада души, другой судьбы. Онъ былъ типичный разночинецъ по своему происхожденію, по воспитанію. Онъ прошелъ ту же русскую школу, которую проходили интеллигентные разночинцы, школу Бѣлинскаго, школу петербургскихъ интеллигентныхъ кружковъ, школу западно - европейскую, — и Жоржъ - Зандъ, и Сенъ-Симона, и Фурье, — наконецъ, онъ прошелъ страшную русскую школу тюрьмы, смертнаго приговора, каторги. И самъ онъ былъ другой—не Толстой, не скульптурный,—весь онъ былъ трепетъ, порывъ, взмятенная душа.

Но было у нихъ и общее. Они жили въ одно время, они не встрѣчались, но нѣкоторое время вращались въ одномъ и томъ-же кругу. Во время великихъ реформъ, во время давно небывалаго русскаго дѣланія жизни, къ которому стянулись дѣйственныя интеллигентныя силы страны. И оба ушли отъ дѣланія жизни, встали въ сторонѣ отъ главнаго теченія жизни и пошли своимъ путемъ. У Достоевскаго въ его произведеніяхъ нѣтъ великаго эпоса Толстого, отлитыхъ изъ бронзы, выкованныхъ изъ гранита или бѣлаго мрамора скульптурныхъ фигуръ, у него все мятущееся, все безумные порывы, все стоны и вопли, бунтари духа, великіе безудержные отрицатели. У него болѣе, нежели у Толстого, отчаянныхъ людей, лютыхъ сердецъ, взмятенныхъ душъ; но такъ же, какъ у Толстого, наибольшее вниманіе и наибольшія художественныя краски привлекаютъ къ себѣ люди бѣдные, униженные и оскорбленные, необороненные, покорные отъ природы или покорные, потому что растоптанные, измятые жизнью. И надъ всѣмъ, отчаяніемъ и безуміемъ порывовъ, отрицаніемъ и воплями и дикими криками,— висятъ тихія слезы, задавленные вздохи, слова прощенія и любви.

Надъ Раскольниковыми и Иванами Карамазовыми стоятъ во всей авторской любовности Алеши, и Мармеладовы, и Идіоты, и Сони, и Илюшеньки. И такъ же, какъ у Толстого — надъ всѣмъ русское покаяніе, Достоевское покаяніе, то тихое, плачущее пьяными слезами, то бурное, пламенное, непремѣнно требующее всенародности, колѣнопреклоненія на Сѣнной площади, въ основѣ

то-же русское покаяніе, какъ покаяніе Никиты передъ народомъ въ толстовской „Власти тьмы“. И симпатіи обоихъ—и Толстого, и Достоевскаго — не привлекали къ себѣ дѣлатели жизни, люди борьбы во всемъ разнообразіи типовъ, которое давала окружавшая ихъ жизнь.

„Смирись, гордый человѣкъ“! говорилъ одинъ. „Не противься злу насиліемъ“! говорилъ другой. Оба они были великіе представители народнаго духа, стараго народнаго міропониманія и, можетъ быть, нужно сказать, послѣдніе великіе представители. Послѣдніе, потому что измѣняется народная психологія, ломается и по другому настраивается душа народа...

Замѣчательно, что вѣроученіе Толстого мало распространяется въ народѣ, не смотря на знакомство народа съ нѣкоторыми произведеніями Толстого, не смотря на несомнѣнное обаяніе его имени. Во всякомъ случаѣ менѣе распространяется, чѣмъ можно было бы ожидать, не только вслѣдствіе огромнаго таланта и великой убѣжденности, но и вслѣдствіе указанной мною близости вѣроученія Толстого къ интимнымъ сторонамъ крестьянской души. Можетъ быть, еще замѣчательнѣе, что такъ называемое толстовское движеніе больше сказывается въ интеллигентныхъ слояхъ, вѣрнѣе сказать, въ культурныхъ слояхъ. Я говорю не о музеяхъ и толстовскихъ обществахъ въ Москвѣ и Петербургѣ, но о томъ, если не крупномъ, то, во всякомъ случаѣ, одно время бывшемъ замѣтнымъ фактомъ русской жизни, толстовскомъ движеніи, захватившемъ и учащуюся молодежь, и самые разнообразные слои культурнаго общества и выразившемся, помимо чисто идейнаго вліянія на людей, въ образованіи толстовскихъ кружковъ, толстовскихъ колоній. Это движеніе замѣчалось не только въ Россіи, въ газеты проникали извѣстія объ образованіи толстовскихъ общинъ заграницей, — въ Англіи, Америкѣ.

А народъ мало отзывался. Были люди преданные, вѣрные, проникшіеся вѣроученіемъ Толстого, писавшіе и ходившіе къ нему за разъясненіями своихъ духовныхъ запросовъ. Были одиночки, проводившіе въ жизнь его воззрѣнія со всей убѣжденностью и самопожертвованіемъ вновь обращенныхъ, съ отказомъ отъ присяги, отъ военной службы, даже подъ угрозой дисциплинарнаго батальона... Но одиночки. Ни частныя свѣдѣнія, ни газетныя сообщенія не говорили и не говорятъ о возникновеніи широкаго толстовскаго народнаго движенія, формированіи общинъ, вообще народнаго собиранія подъ именемъ, подъ лозунгами Толстого.

Этого нельзя объяснить только народной неосвѣдомленностью или народной неподвижностью. Въ то же время народъ клубковался около новыхъ вѣроученій. Подъ разными формами распространяется протестантизмъ и образуются христіанскія общины, ширится и укрѣпляется старообрядчество, проникаетъ въ народъ темное и

загрязненное іоаннитское движеніе, живетъ и распространяется штундизмъ, возникаютъ новыя религіозно-нравственныя теченія,—Новый Израиль, „братцы", а о толстовскомъ движеніи, какъ таковомъ, въ крестьянствѣ не слышно.

Очевидно, есть что-то,—или въ Толстовскомъ ученіи или въ самомъ крестьянствѣ, или въ томъ и другомъ, что мѣшаетъ ихъ сближенію.

Мнѣ кажется, справедливымъ будетъ одинъ отвѣтъ: толстовское вѣроученіе, вытекавшее въ основѣ изъ народнаго духа, опоздало придти къ народу, опоздало, потому что измѣнилась подоснова народной души,—что Толстой подходилъ къ народу со старымъ, хотя очищеннымъ и возвышеннымъ міропониманіемъ, въ то время, какъ народъ самъ началъ уходить отъ этого міропониманія.

Измѣнилось все. Прежде всего измѣнилась самая позиція деревни. Рухнуло давно подтачивавшееся старое натуральное хозяйство, исчезла отгороженность деревни отъ окружающаго міра. Если, по Глѣбу Успенскому, шмыгаютъ мимо деревни поѣзда и вопятъ: „давай молоко, давай яйца, давай шерсть", то и деревня кричитъ поѣздамъ: „давай ситецъ", „давай чай-сахаръ", „давай плугъ", „давай газеты"... Теперь деревня не можетъ ни дать труда всѣмъ своимъ членамъ, ни обойтись безъ города, безъ фабрики,—она уже втянута въ міровой оборотъ. И городская культура вплотную подошла къ деревнѣ, въ костюмахъ, въ манерахъ, во вкусахъ.

Глубоко измѣнилась народная душа. Съ 60-хъ годовъ отвалился камень отъ гроба народа и глянуло на свѣтъ замурованное крестьянское лицо. И новая жизнь проснулась въ народѣ. Какое-никакое просвѣщеніе стало проникать въ деревню, какія-никакія новыя слова доносились туда, и новыя чувства медленно стали наростать, перестраивать древнюю народную психологію, просачиваться въ народную душу. А потомъ весь періодъ, предшествовавшій 1905 году и послѣдовавшій за нимъ, манифестъ 17 октября и новые лозунги, пришедшіе въ деревню и новая практика жизни, по своему истолковавшая и примѣнившая манифестъ 17 октября, все это глубоко потрясло народную душу, даже тѣхъ народныхъ массъ, на которыхъ менѣе рѣзко сказалось все то, что совершалось съ 60-хъ годовъ. И лозунги и практика жизни, предметные уроки, преподносимые ею, сдѣлали то, что теперь все крестьянство вышло на улицу, все втянуто именно въ дѣланіе, въ устройство своей жизни, по крайней мѣрѣ, въ необходимость думанья объ этомъ устройствѣ.

И все это,—то, что теперь невозможно „уйти отъ грѣха", укрыться отъ зла старымъ русскимъ укрывательствомъ, что всѣ должны бороться, подъ угрозой пропасть и погибнуть,—произвело переворотъ, истинное потрясеніе основъ народной души, размѣры котораго и значеніе для будущаго Россіи трудно предусмотрѣть.

Рушится, или вѣрнѣе разрушается вѣковая основа крестьянской жизни,—община, крестьянскій міръ. Ломается старая деревенская правда, семейная правда, мірская правда и встаетъ новая правда—неправда въ глазахъ народа—голая, одиночная.

И уходитъ въ прошлое старая русская покорность... Мечущееся въ глаза, вспыхнувшее въ деревняхъ и городахъ озорство, какъ неизбѣжный результатъ развала и разбора стараго уклада и старой правды и не пришедшихъ на смѣну новаго уклада жизни и новой правды,—мѣшаетъ намъ разсмотрѣть новое крестьянское лицо и познать складывающуюся новую народную волю,—несомнѣнно, болѣе непокорную волю. Какъ хаосъ жизни мѣшаетъ намъ вглядѣться въ новыя формы общности, проявляющіяся въ народѣ, какъ на спѣхъ складывающаяся „частушка“ говоритъ только объ уходѣ отъ старой пѣсни, о нестройныхъ попыткахъ запѣть по-новому.

Потомъ вѣроученіе Толстого не несло въ народъ поднимающаго, мѣняющаго, являющагося новымъ откровеніемъ, новой правдой. Основа его вѣроученія была именно давняя основа крестьянскаго міропониманія. Его прекрасныя сказанія были извѣстны народу изъ Житій Святыхъ, изъ огромной апокрифической литературы, широко обращавшейся въ народѣ въ видѣ устныхъ сказаній и старыхъ легендъ. Его непротивленіе злу насиліемъ давно знакомо народу по малому противленію, по только пассивнымъ формамъ сопротивленія, которыя онъ противопоставлялъ вѣковому злу, со всѣхъ сторонъ окружавшему его. И ему, народу, сдавленному зломъ, ему, просыпающемуся, встающему съ зрячими глазами, ему мало хотя и великаго слова: „ищите царствія Божія въ васъ самихъ“, ему, которому стало въ немоготу то царствіе, что вокругъ него.

И слово Божіе, которое несетъ Толстой, и толстовская вѣра, нужно думать, не замѣнятъ ему старой вѣры, стараго слова Божія, явленнаго съ неба, проникнутаго тайной, обвѣяннаго чудомъ, ему, великорусскому крестьянину, которому нужно непремѣнно свидѣтельство неба, и тайна, и чудо...

И не пойметъ онъ Толстого, всего Толстого, пути, которымъ онъ шелъ, черезъ что онъ проходилъ. Народъ пойметъ уходъ Толстого, какъ понимаетъ онъ Алексѣя Божьяго человѣка и Некрасовскаго дядю Власа, какъ понимаетъ всѣ случаи, когда Богъ посѣтитъ душу человѣка и уйдетъ богатый къ бѣднымъ, и уйдетъ разбойникъ въ монастырь отъ своихъ разбойныхъ дѣлъ, и мытарь станетъ апостоломъ. Но народъ не пойметъ всей вышины и трудности порога, черезъ который перешагнулъ Толстой, уходя отъ графскаго къ крестьянскому, всей личной драмы, тяжести и сложности конфликта, который Толстой пережилъ. И что всего важнѣе,—нужно думать, народъ не пойметъ ухода Толстого отъ науки и искусства не потому, что онъ не знаетъ науки и искусства, а по-

тому, что онъ самъ пошелъ обратнымъ путемъ именно къ наукѣ, къ знанію, именно къ искусству, именно къ тому, отъ чего уходилъ Толстой.

Пути народа и Толстого не встрѣтились, а разошлись, и въ этомъ—основная причина недостаточнаго успѣха Толстовскаго ученія среди народа.

Не будетъ парадоксомъ сказать, что и въ будущемъ, нужно думать, наибольшее вліяніе будетъ имѣть Толстой съ своимъ вѣроученіемъ на интеллигенцію и культурные классы, на нѣкоторыя сектантскія группы и, быть можетъ, на южно-русское раціоналистическое крестьянство.

Вѣроученіе Толстого, какъ вѣроученіе, вѣроятно, останется островомъ, на который будутъ приходить съ материка отдѣльные вѣрующіе, люди потревоженной совѣсти, люди раздумья надъ жизнью. Выросшее на родныхъ ржаныхъ поляхъ, оно пришло туда, когда поля оказались засѣянными другими хлѣбами.

Я не хочу сказать, что вѣроученіе и вообще вся философско-моральная система Толстого мало дадутъ народу,—вкладъ, внесенный имъ въ народное сознаніе, огромный и значеніе его будетъ рости по мѣрѣ роста народнаго сознанія и по мѣрѣ ознакомленія народа съ Толстымъ, но нужно думать, что большее вліяніе будетъ имѣть не утвержденіе Толстого, а его отрицаніе. Его безпощадное отрицаніе лжи, спутанности жизни, свѣтъ, внесенный имъ въ разные темные лабиринты русской жизни,—я говорю не объ одной вѣрѣ, — вообще вся огромная критическая работа толстовской мысли и толстовскаго гнѣвливаго сердца... И, конечно, отрицаніе будетъ утвержденіемъ, и многое изъ результатовъ его работы жизни войдетъ въ созиданіе того будущаго народнаго міропониманія, къ которому придетъ народъ, сдвинувшійся съ старыхъ позицій, уходящій отъ древнихъ міроосновъ.

И, по мѣрѣ роста народа и ознакомленія его съ Толстымъ, все большее и большее значеніе будутъ имѣть для народа его великолѣпныя художественныя творенія,—именно то, отъ чего онъ пренебрежительно отвернулся, что считалъ вреднымъ баловствомъ. Мы, читатели, еще не введены во владѣніе всѣмъ наслѣдствомъ Толстого, и не пришло еще время подводить итоги и дѣлать расцѣнку. Можно думать, что, чѣмъ дальше будетъ уходить въ прошлое Толстой, тѣмъ крупнѣе будетъ вырисовываться онъ, какъ личность, вся жизнь его, всѣ тревоги и муки совѣсти, вся страстная, напряженная работа его вѣчно ненасытнаго ума. И будетъ вставать онъ изъ могилы все выше и выше...

Какъ гора на равнинѣ, какъ свѣточъ въ ночи...

С. Елпатьевскій.

———

Свобода слова въ русскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Сущность свободы парламентскаго слова въ общепринятомъ толкованіи заключается въ томъ, что члены парламентовъ не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности *внѣ парламента* ни въ уголовномъ, ни въ гражданскомъ, ни въ дисциплинарномъ порядкѣ за голосованія, мнѣнія и сужденія, высказанныя при исполненіи своихъ депутатскихъ обязанностей. Только самъ парламентъ путемъ примѣненія принадлежащихъ ему правовыхъ средствъ можетъ такъ или иначе наказать своихъ сочленовъ за ихъ слова, содержащія нарушеніе закона. Если депутатъ въ своей парламентской рѣчи скажетъ нѣчто оскорбительное для правительства или оскорбитъ главу государства, если его слова будутъ содержать элементы преступленія, квалифицируемаго, скажемъ, какъ „стремленіе къ ниспроверженію существующаго строя" или какъ „возбужденіе одной части населенія противъ другой", или будетъ содержать элементы клеветы, противъ кого бы она ни была направлена, или оскорбленіе святыни—все равно,—только сама палата можетъ наказать оратора за эти словесныя преступленія.

Такъ понимается свобода слова въ англійской парламентской практикѣ, такъ формулирована она въ законодательствахъ почти всѣхъ странъ съ конституціоннымъ режимомъ. Беремъ для примѣра нѣсколько формулировокъ принципа. „Ни одинъ членъ той или другой палаты,—гласитъ § 13 французскаго конституціоннаго закона 16 іюля 1875 г. о взаимныхъ отношеніяхъ государственныхъ властей,—не можетъ быть подвергнутъ слѣдствію или суду за мнѣнія или голосъ, поданные имъ при исполненіи своихъ обязанностей". „Ни одинъ членъ какого-либо ландтага или палаты государствъ, входящихъ въ составъ имперіи, не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности по поводу своего голосованія или по поводу высказанныхъ при исполненіи своихъ обязанностей сужденій (Aeusserungen) *внѣ собранія*, членомъ котораго онъ состоитъ"—гласитъ § 11 германскаго уголовнаго закона 15 мая 1871 года,

распространившій принципъ свободы парламентскаго слова на *всѣ* германскія государства. „Никто изъ членовъ обѣихъ палатъ не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности *внѣ парламента* за высказанное имъ въ палатѣ мнѣніе и за голосъ имъ поданный",— постановляетъ первая часть 52 статьи японской конституціи и т. д., и т. д.

„Свобода слова" въ указанномъ объемѣ, такимъ образомъ, касается лишь того, что депутатъ говоритъ *въ парламентѣ*. На рѣчи и мнѣнія внѣ парламента эта свобода не распространяется [1]). Но, поскольку дѣло идетъ о парламентскихъ дебатахъ, принципъ „свободы слова" во всѣхъ, можно сказать, современныхъ странахъ, признающихъ этотъ принципъ, толкуется въ расширительномъ смыслѣ. Чтобы понять причины такого толкованія, необходимо вкратцѣ остановиться на исторіи возникновенія „свободы" и ея общепринятомъ историко-юридическомъ пониманіи...

„Свобода парламентскаго слова" впервые возникла въ Англіи и, какъ всѣ другія стороны современнаго англійскаго парламентаризма, возникла и формулировалась постепенно, въ процессѣ долгой и тяжелой борьбы... Сама жизнь убѣждала парламентъ, что эта „свобода"—необходимое условіе его независимости и плодотворности его дѣятельности. Въ результатѣ—тяжелая борьба, начавшаяся въ первый годъ XIV вѣка и окончившаяся со второй революціей—1688 года, изгнавшей Стюартовъ. Почти четыреста лѣтъ! И за эти четыреста лѣтъ исторія англійскаго парламента разсказываетъ намъ, какъ члены его умирали въ королевской тюрьмѣ, изъ-за нежеланія отказаться отъ „свободы слова", какъ нижняя палата превращалась въ домъ плача, какъ на смѣну однимъ борцамъ, вышедшимъ, въ силу королевскаго произвола изъ строя, приходили другіе борцы [2])... Въ концѣ концовъ парламентъ побѣдилъ. Отстоявъ право своей полной независимости отъ кого-бы то ни было, онъ, какъ часть такой независимости, получилъ свободу слова. Эта свобода, повторяемъ, не означаетъ, что депутаты не могутъ быть наказаны ни за что, сказанное ими

---

[1]) Мы не входимъ въ детали проблемы (напр., не разсматриваемъ вопроса—распространяется ли принципъ свободы слова на слова депутата, относящіяся къ предмету занятій палаты, но сказанныя въ частномъ разговорѣ, въ кулуарахъ, или на слова, не произнесенныя въ палатѣ, а лишь опубликованныя, какъ произнесенныя, ихъ авторомъ, и проч.). Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ деталей для нашей цѣли не можетъ дать ничего, а завести можетъ очень и очень далеко.

[2]) Объ отдѣльныхъ эпизодахъ и этапахъ борьбы за „свободу слова" вполнѣ достаточный матеріалъ даетъ Л. Шалландъ, „Иммунитетъ народныхъ представителей", гл. 2, стр. 38—39. Важно подчеркнуть, что общепринятая точка зрѣнія,—будто институтъ „свободы парламентскаго слова" сложился сразу, въ самомъ началѣ борьбы, а не развивался въ ея процессѣ—не подтверждается историческимъ изученіемъ вопроса. Срвн. Hubrich „Die parlamentarische Redefreiheit und Disciplin" Berlin. 1899. S. 12 ff.

въ парламентѣ, а то, что наказать ихъ можетъ *лишь самъ парламентъ*, а никакое иное учрежденіе. Свобода слова, такимъ образомъ, обозначаетъ *неподсудность* другимъ учрежденіямъ, кромѣ парламента, дѣяній, совершенныхъ лордами и коммонерами (членами палаты общинъ) при исполненіи ими своихъ обязанностей. Но самъ парламентъ можетъ наказать своихъ членовъ. Свобода слова, слѣдовательно, является не *личной привилегіей* отдѣльныхъ членовъ парламента, а привилегіей самого парламента, какъ учрежденія. Цѣль этой привилегіи прежде всего и больше всего—*общественная*—стремленіе обезпечить достаточную независимость парламенту въ его дѣятельности. Поэтому-то, въ силу отсутствія у института характера личной привилегіи (если бы институтъ имѣлъ такой характеръ, толкованіе его, согласно юридической азбукѣ, въ спорныхъ случаяхъ должно было бы быть строго ограничительнымъ), онъ и толкуется всегда въ расширительномъ смыслѣ. Такъ обстоитъ дѣло въ Англіи. Тотъ же самый характеръ и то же самое пониманіе получила „свобода" во французско-бельгійскомъ правѣ, а въ настоящее время и въ правѣ нѣмецкомъ [1]). Во Франціи идея о необходимости „свободы" была достаточно распространена еще въ дореволюціонную эпоху. Тотъ фактъ, что 52 наказа избирателей депутатамъ, посланнымъ въ генеральные штаты 1789 г., содержатъ требованіе „свободы", ясно говоритъ за это. 23 іюня 1789 года національное собраніе, по почину Мирабо, въ длинной резолюціи провозгласило „свободу", какъ имѣющую силу для національнаго собранія. Въ 1791 году „свобода слова" была включена въ конституцію 14 сентября, а затѣмъ повторяется во всѣхъ французскихъ конституціяхъ, исключая хартію 1814 года. Нынѣ дѣйствующій законъ, уже цитированный нами, составленъ по образцу § 44 бельгійской конституціи 1831 года. При этомъ, какъ мы сказали, французско-бельгійская практика и теорія твердо стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что „свобода" не есть личная привилегія членовъ парламента, а право, вытекающее изъ общественной необходимости для парламента быть независимымъ. Очень ясно, хотя въ зависимости отъ своихъ общихъ воззрѣній нѣсколько своеобразно, формулируетъ эту мысль Дюги. „Иммунитетъ,—пишетъ онъ—который предоставленъ депутатамъ во Франціи и другихъ странахъ, ихъ безотвѣтственность... не является субъективнымъ правомъ депутата, а просто приложеніемъ къ его личности нормъ объективнаго права, съ цѣлью доставить парламентскимъ функціямъ всецѣло и вполнѣ независимый характеръ" [2]). Въ Бельгіи еще въ 1833 году министръ Lebeau высказался за распро-

---

[1]) Срвн. Шалландъ, стр. 94.

[2]) Duguit „L'Etat, les gouvernants et les agents", Paris. 1903, pp. 195—196.

странительное пониманіе „свободы“, установивъ вполнѣ англійское пониманіе ея [1]).

На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и дѣйствующее право Германіи. При обсужденіи въ рейхстагѣ вышеприведеннаго § 11 германскаго уголовнаго уложенія, докладчикъ, депутатъ Ласкеръ, заявилъ, что на „парламентскую свободу слова“ отнюдь не надо глядѣть, какъ на личную привилегію членовъ парламента, что рѣчи депутатовъ „должны быть совершенно свободны, такъ какъ онѣ являются настоящимъ средствомъ и наилучшимъ орудіемъ парламентской дѣятельности“. Новѣйшая нѣмецкая практика и большинство теоретиковъ также стоятъ на этой точкѣ зрѣнія и, хотя многіе изъ нѣмецкихъ писателей готовы трактовать „свободу“, какъ личную привилегію, т. е. толковать примѣненіе ея ограничительно, на практикѣ такая трактовка, однако, не отражается [2]).

Въ полномъ соотвѣтствіи съ вышеизложеннымъ пониманіемъ института, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, представительнымъ палатамъ предоставлены полномочія наказывать своихъ сочленовъ за преступные эксцессы слова. Депутаты отвѣчаютъ за свои словесныя преступленія, но, въ цѣляхъ гарантіи независимости парламента, отвѣчаютъ *исключительно* передъ палатами, къ которымъ они принадлежатъ. Поэтому въ распоряженіи палатъ имѣется цѣлый рядъ мѣръ для ограниченія эксцессовъ слова: отрѣшеніе на опредѣленное время отъ участія въ парламентскихъ занятіяхъ, выговоръ, лишеніе голоса, лишеніе депутатскаго вознагражденія на опредѣленные сроки и проч.

Такова въ самыхъ общихъ и сжатыхъ чертахъ суть института парламентской свободы слова. Она сдѣлалась естественнымъ и необходимымъ элементомъ функціонированія представительныхъ учрежденій... Это признаютъ даже и сторонники ограничительнаго пониманія института и прямые противники его.

2.

Обращаясь послѣ этихъ краткихъ общихъ замѣчаній къ русскому праву, мы должны сказать, что вопросъ о свободѣ парламентскаго слова поставленъ въ русскомъ законодательствѣ весьма своеобразно.

---

[1]) Шалландъ, ук. соч., 232.

[2]) Такъ толкуютъ привилегію изъ новѣйшихъ писателей, напримѣръ: Liszt „Lehrbuch des Strafrechts“ 18 Auflage. Berlin, 1911. § 24. S. 117; Muralt op. cit. § 58, особенно, Zimmermann: „Die parlamentäriche Redefreiheit und der Schutz dritter gegen den Missbrauch derselben“ („Zeitschrift für die Gesammte Staatswissenchaft“. B. 63. 1907. S. 402). Ихъ стремленіе — защитить интересы частныхъ лицъ отъ злоупотребленій парламентской свободы слова... Ихъ аргументація имѣетъ болѣе смысла de lege ferenda, чѣмъ de lege lata.

Обратимся къ тѣмъ статьямъ „Учрежденій" Государственной Думы и Совѣта, которыя трактуютъ вопросъ. Такими статьями являются ст. 14 и 22 Учрежденія Государственной Думы и ст. 5, 26, 68 и 86—95 Учрежденія Государственнаго Совѣта. Статья 14 Учрежд. Гос. Думы гласитъ, что „члены Государственной Думы пользуются полной свободой сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, и не обязаны отчетомъ передъ своими избирателями". То же самое правовое положеніе предоставлено 26 ст. „Учрежд. Гос. Сов." членамъ Гос. Совѣта *по выборамъ*. Они „въ отношеніи свободы сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Совѣта, подчиняются соотвѣтственнымъ правиламъ, постановленнымъ для членовъ Государственной Думы". Кромѣ того, ст. 5 „Учрежд. Госуд. Совѣта", говоря о послѣднемъ въ его цѣломъ, постановляетъ, что „Государственный Совѣтъ, въ дѣлахъ ему предлагаемыхъ, пользуется всею свободою мнѣній".

Прочтя эти статьи, приходишь къ выводу, что „свобода парламентскаго слова" у насъ имѣется [1]). Однако вниманіе, прежде всего, останавливается на томъ, что формула этой свободы въ нашихъ законахъ иная, чѣмъ въ законодательствахъ другихъ странъ. Обычно выдвигается на первый планъ правовое послѣдствіе „свободы",—т.-е., что депутаты не могутъ быть преслѣдуемы *внѣ парламента* никоимъ образомъ, а у насъ имѣется лишь голая формулировка наличности самой свободы и ни о какихъ послѣдствіяхъ ея нѣтъ рѣчи. Впрочемъ, это, въ концѣ концовъ, пожалуй, и не было бы такъ важно при опредѣленномъ выраженіи самого принципа, если бы не имѣлось, кромѣ цитированныхъ статей, еще ст. 22 „Учр. Госуд. Думы" и—соотвѣтственно—ст. 68 и 86—95 „Учр. Госуд. Сов.". Въ виду этихъ статей пропускъ указанія того, какія правовыя послѣдствія вытекаютъ изъ принципа свободы слова, становится весьма и весьма знаменательнымъ.

Ст. 22. „Учрежд. Госуд. Думы" гласитъ: „Члены Государственной Думы за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненій обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, привлекаются къ отвѣтственности въ порядкѣ и на основаніяхъ, установленныхъ для привлеченія къ отвѣтственности высшихъ членовъ государственнаго управленія".

---

[1]) Нѣкоторыя сомнѣнія вызываютъ: выраженіе ст. 14 „Учр. Госуд. Думы": „по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Госуд. Думы" и соотвѣтственное выраженіе ст. 26 „Учрежд. Госуд. Сов.". Какъ понимать эти выраженія? Не вдаваясь въ изложеніе контраверзъ по поводу толкованія ихъ смысла, мы лично считаемъ редакцію ихъ слишкомъ неопредѣленной, чтобы можно было ясно представить скрывающееся за нею логическое значеніе выраженій. Попытки вскрыть это логическое значеніе изложены у Ш а л л а н д а. См. его статью: „Безотвѣтственность депутатовъ по русскому праву"; журналъ „Вопросы права" 1910 г. кн. IV, стр. 36—38.

Ст. 68 „Учрежд. Госуд. Совѣта“ говоритъ, между прочимъ, что „вѣдѣнію перваго департамента (Госуд. Совѣта) подлежатъ... въ 4-хъ, дѣла объ отвѣтственности за преступныя дѣянія, совершенныя членами Государственнаго Совѣта и членами Государственной Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по симъ званіямъ, а также объ отвѣтственности за нарушеніе долга службы предсѣдателя совѣта министровъ, министровъ“, etc.

Наконецъ, ст. 86 — 95 „Учрежд. Госуд. Совѣта“, на которыя ссылается цитированная выше ст. 22 „Учрежд. Госуд. Думы“, трактуетъ о порядкѣ привлеченія къ суду высшихъ чиновъ государственнаго управленія. Постановленіе о преданіи суду или о наложеніи взысканія безъ суда (послѣднее къ членамъ Госуд. Думы и Госуд. Совѣта не относится [1]) дѣлаются 1 департаментомъ Государственнаго Совѣта, на основаніи переданныхъ въ департаментъ жалобъ и донесеній, адресованныхъ на высочайшее имя и „удостоенныхъ высочайшаго уваженія“. Департаментъ имѣетъ право произвести передъ своимъ окончательнымъ постановленіемъ, въ случаѣ нужды, предварительное слѣдствіе, можетъ также сдѣлать постановленіе о прекращеніи дѣла. Какъ такое постановленіе, такъ и постановленіе о преданіи суду или о наложеніи взысканія безъ суда „представляется на высочайшее усмотрѣніе“ (ст. 93). „Удостоенное высочайшаго утвержденія постановленіе департамента о преданіи суду члена Государственнаго Совѣта, члена Государственной Думы и пр. служитъ основаніемъ обвинительнаго акта, который составляется оберъ-прокуроромъ уголовнаго департамента и вносится имъ въ Верховный Уголовный Судъ“ (ст. 95).

Таковы нормы нашего законодательства. Какъ видите, онѣ въ значительной степени своеобразны по сравненію съ соотвѣтственными нормами въ другихъ законодательствахъ. Въ другихъ законодательствахъ, послѣ установленія принципа свободы парламентскаго слова, слѣдуетъ ясная формулировка правовыхъ послѣдствій этого принципа, т.-е., что (беремъ формулировку германскаго уголовнаго уложенія) членъ парламента, внѣ парламента „не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности по поводу своего голосованія или по поводу высказанныхъ при исполненіи своихъ обязанностей сужденій“. У насъ, наоборотъ, послѣ установленія принципа полной свободы слова, говорится не о правовыхъ послѣдствіяхъ принципа, а о порядкѣ привлеченія членовъ нашихъ законодательныхъ учрежденій „за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанно-

---

[1]) Вопреки утвержденію г. Грибовскаго: „Государственное устройство и управленіе Россійской Имперіи“, Одесса 1912 г. стр. 89. Такое утвержденіе г. Грибовскаго объясняется, очевидно, его невнимательнымъ чтеніемъ 92 статьи „Учрежденія Госуд. Совѣта“.

стей, лежащихъ на нихъ по сему званію". При этомъ въ данномъ отношеніи представители русскаго народа совершенно приравниваются къ высшимъ должностнымъ лицамъ, заключаются въ одну скобку съ ними...

Дальнѣйшій выводъ напрашивается самъ собою. Такъ какъ обязанности депутатовъ выражаются, прежде всего и главнымъ образомъ, въ голосованіяхъ и въ рѣчахъ, и такъ какъ почти исключительно въ голосованіяхъ и въ рѣчахъ депутаты могутъ совершать „преступныя дѣянія при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей", лежащихъ на депутатахъ по ихъ званію, — то возникаетъ прямой вопросъ—не находятся ли постановленія 22 ст. Учр. Госуд. Думы и—соотвѣтственно—ст. 68 (пунктъ 4-й) и ст. 86 — 95 Учрежд. Госуд. Совѣта въ противорѣчіи съ 14 ст. Учрежд. Госуд. Думы и—соотвѣтственно—5 и 26 ст. Учрежд. Гос. Совѣта? Вопросъ этотъ, благодаря направленію нашей судебно-административной практики, сталъ острымъ и злободневнымъ вопросомъ. Въ научной литературѣ на него имѣются самые различные отвѣты. Думается, — изъ разсмотрѣнія и критики этихъ различныхъ отвѣтовъ истина можетъ обнаружиться лучше всего.

3.

Начнемъ съ того освѣщенія проблемы, которое близко, если не идентично, офиціозному освѣщенію ея. На страницахъ „Журнала Министерства Юстиціи" за 1909 годъ въ сентябрьской, октябрьской и ноябрьской книжкахъ была напечатана весьма объемистая статья *А. К. фонъ-Резона*: „Объ особенныхъ правахъ выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта и членовъ Государственной Думы". Мнѣніе автора статьи таково, что наше законодательство по вопросу о свободѣ парламентскаго слова „не имѣетъ ничего общаго съ постановленіями иностранныхъ законовъ, предоставляющими членамъ представительныхъ собраній полную внѣпарламентскую безотвѣтственность за все сказанное ими въ собраніи при исполненіи ихъ обязанностей". Наше законодательство предоставляетъ членамъ Госуд. Думы и Совѣта лишь „право вполнѣ свободнаго обсужденія и критики всѣхъ предложенныхъ... законопроектовъ и вообще дѣлъ, требуя лишь, чтобы критика относилась дѣйствительно къ существу разсматриваемаго вопроса и обусловливалась только имъ". Слѣдовательно, предоставленіе въ данномъ случаѣ права свободы рѣчи „не освободило... отъ общей обязанности подчиняться дѣйствію законовъ и законовъ уголовныхъ въ особенности; разрѣшалась свобода критики, но не свобода брани и оскорбленій или свобода призыва къ преступнымъ дѣяніямъ". Если члены Государственнаго Совѣта (соотвѣтственно и Госуд. Думы) своими рѣчами совершали какое-либо преступное дѣяніе, они не могли защищаться ссылкой

на „свободу слова“, но, „пока они держались въ границахъ закона, какъ ни была строга и неумолима ихъ критика, какъ ни были непріятны ихъ замѣчанія тому или другому лицу, члены Госуд. Совѣта были защищены *отъ всѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, которыя для другихъ могло влечь мнѣніе, слишкомъ свободно или рѣзко высказанное*“ [1]).

Такое пониманіе дѣйствующихъ и приведенныхъ уже нами выше статей закона г. фонъ-Резонъ обосновываетъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, 14 ст. „Учр Госуд. Думы“ вполнѣ соотвѣтствуетъ 5 ст. „Учрежд. Госуд. Совѣта“, и обѣ статьи (равно какъ и 26 ст. „Учр. Госуд. Совѣта“) заимствовали свое логическое содержаніе изъ первой части 34 ст. „Учрежденія“ дореформеннаго Государственнаго Совѣта (изд. 1901 г.), гласившей, что „Государственный Совѣтъ, въ дѣлахъ ему предлагаемыхъ, пользуется всей свободой мнѣній“. Вторая часть этой 34 статьи постановляла: „онъ (т.-е. Государственный Совѣтъ) обязанъ вникать въ существо и силу подлежащихъ разрѣшенію вопросовъ, не удаляться отъ существа ихъ и основывать свои заключенія на сужденіяхъ положительныхъ“. Если мы укажемъ, что соотвѣтствующая статья (89) въ „Учрежд. Госуд. Совѣта“ изд. 1857 г. была изложена такъ: „Государственный Совѣтъ, въ дѣлахъ ему предлагаемыхъ, *пользуясь всей свободой мнѣній, обязанъ* со всей точностью вникать въ силу вопроса, не удаляться отъ существа ихъ и, не предаваясь влеченію мыслей постороннихъ и неопредѣленныхъ, основывать свои заключенія на сужденіяхъ положительныхъ“, то мы легко поймемъ смыслъ „свободы слова“ дореформеннаго Государственнаго Совѣта. Центръ вопроса, въ сущности говоря, лежалъ не въ самой свободѣ, а въ обязанности членовъ Совѣта не отступать отъ существа дѣла. Хотя Государственный Совѣтъ и пользуется „свободой мнѣній“, однако онъ долженъ поступать такъ-то и такъ-то,—учила статья. Исторія возникновенія статьи доказательно иллюстрируетъ это. Статья возникла изъ рескрипта 1821 года, содержавшаго по существу *выговоръ* Государственному Совѣту за то, что соединенные департаменты его „дѣлу государственному дали видъ частной пристрастности“. Выговоръ заканчивался цитированной выше 89 статьей, перешедшей въ „Учреж. Госуд. Совѣта“ изд. 1842 и 1857 года почти безъ измѣненій [2]).

При подобныхъ обстоятельствахъ и въ подобной формулировкѣ „свобода мнѣній“ дореформеннаго Государственнаго Совѣта была дѣйствительно очень далека отъ западно-европейской свободы парламентскаго слова. Имѣвшій характеръ совѣщательнаго органа при императорѣ, Госуд. Совѣтъ былъ подчиненъ непосред-

---

[1]) „Ж. М. Ю.“. 1912 г. кн. 8, стр. 80—81.

[2]) Подробное изложеніе инцидента и у Л. К. Резона „Ж. М. Ю“. 1909 г. кн. 8, стр. 77 и слѣдующія.

ственному надзору и контролю императора; послѣднему же принадлежала власть дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ на членовъ Государственнаго Совѣта. Этой властью монархъ и пользовался, когда находилъ нужнымъ. Какъ же понимать въ такомъ случаѣ „свободу мнѣній", сначала упрятанную въ придаточное предложеніе и какъ бы само собою подразумѣвавшуюся, а потомъ формулированную въ особомъ абзацѣ статьи закона? Въ пониманіи ея мы всецѣло присоединяемся къ проф. Шалланду, который находитъ, что единственный возможный смыслъ данной свободы тотъ, „что члены Совѣта, высказываясь по тому или иному дѣлу, предлагаемому на обсужденіе Совѣта, не обязаны были сообразоваться *съ чьими бы то ни было воззрѣніями на данный вопросъ (курсивъ нашъ):* ни съ мнѣніемъ Государя, ни съ взглядами ихъ іерархическаго начальства, буде данный членъ Совѣта занималъ какую-либо должность по военной или гражданской частямъ. Отвѣтственность за свои рѣчи они имѣли нести только передъ Монархомъ. Безотвѣтственностью же они, само собою разумѣется, не пользовались" [1]).

Все это такъ... Но, спрашивается, откуда явствуетъ, что ст. 14 нынѣ дѣйствующаго „Учреж. Госуд. Думы" и ст. 26 „Учрежд. Госуд. Совѣта" заимствовали свое логическое содержаніе изъ статьи „Учрежденія" дореформеннаго Совѣта, трактовавшей о „свободѣ мнѣній"? Можно согласиться, что ст. 5 „Учреж. Госуд. Совѣта", гдѣ говорится о „свободѣ мнѣній" *всего Совѣта*, дѣйствительно имѣетъ историческіе корни въ старой 34 статьѣ... Но статья 26 „Учрежденія Госуд. Совѣта", которая касается лишь членовъ Совѣта *по выборамъ*, и ст. 14 „Учрежд. Госуд. Думы" ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть выводимы изъ того же историческаго основанія... Отграниченіе членовъ Госуд. Совѣта по выборамъ отъ членовъ по назначенію и надѣленіе первыхъ *особой* свободой слова, *равной свободѣ членовъ Государственной Думы* (согласно 26 статьѣ „Учрежд. Госуд. Совѣта"), особенно показательно въ данномъ отношеніи. Члены Госуд. Совѣта по выборамъ—*не чиновники*, а *представители*, и вотъ имъ, не смотря на наличность уже 5 статьи „Учрежд. Госуд. Совѣта", не смотря на то, что Государственный Совѣтъ въ дѣлахъ, ему предлагаемыхъ, уже пользуется всею свободой мнѣній, предоставляется еще *особая* „свобода сужденій и мнѣній, равная свободѣ членовъ Госуд. Думы". Изъ противопоставленія и сопоставленія ст. 5 и 26 „Учрежд. Госуд. Совѣта" съ полной очевидностью вытекаетъ, что, кромѣ исторически сложившейся „свободы мнѣній" дореформеннаго Государственнаго Совѣта, наше законодательство предусматриваетъ

---

[1]) Шалландъ Л. А. „Безотвѣтственность депутатовъ по русскому праву"; Журналъ „Вопросы Права" 1910 г. книга IV, стр. 16.

еще особую „свободу сужденій и мнѣній", которою оно надѣляетъ лишь *выборныхъ* членовъ нашихъ законодательныхъ учрежденій.

Таковъ единственный выводъ изъ логической интерпретаціи дѣйствующихъ законоположеній. Признать же этотъ выводъ—значитъ отвергнуть аргументацію фонъ-Резона, Разумѣется, и фонъ-Резонъ долженъ былъ отвѣтить на вопросъ о соотвѣтствіи ст. 5 и 26 „Учрежд. Госуд. Совѣта". Но для него дилемма разрѣшается очень просто—оплошностью составителей „Учрежденія", вслѣдствіе которой ст. 26, по мнѣнію фонъ-Резона совершенно излишняя, лишь повторяетъ въ иной редакціи содержаніе 5 статьи [1]). Насколько основательна *такая* аргументація, предоставляемъ судить самимъ читателямъ. Замѣтимъ лишь, что исторія возникновенія ст. 14 „Учрежденія Госуд. Думы" (соотвѣтственно и ст. 26 „Учрежденія Госуд. Совѣта") категорическимъ образомъ опровергаетъ мнѣніе фонъ - Резона. Статья 14 въ теперешней редакціи имѣлась уже въ Булыгинскомъ „Учрежденіи Государственной Думы" 6 августа 1905 года, но въ проектѣ этого „Учрежденія", составленномъ Булыгинымъ, данной статьи не было. Вмѣсто нея, ст. 37 проекта гласила: „Государственная Дума, въ дѣлахъ ей предоставленныхъ, пользуется всей свободой мнѣній, но обязана не удаляться отъ существа ихъ и основывать свои заключенія на сужденіяхъ положительныхъ". Совѣтъ Министровъ, разсмотрѣвъ статью, не вполнѣ удовлетворился ею и „призналъ необходимымъ болѣе точно выразить мысль о томъ, что сужденія и мнѣнія, выражаемыя членами Думы по ихъ званію, вполнѣ свободны". Сообразно съ этимъ, ст. 37 проекта и была измѣнена и превратилась въ ст. 14 „Учрежденія". „Такимъ образомъ—вполнѣ справедливо заключаетъ проф. Шалландъ—редакція ст. 14 появилась не случайно; составители положенія имѣли въ виду создать „полную свободу сужденій" и къ той свободѣ, которой пользовались члены Государственнаго Совѣта, прибавить нѣкоторый плюсъ" [2]).

Итакъ, ст. 14 „Учрежд. Госуд. Думы" и ст. 26 „Учрежд. Госуд. Совѣта" создали „свободу сужденій и мнѣній", неизвѣстную ранѣе русскому государственному праву. Если перейти отъ этихъ спеціальныхъ соображеній къ соображеніямъ болѣе общаго характера, то въ послѣднихъ можно найти цѣлый рядъ доказательствъ той мысли, что указанныя статьи имѣли въ виду свободу парламентскаго слова въ обычномъ конституціонно-правовомъ пониманіи этой свободы. Проф. Шалландъ въ цитированной выше статьѣ и проф. Жижиленко въ своемъ докладѣ, читанномъ въ 1909 году въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ, а потомъ напечатанномъ въ „Юридическихъ Запискахъ" Деми-

---

1) „Ж. М. Ю.", ук. кн., стр. 76.

2) Указ. статья въ „Вопросахъ Права", стр. 19.

довскаго Лицея [1]) можно сказать, исчерпывающимъ образомъ изложили эти доказательства и намъ остается лишь слѣдовать за ними въ данномъ отношеніи... Прежде всего почтенные ученые подчеркиваютъ, что наши законодательныя представительныя учрежденія были конструированы, какъ говорится, по обще-конституціонному образцу. Въ частности по обще-конституціонному образцу конструировано и юридическое положеніе отдѣльныхъ народныхъ представителей, ихъ особыя права и преимущества. Рядомъ со спорной 14 статьей „Учрежд. Госуд. Думы“ стоятъ 15 и 16 статьи (ст. 27 „Учрежд. Госуд. Сов.“), гарантирующія членамъ Думы такъ называемую неприкосновенность, т. е. невозможность подвергнуться въ теченіи сессіи Думы аресту безъ согласія самой Думы. Институтъ неприкосновенности несомнѣнно сконструированъ по обще-конституціонному образцу. Въ другихъ конституціяхъ статьямъ объ этомъ институтѣ неизмѣнно предшествуютъ статьи о „свободѣ парламентскаго слова“, которая считается не менѣе необходимымъ аттрибутомъ нормальнаго положенія народ ныхъ представителей, чѣмъ и неприкосновенность. У насъ статьямъ о неприкосновенности членовъ Государственной Думы и членовъ Государственнаго Совѣта по выборамъ (опять-таки по выборамъ!) предшествуютъ разбираемыя нами спорныя статьи: 14 „Учрежд. Госуд. Думы“ и 26 „Учрежд. Госуд. Совѣта“. Все это, взятое въ цѣломъ, даетъ основаніе думать, что разбираемыя статьи имѣютъ логическое содержаніе, идентичное съ аналогичными статьями другихъ конституцій.

Второе соображеніе—это то, что при какомъ-либо иномъ пониманіи разбираемыхъ статей онѣ окажутся совершенно излишними, лишенными всякаго логическаго смысла. Если статьи не означаютъ свободы парламентскаго слова въ общеупотребительномъ пониманіи этой свободы, то что они могутъ означать для членовъ Думы, по своему положенію стоящихъ внѣ всякой чиновной іерархіи и не подчиненныхъ никакой дисциплинарной власти? Быть можетъ, то, что, поскольку члены Думы и Совѣта своими рѣчами не преступаютъ закона, они могутъ говорить безнаказанно? Но это понятно и безъ 14 статьи „Учрежд. Госуд. Думы“ и ст. 26 „Учрежд. Госуд. Совѣта“. Это вытекаетъ изъ общихъ принциповъ нашего государственнаго строя и изъ общаго положенія въ этомъ строѣ членовъ Государственнаго Совѣта и членовъ Государственной Думы по выборамъ. Иное дѣло положеніе членовъ дореформеннаго Госуд. Совѣта, учрежденія подконтрольнаго и подчиненнаго высшей дисциплинарной власти. Тамъ и тогда—въ атмосферѣ абсолютизма,—когда, выражаясь словами фонъ-Резона,—„мнѣніе

[1]) „Юридическія Записки“, 1909 г., вып. 2 (IV), стр. 163—217: „О безотвѣтственности народныхъ представителей“.

слишкомъ свободно или рѣзко высказанное“ могло, при всей закономѣрности его, навлечь на высказавшагося весьма „невыгодныя послѣдствія“, имѣло бы смыслъ и иное, чѣмъ обычно конституціонное, пониманіе „свободы слова“. Но примѣненіе къ „Учрежденію Государственной Думы“ такого пониманія не имѣетъ никакихъ логическихъ основаній.

Если мы добавимъ, что наши представительныя учрежденія снабжены цѣлымъ арсеналомъ мѣръ, аналогичныхъ мѣрамъ, примѣняемымъ въ палатахъ другихъ странъ, съ цѣлью борьбы противъ эксцессовъ слова, то должны будемъ прійти къ выводу, что ст. 14 „Учрежд. Госуд. Думы“ и ст. 26 „Учрежд. Госуд. Совѣта“ имѣютъ лишь одно *разумное* толкованіе, а именно, что этими статьями устанавливается свобода парламентскаго слова, понимаемая въ обычномъ правовомъ смыслѣ. Къ такому выводу на основаніи, глявнымъ образомъ, вышеприведенныхъ аргументовъ и приходятъ проф. Жижиленко и Шалландъ въ своихъ цитированныхъ нами статьяхъ...

4.

Къ этому мнѣнію профессоровъ Жижиленко и Шалланда можно было бы всецѣло присоединиться, если бы въ нашемъ законодательствѣ не было никакихъ другихъ постановленій по изслѣдуемому нами вопросу, кромѣ статей 14 „Учрежд. Госуд. Думы“ и 5 и 26 „Учрежд. Госуд. Совѣта“. Однако, кромѣ этихъ статей, въ „Учрежд. Госуд. Думы“ имѣется еще ст. 22, а въ „Учрежд. Госуд. Совѣта“ ст. 68. Выше мы уже намѣтили въ общихъ чертахъ, въ какомъ внутреннемъ противорѣчіи находятся между собой, на первый взглядъ, ст. 14 и 22 (соотвѣтственно ст. 26 и 68). Разъ за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія своихъ обязанностей, члены Государственной Думы и Государственнаго Совѣта по выборамъ отвѣчаютъ, вопреки обычной практикѣ другихъ странъ, и разъ такія преступныя дѣянія прежде и больше всего могутъ быть, какъ указано выше, словесными преступленіями, то... что останется отъ 14 статьи? Депутатъ, принадлежащій къ с.-д. фракціи или къ трудовикамъ, произнесъ рѣчь, неугодную правительству. Такъ какъ во всякой партійной рѣчи можно, при желаніи, найти элементы преступленія, предусмотрѣннаго хотя бы знаменитой 129 ст. „Уголовнаго Уложенія“, то депутата, неугоднаго правительству, послѣднее привлекаетъ къ отвѣтственности, на основаніи 22 ст. „Учрежд. Госуд. Думы“. Позвольте, возражаетъ оппозиція въ Думѣ и печать въ странѣ, а ст. 14?.. Но въ отвѣтъ на это представитель правительства читаетъ ст. 22... Преступленіе при исполненіи своихъ обязанностей на лицо... Слѣдовательно...

Проф. Жижиленко и Шалландъ, доказывающіе, что по нашему дѣйствующему праву установлена полная свобода депутатскаго слова, признаютъ, что, „если терминъ: „при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей“, употребленъ не... въ качествѣ синонима должностного преступленія, а въ обще-разговорномъ значеніи (по нашему, лучше бы сказать „общеупотребительномъ значеніи“ или „обычномъ значеніи“. *П. П.*), то нельзя не прійти къ выводу, что 22 ст. дѣйствительно отрицаетъ институтъ безотвѣтственности“ [1]). „При исполненіи своихъ обязанностей—развиваетъ свою мысль проф. Шалландъ—депутаты находятся тогда, когда они участвуютъ въ засѣданіяхъ палаты, произносятъ рѣчи, заявляютъ сужденія, голосуютъ и т. д. Если для преступленій, ими при этомъ совершенныхъ—среди нихъ главное мѣсто, конечно, занимаютъ словесные деликты,—установленъ особый порядокъ преслѣдованій, то ясно, что иммунитетъ на эти деликты не распространяется“ [2]). Таковъ выводъ, если понимать терминъ „при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей“ въ обычномъ смыслѣ; но проф. Жижиленко и проф. Шалландъ понимаютъ его въ качествѣ синонима должностного преступленія и тѣмъ считаютъ возможнымъ найти болѣе или менѣе гармоничное соединеніе ст. 14 и 22, не аннулируя значенія ни первой, ни второй.

Однако возможно ли такое пониманіе даннаго термина? Проф. Жижиленко и Шалландъ это свое пониманіе аргументируютъ совершенно одинаковымъ образомъ. Кратко и сжато ихъ аргументація такова: порядокъ привлеченія къ отвѣтственности, какой предположенъ ст. 22 „Учрежд. Госуд. Думы“ и ст. 68 „Учрежд. Госуд. Совѣта“, является порядкомъ привлеченія къ отвѣтственности высшихъ сановниковъ за исключительно должностныя преступленія... „Ясно,—пишетъ проф. Жижиленко,—что, устанавливая особый порядокъ отвѣтственности для членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта по выборамъ, законодатель имѣлъ въ виду тѣ преступленія ихъ, которыя соотвѣтствуютъ преступленіямъ по службѣ. И эта мысль нашла себѣ не вполнѣ правильное, но вполнѣ понятное выраженіе въ ст. 1076 уст. уг. суд. (по прод. 1906 г.), помѣщенной въ главѣ „о судопроизводствѣ по преступленіямъ должности“ и говорящей о томъ, что „верховному уголовному суду предаются *за преступленія должности* члены Госуд. Думы и члены Госуд. Совѣта, предсѣдатель совѣта министровъ, министры, главноуправляющіе отдѣльными частями, намѣстники и генералъ-губернаторы“ [3]).

---

1) Шалландъ, указ. ст. въ „Вопросахъ Права“, стр. 26—27. Срвн. Жижиленко, ук. ст., стр. 202—203.

2) Шалландъ, стр. 27.

3) Жижиленко, ук. ст., стр. 203. Срвн. Шалландъ, ук. ст. въ „Вопр. Права“, стр. 28—31.

Вотъ остовъ аргументаціи проф. Жижиленко и Шалланда. Кромѣ этого, проф. Шалландъ доказываетъ, развивая мысль, брошенную фонъ-Резономъ, что, какъ бы ни понимать отвѣтственность членовъ Государственной Думы по 22 ст. „Учрежд. Госуд. Думы" и членовъ Госуд. Сов. по выборамъ по 68 ст. „Учрежд. Госуд. Совѣта,"—все равно: привлеченіе депутатовъ по этимъ статьямъ въ порядкѣ частнаго обвиненія немыслимо, ибо порядокъ привлеченія, предусмотрѣнный этими статьями и изложенный въ ст. 85—95 „Учрежд. Госуд. Совѣта", не можетъ быть совмѣстимъ съ порядкомъ частнаго обвиненія, находясь въ явномъ противорѣчіи съ 511 ст. устава уголовнаго судопроизводства, опредѣляющей дѣйствія прокурорскаго надзора по дѣламъ, производящимся въ порядкѣ частнаго обвиненія [1]).

Возвращаясь къ „остову" аргументаціи проф. Жижиленко и Шалланда, надо сказать, что большія сомнѣнія вызываетъ, прежде всего, отожествленіе понятія „преступленій при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей" съ понятіемъ „должностного преступленія". Во-первыхъ, ссылка на текстъ ст. 1076 уст. угол. суд. (по прод. 1906 г.), гдѣ эти понятія дѣйствительно какъ бы отожествляются, не достаточно убѣдительна. Статья эта въ изд. 1892 года гласила: „Верховному Уголовному Суду предаются за преступленія должности члены Государственнаго Совѣта, министры и главноуправляющіе отдѣльными частями". Въ 1906 году, вслѣдъ за изданіемъ новаго „Учрежденія Госуд. Совѣта" (24 апрѣля 1906 г.), статья 1076 была измѣнена въ кодификаціонномъ порядкѣ, и получила редакцію, приведенную выше... Ясно, что кодификаторы должны были бы руководиться при своей работѣ текстомъ статьи 68 „Учрежд. Госуд. Совѣта", гдѣ понятіе нарушеній долга службы и понятіе „преступныхъ дѣяній при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей" строго различаются. Но гг. кодификаторы почему-то не руководились этой статьей. Въ результатѣ—редакція, которую вмѣстѣ съ фонъ-Резономъ правильнѣе счесть „вольнымъ

---

[1]) Вопросъ о томъ,—можетъ ли быть порядокъ привлеченія къ отвѣтственности, предусмотрѣнный ст. 86—95 „Учрежд. Гос. Сов.", примѣненъ къ дѣламъ, которыя должны итти въ порядкѣ частнаго обвиненія,—поднялъ г.фонъ-Резонъ. Онъ полагаетъ, что, согласно 22 статьѣ „Учрежд. Гос. Думы" (соотв. 68 ст. „Учр. Г. Сов."), члены Г. Думы и члены Г. Совѣта по выборамъ отвѣчаютъ и за преступленія, преслѣдуемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія, а такъ какъ порядокъ, указанный въ ст. 86—95 „Учрежд. Госуд. Сов." не можетъ быть приложимъ къ дѣламъ послѣдняго рода, то между ст. 22 „Учреж. Гос. Думы" (соотв. ст. 68 „Учрежд. Гос. Сов.") и ст. 86—95 „Учрежд. Гос. Сов." имѣется противорѣчіе. Это противорѣчіе г. фонъ-Резонъ объясняетъ неудовлетворительной редакціей ст. 86—95, отстаивая, такимъ образомъ, возможность привлеченія членовъ Госуд. Думы и Госуд. Совѣта по выборамъ, на основаніи ст. 22 „Учрежд. Гос. Думы" и 68 „Учрежд. Гос. Сов.", и въ порядкѣ частнаго обвиненія. О томъ, какъ вопросъ стоитъ въ нашей судебной практикѣ, см. ниже.

произведеніемъ гг. кодификаторовъ“ [1]),—какъ извѣстно, вообще въ Россіи не особенно строго придерживающихся при своей работѣ текстовъ законовъ...

Кромѣ того, признаніе нашихъ народныхъ представителей чиновниками, должностными лицами, которое слѣдуетъ изъ того пониманія 22 ст., какое придаютъ ей Жижиленко и Шалландъ, надо признать весьма мало обоснованнымъ. Проф. Жижиленко самъ признается, что такое пониманіе весьма смѣло: „настолько неоднородны и самыя функціи и значеніе дѣятельности, съ одной стороны, народныхъ представителей и служащихъ, съ другой“ [2]). Проф. Жижиленко полагаетъ: „пока нѣтъ въ законѣ прямого указанія на то, что служащимъ приравниваются въ содѣяніи того или иного преступленія депутаты, до тѣхъ поръ примѣненіе соотвѣтствующихъ нормъ (къ депутатамъ) по аналогіи представляется весьма сомнительнымъ“. Но проф. Жижиленко забываетъ, что изъ его пониманія 22 статьи именно и вытекаетъ это „сомнительное“ толкованіе по аналогіи. И проф. Шалландъ, конечно, вполнѣ правъ, возражая ему въ данномъ смыслѣ [3]).

Но что важнѣе и существеннѣе всего, такъ это то, что толкованіе 22 статьи, принятое проф. Жижиленко и Шалландомъ, совершенно не гарантируетъ свободы парламентскаго слова въ сколько-нибудь широкомъ смыслѣ. Если даже ст. 22 понимать такъ, какъ понимаютъ ее названные ученые, то и тогда въ рубрику преступленій, предусмотрѣнныхъ 22 статьей, войдутъ такія преступленія, какъ превышеніе власти (ст. 341 „Уложенія о наказаніяхъ“), лихоимство (ст. 373), оскорбленіе кого-либо словомъ или дѣломъ при отправленіи должности (ст. 347), поступокъ, вообще, противный правиламъ пристойности (та же статья), присвоеніе ввѣреннаго имущества (ст. 354) и подлогъ (ст. 362),—словомъ, тѣ преступленія изъ категоріи должностныхъ, которыя могутъ быть совершены депутатами. Съ этимъ согласны и проф. Шалландъ, и проф. Жижиленко. Въ виду 16 ст. „Учрежд. Гос. Думы“ эти преступленія не подлежатъ дѣйствію правила о депутатской неприкосновенности. Ст. 16 гласитъ: „для лишенія свободы члена Государственной Думы во время ея сессіи должно быть испрошено предварительное разрѣшеніе Думы, кромѣ случая привлеченія члена Думы къ отвѣтственности въ порядкѣ, указанномъ въ статьѣ 22“... Одинаковое постановленіе имѣется и относительно членовъ Государственнаго Совѣта по выборамъ въ ст. 27 „Учрежд. Гос. Сов“. Такимъ образомъ, безъ всякаго разрѣшенія со стороны Думы, если принять толкованіе 22 статьи, данное проф. Жижиленко и Шалландомъ, депутатъ можетъ

---

1) „Ж. М. Ю.“ ук. кн., стр. 94.
2) Ук. ст. стр. 204.
3) „Вопросы Права“ ук. кн., стр. 31, примѣч. 2-ое.

быть привлеченъ по ст. 347 за всякое оскорбительное слово или за всякій поступокъ, сочтенный прокуратурой противнымъ правиламъ пристойности, причемъ за второе подлежитъ „строгому выговору со внесеніемъ въ послужной списокъ“ [1])...

Уже примѣненіе, согласно 22 ст. „Учреж. Гос. Думы“, одной этой статьи достаточно, чтобы, говоря фигурально, взорвать на воздухъ ст. 14. Но, вѣдь, эта статья не одна. Возьмемъ еще для примѣра ст. 362 (по прод. 1906 г.) о подлогѣ. Тамъ, между прочимъ, имѣется слѣдующее постановленіе: „Кто при отправленіи своей должности вполнѣ или частью... съ намѣреніемъ скроетъ истину въ докладахъ... или включитъ въ нихъ вымышленныя обстоятельства или завѣдомо ложныя свѣдѣнія.., тотъ за сіе... подвергается“ и т. д... Если понимать депутатское званіе, какъ чиновничью должность, то не трудно видѣть, какіе скорпіоны глядятъ изъ этой статьи о подлогѣ,—угрожающей арестантскими ротами,—на депутатовъ, составляющихъ доклады Думѣ... Какъ ни понимать слово „докладъ“ въ узкомъ или въ широкомъ (какъ всякое сообщеніе) смыслѣ, все равно—скорпіоновъ останется достаточно. Проф. Жижиленко и Шалландъ, отожествивъ „служебныя преступленія“ и „преступныя дѣянія при исполненіи или по поводу исполненія депутатскихъ обязанностей“, какъ бы полагаютъ, что этимъ они спасли ихъ пониманіе статьи 14. Однако этого вовсе нѣтъ. И при ихъ пониманіи ст. 22 противорѣчитъ статьѣ 14, и каждая изъ нихъ какъ бы взаимно уничтожаетъ другую.

5.

Мы разсмотрѣли выше два главныхъ основныхъ мнѣнія, имѣющіяся въ литературѣ по трактуемому нами вопросу, и оба отвергли, какъ неудовлетворительныя. Большинство остальныхъ писателей, затрагивавшихъ вопросъ, или присоединяется къ вышеприведеннымъ мнѣніямъ или только ставитъ проблему, не разрѣшая ея [2]).

---

[1]) Ст. 347. „Кто, при отправленіи своей должности, оскорбитъ кого-либо словомъ или дѣйствіемъ, тотъ за сіе подвергается: наказаніямъ, за обиды опредѣленнымъ. Если и безъ прямой обиды и оскорбленія кто-либо во время отправленія своей должности дозволитъ себѣ поступокъ, вообще противный правиламъ пристойности, то онъ приговаривается: къ строгому выговору, со внесеніемъ онаго въ послужной списокъ“.

[2]) Н. И. Лазаревскій. („Лекціи по русскому государственному праву“, т. 1. СПБ. 1908 г., стр. 334—336) вовсе не говоритъ о взаимоотношеніяхъ ст. 14-ой и 22-ой, ограничиваясь лишь критикой ст. 22, а такъ же выраженія ст. 14 „по дѣламъ подлежащимъ вѣдѣнію Госуд. Думы“. В. Ивановскій („Учебникъ Государственнаго Права“, Казань, 1910 г., стр. 345) ограничивается неяснымъ замѣчаніемъ, что „члены Госуд. Думы пользуются полной свободой сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, хотя, до установленія конституціонныхъ гарантій неприкосновенности личности эти постановленія имѣютъ чрезвычайно-условное значеніе“. Осо-

Какой же, въ концѣ концовъ, долженъ быть выводъ? Мы полагаемъ лишь тотъ, что примирить ст. 14 и 22 „Учрежд. Гос. Думы" вообще нельзя, что одна изъ нихъ въ корнѣ противорѣчитъ другой и исключаетъ другую. Этотъ именно взглядъ развивалъ въ 1909 году въ Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ I. В. Гессенъ. Его мнѣніе приводимъ по отчету въ газетѣ „Право".

„Обычные пріемы толкованія законовъ — сказалъ г. Гессенъ—непримѣнимы къ нашему законодательству вообще и къ нашимъ „основнымъ законамъ" въ частности. Вѣдь, юридическая герминевтика предполагаетъ, вообще говоря, разумность закона и возможна лишь при извѣстномъ уровнѣ законодательства, т. е, при извѣстной его стройности и единствѣ. Но развѣ мыслимо при томъ запутанномъ состояніи, въ какомъ находится наше законодательство, сгладить его противорѣчія путемъ герминевтики? Развѣ мы не видимъ, какъ часто самъ сенатъ безпомощенъ въ своихъ попыткахъ примирить непримиримое, и какъ, вслѣдствіе этого, многіе законы остаются на бумагѣ, не будучи проведены въ жизнь?" „Вопросъ о безотвѣтственности народныхъ представителей далеко

бой цѣнности ни для пониманія русскаго законодательства, ни для общаго освѣщенія вопроса не имѣетъ статья Н. Полянскаго: „Безотвѣтственность депутатовъ" („Рус. Мысль" 1908 г., мартъ, стр. 104—124). Проф. Р о з и н ъ во 2-мъ изд. своей книги „Объ оскорбленіи чести" (Томскъ. 1910 г. стр. 347) въ общемъ примыкаетъ къ мнѣнію проф. Жижиленко. П р о ф. Т а г а н ц е в ъ „Русское уголовное право", 1908 г. т. 1. стр. 286, не входя вглубь проблемы, замѣчаетъ лишь, что безотвѣтственность депутатовъ „относится не столько къ качеству лица, сколько къ условіямъ дѣятельности". П р о ф. Г р и б о в с к і й („Государственное устройство и управленіе Россійской Имперіи", Одесса 1912 г. стр. 89), излагая безъ особой критики статьи закона, договаривается до того, что 1 Департаментъ Госуд. Сов. можетъ налагать на членовъ Госуд. Сов. и Госуд. Думы „за преступныя дѣянія. совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ", в з ы с к а н і я б е з ъ с у д а. Ересь, объясняемая недостаточно внимательнымъ чтеніемъ ст. 92 „Учрежд. Гос. Совѣта". Вообще г. Грибовскій даже не замѣчаетъ коллизіи ст. 14 и 22. Изъ иностранныхъ писателей: Hatschek („Allgemeines Staatsrecht". Leipzig 1909 S. 90) считаетъ, ссылаясь на ст. 22 „Уч. Гос. Д.", что безотвѣтственности депутатовъ въ Россіи нѣтъ, а Palme („Die Russische Verfassung" Berlin. 1910. S. 175), ссылаясь на ст. 14, считаетъ, что она есть. Особо стоитъ мнѣніе П. И. Л ю б л и н с к а г о, высказанное въ 1909 г. въ засѣданіи С.-П. Юрид. Общ. П. И. Люблинскій полагалъ, что иммунитетомъ покрыты лишь уголовно-публичныя дѣянія, а преступленія, преслѣдуемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія, статьей 14 не покрываются. Взглядъ этотъ, навѣянный, очевидно, чтеніемъ западно-европейской (преим., нѣмецкой) литературы въ нормахъ русскаго законодательства никакого подтвержденія получить не можетъ; онъ чисто теоретическій. (См. „Право", 1909 г. № 18. стр. 1160—1162). Наконецъ, С. А. Котляревскій („Юридическія предпосылки русскихъ основ. законовъ", М. 1912 г. стр. 118 слѣд.) пользуется ст. 14 и 22 главнымъ образомъ для того, чтобы подчеркнуть в ѣ д о м с т в е н н ы й характеръ нашихъ законодательныхъ учрежденій. Никакого опредѣленнаго толкованія статей имъ не дается.

не единственный, оставленный творцами нашихъ основныхъ законовъ въ состояніи безнадежной запутанности и неопредѣленности; его судьбу въ не меньшей степени раздѣляютъ и другіе весьма важные вопросы, какъ, напримѣръ, вопросы о неприкосновенности депутатовъ, о сессіи,—всѣ они находятся въ одинаково плачевномъ состояніи неустранимой неясности и безвыходныхъ противорѣчій. Что же касается вопроса о безотвѣтственности, то тутъ, повидимому, бюрократія ясно понимала одно, — что дѣло идетъ о самоограниченіи власти; и, вотъ, вводя ст. 14 въ учрежд. Госуд. Думы, она въ то же время оставила себѣ лазейку въ видѣ 22 ст. того же учрежденія. Примирить эти статьи представляется задачей неосуществимой".

„Если же — продолжаетъ І. В. Гессенъ—съ почвы безплодной юридической герминевтики перевести вопросъ о безотвѣтственности на принципіальную политическую почву, то... у насъ... отсутствуютъ элементарныя общія условія, составляющія необходимую предпосылку безотвѣтственности: вѣдь, послѣдняя, несомнѣнно, предполагаетъ наличность правового порядка, при которомъ „столкновеніе мнѣній" вообще представляется не чѣмъ-то опаснымъ и разрушительнымъ, а, напротивъ, необходимымъ средствомъ нормальнаго развитія. Неудивительно поэтому, что въ первомъ департаментѣ Государственнаго Совѣта... вопросъ о безотвѣтственности народныхъ представителей даже и не возникъ: первый департаментъ просто призналъ его несуществующимъ. Такое приспособленіе, впрочемъ, новыхъ законовъ къ старымъ, вмѣсто обратнаго процесса, отнюдь не составляетъ у насъ чего-либо новаго: такая же судьба постигла, напримѣръ, уставы 1864 года" [1]).

Въ томъ же самомъ засѣданіи Петербургскаго Юридическаго Общества, гдѣ г. Гессенъ высказалъ это свое мнѣніе, предсѣдатель собранія В. Д. Набоковъ возражалъ ему, резюмируя пренія засѣданія, слѣдующимъ образомъ: І. В. Гессенъ полагаетъ, что „споръ о безотвѣтственности при настоящихъ условіяхъ не имѣетъ вообще практическаго значенія, такъ какъ судьба безотвѣтственности находится въ зависимости отъ общихъ политическихъ условій и судьбы самого народнаго представительства въ ближайшемъ будущемъ: восторжествуетъ послѣднее, тогда вмѣстѣ съ нимъ упрочится и безотвѣтственность; погибнетъ оно или потерпитъ крушеніе, и тогда о безотвѣтственности, конечно, не можетъ быть и рѣчи... Взглядъ этотъ, однако, глубоко ошибочный: въ борьбѣ за право мы должны пользоваться тѣми средствами, какія имѣются въ нашемъ распоряженіи. Въ настоящемъ случаѣ такимъ орудіемъ является толкованіе закона" („Право" № 18, стр. 1165).

Уже въ то время, какъ произносились эти слова, было, однако, ясно, что орудія, имѣвшіяся въ рукахъ тѣхъ, кого В. Д. Набоковъ

---

[1]) «Право", 1909 г., № 18, стр. 1162—1163.

назвалъ нарицательнымъ именемъ „мы“,—орудія вродѣ „толкованія закона“,—весьма и весьма слабыя орудія въ борьбѣ за „свободу парламентскаго слова“, и вообще въ борьбѣ за „конституціонныя основы“. Даже менѣе двусмысленныя статьи закона, чѣмъ статьи 14 и 22 „Учрежд. Госуд. Думы“, даже статьи, дававшія возможность лишь одного *правомѣрнаго* толкованія, въ нашей судебно-административной практикѣ примѣнялись не такъ, какъ требовало этого толкованіе, а какъ... хотѣлось примѣнить ихъ господамъ примѣняющимъ. Взять бы хотя, для примѣра, тѣ интересныя манипуляціи, какія продѣлывались съ 87 статьей „Основныхъ Законовъ. Впрочемъ, не будемъ приводить примѣровъ: ихъ слишкомъ многомъ, и всякій русскій гражданинъ, сколько-нибудь интересующійся исторіей русской „конституціи“, найдетъ ихъ, сколько угодно.

VI.

Впервые нашей практикѣ пришлось заняться вопросомъ о безотвѣтственности въ 1906 году. Членъ Государственной Думы перваго созыва И. П. Шрагъ въ своей рѣчи, произнесенной 29 іюня 1906 года по поводу Бѣлостокскаго погрома, заявилъ, между прочимъ, что главнымъ организаторомъ погрома въ Нѣжинѣ былъ нѣжинскій городской голова и проф. нѣжинскаго института Лилеевъ. Послѣдній подалъ въ порядкѣ 22 статьи Учрежд. Гос. Думы жалобу на высочайшее имя, обвиняя Шрага въ диффамаціи. Первый департаментъ Государственнаго Совѣта, куда, согласно порядку, предписанному въ 86—95 ст. Учрежд. Гос. Сов. поступила жалоба Лилеева, не усмотрѣлъ въ словахъ Шрага состава диффамаціи и потому оставилъ жалобу безъ послѣдствій. Однако онъ объявилъ Лилееву, что тотъ можетъ возбудить преслѣдованіе противъ Шрага за клевету (по ст. 1535 ул. о нак.), дѣло о которой не можетъ быть начато безъ жалобы потерпѣвшаго. Признавая тѣмъ самымъ возможность уголовнаго преслѣдованія депутата за рѣчь, сказанную въ Государственной Думѣ, департаментъ мотивировалъ это слѣдующимъ образомъ: „Принадлежащее членамъ Государственной Думы право полной свободы сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, не исключаетъ отвѣтственности ни за оклеветаніе частныхъ лицъ, признающихъ себя оскорбленными оглашенными обстоятельствами, могущими повредить ихъ чести и доброму имени, ни за *оклеветаніе должностныхъ лицъ оглашеніемъ завѣдомо ложныхъ обстоятельствъ, хотя бы оно послѣдовало въ произнесенной рѣчи въ Государственной Думѣ ея членомъ*. Не говоря уже о томъ, что оставлять безнаказанной клевету, кого бы она ни касалась, и въ какомъ бы видѣ и подъ какимъ предлогомъ она ни появлялась, было бы противно основнымъ правиламъ справедливости, нельзя не признать, что условія, при

которыхъ *должностное лицо* можетъ прибѣгать къ клеветническому обвиненію кого-либо, вовсе не таковы, чтобы они могли измѣнить существо понятія клеветы, какъ преступленія" [1]).

Въ этомъ мнѣніи, гдѣ депутаты вполнѣ отожествлялись съ чиновниками, вопросъ о смыслѣ ст. 14 даже не возникалъ, какъ будто ея и не было, какъ будто и нельзя было думать, что у насъ въ Россіи можетъ существовать обще-конституціонный институтъ „свободы парламентскаго слова".

За первымъ прецедентомъ послѣдовали другіе. Въ 1907 году, по поводу дѣла Ивана Θедорова, обвинявшагося въ распространеніи въ войскахъ прочитанной въ Государственной Думѣ перваго созыва „деклараціи думской фракціи россійской соціалъ-демократической партіи",—оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената заявилъ, что, хотя въ ст. 14 и говорится о полной свободѣ сужденій и мнѣній, однако это не означаетъ, чтобы имъ (т. е. депутатамъ) разрѣшалось въ своихъ рѣчахъ кого-либо оскорблять или призывать народъ къ бунту. За это, какъ они, такъ и предсѣдатель Думы, разрѣшившій произнесеніе депутатами подобныхъ рѣчей при исполненіи ими своихъ обязанностей, привлекаются, помимо согласія Думы, къ уголовной отвѣтственности порядкомъ, указаннымъ въ ст. 22 „Учрежд. Гос. Думы", наравнѣ съ высшими чинами государственнаго управленія [2]).

Въ томъ же году св. синодъ отдалъ суду епархіальнаго начальства депутатовъ-священниковъ Тихвинскаго, Колокольникова и Архипова за ихъ „дѣянія, не совмѣстимыя съ священнымъ саномъ и нетерпимыя для всякаго вѣрно-подданнаго". Эти „дѣянія" заключались въ рѣчахъ и вотумахъ означенныхъ депутатовъ... Такимъ образомъ—вполнѣ справедливо заключаетъ по этому поводу проф. Жижиленко—была „установлена отвѣтственность депутата въ особомъ дисциплинарномъ порядкѣ, съ вытекающими отсюда тяжкими общегражданскими послѣдствіями, за дѣянія, относящіяся къ исполненію обязанностей его званія" [3]).

Всѣ эти прецеденты привели къ нулю значеніе 14 статьи „Учр. Гос. Думы" (соотв. 26 ст. „Учреж. Гос. Сов."). Въ 1909 году возникло извѣстное дѣло Петерсона-Пуришкевича, которое внесло нѣкоторый диссонансъ въ практику. Въ этомъ году департаментъ Государственнаго Совѣта принялъ къ разсмотрѣнію жалобу чиновника Петерсона, обвинявшаго Пуришкевича въ клеветѣ, но особое

---

[1]) Проф. Жижиленко, ук. статья въ „Юридическихъ Запискахъ" стр. 191. Курсивъ нашъ.

[2]) Проф. Шалландъ, ук. ст. въ „Вопросахъ Права", стр. 8. Подобное общее заключеніе о значеніи 14 ст. вызвано тѣмъ, что тов. прокурора с.-петербургской суд. палаты, оправдавшей Θедорова, въ своемъ протестѣ на оправдательный приговоръ принципіально признавалъ „иммунитетъ", какъ присвоенный депутатамъ.

[3]) Жижиленко ук. ст. стр. 192—193.

высочайшее повелѣніе (отъ 29 ноября 1909 г.) прекратило дѣло, причемъ было указано: не принимать больше къ производству подобныхъ дѣлъ, въ виду неясности соотвѣтственныхъ законодательныхъ постановленій [1]). Ходили слухи, что, въ связи съ этимъ дѣломъ, правительство разрабатываетъ особый законопроектъ о порядкѣ привлеченія должностными лицами депутатовъ за ихъ рѣчи въ стѣнахъ Думы, но никакой реализаціи эти слухи не получили и вопросъ остался повисшимъ въ воздухѣ до самаго послѣдняго времени, когда возникли всѣмъ хорошо извѣстныя дѣла Гололобова-Кузнецова и Гололобова—34 депутатовъ, подписавшихъ запросъ по поводу убійства Караваева.

Обстоятельства, поведшія къ возникновенію этихъ дѣлъ, общеизвѣстны. Въ засѣданіи Думы 12 мая 1911 года деп. Кузнецовъ, говоря объ убійствѣ въ Екатеринославѣ деп. Караваева, бросилъ обвиненіе деп. Гололобову въ участіи въ этомъ убійствѣ. Это же обвиненіе Гололобова было повторено въ запросѣ 34 депутатовъ, адресованномъ правительству по поводу убійства Караваева. Гололобовъ усмотрѣлъ какъ въ рѣчи деп. Кузнецова, такъ и въ запросѣ 34-хъ, клевету противъ себя и подалъ жалобы на высочайшее имя, гдѣ просилъ о привлеченіи, въ порядкѣ 22 ст. „Учрежд. Гос. Думы", сначала Кузнецова, а потомъ и 34 депутатовъ, подписавшихъ запросъ. 15 декабря 1911 года состоялось постановленіе совѣта министровъ о направленіи первой жалобы на Кузнецова—въ порядкѣ 22 ст. „Учрежд. Гос. Думы". Въ концѣ февраля 1912 г. жалоба, поступившая въ первый департаментъ Государственнаго Совѣта, была разсмотрѣна тамъ, причемъ была вынесена резолюція о затребованіи отъ Кузнецова его объясненій по дѣлу. Интересно отмѣтить, что резолюція эта была принята почти непосредственно вслѣдъ за принятіемъ думской коммиссіей по запросамъ запроса фракціи народной свободы, гдѣ указывалось, что постановленіе совѣта министровъ отъ 15 декабря 1911 г. противорѣчитъ 14 ст. „Учр. Гос. Думы". Кузнецовъ на предложеніе перваго департамента Гос. Совѣта дать объясненіе сослался на 14 статью, указывая, что въ виду установленія этой статьей полной безотвѣтственности депутатовъ за ихъ думскія рѣчи онъ считаетъ принципіально невозможнымъ для себя давать объясненія по жалобѣ Гололобова. *Департаментъ призналъ объясненія Кузнецова неудовлетворительными.* Дальнѣйшее движеніе дѣла однако затормозилось въ виду возникновенія спора между департаментомъ и министромъ юстиціи о порядкѣ этого дальнѣйшаго движенія. Департаментъ, исходя изъ того положенія, что члены Государственной Думы приравнены высшимъ должностнымъ лицамъ и должны быть разсматриваемы, какъ должностныя лица, считалъ необходимымъ (по аналогіи съ порядкомъ отвѣт-

---

[1]) Шалландъ ук., ст. въ „Вопросахъ Права", стр. 9.

ственности за клевету, установленнымъ для прочихъ должностныхъ лицъ) прекратить дѣло въ порядкѣ публичнаго обвиненія (по ст. 86—95 „Учрежд. Гос. Сов.“) и указать Гололобову на его право преслѣдовать Кузнецова обычнымъ порядкомъ частнаго обвиненія. Министръ же юстиціи, г. Щегловитовъ, находилъ сомнительною какъ вообще возможность полнаго приравненія депутатовъ должностнымъ лицамъ, такъ, въ частности, и возможность примѣненія по аналогіи къ депутатамъ порядка отвѣтственности за клевету, установленнаго для должностныхъ лицъ. Въ результатѣ, послѣ двукратнаго обсужденія вопроса въ департаментѣ, послѣдній, по предложенію г. Щегловитова, постановилъ „испросить высочайшее соизволеніе на пріостановленіе дѣла“, впредь до разъясненія сенатомъ (какъ учрежденіемъ, призваннымъ разъяснять законъ) общихъ спорныхъ, вытекающихъ изъ него, вопросовъ. Но прежде, чѣмъ говорить о резолюціи сената, необходимо отмѣтить, что и г. Щегловитовъ, и первый департаментъ Государственнаго Совѣта, запутавшись въ процессуально - юридическихъ тонкостяхъ, нисколько не заботятся о 14 ст. „Учрежд. Госуд. Думы“. Ссылка на нее признается неудовлетворительной; въ этомъ отношеніи спорившія стороны вполнѣ солидарны. Разногласіе между ними идетъ не по вопросу о наличности у насъ свободы парламентскаго слова, отсутствіе каковой считается само по себѣ понятной, разногласіе идетъ лишь по вопросу о смыслѣ и содержаніи 22 статьи. Вопросъ, словомъ, былъ сведенъ съ широкой принципіальной почвы, на какую поставила его, напримѣръ, думская коммиссія по запросамъ.

Пока разсматривалось дѣло Гололобова-Кузнецова, подоспѣло дѣло Гололобова-34-хъ депутатовъ, и тому же первому департаменту Государственнаго Совѣта пришлось разсматривать новую Гололобовскую жалобу. Членамъ департамента было извѣстно, что даже въ нѣдрахъ совѣта министровъ вопросъ о жалобѣ возбудилъ сомнѣнія и что нѣкоторые члены Совѣта считали невозможнымъ преслѣдованіе депутатовъ подписавшихъ запросъ. Въ нѣдрахъ департамента также нашлись сторонники этого мнѣнія. Они указывали, что ни подъ одинъ видъ клеветы, предусмотрѣнный закономъ, запросъ подвести нельзя, и что, кромѣ того, „разъ будетъ установлена отвѣтственность за запросъ, то этимъ самымъ устанавливается такое положеніе, что законодательные органы должны будутъ признавать каждый запросъ принятымъ; въ противномъ случаѣ, если законодательная палата признаетъ запросъ отвергнутымъ или объясненія правительства удовлетворительными и фактъ незакономѣрности недоказаннымъ, всѣхъ подписавшихъ запросъ можно будетъ привлечь къ отвѣтственности. Создается чрезвычайно неудобное положеніе и для депутатовъ, и для правительства. Самый принципъ запроса будетъ изуродованъ“ [1])... Несмотря на всѣ эти возраженія, департаментъ (23 апрѣля 1912 г.) постано-

вилъ (большинствомъ 8 противъ 3 голосовъ) затребовать отъ 34 депутатовъ объясненія по дѣлу. Въ принципѣ, стало быть, отвѣтственность подписавшихъ запросъ признана. Пріостановка дѣла Гололобова-Кузнецова естественно повліяла аналогичнымъ образомъ и на дѣло Гололобова-34-хъ депутатовъ. Но принципіальное рѣшеніе состоялось, можно сказать, еще до пріостановки дѣла: ст. 14 была уже аннулирована. Сенату, вниманіе котораго было направлено не на 14, а на 22 ст., оставалось лишь подкрѣпить рѣшеніе.

И сенатъ „подкрѣпилъ". Въ засѣданіи 15 октября с. г. общее собраніе кассаціонныхъ и перваго департаментовъ сената признало, что члены Госуд. Думы подлежатъ уголовной отвѣтственности за *всѣ* сужденія и мнѣнія, выраженныя ими въ засѣданіяхъ Госуд. Думы или думскихъ коммиссій, „если въ означенныхъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ заключаются признаки преступныхъ дѣяній, хотя бы эти сужденія и мнѣнія были заявлены *въ запросахъ*, обращаемыхъ къ правительству"; даже въ томъ случаѣ, когда преступное дѣяніе, заключающееся въ „мнѣніи или сужденіи", не можетъ быть подведено подъ рубрику „служебныхъ преступленій" — все равно депутатъ долженъ отвѣчать. Статья 14 въ сущности упразднена.

При этомъ — интересная деталь — для дѣлъ, которыя по существу своему подлежатъ преслѣдованію въ порядкѣ частнаго обвиненія, сенатъ опредѣлилъ порядокъ преслѣдованія, предусмотрѣнный ст. 91, 92 и 95 „Учрежд. Госуд. Совѣта", — т. е. порядокъ, предназначенный для дѣлъ, возбуждаемыхъ въ порядкѣ публичнаго обвиненія.

7.

Интересная иллюстрація къ пониманію всего „обновленнаго" строя Россіи! Какъ солнце въ малой каплѣ водъ, такъ въ разобранномъ нами вопросѣ отразились всѣ специфическія стороны и черты россійской конституціи... Самое построеніе статей закона, касающихся института, въ высшей степени характерно. Сначала торжественное, безъ всякихъ оговорокъ, провозглашеніе „свободы"; затѣмъ, вмѣсто развитія послѣдствій „свободы", казуистическая, двусмысленная 22 статья, противорѣчащая только-что установленному принципу, статья-лазейка, на которую всегда можно сослаться, „если позволятъ обстоятельства"... Не то ли самое наблюдается

---

1) См. „Право", 1912 г., № 17, „Хроника", стр. 998. Изложеніе хода дѣлъ Гололобова-Кузнецова и Гололобова-34 деп. мы составили, главнымъ образомъ, по статьямъ и замѣткамъ, помѣщеннымъ въ газетѣ «Право» за 1912 г., въ №№ 8, 9, 17, 24 и 27.

со статьями, касающимися нашего „бюджетнаго“ права, со знаменитыми въ своемъ родѣ бюджетными правилами 8 марта? Не то ли самое съ принципомъ депутатской неприкосновенности и съ многими другими правами и свободами? Вездѣ можно найти статьи-лазейки и забыть ради нихъ статьи принципіальнаго, общаго содержанія.

Дѣло, разумѣется, не только въ противорѣчивости закона... 20 мая 1865 года депутатъ прусскаго ландтага, Твестенъ, произнесъ въ засѣданіи нижней палаты рѣчь, гдѣ обвинилъ прусскіе суды въ пристрастіи. Твестенъ былъ привлеченъ къ суду за эту рѣчь. Въ прусской конституціи 1850 года, дѣйствующей и понынѣ, поскольку имперское законодательство не измѣнилось, свобода парламентскаго слова формулирована очень опредѣленно. Первая часть статьи 84 конституціи гласитъ: „Члены палаты никогда не могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности за подачу своего голоса; за высказанныя въ палатѣ мнѣнія они могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности *только въ самой палатѣ*, на основаніи установленнаго ею регламента“. Что можетъ быть яснѣе даннаго положенія? Твестенъ сослался на эту 84 статью, и судъ первой инстанціи согласился, что его дѣяніе покрыто 84 статьей. Однако судъ второй инстанціи (оберъ-трибуналъ) въ своемъ опредѣленіи отъ 29 января 1866 года взглянулъ на дѣло иначе и призналъ, что ст. 84 не запрещаетъ привлеченія депутатовъ за клевету.

Разсужденія, легшія въ основаніе этого знаменитаго постановленія оберъ-трибунала, были слѣдующія. Статья 84, какъ статья, говорящая о привилегіи, должна толковаться ограничительно. Она говоритъ только о мнѣніяхъ (Meinungen); подъ этимъ словомъ обычно понимаютъ результаты чисто-мыслительнаго процесса, а не утвержденіе (Behauptung) чего-либо на основаніи фактическихъ обстоятельствъ, а такъ какъ клевета именно и заключается въ утвержденіи невѣрныхъ, позорящихъ обстоятельствъ, то 84 статья не можетъ покрыть клевету своей защитой... Теперь все дѣло Твестена имѣетъ чисто историческій интересъ. Всѣми признано, что аргументація оберъ-трибунала была въ высшей степени слабой и натянутой, что филологическія изысканія его были прямо-таки смѣшны... Но это не помѣшало въ свое время дисциплинарному сенату подтвердить рѣшеніе оберъ-трибунала. И, хотя нижняя палата признала это рѣшеніе противо-конституціоннымъ, сенатъ въ 1867 году призналъ, что за клевету депутаты могутъ быть преслѣдуемы не только въ уголовномъ, но и дисциплинарномъ порядкѣ[1]).

Въ настоящее время дѣло, подобное твестеновскому, невоз-

---

[1]) Hubrich, op. cit., S. 216 ff. Шалландъ „Иммунитетъ народныхъ представителей“, стр. 304, слѣд.

можно въ Пруссіи и вообще въ Германіи. Какъ ни уродливъ во многомъ государственный строй современной Пруссіи, — все же тамъ общепризнаны извѣстныя правовыя понятія... У насъ же въ Россіи пока можно дѣлать многое изъ того, что нельзя было бы сдѣлать въ Пруссіи даже полвѣка назадъ...

П. Покровскій.

Въ нижнемъ теченіи.

(Окончаніе).

III. Даниловка.

Въ первый разъ я видѣлъ вблизи эти новые межевые знаки — четырехгранные дубовые столбики съ выжженными на нихъ двуглавыми орлами, свѣжіе слѣды новаго землеустройства, обозначившіе грани будущей частной собственности тамъ, гдѣ сейчасъ безвозбранно бродило коровье стадо сельца Даниловки. Старыя общинныя межи, ямки, борозды пошли на смарку. Новые маяки разсыпались по степи въ загадочномъ порядкѣ, для непосвященнаго глаза похожемъ на безпорядокъ, и торчали изъ окопанныхъ кучекъ ироническими шишами...

— Вотъ тебѣ славныя степи саратовскія,—говорилъ мой спутникъ и руководитель, товарищъ по первой Думѣ:—чѣмъ не Швейцарія!

Мы находились на правой—нагорной—сторонѣ Волги, и вокругъ насъ лежала голая, волнистая степь. Сѣрые, сухіе холмы, какъ гигантскія волны, поднимались другъ надъ другомъ и пѣнились мѣловыми своими обнаженіями. Падали въ черные, глубокіе *бараки*,—какъ называютъ тутъ овраги,—всползали снова на другой сторонѣ и кучились на горизонтѣ. Надъ бараками съ отвѣсными сѣрыми и желтыми боками узкой, обрывающейся, зеленой лентой тянулись садики и бахчи. Къ востоку, между отлогими возвышеніями, видѣнъ былъ кусочекъ Волги, синій подъ голубымъ безоблачнымъ небомъ. Въ тонкой дымкѣ зеленѣли заволжскія дали, заостреннымъ пятнышкомъ бѣлѣла церковка и на самомъ горизонтѣ, то синѣя въ туманѣ, то золотѣя на солнцѣ, тянулась сливающаяся съ небомъ полоса песковъ Новоузенскаго уѣзда.

Голо было, но живописно. Горный житель, конечно, не назвалъ бы эти холмы горами, но для насъ, степняковъ, это была, пожалуй, и Швейцарія...

Въ пустынномъ просторѣ этихъ обнаженныхъ полей стояло одно-единственное жилье — хорошенькая дачка моего товарища. Села здѣсь или жмутся къ Волгѣ, или прячутся въ этихъ зіяющихъ оврагахъ, поближе къ водицѣ. Наверху—лишь пахоть и пастбище. Но съ новымъ земельнымъ порядкомъ земледѣлецъ приглашается вылѣзть изъ глубины овраговъ и сѣсть въ центрѣ собственнаго владѣнія на этихъ шпиляхъ и скатахъ. И вотъ—первымъ жилищемъ, выросшимъ на лонѣ этой новой мелкой земельной собственности, оказалась не мужицкая хата, а щеголеватая, еще блестящая свѣжими красками дачка, владѣльцемъ же ея—бывшій депутатъ, перводумецъ, какъ-разъ—по ироніи судьбы—трудовикъ... Адвокатъ по профессіи, онъ былъ обстоятельно разъясненъ послѣ подписанія Выборгскаго воззванія и запрещенъ въ служеніи юстиціи. Осталось одно: сѣсть на землю. Какъ мѣстный поселянинъ (офиціальное наименованіе нѣмцевъ—колонистовъ), онъ воспользовался правомъ, предоставленнымъ закономъ 14 іюня, и, скупивъ нѣсколько крестьянскихъ надѣловъ, собралъ въ своихъ рукахъ около сотни десятинъ. Среди этихъ владѣній новаго помѣщика мы и стояли...

Набѣгалъ степной вѣтерокъ, шумѣлъ въ уши, шевелилъ волосы, разсказывалъ старыя степныя вѣсти о сухихъ, неплодныхъ поляхъ... Бѣлымъ куревомъ курилась пыль. Земля печальная и унылая, истомленная долгой жаждой, глядѣла горькой сиротой. На тощихъ жнивьяхъ ощетинилась колючка. По обнаженнымъ отлогостямъ и голымъ скатамъ карабкался мелкій скотъ калмыцкой породы—бурый и красножелтый, безплодно гоняясь за уцѣлѣвшими былинками. Только онъ и могъ выдержать долгія голодовки здѣшнихъ степныхъ пустынь, этотъ поджарый степнякъ...

Когда-то природа этихъ степей была богаче, щедрѣе и нараднѣе, чѣмъ теперь. Шумѣли лѣса на этихъ обнаженныхъ нынѣ горахъ,—рѣдкіе дубки и вязы, уцѣлѣвшіе отъ топора безразсчетнаго помѣщика и общинника, еще и теперь говорятъ о старомъ пріютѣ понизовой вольницы... Въ семи верстахъ отъ Даниловки находится утесъ Стеньки Разина... Были лѣса, травы, водились въ изобиліи звѣри и всякая дичь. Теперь—голая степь, безглагольная, пыльная, оскудѣвшая, да эти свѣже отесанные столбики съ двуглавыми орлами... Человѣкъ при старомъ порядкѣ—или безпорядкѣ—въ достаточной мѣрѣ разграбилъ и расточилъ природу и голодаетъ теперь около ея жалкихъ развалинъ. Что-то дастъ ему новый порядокъ?..

Какъ ни громогласно славословіе офиціальныхъ льстецовъ, какъ ни сокрушительно усердіе офиціальныхъ исполнителей предначертаній, указанныхъ свыше,—настоящей вѣры въ новый порядокъ, однако, не видно. Какъ извѣстно, изъ дѣйствія закона 14 іюня изъята значительная категорія общинниковъ — казаки. Вы-

дѣлъ изъ казацкой общины не только не поощряется, но прямо запрещается. Одно время въ нѣкоторыхъ кругахъ донского казачества, усиленно афишировавшихъ свой патріотизмъ, возникло теченіе въ пользу хуторского и отрубного хозяйства,—было это еще при жизни П. А. Столыпина. Выразителемъ этого теченія былъ издававшійся на войсковую субсидію журналъ „Хозяйство на Дону“. Каждый номеръ этого журнала, можно сказать, вопіялъ на тотъ или иной ладъ о необходимости для спасенія оскудѣвшаго казацкаго хозяйства ввести новый порядокъ владѣнія землей. Вопли, повидимому, были услышаны, и въ прошломъ году покойный П. А. Столыпинъ запросилъ войсковое начальство, не облагодѣтельствовать ли казачье населеніе новымъ земельнымъ закономъ?..

Казалось бы, при столь очевидной спасительности частной собственности не о чемъ и спрашивать... Рядомъ съ казацкими землями въ Донской области есть и крестьянскія. Касательно ихъ никакихъ вопросовъ и затрудненій не возникало: укрѣпляй, выдѣляйся и процвѣтай. Но коснулось дѣло казаковъ, достаточно доказавшихъ свою благонадежность и равнодушіе къ мечтаніямъ о прирѣзкѣ даже при общинномъ порядкѣ землепользованія, встало сомнѣніе: полезно ли?.. Тѣмъ болѣе, что община, это „косное и опутывающее по рукамъ и ногамъ земледѣльца“ учрежденіе, является здѣсь единственно надежной порукой исправности снаряженія казака на военную службу: община отвѣчаетъ своимъ станичнымъ капиталомъ за каждаго своего члена. Падаетъ хозяйство? Скудѣетъ земля? Но, вѣдь, и при общинномъ порядкѣ можно попробовать улучшенные способы обработки, искусственное орошеніе, удобреніе?.. Можетъ быть, даже и успѣшнѣе, чѣмъ въ одиночку... Артелью, какъ говорится, весело и батьку бить...

Рѣшили представители мѣстной власти: не полезно и не желательно... Процвѣтаніе хуторовъ и отрубовъ признали не на каждой почвѣ обязательнымъ.

Для вида была все-таки произведена анкета среди казачьяго населенія: желательно или нѣтъ распространеніе новаго закона на казачьи земли? Съ нѣкотораго времени казачье начальство очень уважаетъ этакія анкеты. Недавно, какъ извѣстно, ген. Мищенко даже нѣсколько „переборщилъ“ въ этомъ смыслѣ, подвергнувъ обслѣдованію пригодность новаго городового положенія для Новочеркасска. Казачьи анкеты—разлюбезное дѣло: стоитъ войсковому атаману дать понять ближайшимъ своимъ подчиненнымъ—окружнымъ атаманамъ, — какой желателенъ отвѣтъ,—какъ всѣ эти генералы и полковники принимаются обрабатывать слѣдующее за ними звено—станичныхъ атамановъ. Станичные же атаманы—народъ толковый: не только приговоръ станичнаго сбора въ желательномъ смыслѣ представятъ, но еще и расцвѣтятъ его безмѣрной преданностью и готовностью, тѣмъ безграмотно патріотиче-

скимъ краснорѣчіемъ, которое особенно подкрѣпляетъ увѣренность въ искренности предъявляемыхъ чувствъ. Въ теченіе трехъ или четырехъ послѣднихъ лѣтъ, между прочимъ, нѣсколько разъ производилась анкета о земствѣ въ Донской области: нужно или не нужно земское самоуправленіе казакамъ? Когда запросъ исходилъ отъ бывшихъ войсковыхъ атамановъ кн. Одоевскаго-Маслова и ген. Самсонова, сторонниковъ земскаго самоуправленія,—почти всѣ станицы представили приговоры о желательности скорѣйшаго введенія земства на Дону. Но вдругъ на смѣну ген. Самсонову присылаютъ ген. Таубе. Ген. Таубе непоколебимо убѣжденъ, что земство „расказачитъ“ казаковъ. Производится новая анкета. Новые приговоры станичныхъ обществъ почти всѣ, выражая безпредѣльную преданность и готовность, умоляютъ избавить казаковъ отъ надвигающагося на нихъ земства, сохранить въ неприкосновенности *старыя*, т. е. нынѣ дѣйствующія, начала хозяйствованія и управленія въ области... Этотъ гласъ народа и былъ выдвинутъ въ качествѣ самаго сильнаго аргумента въ свое время и въ своемъ мѣстѣ [1])...

---

[1]) Въ видѣ примѣра, могущаго дать понятіе о характерѣ отвѣтовъ на эту анкету при измѣненномъ въ верхахъ курсѣ, приведу одинъ изъ многочисленныхъ приговоровъ, опубликованныхъ мѣстнымъ оффиціозомъ „Донскими областными вѣдомостями“ — приговоръ отъ 17 января 1910 г. Верхне-Чирскаго станичнаго сбора:

„...Слушали докладъ станичнаго атамана и прочитанный проектъ, составленный 67-ю членами Государственной Думы о введеніи земства на Дону. Прослушавъ таковой и прочувствовавъ его направленіе, мы, казаки станицы Верхне-Чирской, отъ мала и до велика, приносимъ этимъ членамъ Государственной Думы не благодарность, а „порицаніе“, за то, что, по старымъ завѣтамъ и порядкамъ нашимъ, обѣщаніе есть клятва—присяга, мы же, уполномочивая ихъ, просили, а они обѣщали постоять за казачество, постоять за принципъ, за цѣлость нашей семьи, упорядочить путемъ реформъ наше благосостояніе и за объединеніе казачьяго элемента, избавить отъ душащихъ насъ паразитовъ. Но что ни дальше вникая въ подготовленный ими проектъ, мы видимъ, что радѣтели наши, вмѣсто огражденія отъ нашествія 12 языковъ, хотятъ своимъ нововведеніемъ бывшимъ нашимъ чиновничьимъ крестьянамъ, армянамъ и др. націямъ отдать насъ въ крестьяне, т. е. чтобы мы отработали за то, что крестьяне работали ихъ отцамъ и дѣдамъ.

„Хотя отчасти мы и при настоящемъ положеніи нашего земства обслуживаемъ ихъ, но въ меньшей степени, и солдата не обмундировываемъ и семей ихъ не кормимъ. Но и такое порабощеніе пора сложить съ плечъ казака, пусть они сами себя обсуживаютъ и принимаютъ земство, запроектированное членами Государственной Думы, какъ оно имъ полезное. А такъ какъ таковой проектъ къ намъ не примѣнимъ, то мы единодушно постановили: повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора вѣрноподданическія чувства наши и просить г. Войскового Казацкаго Атамана нашего Войска Донскаго защитить предъ Его Императорскимъ Величествомъ насъ, казаковъ, отъ готовящагося для насъ членами Думы бѣдствія и разоренія въ будущей нашей жизни и жизни нашихъ потомковъ и предоставить выработать проектъ намъ, чисто военнымъ людямъ, а не чиновникамъ либераламъ, которые совершенно практически незнакомы съ нашей жизнью и нашими нравами. Могутъ ли такія лица быть солидарными

Анкета о выдѣленіи изъ общины также сопровождалась начальственнымъ предуказаніемъ, и—что всего любопытнѣе — войсковой наказный атаманъ, представитель той самой государственной власти, которая спасала отечество новымъ закономъ о землеустройствѣ, высказался въ самомъ опредѣленномъ смыслѣ о вредоносности для казачьихъ земель новаго порядка владѣнія землей. Почва какъ будто была одна и та же и въ казачьихъ, и въ крестьянскихъ рядомъ лежащихъ земляхъ, но то, что настоятельно признавалось нужнымъ и благодѣтельнымъ для однихъ, возбранялось для другихъ... А между тѣмъ въ данномъ случаѣ не было даже надобности въ такомъ начальственномъ предуказаніи: анкета и безъ него дала бы (и дала) желательный результатъ...

И вотъ, благодаря этому отсутствію у представителей власти искренней вѣры въ исключительную благодѣтельность закона 14 іюня, нашъ казачій уголъ живетъ внѣ той страстной борьбы и озлобленія, которыя созданы безудержной ломкой общины. Рядомъ

съ нами, которыя лишь числятся гражданами Донской области и будетъ ли у нихъ душевное стараніе придти на помощь Войску Донскому.

„Если мы и нуждаемся въ людяхъ, которые показали бы намъ лучшій путь къ жизни, то не въ либералахъ, а чистѣйшихъ казакахъ; если мы и не культурны, сравнивая съ другими народностями, но разсуждать уже можемъ: подросли. Если намъ и нужно земство, то Царь-Батюшка далъ намъ право поговорить о земельной нуждѣ въ своемъ кругу, надѣемся, что онъ милостивый не откажетъ разобраться и въ этомъ дѣлѣ, но только своей семьей казачьей, безъ вмѣшательства крестьянъ, армянъ, нѣмцевъ и жидовъ, которые и безъ того сидятъ на нашей шеѣ и пользуются землями, пріобрѣтенными нашими предками кровью и жизнью. Если намъ и нуженъ земскій порядокъ, то чисто казачій, и изъ самолюбія нужно измѣнить и неприсвоенное нашей націи слово „Земство", а скорѣе назовемъ „Донское хозяйство" или вродѣ этого, но подражать другимъ не станемъ.

„Возвращаясь назадъ съ мыслей, намъ не хочется вѣрить, чтобы были люди, да еще изъ казаковъ, и могли бы измѣнять. Поступокъ членовъ нашихъ мы считаемъ измѣною, такъ какъ заручившись довѣрчивостью, съ коей сопряжена жизнь и бѣдствіе людей, наводятъ ихъ на послѣднее, т. е. хотятъ уничтожить вѣками стяжанное казачество и превратить въ крестьянство. Нѣтъ, рано! Казаки еще не переродились и не зачумѣли либеральною чумою и они еще пальцы не рубятъ, а за Царя и Отечество умирать охотно будутъ.

„Нѣтъ, у насъ еще не застыла кровь казачья и, не смотря на то, что больше 100% живетъ между нами зачумленныхъ, но мы, казаки, еще здоровы. Пусть мы не культурны и даже не образованы въ глазахъ либераловъ, но будемъ честными людьми и по зову нашего Монарха мы явимся, какъ являлись наши предки, и просимъ нашего Войсковаго Наказнаго Атамана придти на помощь и ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ существующій нынѣ проектъ земства пересмотрѣть семьей чисто казачьей, исключить изъ ея среды не казачій элементъ и подъ предсѣдательствомъ его превосходительства мы рѣшимъ этотъ вопросъ, какъ рѣшали наши дѣды и отцы, на пользу нашего края, безъ нашихъ радѣтелей, мы и сами сумѣемъ рѣшить и, какъ бы мы ни рѣшили, „но своя ноша легка". Въ чемъ приговоръ сей утверждаемъ нашимъ подписомъ". („Дон. Обл. Вѣд.", 1910 г. № 51).

съ нами хохлы тягаются, дерутся, плачутъ, жгутъ другъ друга, продаютъ надѣлы... Въ минуты просвѣтлѣнія говорятъ:

— Вяжутъ насъ волосами другъ съ другомъ, мы и бьемся... шобъ панамъ спокойно было... Мы-жъ сроду дураки средней руки: отъ земи не подымешь...

Наша же община присутствуетъ, спокойная и равнодушная, при драматическомъ зрѣлищѣ этого глубокаго междоусобія и ждетъ, во что оно выродится, чѣмъ кончится. Наемные льстецы трубятъ все о подъемѣ земледѣльческой культуры въ хуторскомъ хозяйствѣ. Но его все нѣтъ, этого подъема...

Мнѣ не рѣдко приходится проѣзжать отъ станціи желѣзной додороги до родной станицы какъ разъ черезъ отруба, пріобрѣтенные у Крестьянскаго банка. Сидятъ на нихъ мужички крѣпкіе, денежные, хозяйственные,—переселенцы изъ Полтавской, Херсонской и Екатеринославской губерній, гдѣ имъ удалось за высокую цѣну сбыть свои надѣлы. Сколотили они на новыхъ мѣстахъ плохенькія хатки-пятистѣнки, принялись хозяйствовать, вступили въ ожесточенную войну съ мѣстными хохлами, которые привыкли смотрѣть на эту панскую землю, какъ на свою, рано или поздно подлежащую имъ во владѣніе... И вотъ ужъ четвертый годъ я ѣзжу мимо этихъ враждующихъ сосѣдей. Тѣ же тощія поля у собственниковъ, что и у общинниковъ... Сухой прудъ, утлая огорожа вокругъ усадьбы, крытыя соломой хатки, — а въ слободѣ уже это рѣдкость,—отсутствіе уюта и настоящей домовитости...

— Ну, какъ они теперь живутъ?—спросишь у кучера, мѣстнаго хохла.

— Хуже некуда. Переходятъ въ слободу...

— Почему же?

— А дико тутъ, у степѣ. Жутко. Ни хлопцамъ въ школу, ни старикамъ до церкви...

— А хлѣбъ какъ у нихъ?

— Все единственно какъ и у насъ: не родитъ... Тоже долгу накашляли на шею.. Пришли съ деньгами, а какъ пойдутъ—Богъ зна...

— Куда пойдутъ?

— А назадъ, у своясы... Ужъ когда-нибудь да надо имъ уходить. Земля-то не ихъ вѣдь, наша земля.

Если не считать того, что приходилось встрѣчать въ періодической печати о новомъ землеустройствѣ, — этими мимолетными бесѣдами и ограничивалось мое знакомство съ нимъ. Ни разу случай не подвелъ меня къ нему настолько близко, чтобы можно было осязательнымъ образомъ узнать, что онъ сулитъ покорному землеробу?...

Теперь я стоялъ передъ свѣже отесанными столбиками съ двуглавыми орлами, и мнѣ почему-то казалось, что, если я и не увижу

тутъ доподлинно плодовъ новаго земельнаго закона, то ароматъ цвѣтовъ его, несомнѣнно, долженъ коснуться моего обонянія...

II.

Мы находились, на землѣ нѣмецкой Даниловки. По другую сторону глубокаго Водяного барака, къ сѣверу, лежала земля русской Даниловки. Сама Даниловка пряталась въ глубинѣ Водяного и, сжатая его крутыми мѣловыми боками, длинной, узкой полосой тянулась по дну его къ Волгѣ.

Она была довольно любопытнымъ поселеніемъ въ этнографическомъ смыслѣ.

По одну сторону маленькой рѣчонки, почти пересыхающей въ лѣтнее время, сидятъ нѣмецкіе домики подъ тесовыми крышами Они нѣсколько монотонны и скучны съ своими гладко оштукатуренными глиной стѣнами изъ известняка и однообразными надворными постройками, сложенными изъ того же известняка, солидными и прочными. По другую сторону — хохлацкія мазанки и домики волгарей-великороссовъ, тоже крытые тесомъ, изрѣдка желѣзомъ, архитектуры нѣсколько болѣе пестрой, чѣмъ у нѣмцевъ, и нѣсколько болѣе растрепанные, но живописные въ зелени садиковъ. Надворныя постройки тутъ ужъ не столь солидны, какъ у нѣмцевъ, замѣтнѣе прорѣхи, соръ, обветшаніе. Оскудѣніе есть, но кричащей нищеты не замѣтно...

Нѣмцы говорятъ здѣсь сносно по-русски. Въ большей части колонковъ, уходящихъ отъ Волги въ степь, они не знаютъ русскаго языка, хотя и живутъ въ Россіи болѣе 150 лѣтъ. Даниловцы-русскіе уже съ дѣтскихъ лѣтъ умѣютъ говорить по-нѣмецки.

Нѣмцы, призванные сюда въ качествѣ культуртрегеровъ, получили большія земли и большія льготы. Достаточно сказать, что до 1874 года они были свободны отъ воинской повинности. Нечего прибавлять, что и крѣпостной зависимости они не знали. Хозяйства у нихъ были покрѣпче, чѣмъ у русскихъ крестьянъ, но земледѣльческая культура—не выше: та же переложная система. Русскіе заимствовали лишь нѣмецкую упряжку, больше нечему было научиться у нѣмцевъ. Нѣмцы же усвоили уважительное отношеніе къ русской водкѣ!..

Въ общемъ нѣмцы, конечно, культурнѣе, но эта ихъ культурность далеко не перваго сорта, не смотря на рядъ благопріятныхъ условій, которыя русскому населенію за этотъ періодъ не были доступны: свобода личная, свобода отъ воинской повинности, обязательная грамотность,—отъ 7 до 14 лѣтъ дѣти посѣщаютъ школу,—земельный избытокъ... Въ плюсъ нѣмцамъ надо поставить ихъ упорство въ работѣ, непривычку къ праздникамъ, чрезвычайную разсчетливость...

— Нѣмецъ въ гости идетъ—свою булку беретъ,—говорятъ здѣсь русскіе;—потому у нихъ—на чужой каравай ротъ не разѣвай! строго... не какъ у насъ...

Но среди обидно безпечныхъ, неразсчетливыхъ, съ большой лѣнцой русскихъ мужичковъ все-таки чувствуется легче. Черствъ, деревяненъ здѣшній нѣмецъ. Въ пьяномъ видѣ русскій мужичокъ довольно отвратителенъ, нѣмецъ—совершенно невыносимъ: что-то грубое, тупое, животное... А разсчетливость его рядомъ съ добродушнымъ русскимъ хлѣбосольствомъ и привѣтливостью, мелкое скопидомство невольно возбуждаютъ чувство брезгливости...

— Проходишь, бывало, съ цѣпью по садамъ,—говорилъ мнѣ одинъ землемѣръ:—садовъ здѣсь много, яблока этого валяется конца краю нѣтъ... И чтобы русская баба утерпѣла, не сказала: „возьми' родимый, яблочковъ себѣ“... — это не она и будетъ... Нѣмецъ же никогда, ни за что этого не скажетъ... Червиваго яблока не подастъ нищему...

При значительно большей, чѣмъ у русскихъ, земельной обезпеченности, сплоченности, выносливости въ работѣ и предпріимчивости, нѣмцы живутъ лучше, обезпеченнѣе, зажиточнѣе. Но экономическое неравенство и среди нихъ бросается въ глаза—пожалуй, даже рѣзче, чѣмъ среди русскаго крестьянства. Рядомъ съ милліонерами сарпинщиками и мукомолами множится и батракъ-нѣмецъ, котораго свой же братъ единоплеменникъ—мѣстный ли богачъ или, особенно, прибалтійскій помѣщикъ—эксплоатируетъ съ не меньшей жестокостью и безпощадностью, чѣмъ россійскій Разуваевъ — своихъ. Рядомъ съ семилѣтнимъ курсомъ обученія и протестанской строгостью контроля за поведеніемъ членовъ общины, въ нѣмецкой деревнѣ тѣ же проявленія хулиганства, какъ и въ русской, конокрадовъ-нѣмцевъ не менѣе, чѣмъ русскихъ (въ Камышинскомъ, по крайней мѣрѣ, уѣздѣ), достаточное количество мелкихъ воровъ другихъ категорій и людей, живущихъ мошенничествомъ и даже прямымъ грабежомъ, — особенно въ приволжскихъ селахъ съ большими крестьянскими базарами. Нѣмецкое село Ровное, напримѣръ, по статистикѣ преступленій занимаетъ первое мѣсто въ Камышинскомъ уѣздѣ...

Въ неурожайные годы нѣмецкія бабы и дѣти ходятъ „въ кусочки“ такъ же, какъ и голодающая братія другихъ національностей. Нѣмецкая женская половина поставляетъ также не малый процентъ проститутокъ въ ближайшіе города...

Вообще, если подойти нѣсколько ближе къ нѣмецкой массѣ, усѣявшей нижнее Поволжье довольно частыми и порой значительными островками, то хваленая нѣмецкая культура слегка линяетъ даже въ глазахъ поклонника, каковымъ до послѣдняго времени былъ и я...

Но есть одна черта, способная поставить нѣмцевъ очень высоко въ глазахъ всякаго посторонняго наблюдателя: крѣпкое чувство

общественной солидарности и дисциплины. Нѣмецкую сельскую или волостную общину не только скрутить, но и погнуть не такъ-то легко, какъ русскую. И въ исторіи новаго землеустройства борьба нѣмцевъ, сжившихся съ общиннымъ порядкомъ землевладѣнія, если и не дала бурныхъ эксцессовъ—съ кровопролитіемъ и пожарами,— все-таки была (и есть) упорнѣе, систематичнѣе и труднѣе для одолѣнія, чѣмъ безпорядочные взрывы въ русской деревнѣ...

III.

— Да, вотъ и мы наканунѣ новой жизни,—говорилъ мой товарищъ, оглядывая взглядомъ раздумья разстилавшуюся вокругъ насъ степь: —черезъ недѣлю фактически станемъ отрубщиками!.. Сколько ни упирались, какъ ни боролись,— пришлось сдаться: подошло время передѣла, передѣла не разрѣшаютъ. А у насъ община такая: земля дѣлится на все наличное количество мужскихъ душъ... Два года возились между собой, пока окончательно не переругались всѣ, не расплевались и не рѣшили сдаться... Пороху въ пороховницахъ не хватило!..

Онъ началъ подробно разсказывать исторію борьбы волости сперва съ начальствомъ, потомъ между собой, въ собственной средѣ, гдѣ часть жившихъ на сторонѣ членовъ общины, фактически почти не пользовавшаяся приходящейся на ихъ долю землей, была склонна ликвидировать свои надѣлы. По отношенію къ начальству была пущена въ ходъ тактика пассивнаго сопротивленія: нѣмые сходы. Пріѣдутъ землеустроители, начинаютъ убѣждать, доказываютъ преимущества новаго порядка землевладѣнія, сулятъ блестящія перспективы,—молчитъ сходъ. Молчитъ, весь нѣмой и загадочный.

— Выдѣляйтесь, господа, а то хуже будетъ...—переходитъ къ угрозамъ непремѣнный членъ.

И опять долгая пауза, отъ которой неловко и жутко землеустроителямъ.

— Будетъ хуже: выдѣлимъ тѣмъ, кто пожелаетъ выдѣлиться— у насъ ужъ есть заявленія,—лучшую землю имъ выдѣлимъ, а вамъ— что останется...

— Дýрна законъ,—отзывается на это одинокій голосъ.

— Это кто тамъ?—вскакиваетъ, какъ ужаленный, земскій начальникъ:—староста! обнаружить! Иначе пойдешь въ холодную...

Староста идетъ по нѣмымъ рядамъ, сердито шепчется съ кѣмъ-то. Потомъ поднимается флегматичная бритая фигура съ сѣрой щетиной на подбородкѣ.

— Ты?

— Мы... ја...

— Такъ тебѣ законъ не нравится?

— Злой законъ...—съ нѣмецкимъ акцентомъ говоритъ, потупляя взоръ, фигура и скребетъ щетину на подбородкѣ.

— Отправить его въ холодную на трое сутокъ!..

Пробовали абсентеизмъ, неявку на сходы,—посыпались штрафы. Пробовали выбивать окна въ квартирѣ землеустроителей, — ввели новую повинность: очередной караулъ по четыре человѣка въ ночь около квартиры чиновниковъ. Исчерпали множество другихъ способовъ: оттягиваніе, уклоненіе отъ представленія нужныхъ списковъ, согласіе съ немедленно слѣдующимъ за нимъ отказомъ и т. д. Старшина и старосты не выходили изъ-подъ ареста. Побывали въ холодной и другіе сельчане... Не помогло... Пришлось сдаться.

— Жизнь ломаютъ варварски,—говорилъ мой товарищъ:—безпощадно, злобно, издѣвательски ломаютъ... И чѣмъ дальше, тѣмъ ожесточеннѣе. Сперва все-таки трусили, размаху настоящаго не было. Были попытки протеста... Ихъ жестоко подавили... И пошла какая-то вакханалія ломки, коверканья, обиды... Какой-нибудь малецъ изъ землемѣровъ—и тотъ кочевряжится, куражится, усмиряетъ... Норовятъ, какъ бы побольнѣй. Можетъ быть, и не потому, что такъ надо или что онъ—злой человѣкъ, а просто по невольному озлобленію: война... и первые удары сыплются на нихъ... Ну, и они въ отместку... Даже тамъ, гдѣ сговорятся о выдѣлѣ, какъ размежеваться, они возьмутъ да нарочно сдѣлаютъ не такъ, какъ мужики сговорились... Нарочно...

— Сейчасъ идетъ форменная вакханалія около земли. Продаютъ, скупаютъ. Ѣдутъ въ Америку, уходятъ въ города... Скупщики торгуютъ, перепродаютъ... Нѣкоторые ловкачи за послѣдніе два-три года нажили тысячъ по двадцать, по тридцать, а начали съ грошами. Нотаріусамъ и адвокатамъ сейчасъ лафа—завалены дѣлами...

— Продаютъ, покупаютъ, перепродаютъ... Купилъ вотъ и я нѣсколько надѣловъ... Трудовику это и не совсѣмъ приличествуетъ, но—все равно—не я, такъ другой... Я, по крайней мѣрѣ, торговать ею не буду, а буду воздѣлывать... Десятинъ около сотни наберется,—это, конечно, трудовую норму переступаетъ, но... шестой сортъ. Перваго сорта было бы всего семь десятинъ... У насъ землю разбили на шесть сортовъ и сообразно качеству расцѣнили. Перваго сорта на душу десятина съ четвертью, а шестого—двадцать десятинъ... Вотъ я шестого и отхватилъ—видишь, какіе шпили и обнаженія.

Онъ сдѣлалъ рукой широкій жестъ по направленію къ Волгѣ.

— Думаю развесть на ней виноградъ, лѣсъ, всякую всячину... Куда же дѣваться? Общественная дѣятельность недоступна... Да и время какое: слово сказалъ—129-я статья, пожалуйте бриться... Приходится садиться на землю. Мечтаю что-нибудь показательное тутъ устроить...

— Для кого?

— Для мужиковъ...

— Для сильныхъ? Ну, объ нихъ-то позаботятся. А слабые-то останутся ли?

— Должны остаться. Всѣмъ въ Америку не уѣхать... Но тутъ и вообще интересно: возстановить, напримѣръ, природу... Земля, конечно, не важная, трава на ней появляется лишь весной, а, какъ скотъ прошелъ, такъ—чисто, ухватить нечего... Такая земля мужикомъ не цѣнится. Ему одно дай: пàхоть... А между тѣмъ тутъ-то и кроются сокровища. Видишь—родникъ? Это мой будетъ. Сейчасъ онъ даетъ 15 тысячъ ведеръ въ сутки, а если его разработать, дастъ 50 тысячъ... Тутъ у меня такія рощи пойдутъ!..

Мой трудовикъ сталъ мечтать вслухъ о томъ, что у него будетъ, когда онъ приложитъ къ дѣлу знаніе и капиталъ: виноградники, земляничная плантація, рощи, дачи, цементный заводъ... Все такое заманчивое, великолѣпное и въ концѣ концовъ не бездоходное. Даже у меня, посторонняго человѣка, голова стала кружиться, ибо и я заразился увѣренностью въ возможности осуществленія этихъ мечтаній и въ благодѣтельности закона 14 іюня. Мы шли по сухому, пыльному жнивью, на которомъ двѣ босыхъ бабы сгребали граблями рогатую, только что скошенную, еще зеленую колючку, а бритый мужикъ-нѣмецъ клалъ ее въ арбу. Худощавыя, бронзовыя лица ихъ были серьезны, усталы. Они проводили насъ тупо-равнодушными взглядами, едва ли подозрѣвая, какіе великолѣпные планы строимъ мы на счетъ этой скудной, высохшей земли, которой они были хозяевами и работниками...

— А по скольку крестьянамъ придется получить?

— Смотря кому какой сортъ достанется. Высшій сортъ—десятина съ четвертью весь душевой надѣлъ. Худшей земли—десятинъ двадцать... Ну, эти пахать нельзя: камень, обрывы, крутые скаты... Будутъ подъ попасъ сдавать...

— Законъ жестокъ, конечно,—и говорить нечего. Ужасный законъ... Куда будутъ дѣваться со скотиной, одинъ Аллахъ вѣдаетъ... Все вверхъ дномъ перевертывается... Хотя, надо сознаться, и община была плоха. Недружная, косная... Былъ вотъ тутъ прекрасный прудъ, воды—масса. Прорвало. Ушла вода, оврагъ размыла. Перепрудить—плюнуть: всего въ три-четыре сажени плотину насыпать... Никого не заставишь... А вѣдь бѣдствуютъ водопоями, затаптываютъ, загаживаютъ родники... А лѣса? Какая ольха была по бараку,—повырубили... И зачѣмъ? Строительный матеріалъ здѣсь дешевъ, а на топливо гнать такую красоту—ей-Богу преступленіе!..

— Ну, за то теперь по-иному будетъ?..

— Конечно. Теперь—пустыня. Какая была трава—скотъ прошелъ, выбилъ. А тогда, если ко мнѣ онъ пуститъ скотину,—пожалуйте бриться... И лѣсная поросль пойдетъ. Черезъ три года не

узнаешь, какая Швейцарія тутъ будетъ!.. Вопросъ другой—какъ вывернется мужикъ? Ну... ему Швейцарія сокомъ достанется...

IV.

Вечеромъ, проходя къ Волгѣ, спустились мы въ Даниловку. Здѣсь встрѣтились съ помощникомъ уѣзднаго непремѣннаго члена по землеустройству. Мой товарищъ представилъ насъ другъ другу и всѣ вмѣстѣ пошли мы по направленію къ пристани—сперва по нѣмецкой Даниловкѣ, потомъ перебрались на русскую ея сторону.

На днѣ своего оврага лежала она, тихая, усталая, почти безлюдная, молчаливо задумчивая, закутанная вечерними тѣнями. Оврагъ дышалъ сырой прохладой, и послѣ теплаго воздуха степи тутъ чувствовалось, какъ въ погребѣ. Пыль стояла по улицѣ—прошло стадо. Уже стихали звуки дня. Гдѣ-то въ нѣмецкой части женскій голосъ звонко звалъ:—„вуцъ-вуцъ-вуцъ-вуцъ-вуцъ-вуцъ"!.. и въ отвѣтъ ему радостнымъ шумомъ отзывалось свиное хрюканье. Кричалъ и ругался скверными русскими словами пьяный Буксманъ, даниловскій богачъ, взъерошенный, небольшой мужичекъ. Временами онъ запивалъ и куражился надъ семьей, билъ сыновей и снохъ. Въ нѣмецкой семьѣ еще строго хранится укладъ старыхъ, патріархальныхъ временъ и глава семьи пользуется властью самодержавной и неограниченной. Протестъ ни въ малѣйшей степени не допускается. Поэтому и сыновья пьянаго Буксмана молча, не протестуя, выносили побои и лишь жаловались на сторонѣ, что старикъ пропилъ за лѣто триста рублей...

Въ русской Даниловкѣ встрѣтилась веселая, шумная толпа дѣвчатъ и бабъ. Длинной вереницей, подымая мелкую известковую пыль, шли онѣ по дорогѣ отъ пристани и весело горланили:

Завѣтная папироска!
Сколько тебя ни курить...
Разнесчастная дѣвчонка,—
Сколько тебя ни любить...

— Откуда это?—спросилъ я.

— Изъ-за Волги. На бахчахъ работаютъ, арбузы грузятъ...

— А плата?

— Копеекъ двадцать въ день. Харчи хозяйскіе. На своихъ—тридцать.

Казалось бы, трудно сохранить бодрое и шумное настроеніе при такихъ условіяхъ бытія, однако пѣсня звенѣла бравурно и лихо, и сырой оврагъ съ его крутыми боками и засыпающими садиками вдругъ встрепенулся, ожилъ, началъ откликаться веселымъ эхомъ на эти молодые, пестрые голоса. Какіе бы туманы и тучи ни скоплялись надъ Даниловкой, какія бы невзгоды и напасти ни

готовились для нея,—она, не разъ видавшая на своемъ вѣку и горе, и насилье, и голодъ, и моръ, все еще цѣпко держалась за жизнь, не сдавалась въ плѣнъ отчаянію, даже сжатая жестокими тисками нужды, не хотѣла думать о концѣ.

Мы ожесточенно спорили между собой. Намъ казалось, что не за горами этотъ конецъ Даниловки, а сырой баракъ все еще звучалъ веселымъ эхомъ пестрыхъ женскихъ голосовъ...

— У васъ одна задача: перевернуть все вверхъ дномъ!—кричалъ мой товарищъ на нашего молодого собесѣдника, представителя землеустройства:—ни съ чѣмъ не считаетесь, ни въ какія нужды не вникаете!..

— Ну, ужъ это неправда!—возражалъ землемѣръ.

— Неправда? А что вы сдѣлали въ Малой Грязнухѣ?

— Что мы сдѣлали?

— Вы выдѣленцамъ вырѣзали луга, лучшую землю!..

— Вовсе не мы...

— Кто же?..

— Позвольте мнѣ по порядку разсказать о Малой Грязнухѣ, какъ было дѣло...

Землемѣръ обращался больше ко мнѣ, какъ къ лицу болѣе нейтральному, чѣмъ мой трудовикъ, хоть и воспользовавшійся новымъ землеустроительнымъ закономъ, но сохранившій къ нему прочную вражду.

— Въ Малой Грязнухѣ такъ было... Бились мы съ ними, бились, ѣздили-ѣздили, разъясняли-разъясняли,—ничего не беретъ! Уперлись!.. Нѣмцы упрямѣе русскихъ. Провизіи намъ никакой не продаютъ, окна въ квартирѣ выбили... Ну, что дѣлать? Сажали старосту, сажали старшину... Назначили послѣдній срокъ. Пріѣхали. Объясняемъ:—„не хотите добровольно размежеваться, сдѣлаемъ по-своему усмотрѣнію,—поняли?“ Молчатъ. „Поняли?“ Молчатъ. Графъ говоритъ:—„даю десять минутъ сроку и приступимъ къ раздѣлу“... Молчатъ. Въ послѣдній разъ обращается,—молчаніе... Тогда къ намъ:—„покажите мнѣ, какъ тутъ и что?“ Кладу планъ, показываю. Взялъ онъ карандашъ, линейку, провелъ:—„вотъ это—собственники, вотъ это—общественники“...

— И собственникамъ отдали луга, а общественникамъ бугры?—сказалъ нашъ трудовикъ.

— Но при чемъ здѣсь мы?

— А кто же?

— Законъ. Законъ, разумѣется, жестокій,—никто изъ насъ, исполнителей его, въ томъ не сомнѣвается. Мѣра политическая. Это все ерунда, что они тамъ о поднятіи культуры говорятъ. Все для политики сдѣлано. Можетъ быть, лѣтъ черезъ сто и культура придетъ, а сейчасъ—одна политика. Но мы-то тутъ при чемъ же? А на насъ и жалобы, и вся злоба. Черезъ Грязнуху мы все прошлое лѣто потеряли, не работали... поневолѣ начнешь глядѣть чор-

томъ... Уйти? Куда уйдешь? Мы—техники и свою часть техническую должны выполнить... А разсуждать и убѣждать—не наше бы и дѣло...

— А приходится?—спросилъ я.

— Какъ же. Вѣры хоть и нѣтъ никакой, а языкомъ брешешь... неловко же...

— А есть ли у кого настоящая вѣра?

— Едва ли. Наѣзжаютъ, впрочемъ, разные генералы изъ Питера, тѣ съ большимъ воодушевленіемъ. Былъ я какъ-то у нашего предводителя, а у него какъ разъ такой петербургскій генералъ сидѣлъ.—„Ну что? какъ“? Говорю, что упорствуютъ.—„Да какъ же это? Своей пользы не понимаютъ?“—Вѣроятно...—„А нельзя ли мнѣ мужичковъ тутъ добыть?.. Я бы поговорилъ съ ними“... Какъ разъ и мужички оказались—трое, какое-то дѣло было у нихъ къ предводителю на счетъ аренды. Ввели ихъ. Мужички почтенные, почтительные, поклончивые.—„Здравствуйте, ваше высокопревосходительство! Здравствуйте, ваше превосходительство! Здравствуйте, ваше высокородіе!“—поочередно генералу, предводителю и мнѣ отвѣсили по поклону. Ну-съ, генералъ сейчасъ и принялся за нихъ:—„вотъ, братцы, новый законъ знаете? благодѣтельный законъ! Вотъ у насъ въ Польшѣ, заграницей у нѣмцевъ то-то и то-то“... Мужички поддакиваютъ, изумляются, головами качаютъ, языками чмокаютъ... Только одинъ все-таки полюбопытствовалъ:—„а какъ, ваше высокопревосходительство, поросята у нихъ? вѣдь это творенье—какъ чуть не доглядѣлъ,—къ сосѣду въ картошку или куда“...—„А поросята на привязи“.—„На привязи?“—„Какъ же иначе?“ Гляжу: отвернулся конфузливо въ сторону мужичокъ. Этакъ съ минуту крѣпился, картузомъ ротъ прикрылъ... И вдругъ какъ прыснетъ со смѣху... За нимъ и тѣ двое... Ну, пришлось, конечно, выгнать ихъ...

V.

Мои собесѣдники съ пристани отправились къ рыбакамъ—купить стерлядей, я вернулся въ Даниловку.

Уже стемнѣло. Поднялся мѣсяцъ. Черезъ Волгу качался золотой мостъ. Даниловку покрыла густая тѣнь отъ горы... На вербахъ и яблоняхъ тѣнь переплеталась съ шелковымъ узоромъ луннаго свѣта. Еще пахло пылью на улицѣ. У воротъ кое-гдѣ на лавочкахъ, въ тѣни и на свѣтѣ, сидѣли тихія, перебрасывающіяся лѣнивымъ разговоромъ группы мужичковъ.

Мнѣ казалось, что они должны по крайней мѣрѣ такъ же, какъ и мы, если не больше, спорить, волноваться тѣмъ вопросомъ, который такъ близко касался ихъ жизни, грозилъ такимъ переворотомъ ся вѣками налаженному укладу... Но были тихи, медли-

тельны и краткословны ихъ рѣчи, долги и звучны зѣвки, уютно-крѣпокъ и спокоенъ запахъ дыма изъ ихъ трубокъ. Покорно, тихо, ровно текла жизнь въ ту таинственную, невѣдомую сторону, куда направляла ее судьба...

Я остановился около старика въ короткой сермяжной свиткѣ, сидѣвшаго на доскахъ около недостроеннаго домика. Лунный свѣтъ падалъ ему на высокую теплую шапку, изъ подъ нея выступалъ тонкій красивый носъ и недлинная серебряная борода. Руки, лежавшія на худыхъ колѣняхъ, усталымъ жестомъ были опущены кистями внизъ. И весь онъ въ серебристомъ лунномъ свѣтѣ, наклонившійся и безмолвный, казался ветхимъ гостемъ изъ далекихъ тумановъ прошлаго.

— Давно на свѣтѣ живете, дѣдушка?

— Давно. Девяносто шестой годъ...

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Ще сіль возили... вонъ колы!.. Сидайте, пожалуйста...

Мѣстные хохлы были колоніей слободы Красный Яръ. Въ концѣ 18-го столѣтія они были выкуплены у Нарышкиныхъ казной и прикрѣплены къ солевозной повинности,—должны были съ Элтона возить соль для казны въ ближайшіе склады.

— Самъ не возилъ, еще маленькій былъ, а помню—ѣздили...

— Дѣло давнее.

— Давно! Иной разъ оглянешься—не видать того конца...

— Ну, какъ жилось тогда, въ старину?

— А не плохо. Земля не дѣленая была. Паши сколько хошь, идѣ хошь. Нынче вонъ ее на шматки шматують, а тогда пространство было!.. А нынѣ вонъ какой вышелъ порядокъ!.. Какъ міръ жить будетъ?

Я и хотѣлъ бы, да не могъ сказать старику, какъ міръ будетъ жить при новомъ порядкѣ.

— Голова у насъ тогда былъ,—заговорилъ старикъ, глядя въ землю:—у-у строгій былъ!.. Иванъ Григоричъ. Боялись его, какъ огня... Бывало, старики намъ приказываютъ:—„глядить, хлопцы, будетъ ѣхать голова деревней, кланяйтесь ему, ниже кланяйтесь!" Вотъ мы—помню—играемъ на улицѣ, глядь: тройка ѣдетъ...—„Голова?"—„Да онъ же!" Стали мы въ рядъ—хлопцы—и крестимся на него. Остановилъ лошадей.—„Подойдите сюда, хлопчики, ко мнѣ подойдите, я вамъ по грошику дамъ"... А деньги тогда были—гроши, бо-ольшіе такіе! Подошли. Далъ намъ по грошику.—„Молодцы",—говоритъ:—„только вы не креститесь, а такъ кланяйтесь"... А мы, дурни, опять—какъ поѣхалъ—крестимся на него да и на...

Старикъ тихо разсмѣялся.

— Сурьезный былъ голова... Бывало, кто слово не по немъ сказалъ,—перстень у него былъ на рукѣ, съ камнемъ,—сейчасъ перевернетъ этотъ перстень, ка-акъ дастъ!—старикъ сдѣлалъ су-

хой ладонью неожиданно рѣзкій, быстрый, ловкій жестъ:—такъ тавро ажъ сдѣлаетъ... Людей таврилъ...

И опять тихо засмѣялся.

— Когда же лучше жилось — тогда или теперь? — спросилъ я послѣ небольшой паузы.

— Простѣй было тогда... Народъ былъ вѣрнѣе, тверже... Тогда лучше было.

— А голова-то?

— Ну-к-што-жъ... Голова—онъ и былъ голова. Дѣлили землю за Водянымъ, ему попасъ вырѣзали. Зимой. Ну, мѣряютъ. А былъ мужикъ Игнатъ Кондратьичъ, богатый, упористый.—„Будетъ,—говоритъ,—съ него, довольно ему земли!“—„Довольно?“—голова говоритъ:—„а ну-ка, хлопцы, снимить съ него валенокъ!“—Разули. Опять мѣряютъ. Идутъ всѣ, мужикъ Игнатъ идетъ. И опять говоритъ: „Довольно ему, а то подавится“.—„А ну-ка, разуйте ему, хлопцы, другую ногу!“—голова приказываетъ. Разули. Шелъ-шелъ Игнатъ, озябъ.—„Да дѣлайте,—говоритъ,—какъ знаете, будь вы неладны!“ Вонъ какіе люди были!..

Старикъ гордо дернулъ головой и посмотрѣлъ на меня ласково смѣющимися глазами.

— И простѣй все было!—съ воодушевленіемъ продолжалъ онъ:—хлѣба нѣтъ, пошелъ къ сосѣду, погоревалъ: хлѣба, молъ, нѣтъ.—Да возьми у меня мѣшка два... А нынѣ—поди-на! Умирай середъ улицы—никто куска не протянетъ... Да свара пошла, да несогласъ этотъ... Кто ее знаетъ, какъ и жить будутъ!..

Возвращались мы уже по уснувшимъ улицамъ Даниловки. Дышалъ влажнымъ холодомъ Водяной баракъ, лежали узкія полоски золотого свѣта черезъ улицу и черныя тѣни, безмолвно стояли садики, тянувшіеся по дну оврага, тихо плыла ночь надъ Даниловкой... Бѣлая церковка, бѣлыя хатки, бѣлыя пятна были какъ гигантскія раковины... Спала Даниловка, окутанная золотистою темнотой ночи.

IV. У пристани.

Чтобы попасть на пароходъ купеческаго общества первой линіи, намъ надо было изъ Даниловки спуститься на лодкѣ до Щербаковки. Пароходъ по росписанію приходилъ въ Щербаковку въ десять вечера. А такъ какъ девять часовъ уже было, то Иванъ Захарычъ, даниловскій уполномоченный (ходатай по дѣламъ сельскаго общества), онъ же и лодочникъ, находившійся въ довольно сумрачномъ настроеніи по случаю похмѣлья, голосомъ, похожимъ на скрипъ отсырѣвшей калитки, сказалъ:

— Не поспѣть...

— Семь-то верстъ?—возразилъ мой товарищъ трудовикъ.

Дамы, провожавшія насъ, собравшіяся прокатиться по Волгѣ при лунѣ, начали стыдить Ивана Захарыча:

— Иванъ Захарычъ, вы-ли это?!

— Не поспѣть, сударыни, ей-богу... Видите—моряна поднялась? Если-бъ подъ вѣтеръ,—другой коленкоръ: парусъ поставилъ и—„несись мой челнъ"... А то на вѣтеръ...

Мой товарищъ, коротко знавшій натуру Ивана Захарыча, сдѣлалъ ему таинственный знакъ глазами, отзывая въ сторону. Что-то въ полголоса, секретно и тѣсно, они промолвили другъ другу. Потомъ мы увидѣли: полѣзъ въ жилетный карманъ мой товарищъ и звякнулъ деньгами. И услышали отвердѣвшій вдругъ, увѣренный голосъ Ивана Захарыча:

— Отчего не поспѣть? Поспѣть можно... Будьте покойны, сударыни... Для кого поспѣемъ, нѣтъ-ли, а для васъ завсегда... „Купецъ" же, онъ объ эту пору и опаздываетъ...

— Вы намъ, можетъ быть, и споете что-нибудь, Иванъ Захарычъ?

— Очень слободно. Только конечно, сударыни,—вы уже извините, а для голосу требуется примочка...

— Ну, катай, катай,—поощрительно сказалъ нашъ трудовикъ

— Въ одинъ секунтъ!..

Иванъ Захарычъ сорвался вдругъ съ мѣста и побѣжалъ отъ насъ вихляющей побѣжкой къ Даниловкѣ. Онъ бѣжалъ тяжело, бокомъ, правымъ плечомъ впередъ, и неловко, точно подстрѣленный грачъ, прыгалъ по камнямъ берега. Съ горы, отъ крайнихъ избъ, тотчасъ же послышался женскій голосъ, звонкій и угрожающій:

— Эт-та ку-да?...

Иванъ Захарычъ лишь на мгновеніе оглянулся на него и ускорилъ аллюръ, продолжая прыгать бокомъ. Скоро онъ скрылся въ нижней улицѣ, а съ горы спустилась къ намъ его круглолицая супруга, мягкая, ширококостая волжанка.

— Опять нальется,—сказала она мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ.

Иванъ Захарычъ былъ природный волгарь, выросшій на берегу великой рѣки, кормившійся ею и не разъ тонувшій въ ея родственныхъ волнахъ. Онъ держалъ нѣсколько лодокъ, ходилъ лоцманомъ отъ Саратова до Астрахани, зналъ рѣку въ этомъ районѣ, какъ собственную ладонь. Съ тѣхъ поръ, какъ у него умерли дѣти, онъ сталъ временами скучать. Завелъ грамофонъ. Но и грамофонъ не могъ одолѣть скуки. Приходилось прибѣгать къ иному утѣшенію... но тутъ начиналась война съ женой...

— Опять нальется,—пѣвучимъ голосомъ говорила жена Ивана Захарыча:—нынѣ къ утру явился... какъ пуговочка...

— Да вѣдь это не часто,—сказалъ въ защиту Ивана Захарыча мой товарищъ.

— Хочь не часто... правда...

— Ну чего же тебѣ? Вѣдь сыты?..

— Грѣхъ роптать: обуватъ, одѣватъ... кормитъ... Онъ пропьетъ, онъ и добудетъ.

— Чего же еще!...

Вернулся Иванъ Захарычъ менѣе быстрымъ аллюромъ, чѣмъ требовалось бы намъ, обрѣтающимся подъ угрозой опозданія на пристань въ Щербаковку. Въ виду особой спѣшности, онъ выгадалъ одно: увильнулъ отъ объясненій съ супругой. Мы усѣлись въ лодку и благополучно отбыли съ Даниловской территоріи.

Навстрѣчу намъ дулъ свѣжій вѣтерокъ, ровнымъ плескомъ шелестѣла волна, дробился длинный, расплюснутый золотой столбъ мѣсяца на водѣ, и водянистое небо внизу, надъ лѣсомъ, на горизонтѣ казалось слегка запыленнымъ, мутнымъ.

— Это—моряна, вѣтеръ съ моря,—пояснилъ Иванъ Захарычъ:—всегда такую мглу нагоняетъ.

Вправо тянулись горы, тяжелыя, крутыя, таинственно безмолвныя съ своими черными ущельями и бѣлыми скатами. Лунный свѣтъ разрисовывалъ ихъ новыми, незнакомыми красками, дѣлалъ похожими то на гигантскія раковины, то на снѣжные сугробы, то на темныя, нѣмыя могилы богатырей. И вѣяло отъ нихъ и отъ зыбкаго, взволнованнаго воднаго простора, непримѣтно сливающагося съ песками, качающаго рѣдкіе ласковые огоньки и уходящаго съ ними въ невидимую даль,—таинственнымъ очарованіемъ сказки и сладкой туманной мечты... Казалось, звенѣла волна долгой, невѣдомой, но близкой сердцу пѣсней тоски по волѣ и раздольицу, и музыки требовала для своего выраженія красота, кругомъ разлитая, ибо блѣдно и безсильно было предъ ней слово...

— Иванъ Захарычъ, вы бы спѣли,—сказала одна изъ нашихъ дамъ.

— Очень слободно...

Иванъ Захарычъ изъ бокового кармана пиджака вынулъ свѣтлую посудинку, ототкнулъ пробку и, отвернувшись изъ вѣжливости къ луговой сторонѣ Волги, приложился къ горлышку. Свѣтлая на лунномъ свѣтѣ влага мелодично булькнула нѣсколько разъ. Иванъ Захарычъ оторвался отъ горлышка, сокрушенно покрутилъ головой и крякнулъ. Потомъ взялся за весла, откашлялся и запѣлъ дребезжащимъ, разбитымъ голосомъ:

Выхожу одинъ я на дорогу...

Голосъ у него былъ плохой, съ трещиной, на высокихъ нотахъ обрывался и тонулъ въ звучномъ шелестѣ волны.

— Трудно такъ,—гресть и пѣсни играть,—голосъ перерывается,—сказалъ нашъ артистъ, не кончивъ пѣсни.

— Такъ ты брось весла-то, — отвѣтилъ дружескимъ совѣтомъ нашъ трудовикъ, правившій лодкой.

— Вы бы волжскую какую-нибудь, Иванъ Захарычъ.

— Очень слободно,—съ готовностью отозвался Иванъ Захарычъ, откашлялся и запѣлъ плохенькую, сочиненную пѣсню:

Волга-рѣченька глубока!
Прихожу къ тебѣ съ тоской,—
Что мой милый другъ далеко,—
Ты несись къ нему стрѣлой!..

Но и для этой пѣсни голосовыя средства Ивана Захарыча оказались слабы, и пришлось ее бросить послѣ второго куплета.

— Вотъ ежли-бъ вы ко мнѣ зашли когда чаю попить, я бы вамъ на грамофонѣ сыгралъ „Кари глазки",—сказалъ нашъ пѣвецъ.

— И на грамофонѣ можешь?—спросилъ рулевой съ оттѣнкомъ почтительнаго изумленія.

— Очень слободно!

Но народной пѣсни ни одной не могъ спѣть Иванъ Захарычъ, ни одной не восприняла и не удержала его память. Въ художественной сторонѣ его души пѣсенныя сокровища старины, старой народной жизни были такъ же опустошены, какъ опустошены и оголены эти темныя, загадочныя горы, эта мелѣющая рѣка съ ея широкимъ шумомъ и тихія степи съ ихъ синимъ просторомъ... Новое время принесло новые мотивы, новыя слова, новую поэзію, но въ ней уже не не отражалась подлинная жизнь Ивана Захарыча, ея радости и печали, ея тревоги, идеалы, волненія и ожиданія...

— Какъ ваша жизнь идетъ нынѣ, Иванъ Захарычъ?

Этотъ неопредѣленный, туманный, широкій вопросъ задалъ я,— хотѣлось услышать что-нибудь отъ Ивана Захарыча о томъ, какъ и что оттиснула въ его сердцѣ и головѣ новая исторія нашей родины, внезапный расцвѣтъ ея упованій и тяжкая расплата за вѣру въ возможность и близость ихъ осуществленія.

— Жизня?..

Иванъ Захарычъ бросилъ весла и опять обратился къ боковому карману пиджака, гдѣ была спрятана свѣтлая посудинка.

— Жизня моя, ежели мнѣ про нее начать, то тутъ до утра надо разсказывать, — сказалъ онъ, кончивъ булькать и пряча полбутылку къ сердцу:—цѣлая библія!.. Сколько я перенесъ на своей грудѣ, то въ Волгѣ воды столько не найдется, сколько я испыталъ..

— А именно что-же?

Онъ не сразу отвѣтилъ, мрачно помолчалъ, высморкался пальцами.

— Мало-ли!.. Одинъ разъ калоши новыя у меня украли, самоваръ новый, невладаный въ одинъ день...

Признаться, огорчилъ-таки меня Иванъ Захарычъ: я приготовился слушать повѣсть печальную и значительную по содержанію, а онъ о калошахъ и самоварѣ. А вѣдь, несомнѣнно, проносились надъ нимъ всякія невзгоды — и общественныя, и личныя, — вотъ дѣти, напримѣръ, у него вымерли, — но почему-то память его

воскресила сейчасъ сущій пустякъ. Вотъ и поди, разгадай этого сфинкса...

— А то еще одинъ разъ исторія была,—внезапно какъ-то оживляясь, заговорилъ сфинксъ: — привелъ я Богданъ Богданычу въ Астрахань баржу съ мукой... Вы Богданъ Богданыча-то знаете, Яковъ Егорычъ?

— Какъ-же,—откликнулся нашъ рулевой,

— Въ выпитомъ разѣ сурьезный человѣкъ!.. Встрѣлъ онъ меня и повелъ въ гостиницу. Напились чайку, двѣ бутылки бѣлоголовочки усидѣли... Мнѣ бы ужъ и довольно. Говорю: дозвольте вамъ, Богданъ Богданычъ, отдать честь-благодарность, я сытъ и очень доволенъ.—„Нѣтъ, сиди!“—Больше не могу...—„Не смѣй!.. Бенедиктинъ будешь пить?“ — Я, говорю, его съ роду не кушалъ... — „Двѣ бутылки бенедиктину!..“ Нечего дѣлать, сталъ пить бенедиктинъ. Выпили весь. Хочу все какъ-нибудь тишкомъ отъ него уйти. — Только встанешь, а онъ — цопъ за волосы:—„куда?“—Да дайте, Богданъ Богданычъ, хочь для вѣтра выйтить...—„Да ты удерешь?“—Никакъ нѣтъ... — „Ну, позови мнѣ полового“. Взялъ, картузъ у меня спряталъ. Вышелъ я, позвалъ полового, а самъ въ дверь норовлю. Только слышу: крикъ у нихъ начался. Вернулся, глядь въ дверь, а у нихъ—полный балъ: Богданъ Богданычъ схватилъ полового и въ окно высаживаетъ... со второго этажа... Хлебнули мы тутъ тоже горя!.. Пришлось четвертной билетъ отдать половому да пропили еще четвертной... Было!..

Иванъ Захарычъ извлекъ еще нѣсколько горестныхъ воспоминаній въ этомъ же родѣ. И, можетъ быть, долго развлекалъ бы насъ своими разсказами, но вдругъ позади насъ показались огни парохода. Тутъ всѣхъ насъ охватила тревога: опоздали! Приналегли на весла,—пристань была уже въ виду. Огни сперва какъ-будто стояли неподвижно и глядѣли на наши отчаянныя усилія. Потомъ стали приближаться, выростать. Ширился и надвигался ровный, могучій шумъ, похожій на частые вздохи. Наконецъ, онъ поровнялся съ нами, весь сверкающій, свѣтлый, величественный, гордый пароходъ, коротко закричалъ своимъ гудкомъ и черезъ минуту наша лодка начала подпрыгивать и нырять на разбѣгавшихся отъ него валахъ.

— Вольскій,—радостно сказалъ Иванъ Захарычъ.

— Ой, купецъ...—возразилъ рулевой.

— Вольскій... Я по свистку слышу...

— Вотъ увидишь: купецъ!..

— На пары буду держать: вольскій... Вотъ мимо пошелъ...

— Завернетъ!

— Мимо!.. Ну, видишь?

Иванъ Захарычъ оказался правъ: пароходъ прошелъ мимо, значитъ—не нашъ. Мы пережили лишь напрасную тревогу, да угрѣлись на веслахъ до того, что, когда подошли къ пристани, въ

одинъ голосъ закричали: пить! Вода была близка, но мы помнили о холерныхъ вибріонахъ и не очень были склонны рисковать собой. Иванъ Захарычъ взялся достать пива. Сбѣгалъ на пристань и принесъ въ лодку три бутылки. Съ проворствомъ и ловкостью опытнаго человѣка онъ своимъ ножичкомъ, снабженнымъ штопоромъ, выдернулъ пробку изъ одной бутылки, и тотчасъ же всѣхъ насъ, сидѣвшихъ въ лодкѣ, залилъ фонтанъ теплой пѣны. Иванъ Захарычъ воткнулъ въ горлышко большой палецъ, но пиво еще пуще зашипѣло и продолжало выбиваться изъ-подъ него десятками мелкихъ струекъ, производя среди насъ сумятицу.

— Да ты ужъ пусти!—кричалъ нашъ трудовикъ.

— Я и то пу́стилъ, — эпически спокойнымъ тономъ отвѣчалъ Иванъ Захарычъ, стараясь укротить бушевавшую бутыль.

— „Пу́стилъ“! Не надо такъ пускать...

Въ концѣ концовъ пришлось пожертвовать все пиво Ивану Захарычу, хотя онъ для виду какъ-будто и огорчился нашимъ уклоненіемъ. Однако потомъ повеселѣлъ, поднялъ парусъ и снова пустился въ плещущій просторъ Волги, увозя назадъ нашихъ дамъ. Даже запѣлъ „Кари глазки“, но въ шорохѣ волны и вѣтра плохо долеталъ его голосъ... Я помахалъ ему шляпой и попросилъ передать привѣтъ тихой, успокоенной и покорной Даниловкѣ, съ нѣмымъ терпѣніемъ выносящей нынѣ на себѣ всѣ жестокіе эксперименты, указанные свыше.

II.

Мы пришли на пристань, маленькую, грязноватую, заваленную мѣшками и плетенками. Въ мѣшкахъ была мука съ мѣстной паровой мельницы, въ плетенкахъ запакованы и зашиты яйца, идущія отсюда въ Астрахань и Саратовъ.

Иванъ Захарычъ сказалъ правду, что „купецъ“ въ эту пору всегда запаздываетъ. Срокъ, назначенный росписаніемъ, уже прошелъ, а нашего парохода все еще не было. Въ ожиданіи его на пристани сидѣло и лежало человѣкъ пять мѣстныхъ щербаковцевъ, три мужичка изъ-за Волги, двѣ бабы и студентъ-техникъ.

Прошелъ часъ и еще часъ. Мы все бродили по пристани и всматривались въ даль, въ ту сторону, гдѣ должны были показаться огни нашего парохода. Гдѣ-то тамъ, въ шелестящемъ водномъ просторѣ, дрожали крошечные золотые огоньки—на баканахъ ли, на пристаняхъ или на баржахъ, причалившихъ къ луговой сторонѣ за арбузами. Порой, казалось, движутся они, расходятся, сближаются, растутъ, направляются въ нашу сторону. Ждемъ: вотъ-вотъ подойдутъ,..

— Буксиръ,—говоритъ кто-нибудь.

— А, може, и нашъ...

— Огни низко... Буксиръ.,.

Но огни все на тѣхъ же мѣстахъ—мигаютъ, дрожатъ, ныряютъ, И кругомъ въ окрѣпшемъ и ясномъ лунномъ свѣтѣ разлитъ широкій, долгій плескъ волны, прерывистое шуршаніе вѣтра, порой приносящаго съ лѣвой стороны, отъ песковъ теплое дыханіе, точно тамъ за день нагрѣта была большая, уютная печь...

Становилось скучно. Когда зашло за полночь, стала одолѣвать дремота, но приткнуться для сна негдѣ было: въ каютѣ клопы,—мой трудовикъ успѣлъ уже убѣдиться въ ихъ необычайной кровожадности,—на мѣшкахъ съ мукой расположились бабы, на скамьѣ легъ старикъ, отправлявшій яйца, на полу около каютъ сидѣли вытянувъ ноги, молодой щербаковецъ въ валеныхъ калошахъ, больной ревматизмомъ, два его односельца, молодые парни въ пиджакахъ и сапогахъ гармониками, и два заволжскихъ крестьянипа, отправлявшихся въ поиски за заработками. Студентъ, мой трудовикъ и еще два мужичка прикурнули гдѣ-то на кормѣ пристани и уснули сидя. Я продолжалъ бороться съ дремотой и сидѣлъ на причальномъ столбѣ, около щербаковцевъ, лѣниво перебрасывавшихся разговоромъ съ иловатскими мужиками изъ-за Волги.

— Работы?—говорилъ щербаковецъ въ валеныхъ калошахъ!—работы я вамъ предоставлю сколько угодно... Плети нерёдки! [1])

— Нерёдки?

У иловатскаго мужика, который задаетъ этотъ вопросъ, тонкій телячій голосъ съ простодушной и довѣрчивой интонаціей. Мнѣ не видно его лица, но я почему-то увѣренъ, что оно должно быть курносое и съ скудной бородкой.

— Ну да, нерёдки! У насъ каждый человѣкъ ихъ три штуки сплететъ. Тутъ они по полтиннику штука —Мартынъ Иванычъ беретъ,—а въ Царицынѣ не менѣе какъ по рублю онъ ихъ отдаетъ...

— Не менѣе!—увѣренно говоритъ парень въ пиджакѣ:—это такой хитрый чертъ!..

— Ежели нерёдки плесть, семьей пять-шесть рублей въ день возьмешь...—послѣ длинной паузы говоритъ шербаковецъ въ валеныхъ калошахъ.

— Пять-шесть?!—изумляются оба иловатскіе мужика и привстаютъ на колѣни.

— Очень просто: полтинникъ штука. А кто мастеръ, онъ ихъ шутя пять сплететъ!

— А мы вотъ быкамъ хвосты крутимъ... То-то дураки-то! Вмѣстѣ съ быкомъ хрипишь, задыхаешься на работѣ, а ни хрѣна ничего нѣтъ!.. Сказано: мужикъ на быка, быкъ на мужика, и оба они—два дурака...

— Вотъ иди да учись нерёдки плесть...

[1]) Нередки—рыболовная снасть.

— Я бы пошелъ—говоритъ мужикъ съ телячьимъ голосомъ:— я бы ничего не взялъ... пока не выучился бы...

— То-то, что вотъ выучиться-то надо...

— Чай, не дитя малое: погляжу—пойму. Не дуракъ небось...

Одинъ изъ парней въ пиджакахъ съ лѣнивой насмѣшкой говоритъ:

— У насъ дураки такіе: его въ воду пхаешь, а онъ на сухое ползетъ...

— Это ишшо не дуракъ, коль сухого мѣста ищетъ,—грустнымъ тономъ говоритъ мужикъ изъ Иловатки и вздыхаетъ.

Вдоль Волги лежитъ зыбкая золотая дорога отъ мѣсяца. За ней вдали ныряютъ и снова вытягиваются вверхъ огоньки. Качается ровный, широкій шелестъ рѣки, и вѣтеръ шепчетъ знакомыя вѣсти о скудныхъ поляхъ Заволожья. Вздыхаетъ иловатскій мужичокъ.

— Прямо дошли до точки, — виноватымъ голосомъ говоритъ онъ:—ничего нѣтъ, все подъ одинъ итогъ... Чего ни бросишь въ землю, все тамъ и тамъ...

Парень въ валеныхъ калошахъ лѣнивымъ голосомъ говорилъ:

— Теперь вотъ въ газетахъ пишутъ: за пятнадцать рублей изъ Америки удобреніе такое высылаютъ... Вдвое больше урожаю даетъ...

— За пятнадцать?

— За пятнадцать рублей. Двѣсти пудовъ десятина даетъ...

— О-о?.. Это голосъ: двѣсти пудовъ... Откуда, говоришь? Изъ Америки?

— Изъ Америки. У меня афишка даже есть.

Долгое молчаніе. Медленно тянется ночь, монотоненъ и ровенъ плескъ рѣки, беззвучны облитыя лунымъ свѣтомъ горы съ рябыми, каменистыми обрывами. Тихо качается, скрипитъ пристань.

— Чего-нибудь дѣлать надо, — вздыхаетъ иловатскій мужикъ, думы котораго всѣ во власти земли:—а то пашемъ ее, пашемъ, ковыряемъ, роемъ изъ года въ годъ, а удобренія не даемъ. Мы ее на золу перевели...

— То-то вотъ... И сидите за это безъ хлѣба...

— Что жъ ты, братецъ мой, подѣлаешь, когда не даетъ Богъ... Мы бы и рады... Ничего не подѣлаешь: петля... Ужъ лучше же я пойду нерёдки плесть... Сколько ни хрипѣть...

— Нерёдки научишься плесть, по пяти цѣлковыхъ въ день будешь огребать...—съ веселой ироніей говоритъ малый въ пиджакѣ.

Мужикъ подавленно молчитъ. Трудно и вѣрить этимъ зубоскаламъ-щербаковцамъ, волжскимъ пиратамъ, привыкшимъ насмѣхаться надъ простодушными землеробами изъ Заволжья. Но и не вѣрить не хватало силъ: очень ужъ головокружительна была эта цифра—пять рублей...

— И харчей не изведешь,—прибавляетъ другой малый въ пиджакѣ:—у насъ тоже безплатная харчевня...

— Отъ казны, что-ль?—спрашиваетъ мужикъ дѣловымъ тономъ, какъ о привычномъ явленіи.

— Отъ барыни. Барыня зиму держала и весной осталась. По случаю неурожая и опять остается.

Я сперва, слушая разговоръ о нерёдкахъ, вѣрилъ щербаковцамъ, можетъ быть, не менѣе иловатскихъ мужиковъ, а теперь, узнавъ о столовой, сталъ сомнѣваться, подлинно-ли плетеніе нерёдокъ даетъ такія сногсшибательныя цифры заработка?

— Какъ же это у васъ—спрашиваю—такой прекрасный заработокъ,—до пяти рублей, вы говорите,—и безплатная столовая для голодающихъ?

Щербаковцы не сразу отозвались на это. Иловатскіе мужики опять привстали на колѣни: любопытно о нерёдкахъ выяснить истину...

— Да много-ли ихъ такихъ-то, чтобы пять-то рублей заработать?—сказалъ щербаковецъ въ валенкахъ. А одинъ изъ пиджаковъ, усмѣхаясь, прибавилъ:

— Пять-то заработаешь, да изъ-за нихъ недѣлю надо провесть—хворостъ воровать...

— А-а... вотъ-какъ! — обличительно-торжествующимъ тономъ восклицаетъ иловатскій мужикъ съ телячьимъ голосомъ.

— Вотъ у нихъ, у иловатскихъ, и воруемъ. Они тамъ быкамъ хвосты крутятъ или раковъ накрываютъ, а мы у нихъ хворостъ...

Щербаковцы весело смѣются, а иловатскимъ, должно быть, досадно: въ самомъ дѣлѣ пользуются, вѣдь, эти озорники ихнимъ хворостомъ,—своего-то у нихъ на нагорной сторонѣ нѣтъ, а покупать они не любятъ...

— Тоже и вашего брата за это за самое немало въ Волгу спущено,—говорятъ иловатскіе.

— Ничего! А хворостникъ-то мы у васъ все-таки весь вырѣжемъ...

— Придется, должно быть, обчествомъ собраться да перестрѣлять васъ...

— А у насъ, думаете, ружьевъ нѣту?

Враждующіе сосѣди долго пререкаются между собой, но лежатъ рядомъ! Перевѣсъ остроумія, веселости и умѣнья дразнить на сторонѣ щербаковцевъ, бойкихъ на слова, умѣющихъ ввернуть не только пряное выраженіе—на это и у иловатскихъ имѣлся большой лексическій запасъ,—но и разсказать смѣшной анекдотъ, въ которомъ иловатскій мужикъ фигурировалъ непремѣнно въ качествѣ простака, обманутаго щербаковцемъ. Иловатскіе были медлительнѣе и менѣе находчивы, но за то ругались крѣпко и твердо.

— Ишь какая заправа: нерёдки... по пяти цѣлковыхъ въ день зарабатываютъ, а барыня кормитъ...—говорили они уже издѣвательскимъ тономъ.

— А вы тамъ надъ землей хрипите, дураки-черти!—отвѣчали

щербаковцы:—мы и нерёдками будемъ сыты, а много-ли у васъ-то осталось своего?..

— Они раками разбогатѣютъ... По два рубля сотня—лишь отсчитывай!..

— Нѣту ужъ ихъ, раковъ-то, перевелись всѣ...

— Какой нѣтъ! Мы надысь дохлую лошадь въ затонъ сволокли... Пришли черезъ часъ поглядѣть—тамъ на ней этого рака! Да какой ракъ! во-о!.. Морской!..

Иловатскіе и не хотѣли бы вѣрить врагамъ щербаковцамъ, но опять: очень ужъ заманчивое свѣдѣніе... Можетъ быть, и правда?

— Идѣ-ѣ?—спрашиваетъ телячій голосъ.

— Въ Маркиномъ затонѣ.

— Брешете вы, должно быть...

— Ну вотъ! Никогда мы не согласны брехать...

— Это вродѣ нерёдокъ вашихъ...

— А что-жъ нерёдки?—возражаетъ малый въ пиджакѣ и „дутыхъ" сапогахъ:—мы нерёдками, по крайней мѣрѣ, костюмы имѣемъ, а у васъ что? кожухи одни?... да и тѣхъ не осталось!

— Что подѣлаешь, ежели Богъ урожаю не даетъ...

Иловатскіе смолкаютъ, чувствуя плохую защищенность своей позиціи. Костюмами, очевидно, похвастаться не могутъ. Долго молчатъ.

— Наши, бывало, все смѣялись надъ щербаковцами,—говоритъ, наконецъ, одинъ:—придутъ они къ намъ на ярманку, красныя рубахи на нихъ да пиньжаки... А вѣтеръ-то ихъ въ пиньжакахъ и поддѣватъ... Ну, намъ и смѣхъ, мы—въ тулупахъ, играй вѣтеръ кругомъ насъ—намъ ништо... Анъ вотъ теперь ихъ пиньжаки-то теплѣй становятся, чѣмъ наши тулупы...

Проходитъ буксиръ съ тремя баржами—не съ той стороны, откуда мы ждемъ своего парохода. Мы равнодушно провожаемъ глазами эти разбросанные вверху, въ серебристой тьмѣ, качающіеся въ водѣ маленькіе огоньки. Такъ странно и диковинно плывутъ они по воздуху, тихіе, весело слѣдящіе, привѣтливые... Пароходъ тяжело, дѣловито пыхтитъ, хлопаетъ колесами, и эти шумные звуки топятъ на нѣсколько минутъ и говоръ, и скрипъ нашей пристани и плескъ волнъ. Долго стоятъ огни и слышенъ ритмическій шлепающій звукъ колесъ въ той сторонѣ, откуда долженъ придти нашъ пароходъ. Мы глядимъ, ждемъ. Знаемъ, что не его огни, но даже чужое движеніе всколыхнуло наши надежды: авось, теперь и за нами очередь... Ждемъ. Но огоньки постояли на краю воднаго простора, въ той таинственной полутьмѣ, которая всю ночь дразнила насъ коварными обѣщаніями, и нырнули за грань земли и воды. И снова вокругъ насъ плескъ рѣки и тихіе, скрипящіе вздохи пристани.

Оттого ли, что засвѣжѣло, или оттого, что изсякли надежды на скорое прибытіе парохода, часть ожидающихъ пошла спать въ каюту. Щербаковецъ въ валенкахъ занялъ лучшую позицію—на

лавкѣ, двое иловатскихъ легли на полу, студентъ заснулъ сидя, облокотившись на столъ. Мой трудовикъ нѣкоторое время бодрствовалъ и мрачнымъ тономъ говорилъ о неаккуратности рейсовъ. Потомъ критическимъ окомъ осмотрѣлъ снова каюту, потомъ свою городскую пиджачную пару и панаму. Вздохнулъ и легъ на грязный полъ каюты, положивъ подъ голову панаму.

Дольше всѣхъ крѣпился старикъ яичникъ. Онъ внимательно осмотрѣлъ свои плетенки,—потомъ подозрительно поглядѣлъ на веселыхъ парней въ пиджакахъ и на третьяго иловатскаго мужыка, лежавшаго у двери.

— Далече-ль ѣдете-то? — спросилъ онъ отрывисто, сердито, ни къ кому не обращаясь. Парни перемигнулись и засмѣялись, иловатскій мужикъ, громко зѣвая, отвѣтилъ:

— Далече... Куда глаза глядятъ... Идѣ-нибудь работы надо искать.

— Дома бы жилъ...

— Чего дѣлать дома-то?

— Землю бы пахалъ...

— Пальцемъ что-ль пахать я ее буду? Ты мнѣ скотины-то надавалъ?

— А своя идѣ? Прожилъ?

— Ну да, прожилъ. Неѣмши долго не просидишь... У насъ ни у кого ничего не осталось, все въ задолженіи: и земству, и въ казну, и своимъ мужикамъ богатымъ, и въ банки... Банка, братъ, такая вещь: хочь получи, а отдай...

— Вещь строгая!

— Строгая... Вотъ и свелъ послѣднюю лошаденку, а самъ вотъ... ѣду... Оно бы, може, въ Волгу головой—вѣрнѣе бы было, да все грѣха боишься... Чорту, молъ, баранъ будешь...

— Это хочь и такъ...

Старикъ постоялъ въ раздумьи надъ своими плетенками, еще разъ подозрительно оглядѣлъ щербаковскихъ парней, потомъ отошелъ и легъ на скамью. Нѣсколько минутъ онъ боролся со сномъ, кашлялъ, вздыхалъ, ворочался. Потомъ захрапѣлъ—сердито и отрывисто.

— Богатый чортъ!—сказалъ одинъ изъ щербаковцевъ:—тысячи на четыре въ лѣто яицъ продаетъ...

— А ужь и скупъ!.. Яйца не съѣстъ,—прибавилъ другой.—Иловатскій! съѣлъ бы яичко?—помолчавъ, спросилъ онъ.

Иловатскій мужичокъ ничего не отвѣтилъ, — вопросъ звучалъ явной насмѣшкой, лишь дразнилъ голодное воображеніе. Мѣрно, тихо покачивалась и жаловалась тихимъ скрипомъ наша пристань. Вздыхала великая рѣка, окутанная золотистою мглою ночи. Вздыхалъ иловатскій мужичокъ, задумавшій ѣхать куда глаза глядятъ. Лишь молодые щербаковцы не теряли бодрости: шушукались о чемъ-то и смѣялись... Потомъ одинъ всталъ и подошелъ къ скамьѣ, на которой спалъ старикъ-яичникъ.

— Максимъ Семенычъ! а-а, Максимъ Семенычъ!..—сказалъ онъ негромко. Старикъ продолжалъ коротко и отрывисто всхрапывать.

— А-а, дядя Максимъ! Можетъ, ты бы яичко съѣлъ?..

Оба щербаковца вдругъ фыркнули и затряслись отъ смѣха. Старикъ не проснулся. Одинъ изъ парней отошелъ къ самой дальней плетенкѣ и сѣлъ около нея. Что-то дѣлалъ тамъ минутъ пять, потомъ прошелъ къ сходнямъ, держа обѣими руками свой картузъ.

— Василь! неси ведерко!—послышался черезъ минуту съ берега его голосъ.

Второй щербаковецъ снялъ ведро съ крючка и пошелъ на берегъ. Иловатскій мужичокъ поднялъ голову и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. Потомъ вздохнулъ и сказалъ:

— И озорные черти эти щербаковскіе!..

На берегу вспыхнулъ огонекъ. Красные язычки лизали ведро, бросали свѣтъ на фигуры парней, сидѣвшихъ на корточкахъ около ведра, на дорогу и пристань. Порой отсвѣты добѣгали даже до горы и прыгали по ея каменнымъ, изломаннымъ ребрамъ, веселые и озорные, какъ щербаковскіе парни. И тогда гора казалась выше, угрюмѣе, а воды рѣки чернѣли и терялись вдали.

Мѣсяцъ зашелъ за гору. Совсѣмъ свѣжо стало. Я вошелъ въ каюту. На полу спалъ въ своей модной пиджачной парѣ мой товарищъ-трудовикъ, съ панамой въ головахъ, а противъ него мужикъ въ старомъ азямѣ—должно быть, тотъ самый иловатскій, который говорилъ телячьимъ голосомъ. Оба они дышали другъ другу въ лицо и сохраняли при этомъ чрезвычайную серьезность. Я присѣлъ за столъ и задремалъ. Пристань, какъ люлька, тихо колыхалась и поскрипывала...

Въ дверь заглянулъ одинъ изъ щербаковскихъ парней и, дергая за валенокъ своего односельца, спавшаго на лавкѣ, сказалъ озабоченнымъ, дѣловымъ голосомъ:

— Ванька! яйца будешь ѣсть? Вставай... Одно: соли нѣтъ... Вставай!...

Ванька приподнялъ голову, мутно посмотрѣлъ на пріятеля и опять уронилъ ее на скамью.

— Вотъ чортъ! нейдетъ! — уже за дверью послышался голосъ парня:—а жаль, соли нѣтъ, а то ужинъ—мое почтеніе... Развѣ Максима побудить, нѣтъ ли у него соли?.. Заругается... А чего ругаться? Косвенный налогъ... больше ничего...

И за дверью разсыпался негромкій, но заразительный смѣхъ.

— Дядя Максимъ! а-а, дядя Максимъ! яичка не хошь? — негромко, сквозь этотъ смѣхъ, говорилъ озорной голосъ:—вставай, ѣшь какъ свои... безъ стѣсненія!..

И опять брызжущимъ фонтаномъ вырывался приглушенный смѣхъ, но не могъ разбудить тихой, поскрипывающей пристани, охваченной непобѣдимымъ сномъ...

Ѳ. Крюковъ.

ИЗЪ АНГЛІИ.

Предметный урокъ.

I.

Съ листопадомъ въ этомъ году борьба за гомруль вступаетъ въ новый фазисъ. Развитіе борьбы въ высшей степени интересно, такъ какъ при этомъ ярко освѣщаются самыя тонкія извилины сложнаго явленія, съ которымъ приходится такъ считаться всюду. Я говорю о націонализмѣ.

При нормальныхъ условіяхъ національности, живущія рядомъ, образуютъ новый этническій сплавъ. Высшая культура шлифуетъ низшую. Мѣняются обычаи, нравы, даже языкъ. Происходитъ явленіе, которое уже безчисленное множество разъ повторялось въ записанной и не записанной исторіи человѣчества, не знающей чистыхъ націй. Не только такіе термины, какъ „англичанинъ", „французъ" и „турокъ", но даже такіе, какъ „аріецъ", „семитъ" и т. д. совершенно условны, не поддаваясь точному опредѣленію. Если мы желаемъ сдѣлать сколько-нибудь правильный выводъ, необходимо сперва совершенно точно опредѣлить предпосылки. Нельзя говорить о націонализмѣ и задачахъ его, покуда мы точно не опредѣлимъ, что такое нація.

И какъ только мы сдѣлаемъ первую попытку въ этомъ направленіи, то убѣдимся, что имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то крайне растяжимымъ и неопредѣленнымъ. Одно опредѣленіе говоритъ намъ: „нація это соединеніе людей, живущихъ на одной территоріи, подчиненныхъ или не подчиненныхъ одному и тому же правительству, имѣющихъ издавна настолько общіе интересы, что людей этихъ можно причислять къ одной и той же расѣ" [1]). Этому опредѣленію *націи* авторъ противопоставляетъ *народъ*. („Множество людей, хотя и не живущихъ въ одной и той же странѣ, но имѣющихъ общую религію и общее происхожденіе").

„Нація,—говоритъ намъ другой авторитетъ,—это естественное общество людей, объединенныхъ страной, происхожденіемъ, нравами, языкомъ и сознающихъ это единство" [2]). „Нація это—человѣческія массы, хотя бы и не объединенныя политически, но связанныя общей культурой, общимъ происхожденіемъ, а въ особенности языкомъ и нравами" [3]). Итакъ, выходитъ, нація это агломератъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одной *расѣ*, имѣющихъ общую

---

[1]) Littré.
[2]) Mancini.
[3]) Bluntschli.

территорію, одинъ языкъ, одну *религію* и тѣ же *нравы*. Попробуемъ анализировать термины, входящіе въ составъ опредѣленія. Раса—нѣчто совершенно неопредѣленное; антропологія не знаетъ чистыхъ расъ. Въ самыхъ чистыхъ расахъ мы встрѣчаемъ брахицефаловъ и долихоцефаловъ, свѣтловолосыхъ и темноволосыхъ, что показываетъ притокъ разныхъ кровей. Что касается до территоріи, то на одномъ и томъ же мѣстѣ мы сплошь и рядомъ находимъ этническія пятна разнаго происхожденія. Максъ Мюллеръ въ своихъ изслѣдованіяхъ показываетъ намъ, какъ племена разнаго происхожденія усваивали новый языкъ. Когда знаменитый ученый употребляетъ термины „арійскій", „арійцы", онъ имѣетъ въ виду не *антропологическій*, а только *филологическій* смыслъ. Максъ Мюллеръ говоритъ только о племенахъ, внѣ зависимости отъ ихъ происхожденія принявшихъ языкъ арійскаго корня. Что касается религіи, то одна и та же религія можетъ быть у племенъ разнаго происхожденія, а иногда одно племя можетъ раздѣляться по религіи. Въ концѣ концовъ культы подвержены тому же закону эволюціи, какъ и языки. Богъ мексиканцевъ говоритъ не безъ основанія своему жрецу:

Doch ich sterbe nicht; wir Götter
Werden alt wie Papageien.
Und wir mausern nur wechseln
Auch wie diese das Gefieder" [1]).

„Нравы" являются результатомъ общихъ внѣшнихъ условій, при которыхъ живетъ та или другая совокупность людей, внѣ зависимости отъ ихъ происхожденія. Общія условія жизни, напр., въ Нью-Іоркѣ, въ городкѣ дальняго запада или въ лагерѣ пріискателей въ Клондейкѣ создаютъ на нашихъ глазахъ „новые нравы" у людей, все равно, будутъ ли то англичане, итальянцы, нѣмцы или французы.

Итакъ, совершенно невозможно точно опредѣлить столь ясное и столь понятное на первый взглядъ понятіе—„нація". Вотъ почему и націонализмъ, (я имѣю въ виду *наступательный*) тоже нѣчто неуловимое, туманное, смутное. Къ несчастью, бываютъ туманы ядовитые, губящіе все... При нормальныхъ условіяхъ „оборонительный націонализмъ" слабѣетъ, растворяется; но при ненормальныхъ онъ проявляетъ тѣ же свойства, что и всякое тѣло подъ прессомъ: чѣмъ давленіе сильнѣе, тѣмъ болѣе возрастаетъ плотность его.

„Наступательный націонализмъ" можетъ выдвинуть для своего оправданія только туманныя формулы, не выдерживающія анализа. Такой характеръ, напр., носитъ знаменитая ссылка на „историческую миссію народовъ". Кто опредѣляетъ эту миссію? Какъ узнать, что она именно такого рода, а не другого?

Исторія Ирландіи представляютъ собою почти классическое

---

[3]) Heine, „Vitzliputzli".

поле для изученія *оборонительнаго національізма* и *наступательнаго* національізма. Мы можемъ ясно прослѣдить, какъ зарождался каждый изъ нихъ, какъ развивался и какъ боролся. Теперь мы видимъ, какъ *наступательный націонализмъ*, насажденный въ Ирландіи, бьется въ послѣднихъ содроганіяхъ, не желая отказаться отъ власти. И эта исторія такъ напрашивается на обобщенія, такъ поучительна, такъ *современна*, что я хочу набросать въ самыхъ общихъ чертахъ картину этой многовѣковой борьбы національностей.

Мы видимъ сперва въ Ирландіи оригинальную, самобытную культуру. „Втеченіе многихъ вѣковъ развитіе ирландской культуры шло совершенно независимо,—говоритъ лордъ Денрэйвенъ [1]).— Постороннія силы не отражались на мѣстной цивилизаціи. Ирландія ничего не позаимствовала у Англіи и представляетъ собою единственную страну на западѣ, которая никогда не испытывала прямого вліянія Римской имперіи. Хотя Агрикола и задумывалъ завоеваніе Ирландіи, но ни одинъ римскій солдатъ не ступилъ на почву Эрина. На цивилизаціи Ирландіи совершенно не отразились ни римская юриспруденція, ни римское понятіе общества и государства“. Первобытное населеніе Ирландіи имѣло совершенно иное понятіе государства и націи. Національность, согласно идеалу ирландцевъ, это—общіе законы, обычаи, религія и наука, покоящіеся всѣ на чисто демократическомъ фундаментѣ. Собственно центральная власть, или правительство, сравнительно мало интересовала ирландцевъ. Мы видимъ здѣсь децентрализацію въ высшей формѣ, т. е. цѣлый рядъ независимыхъ общинъ, связанныхъ узами единой культуры.

Если завоеватели являются носителями высшей культуры и не проводятъ политику *наступательнаго національізма*, то два народа въ концѣ-концовъ сливаются вмѣстѣ, образуя новый этническій сплавъ. Получается амальгама двухъ культуръ, причемъ обѣ выигрываютъ. Ирландія не выиграла отъ завоеванія ея англичанами. Англійскій историкъ такъ объясняетъ причину: „Въ 1172 году король Генрихъ, опираясь на буллу, полученную отъ папы Адріана IV, единственнаго англичанина, занимавшаго когда-либо престолъ св. Петра, — вторгся въ Ирландію и роздалъ тамъ громадныя территоріи своимъ норманскимъ баронамъ“. Такимъ образомъ положено было начало земельному вопросу въ Ирландіи. Англійскій король намѣтилъ политику *наступательнаго національізма*, въ силу которой ирландцевъ надо было оторвать отъ земли, конфисковать общинныя земли и заселить страну фермерами, принадлежащими къ господствующей народности. „Будь Ирландія послѣ вторженія предоставлена себѣ,—продолжаетъ сэръ Чарльзъ Брюсъ—произошло бы такое же явленіе, какъ въ Англіи. Другими словами, завоеватели, переженившись съ завоеванными, образовали бы новую англо-

---

[1]) Lord Dunraven, „The Legaçy of Past Years“, p. 3.

ирландскую народность. Но на стражѣ стояло англійское правительство, проводившее національную политику и *запретившее* англійскимъ колонистамъ перенимать ирландскіе обычаи и ирландскій языкъ. Бракъ англичанамъ съ ирландками былъ запрещенъ подъ страхомъ увѣчья и смерти".

II.

Природа не признаетъ національной политики. Не смотря на суровые законы, изданные англійскими королями, двѣ культуры, пришедшія въ соприкосновеніе, шлифовались взаимно. Потомки норманскихъ бароновъ, ставъ норманскими помѣщиками, превращались мало-по-малу въ ирландцевъ. Въ царствованіе Эдуарда I (въ XIV вѣкѣ) они установили нормано-ирландскій парламентъ, въ которомъ засѣдали также вожди клановъ, какъ О'Брайены, О'Тулы и др. Видя, что двѣ націи постепенно сближаются, англійское правительство снова издало законъ, цѣлью котораго было держать въ изоляціи государственную народность. Вышелъ онъ въ 1367 году при Эдуардѣ III [1]). Въ силу этого закона употребленіе ирландскаго языка, ирландскаго національнаго платья, а равно бракъ англичанина и ирландки признаны были государственной измѣной и карались смертью. Что касается самихъ ирландцевъ, то они поставлены были внѣ закона. Короли прибавили къ своему титулу „повелители Ирландіи", но, тѣмъ не менѣе не признавалось преступленіемъ, если англичанинъ убьетъ ирландца. Убійство разрѣшалось даже въ предѣлахъ самой Англіи. Люди вообще добрѣе и мягче тѣхъ законовъ, которые иногда вырабатываются для нихъ. Не смотря на то, что законъ поощрялъ убійство и каралъ смертью смѣшанные браки, сближеніе между національностями, живущими рядомъ, все-таки происходило. При Генрихѣ VI (во второй половинѣ XV вѣка) ирландскій парламентъ формально заявилъ, что будетъ признавать обязательными только тѣ законы, которые самъ выработаетъ для себя. Связь между норманскимъ и ирландскимъ дворянствомъ становилась прочнѣе съ теченіемъ лѣтъ. Норманскіе помѣщики признали основные законы Ирландіи, признававшіе землю собственностью общины. Земля находилась въ общинномъ владѣніи у того клана, который жилъ на ней. Вождь имѣлъ только свою долю, какъ всякій другой членъ клана. Кланы часто воевали другъ съ другомъ, причемъ побѣдители угоняли скотъ и жали нивы; но основной принципъ, что земля принадлежитъ клану, живущему на ней, признавался. Побѣдителямъ никогда не приходила даже въ голову возможность отнять землю у побѣжденнаго клана.

---

[1]) The Statute of Kilkenny.

У англичанъ былъ противоположный взглядъ на землепользованіе. Въ силу этого взгляда вся земля принадлежитъ королю и только съ его соизволенія находится въ частномъ владѣніи. Фермеръ и крестьянинъ пользуются временно землею по милости короля или того лица, которому король подарилъ землю. И въ силу этого взгляда король, карая какого-нибудь норманскаго дворянина въ Ирландіи или ирландскаго вождя, конфисковалъ ихъ земли, которыя, по понятіямъ ирландцевъ, не могли быть конфискованы, такъ какъ представляли собственность не опальнаго лица, а всего клана.

До 1500 года ирландскія понятія о земельной собственности господствовали всюду на Эринѣ. „Поирландившіеся" норманскіе дворяне признавали общинное землевладѣніе и держали въ своихъ замкахъ знатоковъ обычнаго права для разъясненія всѣхъ могущихъ возникнуть осложненій и недоразумѣній. Только въ англійской чертѣ осѣдлости (English Pale), какъ именовалась территорія близь Дублина діаметромъ въ 30 миль,—господствовали такія же понятія о земельной собственности, какъ въ Англіи. За этимъ предѣломъ всюду, не смотря на строгое запрещеніе, населеніе признавало только ирландскіе законы. Такимъ образомъ ирландская культура побѣдила. Господствующая народность сблизилась съ побѣжденными и вмѣстѣ содѣйствовала процвѣтанію Ирландіи. И то былъ, дѣйствительно, періодъ замѣчательнаго расцвѣта, о которомъ говорятъ теперь только развалины великолѣпныхъ замковъ, церквей и аббатствъ.

Въ 1495 году началось вторичное завоеваніе Ирландіи, куда Генрихъ VII послалъ сильное войско подъ предводительствомъ новаго намѣстника Пойнижгса. Ирландія имѣла уже свой парламентъ, заявившій, что не признаетъ другихъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые самъ выработаетъ. Такимъ образомъ всякій приказъ, введенный намѣстникомъ, былъ бы произволомъ. Намѣстникъ разрѣшилъ вопросъ очень просто, созвавъ свой собственный парламентъ въ Дроходѣ (Drogheda). Депутаты, назначенные намѣстникомъ, постановили, что каждый законъ, выработанный Англіей, обязателенъ для Ирландіи и что ирландскій парламентъ не можетъ принять ни одного рѣшенія безъ санкціи англійскаго тайнаго совѣта. При Генрихѣ VIII началась конфискація общинныхъ земель. Въ 1536 году былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ графъ Кильдаръ, потомокъ „поирландившагося" норманскаго барона Жеральдина, причемъ всѣ его громадныя вотчины были конфискованы. Черезъ годъ англійскій парламентъ издалъ законъ, въ силу котораго всѣ земли, дарованныя въ Ирландіи норманскимъ баронамъ и перешедшія потомъ какимъ-нибудь образомъ къ ирландцамъ,—конфискуются. Въ томъ же году отобраны были всѣ земли у ирландскихъ монастырей. „Законы" конфискаціи дали возможность вождямъ клановъ объявить мятежниками и государственными из-

мѣнниками всѣхъ тѣхъ родовичей, которые требовали себѣ землю на основаніи обычнаго права. Началась, по выраженію Бэкона, „дикая охота на дикихъ ирландцевъ“. Ирландцы никакъ не хотѣли признавать за государствомъ право конфискаціи общинныхъ земель за вину вождя. Они считали, что право на ихъ сторонѣ, и соединились для защиты закона объ общинномъ землевладѣніи, существовавшаго болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Тогда началось безчеловѣчное „усмиреніе мятежа“. При каждомъ отрядѣ солдатъ находились палачи и спеціалисты по части пытокъ. Пощады никому не давали. Старики, дѣти, женщины — всѣ признаны были мятежниками, достойными смерти. Усмирители поставили себѣ цѣлью не только истребить всѣхъ знатныхъ ирландцевъ, но и унизить ихъ передъ смертью въ глазахъ населенія. Женъ и дочерей вождей сѣкли передъ казнью на глазахъ у всѣхъ. Ирландцы уважали талантъ и почитали своихъ бардовъ и историковъ. Этого было достаточно, чтобы поэтовъ и историковъ колесовали. Побѣдители жгли книги и старинныя лѣтописи, чтобы истребить даже память о быломъ величіи. Чтобы истребить старинные роды, пользовавшіеся уваженіемъ, англичане велѣли сжечь геральдическія книги. „Никто не долженъ помнить, кто былъ его дѣдъ“. Цѣлью правительства было разрушить не только институтъ общиннаго землевладѣнія, но также всѣ традиціи, всю гэльскую культуру, всю память о прошломъ. Предполагалось смѣшать всѣхъ ирландцевъ въ одну сѣрую, невѣжественную, жалкую толпу, а затѣмъ — ввести новую жизнь, какъ въ Англіи [1]). То былъ „наступательный національзмъ“, проведенный прямолинейно, логически, не страшась ни совѣсти, ни того, что скажутъ другіе.

Реформація прибавила новый поводъ для преслѣдованія ирландцевъ. Въ 1560 году протестантство было установлено закономъ. „Въ Ирландіи старая вѣра означала раздѣленіе между побѣдителями и побѣжденными: она являлась символомъ національнаго духа,— говоритъ Лекки [2]).—Религія поддерживала страсть ожесточенной политической борьбы. Въ то время, какъ всѣ сѣверные народы западной Европы отвернулись отъ католицизма, ирландцы удержали его только изъ ненависти къ угнетателямъ“. И дальше мы увидимъ, что религія, какъ національзмъ, можетъ быть орудіемъ обороны и наступленія. Мы увидимъ, какъ „орудіе обороны“ превращается въ орудіе наступленія.

Для Англіи протестантство означало, помимо другого, сопротивленіе сильной имперіи въ ея попыткѣ покорить островное королевство и борьбу съ деспотіей Стюартовъ. Но та же Англія желала силой меча навязать новую религію Ирландіи, для которой пре-

---

1) J. R. Green, „Irish Nationality“, p. 130.
2) „The History of England in the Eighteenth Century“.

данность гонимому католицизму означала вѣрность народному духу. Протестантство появилось въ Ирландіи, какъ религія угнетателей. И преданность ирландскаго народа своей вѣрѣ послужила носителямъ наступательнаго національнаго національнаго новымъ предлогомъ для конфискацій земель и для истребленія населенія. Намѣстникъ Ирландіи лордъ Грэй-де-Вильтонъ донесъ Елизаветѣ, что для усмиренія страны необходимо „магометанское завоеваніе", т. е. истребленіе всѣхъ, не желающихъ перейти въ протестантство. И именно этотъ лордъ выведенъ въ поэмѣ Спенсера „The Faery Queene", какъ идеалъ справедливости. Намѣстникъ, подъ предлогомъ введенія протестантства, предлагалъ истребить цѣлую націю. Передъ нами „наступательный національнаго ni", не считающійся ни съ чѣмъ. То, о чемъ націоналисты на континентѣ только мечтаютъ, лордъ Грэй осуществлялъ. „Вся провинція Мёнстера была опустошена совершенно,—пишетъ историкъ.—Подъ ударами англійскихъ сабель пали гекатомбы безпомощныхъ жертвъ: старики, немощные, слѣпцы, молодыя матери съ грудными младенцами въ рукахъ. И, хотя подробности забыты, память, въ видѣ смутнаго ужаса, сохранилась до сихъ поръ". „Наступательный національнаго national" призвалъ голодъ на помощь мечу. „Въ 1582 году нѣкій сэръ Уорхэмъ Сентлэджеръ доносилъ королевѣ Елизаветѣ, что его друзья, истребивъ огнемъ нивы, уморили въ шесть мѣсяцевъ въ провинціи Мёнстеръ *тридцать тысячъ* мятежниковъ",—пишетъ сэръ Чарльзъ Брюсъ, авторъ статьи объ Ирландіи въ Britisch Empire Review. Доноситель ждалъ себѣ награды. Въ сѣверной Ирландіи населеніе оказало болѣе сильное сопротивленіе, чѣмъ въ провинціи Мёнстеръ. Елизавета сперва подослала убійцъ къ наиболѣе сильному вождю Шэну О'Нейлю. Затѣмъ англійскія войска разбили близъ Кинсэля соединившихся вождей Хью О'Нейля и Хью О'Доннелля. Послѣднему удалось бѣжать въ Испанію, гдѣ онъ сталъ собирать войска. Агентъ англійскаго правительства отравилъ О'Доннелля, и докладъ объ этомъ найденъ среди тайныхъ государственныхъ бумагъ. Графъ О'Нейлль подчинился; но противъ него и противъ наслѣдника графа О'Доннелля при Яковѣ I поднято было дѣло о государственной измѣнѣ. Оба графа бѣжали за-границу.

„Наступательный національнаго national" создаетъ свою антитезу, т. е. „національнаго оборонительный". „Кажется прямо удивительнымъ, что раса, которую истребляли огнемъ, мечемъ и голодомъ, выжила,—пишетъ лордъ Дёнрэйвенъ.—Совершенно непонятно, какимъ образомъ опустошаемыя провинціи оправлялись. Раса не погибла и ирландцы выжили, не смотря на жестокія гоненія. Какъ только завоеватели ушли, оставшіеся въ живыхъ крестьяне выбрались изъ лѣсовъ и пещеръ и принялись обрабатывать землю. Живучесть и настойчивость народа прямо граничатъ съ чудомъ. Побѣдители пытались

вырѣзать все населеніе, но это не удалось" [1]). Память о томъ, какъ „наступательный національзмъ" примѣнялся въ Мёнстерѣ и Ольстерѣ, сохранилась до нашихъ дней. Вообще великія преступленія подобнаго рода забываются, когда условія мѣняются; но англичане сдѣлали все, чтобы страшная память о „завоеваніи" не растаяла. И главной причиной, почему это случилось, является конфискація земли. Въ свое время Шотландія тоже сильно пострадала отъ англичанъ, хотя не въ такой степени, какъ Ирландія. Завоеватели вторгались и въ Англію, выжигая нивы и города, истребляя населеніе. Норманы тоже конфисковали земли, но не всѣ. Отобранныя земли не были отданы націи, чуждой по религіи и языку. Ими не надѣлили, наконецъ, простыхъ авантюристовъ, какъ это было въ Ирландіи. Подчиненіе туземнаго населенія вело за собою конфискацію *всей* земли, т. е. превращеніе ея изъ общинной собственности въ государственную. Вмѣсто одного собственника—народа, явился другой—корона. Это значило: введеніе шерифовъ, сборщиковъ феодальныхъ податей и налоговъ; окончательную отмѣну законовъ *брэоновъ* [2]), уничтоженіе „tanistry", т. е. обычая выбирать всѣмъ кланомъ вождя, распредѣляющаго земельные душевые надѣлы. Уничтожались навсегда всѣ привилегіи народа, всѣ обычаи, съ которыми тотъ сросся. Наступательный національзмъ не считался ни съ чувствомъ, ни съ благосостояніемъ подчиненнаго народа. Прежде каждый родовичъ зналъ только выборнаго вождя клана, права котораго были точно опредѣлены и ограничены обычаями и законами брэоновъ. Побѣдитель поставилъ вмѣсто этого вождя неизвѣстнаго землевладѣльца, устанавливающаго ренту по своему усмотрѣнію. Родовичъ потерялъ всѣ свои привилегіи и всякое право на землю".

„Земля всегда была страстью ирландцевъ, — говоритъ лордъ Дёнрэйвенъ.—Крестьяне безумно любили ее. Когда же начался процессъ конфискаціи, *всѣхъ* туземцевъ прогнали, оставивъ только немногихъ, которые нужны были завоевателямъ, какъ чернорабочіе. Земли отданы новымъ владѣльцамъ, чуждымъ прежнимъ по языку, вѣрѣ, обычаямъ, законамъ. Прямой цѣлью войны было истребленіе расы съ корнями и отнятіе всей земли.

---

[1]) Lord Dunraven, „The Legacy of Past Years", p. 33.

[2]) Законами брэоновъ (Brehon Laws) англичане называли всю систему юриспруденціи, существовавшую въ Ирландіи до XVII вѣка. „Брэонами" (точнѣе „breitheamhuin") назывались наслѣдственные судьи ирландскихъ клановъ. „Брэоны" судили и мирили на открытомъ воздухѣ, на вершинѣ холма или на пригоркѣ. Англійскіе писатели XVI вѣка, говоря о Brehon Eaws, называютъ ихъ „угодными человѣку", но „противными Богу и общему понятію о законности". Главнымъ образомъ при этомъ англійскіе писатели имѣли въ виду то, что убійство у ирландцевъ каралось не смертью по принципу „жизнь за жизнь", а вирой (eric). Законы брэоновъ уже въ XV вѣкѣ составляли писанный кодексъ.

Въ результатѣ явился оборонительный національзмъ, имѣвшій цѣлью борьбу за расу, за землю и за вѣру.

При Яковѣ I наступательный національзмъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ: заведены были, такъ называемыя, „поселенія въ Ольстерѣ“ (Plantation of Ulster). Земля была уже отобрана и отдана англійскимъ помѣщикамъ; но крестьянами фермерами были еще ирландцы. И носители наступательнаго національзма рѣшили прогнать изъ Ольстера всѣхъ фермеровъ ирландцевъ и замѣнить ихъ шотландцами и англичанами. Когда въ 1641 году началась въ Англіи гражданская война, фермеры въ Ирландіи возстали, чтобы отнять землю, принадлежавшую ихъ отцамъ, у англійскихъ переселенцевъ. Возставшіе подожгли фермы. Кое-гдѣ были и убійства. Переселенцы тоже соединились и сторицей платили повстанцамъ. И такъ шли дѣла нѣсколько лѣтъ. Въ 1648 году парламентскія войска нанесли окончательный ударъ арміи короля. Карлъ I былъ выданъ, арестованъ, осужденъ и казненъ, а 15 августа 1649 года Кромвель со своими мятежниками высадился на ирландскій берегъ, чтобы подавить здѣсь мятежъ. Усмиреніе Ирландіи продолжалось три года и представляетъ одну изъ самыхъ ужасныхъ страницъ въ липкой отъ человѣческой крови всеобщей исторіи наступательнаго національзма. „Я не намѣренъ анализировать характеръ такого замѣчательнаго человѣка, какъ Кромвель,—говоритъ лордъ Дёнрэйвенъ.—Въ Ирландіи онъ продолжалъ дѣло, начатое его предшественниками, примѣняя ихъ же методы. Въ одномъ отношеніи онъ былъ гуманнѣе усмирителей, посланныхъ Елизаветой и Карломъ I. Кромвель держалъ своихъ солдатъ въ строгой дисциплинѣ и до извѣстной степени помнилъ, что ирландцы тоже люди, если только дѣло не касалось его религіозныхъ убѣжденій. Какъ только Кромвель высадился, онъ запретилъ солдатамъ грабить населеніе и насиловать; но, если онъ останавливалъ сперва насиліе и жестокость *въ единичныхъ* случаяхъ, онъ примѣнялъ ихъ потомъ въ широкихъ размѣрахъ, какъ месть. Кромвель былъ фанатикъ, какъ Филиппъ испанскій. Оба были убѣждены, что Богъ послалъ ихъ на землю съ опредѣленной миссіей и оба съ необыкновенной жестокостью выполняли ее. Филиппъ вѣрилъ, что его предназначеніе— раздавить протестантство и черезъ своего исполнителя, герцога Альбу, залилъ Нидерланды рѣками крови. Кромвель думалъ, что Господь послалъ его на землю искоренить папизмъ и, выполняя свою миссію, не останавливался ни передъ чѣмъ. Въ исторіи нѣтъ болѣе кровавыхъ страницъ, чѣмъ осада и взятіе Дрохеды, Уексфорда и др. городовъ. Цѣлыя области были истреблены огнемъ, мечемъ и голодомъ. Результатомъ безстрашнаго примѣненія политики наступательнаго національзма было то, что въ 1652 году *половина* населенія Ирландіи погибла. Голодъ свирѣпствовалъ всюду. До начала усмиренія деревенскій инвентарь оцѣнивался въ 4 мил. ф. ст., а къ концу 1652 года только 500.000 ф. ст. Рожь стоила до усми-

ренія 12 шиллинговъ за бушель, а въ 1652 году—50 шиллинговъ. Можно было проѣхать тридцать миль, не встрѣтивъ слѣда человѣческой жизни. Волки, питавшіеся человѣческимъ мясомъ, размножились и стали до такой степени смѣлы, что забѣгали даже въ Дублинъ. Умирающему отъ голода населенію разрѣшено было оставить островъ. Этимъ воспользовались около 40 тысячъ человѣкъ, но судьба ихъ была крайне плачевна. По приказанію лорда-протектора тысячи молодыхъ ирландцевъ обоего пола были отправлены въ Вестъ-Индію и проданы тамъ на плантаціи". И, читая про все это, мы не знаемъ, чему болѣе удивляться: жестокости ли людей, ослѣпленныхъ религіознымъ фанатизмомъ и идеями наступательнаго національзма, или живучести преслѣдуемыхъ? [1]).

III.

Кромвель, убѣдившись, что нельзя истребить всѣхъ ирландцевъ до послѣдняго человѣка, велѣлъ имъ всѣмъ очистить провинціи Ольстеръ, Ленстеръ и Менстеръ (за исключеніемъ графства Клэйръ). Все католическое населеніе было прогнано за рѣку Шанонъ и скучено въ болотахъ и горахъ провинціи Коннотъ (Connaught). Ирландцы во время гражданской войны поддерживали Карла I и тѣмъ не менѣе во время реставраціи сынъ Карла I подтвердилъ всѣ распоряженія Кромвеля относительно завоеванной страны.

Кромвель, какъ Елизавета и Яковъ I, имѣлъ въ виду прежде всего конфискацію земли. До гражданской войны ирландцы имѣли въ десять разъ больше земли, чѣмъ всѣ англійскіе переселенцы. Послѣ Кромвеля въ рукахъ у англичанъ оказалось 4/5 всей земли вообще и 2/3 всей земли, годной для обработки. Такимъ образомъ закончилось второе выступленіе, имѣвшее цѣлью поголовное истребленіе всего туземнаго населенія. Какъ и при Елизаветѣ, при Кромвелѣ „наступательный національзмъ" не остановился передъ грабежомъ, изнасилованіями, пожарами и массовыми убійствами. И, не смотря на все это, второе выступленіе кончилось такою же неудачею, какъ и первое. Оборонительный національзмъ, не смотря на то, что въ его распоряженіи только пассивныя средства сопротивленія, безко-

[1]) „Кромвель переправился черезъ каналъ св. Георга, какъ носитель мести, — пишетъ извѣстный англійскій священникъ Сильвестръ Хорнъ въ предисловіи къ книжкѣ „Home Rule or Rome Rule". Диссентерамъ въ особенности печально то, что парламентъ далъ страшную миссію именно такому человѣку, который былъ настолько геніаленъ, что могъ бы проявить толерантность, и настолько уменъ, что могъ бы оцѣнить положеніе дѣлъ. Исполненіе миссіи сдѣлало Кромвеля навсегда ненавистнымъ ирландцамъ. „Усмиреніе" на нѣсколько вѣковъ запутало ирландскій вопросъ... Сверженіе монархіи принесло Англіи и даже Шотландіи свободу и благоденствіе, тогда какъ Ирландіи республика дала только миръ и спокойствіе могилы".

нечно сильнѣе націонализма наступательнаго, могущаго примѣнять и „на законномъ основаніи", самыя страшныя преступленія, какія только вѣдомы человѣчеству.

Ирландская раса выжила и послѣ Кромвеля, какъ выжила послѣ гоненій при Елизаветѣ, но обильное кровопусканіе страшно ослабило націю. Большая часть населенія удалилась въ наиболѣе дикіе углы острова; остальные жили на землѣ, нѣкогда принадлежавшей имъ, почти какъ крѣпостные. Связующимъ звеномъ осталась религія, затѣмъ—традиція, любовь и уваженіе къ своей старой культурѣ. Все это безжалостно преслѣдовалось. Народные учителя, священники, вышедшіе изъ крестьянъ, и, отчасти, епископы, поддерживали духъ побѣжденнаго народа. Тогда англичане назначили на нихъ охоту, какъ на лисицъ. На народныхъ учителей и на священниковъ устраивались облавы, какъ на волковъ. Ихъ преслѣдовали, ловили въ пещерахъ, гдѣ они укрывались, предавали пыткамъ, казнили. Но ирландскій народъ сохранилъ свою культуру. Оборотельный націонализмъ тѣмъ крѣпче, чѣмъ сильнѣе преслѣдованіе. И удивительно то, что онъ захватываетъ преслѣдователей. Ничего нѣтъ болѣе удивительнаго въ исторіи, какъ живучесть ирландскаго народа и его сила ассимилировать, — говоритъ авторъ труда „A Hundred Years of Irish History".—Немногіе ирландцы жили среди англійскихъ переселенцевъ, но тѣмъ не менѣе послѣдніе быстро перенимали ирландскую культуру. Черезъ короткое время переселенцы становились ирландцами. Провинція Мёнстеръ, напр., была сплошь заселена солдатами-пуританами. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомки этихъ латниковъ Кромвеля сражались за католическаго короля Якова II. Лучшими хранителями культуры побѣжденнаго народа являются женщины. Онѣ—великіе ассимиляторы. Точно такъ, какъ весталки поддерживали неугасимый огонь, женщины побѣжденнаго народа блюдутъ неугасимую лампаду его духа... Мы видѣли, что наступательный націонализмъ замѣтилъ опасность, грозящую усмирителямъ отъ смѣшанныхъ браковъ. Въ царствованіе Эдуарда III (XIV вѣка) изданъ былъ законъ, въ силу котораго каждый англичанинъ, женившійся на ирландкѣ, подлежалъ мучительной карѣ: ему живому выпускали внутренности, а затѣмъ вѣшали. Имущество же его поступало въ казну. Но и этотъ свирѣпый законъ не остановилъ процесса ассимиляціи. Кромвелевскіе офицеры подали лорду-протектору петицію, въ которой говорятъ, что потомки англичанъ, явившихся при Елизаветѣ завоевывать островъ, „поирландились до такой степени, что впали въ идолопоклонство" (т. е. стали католиками). Въ ирландскомъ возстаніи 1641 года принимали участіе многіе потомки англійскихъ усмирителей. Я упомянулъ уже выше про знаменитаго поэта елизаветинской эпохи Спенсера, воспѣвавшаго усмирителя Ирландіи лорда Грэя де Уильтона. Внукъ Спенсера былъ арестованъ Кромвелемъ и казненъ, какъ ирландецъ и папистъ. Кромвель поселилъ въ Ирландіи своихъ солдатъ въ 1650

году. Въ 1690 году намѣстникъ доносилъ въ Лондонъ, что „многіе потомки солдатъ-пуританъ не знаютъ уже ни слова по-англійски“. Перваго іюля 1690 года въ трехъ миляхъ отъ Дрохеды на берегахъ Бойны произошла знаменитая битва между ирландцами, поддерживавшими Якова II, и войсками Вильгельма III. Эта битва, кончившаяся страшнымъ пораженіемъ папистовъ, до сихъ поръ является боевымъ кличемъ оранжистовъ. Многіе солдаты изъ арміи побѣдителя получили земли и остались въ Ольстерѣ. Черезъ семь лѣтъ намѣстникъ доносилъ что эти засельщики „начинаютъ забывать англійскій языкъ и впадаютъ въ папизмъ“.

Такимъ образомъ мы видимъ слѣдующее. Англійское правительство, преслѣдуя политику наступательнаго націонализма, хотѣло или обратить ирландцевъ въ протестантство и англичанъ, или истребить расу. И, не смотря на то, что правительство не останавливалось рѣшительно ни передъ чѣмъ, пассивное сопротивленіе оборонительнаго націонализма было такъ сильно. что не только раса выжила, но даже многіе представители господствующей народности поирландились. У нихъ явились свои интересы, другіе, чѣмъ у англичанъ, но родственные ирландцамъ. При Яковѣ II возникъ ирландскій парламентъ, почти всѣ члены котораго были католики. Такъ какъ католическая религія подвергалась втеченіе ста пятидесяти лѣтъ всевозможнымъ преслѣдованіямъ, то первымъ закономъ парламента было признаніе полной свободы совѣсти. Тотъ же парламентъ выработалъ особый законопроектъ (Act of attainder), чтобы возвратить прежнимъ владѣльцамъ земли, конфискованныя Кромвелемъ и розданныя англичанамъ. Парламентъ жилъ не долго. Въ 1690 году войска Якова II были разбиты при Бойнѣ и, такимъ образомъ, конфискованныя земли остались въ рукахъ усмирителей. Война не кончилась битвой при Бойнѣ. За нею послѣдовала осада Лимерика, завершившаяся договоромъ, который гарантировалъ религіозную свободу католикамъ, если они сложатъ ружіе. Наступательный націонализмъ вообще признаетъ, что договоры и присяги обязательны только для одной стороны, а именно для подчиненной народности. Господствующая же народность не должна считать себя связанной даже самыми торжественными клятвами. Исходя изъ этого положенія, находящаго многочисленныхъ защитниковъ и теперь,—англичане безсовѣстно нарушили лимерикскій договоръ и издали для Ирландіи особый кодексъ уголовныхъ законовъ (Penal Code).

„Карательные законы были направлены противъ католической религіи, но ударъ падалъ не только на нее, но и на всю расу, исповѣдующую католичество,—говоритъ лордъ Дёнрэйвенъ.—Законы карали не католицизмъ, бывшій религіей большинства ирландцевъ, но большинство ирландцевъ, которое исповѣдывало католицизмъ“ [1].

---

[1]) Lord Dunraven, „Legacy Past Years“, p. 129.

Уголовный кодексъ вошелъ въ силу при Вильгельмѣ III, немедленно послѣ второй революціи. При Аннѣ и при двухъ Георгахъ къ кодексу были прибавлены еще новые суровые законы. Католикамъ воспрещено было участіе въ мѣстномъ самоуправленіи; имъ закрытъ былъ доступъ въ офицерскіе чины, въ магистратуру и адвокатскую корпорацію. Католики не могли быть судьями, присяжными, шерифами, нотаріусами, почетными членами какой-нибудь корпораціи. Право ирландцевъ заниматься торговлей было ограничено. Католикъ не могъ ни купить землю, ни получить ее въ даръ отъ протестанта, но имѣлъ право взять ее въ аренду на извѣстный срокъ. Законъ указывалъ католику, какъ онъ долженъ рсапорядиться въ своемъ завѣщаніи земельной собственностью. Землю надо было раздѣлить поровну между всѣми сыновьями; но если старшій принималъ протестантство, то все наслѣдство доставалось ему. Каждый протестантъ, донесшій на католика, неправильно владѣющаго землей, становился собственникомъ ея. Католикъ не имѣетъ права имѣть коня дороже пяти ф. ст. Въ противномъ случаѣ любой протестантъ можетъ взять себѣ этого коня, уплативъ владѣльцу только пять фунтовъ. Протестантка, выходящая замужъ за католика, теряетъ землю, если владѣла ею раньше. Бракъ католика и протестантки, заключенный только католическимъ священникомъ, недѣйствителенъ. Если жена, сынъ или дочь католика переходятъ въ протестантство, то мужъ или отецъ теряютъ надъ ними всякій контроль. Канцлеръ вмѣшивается немедленно и указываетъ, какая часть состоянія мужа или отца должна перейти къ новообращенному. Опекунами несовершеннолѣтнихъ католиковъ могутъ быть только протестанты. Доступъ въ среднія школы и университеты былъ закрытъ для дѣтей католиковъ. Уголовный кодексъ не ограничивалъ свободу передвиженія католиковъ, но за то воспрещалъ имъ посылать за-границу своихъ дѣтей для обученія.

Цѣлью всѣхъ этихъ законовъ было поставить католиковъ въ такое невозможное положеніе, чтобы часть ихъ умерла, другая выселилась, а остальные приняли бы протестанство. По разсчетамъ наступательнаго національнаго націонализма преслѣдуемые должны пойти въ сторону наименьшаго сопротивленія, т. е. отказаться отъ своей народности. Но оборонительный національнализмъ наростаетъ по мѣрѣ преслѣдованія. Даже тѣ ирландцы, которые подпали подъ вліяніе деистовъ и относились отрицательно къ обрядовой религіи, не захотѣли, когда начались преслѣдованія католицизма, перейти въ лагерь торжествующихъ, а столпились вокругъ гонимыхъ священниковъ и епископовъ. Своимъ поощреніемъ ренегатства наступательный національнализмъ заставилъ многихъ ирландскихъ дворянъ (единственные представители тогдашней интеллигенціи) эмигрировать, многіе забились въ щели; но только единицы отреклись

отъ своей національности. И эти ренегаты становились наиболѣе жестокими и наиболѣе безсовѣстными насадителями политики наступательнаго національзма.

„Безправное католическое населеніе (т. е. массы),—говоритъ одинъ авторъ—ограниченное въ средствахъ къ существованію, отрѣзанное отъ источниковъ знанія, потеряло, вмѣстѣ съ независимостью, самоуваженіе. Оно привыкло къ обману и хитрости, какъ къ орудіямъ борьбы за существованіе“ [1]). Эдмундъ Бёркъ подробно описываетъ „раззорившую и унизившую цѣлый народъ“ ирландскую административную машину, „придуманную дьявольской хитростью человѣка“.

Мы видѣли, что разсчеты изобрѣтателей этой „дьявольской административной машины“ не оправдались: не смотря на всѣ гоненія, ирландцы не стали англичанами. За то получились другіе результаты. Извѣстная часть англичанъ, живущихъ въ Ирландіи, видя преслѣдованія цѣлой народности, привыкла смотрѣть на себя, какъ на высшую расу, которая должна обладать особыми, исключительными правами, не признаваемыми современными демократіями. Тѣ потомки „усмирителей“, которые не „поирландились“, привыкли считать католиковъ низшей расой, а ихъ притязанія на общія человѣческія права—неслыханной наглостью и безпримѣрной дерзостью. Носители наступательнаго національзма „учили протестантовъ, что они принадлежатъ къ высшему классу, историческая миссія котораго властвовать. Уголовный кодексъ разорилъ католиковъ и деморализовалъ протестантовъ“ [2]).

„Въ Ирландіи судьба поставила рядомъ два народа, разные по языку, происхожденію, традиціямъ, религіи и симпатіямъ, — говоритъ Лекки въ упомянутой уже книгѣ „Leaders of Public Opinion in Ireland“. — И уголовный кодексъ сдѣлалъ все, чтобы вырыть глубже пропасть, раздѣляющую народы, и чтобы надѣлить господствующую національность пороками монополистовъ, а подчиненную національность пороками рабовъ“. „Цѣлью уголовнаго кодекса было не только втоптать въ грязь цѣлый народъ, разорить его и вытравить изъ души его всякую предпріимчивость, но также вырыть пропасть между католиками и протестантами, — говоритъ англійскій историкъ Froude. — И все это было достигнуто... Уголовный кодексъ оставилъ глубокій отпечатокъ на характерѣ народа. Наиболѣе отрицательныя черты этого характера являются прямымъ послѣдствіемъ кодекса“.

Когда нормальный человѣкъ видитъ, что въ его присутствіи избиваютъ связанныхъ и безащитныхъ людей, у него естественно является стремленіе остановить кулачную расправу. Если же человѣкъ видитъ постоянно такую расправу и спокойно относится къ

---

1) Lecky „Leaders of Public Opinion in Ireland“.
2) Lord Dunraven, „Legacy of the Past“.

ней, какъ къ явленію естественному, то это свидѣтельствуетъ уже о моральной анестезіи, хотя бы зритель и не принималъ самъ никакого участья въ избіеніи. У самаго добраго человѣка невольно создается тогда такая психологія: „Такихъ-то бьютъ; значитъ, они, какъ низшая раса, созданы на то, чтобы ихъ били. Меня, конечно, бить не посмѣютъ!" Помните ли вы тургеневскаго помѣщика Мардарія Аполлоновича Стегунова? То былъ добродушный старичокъ, большой хлѣбосолъ. И вотъ, угощая автора „Записокъ Охотника", старичокъ сталъ прислушиваться къ звукамъ мѣрныхъ и частыхъ ударовъ, раздававшихся въ направленіи конюшни Мардарій Ивановичъ поставилъ блюдечко на столъ и „произнесъ съ добрѣйшей улыбкой и какъ бы невольно вторя ударамъ:

— Чюки-чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ! Чюки-чюкъ!" „Тамъ, по моему приказу, шалунишку наказываютъ... Васю буфетчика изволите знать?"

Добродушный помѣщикъ, видя, что бородатыхъ, иногда сѣдоволосыхъ, „шалунишекъ" постоянно дерутъ на конюшнѣ, самъ приказывалъ дѣлать это, хотя, конечно, не былъ извергомъ. Передъ нами только моральная анестезія, явившаяся вслѣдствіе того, что добрый человѣкъ привыкъ смотрѣть на попраніе человѣческой личности, какъ на нѣчто совершенно нормальное. Высокій, статный, красивый полковникъ, выведенный въ посмертномъ разсказѣ Л. Н. Толстого, человѣкъ благородный, мягкій по отношенію къ дочери, отдававшій ей все. И этотъ добрый отецъ и изящный джентельмэнъ самъ распоряжался экзекуціей, когда гоняли солдата татарина за побѣгъ. И когда полковнику показалось, что одинъ изъ солдатъ, жалѣя татарина, „мажетъ" шпицрутеномъ, а не бьетъ изо всей силы, онъ гнѣвно крикнулъ:

— Я тебѣ помажу! Будешь мазать? Будешь?

„И своею сильной рукой въ замшевой перчаткѣ красивый, добродушный полковникъ билъ по лицу испуганнаго, слабосильнаго солдата за то, что онъ недостаточно сильно опустилъ свою палку на красную спину татарина" [1]). Передъ нами еще примѣръ моральной анестезіи вслѣдствіе того, что человѣкъ „привыкъ". Англичане считаютъ, что для удержанія Индіи необходимо пріучить туземцевъ, чтобы они смотрѣли на бѣлыхъ, какъ на полубоговъ. Эта политика проводится необыкновенно прямолинейно; но чиновники-англичане, окружающіе себя въ Индіи для престижа толпой туземныхъ слугъ и требующіе отъ нихъ раболѣпной послушности,—отправляютъ своихъ дѣтей, какъ только имъ минетъ пять лѣтъ, въ Англію. Старый англичанинъ, занимавшій въ Индіи постъ губернатора, объяснилъ мнѣ, что дѣтей отсылаютъ не вслѣдствіе климата, а по совершенно иной причинѣ.

---

[1]) Л. Н. Толстой, „Посмертныя художественныя произведенія". Т. I, стр. 76 (Берлинъ. 1912).

„Мы, требуя раболѣпія, знаемъ, что это необходимо для удержанія Индіи. У насъ ни разу не зарождается мысль, что мы—выше индусовъ. Наши же дѣти, видя отношеніе къ нимъ туземной прислуги, могутъ дѣйствительно счесть себя высшей расой и полубогами, а это было бы ужасно неудобно для нихъ, когда бы имъ пришлось возвратиться въ Англію. Наши дѣти и тамъ склонны были бы считать себя представителями высшей расы. Вотъ почему мы никогда не воспитываемъ нашихъ дѣтей въ Индіи“,—объяснялъ мнѣ отставной губернаторъ.

Политика наступательнаго націонализма, лишая преслѣдуемую народность элементарныхъ человѣческихъ правъ, развращаетъ не только ту часть населенія, которае является исполнителями воинственной политики, но и тѣхъ, которые остаются лишь простыми зрителями. Созерцаніе безправія порождаетъ моральную анестезію. Въ особенности это относится къ подростающему поколѣнію. Между прочимъ, въ этомъ убѣдились англичане въ Ирландіи.

IV.

Мнѣ не разъ приходилось говорить на страницахъ „*Русскаго Богатства*“ о прошлыхъ бѣдствіяхъ ирландскаго народа, поэтому не стану повторять здѣсь, какъ Англія систематически душила промышленность Эрина. Моей задачей является схема наростанія и ослабленія *наступательнаго націонализма.* Проводя его послѣдовательно можно добиться, что національности въ данномъ государствѣ, или въ одной только провинціи, будутъ держаться обособленно, какъ масло и вода въ стаканѣ. Можно добиться того, что подчиненная національность будетъ разорена, унижена и озлоблена, а у господствующей появится полная моральная анестезія. Наступательный націонализмъ можетъ разрѣшить далѣе себѣ такую роскошь, какъ мобилизація всей администраціи и суда съ цѣлью запрещенія подчиненной національности писать свои имена такъ, а не иначе. Уголовный кодексъ запрещалъ, между прочимъ, ирландцамъ прибавлять къ своей фамиліи префиксъ О'. Такимъ образомъ, О'Доннель, О'Брайенъ, О'Конноръ превратились просто въ Доннеля, Брайена и Коннора. Зачѣмъ это понадобилось? Передъ нами одно изъ проявленій политическаго озорства, въ которое неизмѣнно вырождается наступательный націонализмъ. „Ирландцы любятъ прибавлять префиксъ О' къ своей фамиліи, *поэтому* именно надо запретить“, разсуждали администраторы, проводившіе политику наступательнаго націонализма. Итакъ, наступательный націонализмъ въ состояніи вогнать клинъ между національностями, имѣющими общую родину. Но экономическая жизнь каждаго государства до такой степени сложна, что преслѣдованія одной части населенія отражаются и на другой. Наступательный націонализмъ хотѣлъ

только разорить ирландцевъ, а политика его отразилась на интересахъ и господствующей народности. Общность экономическихъ интересовъ заставила многихъ англичанъ, жившихъ въ Ирландіи, соединиться съ кореннымъ населеніемъ. „Протестанты соединяются съ папистами,—вопилъ въ XVIII вѣкѣ архіепископъ Бётлеръ.

— Прощай теперь англійскіе интересы!

Отъ преслѣдованія папистовъ, такъ страдали протестанты, что ирландскій парламентъ, состоявшій только изъ протестантовъ, началъ отмѣнять многіе законы уголовнаго кодекса.

Знаменитый ирландскій государственный дѣятель Генри Граттанъ (протестантъ), доказывая въ 1780 году необходимость возстановленія полномочнаго парламента, въ которомъ участвовали бы выборные отъ *всего* населенія,—сказалъ: „Великобританія никогда не будетъ великой націей, покуда въ одномъ изъ соединенныхъ королевствъ существуетъ уголовный кодексъ съ несправедливыми законами. Нація не можетъ быть сильна, если часть ея лишена политическихъ правъ. Моимъ идеаломъ является благоденствіе не одной лишь протестантской колоніи въ Ирландіи, но всей націи". Мы видѣли, что парламентъ существовалъ въ Ирландіи уже много вѣковъ назадъ; но англійское правительство пользовалось каждымъ предлогомъ, чтобы ограничить его полномочія. Мы видѣли, какъ ирландскій парламентъ былъ „разъясненъ" намѣстникомъ Пойнингсомъ въ томъ смыслѣ, что изъ законодательнаго собранія превратился въ законосовѣщательное. Парламентъ могъ обсуждать только законы, предложенные вице-королемъ и одобренные Тайнымъ совѣтомъ въ Англіи. Впослѣдствіи, впрочемъ, ирландскому парламенту предоставлено было право намѣчать проекты биллей („Heads of bills", по тогдашней терминологіи); ихъ отправляли тогда въ Англію, разрабатывали тамъ, если это находили надобнымъ и возвращали. Англійскій парламентъ предъявлялъ также требованіе на право вырабатывать законы для Ирландіи, отрицавшей это право. При Георгѣ I (въ 1718 году) это верховное право англійскаго парламента было признано особымъ статутомъ. Администрація подбирала ирландскій парламентъ по своему желанію. Верховная палата состояла вся изъ лордовъ, находившихся на жалованіи у правительства. Одна треть коммонеровъ получала субсидіи и пенсіи отъ правительства или ждала доходныхъ мѣстъ. Эти депутаты, конечно, дѣлали то, что приказывала администрація, „the castle" (коллективное названіе правительственной машины въ Ирландіи). „И все это было! И все это не ново"—говоритъ знающій исторію наступательнаго націонализма въ Ирландіи, когда читаетъ про выборные эксперименты русскихъ администраторовъ. Развѣ только политическаго озорства подпущено больше, чѣмъ въ Ирландіи въ XVIII вѣкѣ. Да, впрочемъ, врядъ-ли.

Въ 1782 году англійское правительство въ моментъ просвѣтлѣнія, убѣдившись, что политика наступательнаго націонализма

сѣетъ только вихрь, возвратила ирландскому парламенту его прежнія права. Возрожденный или граттановскій парламентъ явился результатомъ сознанія, что наступательный національзмъ причиняетъ вредъ и господствующей народности. Первый законъ новаго парламента отмѣнялъ наказаніе за служеніе мессы по католическому обряду. Затѣмъ парламентъ, состоявшій только изъ протестантовъ, послѣдовательно сталъ отмѣнять уголовный кодексъ. Внѣ сомнѣнія, что протестанты, предоставленные себѣ, даровали бы равноправность своимъ католическимъ согражданамъ. Мы видимъ тутъ опять примѣръ того, какъ разныя національности, поселившіяся въ одномъ мѣстѣ и предоставленныя себѣ, стремятся образовать этническую амальгаму, вырабатывающую общую культуру, какъ это уже не разъ бывало въ исторіи и какъ это на нашихъ глазахъ происходитъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Ирландія вздохнула полной грудью во время существованія граттановскаго парламента. Промышленность начала быстро возрождаться, а зіяющія раны стали заживать. Но тутъ начался протестъ противъ „негодной, тошнотворной и недостойной политики приниженія“. Политика наступательнаго національзма принесла свои плоды въ Ирландіи. Въ Ольстерѣ были потомки „усмирителей“, черезъ посредство которыхъ правительство проводило свою политику наступательнаго національзма. Они кормились отъ нея. Уравненіе всего населенія въ правахъ означало бы уничтоженіе доходныхъ мѣстъ съ жирными говядами у протестантскихъ приходовъ, содержимыхъ на счетъ католиковъ. Я не говорю уже объ экономическихъ соображеніяхъ, на которыя указывалъ въ другихъ письмахъ. (Опасеніе, что парламентъ, въ которомъ ирландцы составятъ большинство, отниметъ у помѣщиковъ землю). Затѣмъ въ Ольстерѣ были потомки „усмирителей“, морально отравленные систематическимъ проведеніемъ политики наступательнаго національзма. Они привыкли считать себя высшей расой, „ирландцевъ—низшей національностью, каждому представителю которой отпущено при рожденіи двойная доза первороднаго грѣха“. Въ представленіи этихъ протестантовъ ирландцы—„проклятые Богомъ написты“ и „идолопоклонники“, которыхъ надо вколотить въ лояльность. „Непримиримые“ много кричали про свою преданность протестантской религіи и королю; но лояльность они понимаютъ нѣсколько своебразно. Правда, какъ въ XVIII вѣкѣ, такъ и теперь, ольстерскіе лоялисты каждое засѣданіе начинаютъ пѣніемъ:

God save our gracivus King,
God save our noble King.

Но „лоялисты“ каждый разъ грозятъ мятежомъ, если король поступаетъ не согласно ихъ желаніямъ. Въ 1795 году возникло въ Ольстерѣ патріотическое общество оранжистовъ, первообразъ не одного монархическаго союза, но только болѣе культурный и не-

измѣримо болѣе чистоплотный. Оранжисты имѣютъ цѣлью защиту своихъ интересовъ и „поддержку короля, доколѣ онъ охраняетъ протестантство“. Оранжисты, собственно говоря, составляютъ тайную организацію. Въ нее входили даже боевыя дружины — „Peep-o'-Day Boys“, устраивавшія не разъ католикамъ погромъ. Общество насчитываетъ теперь до 125.000 сочленовъ [1]). И теперь, какъ раньше, новые члены принимаются лишь послѣ тайнаго испытанія. Въ силу странной аберраціи, создаваемой только политикой наступательнаго національнзма, оранжисты, составляющіе сами тайную организацію, обличаютъ ирландскую ложу Ancient Order of Hibernians, представляющую собою теперь только дружественное общество.

„Лоялисты“ начали усиленно агитировать противъ примиренія и за продолженіе политики наступательнаго національнзма. Въ 1801 году ирландскій парламентъ, не смотря на протесты меньшинства, голосовалъ за свое собственное уничтоженіе, за унію. Она явилась результатомъ одного изъ самыхъ безстыдныхъ и откровенныхъ подкуповъ въ исторіи. Въ „Home Rule Handbook“ (стр. 252—257) мы находимъ полный списокъ коммонеровъ и лордовъ, продавшихъ граттановскій парламентъ. Тутъ отмѣчены точныя цифры, полученныя каждымъ за измѣну. Въ спискѣ этомъ 140 человѣкъ. Всѣ они и ихъ потомки явились носителями „наступательнаго національнзма“, доведшаго Ирландію до отчаяннаго положенія. Вотъ что говоритъ въ свое йкнигѣ „Contemporary Ireland“ авторъ, посѣтившій провинцію, гдѣ втеченіе ста лѣтъ политика наступательнаго національнзма проводилась безъ всякихъ колебаній. „Заглянемъ въ деревню... Передъ нами новая церковь и школа съ черной вывѣской. Это—единственныя зданія, къ которымъ слово „домъ“ примѣнимо. Кромѣ нихъ, въ деревнѣ еще около пятидесяти хибарокъ, построенныхъ по одному образцу. Онѣ состоятъ изъ низкихъ, нѣкогда выбѣленныхъ, а теперь покрытыхъ плѣсенью стѣнъ и соломенныхъ крышъ. Гдѣ возможно, хибарка построена на скалѣ, чтобы такимъ образомъ имѣть готовый полъ. Иногда, чтобы упростить постройку, мурья стоитъ прислоненной къ скалѣ, которая въ такомъ случаѣ образуетъ четвертую стѣну. У дверей—неизмѣнная яма съ жидкимъ удобреніемъ, являющаяся вѣчнымъ очагомъ заразы. Въ коттеджѣ такъ темно, что, не смотря на горящій въ очагѣ торфъ, трудно разсмотрѣть что-нибудь. Одинъ уголъ огороженъ и служитъ постелью, въ другомъ, за досчатой перегородкой, жуетъ корова или хрюкаетъ черная свинья. Въ деревнѣ есть лучшіе коттеджи, но есть и худшіе [2]). Я видѣлъ, напримѣръ, мурьи, состоя-

---

[1]) Home Rule Handbook. London. 1912. стр. 165.

[2]) Послѣ 1897 года, т. е. послѣ того, какъ Ирландія получила полное мѣстное самоуправленіе, а въ особенности послѣ ряда законовъ объ улучшеніи жилищъ, все сказанное выше отошло въ область исторіи. Графскіе и городскіе совѣты въ Ирландіи, опираясь на законъ, заставили помѣщиковъ

щія изъ одной комнаты, безъ оконъ и безъ трубы. Въ одномъ приходѣ въ Роскоммонѣ священнникъ сказалъ мнѣ, что въ 900 избахъ изъ 1.100 крестьяне живутъ подъ одной крышей вмѣстѣ со скотомъ. Къ мурьямъ прилегаютъ клочки земли. Тутъ прямо невѣроятная черезполосица. Лютой нищетой вѣетъ отъ этихъ полосокъ, наполовину затопленныхъ водою, окруженныхъ каменной изгородью. Чтобы бороться съ болотной водою, всюду прокопаны канавы, шириною въ ярдъ, окаймленныя валами вычерпнутой грязи. Надо ли говорить, что тутъ невозможна сколько-нибудь разумная форма земледѣлія. Голодъ схватилъ крестьянина за глотку и заставляетъ его конвульсивно биться. Землю обрабатываютъ заступомъ. Удобреніемъ, если ферма находится недалеко отъ моря, служатъ водоросли. Если мы, согласно ученію экономистовъ, опредѣлимъ ренту, какъ часть дохода, остающуюся послѣ того, какъ земледѣлецъ получитъ свою справедливую прибыль, то эта земля не дастъ ренты. А между тѣмъ помѣщикъ за это болото беретъ у фермера отъ 5 шил. до 1 ф. ст. за акръ въ годъ. Очень часто ирландскіе крестьяне за аренду болота въ Коннотѣ платятъ больше помѣщику, чѣмъ фермеры протестанты за пользованіе хорошей землей въ Ольстерѣ. Прибавлю еще, что за копаніе торфа помѣщикъ беретъ особую плату. На берегу моря помѣщикъ беретъ дополнительную плату за разрѣшеніе собирать водоросли, выброшенныя волнами".

V.

Мнѣ не разъ приходилось говорить про судьбу Ирландіи въ XIX вѣкѣ [1]). Я уже выяснялъ, какъ сдѣланы были тогда попытки, имѣвшія цѣлью замирить Ирландію при помощи отмѣны конституціонныхъ гарантій и введенія исключительныхъ законовъ и какъ примѣненіе „coercion acts" вызывало конвульсивныя содроганія, подобныя революціонному движенію сороковыхъ годовъ, феніанству въ шестидесятыхъ годахъ и аграрнымъ бурямъ восьмидесятыхъ годовъ. Мы видѣли уже, что аграрный вопросъ въ Ирландіи созданъ англичанами много вѣковъ назадъ путемъ конфискаціи общинныхъ земель. И, когда во второй половинѣ XIX вѣка земельный вопросъ особенно обострился вслѣдствіе того, что рента страшно поднялась, ирландскіе помѣщики (читатели помнятъ, вѣроятно, еще ихъ происхожденіе) не нашли другого разрѣшенія, кромѣ изгнаній фермеровъ-недоимщиковъ при помощи жандармовъ и солдатъ, прислан-

---

срыть мурьи и выстроить здоровые коттеджи. Послѣ закона о выкупѣ всей земли въ Ирландіи видъ деревень тамъ совершенно измѣнился.

[1]) „Ирландскій ледоходъ" (см. Діонео, „Англійскіе силуэты"); „Смѣна теченій" (Діонео, „Очерки современной Англіи"); „Страница изъ исторіи Ирландіи" (Діонео, „На темы о свободѣ").

ныхъ правительствомъ. Аграрныя преступленія, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы, составленной Чарльсомъ Бехтономъ, возрастали прямо пропорціонально изгнаніямъ фермеровъ.

въ 1877	году	было	изгнаній	463,	аграрныхъ	преступленій	236
1878	„	„	„	980	„	„	301
1879	„	„	„	1.238	„	„	863
1880	„	„	„	2.110	„	„	2.590 [1]).

Поддержка помѣщиковъ при изгнаніи фермеровъ-неплательщиковъ ужасно дорого обходилась правительству и плательщикамъ налоговъ. Членъ парламента Вильямъ Деффи вычислилъ, сколько израсходовано отъ 1879 до 1893 года на то, чтобы помогать только одному помѣщику. „Изъ вотчины Кланрикарда въ графствѣ Голуэй за этотъ періодъ прогнано 238 семействъ, т. е. около 1.500 душъ. Обошлось это вотъ во сколько: 1) Содержаніе полиціи, производившей изгнаніе,—3.199 ф. ст. 6 шил. 4 пенса; 2) Доставка, содержаніе и защита новыхъ фермеровъ—14.225 ф. ст. 8 ш. 6 п.; 3) Стоимость судебныхъ преслѣдованій, порожденныхъ изгнаніями—2.902 ф. ст. 18 ш. 11 пенсовъ; 4) арестъ обвиняемыхъ и доставка ихъ—279 ф. ст. 7 ш.; 5) содержаніе осужденныхъ въ тюрьмѣ—2.013 ф. ст. 13 ш. 3 п.; 6) вознагражденіе пострадавшимъ полисменамъ и агентамъ (blood money)—4.600 ф. ст.; 7) Содержаніе въ рабочемъ домѣ дѣтей и женъ изгнанныхъ фермеровъ—283 ф. ст. 15 шил. Такимъ образомъ на безжалостное [2]) изгнаніе фермеровъ, не могущихъ платить

---

1) C. R. Buxten, „Home Rule Handbook", стр. 59.

2) Слово „безжалостное" не является только риторической фигурой. Вотъ, напр., какъ описываетъ протестантскій священникъ Urquhart изгнаніе, которое онъ наблюдалъ въ 1886 году. „Сегодня утромъ пятьдесятъ полицейскихъ отправились изъ Килларнея, чтобы привести въ исполненіе приговоръ о двухъ изгнаніяхъ. Дѣйствіе происходило въ 8 миляхъ отъ города, въ глухой деревнѣ Каппа, у подножья Мангертонской горы. У фермера Патрика О'Лири, котораго изгнали первымъ девять дѣтей, большею частью все малолѣтки. Жена фермера имѣетъ грудного младенца. Зрѣлище надрывало сердце. Мать и дѣти горько плакали, прося не выгонять ихъ но бэйлифъ (приставъ) сказалъ, что управляющій наказалъ ему ни въ коемъ случаѣ не позволять, чтобы фермеръ даже переночевалъ. Тяжелая сцена стала еще мрачнѣе отъ того, что все время шелъ проливной дождь. Чтобы укрыться отъ него, босоногія дѣти фермера забрались въ канаву, окаймляющую дорогу. Затѣмъ выгнали изъ коттеджа фермера по имени Тимъ Луни. И здѣсь произошла такая же тяжелая сцена, какъ уже описанная. У Луни семеро дѣтей, жена да еще восьмидесятилѣтній отецъ, который только при помощи полицейскихъ могъ выползти на костыляхъ изъ мурьи. Чтобы укрыться отъ дождя, фермеръ тутъ же сложилъ на краю дороги для своихъ дѣтей и старика отца подобіе шалаша". (Rev. j. Urquhart, „The Story of Ireland", 1886. стр. 23). Большинство ирландскихъ революціонеровъ и террористовъ были дѣти изгнанныхъ фермеровъ. Покойный ирландецъ-коммонеръ Майкель Дэвитъ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ съ ужасомъ вспоминалъ тотъ день, когда маленькимъ ребенкомъ стоялъ возлѣ плачущей матери у порога коттеджа, изъ котораго помѣщикъ ихъ выгналъ.

ренту благородному лорду, который не живетъ въ Ирландіи, израсходовано 27.895 ф. ст. 7 шил.“ [1]).

Правительство, наконецъ, убѣдившись, что политика наступательнаго націонализма порождаетъ только невѣроятное озлобленіе страны и разореніе ея, отказалось отъ него. Сперва ирландцы были уравнены въ правахъ съ господствующей національностью, потомъ они получили самое широкое мѣстное самоуправленіе. Затѣмъ былъ произведенъ грандіозный выкупъ земли (операція еще не завершена). И, наконецъ, наступило время сдѣлать послѣдній шагъ для того, чтобы загладить историческія преступленія: пришла пора предоставить самимъ ирландцамъ рѣшеніе собственной судьбы, т. е. созрѣлъ вопросъ о гомрулѣ. Отъ политики наступательнаго націонализма отказались сперва радикалы, а потомъ консерваторы. Интенсивность страстей, порожденныхъ въ Англіи наступательными націоналистами, выцвѣтала послѣдовательно, какъ яркая, но не прочная окраска ткани, оставленной на солнцепекѣ. Въ 1886 году намѣреніе Гладстона дать ирландцамъ гомруль повело къ расколу въ рядахъ либеральной партіи. Много лѣтъ подрядъ консерваторы не знали лучшаго боевого клича противъ либераловъ, какъ: „Радикалы желаютъ разрѣзать національный флагъ!“ (т. е. желаютъ дать Ирландіи самоуправленіе). Въ 1895 году либералы были на десять лѣтъ отодвинуты отъ власти. Причиной отчасти былъ гомруль. Въ тѣ годы достаточно было консерваторамъ крикнуть: „измѣна!“ чтобы многіе гладстоніанцы немедленно отреклись отъ гомруля. „Либералы хотятъ отдать Ирландію папѣ“. Это считалось вполнѣ убѣдительнымъ аргументомъ противъ радикаловъ на выборахъ. И вотъ происходитъ процессъ постепеннаго умиранія наступательнаго націонализма. Юніонисты, выступавшіе противъ гомруля, начинаютъ приходить къ заключенію, что это единственный способъ помирить двѣ національности, которыхъ политика наступательнаго націонализма сдѣлала врагами, что гомруль и совмѣстная для общей родины работа католиковъ и протестантовъ, живущихъ въ Ирландіи, успокоятъ „ощетинившійся“ оборонительный націонализмъ. Объ одномъ изъ этихъ юніонистовъ, о лордѣ Денрэйвенѣ, читатели уже знаютъ. Его книга нѣсколько разъ цитирована въ этомъ письмѣ. Теперь, кромѣ лорда Денрэйвена, мы имѣемъ въ Англіи много юніонистовъ, явно отрекшихся отъ политики наступательнаго націонализма и выступившихъ въ защиту „деволюціи“. Таковъ, напримѣръ, знаменитый джинго сэръ Артуръ Конанъ Дойль, котораго въ Россіи знаютъ, какъ автора *Шерлока Хольмса.* Онъ считается однимъ изъ наиболѣе видныхъ и талантливыхъ защитниковъ имперіализма. Сэръ Артуръ былъ противъ самоуправленія Ирландіи, а теперь смѣло заявляетъ, что жизнь его переубѣдила и что онъ,

---

[1]) „Glasgow Herald“, March 16, 1907.

продолжая быть юніонистомъ, сталъ гомрулеромъ. „Меня убѣдилъ успѣхъ самоуправленія въ Южной Африкѣ,—пишетъ Конанъ Дойль. Національная вражда въ Ирландіи ничтожна въ сравненіи съ той бурной ненавистью, которую питали другъ къ другу бургеры и англичане послѣ войны". Сэръ Артура поразило, что самоуправленіе, дарованное завоеванными республиками, уничтожило національную рознь. Главнокомандующій союзными войсками противъ Англіи (генералъ Бота) сталъ премьеромъ лояльнаго парламента. Надо дать отдѣльный парламентъ Ирландіи, чтобы сдѣлать націю лояльной не за страхъ, а за совѣсть и, такимъ образомъ, скрѣпить имперію на случай европейскаго Армагеддона, т. е. общей войны,—говоритъ сэръ Артуръ.—Политика наступательнаго національзма, озлобляя подчиненныя народности, является на руку непріятелямъ. Примиреніе всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ имперіи, въ тысячу разъ лучше охраняетъ ее отъ непріятеля, чѣмъ новые армейскіе корпусы или новые *дрэдноуты*,—говоритъ тотъ же авторъ [1]).

Затѣмъ мы видимъ въ рядахъ обращенныхъ юніонистовъ знаменитаго юриста (по мнѣнію англичанъ, онъ даже „the most eminent living jurist") сэра Фредерика Поллока, являющагося большимъ авторитетомъ по вопросамъ конституціоннымъ. И теперь сэръ Фредерикъ, указавъ, что онъ юніонистъ, какъ 25 лѣтъ назадъ,—объявляетъ себя сторонникомъ гомруля. „Четверть вѣка я все ждалъ, что бюрократическая машина въ Ирландіи измѣнится; но все осталось по прежнему, и я усталъ ждать. Я ждалъ также реформы, которая передала бы какому-нибудь институту въ Ирландіи мѣстныя дѣла и облегчила бы такимъ образомъ трудъ британскаго парламента, но тоже не дождался. Быть можетъ, есть что нибудь лучшее, чѣмъ гомруль, но я не знаю... Гомруль *долженъ* придти" [2]). На дняхъ только появился „манифестъ", подписанный такими выдающимися юніонистами, какъ Конанъ-Дойль, Джозефъ Хокинъ, Эдуардъ Дженксъ, лордъ Пирри, сэръ Фредерикъ Поллокъ, Тонмэнъ Мосли и др. „Мы нижеподписавшіеся, бывшіе противъ гладстоновскаго билля о гомрулѣ, пришли теперь къ заключенію, что единственнымъ средствомъ для устраненія опасности, грозящей имперіи вслѣдствіе ненормальныхъ отношеній между Англіей и Ирландіей,—является какая-нибудь форма самоуправленія для послѣдней,—гласитъ „манифестъ".—Продолжительный опытъ убѣдилъ насъ, что громадная, дорого обходящаяся и дающая широкій просторъ для произвола административная машина въ Ирландіи должна быть радикально исправлена внѣ зависимости отъ партійной политики въ Англіи. Мы пришли также къ заключенію, что билль о гомрулѣ,

---

[1]) „Home Rule Notes", December 9, 1911.
[2]) Ib., April 6, 1912.

разсматриваемый теперь парламентомъ,—хорошая и честная реформа, а потому долженъ стать закономъ".

Таково мнѣніе явныхъ гомрулеровъ юніонистовъ; но ни для кого не секретъ, что рядомъ съ ними въ консервативной партіи есть *тайные* гомрулеры, не рѣшающіеся высказаться открыто въ силу чисто партійныхъ соображеній. Что касается до населенія Англіи, то вопросъ о гомрулѣ для него пересталъ быть острымъ. Въ Англіи очень мало теперь сторонниковъ политики наступательнаго націонализма. Англичане, хотя и мало знаютъ про то, что дѣлается на континентѣ, но достаточно освѣдомлены о результатахъ, полученныхъ въ государствахъ, проводящихъ ту же политику, отъ которой отказалась Англія послѣ многовѣковаго печальнаго опыта. На дополнительныхъ выборахъ консерваторы нападали на правительство за все, но только не за гомруль. Населеніе Англіи пришло къ заключенію, что гомруль необходимъ; но не такъ думаютъ многіе потомки „усмирителей" Ирландіи. Сцены, происшедшія въ Ольстерѣ въ концѣ сентября этого года, напомнили мнѣ классическій миѳъ. Когда Кадмъ, сынъ Агенора и Телефассы, убилъ дракона, то посѣялъ зубы его, изъ которыхъ выросли злобные, вооруженные съ головы до ногъ спарты. Кадмъ бросилъ въ нихъ камень и спарты перебили другъ друга. Мысль о томъ, что посѣянное зло даетъ обильные всходы, разработана и въ миѳѣ о Тезеѣ. Политика наступательнаго націонализма тоже посѣяла въ Ольстерѣ „драконовы зубы", которые взошли теперь не въ видѣ „спартовъ", а оранжистовъ, грозящихъ правительству бунтомъ. Какъ личинки жука рогача-оленя, „драконовы зубы" могутъ много лѣтъ лежать подъ землей, покуда выберутся на поверхность. „Спарты", выросшіе изъ „драконовыхъ зубовъ", т. е. изъ ошибочной политики, вопятъ теперь: „Если дадите низшей расѣ парламентъ, мы пойдемъ противъ него войной". „Спарты" кричатъ о религіозной нетерпимости „папистовъ" и, чтобы доказать, должно быть, свою собственную толерантность, устраиваютъ въ Бельфастѣ католикамъ погромъ. На патріотическихъ митингахъ оранжистовъ хоромъ исполняются свирѣпыя пѣсни, сложенныя въ XVII вѣкѣ солдатами Кромвеля и Вильгельма III. Такова, напримѣръ, знаменитая пѣсня про Холмъ Долли, у котораго католики были разбиты при Кромвелѣ. Припѣвъ ея таковъ:

The Tune we Played
Was—„Kick the Pope.
Right over
Dolly's brae"

(т. е. „Напѣвъ, который мы играли тогда, былъ: Швырни папу прямо черезъ Холмъ Долли").

VI.

Много вѣковъ тому назадъ жители четырехъ кантоновъ собрались въ долинѣ Рютли, чтобы тамъ клятвою подтвердить свой союзъ. При слабомъ мерцаніи разсвѣта всѣ собравшіеся повторяли вслѣдъ за Ресcельмономъ: „Отнынѣ будемъ мы народомъ братьевъ, ни въ горѣ, ни въ бѣдѣ не разлучимся. Свободны будемъ мы, какъ наши дѣды! Ужъ лучше умереть, чѣмъ жить въ неволѣ" („Вильгельмъ Телль", дѣйствіе II, сц. II).

Ольстерскіе „спарты", выросшіе изъ драконовыхъ зубовъ, видя, что англичане совершенно спокойно относятся къ вопросу о гомрулѣ, т. е. къ окончательной и безповоротной ликвидаціи политики наступательнаго націонализма, тоже рѣшили послѣдовать примѣру жителей четырехъ кантоновъ. Рессельмонъ—сэръ Эдуардъ Карсонъ приказалъ созвать въ Бельфастѣ всѣхъ спартовъ, чтобы тамъ подписать клятвенный уговоръ.

„Eher den Tod, als in der Knechtschaft leben",

клялись швейцарцы.

„Лучше бунтъ, чѣмъ гомруль"!—заявили спарты. Они не противъ самоуправленія вообще, но противъ того, чтобы во главѣ будущаго парламента стояли ирландцы, эти „измѣнники", „бунтовщики", „суевѣрные паписты" и „извѣчные враги Англіи". Другими словами, ольстерцы желали бы имѣть такой парламентъ, въ которомъ, они имѣли бы всегда верхъ, не смотря на то, что составляютъ только 25% всего населенія.

Мельхталь, Баумгартенъ, Винкельридъ, Рессельмонъ и др., когда пробирались горными тропами въ долину Рютли, заботились о томъ, чтобы ихъ не замѣтили. Ольстерцы прибыли въ Бельфастъ въ поѣздахъ, украшенныхъ флагами, при звукѣ музыки и трескѣ холостыхъ выстрѣловъ. Когда же Рессельмонъ—Карсонъ первый сталъ подписывать клятвенный уговоръ, то всю сцену освѣтили спеціально поставленными электрическими фонарями, чтобы воспроизвести ее въ кинематографѣ.

— Я ѣду въ Ирландію, чтобъ нарушить тамъ всѣ законы!—крикнулъ сэръ Эдуардъ Карсонъ на митингѣ знатныхъ дамъ въ Лондонѣ.—Пусть правительство сдѣлаетъ со мною что хочетъ. Я не боюсь этого жалкаго, презрѣннаго сброда оппортюнистовъ, сидящихъ теперь въ парламентѣ!

Прежде, чѣмъ спарты подписали клятвенный уговоръ, они объѣзжали съ большой помпой нѣкоторые города Ольстера.

„Прибытіе въ Портэдаунъ поѣзда съ „генераломъ" Карсономъ было привѣтствовано криками и трескомъ хлопушекъ,—телеграфируетъ кореспондентъ Westminster Gazette.—На платформѣ

собрались члены юніонистскихъ клубовъ и ложъ оранжистовъ. Тутъ же стоялъ „почетный караулъ“ изъ оранжистовъ въ полувоенномъ платьѣ. Сэра Эдуарда Карсона встрѣтили салютомъ и пѣніемъ національнаго гимна. „Генералу“ поднесли адреса. Онъ выразилъ увѣренность, что ольстерцы, „когда придетъ часъ“, принесутъ всякія жертвы. „Сэръ Эдуардъ затѣмъ устроилъ смотръ почетному караулу и, сопровождаемый оранжистами и ольстерцами, оставилъ станцію. Карету, въ которую сѣлъ Карсонъ, сопровождалъ почетный вооруженный конвой. То были помѣщики и фермеры“. Въ процессіи участвовали даже „двѣ большія пушки“ и отрядъ сестеръ милосердія съ красными крестами на груди. Знамена и хоругви съ патріотическими надписями, конечно, ужъ не въ счетъ. Когда въ парламентѣ потомъ былъ поднятъ вопросъ о законности такого отряда съ ружьями и пушками, министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ, что англичане имѣютъ право во время манифестаціи одѣвать полувоенный мундиръ и маршировать, если это имъ угодно. Что же касается ружей и пушекъ, то они были *деревянные*, бутафорскіе.

Этотъ отвѣтъ даетъ намъ точное представленіе о значеніи „Ольстерскаго мятежа“. Это революція, организованная искусными режиссерами для кинематографа. Изъ Портэдауна „генералъ“ отправился въ Эннискилленъ, городокъ, извѣстный въ исторіи Ирландіи. Здѣсь протестанты когда-то одержали побѣду надъ католиками. И въ этомъ городкѣ повторились такія же сцены, какъ въ Портэдаунѣ. „Гомруль—наиболѣе зловѣщее посягательство на наши исконныя права,—сказалъ здѣсь сэръ Эдуардъ Карсонъ.—Хотите ли вы, чтобы ваши вожди стояли до послѣдняго за ваши вольности?“

— Да!—крикнули оранжисты.

— Борясь съ гомрулемъ, мы дѣлаемъ лишь то же, что наши предки, когда отстаивали свои права,—продолжалъ Карсонъ. Другой вождь, лордъ Кью Сесиль, чувствовалъ необходимость оправдать какъ-нибудь то, что они, лоялисты, проповѣдуютъ бунтъ. Онъ началъ длинную казуистическую рѣчь на тему: вооруженное сопротивленіе закону будетъ бунтъ, а потому страшное преступленіе, когда это дѣлаютъ другіе; но такъ какъ мы патріоты, лоялисты и защитники государственной церкви, то наше выступленіе, даже съ оружіемъ въ рукахъ противъ закона, хотя бы скрѣпленнаго подписью короля, будетъ только высшимъ проявленіемъ лояльности и патріотизма. Но ольстерцамъ скучно слушать теоретическія разсужденія. „Спарты“ разошлись и собрались только тогда, когда заговорилъ Синклэръ. Тотъ сказалъ, что *всѣ* стоящіе за гомруль—измѣнники, „купленные американскими долларами, собранными Рэдмондомъ“; что ирландцы „чуждая раса“, желающая отдѣлиться отъ Англіи; что „папистовъ“ надо „покропить“ такъ, какъ кропили ихъ картечью при Бойнѣ. *Такія* рѣчи „спарты“ понимаютъ.

Въ Ольстерѣ населеніе не сплошь протестантское [1]). Въ Эннискилленѣ, гдѣ произнесъ свою рѣчь Синклэръ, большинство населенія—католики. „Генералъ“ Карсонъ прибылъ туда съ своей публикой. И надо отмѣтить слѣдующее. Католики, повинуясь точному приказу своихъ вождей, сидѣли смирно по домамъ, ничѣмъ не реагируя на оскорбительныя и вызывающія рѣчи. Съ другой стороны, громилы, примкнувшіе, какъ и полагается, къ „лоялистамъ“, не довольствуясь рѣчами, порывались устроить католикамъ погромъ. Такъ было, напримѣръ, въ Бельфастѣ. „Въ то время, какъ юніонистскій клубъ маршировалъ по улицѣ, нѣкоторые сторонники его напали на дома—телеграфируетъ корреспондентъ Times'а,—кое-какіе дома католиковъ были разгромлены, а имущество разграблено“. (Times, September 19).

И вотъ, наконецъ, состоялась „клятва въ долинѣ Рютли“. Въ Бельфастѣ „спарты“ подписали документъ, украшенный въ лѣвомъ углу окровавленной рукой, поднятой вверхъ.

„Держась по чистой совѣсти убѣжденія, что гомруль будетъ гибеленъ для благосостоянія какъ Ольстера, такъ и всей Ирландіи; что онъ разрушитъ нашу религіозную свободу и гражданскія вольности; что онъ нанесетъ ударъ имперіи,—мы, нижеподписавшіеся ольстерцы, вѣрные подданные всемилостивѣйшаго короля нашего Георга V, уповая на милосерднаго Бога, поддерживавшаго нашихъ предковъ въ трудные дни, симъ клятвеннымъ уговоромъ обѣщаемся въ эту годину бѣдствія стоять другъ за друга, защищать наши права и наше положеніе въ имперіи. *Мы обѣщаемся употребить всѣ необходимыя средства, дабы сокрушить существующій заговоръ съ цѣлью насажденія въ Ирландіи отдѣльнаго парламента.*

„И если, такой парламентъ будетъ введенъ вопреки нашему желанію, мы клятвенно обѣщаемся, что откажемся признать авторитетъ новаго законодательнаго собранія. Уповая, что Господь защититъ наши права, мы скрѣпляемъ клятвенный уговоръ нашею подписью. Боже, храни короля!“

Два года назадъ большинство консервативныхъ газетъ отстаивало „деволюцію“. Тогда въ Times'ѣ, въ Observer'ѣ и въ Daily Telegraph появились статьи, доказывавшія, что самоуправленіе Ирландіи вполнѣ совмѣстимо съ идеей имперіализма. Особенно убѣдительно доказывалъ это Гарвинъ въ Observer'ѣ. Теперь тѣ же газеты изъ-за партійныхъ соображеній привѣтствовали „кляттвенный уговоръ“. Гарвинъ сталъ доказывать немедленно, что ольстерцамъ нечего бояться, такъ какъ правительство

---

[1]) По переписи 1911 года тамъ 690.134 католика, 366.171 послѣдователь англиканской церкви, 421.566 пресвитеріанъ, 48.490 методистовъ и 52.000 послѣдователей другихъ религій и сектъ. Ольстеръ посылаетъ въ парламентъ 33 коммонера, изъ нихъ 16 гомрулеровъ.

не посмѣетъ ихъ преслѣдовать. „Первый арестъ ольстерскаго вождя, первая конфискація имущества ольстерца, отказавшагося платить налоги, первый выстрѣлъ, отъ котораго падетъ хоть бы одинъ лоялистъ, не только превратятъ гомруль въ отвратительную каррикатуру, но вызовутъ такія сцены въ Лондонѣ близъ парламента, какихъ тамъ никогда не бывало“ [1]). Черезъ недѣлю Observer высказался еще болѣе опредѣленно: „Если кабинетъ вздумаетъ принять какія-нибудь репрессивныя мѣры противъ вождей Ольстера, то населеніе Лондона расправится съ министрами по закону Линча“.

Этотъ эпизодъ даетъ читателямъ конкретное представленіе о томъ, что такое свобода сходокъ и печати въ Англіи.

Профессоръ Морганъ, подвергнувъ очень интересному разбору текстъ Ольстерскаго уговора, указалъ, что есть значительная разница между умѣреннымъ, сдержаннымъ языкомъ документа и дикими фразами, встрѣчающимися въ толкованіяхъ сэра Эдуарда Карсона. „Текстъ уговора составленъ опытнымъ юристомъ“, постоянно справлявшимся съ законами о мятежѣ. Въ своихъ комментаріяхъ Карсонъ сказалъ: „мнѣ все равно, представляетъ ли то, что я говорю измѣну или нѣтъ“. Въ своихъ рѣчахъ ораторъ призываетъ нарушить законъ.

Въ документѣ нѣтъ ни слова о нарушеніи *закона*. Дѣло идетъ только о *непризнаваніи* того, что покуда еще не существуетъ. „Документъ замѣчателенъ не столько тѣмъ, что сказано въ немъ, сколько тѣмъ, что не сказано“,—пишетъ профессоръ Морганъ. Въ Times'ѣ, за мѣсяцъ до „клятвы въ Бельфастѣ“, появилось предсказаніе текста уговора. Тогда, безъ сомнѣнія, газета „угадывала“, имѣя уже составленный проектъ; но потомъ сочинителей взяло раздумье: „безопасно ли это?“ „Не будетъ ли документъ принятъ, какъ corpus delicti?“ И вотъ первоначальный текстъ былъ окончательно переработанъ ловкимъ юристомъ. „Въ предсказаніи Times'а, напр., говорится, что ольстерцы дадутъ клятву не платить налоговъ,—пишетъ проф. Морганъ.—Въ *уговорѣ* про это нѣтъ ни слова. Повидимому, опытный юристъ, редактировавшій потомъ текстъ, вспомнилъ „прецедентъ“, когда судья призналъ виновнымъ ирландца за преступный призывъ „уменьшить доходы короля“ путемъ отказа отъ уплаты налоговъ“. Times „предсказывалъ“, что въ *уговорѣ* есть пунктъ о самочинномъ ольстерскомъ парламентѣ. Другими словами, что ольстерцы, въ случаѣ, если введенъ будетъ гомруль, образуютъ временное правительство. Въ окончательной редакціи нѣтъ и намека на это. Повидимому,—строитъ догадки проф. Морганъ,—тотъ же юристъ вспомнилъ другой „прецедентъ“: процессъ ирландскихъ націоналистовъ, обвинявшихся въ намѣреніи образовать временное правительство. Судъ тогда призналъ, что не

---

[1]) Observer, September 22, 1912.

только составленіе такого правительства является государственной измѣной, но также и опубликованіе какихъ-либо документовъ, въ которыхъ содержится такой планъ. Вожди ольстерцовъ говорили про *вооруженное сопротивленіе* правительству, если билль о гомрулѣ станетъ закономъ. Судя по телеграммамъ, помѣщеннымъ въ англійскихъ консервативныхъ газетахъ, „спарты" грозили отправить противъ дублинскаго парламента „армію изъ ста тысячъ лоялистовъ". Въ „уговорѣ" про это—ни звука. „Юристы, составлявшіе уговоръ,—говоритъ проф. Морганъ — лучше, чѣмъ несчастные феніи, знали, что такое „conspiracy". Ораторы-оранжисты не иначе отзывались о нынѣшнемъ кабинетѣ, какъ о „шайкѣ измѣнниковъ". Въ „уговорѣ" такой терминологіи нѣтъ, потому что составитель документа помнитъ другой судебный прецедентъ, когда обвиняемые опять-таки были ирландцы. „Ученый юристъ, вырабатывающій планъ революціи съ уложеніемъ о наказаніяхъ въ рукахъ, конечно, представляетъ собою идеалъ ловкости и увертливости",—говоритъ проф. Морганъ.

VII.

Надобно ли дѣлать выводы изъ предметнаго урока, т. е. изъ того, что и безъ того ясно, какъ небо въ іюльскій день? „Мы первые объявили міру, что не черезъ подавленіе личностей иноплеменныхъ намъ національностей хотимъ мы достигнуть собственнаго преуспѣянія, а, напротивъ, видимъ его лишь въ свободнѣйшемъ и самостоятельнѣйшемъ развитіи всѣхъ другихъ націй и въ братскомъ единеніи съ ними, восполняясь одна другою, прививая къ себѣ ихъ органическія особенности и удѣляя имъ и отъ себя вѣтви для прививки, сообщаясь съ ними душой, учась у нихъ и уча ихъ и такъ до тѣхъ поръ, когда человѣчество, исполнясь міровымъ общеніемъ народовъ до всеобщаго единства, какъ великое и великолѣпное древо осѣнитъ собою счастливую землю" [1]). Такъ говорилъ геніальный писатель, котораго и воинственные націоналисты признаютъ пророкомъ. Къ несчастью, они всюду слѣдуютъ иною стезею въ погонѣ за совершенно иными идеалами. Мы видѣли, какъ Англія, усвоивъ политику наступательнаго національзма для одной окраины, неукоснительно, настойчиво и всемѣрно проводила эту политику втеченіе многихъ вѣковъ. Въ безконечно длинномъ спискѣ суровыхъ мѣръ, придуманныхъ философами и практиками идеи государственной народности, нѣтъ ни одной, даже самой жестокой, которая не была бы испробована въ Ирландіи.

Сторонники наступательнаго національзма рекомендуютъ исклю-

---

[1]) Ѳ. М. Достоевскій. „Дневникъ Писателя". (Полное собраніе сочиненій. Томъ XI. Изданіе 1891 года. Стр. 112).

чительные законы. Списокъ „coercion acts“ (законовъ объ охранномъ положеніи), введенныхъ въ Ирландіи въ XIX вѣкѣ, очень дли-ненъ, какъ убѣдится каждый, справившись съ любымъ пособіемъ. (Напр., „Home Rule Handbook“, 1912, стр. 21). Цѣлая нація взята была подъ надзоръ. Цѣлый народъ огуломъ былъ объявленъ моральнымъ дегенератомъ.

Ограниченіе въ гражданскихъ и политическихъ правахъ? Закрытіе доступа въ школы?

Воспрещеніе цѣлаго ряда занятій? Стѣсненіе свободы передвиженія?

И это было испробовано.

Запрещеніе языка? преслѣдованія за вѣру? облавы на священниковъ? глумленіе надъ ними? Запрещеніе смѣшанныхъ браковъ? Наказанія за ту или другую транскрипцію именъ? Поощреніе ренегатства?

Это тоже было испытано.

Національзація торговли и промышленности?

И это средство было проведено съ необычайной послѣдовательностью втеченіе десяти лѣтъ. Въ ходъ, какъ мы видѣли, пущены были еще конфискація земель и массовыя избіенія. Сюда надо прибавить еще дѣятельность лживой, продажной или неосвѣдомленной печати, находившейся въ рукахъ сторонниковъ наступательнаго національзма. Эта печать систематически клеветала на ирландцевъ и всячески позорила характеръ націи. И что же было получено въ результатѣ? Полное разореніе окраины, отъ котораго пострадали какъ католики, такъ и протестанты, безпрерывныя революціонныя содроганія Ирландіи, окрѣпшій оборонительный національзмъ и черное пятно на репутаціи Англіи. И, когда Великобританія убѣдилась въ этомъ, она отказалась отъ политики наступательнаго національзма. Не смотря на вопли и угрозы „спартовъ“, т. е. тѣхъ немногихъ, которымъ старая политика была выгодна, не только радикалы, но и консерваторы пришли теперь къ заключенію, что наступательный національзмъ, кромѣ бѣдъ, ничего не принесетъ. Мы видѣли, какъ имперіалисты и консерваторы, подобно сэру Артуру Конанъ-Дойлю, лорду Дэнрейвену и сэру Фредерику Поллоку, пораженные успѣхомъ опыта на далекой окраинѣ имперіи (въ Южной Африкѣ), пришли къ выводу, что Ирландіи, въ интересахъ имперіи, необходимо дать отдѣльный парламентъ. Имѣющіе глаза, чтобы видѣть, понимаютъ теперь, кромѣ того, смыслъ трагедіи, происходящей нынѣ на востокѣ. Въ послѣдней книжкѣ „Contemporary Review“ мы находимъ крайне интересную статью сэра Эдвина Пирса *Кризисъ въ Турціи*. Авторъ — большой знатокъ балканскихъ дѣлъ, которыя изучалъ долго. Онъ симпатизируетъ туркамъ и думаетъ, что, если бы не страшная ошибка, которую они сдѣлали въ послѣдніе годы, Турція возродилась бы. Ошибка эта заключалась, по мнѣнію сэра Эдвина въ томъ, что младотурки приняли политику на-

ступательнаго національзма. „Младотурки искренно думали, что необходимо потуречить всѣ національности, входящія въ составъ имперіи, дабы сплотить ихъ въ одну народность“. Но такъ какъ политика наступательнаго національзма въ корнѣ ошибочна, то послѣдствіемъ ея было безжалостное преслѣдованіе оборонительнаго національзма въ Аравіи, Албаніи и Македоніи. Проведеніе политики наступательнаго національзма сопровождается одинаковыми явленіями и даетъ одинаковые результаты, все равно, кто бы ни былъ экспериментаторъ: деспотія ли, нація ли, „посѣдѣвшая въ парламентаризмѣ“, или народъ съ молодой конституціей: взрывъ пороховой бочки происходитъ внѣ зависимости отъ того, поджигаетъ ли фитиль мудрецъ или идіотъ. Политика наступательнаго національзма довела до того, что въ двѣ недѣли рухнула имперія, просуществовавшая въ Европѣ пять вѣковъ.

Англичане понимаютъ значеніе историческихъ фактовъ и умѣютъ связать два явленія закономъ причинности. Ирландіи предоставлено будетъ свободно развиваться. Законы природы сильнѣе тѣхъ законовъ, которые въ своей слѣпотѣ и своемъ недомысліи придумалъ человѣкъ. Въ силу одного изъ такихъ законовъ природы, народности, живущія рядомъ и *предоставленныя себѣ*, стремятся къ этническому амальгамированію. Происходитъ сплавъ расъ, смѣшиваются культуры, мѣняются нравы, создается цивилизація общей родины, — является дѣйствительный патріотизмъ, т. е. стремленіе сдѣлать свою страну самой счастливой, самой свободной, самой зажиточной, самой культурной. И такая свободная и счастливая нація не нуждается въ дурманѣ для того, чтобы грудью защищать свою родину, если въ нее вторгнется непріятель.

Въ нѣмецкой сказкѣ вѣрный Іоганнъ, въ годы великихъ страданій, оковалъ себѣ грудь тремя стальными обручами, чтобы сердце не разорвалось отъ горя. Затѣмъ, когда Іоганнъ опять счастливъ, стальные обручи послѣдовательно лопаются и спадаютъ. Нація, которую преслѣдуютъ, тоже, какъ вѣрный Іоганнъ, сковываетъ себя обручами:—оборонительнымъ національзмомъ. Эти обручи тѣснятъ иногда грудь; но, вѣдь, и вѣрному Іоганну не всегда было удобно. И чѣмъ стремительнѣе натискъ наступательнаго національзма, тѣмъ крѣпче сталь на „обручахъ“. „Обручи“ сами спадутъ при наступленіи нормальныхъ условій.

Діонео.

ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

1. Первоначальныя свѣдѣнія объ исходѣ выборовъ. Черный блокъ въ четвертой Думѣ.—2. Къ положенію думской оппозиціи.—3. „Послѣ выборовъ"

Первыя свѣдѣнія о результатахъ выборовъ, доставленныя главнымъ образомъ „Петербургскимъ Телеграфнымъ Агентствомъ", дали такую картину. Если сохранить дѣленія, существовавшія въ третьей Думѣ: а) *правительственный блокъ* (правые; націоналисты, или умѣренно-правые; октябристы), б) *промежуточныя фракціи* (польское коло и безпартійные), в) *оппозиція* (прогрессисты, мусульманская фракція, к-д., трудовики, с-д.)—то четвертая Дума можетъ казаться довольно точной копіей покойницы. Правительственный блокъ получилъ 294 мѣста (было 279); польское коло утратило 3 мѣста (избрано 14, было 17), безпартійные — 9 мѣстъ (избрано 7, было 16). Слѣдовательно, оппозиціей утрачено всего 3 мѣста. Но, такъ какъ сама правительственная „Россія" признала, что офиціозныя цифры не вполнѣ точны, и „10—15" депутатовъ, объявленныхъ „правыми", вѣроятно, окажутся „лѣвыми", то, стало быть, пріобрѣтенія блока такъ же сомнительны, какъ и потери оппозиціи. Оппозиція не потеряла количества, но при немъ она въ III Думѣ часто играла роль безсильной свидѣтельницы,—въ лучшихъ случаяхъ, протестантки. Блокъ ничего не пріобрѣлъ, но остался хозяиномъ положенія. Что было, то и стало.

Таковъ суммарный итогъ по первоначальнымъ свѣдѣніямъ. На основаніи ихъ не трудно было, впрочемъ, замѣтить и нѣкоторыя перемѣны. Важнѣйшая изъ нихъ—перемѣщеніе внутри блока. Относительное большинство въ немъ—на зарѣ III Думы—принадлежало, какъ извѣстно, октябристамъ (134 мѣста противъ 52 крайнихъ правыхъ и 93 умѣренныхъ правыхъ, переименованныхъ потомъ въ націоналистовъ). Теперь оказывалось, что относительное большинство переходитъ къ крайнему правому крылу, занявшему 140 мѣстъ противъ 75 націоналистовъ и 79 октябристовъ. Цифры какъ будто говорятъ сами за себя. Въ правительственномъ блокѣ октябристы играли роль какъ бы головного мозга. Среди своихъ политическихъ друзей они наиболѣе богаты образованностью, трудоспособностью, подготовленностью къ законодательной работѣ. И, слѣдовательно, блокъ выходитъ изъ избирательной борьбы съ полуразбитой головой, съ растерянными на половину мозгами. Онъ выигралъ въ смыслѣ темперамента: на подмогу гг. Маркову и Пуришкевичу явились гг. Хвостовъ и Барачъ. Но этотъ выигрышъ купленъ цѣною серьезнаго ослабленія интеллекта (и безъ того-то не слишкомъ сильнаго). А затѣмъ голова не только полуразбита, но и приведена въ мало жизненное состояніе. Октябристы потеряли А. И.

Гучкова, растеряли свой центръ. У нихъ уцѣлѣли только фланги— лѣвый, группирующійся возлѣ гг. Хомякова, Алексѣенка, Шидловскаго и правый со своимъ главнокомандующимъ г. М. В. Родзянко. Въ такомъ общипанномъ видѣ фракція жить по прежнему едва ли сможетъ. И газетные оптимисты сразу же стали предсказывать, что правый флангъ октябризма тѣснѣе придвинется къ націоналистамъ, лѣвый, наиболѣе грамотный и прошедшій на нынѣшнихъ выборахъ въ значительной мѣрѣ голосами оппозиціи, отколется въ сторону прогрессистовъ.

Все это казалось бы гораздо правдоподобнѣе, если бы забыть нѣкоторые факты. Втеченіе 5-лѣтнихъ подвиговъ III Думы октябристы систематически таяли; подъ конецъ—въ мартѣ 1911 г.—ихъ центръ, А. И. Гучковъ, самъ вывалился: отправился или былъ отправленъ путешествовать на Дальній Востокъ, а потомъ хотя и вернулся, но къ дѣятельности далеко не столь активной, какъ прежде. И почти всѣ 5 лѣтъ газетные оптимисты предсказывали, что лѣвые октябристы отколются влѣво, порою самъ „Голосъ Москвы" грозилъ переходомъ въ оппозицію. Но октябристы все грозили да грозили, а „курсъ" все правѣлъ да правѣлъ; для такихъ подвиговъ, какъ, напр., финляндскія или холмскія новеллы, уже требовались не мозги, а по преимуществу темпераментъ. Подъ конецъ III Думы октябристы хотя и называли себя „руководящимъ большинствомъ", но гегемонія внутри правительственнаго блока принадлежала гораздо болѣе г. Маркову, чѣмъ г. Шидловскому. И если бы даже первоначальныя свѣдѣнія о результатахъ выборовъ вообще и о перемѣщеніи внутри бывшаго правительственнаго блока въ частности были вѣрны, то они не указывали бы на сколько-нибудь существенную перемѣну:

— Да, партійная группировка въ началѣ четвертой Думы будетъ нѣсколько отличаться отъ того, что было въ концѣ третьей. Но эти отличія совпадаютъ съ естественнымъ развитіемъ политическаго курса, представляютъ дальнѣйшій этапъ въ разъ принятомъ направленіи, существенныхъ измѣненій они не вносятъ.

Но, разумѣется, офиціозныя свѣдѣнія не обнаружили свойствъ, необходимыхъ для сколько-нибудь точнаго учета. При первой возможности провѣрить цифры петербургскаго агентства, ошибка оказалась далеко не на 10—15 человѣкъ, какъ предполагала „Россія". Агентство, видимо, вообще напутало, партійную принадлежность очень многихъ депутатовъ опредѣлило совсѣмъ не такъ, какъ они сами ее опредѣляютъ, а въ частности проявило тенденцію численность „благонадежныхъ" партій преувеличивать, „неблагонадежныхъ"—преуменьшать. Много путаницы внесли и сами избранные. Одни изъ нихъ, изъ страха быть устраненными отъ выборовъ и подвергнуться преслѣдованіямъ, „прикрывались правымъ флагомъ". Другіе опредѣляли себя нѣсколько загадочно или даже двусмысленно. Крестьянскіе депутаты, напр., Кіевской губерніи, если вѣрить га-

зетнымъ сообщеніямъ, говорили о себѣ: „по политикѣ мы правые, а по землѣ лѣвые“. Много, навѣрное, и такихъ депутатовъ, которые просто не могутъ опредѣлить своего образа мыслей, не разобрались еще,—разберутся, „Богъ дастъ“, въ Думѣ. Писали газеты и о такихъ кандидатахъ, которые, баллотируясь въ выборщики, называли себя „лѣвыми“, а на губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ оказывались „правыми“. Возможно, что кое-кто изъ нихъ и въ Думу прошелъ „подъ лѣвымъ флагомъ“...Словомъ, имѣющіяся цифровыя свѣдѣнія не вѣрны ариѳметически. А сверхъ того, они крайне сомнительны и въ смыслѣ методологическомъ.

Г. Пуришкевичъ называетъ себя правымъ. Такъ онъ значится въ агентскихъ спискахъ. Ариѳметически данная единица вѣрна, но... „Не въ томъ бѣда, что ты полякъ“...—говорилъ нѣкогда Пушкинъ о Булгаринѣ. Эти слова до нѣкоторой степени можно примѣнить и къ нынѣшнему положенію. Не въ томъ суть, молдаванинъ г. Пуришкевичъ или не молдаванинъ, правымъ себя называетъ или не правымъ,—гораздо характернѣе, что онъ просто г. Пуришкевичъ. Это—не только имя. Это—качество,—можетъ быть, по мнѣнію однихъ, хорошее, по мнѣнію другихъ, плохое, но оно гораздо больше общее, чѣмъ партійное; можно быть „правымъ“, но при этомъ не обязательно быть Пуришкевичемъ. Въ обзорахъ прошлыхъ мѣсяцевъ я отмѣчалъ, какую роль играли „предпріимчивые люди“, которые, овладѣвъ административнымъ механизмомъ, съ его помощью проводили въ Думу себя или своихъ клевретовъ. Къ какой партіи принадлежатъ эти господа? Въ большинствѣ они называли себя правыми; значительная часть отнесла себя къ націоналистамъ; нѣкоторые наименовались октябристами. Вообще ихъ называли „правительственными кандидатами“. И, надо полагать, относительно ихъ „Петербургское Агентство“ внѣшней неправильности не допустило,—каждаго записало въ своихъ бюллетеняхъ такъ, какъ онъ самъ себя опредѣляетъ. Но какую цѣну можетъ имѣть эта, пусть безукоризненная, ариѳметика? Есть человѣкъ, вѣра коего опредѣляется древнимъ афоризмомъ: ubi bene, ibi patria. Тамъ, „въ губерніи“, онъ находилъ для себя болѣе удобнымъ называться правымъ. Здѣсь, въ Таврическомъ дворцѣ, онъ можетъ найти, что лично для него гораздо выгоднѣе гибкій, какъ резина, октябризмъ, а не твердая, какъ оглобля, правизна. И онъ свободно перекочуетъ къ октябристамъ. Другой—точно такой же въ сущности „гражданинъ вселенной“—„мірской захребетникъ“—тамъ, „въ губерніи“, называлъ себя октябристомъ, а здѣсь, въ Думѣ, найдетъ, что для него больше корма у правыхъ или у націоналистовъ,—къ нимъ онъ и перекочуетъ. И уже одно это способно объяснить, почему газеты все никакъ не могутъ сосчитать, сколько собственно въ IV Думѣ правыхъ, націоналистовъ, октябристовъ и какому изъ этихъ наименованій принадлежитъ большинство: сначала выходило, что преферансъ на сторонѣ правыхъ, по-

томъ стало оказываться, что преимущество едва-ли не на сторонѣ октябристовъ, или, можетъ быть, націоналистовъ. Публика, очевидно, текучая, шатается, пока что, и туда, и сюда, соображаетъ, куда лучше приписаться. Но куда бы эти предпріимчивые люди ни приписались, они все-таки останутся сами собою,—такъ сказать, „партіей мірскихъ захребетниковъ". А такъ какъ выборы сдѣланы предпріимчивыми людьми и сдѣланы въ общемъ успѣшно, то можно съ большою вѣроятностью предположить, что большинство мѣстъ, которыя въ III Думѣ были заняты правительственнымъ блокомъ, нынѣ занято именно этой „партіей". Расторопнымъ дѣльцамъ, къ ней принадлежащимъ, нельзя приписывать опредѣленное соціально-политическое міровоззрѣніе. Съ другой стороны, каковы бы ни были наши правые, націоналисты и октябристы, ихъ нельзя отожествлять съ побѣдоносными „мірскими захребетниками". Да такое отожествленіе было бы насиліемъ и надъ фактами.

Среди правыхъ IV Думы ясно сказывается различное отношеніе къ наиболѣе злободневному въ данный моментъ вопросу. Одни изъ нихъ въ восторгѣ отъ нынѣшней избирательной кампаніи; другіе, наоборотъ, выражаютъ негодованіе противъ тѣхъ пріемовъ, которыми на долгіе годы прославлены выборы въ IV Думу. Та же разграничительная черта расколола и націоналистовъ. Одна часть ихъ, видимо, довольна выборами; другая, наоборотъ, возмущена почти до истерики. Въ одномъ изъ оглашенныхъ прессою воззваній „совѣта всероссійскаго національнаго союза" читаемъ, напр., слѣдующее:

„выборы въ Государственную Думу протекаютъ въ условіяхъ, не соотвѣтствующихъ ни требованіямъ закона, ни интересамъ страны, какъ настоящимъ, такъ и будущимъ... избиратели поставлены... въ невозможность свободно проявить свое право".

Среди октябристовъ процентъ недовольныхъ выборами, повидимому, выше, чѣмъ среди націоналистовъ, и значительно выше, чѣмъ среди правыхъ... Всѣ эти партіи въ III Думѣ составляли правительственный блокъ. Организаціонныя и программныя различія внутри него нисколько не мѣшали отдѣльнымъ лицамъ называться то октябристами, то націоналистами, то правыми. Названія остались. Но сквозь нихъ прошла какая-то новая трещина. И если она глубока и серьезна, то возможно, что въ IV Думѣ нѣтъ въ сущности ни правительственнаго блока, ни правительственнаго большинства. Глубока ли, однако, трещина?

Нѣкоторые недовольные выборами октябристы высказали свой протестъ въ печати. Отвѣчая на это, „Россія" привела любопытныя документальныя справки. Оказывается, возмущенные давленіемъ администраціи на выборахъ сами обращались къ правительству съ просьбою оказать давленіе въ желательномъ для нихъ смыслѣ. Но правительство не сочло нужнымъ—положимъ, въ Ор-

ловской губерніи—поступить такъ, какъ просили друзья кн. Тенишева. И побѣду на выборахъ одержали друзья г. Хвостова. Таковъ одинъ изъ секретовъ раздора. Предпріимчивые люди стремились овладѣть всѣми мѣстами въ Таврическомъ дворцѣ. Важнѣйшею цѣлью было—вытѣснить оппозицію. Но она сильна своими связями съ населеніемъ. И эта задача оказалась плохо рѣшенной. Предпріимчивые люди пошли по линіи наименьшаго сопротивленія,—стали вытѣснять тѣхъ, кто былъ силенъ преимущественно милостями и поддержкой начальства. И вотъ тамъ, гдѣ былъ „черный блокъ“, появилось новое и притомъ боевое дѣленіе: вытѣсняемые и вытѣсняющіе, люди нынѣшняго случая и люди вчерашняго случая. Послѣдніе попали межъ двухъ огней: за ихъ счетъ возмѣстила свои потери оппозиція и за ихъ счетъ сдѣланы главнѣйшія завоеванія людьми нынѣшняго случая. И вытѣсняемые вопіютъ: караулъ! Вытѣсняющіе, не имѣя ни гроша, получили алтынъ и кричатъ: ура!

Поскольку „Россія“ видитъ въ этомъ одинъ изъ секретовъ новаго разграниченія въ „законопослушныхъ партіяхъ“, она права. Но, конечно, секретъ не только въ этомъ. Кое-что надо отнести за счетъ оскорбленнаго самолюбія и оскорбленнаго достоинства. Задѣтъ классовый интересъ,—какому, положимъ, купцу можетъ быть пріятно, что „свободно избраннымъ представителемъ народа“ нижегородскаго оказался г. Барачъ. Задѣтъ интересъ сословный: достаточно напомнить, какъ возмущено дворянство, какъ негодуетъ значительная часть духовенства, которому предоставили на выборахъ якобы рѣшающую, но явно унизительную роль. А затѣмъ не все же интересъ—шкурный или групповой. Есть, вѣдь, въ правомъ лагерѣ и нѣчто отъ убѣжденія. Есть тамъ, наконецъ, и просто здравый смыслъ. Людей нынѣшняго случая, пролѣзшихъ въ Думу, называли „правительственными кандидатами“; печать, не исключая „Гражданина“ и „Новаго Времени“, твердитъ, что ихъ тащили губернаторы на мѣстахъ подъ диктовку Макарова, Саблера и т. д. изъ центра. Мнѣ уже приходилось говорить, что за этою видимостью стоитъ господство неофиціальныхъ и неотвѣтственныхъ вліяній. Характернѣйшія особенности выборовъ въ IV Думу дѣлались тамъ же, гдѣ дѣлали толмачевщину, потомъ иліодоровщину, затѣмъ распутиновщину... Одно издѣліе лучше другого. Выборы въ IV Думу — послѣднее по времени произведеніе темныхъ закулисныхъ силъ. Оно и наиболѣе совершенное. Дѣлателями блестяще рѣшены задачи, которыя казались мало или даже совершенно невѣроятными: принудили шарахнуться влѣво буржуазію, вызвали бойкотъ выборовъ значительною частью дворянства, заставили самихъ націоналистовъ заговорить языкомъ бойкотистскихъ революціонныхъ воззваній 1906 г.; подъ конецъ даже „Земщина“, по преимуществу органъ и опора людей нынѣшняго случая, сочла необходимымъ заявить, что, вмѣсто выборовъ, совер-

шено нѣчто „нелѣпое“, „безсмысленное“. Если есть сколько-нибудь убѣжденные сторонники „обновленнаго строя“, они не могутъ не содрогнуться передъ такими его ягодками. Тѣ правые или даже архиправые, которыми не все промотано и у которыхъ еще есть что терять, не могутъ не остановиться въ раздумьи передъ такими „побѣдами“, которыя, какъ замѣтилъ г. А. Столыпинъ, вызываютъ не только общее раздраженіе, но и общій смѣхъ. Кто еще не сжегъ за собою всѣ корабли и сохранилъ нѣкоторую свободу выхода, для того есть много основаній подумать: выгодно ли и не опасно ли быть въ одной компаніи съ „побѣдителями“?

Словомъ, „черный блокъ“ растрескался по весьма разнообразнымъ направленіямъ. Поскольку это расколъ между людьми вчерашняго и нынѣшняго случая,—онъ не глубокъ и не серьезенъ: столкновеніе личныхъ антагонизмовъ, о которомъ изстари говорится: „воронъ ворону глазъ не выклюетъ“. Поскольку вообще случайные люди столкнулись съ групповыми интересами и вытѣсняютъ собою представительство классовъ и сословій,—новая трещина имѣетъ болѣе важное значеніе. До нѣкоторой степени не безосновательно указаніе на перемѣну, которой подвергся „перепуганный помѣщикъ“. Онъ перепуганъ революціей, а теперь „огорошенъ“ контръ-революціей. „Перепуганный“, онъ стадно шарахнулся въ реакцію. Но теперь, когда его „огорошило“ съ противоположной стороны, куда онъ дѣнется? Станетъ „воевать за свободу“, хорошо понимая, каковы ея соціальныя послѣдствія, какое въ Россіи она дастъ направленіе вопросу сословному и земельному?

Перепуганный потому и перепугался, что увидѣлъ слѣва могилу. Теперь онъ потому и огорошенъ, что справа почуялъ тоже могилу. Для него налѣво смерть и направо смерть. Ему, въ смыслѣ политическаго самоопредѣленія, буквально „податься некуда“. Онъ растерянъ. Въ него не могло не войти острое сознаніе безвыходности, безсилія, историческаго банкротства. Говорятъ, перепуганные „полѣвѣли“. Можетъ быть, и продолжаютъ лѣвѣть. Но дальше октябризма имъ нѣтъ дороги въ эту сторону. А такъ какъ октябризмъ создалъ себѣ достаточную репутацію, то надо признать симптоматичными попытки создать новую партійную группировку изъ элементовъ, пришедшихъ въ растерянное и текучее состояніе. Одни хотятъ возродить „упокойниковъ“. Другіе стремятся организовать „новую партію имперіалистовъ“. И эти попытки то сдѣлать кушанье изъ остатковъ, давно выброшенныхъ въ помойку, то тѣхъ же щей налить пожиже—особенно подчеркиваютъ безпомощность перепуганныхъ и огорошенныхъ. Наблюдаются, далѣе, среди нихъ попытки идеологически пересмотрѣть пройденный путь. Возникаетъ нѣчто вродѣ лозунга для однихъ, полувопроса для другихъ:

— Назадъ къ манифесту 1905 года.

Этотъ полулозунгъ-полувопросъ нашелъ свое отраженіе въ „Новомъ Времени“ и другихъ органахъ охранительной и даже

офиціозной прессы. Самому кн. Мещерскому вдругъ стало жутко отъ мыслей о тѣхъ возможностяхъ, которыя обѣщаетъ „народная ненависть“, и онъ вспомнилъ, что, вѣдь, „уже въ XVI вѣкѣ“ „Макіавелли понималъ, что народъ болѣе всего нуждается въ свободѣ и что желаніе это слѣдуетъ удовлетворить“. Съ нѣкоторымъ опозданіемъ кое-что понялъ кн. Мещерскій на сей разъ даже относительно парламентаризма. „*Можно спорить*,—разрѣшаетъ онъ—былъ бы полезенъ или вреденъ Россіи парламентаризмъ“... И сомнѣнія на этотъ счетъ строжайше воспрещались. А теперь не только *можно* спорить.

„Нельзя отрицать,—продолжаетъ кн. Мещерскій—что существуютъ процвѣтающія страны, въ которыхъ верховная власть принадлежитъ парламенту; что же касается олигархіи, то она всегда и вездѣ вела государство къ паденію“.

А парламентаризмъ приведетъ къ паденію сословнаго неравенства. А при свободѣ—какъ бы ни былъ мудръ Макіавелли—въ Россіи неминуемо „недопустимое“ рѣшеніе спорнаго вопроса о земелькѣ. Какъ тутъ быть? Что дѣлать?.. И мудреныя дѣла пошли на Божьемъ свѣтѣ. Кн. Мещерскій мечтаетъ о парламентаризмѣ. Дворянство впадаетъ въ бойкотизмъ. Помѣщики, какъ увидимъ ниже, усвояютъ идею „отзовизма“. А рядомъ съ этимъ нынѣшнія осеннія земскія собранія отличаются обиліемъ ходатайствъ о дополнительно-драконовскихъ законахъ для крестьянъ (подъ предлогомъ борьбы съ „деревенскимъ хулиганствомъ“), обиліемъ рѣчей о пользѣ тѣлеснаго наказанія, обиліемъ постановленій противъ народныхъ библіотекъ... Дѣла на два фронта,—мысли на два направленія.

Выборы 1907 года дали большинство, составленное, главнымъ образомъ, перепуганнымъ землевладѣніемъ и перепуганнымъ купечествомъ; большинство это съ самаго начала опредѣленно принадлежало правительству. Выборы 1912 г. заполнили мѣсто, которое занималъ правительственный блокъ. Но заполнили нѣсколько инымъ человѣческимъ матеріаломъ. Значительная часть „перепуганнаго купечества“ ушла изъ блока еще до выборовъ и голосовала съ оппозиціей: выборы по первой куріи Москвы и Петербурга—одно изъ яркихъ тому доказательствъ. Нѣкоторая часть „перепуганнаго землевладѣнія“ бойкотировала выборы. Другая часть выбирала, провела въ Думу. Здѣсь избранники перепуганныхъ помѣщиковъ сошлись съ представителями иныхъ сословныхъ, классовыхъ или бытовыхъ интересовъ,—конечно, охранительныхъ, пусть даже узкихъ, но все-таки групповыхъ, а не исключительно личныхъ, все-таки это нѣчто почвенное, исторически выросшее, а не случайное порожденіе нынѣшняго дня. „Почвенники“ остаются въ блокѣ,—имъ некуда изъ него уйти; и они расположились по лѣвую

сторону указанной мною трещины. Направо отъ трещины размѣстились люди и людишки нынѣшняго дня, не связанные принципами и не представляющіе сколько-нибудь общихъ, групповыхъ интересовъ. Они—то, что пресса называетъ „*назначенными*“ членами IV Думы, „удавшимися правительственными кандидатами“. „Почвенники“—все-таки „*избранные*“ члены Думы, и при томъ избраны они часто вопреки мѣрамъ, принимавшимся дѣлателями выборовъ. „Почвенники“ раздражены избирательными маневрами администраціи. И уже по этой причинѣ имъ трудно стать хорошимъ, вѣрнымъ союзникомъ правительства. Больше надежды можетъ имѣть правительство на „назначенныхъ депутатовъ“: безъ поддержки имъ не видать бы Думы, какъ своихъ ушей, они должны быть благодарны за то, что имъ дано, а потому и обязаны помогать... Но, во-первыхъ, неизвѣстно, кому собственно каждый изъ удавшихся кандидатовъ благодаренъ,—администраціи ли, видимымъ образомъ помогавшей ему, или неотвѣтственнымъ, но властнымъ людямъ, подъ давленіемъ которыхъ администрація была вынуждена оказать помощь? А, во-вторыхъ, не принадлежитъ благодарность къ числу распространенныхъ въ политикѣ добродѣтелей. И всего меньше она свойственна людямъ случая. Въ концѣ концовъ каждый изъ нихъ будетъ поступать такъ, какъ ему выгоднѣе. Въ конечномъ итогѣ дорога случайнымъ людямъ открыта не тѣмъ или инымъ министромъ, а той реакціонной анархіей, въ которую ввергнута страна. Реакціонная анархія—наиболѣе выгодный и удобный для нихъ „государственный порядокъ“. Реакціонной анархіей они рождены. Въ нихъ она имѣетъ естественныхъ слугъ и естественную опору. „Почвенники“ же являются собственно лишь мятущимся, внутренно-противорѣчивымъ придаткомъ къ порожденію и опорѣ анархіи. И едва-ли основательно полагаютъ оптимисты, что этотъ придатокъ уйдетъ изъ блока въ оппозицію. Отдѣльныя лица, можетъ быть, уйдутъ. Но вообще представители узкихъ групповыхъ интересовъ должны бы примириться съ реакціонной анархіей уже потому, что для нихъ въ данный моментъ и при данныхъ условіяхъ она—наименьшее изъ возможныхъ золъ. А затѣмъ въ ней есть и свои пріятныя стороны: при ней особенно легко домогаться воспособленій, гарантій, субсидій и всего прочаго благорастворенія воздуховъ и изобилія плодовъ земныхъ.

II.

Думская оппозиція лишена тѣхъ завоеваній, которыя она могла сдѣлать на выборахъ при нынѣшнемъ настроеніи избирателей. Но все-таки, говорятъ, ея дѣла не плохи. Количественно она, по меньшей мѣрѣ, ничего не потеряла. Затѣмъ, къ ней, навѣрное, примкнутъ—въ особенности, по вопросамъ соціальнаго порядка—весьма

многіе крестьянскіе депутаты, щедро отнесенные офиціознымъ агентствомъ въ разрядъ правыхъ. Наконецъ, есть основаніе предполагать, что къ оппозиціи придутъ данайцы изъ „союза 17 октября“. Помимо этой количественной стороны дѣла, есть и качественная: противникъ дезорганизованъ, морально подорванъ, а слѣдовательно...

Такъ казалось бы... Увы!.. Надо имѣть въ виду, что выборы были слѣпые и глухіе. Избирали наугадъ. Избирали—даже въ Петербургѣ и Москвѣ, не говоря уже о многихъ провинціальныхъ захолустьяхъ—не всегда извѣстныхъ въ общественномъ смыслѣ людей. Называетъ себя человѣкъ прогрессистомъ, кадетомъ или лѣвымъ. И, хоть онъ въ сущности неизвѣстенъ избирателямъ, но за него подаютъ голоса, въ знакъ протестующихъ оппозиціонныхъ настроеній. Выбирали иногда собственно на томъ только основаніи, что кандидатъ причисляетъ себя къ той или иной, но оппозиціонной партіи. Это не значитъ, однако, что избиратель голосовалъ за избирательную платформу. Мнѣ уже приходилось говорить, что избирательныхъ платформъ въ сущности не было. К.-д. партія едва-ли не лучше другихъ была организована для выборовъ. Но и она предъявила не столько платформу, сколько формальную „отписку“. То же случилось и съ тактикой. Вмѣсто опредѣленныхъ тактическихъ лозунговъ, пригодныхъ для настоящаго, для IV Думы, на предвыборныхъ собраніяхъ—гдѣ они были разрѣшаемы—велись преимущественно споры о тактикѣ прежнихъ лѣтъ. Наиболѣе широко были допущены предвыборныя собранія въ Петербургѣ,—и здѣсь они наичаще имѣли видъ публичныхъ—и, грѣхъ утаить, таки скучноватыхъ—диспутовъ на историческія темы. Оно и понятно,—общественная жизнь страны нынѣ характеризуется обостреннымъ, хотя и стихійнымъ, бореніемъ *массовыхъ* настроеній и *массовыхъ* интересовъ. А партіи, пока что,—плохо спаянные тѣсные кружки близкихъ знакомыхъ и друзей. Нельзя „отъ собственнаго ума сочинить тактику“ тамъ, гдѣ она по самому существу дѣла можетъ явиться, лишь какъ результатъ учета массовыхъ настроеній, нельзя предъявить дѣловую платформу, не зная, на какія силы ея осуществленіе можетъ быть разсчитано. Винить тутъ надо не партіи, а общія условія. Но закрывать глаза передъ тѣмъ, что произошло, нельзя. Избиратель не только оказался лѣвѣе, чѣмъ о немъ предполагали; онъ обнаружилъ очень много—слишкомъ много—довѣрія къ чему-то подразумѣваемому, хотя и не опредѣленному и даже не поддающемуся опредѣленію. Въ составъ оппозиціи вошло много людей, перегруженныхъ довѣріемъ, но часто неизвѣстныхъ, не испытавшихъ себя и не испытанныхъ, не опредѣлившихъ, для чего собственно они пришли въ Думу, что они тамъ будутъ дѣлать. И въ то же время они пришли не совсѣмъ туда, куда хотѣли и куда ихъ выбирали.

Мѣткое слово удалось сказать нѣкоему земскому начальнику Пропойскаго уѣзда. По газетнымъ описаніямъ, этотъ земскій на-

чальникъ приказалъ десятидворникамъ одной изъ подчиненныхъ ему волостей

выбрать уполномоченными (для выбора выборщиковъ) волостного старшину и старосту, при чемъ пояснилъ:

— Выбирайте ихъ. Мнѣ такъ написано, я и говорю вамъ такъ.

Какой-то смѣльчакъ сталъ возражать. Земскій начальникъ вразумительно остановилъ его:

— Ты тамъ, голубчикъ, не кричи. Я вѣдь толкомъ вамъ говорю. Теперь не такіе выборы, какъ было въ первыя Думы. Они и называются иначе— новые выборы. Поняли?.. [1])

„*Новые* выборы...“ Не только не такіе, какъ въ первыя двѣ Думы, но и не такіе, какъ въ третью Думу. Полной отмѣны дѣйствующаго избирательнаго закона не послѣдовало. Но явились дѣлатели выборовъ и, въ порядкѣ нажимовъ, давленій, разъясненій, всесторонней распорядительности, замѣны статей закона о „свободныхъ выборахъ“ свободными толкованіями каноническихъ правилъ и т. д., произвели нѣчто, фактически равнозначное перевороту. Отъ избирателя 3 іюня остались лишь осколки. Онъ частью устраненъ и упраздненъ, частью подмѣненъ. Во многихъ уѣздахъ упраздненными и подмѣненными оказались даже дворяне-землевладѣльцы. Вышли, дѣйствительно, *новые* выборы. И *новая* получилась Дума. Въ отличіе отъ первыхъ двухъ Думъ, она—не представительство населенія, хотя бы и неправильно организованное. Въ отличіе отъ третьей Думы, она—и не представительство сословныхъ, классовыхъ или бытовыхъ интересовъ. Даже предводители дворянства, призваннаго закономъ 3 іюня къ рѣшающей роли въ избирательной кампаніи, кое-гдѣ заявили, что IV Дума для ихъ сословія „чужая...“ И если даже дворянству она чужая, то кто назоветъ ее своею? Для всѣхъ чужая. И въ то же время всѣ—и правые, и лѣвые, и „Русскія Вѣдомости“, и „Новое Время“—признаютъ, что хотя IV Дума и призвана, по теоріи, законодательствовать отъ имени народа и охранять закономѣрность, но фактически, по характеру своего избранія, она лежитъ внѣ сферы права. Она—фактъ политическій, но не правовой. Между ея офиціальными государственно-правовыми задачами и внѣправовымъ порядкомъ ея рожденія есть непримиримое внутреннее противорѣчіе.

За послѣдніе годы искусство изобрѣтать утѣшительныя слова сдѣлало большіе успѣхи. Есть такія слова и примѣнительно къ данному случаю:

— Ну, вотъ задача оппозиціи и состоитъ въ томъ, чтобы вскрыть это противорѣчіе и указать его причины...

Легко жилось бы на свѣтѣ, если бы изъ внутренно-противорѣчивыхъ положеній были столь простые и ясные выходы... На словахъ оно просто. Газеты пишутъ, что „партія народной свободы рѣ-

---

[1]) „Современное Слово“, 28 сентября.

шила“ тотчасъ по открытіи IV Думы внести запросъ о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ во время выборовъ. О незакономѣрности собираются говорить и пострадавшіе октябристы. Какія-то „разоблаченія“ поступятъ со стороны обиженной части націоналистовъ. Даже о г. Пуришкевичѣ писали, будто онъ готовитъ „громовыя разоблаченія“. На первый взглядъ, единодушіе полное,—чуть-ли не противо-естественное. И можетъ показаться, что IV Дума грозитъ стать единственнымъ въ своемъ родѣ учрежденіемъ; она соберется только для того, чтобы публично покончить жизнь самоубійствомъ. Квалифицированнымъ большинствомъ признаетъ выборныя дѣйствія правительства незакономѣрными, а затѣмъ, если оппозиція не догадается сама, то попроситъ слова, положимъ, г. Хвостовъ и скажетъ:

— Господа, если вы находите ваше избраніе незакономѣрнымъ, то вамъ, право же, всего удобнѣе ѣхать домой.

Иные выходы изъ противорѣчія, быть можетъ, менѣе почетные и удобные для оппозиціи, намѣчаются жизнью. Дѣлатели выборовъ кончили кампанію, но не сложили оружія. Борьба за мѣста въ Таврическомъ дворцѣ продолжается. Почти изо всѣхъ мѣстъ, гдѣ прошли представители оппозиціи, поступаютъ газетныя свѣдѣнія о томъ, что правые, въ виду такихъ-то и такихъ отступленій отъ закона, требуютъ отмѣны выборовъ. А оттуда, гдѣ прошли правые, получаются свѣдѣнія объ аналогичныхъ требованіяхъ со стороны лѣвыхъ. Ниже мы увидимъ, что къ пересмотру стремятся не только правые и лѣвые. Но пока остановимся на этихъ двухъ группахъ, мѣстами изумительно единодушныхъ. Вотъ что читаемъ, напр., относительно выборовъ по Московской губерніи.

На состоявшемся въ квартирѣ г. Айвазова совѣщаніи правыхъ выборщиковъ рѣшено держаться слѣдующей тактики. Самостоятельныхъ шаговъ по опротестованію выборовъ пока не предпринимать, но оказать негласную поддержку протесту лѣвыхъ, въ которомъ „содержится достаточно вѣскихъ данныхъ нарушенія администраціей выборныхъ законовъ...“ „Въ случаѣ же выясненія, что это обжалованіе (лѣвыми) не будетъ удовлетворено, выборы обязательно будутъ опротестованы правыми, предполагающими выставить собственные мотивы опротестованія“ („Русское Слово“, 2. XI).

Въ какой мѣрѣ будутъ принимаемы въ уваженіе протесты лѣвыхъ,—предсказывать нѣтъ надобности. Но правые вполнѣ могутъ разсчитывать на внимательное къ нимъ отношеніе. И надо сказать, что на сей разъ для своего домогательства лишить оппозицію завоеванныхъ ею мѣстъ они весьма солидно вооружены. Беру въ видѣ примѣра хотя бы выборы по городу Москвѣ,—одни изъ наиболѣе безупречныхъ съ формальной точки зрѣнія. Выборы прославленные: „провалился“ по первой куріи А. И. Гучковъ, прошелъ полностью по обѣимъ куріямъ кадетскій списокъ. Не буду говорить, что творилось въ предварительные моменты: при составленіи, опу-

бликованіи и провѣркѣ списковъ (Москва, впрочемъ, и въ предварительные моменты особенными эксцессами не отличалась,—у нея они прошли въ общемъ приличнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ). Но вотъ моментъ заключительный. Предо мною инструкція „о порядкѣ производства выборовъ“ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Ригѣ. Статья 15 этой инструкціи, утвержденной 19 августа 1912 г., гласитъ: *„Не позднѣе, чѣмъ за недѣлю до выборовъ*, каждому избирателю... посылается городскою управою особое именное объявленіе о времени и мѣстѣ выборовъ“ и т. д. Высочайшимъ указомъ выборы въ Москвѣ, Кіевѣ и Ригѣ были назначены на 18 октября. Слѣдовательно, для признанія выборовъ законными необходимо, чтобы именныя объявленія были разосланы не позже 11 октября. Въ дѣйствительности произошло слѣдующее. Указъ о назначеніи выборовъ подписанъ въ Спалѣ 8 октября. Но опубликованіе его замедлилось до 11 октября. Московская городская управа, одна изъ наиболѣе исправныхъ, успѣла разослать именныя объявленія только 12 октября, то есть—писало „Русское Слово“ 13 октября—„требованіе инструкціи нарушено“, явился формальный „поводъ для кассаціи выборовъ...“ Я не вижу причины,—почему бы октябристу Шубинскому или правому Пуришкевичу не выступить по этому поводу „на защиту закона“? Что имъ препятствуетъ „громовыми рѣчами“ изобличить хотя бы и формальное нарушеніе правилъ? Да и не только оно формальное: вслѣдствіе запоздалости произошло немало путаницы; около 1600 именныхъ объявленій совсѣмъ не были доставлены по адресу [1]) и, слѣдовательно, 1600 избирателей оказались попросту устраненными отъ голосованія. И не легко, во всякомъ случаѣ, представить, какіе убѣдительные аргументы противъ „домогательства правыхъ“ сумѣетъ выдвинуть, положимъ, „избранникъ Москвы“ г. Маклаковъ.

Московскій примѣръ сравнительно простъ. Но вотъ положеніе, болѣе сложное. На 18 октября тѣмъ же высочайшимъ указомъ, опубликованнымъ 11 октября, были назначены выборы въ Кіевѣ. Значитъ, и здѣсь не было физической возможности произвести своевременную разсылку объявленій. Но здѣсь случилось и еще кое-что. Въ телеграммѣ изъ Кіева отъ 9 октября читаемъ:

> группа избирателей обратилась по телеграфу къ министру внутреннихъ дѣлъ Макарову и товарищу министра Харузину съ указаніемъ, что до сего числа губернская по выборамъ коммиссія не опубликовала еще списковъ избирателей по городу Кіеву („Русское Слово“, 10. X).

Послѣ указа 11 октября городской управѣ пришлось разсылать именныя объявленія не только съ опозданіемъ, но, видимо, и по неопубликованнымъ въ окончательной формѣ спискамъ. Этого мало: лишь только именныя объявленія были разосланы, администрація

---

[1]) „Русское Слово“, 18 октября.

сызнова занялась провѣркою и исправленіемъ списковъ. Въ телеграфномъ сообщеніи изъ Кіева уже отъ 15 октября читаемъ:

Массовыя исключенія избирателей продолжаются. Сегодня при Губернскихъ Вѣдомостяхъ вышелъ новый списокъ исключенныхъ—свыше 1.000 избирателей. Многіе изъ нихъ уже получили именныя объявленія, а нѣкоторые были приглашены городскимъ головою участвовать въ избирательныхъ коммиссіяхъ... Эпидемія исключеній еще не закончена. Сегодня (т. е., видимо, 15 октября) въ губернскую по выборамъ коммиссію снова поступилъ отъ губернатора обширный списокъ подлежащихъ исключенію избирателей („Русское Слово", 16. X).

Исключать за 3—2 дня до выборовъ тѣмъ удобнѣе, что исключенные уже лишены возможности возстановить свои права. Въ результатѣ: масса избирателей устранена уже послѣ полученія ими именныхъ объявленій; устраненными оказались нѣкоторыя лица, приглашенныя въ составъ избирательныхъ коммиссій. Въ довершеніе всего въ телеграммѣ изъ Кіева уже отъ 26 октября читаемъ:

Лишь спустя недѣлю послѣ выборовъ, губернская коммиссія по выборамъ разослала приставамъ списки исключенныхъ избирателей для объявленія послѣднимъ, что, согласно закону, они имѣютъ право въ трехдневный срокъ обжаловать исключеніе („Русское Слово", 27. X).

Наканунѣ кіевскихъ выборовъ газеты полагали:

Внѣ всякаго сомнѣнія, исходъ выборъ предрѣшенъ,—пройдутъ ставленники націоналистовъ, Демченко и Савенко. („Русское Слово", 16. X).

Случилось, однако, иначе: по второй кіевской городской куріи избранъ кандидатъ прогрессивнаго блока к.-д. С. А. Ивановъ,—г. Савенко забаллотированъ. О результатахъ же выборовъ по первой куріи Кіева „Рѣчь" сообщала:

Націоналистъ Демченко получилъ 799, к-д. Григоровичъ-Барскій—750. Всего голосовало 1.640 избирателей. Такимъ образомъ абсолютнаго большинства не собралъ никто. Сверхъ того, Демченко получилъ 30 сомнительныхъ бюллетеней. По закону обязательна перебаллотировка [1]).

Вѣрно,—по закону должна быть перебаллотировка, хотя г. Демченко и объявленъ избраннымъ въ члены Думы. Но, вѣдь, и выборы по второй куріи, вручившіе мандатъ к.-д. Иванову, нельзя признать юридически неуязвимыми... значитъ, и въ этомъ случаѣ не трудно представить самого г. Пуришкевича въ роли ревностнаго „защитника попранныхъ законовъ". Онъ можетъ произнести, дѣйсвительно, „громовую" рѣчь. Онъ можетъ, на основаніи въ сущности безспорныхъ юридическихъ соображеній, потребовать неутвер-

---

[1]) „Рѣчь", 20 октября.

жденія г. Иванова и даже г. Демченка, который среди правыхъ считается „лѣвымъ“.

Привлекать на справку другіе примѣры считаю излишнимъ. Фактъ: „выборы *сдѣланы*“, никѣмъ не оспаривается. Правымъ легко дѣлать надлежащій и политически желательный для нихъ выводъ изъ этого факта и они начинаютъ его дѣлать. И для правыхъ выводы тѣмъ удобнѣе, что они твердо стоятъ на позиціи: законъ предается забвенію, когда онъ мѣшаетъ, и долженъ быть чрезвычайно дѣйствующимъ, когда онъ можетъ помочь. Далѣе ни г. Пуришкевича, ни его друзей не смутятъ вѣроятные встрѣчные аргументы:

— А что дѣлалось въ Одессѣ, гдѣ прошли „правые?“ Какими способами достигнутъ тотъ же успѣхъ въ Нижегородской губерніи?

Да и по существу такіе аргументы—призывъ къ компромиссу, но отнюдь не доказательство, что тѣ выборы, на которыхъ прошли оппозиціонные депутаты, юридически безупречны...

IV Дума рождена внѣправовымъ путемъ. Реакція беретъ этотъ фактъ, какъ политическое орудіе, которое отлично можетъ быть использовано при повѣркѣ Думою депутатскихъ полномочій. Использованіе факта намѣчается и съ другой стороны. Припомнимъ вкратцѣ, какъ вообще шла избирательная кампанія. Что было при составленіи, опубликованіи и провѣркѣ избирательныхъ списковъ вплоть до начала собственно выборовъ,—говорить не буду: писалъ объ этомъ въ прошлыхъ книжкахъ. Но вотъ настала первая стадія собственно выборовъ(избраніе уполномоченныхъ). И оказалось, что, „не смотря на всѣ принятыя мѣры“, въ уполномоченные прошло очень много „нежелательныхъ элементовъ“. Предпріимчивые люди, дѣлавшіе выборы, и ихъ кандидаты очутились предъ большою возможностью или даже неизбѣжностью провала. И не замедлили выступить „на защиту закона“. Тамъ, гдѣ администраторы мѣшкали распорядительностью по собственной иниціативѣ, къ нимъ летѣли протесты, жалобы, донесенія, указанія на вопіющую незакономѣрность. И началась—удерживаю газетные термины—„массовая“, „эпидемическая“, мѣстами „повальная“ отмѣна выборовъ и устраненіе или разъясненіе избранныхъ. Администрація словно старалась оффиціально удостовѣрить, сколь несовершенно юридически созданное подъ ея ближайшимъ надзоромъ „выборное производство“. Тѣмъ не менѣе вторая стадія—избраніе выборщиковъ—дала значительный процентъ неблагонадежныхъ и огромное число „элементовъ сомнительныхъ“. Предпріимчивые люди все-таки не ушли отъ страха провалиться. И снова выступили „на защиту закона“. Снова начались отмѣны, устраненія и разъясненія—уже не уполномоченныхъ, а выборщиковъ. Характерная при этомъ особенность нынѣшней кампаніи: отмѣна слишкомъ часто не сопровождалась назначеніемъ новыхъ выборовъ. Газеты увѣряютъ, что въ нѣкоторыхъ гу-

берніяхъ—напр., въ Ярославской[1])—отмѣненные выборы систематически не замѣнялись новыми. Въ цѣломъ рядѣ губерній практиковалась система, о которой приблизительное понятіе даетъ, напр., слѣдующая корреспонденція „Сѣверо-Западнаго Голоса“ изъ Гродно (№ 15 октября):

Пружанская уѣздная коммиссія отмѣнила 24 сентября выборы уполномоченныхъ отъ съѣздовъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Губернаторъ назначилъ новые выборы на слѣдующій день. Въ такой короткій срокъ многимъ избирателямъ, живущимъ на разстояніи 50—70 верстъ, не было никакой физической возможности пріѣхать на новые выборы. Вслѣдствіе этого выборы не состоялись.

То же произошло съ крестьянскими выборами (выборщиковъ). Уѣздная коммиссія отмѣнила ихъ. Новые выборы назначены были на слѣдующій день. Объ отмѣнѣ и днѣ новыхъ выборовъ никто изъ крестьянскихъ уполномоченныхъ не былъ извѣщенъ—за исключеніемъ 6 (изъ общаго числа 36). Эти шестеро, явившись на выборы, сами себя всѣ и выбрали. Насколько трудно было въ суточный срокъ провести новые выборы, видно изъ того, что даже эти шестеро освѣдомленныхъ уполномоченныхъ успѣли попасть на выборы лишь часамъ къ двумъ, въ то время, какъ всѣмъ уполномоченнымъ полагалось быть на съѣздѣ къ 12 часамъ.

Отмѣчу еще одинъ аналогичный эпизодъ. Высочайшимъ указомъ Томское губернское избирательное собраніе было назначено на 20 октября. Передъ самымъ опубликованіемъ высочайшаго указа томская администрація отмѣнила выборы по городу Маріинску и назначила новые выборы на 19 октября[2]). И, такимъ образомъ, жителямъ Маріинска великодушно предоставлялось рѣшить слѣдующую задачу: 19 октября подать бюллетени, 20 октября подсчитать голоса, затѣмъ избранныхъ посадить на поѣздъ до станціи Тайга, на Тайгѣ пересадить въ поѣздъ, идущій до Томска, и доставить ихъ того же 20 октября не позже 12 часовъ дня на губернское избирательное собраніе...

При такой тенденціи естественно было ожидать, что „защита закона“ будетъ наиболѣе энергически пріурочена „къ послѣднему моменту“—когда состоявшіеся выборы надо отмѣнить, ибо, какъ установлено разслѣдованіемъ, они незаконны, а новые невозможно назначить, потому что нѣтъ для этого времени. Такъ и случилось съ уполномоченными: ихъ кадры особенно серьезно порѣдѣли именно „въ послѣдній моментъ“, — за 2-3 дня или даже наканунѣ до выбора выборщиковъ. Такъ случилось и съ выборщиками. Какъ только былъ опубликованъ 11 октября высочайшій указъ, опредѣлившій дни выборовъ членовъ Думы, такъ и началось „жаркое дѣло“—генеральное сраженіе.

Тульская губернія. Выборы назначены на 20 октября. Въ газетной телеграммѣ отъ 17 октября читаемъ:

---

1) „Рѣчь“, 1 ноября.

2) „Русское Слово“, 13 октября.

Сегодня губернской по выборамъ коммиссіей отмѣнены выборы по съѣзду землевладѣльцевъ Ефремовскаго уѣзда. Устранено этимъ 5 выборщиковъ; среди нихъ три прогрессиста и кн. Шаховской, націоналистъ. Въ виду краткости срока новые выборы не назначены („Русское Слово", 18. X).

Уфимская губернія. Губернское избирательное собраніе назначено на 20 октября. Телеграмма изъ Уфы отъ 15 октября:

Въ Мензелинскѣ выборы отмѣнены по землевладѣльческому съѣзду, гдѣ прошли прогрессисты („Русское Слово", 16. X).

Черниговская губернія. Выборы назначены были 25 октября. Телеграмма изъ Чернигова отъ того же 25 октября:

Послѣдними мѣропріятіями губернатора разъяснено одиннадцать прогрессивныхъ выборщиковъ. Избраніе ихъ состоялось 5-6 недѣль назадъ, разъясненіе же послѣдовало наканунѣ выборовъ („Рѣчь", 26. X).

Таврическая губернія. Выборы назначены на 25 октября. Телеграмма изъ Симферополя отъ 23 октября:

Отмѣнены выборы землевладѣльцевъ Симферопольскаго уѣзда, давшіе 3 выборщиковъ к.-д. и 2 прогрессистовъ. Новые выборы не назначены. Всего съ предыдущими отмѣнены выборы семи избирательныхъ съѣздовъ („Рѣчь", 24. X).

Аналогичныя газетныя свѣдѣнія объ отмѣнѣ выборовъ и устраненіи выборщиковъ послѣ высочайшаго указа 11 октября,—имѣемъ относительно Донской области, губерній Пермской, Иркутской, Ярославской, Смоленской, Волынской, Рязанской и т. д. Результаты столь ревностной „защиты закона" мы уже знаемъ въ общихъ чертахъ. Для иллюстраціи отмѣчу 2—3 детали. Нѣсколько выше я сказалъ, какое дѣятельное участіе въ выборахъ членовъ Думы отъ Томской губерніи было предоставлено жителямъ уѣзднаго города Маріинска. И все-таки эта губернія послала въ IV Думу, по свѣдѣніямъ „Рѣчи", 1 трудовика и 3 к.-д. *Семь* избирательныхъ съѣздовъ фактически устранены въ Таврической губерніи, и тѣмъ не менѣе, по свѣдѣніямъ той же газеты, избраны: 1 трудовикъ, 3 к.-д., 1 прогрессистъ и 1 октябристъ... Какъ ни широко использованъ фактъ юридическаго несовершенства избирательной кампаніи, но цѣль достигнута далеко не вполнѣ и далеко не вездѣ. И вопросъ о болѣе побѣдоносномъ использованіи факта получаетъ дальнѣйшее развитіе.

По иниціативѣ костромского губернатора, въ сенатѣ возникаетъ цѣлый рядъ важныхъ принципіальныхъ соображеній. Представьте такой случай. Губернаторъ въ послѣднюю минуту предъ окончательными выборами, или въ моментъ выборовъ, или даже послѣ нихъ, получилъ свѣдѣнія, что одинъ выборщикъ, или нѣсколько выборщиковъ „по закону" не имѣютъ избирательныхъ

правъ; пусть даже они лично имѣютъ избирательныя права, но избраніе ихъ въ выборщики произошло при обстоятельствахъ, нарушающихъ законъ, а, слѣдовательно, должно подлежать отмѣнѣ. Выступить „на защиту закона" и устранить неподлежащихъ выборщиковъ губернаторъ не имѣлъ ни времени, ни возможности. Между тѣмъ такіе „незаконные" выборщики — какъ это и случилось въ Костромской губерніи — могутъ оказаться избранными въ члены Думы. А если и не будутъ они избраны, то какъ смотрѣть на участіе такихъ, въ сущности, *постороннихъ*, а, слѣдовательно, по закону, и недопустимыхъ лицъ на избирательномъ собраніи? Наконецъ, на избирательныхъ собраніяхъ весьма часто одни проходятъ большинствомъ всего въ 1-2 голоса, другимъ „не хватаетъ" для избранія столь же ничтожнаго числа голосовъ. Въ виду всего этого участіе „незаконныхъ" выборщиковъ не опорочиваетъ ли юридически всѣ вообще выборы? А посему не въ правѣ ли правительство и не лежитъ ли на немъ обязанность устранять своею властью или требовать устраненія тѣхъ депутатовъ, которые избраны въ Думу, будучи „незаконными" выборщиками? Вмѣстѣ съ симъ не въ правѣ ли и не обязано ли правительство отмѣнять или требовать отмѣны и самыхъ выборовъ, которые происходили при участіи „незаконныхъ" выборщиковъ?.. Вопросы возбуждены по поводу неблагополучной Костромской губерніи, пославшей въ IV Думу сплошь крамольниковъ: 1 с.-д., 3 к.-д., 2 прогрессистовъ. Жало сомнѣній, счастливо возникшихъ у костромского губернатора, направлено противъ „ка-детовъ" (гг. Шулепникова и Герасимова). Сверхъ того Костромская губернія, „родина Сусанина", находится по случаю предстоящихъ торжествъ въ сферѣ чрезвычайнаго вниманія. Все это позволяетъ надѣяться, что правительствующій сенатъ съ присущей ему—особенно въ послѣдніе годы — непоколебимостью выступитъ на защиту закона и дастъ еще одно должное разъясненіе. Не лишнее замѣтить, что срока для обжалованія выбора выборщиковъ не опредѣлено. И поставленные вопросы имѣютъ, слѣдовательно, немаловажное значеніе и на случай тѣхъ „обмановъ и ошибокъ", на которые жалуется офиціозная пресса: на выборахъ проводятъ „мужика", какъ праваго, а въ Думѣ онъ „приписывается къ трудовой фракціи". Если „обмана" нѣтъ и „мужикъ" остается „правымъ", то сомнѣнія относительно его ценза могутъ не возникать. Но если „правый" на повѣрку оказался „лѣвымъ", то можно установить, что „обманщикъ" или не имѣетъ ценза, или „незаконно" избранъ въ выборщики.

Не остается безучастной къ юридическому несовершенству выборовъ и страна. Беру въ видѣ поясненія слѣдующую корреспонденцію изъ Калужской губерніи.

Избранные членами Думы 2 к.-д., 1 прогрессистъ и 2 октябриста прошли отъ блока прогрессистовъ съ октябристами, получивъ абсолютное боль-

шинство голосовъ. Всѣ они, по принятому заранѣе рѣшенію [1]), идутъ въ Думу съ тѣмъ, чтобы съ ея трибуны заявить о томъ административномъ произволѣ, какой допущенъ былъ на выборахъ по Калужской губерніи, и добиваться отмѣны Думою выборовъ по всей губерніи. Въ случаѣ, если это имъ не удастся, калужскіе депутаты сами сложатъ свои полномочія („Русское Слово", 27. X).

Единственный въ своемъ родѣ императивный мандатъ выборщиковъ. Единственная въ своемъ родѣ цѣль депутата. И безпримѣрное предположеніе: если Дума не повѣритъ заявленіямъ калужскихъ депутатовъ, что ихъ выборы не законны, то и т. д. Безпримѣрное, но понятное. Лишь только калужскіе или иные депутаты сдѣлаютъ это заявленіе, самъ собою станетъ общій вопросъ:

— А гдѣ лучше? въ какой губерніи выборы более соотвѣтствуютъ избирательному закону 3 іюня и дополнительнымъ къ нему инструкціямъ и правиламъ?

Въ самой постановкѣ такого вопроса содержится и отвѣтъ на него. Въ этомъ отвѣтѣ есть прежде всего иронія судьбы: принимая его, оппозиція, подобно калужскимъ конституціоналистамъ - демократамъ, окажется защитницей закона 3 іюня. Этимъ отвѣтомъ вполнѣ предрѣшается настоящее оппозиціи: принявъ его, она почти вся должна будетъ оставить свои мѣста въ Таврическомъ дворцѣ и идти на дополнительные выборы. А такъ какъ всѣ хорошо понимаютъ, что при нынѣшней реакціонной анархіи дополнительные выборы будутъ „*сдѣланы*" ничуть не хуже, чѣмъ выборы общіе, то этимъ рѣшеніемъ предопредѣляется и ближайшее будущее:

— Пойдемъ на новые выборы. Если насъ, не смотря на всѣ принятыя мѣры, выберутъ, — вернемся и снова заявимъ, что выборы незаконны. И снова уйдемъ „начинать сначала"...

Можно быть разныхъ мнѣній относительно этого приносимаго изъ провинціальныхъ глубинъ тактическаго предложенія: оставить Думу, но вести, такъ сказать, перманентную избирательную борьбу. Но оно застаетъ верхи оппозиціи врасплохъ. Ни къ чему подобному, кажется, не готовились. Въ Думу шли, продолжая старые споры на старыя темы и сохраняя традиціонныя представленія о предстоящей парламентской дѣятельности. Одни — правда, съ оговорками, хотя иногда и безъ оговорокъ—продолжали считать себя „отвѣтственной оппозиціей", призванной нести, если не вполнѣ „органическую", то во всякомъ случаѣ „законодательную работу". И ужъ въ самыхъ утвердительныхъ разговорахъ о послѣдней заключалось нѣкое предрѣшеніе:

— Правда, четвертую Думу дѣлаютъ. И мы обязаны это разоблачить. Но она призвана законодательствовать. И, слѣдовательно, придется—желаемъ мы этого или не желаемъ—юридически офор-

---

[1]) По свѣдѣніямъ „Рѣчи", это рѣшеніе было принято „извѣстною частью выборщиковъ" („Рѣчь", 30. X).

мить ея избраніе; придется формально допустить, что ея члены въ общемъ избраны правильно,—за исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ, которыхъ при провѣркѣ полномочій надо будетъ исключить...

На сей разъ эта традиціонная точка зрѣнія „отвѣтственной оппозиціи“ ужъ очень сталкивается съ элементарнымъ чувствомъ дѣйствительности и въ то же время совершенно не отвѣчаетъ на цѣлый рядъ неотложныхъ, выдвинутыхъ жизнью, вопросовъ:

— Какъ отнестись къ протестамъ лѣвыхъ? Что противопоставить правымъ, солидно вооружившимся для изгнанія противниковъ изъ Думы? Чѣмъ отразить попытки „разъясненія“ депутатовъ въ порядкѣ административнаго надзора за правильностью выборовъ? Какъ быть, наконецъ, съ предложеніями, подобными тѣмъ, какія сдѣланы калужскими выборщиками?

Совершенно ясно, на что обречена „отвѣтственная оппозиція“: осаждаемая извнѣ, взрываемая извнутри и въ то же время обязанная дать правильную, не оскорбляющую чувство дѣйствительности, юридическую квалификацію собственному избранію... Тутъ наиболѣе вѣроятны два выхода: надо либо послѣдовать предложенію изъ Калуги, либо впасть во многое множество натяжекъ,—конфузныхъ и практически безплодныхъ (все равно „разъяснятъ“).

Есть другая оппозиція,—якобы „безотвѣтственная“. Ея традиціонная точка зрѣнія даетъ возможность третьяго выхода:

— Да, Дума сдѣлана. Да, и наше избраніе юридически порочно. Но если, вы, черносотенцы, остались въ ней, то и мы, лѣвые, считаемъ себя въ правѣ занимать наши мѣста. Дума—фактъ. И мы остаемся въ ней, чтобы въ ея предѣлахъ, на почвѣ факта, дѣлать все возможное для скорѣйшаго торжества права.

Какъ общая алгебраическая формула, это звучитъ „гордо“. Но при малѣйшей попыткѣ наполнить ее конкретнымъ, ариѳметическимъ содержаніемъ обнаруживается неладное. На предвыборныхъ собраніяхъ снова были повторены старыя словеса, „конкретизирующія“ „революціонную“ думскую тактику: говорить съ трибуны странѣ, пользоваться свободой думскихъ преній и т. д. Но повтореніемъ старыхъ словесъ лишь подчеркнуто, что люди шли въ какую-то другую, а не четвертую Думу. Эта Дума—*новая* не только по способу ея созданія. Она *новая* и по размѣрамъ предоставленныхъ ей правъ. „Говорить съ трибуны странѣ“... Этотъ лозунгъ и въ прежнія времена вызывалъ большія сомнѣнія. Выборамъ въ IV Думу предшествовалъ циркуляръ, разъяснившій свободу парламентскаго слова въ странѣ: юридически разрѣшено прессѣ то, что физически невозможно—печатать полностью стенографическіе отчеты Думы; при малѣйшемъ же отступленіи отъ стенограммы, отчетъ о засѣданіи Думы предложено разсматривать, какъ обыкновенную статью, за каковую виновные въ случаѣ надобности могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности на общихъ основаніяхъ; этому же правилу отнынѣ подлежитъ и напечатанная рѣчь каж-

даго отдѣльнаго депутата, пусть даже она воспроизведена въ точности по стенографическому отчету; но если вся остальная часть стенограммы засѣданія, на которомъ произнесена эта рѣчь, сокращена или опущена, то... пожалуйте „къ законной отвѣтственности". Въ только что минувшемъ октябрѣ разъяснена „свобода слова" и внутри „парламента". Отнынѣ депутатъ можетъ быть привлекаемъ за рѣчь, которую онъ произнесъ по обязанности члена Думы, или запросъ, который имъ подписанъ, въ порядкѣ и частнаго и публичнагоо обвиненія къ судебной отвѣтственности... Съ трибуны странѣ не скажешь. А если, какъ предполагается, „правые" выберутъ г. Хвостова предсѣдателемъ, или хотя бы только товарищемъ предсѣдателя, то и въ самой Думѣ разговоры будутъ коротки. Въ случаѣ же разговоровъ долгихъ, — найдетъ законное примѣненіе, между прочимъ, пресловутая 129 статья: ея одной достаточно, чтобы привести оппозицію въ текучее состояніе. Нынче лѣвый депутатъ, завтра—исключенный изъ Думы политическій преступникъ. Избиратели на его мѣсто посылаютъ вновь лѣваго, — достаточное основаніе для новаго дѣла. Если даже оппозиція уйдетъ отъ „мытья", какое грозитъ ей вслѣдствіе юридическаго несовершенства выборовъ, то не уйдетъ отъ „катанья", уготованнаго разъяснительными новеллами.

Кругъ судебъ завершается. Реакція не остановилась передъ вытѣсненіемъ изъ Думы даже дворянъ, имѣющихъ хоть сколько-нибудь независимый образъ мыслей. Съ какой же стати она не воспользуется обширными возможностями для вытѣсненія „вѣдомыхъ крамольниковъ"? Объ этомъ оппозиція мало думала. Къ этому она не готовилась. И, Богъ вѣсть, сумѣетъ ли она при ея пестромъ составѣ, опредѣленномъ случайностями глухихъ и слѣпыхъ выборовъ, найти единодушный и достойный выходъ.

III.

„Передъ выборами" были мѣропріятія—усиленно законныя. „Во время выборовъ" были мѣропріятія—чрезвычайно законныя. Теперь настали мѣропріятія „послѣ выборовъ", — законныя въ еще болѣе превосходной степени.

Орелъ. Выборщику по второму съѣзду городскихъ избирателей города Мценска прогрессисту городскому головѣ Шумилину офиціально объявлено... о необходимости подать въ отставку („Русское Слово", 1. XI).

Иркутскъ. Выборщикъ города Киренска дьяконъ Нилъ Киренскій, голосовавшій за лѣвыхъ кандидатовъ, уволенъ консисторіей отъ занимаемой имъ должности („Русское Слово", 3. XI).

Рязань. Губернаторъ предложилъ непосредственному начальству четырехъ прогрессивныхъ выборщиковъ (врача, агронома и двухъ волостныхъ писарей) немедленно уволить ихъ со службы („Русское Слово", 4. XI).

Херсонъ. Присяжный повѣренный Мельниковъ, выставлявшій свою

кандидатуру въ выборщики отъ лѣвыхъ группъ въ г. Алешкахъ, по распоряженію попечителя учебнаго округа уволенъ отъ должности преподавателя законовѣдѣнія въ алешковской мужской гимназіи („Русское Слово", 2. XI).

Екатеринодаръ. Начальникъ Кубанской области предписалъ городскому головѣ немедленно уволить съ городской службы Пухлимскаго, выборщика отъ демократической группы, безъ права поступленія на городскую службу по всей области („Русское Слово", 7. XI).

Кромѣ того, есть, конечно, извѣстія объ арестахъ, обыскахъ и иныхъ мѣрахъ законнаго охраненія общественнаго спокойствія и государственнаго порядка отъ той опасности, какая грозитъ со стороны лицъ, имѣющихъ, какъ выяснилось за время выборовъ, неблагонадежный образъ мыслей. Мотивы этихъ распоряженій порою такъ же хорошо соотвѣтствуютъ духу времени, какъ и самыя мѣропріятія. Въ Тулѣ, напримѣръ, врачу психіатрической больницы, выборщику, предложено подать въ отставку на основаніи нижеслѣдующихъ соображеній. Этотъ врачъ, какъ выяснилось,

на предвыборныхъ собраніяхъ приглашалъ избирателей голосовать за прогрессистовъ, чѣмъ, по мнѣнію начальства, доказалъ свою принадлежность къ лѣвымъ партіямъ, а это запрещено циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ для лицъ, служащихъ по этому министерству („Русское Слово", 2. XI).

Въ той же Тулѣ другому выборщику, врачу сызр.-вяз. ж. д. предложено подать въ отставку за то, что онъ,

будучи предсѣдателемъ на предвыборномъ собраніи, намѣтившемъ кандидатовъ записками, „допустилъ" совершиться тому, что за кандидата-прогрессиста подано было подавляющее большинство записокъ („Русское Слово", 2. XI).

Словомъ, избирательная кампанія помогла сдѣлать немаловажныя открытія и началось то, что покойный Столыпинъ разумѣлъ въ своемъ афоризмѣ: „въ политикѣ нѣтъ мести, но есть послѣдствія". И послѣдствія, разумѣется, не для однихъ выборщиковъ. Есть послѣдствія и для всѣхъ вообще обывателей. Вѣдь, и среди нихъ выборная кампанія помогла сдѣлать нѣкоторыя открытія. Она во всякомъ случаѣ точнѣе опредѣлила степень благонадежности или неблагонадежности не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ группъ населенія. Точный учетъ данныхъ избирательной кампаніи, разумѣется,—впереди. Пока для этого просто не было достаточно времени. Слѣдовательно, и послѣдствія сдѣланныхъ открытій вполнѣ могутъ опредѣлиться лишь въ будущемъ. А пока и въ первую голову выборы выдвинули вопросъ о такъ называемомъ „иногороднемъ" населеніи казачьихъ областей и губерній. Что „иногородніе"—они же „разночинцы"—въ общемъ „лѣвѣе" казаковъ и дѣйствуютъ на послѣднихъ въ неблагонадежномъ направленіи, — это было замѣчено давно. Теперь, напримѣръ, оренбургскій губерна-

торъ и наказный атаманъ Оренбургскаго казачьяго войска г. Сухомлиновъ окончательно убѣдился, что „иногородніе“,

„обладая невысокимъ уровнемъ нравственныхъ правилъ и даже отсутствіемъ ихъ, оказываютъ въ этомъ громадное вліяніе на самую жизнь казаковъ, благодаря чему создается недовольство казака своимъ положеніемъ“.

Такую характеристику „иногороднимъ“ генералъ Сухомлиновъ даетъ въ офиціальномъ циркулярѣ по ввѣренной ему губерніи. Разумѣется, я ее оставляю всецѣло на моральной и юридической отвѣтственности г. Сухомлинова. Дабы совершенно устранить недоразумѣнія по вопросу объ отвѣтственности, добавлю, что я лично съ приведенной характеристикой „нравственнаго уровня“ „иногороднихъ“ безусловно несогласенъ. Считаю ихъ нравственность во всякомъ случаѣ не ниже средняго уровня. И полагаю, что генералъ Сухомлиновъ въ своемъ циркулярѣ впалъ въ нѣкоторое смѣшеніе понятій о нравственномъ и политическомъ. Нравственность, по моему мнѣнію, тутъ не при чемъ. Но въ смыслѣ политическомъ „иногородніе“ въ общемъ, дѣйствительно, развитѣе казаковъ, прогрессивнѣе, болѣе проникнуты „штатскими“, „цивильными“ и эгалитарными настроеніями. Нынѣшняя кампанія еще разъ это подчеркнула. И возникаетъ, такимъ образомъ, забота о „послѣдствіяхъ“, объ устраненіи опасности, быть можетъ, и не такой „огромной“, какъ полагаетъ г. Сухомлиновъ, но все же не маловажной. Г. Сухомлиновъ признаетъ, что устранить ее не такъ-то просто. На сторонѣ иногороднихъ законъ. О послѣднемъ самъ г. Сухомлиновъ даетъ въ своемъ циркулярѣ слѣдующую справку:

„Согласно высочайше утвержденному 29 апрѣля 1868 г. положенію военнаго совѣта, въ видахъ развитія торговли и промышленности въ поселеніяхъ казачьихъ войскъ, было предоставлено право невойсковому сословію пріобрѣтать въ собственность существующія всякаго рода строенія, не испрашивая на то согласія ни войскового начальства, ни станичнаго общества, при условіи взноса установленной посаженной платы. Лицамъ этого сословія предоставлено право пользоваться общимъ выгономъ для скота съ обязательствомъ нести общія земскія повинности“, и т. д.

На основаніи этого закона, въ губерніи среди казаковъ осѣли многіе десятки тысячъ иногороднихъ. Въ большинствѣ, разумѣется, бѣднота: огородники, ремесленники и т. д., но есть и богачи, предприниматели, купцы. Въ общемъ иногородніе играютъ нынѣ огромную роль въ мѣстной торговопромышленной жизни, связаны многоразличными и, между прочимъ, кредитными отношеніями съ торговопромышленнымъ оборотомъ всей страны. Наконецъ, это не евреи, съ которыми можно распорядиться въ порядкѣ толкованія и разъясненія правилъ о чертѣ осѣдлости: все больше „коренное“ великорусское и малорусское населеніе, да еще нѣмцы-колонисты... Трудное положеніе. Тѣмъ не менѣе г. Сухомлиновъ нашелъ выходъ. Онъ—какъ указано въ циркулярѣ—

„возбудилъ ходатайство передъ главнымъ штабомъ о не допущеніи иногороднихъ къ проживанію въ станицахъ, т. е возвратиться къ прежнему порядку, какой существовалъ до 1868 г.“.

Конечно, г. Сухомлиновъ самъ признаетъ, что „осуществленіе этого ходатайства можетъ потребовать значительное время“ [1]). Главный штабъ своею властью высочайшій указъ не отмѣнитъ. Неизвѣстно, согласится ли онъ съ соображеніями г. Сухомлинова. А если и согласится, то, быть можетъ, потребуетъ большихъ предварительныхъ справокъ, прежде, чѣмъ дать вопросу дальнѣйшее движеніе. Да и вопросъ-то не военный, а законодательный... Между тѣмъ опасность на лицо. Мѣры надо принимать теперь же, безотлагательно. И вотъ г. Сухомлиновъ собственною властью циркулярно предлагаетъ подвѣдомственнымъ ему чинамъ и учрежденіямъ принять къ непремѣнному руководству и точному исполненію нижеслѣдующее:

1) „Предписываю теперь же поставить въ извѣстность разночинцевъ“, что „въ дальнѣйшемъ они будутъ лишены всякой возможности пользованія на казачьихъ земляхъ строеніями“, „и что нѣтъ сомнѣнія, что они въ скоромъ времени будутъ вынуждены къ выселенію съ казачьей территоріи“;

2) „Предписываю предложить разночинцамъ теперь же избрать ходоковъ и посредствомъ ихъ изыскать мѣсто“ для переселенія;

3) „Предписываю внушить жителямъ, что въ виду предстоящаго выселенія разночинцевъ съ территоріи казачьяго населенія они (вѣроятно, казаки, — *А. П.*) не должны продавать недвижимость и отдавать разночинцамъ земли въ долгосрочныя аренды, а также торговыя мѣста, въ особенности при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, строенія и т. п.“...

Газетные корреспонденты добавляютъ, что мѣстная администрація, основываясь на этомъ циркулярѣ, приняла „рѣшительныя мѣры“, „разночинцамъ“ „грозитъ полное раззореніе“ и они „спѣшно снаряжаютъ ходоковъ“ для прісканія новыхъ мѣстъ поселенія [2])... Легко понять, какія мысли возникли по этому поводу въ политически неблагонадежной прессѣ. Во-первыхъ, высочайшее повелѣніе замѣнено губернаторскимъ ходатайствомъ, судьба коего неизвѣстна. Во-вторыхъ, что скажутъ, положимъ саратовскіе, казанскіе или московскіе купцы, имѣющіе векселя или иныя долговыя обязательства оренбургскихъ разночинцевъ, имущественное обезпеченіе которыхъ послѣ такого циркуляра о массовомъ выселеніи не могло не потерять добрую половину рыночной цѣны? Въ-третьихъ, что

---

[1]) Циркуляръ, быть можетъ, слишкомъ богатъ отступленіями отъ общепринятаго русскаго языка. Но въ виду важности вопроса, полагаю, не стоитъ обращать особое вниманіе на пререканія съ грамматикой. Я цитирую циркуляръ такъ, какъ онъ былъ напечатанъ въ газетахъ,—напр., въ „Рѣчи“, 25, X.

[2]) „Русское Слово“, 11 октября.

скажутъ, наконецъ, сами казаки, которые вдругъ стѣснены въ правѣ распоряжаться своею собственностью,—„не должны продавать", „не должны" отдавать въ аренду и, помимо всего прочаго, обречены терпѣть убытки отъ неизбѣжнаго при такихъ условіяхъ общаго паденія въ губерніи продажныхъ и арендныхъ цѣнъ? Въ-четвертыхъ, взять вдругъ и выселить изъ губерніи нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, и при томъ органически связанныхъ съ ея торговопромышленной жизнью,—вѣдь, это же катастрофа, потопъ, землетрясеніе не только для данной губерніи, но и для всего района ея естественнаго тяготѣнія... Такими и подобными соображеніями, можно думать, пресса отчасти надѣялась вызвать вмѣшательство со стороны начальства генерала Сухомлинова. Но, если и были эти надежды, онѣ, видимо, не оправдались. По крайней мѣрѣ, о вмѣшательствѣ начальства пока ничего не слышно..

Законъ, судьба многихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, благосостояніе цѣлыхъ сословій, цѣлыхъ губерній, даже цѣлыхъ областей... Навѣрное, и самъ г. Сухомлиновъ не станетъ отрицать, что все это величины важныя. Но есть иныя величины, которыя г. Сухомлиновъ, видимо, признаетъ еще болѣе важными, а либеральная пресса считаетъ пустяками. Охрана „государственнаго спокойствія" отъ той опасности, какою представляютъ собою элементы или группы населенія, неблагонадежные или хотя бы только сомнительные въ политическомъ отношеніи,—вотъ что всего важнѣе. Если для устраненія этой опасности нужно цѣлую область подвергнуть потопу, то...

Я не сомнѣваюсь: отмѣченныя мѣропріятія „послѣ выборовъ"— лишь начало. И отдѣльныя лица, и цѣлыя группы, оказавшіяся на выборахъ еще разъ „опасными", неминуемо подвергнутся „послѣдствіямъ", о характерѣ коихъ даетъ достаточное представленіе оренбургскій циркуляръ. И все-таки съ жуткимъ чувствомъ я останавливаюсь предъ диктуемой логикою выводомъ: если для борьбы съ обнаруженной крамолой административное усмотрѣніе найдетъ необходимымъ совершить потопъ, то и будетъ потопъ. Такъ ли? Перешагнетъ ли черезъ это бюрократія? Не найдетъ ли она въ самой себѣ препятствія и ограниченія?

Въ старые годы старые люди говорили: „должно быть единеніе власти съ народомъ". И это въ нѣдрахъ самой бюрократіи считалось несомнѣнной, святой истиной. И, пока была эта истина, въ ней геній административной распорядительности находилъ себѣ нѣкоторое ограниченіе. Каждому въ отдѣльности взятому администратору легко и просто—сѣсть и написать—50 тысячъ душъ выселяются, имущество ихъ упраздняется. Но десять другихъ администраторовъ все-таки вспомнятъ: а гдѣ же безспорный принципъ единства и неразрывности? И, слѣдовательно, пока была вѣра въ старую истину, внутри самой бюрократіи неминуемо возникали сомнѣнія и опасенія. Но извѣстна судьба древняго высшаго принципа

традиціонной государственности. Онъ исподволь втеченіе долгаго ряда лѣтъ подвергался изъятіямъ и оговоркамъ. Стали говорить:

— Единеніе съ народомъ, но не съ „безпочвенной интеллигенціей“;—съ народомъ, но не съ „образованнымъ классомъ“; — съ *русскимъ* народомъ, а не съ евреями, поляками или другими инородцами; — съ *православнымъ* народомъ, а не съ сектантами или иновѣрцами...

Изъ понятія „народъ“ исключали одну группу за другой до тѣхъ поръ, пока отъ самаго понятія ничего не осталось, и старая истина: „должно быть единеніе власти съ народомъ“, стала укоризной. Начало министерской карьеры Столыпина совпало съ провозглашеніемъ новаго принципа. По столыпинской доктринѣ, заботы объ единеніи—предразсудокъ; истина же въ томъ, что у власти должна быть „опора“, а таковой могутъ быть признаны только „сильные“, „имущественные классы“,—главнымъ образомъ буржуазія и землевладѣніе. Власть должна быть въ координаціи и солидарности съ „сильными“, съ „опорой“,—остальное несущественно. Этотъ новый принципъ значительно ниже стараго. Но и въ немъ геній административной распорядительности могъ найти свое ограниченіе. Пусть каждому въ отдѣльности взятому администратору стало еще легче сѣсть и написать:

— 50 тысячъ душъ выселяются.

Но десять другихъ администраторовъ все-таки, навѣрное, вспомнятъ: а нѣтъ ли „сильныхъ“ среди этихъ 50 тысячъ? Не пострадаютъ ли интересы „имущественныхъ классовъ“? Если даже администраторы забудутъ объ этомъ,—„опора“ сама напомнитъ. И разъ теорія координаціи съ опорой признается обязательной, внутри самой бюрократіи опять-таки неминуемы были бы колебанія, сомнѣнія и опасенія. Но извѣстна судьба и новой истины: понятіе „сильные“ также стало подвергаться систематическимъ изъятіямъ и оговоркамъ. Координація власти съ буржуазіей, но не съ той, которая „принадлежитъ къ іудейскому вѣроисповѣданію“; координація съ дворянствомъ, но не съ тѣмъ, которое заражено либеральнымъ образомъ мыслей... Въ концѣ концовъ и отъ понятія „сильные“ осталось пустое мѣсто, разсужденія объ „опорѣ“ получили иронической оттѣнокъ.

И вотъ пришли новѣйшіе глашатаи истинъ. Нынѣшніе выборы не только помогли сдѣлать дополнительныя открытія относительно политически неблагонадежныхъ лицъ и группъ. Выборы помогли также доказать на большомъ опытѣ правильность новѣйшихъ истинъ. Что бы тамъ ни говорили всѣ „сильные“ Нижегородской губерніи все нижегородское или даже россійское купечество, все нижегородское дворянство, а г. Хвостовъ поступалъ такъ, какъ находилъ нужнымъ, добился, въ частности, такихъ выборовъ въ Думу, какіе считалъ желательными. И результаты этой политики на лицо: ни-

какихъ „революцій“ не произошло. Какъ бы ни протестовало все россійское дворянство (или значительная часть его), а дѣлатели выборовъ мобилизовали „батюшекъ“, одержали надъ дворянствомъ во многихъ мѣстахъ побѣду,—и опять-таки никакихъ революцій не случилось. Когда мобилизованные батюшки возмечтали было о себѣ, впали въ ересь своевольства и „самостоятельности“, г. Саблеръ быстро водворилъ порядокъ и при этомъ ни на кого не опирался, достигъ побѣды единственно строгостью и распорядительностью. Старый принципъ „единенія“ сданъ въ архивъ за ненадобностью. Да и новый принципъ „координаціи“, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, не нуженъ. Не нужно вообще принциповъ полагающихъ предѣлъ административнымъ порывамъ. И стало легко, свободно, безпредѣльно. И стало очень просто—сѣсть и однимъ росчеркомъ пера опустошить хотя бы и цѣлую губернію ради „общественнаго спокойствія и государственной безопасности“. И нѣтъ уже въ нѣдрахъ бюрократіи догмата, способнаго вызвать смущеніе, колебаніе, — ограничить административную предпріимчивость. И особый характеръ получаетъ традиціонная внутренняя политика. Это политика борьбы съ „внутреннимъ врагомъ“ на основѣ безпредѣльной независимости отъ сдерживающихъ догмъ;—политика совершенно развязавшихся рукъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что это—завершеніе круга судебъ, историческая точка въ концѣ цѣлой главы. Геній административной предпріимчивости, не находящій себѣ внутреннихъ предѣловъ, неминуемо встрѣтитъ предѣлы извнѣ. И уже не „крамольники“, не либералы, не отдѣльныя группы обывателей, а вся совокупность историческихъ силъ и интересовъ въ той или иной формѣ повторитъ:

— Такъ жить нельзя.

А. Петрищевъ.

Замѣтка.

(По поводу семидесятилѣтія П. А. Кропоткина).

Въ 1904 году я присутствовалъ при характерной встрѣчѣ двухъ очень выдающихся людей, каждый изъ которыхъ имѣлъ рѣзко выраженную индивидуальность. Очень пожилая женщина, пріѣхавшая на время въ Лондонъ, захотѣла видѣть старика, живущаго здѣсь постоянно. Оба они заочно знали и высоко цѣнили другъ друга. Она—извѣстная политическая дѣятельница, мужественная, полная самоотверженія, молодость которой прошла въ тюрьмахъ и въ Сибири. Онъ—ученый съ міровымъ именемъ и тоже крупный политическій дѣятель. Она—прямо титаническая, стихійно-русская фи-

гура. Такимъ мужествомъ и забвеніемъ про себя, такою нравственною силою, такою непреклонною волею и такимъ громаднымъ вліяніемъ на окружающихъ отличалась, вѣроятно, княгиня Урусова, которую уморили въ 1672 году въ Боровской тюрьмѣ или боярыня Морозова. Въ Россіи вопросъ о равноправіи женщинъ—нелѣпость: у насъ женщина во многихъ движеніяхъ, начиная отъ раскола, *часто* стояла впереди мужчины. И если наша дѣйствительность создавала безвольныхъ, слабыхъ Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда, Чулкатуриныхъ, Рудиныхъ и др., то русская женщина всегда была сильна и смѣла.

„Въ бѣдѣ—не сробѣетъ,—спасетъ:
Коня на скаку остановитъ,
Въ горящую избу войдетъ".

— Я тебя Петръ, встрѣтила уже разъ,—сказала женщина, говорившая всѣмъ *ты* по старой нигилистической привычкѣ.

— Неужели, бабушка? Я думалъ, мы видимся впервые.

— Вспомни 1864 годъ. Зимой тогда, офицеръ, ѣхавшій изъ Сибири, встрѣтилъ въ вагонѣ между Москвой и Петербургомъ молоденькую дѣвушку, съ которой проговорилъ всю ночь объ общественныхъ вопросахъ? Дѣвушка впервые ѣхала изъ своего имѣнья въ Петербургъ учиться.

— Въ мѣховомъ капорѣ?—быстро спросилъ ученый.

— Ну, ну! Я—та самая дѣвушка.

Молодой офицеръ, съ громкимъ титуломъ, бывшій камеръ-пажъ и фельдфебель пажескаго корпуса, возвращался въ 1864 году изъ Сибири курьеромъ въ Петербургъ для личнаго доклада. Отъ Иркутска до Нижняго-Новгорода онъ мчался день и ночь на перекладныхъ, въ кибиткѣ. Рѣки только начали замерзать. Черезъ Томь, ставшую наканунѣ, крестьяне наотрѣзъ отказались переправить курьера. Послѣ долгихъ переговоровъ они стали требовать, наконецъ, съ него „росписку".

— Какую вамъ росписку?—спросилъ молодой офицеръ.

— А вотъ напишите намъ бумагу: „Я, молъ, нижеподписавшійся, симъ свидѣтельствую, что утонулъ по волѣ Божьей, а не по винѣ крестьянской", и дайте намъ эту росписочку.

— Отлично!—отвѣтилъ офицеръ,—на другомъ берегу.

Послѣ путешествія, продолжавшагося безпрерывно двадцать три дня и ночи, курьеръ добрался до желѣзной дороги. Жизненной энергіи было такъ много, что молодой офицеръ всю ночь проговорилъ съ дѣвушкой, ѣхавшей учиться, о вопросахъ волновавшихъ тогда передовое русское общество. И разговоръ этотъ произвелъ такое глубокое впечатлѣніе на крайне сильную, крупную, оригинальную натуру, что она его помнила черезъ сорокъ лѣтъ, когда они встрѣтились съ бывшимъ офицеромъ уже стариками.

Женщина эта находится теперь очень далеко. Офицеръ, ѣхавшій курьеромъ, — теперь въ Брайтонѣ. Черезъ нѣсколько дней, 26 ноября, англійскіе ученые и литераторы собираются торжественно привѣтствовать его по поводу исполняющихся семидесяти лѣтъ. Я говорю, конечно, о Петрѣ Алексѣевичѣ Кропоткинѣ, который намъ, русскимъ, долженъ быть неизмѣримо ближе и дороже, чѣмъ иностранцамъ. Англичане будутъ его чествовать, какъ крупнаго ученаго и какъ выдающагося писателя, котораго знаютъ и глубоко уважаютъ люди, даже совершенно расходящіеся съ нимъ въ политическихъ взглядахъ. О томъ, какъ высоко цѣнятъ П. А. за границей, можно судить по словамъ Георга Брандеса: „Въ настоящее время (писано въ 1901 году) есть только два великихъ русскихъ, которые думаютъ для русскаго народа и мысль которыхъ принадлежитъ человѣчеству: Левъ Толстой и Петръ Кропоткинъ... Хотя эти два человѣка радикально отличаются другъ отъ друга, но можно намѣтить параллель въ ихъ жизни и въ ихъ пониманіи жизни. Толстой—художникъ, Кропоткинъ—ученый. Но въ жизни того и другого былъ моментъ, когда они не могли больше найти успокоенія въ работѣ, въ которую каждый изъ нихъ внесъ большія природныя дарованія. Толстого заставили свернуть съ пути, по которому онъ слѣдовалъ,—религіозныя размышленія, а Кропоткина—размышленія соціальныя... Оба любятъ человѣчество... Обоихъ одинаково тянетъ къ униженнымъ и оскорбленнымъ... Оба—идеалисты и оба имѣютъ темпераментъ реформаторовъ“. Брандесъ отмѣчаетъ также поразительную скромность П. А. Кропоткина. О ней говоритъ, между прочимъ, и то, что онъ уклонился отъ всякихъ чествованій; но авторъ „Записокъ революціонера“ такая крупная, такая яркая, красивая, оригинальная и типично *русская* индивидуальность, что я не могу не написать о ней хоть нѣсколько словъ въ русскомъ журналѣ.

Люди вообще склонны къ *эгометричности*, если можно такъ выразиться, когда имъ приходится оцѣнивать окружающее. Коренной горожанинъ, знающій деревню только по дачной жизни, склоненъ преувеличивать значеніе города, какъ соціальнаго фактора. Съ другой стороны, деревенскій житель, бывающій въ городахъ только наѣздами, признаетъ только одинъ соціальный факторъ—землю и крестьянскій трудъ, обезцѣнивая значеніе города. Въ силу *эгометричности* низкій человѣкъ видитъ во всѣхъ окружающихъ только негодяевъ и въ каждомъ хорошемъ поступкѣ ищетъ корыстную подкладку. Съ другой стороны, благородный человѣкъ замѣчаетъ все лучшее въ людяхъ. Въ лицѣ П. А. Кропоткина передъ нами, прежде всего, человѣкъ съ очень большой душой, прикидывающій поэтому ко всѣмъ окружающимъ свой страшно длинный аршинъ. Передъ нами, прежде всего, удивительно добрый человѣкъ, глаза котораго устроены такъ, что они сразу замѣчаютъ въ окружающихъ die grüne Seite, т. е. все лучшее. П. А. Кропот-

кинъ не только усматриваетъ въ природѣ добро, но и *выгоду этого добра;* добро это—необходимый факторъ эволюціи. Передъ нами ключъ къ пониманію соціальнаго ученія П. А. Кропоткина. Я раскрываю книгу его „Mutual Aid“, съ которой у меня связанъ маленькій анекдотъ. Когда эта книга вышла въ 1902 году, я немедленно рѣшилъ познакомить съ нею читателей *„Русскаго Богатства“*. Но журналъ нашъ былъ тогда подъ цензурой. И хотя въ книгѣ не было ничего „нецензурнаго“, но за одно имя несомнѣнно запретили бы статью. И я сдѣлалъ слѣдующее: на протяженіи четырехъ печатныхъ листовъ (статья заняла двѣ книжки) я ни разу не назвалъ автора книги, о которой писалъ. Я цитировалъ названіе книги, указывалъ страницы, но не имя автора. Не знаю, что подумали тогда читатели по поводу такой невѣроятной забывчивости!

Въ своей книгѣ Mutual Aid Кропоткинъ говоритъ, что во время путешествій по Восточной Сибири и по Сѣверной Монголіи его поразили два факта. Во-первыхъ, поразила та отчаянная борьба за существованіе, которую должны вести съ суровой природой многіе виды. Послѣдствіемъ этого является гибель многихъ индивидуумовъ и скудость жизни. Съ другой стороны, даже въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ въ Восточной Сибири или Монголіи, гдѣ жизнь кипитъ, П. А. Кропоткинъ, не смотря на тщательные поиски, не могъ подмѣтить, чтобы между животными, принадлежащими къ тому же виду, шла та отчаянная борьба за средства къ существованію, которую многіе дарвинисты (хотя не всегда самъ Дарвинъ) признаютъ главнымъ факторомъ эволюціи. Всюду, гдѣ авторъ видѣлъ жизнь въ изобиліи, напр., на озерахъ, гдѣ милліоны индивидовъ, принадлежащіе къ десяткамъ видовъ, собираются вмѣстѣ, чтобы вывести дѣтей, въ колоніяхъ грызуновъ, въ массовыхъ перелетахъ птицъ на Уссури, а въ особенности въ кочеваніяхъ краснаго звѣря, которыя онъ наблюдалъ на Амурѣ,—всюду, словомъ,—П. А. Кропоткинъ могъ замѣтить не борьбу между индивидуумами, а *взаимную помощь*, mutual aid. Этимъ факторомъ, а не борьбой между индивидуумами за средства къ существованію обусловливается эволюція. Втеченіе безконечнаго ряда вѣковъ у животныхъ, въ томъ числѣ и у человѣка, выработался инстинктъ взаимопомощи. Этотъ инстинктъ подсказываетъ, что въ совмѣстной жизни индивидуумы находятъ поддержку и радость. Авторъ предвидитъ, что ему скажутъ, что онъ въ своей книгѣ изображаетъ людей и животныхъ въ слишкомъ привлекательномъ видѣ: что общественные инстинкты ихъ слишкомъ выдвигаются впередъ, тогда какъ анти-соціальные — почти не затронуты. „Но это было неизбѣжно, — говоритъ авторъ. — Мы такъ часто слышали въ послѣднее время про „жестокую, безпощадную борьбу за существованіе“, которую будто бы каждое животное вынуждено вести противъ всѣхъ остальныхъ животныхъ, каждый „дикарь“ противъ остальныхъ „дикарей“, а каждый цивилизованный человѣкъ противъ

своихъ согражданъ, эти утвержденія до такой степени превратились въ канонъ, что, прежде всего необходимо противопоставить имъ обширную серію фактовъ, показывающихъ человѣческую и животную жизнь подъ совершенно инымъ угломъ. Необходимо было указать на то подавляющее значеніе, которое имѣютъ общественныя привычки въ эволюціи животныхъ“ [1]).

Общественныя привычки и взаимная помощь даютъ возможность слабымъ животнымъ бороться съ природой и съ непріятелями. Законъ Mutual Aid, т.-е. взаимной помощи является главнымъ, хотя и не исключительнымъ, факторомъ эволюціи. Подъ вліяніемъ дѣйствія этого закона явились такія учрежденія, какъ племя, деревенская община, гильдія, средневѣковый городъ...

Отсюда выводъ. Дайте людямъ устроиться. Предоставьте свободное дѣйствіе закону взаимной помощи. Люди, которые гораздо добрѣе, чѣмъ о нихъ думаютъ, выработаютъ безъ посторонняго вмѣшательства справедливыя формы общежитія. Не надо опеки надъ человѣкомъ. „Унаслѣдованные нами предразсудки и все наше совершенно ложно поставленное воспитаніе и образованіе—говоритъ П. А. Кропоткинъ — такъ пріучили насъ видѣть повсюду опеку, что въ концѣ концовъ мы начинаемъ думать, что, если бы не постоянная бдительность, люди перегрызлись бы, какъ дикіе звѣри, и что, если бы государственная власть вдругъ рухнула, то на землѣ водворился бы полный хаосъ. Такъ насъ учили; и мы, какъ добрые школяры, такъ и твердимъ во слѣдъ за „большими“. А между тѣмъ мы проходимъ, совершенно не замѣчая того, мимо тысячъ различныхъ учрежденій, созданныхъ людьми безъ всякаго вмѣшательства закона—учрежденій, которыя достигаютъ гораздо болѣе значительныхъ результатовъ, чѣмъ все то, что происходитъ подъ правительственной опекой“ [2]).

Авторъ указываетъ на международныя дороги, на англійское общество спасанія на водахъ, на Красный Крестъ. Всюду авторъ видитъ организаціи, возникшія по свободному соглашенію. Объ англійскомъ Lifeboat Association П. А. Кропоткинъ пишетъ: „Нѣсколько человѣкъ добровольцевъ взялись за дѣло. Будучи сами хорошими моряками, они изобрѣли такія лодки для спасенія погибающихъ, которыя могутъ бороться съ бурей, не опрокидываясь и не будучи залиты волнами; а затѣмъ они начали вести агитацію, чтобы заинтересовать въ своемъ предпріятіи публику: найти нужныя деньги, построить спасательныя лодки и распредѣлить ихъ по тѣмъ береговымъ пунктамъ, гдѣ онѣ всего нужнѣе... Все это дѣло создавалось добровольцами, исключительно путемъ свободнаго соглашенія и личнаго почина... Даже планы судовъ составлялись не въ адмиралтействѣ .. Даже люди, пускающіеся въ море, вполнѣ

[1]) P. Kropotkin, „Mutual Aid“, XVII.
[2]) „Хлѣбъ и Воля“, стр. 158.

довѣряя своей лодкѣ, въ каждомъ пунктѣ строили ее по тому типу и той оснастки, которыя выбраны или выработаны самою мѣстною группою. Потому-то въ это дѣло каждый годъ вносятся новыя усовершенствованія. И это все дѣлается добровольцами, организующимися въ мѣстные комитеты и группы; все происходитъ на началахъ взаимной поддержки и взаимнаго соглашенія“ [1]).

Передъ нами, прежде всего, любвеобильный оптимистъ, съ большой душой, твердо вѣрующій поэтому, что люди, если предоставить имъ полную свободу, въ силу „выгоды“ соединятся въ наиболѣе совершенныя организаціи.

Термины ,любвеобильный“, „добрый“, „мягкій“ ассоціируются часто съ представленіемъ о чемъ-то безвольномъ, вяломъ, слабомъ, расплывчатомъ, сѣромъ. Въ лицѣ П. А. Кропоткина передъ нами сильный, подвижной, энергичный, смѣлый [2]), полный жизни, не смотря на свои семьдесятъ лѣтъ, крайне цѣльный человѣкъ. Въ Западной Европѣ, лица, совершенно расходящіяся съ П. А. Кропоткинымъ въ политическихъ взглядахъ, высоко цѣнятъ въ немъ, тѣмъ не менѣе, ученаго и человѣка. Передъ нами дѣйствительно крупный ученый, выступившій со своимъ словомъ: объ орографіи Азіи и о ледниковомъ періодѣ. Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ вниманіе П. А. Кропоткина было поглощено однимъ вопросомъ: открыть руководящія черты строенія нагорной Азіи и основные законы расположенія ея хребтовъ и плоскогорій. Въ наукѣ господствовали тогда обобщенія Александра Гумбольдта, покрывшаго карту Азіи сѣтью хребтовъ, идущихъ по меридіанамъ и параллельнымъ кругамъ. Послѣ годовъ подготовительной работы и упорной мысли П. А Кропоткинъ выступилъ со своей картой орографіи Азіи, которая теперь всюду принята. Кропоткинъ доказалъ, что основные хребты Азіи тянутся не съ сѣвера на югъ и не съ запада на востокъ, а съ юго-запада на сѣверо-востокъ, точно также, какъ Скалистыя горы и нагорья Сѣверной Америки тянутся съ сѣверо-запада къ юго-востоку. Одни только второстепенные хребты убѣгаютъ на сѣверо-западъ. Далѣе, горы Азіи отнюдь не рядъ самостоятельныхъ хребтовъ, какъ Альпы, но окаймляютъ громадное плоскогорье, — бывшій материкъ, который направлялся когда-то отъ Гималаевъ къ Берингову проливу. Высокіе окраинные хребты выростали вдоль его береговъ, и съ теченіемъ времени терассы, образованныя позднѣйшими осадками, поднимались изъ моря, увеличивая основной материкъ

---

[1]) „Хлѣбъ и Воля“, стр. 173.

[2]) Двадцати лѣтъ съ небольшимъ онъ совершилъ переходъ съ Лены на Амуръ. Тамъ въ честь изслѣдователя названъ хребетъ (хребетъ князя Кропоткина). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ П. А. отправился въ Маньчжурію, переодѣвшись, какъ Вамбери.

Азіи въ ширину [1]). Другойс амостоятельный вкладъ въ науку П. А.—работа о ледниковомъ періодѣ въ Европѣ. Такъ какъ Кропоткинъ въ сильной степени обладаетъ тѣмъ, что Тиндаль называетъ научнымъ воображеніемъ и большимъ литературнымъ талантомъ, то самъ въ нѣсколькихъ словахъ ярко и образно формулируетъ свои открытія. „Всматриваясь въ заливы и озера Финляндіи, у меня зарождались новыя, величественныя обобщенія. Я видѣлъ, какъ въ отдаленномъ прошломъ, на зарѣ человѣчества, въ сѣверныхъ архипелагахъ, на Скандинавскомъ полуостровѣ и въ Финляндіи скоплялись льды. Они покрыли всю сѣверную Европу и медленно расползались до ея центра. Жизнь тогда исчезала въ этой части сѣвернаго полушарія, и жалкая, невѣрная отступала все дальше и дальше на югъ передъ мертвящимъ дыханьемъ громадныхъ ледяныхъ массъ. Несчастный, слабый, темный дикарь съ великимъ трудомъ поддерживалъ непрочное существованіе. Прошли многія тысячелѣтія, прежде чѣмъ началось таянье льдовъ и наступилъ озерной періодъ. Безчисленныя озера образовались тогда во впадинахъ; жалкая субполярная растительность начала робко показываться на безбрежныхъ болотахъ, окружавшихъ каждое озеро, и прошли еще тысячелѣтія, прежде чѣмъ началось крайне медленное высыханіе болотъ и растительность стала надвигаться съ юга. Теперь мы въ періодѣ быстраго высыханія, сопровождаемаго образованіемъ степей, и человѣку нужно найти способъ, какимъ образомъ остановить это угрожающее юго-восточной Европѣ высыханіе, жертвой котораго уже пала Центральная Азія“ [2]). П. А. Кропоткинъ крупный ученый, знающій радости научнаго творчества. „Въ человѣческой жизни мало такихъ радостныхъ моментовъ,—говоритъ онъ—которые могутъ сравниться со внезапнымъ зарожденіемъ обобщенія, освѣщающаго умъ послѣ долгихъ и терпѣливыхъ изысканій. То, что втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ казалось хаотическимъ, противорѣчивымъ и загадочнымъ, сразу принимаетъ опредѣленную, гармоническую форму. Изъ дикаго смѣшенія фактовъ, изъ-за тумана догадокъ, опровергаемыхъ, едва лишь успѣютъ зародиться,—возникаетъ величественная картина, подобно альпійской цѣпи, выступающей во всемъ великолѣпіи изъ-за скрывавшихъ ее облаковъ и сверкающихъ на солнцѣ во всей простотѣ и многообразіи, во всемъ величіи и красотѣ. А, когда обобщеніе подвергается провѣркѣ, примѣняя его ко множеству отдѣльныхъ фактовъ, казавшихся до того безнадежно противорѣчивыми,—каждый изъ нихъ сразу занимаетъ свое положеніе и только усиливаетъ впечатлѣніе, производимое общею картиной. Одни факты оттѣняютъ нѣкоторыя характерныя черты, другіе—раскрываютъ неожиданныя подробности, полныя глубокаго

---

[1]) Трудъ объ орографіи Азіи вышелъ отдѣльно въ 1904 г., хотя написанъ еще въ серединѣ семидесятыхъ годовъ.

[2]) „Записки Революціонера“ (Лондонъ, 1902. Стр. 226).

значенія. Обобщеніе крѣпнетъ и расширяется. А дальше, сквозь туманную дымку, окутывающую горизонтъ, глазъ открываетъ очертанія новыхъ и еще болѣе широкихъ обобщеній. Кто испыталъ разъ въ жизни восторги научнаго творчества, тотъ никогда не забудетъ блаженнаго мгновенія. Онъ будетъ жаждать повторенія. Ему досадно будетъ, что подобное счастье выпадаетъ на долю немногимъ, тогда какъ оно всѣмъ могло бы быть доступно, въ той или другой мѣрѣ, если бы знаніе и досугъ были достояніемъ всѣхъ" [1]).

И стремленіе къ радостямъ научнаго творчества сдерживалось великой совѣстью. Передъ нами рядомъ съ Кропоткинымъ-ученымъ выступаетъ Кропоткинъ-человѣкъ. И трудно рѣшить, кто изъ нихъ крупнѣе, красивѣе, обаятельнѣе. Крупная личность и крупный ученый находятся въ удивительной и очень рѣдко встрѣчающейся гармоніи. Тридцатилѣтній Кропоткинъ стремится къ научной дѣятельности. Онъ видитъ широкіе горизонты для геологіи и физической географіи; но тутъ выступаетъ великая совѣсть. „Какое право имѣлъ я на всѣ эти высшія радости, когда вокругъ меня — гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусокъ хлѣба! Когда все, затраченное мною, чтобы жить въ мірѣ высокихъ душевныхъ движеній, неизбѣжно должно быть вырвано изо рта сѣющихъ пшеницу для другихъ и не имѣющихъ достаточно чернаго хлѣба для собственныхъ дѣтей?.. Знаніе—могучая сила. Человѣкъ долженъ овладѣть имъ. Но мы и теперь уже знаемъ много. Что если бы это знаніе, и только это, стало достояніемъ всѣхъ? Развѣ сама наука тогда не подвинулась бы быстро впередъ?.. Массы хотятъ знать. Онѣ готовы расширить свое знаніе,—только дайте его имъ, только предоставьте имъ средства завоевать себѣ досугъ" [2]).

Пушкинъ говоритъ намъ про то, какъ поэтъ, который въ обычной жизни можетъ быть ничтоженъ, преображается и становится искреннимъ, когда творитъ, когда онъ „звуковъ и смятенья полнъ". Современная психологія даетъ точное объясненіе явленію, нащупанному геніемъ Пушкина. Мы знаемъ теперь о *подсознательномъ я* и т. п. Итакъ, глубокая искренность въ моментъ писанія (искренность, доходящая до того, что авторъ самъ сильно страдаетъ и плачетъ вмѣстѣ съ героями, которыхъ придумалъ) и личная жизнь автора, составляющая прямую противоположность тому, что онъ пишетъ, — вполнѣ возможны. Но такого раздвоенія у П. А. Кропоткина нѣтъ. Приведенныя выше строки не только красивый образъ. За авторомъ ихъ нѣтъ недоимокъ. Всю свою жизнь онъ поступалъ такъ, какъ диктовало ему убѣжденіе. Какъ очень талантливаго человѣка, какъ камеръ-пажа, какъ окончившаго первымъ самое привилегированное учебное заведеніе въ

---

1) Ib., стр. 214.
2) Ib., стр. 227.

Россіи, какъ князя Рюриковича, какъ богатаго помѣщика, — его ждала блестящая карьера. Передъ нимъ были открыты всѣ дороги. Но Кропоткинъ уже юношей, вмѣсто того, чтобы выйти въ лейбъ-гвардію, выбираетъ скромный сибирскій казачій полкъ, потому что желаетъ приносить пользу и работать. Потомъ, когда П. А. Кропоткинъ пришелъ окончательно къ извѣстнымъ политическимъ и соціальнымъ взглядамъ, онъ спокойно и *просто* отвернулся отъ всего блестящаго прошлаго и пошелъ интеллигентнымъ пролетаріемъ по тому пути, который самъ намѣтилъ для себя. Жизнь П. А. Кропоткина красива, трогательна, цѣльна, а потому поучительна. Лѣтъ двѣнадцать назадъ русскіе, жившіе въ Лондонѣ, собрались вмѣстѣ, чтобы почтить память декабристовъ. П. А. Кропоткинъ, великолѣпно знающій русскую литературу и отлично декламирующій, прочиталъ стихотвореніе Кондратія Рылѣева „Гражданинъ“:

„Нѣтъ! Не способенъ я въ объятіяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка;
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія измученной отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются“.

Потомъ П. А. сказалъ мнѣ, что эти стихи онъ запомнилъ еще въ пажескомъ корпусѣ. И, конечно, уже двадцатилѣтній П. А. Кропоткинъ имѣлъ полное нравственное право выставить эти стихи своимъ девизомъ.

Эта цѣльность и обаятельность натуры, эта искренность, это моральное мужество, этотъ сильный умъ давно уже доставили П. А. Кропоткину и такихъ друзей въ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, которые расходятся съ нимъ въ многомъ. По воскресеньямъ, когда П. А. жилъ въ Bromby, а потомъ въ Лондонѣ, я встрѣчалъ у него, рядомъ съ рабочими всѣхъ странъ, то канадскаго профессора, то англійскаго отставного генерала, то клэрджимэна, то лэди съ громкимъ титуломъ, то знаменитыхъ писателей всѣхъ странъ. Признаться, мнѣ никогда не приходилось бывать въ такомъ разноязычномъ и „разнослойномъ“, если можно такъ выразиться, обществѣ, какое я находилъ у Кропоткина. Одни высоко его ставили, какъ ученаго, другіе, какъ борца за униженныхъ и оскорбленныхъ. Тѣмъ онъ былъ дорогъ, какъ удивительно талантливый писатель, „Записки“ котораго могутъ быть поставлены рядомъ съ книго

А. И. Герцена „Былое и думы“ [1]). Затѣмъ всѣ знающіе П. А. Кропоткина сходятся въ томъ, что болѣе яркой и обаятельной личности никогда не встрѣчали.

Съ дѣтства П. А. преисполнился глубокой любви къ русскому народу и вѣры въ него. Знакомство съ западно-европейскимъ пролетаріятомъ не ослабило эту любовь. Бываетъ, что любовь къ крестьянамъ и къ рабочимъ ассоціируется съ ненавистью къ интеллигенціи. Кропоткинъ знаетъ передовую русскую интеллигенцію и любитъ ее. Когда она падаетъ духомъ, когда она разгромлена,— П. А. Кропоткинъ не бросаетъ ее, не глумится надъ нею, но говоритъ ей: „Слейтесь съ народомъ. Познаніе творческихъ силъ, заключенныхъ въ немъ, возродитъ васъ и дастъ вамъ силы. Вспомните, какое отчаянье охватило Герцена послѣ 1848 года? Но великаго писателя спасла вѣра въ народъ“. Въ своихъ „Запискахъ“ П. А. Кропоткинъ вспоминаетъ потрясающую сцену, вполнѣ обычную, впрочемъ, шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Отецъ П. А. въ минуту раздраженія отправляетъ крѣпостного настройщика и подъ-дворецкаго Макара на съѣзжую, чтобы ему „закатили сто розогъ“.

„Бьетъ четыре. Мы всѣ спускаемся къ обѣду, но ни у кого нѣтъ охоты ѣсть, никто не дотрагивается до супа. Насъ за столомъ десять человѣкъ. За каждымъ стоитъ „скрипка“ или „тромбонъ“, съ чистой тарелкой въ лѣвой рукѣ, но Макара нѣтъ... Входитъ Макаръ, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, пристыженный, съ опущенными глазами... Слезы душатъ меня. Послѣ обѣда я выбѣгаю, нагоняю Макара въ темномъ корридорѣ и хочу поцѣловать его руку; но онъ вырываетъ ее и говоритъ, не то съ упрекомъ, не то вопросительно: „Оставь меня; небось, когда выростешь, и ты такой же будешь?“

— „Нѣтъ, нѣтъ, никогда!“ [2]). То было не простое восклицаніе нервнаго мальчика, а доподлинная Аннибалова клятва. И теперь, старикомъ, П. А. такъ же сильно болѣетъ страданіями *коллективнаго Макара*, какъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Помню, какъ глубоко страдалъ П. А. Кропоткинъ послѣ каждаго русскаго пораженія во время русско-японской войны, такъ какъ, прежде всего, видѣлъ горы труповъ въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ, т. е. десятки тысячъ убитыхъ и изувѣченныхъ „Макаровъ“, горе овдовѣвшихъ солдатокъ, нищету ребятишекъ. Я долженъ отмѣтить здѣсь прямо поразительную прозорливость П. А. Послѣ *перваго* большого пораженія я получилъ письмо отъ Кропоткина, въ которомъ онъ доказываетъ, что кампанія проиграна; но и самыя прозорливые люди

---

[1]) Русскій переводъ—полнѣе англійскаго оригинала, такъ какъ является результатомъ сличенія французскаго и нѣмецкаго переводовъ, переработанныхъ авторомъ; но и русскій переводъ не полонъ въ томъ смыслѣ, что у автора есть еще главы (написанныя по русски). Такъ какъ я имѣлъ возможность познакомиться съ этими главами, то могу сказать, что онѣ составили бы украшеніе „Записокъ“.

[2]) „Записки Революціонера“, стр. 47.

поддаются иногда чрезмѣрному оптимизму. Восемнадцатаго октября 1905 года, когда въ англійскихъ газетахъ появился манифестъ 17 октября, я получилъ такую телеграмму отъ П. А. Кропоткина: „Félicite avec première victoire du peuple russe. Les autres suivront“. Дѣйствительность быстро разрушила иллюзіи!..

Портретъ Петра Алексѣевича изображаетъ суроваго, бородатаго „ученаго“ съ громаднымъ обнаженнымъ лбомъ, изъ-подъ котораго глядятъ проницательные, полные мысли глаза. „Суровость“ этого портрета совершенно обманчива. Я уже говорилъ объ удивительной добротѣ и мягкости П. А. Все это соединяется еще съ любовью къ хорошей шуткѣ. Кропоткинъ—жизнерадостный человѣкъ, любящій музыку и пѣніе, любящій, чтобы общество близкихъ ему людей было оживлено и весело. Въ тѣ рѣдкія минуты, когда собираются вмѣстѣ разбросанные по громадному Лондону русскіе, связанные многолѣтней дружбой, самый старый и самый оживленный среди нихъ—Петръ Алексѣевичъ. И когда „молодежь“ начинаетъ тянуть жалобныя пѣсни въ родѣ:

„Много пѣсенъ слыхалъ
Я въ родной сторонѣ,“

П. А., органически не любящій нытья и „воя“, садится за фортепіано. (Если не ошибаюсь, музыкѣ училъ его крѣпостной настройщикъ Макаръ, упомянутый выше). Подыгрывая себѣ, онъ поетъ баскомъ:

„C'est la lut-te fi-nale
Grou-pons-nous et d-main
L'in-ter-na-ti-o-na-le
Sera le genre hu-main.“

Года три-четыре назадъ во время такихъ собраній (обыкновенно, для встрѣчи русскаго новаго года), когда начинались танцы, въ нихъ принималъ участіе и П. А.

Моя замѣтка разрослась. Въ шекспировской пьесѣ „Какъ вамъ это понравится“, про человѣческую старость говорятъ Жакъ и Адамъ. Одинъ знаетъ только физическое и умственное одряхлѣніе—

„Sans teeth, sans eyes, sans taste, sans everything“

(Безъ зубовъ, безъ глазъ, безъ вкуса, безъ всего). Адамъ знаетъ другую старость: „здоровую зиму; она морозна, но дѣйствуетъ живительно“. Эту старость съ сохраненіемъ всей ясности большого ума, обогащеннаго громаднымъ опытомъ, знаетъ Петръ Алексѣевичъ. Закатъ дня иногда еще прекраснѣе полдня.

Діонео.

Обозрѣніе иностранной жизни.

Новое рѣшеніе стараго вопроса: борьба балканскихъ государствъ противъ Турціи.

Въ настоящее время Балканскій полуостровъ является театромъ событій, которыя могутъ пріобрѣсти со дня на день общее европейское, а, пожалуй, и міровое значеніе. Четыре небольшія государства, которыя еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ находились въ вассальной зависимости отъ Оттоманской имперіи, внезапно возстали противъ прежняго сюзерена и рядомъ побѣдъ показали изумленному міру, что единство дѣйствія и энергія воли присущи и союзнымъ сочетаніямъ отдѣльныхъ государствъ. Въ три - четыре недѣли Балканская лига, образованная изъ Черногоріи на сѣверо-западѣ, Сербіи и Болгаріи на сѣверѣ, Греціи на югѣ, рядомъ блестящихъ переходовъ и побѣдныхъ битвъ разсѣяла миражъ знаменитой своимъ мужествомъ турецкой арміи и почти поставила на край гибели Высокую Порту.

30 сентября новаго стиля было объявлено о мобилизаціи во всѣхъ четырехъ союзныхъ государствахъ. Иниціатива же объявленія войны принадлежала Черногоріи, которая сдѣлала это 8 октября. А 14-16 октября черногорцами были уже взяты на турецкой территоріи Тузи и Берана. 17 октября къ объявленію войны присоединились Болгарія, Сербія и Греція, и съ 18 числа рядъ молніеносныхъ передвиженій и побѣдъ оставили въ рукахъ союзниковъ массу важныхъ стратегическихъ и историческихъ пунктовъ Турціи: Элассону, взятую 18-го греками, Джуму, отнятую 19-го болгарами, Приштину, взятую сербами 22-го, Куманово, отнятое ими же послѣ ожесточеннаго боя, разгромившаго турецкую западную армію 23 - 24-го, далѣе, одну изъ старѣйшихъ столицъ Сербіи, Ускюбъ или Скоплье (26-го). Затѣмъ, словно по удару магической палочки въ феэріи, союзники завладѣваютъ Кюпрюлю, Веріей, Люле-Бургасомъ, могущественными позиціями у рѣки Эргенэ, охватываютъ желѣзнымъ кольцомъ Адріанополь, разметаютъ турецкія войска у Чорлу и Истранджи и заставляютъ турокъ быстро отступить къ Чаталджинской линіи укрѣпленій. Греки же заняли такой важный пунктъ, какъ Салоники, игравшій значительную роль и въ славянской исторіи подъ именемъ Солуни. Правда, болѣе энергичная защита турками Чаталджинскихъ позицій замедлила темпъ войны. Но до сихъ поръ союзники въ общемъ рѣшительно торжествуютъ.

Намъ, впрочемъ, нечего въ этомъ журнальномъ обозрѣніи гнаться за послѣдними вѣстями съ театра войны, — на то есть

газеты. Здѣсь мы, по обыкновенію, постараемся вскрыть смыслъ происшедшаго, и, не предрѣшая грядущихъ событій, вдвинуть совершающіеся факты въ обще-европейскую исторію нашихъ дней. Какъ всегда бываетъ въ сложныхъ людскихъ обстоятельствахъ, и на сей разъ судьба распорядилась иначе, чѣмъ то думали мудрѣйшіе члены той самонадѣянной корпораціи, которая кичится своимъ титуломъ международной дипломатіи. Дѣло идетъ, какъ ни какъ, о рѣшеніи Восточнаго вопроса, — о дальневосточномъ въ прежнее время и не говорили, и восточнымъ вопросомъ считался, по преимуществу, вопросъ о равновѣсіи политическихъ силъ Европы на Балканскомъ полуостровѣ. Сколько именъ государственныхъ мужей и тонкихъ дипломатовъ было, дѣйствительно, связано съ этимъ вопросомъ, передававшимся отъ поколѣнія къ поколѣнію въ видѣ настоящаго ребуса, разрѣшить который не могли ни дипломатическія конференціи, ни безчисленныя возстанія балканскихъ народовъ, ни интриги международныхъ канцелярій. Каннингъ, де-Виллель, Пальмерстонъ, Гладстонъ, Биконсфильдъ, Бисмаркъ, Эренталь,—чтобы назвать наиболѣе выдающихся лицъ, принимавшихъ близкое участіе въ распутываніи сложнаго балканскаго клубка, — всѣ эти незаурядные и часто противоположные по воззрѣніямъ дѣятели тщетно пытались найти такой выходъ изъ балканской нелѣпицы, который могъ бы хоть до нѣкоторой степени ослабить вѣчное кипѣніе сталкивающихся національныхъ стремленій на полуостровѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность большимъ державамъ хоть на нѣкоторое время отдалить опасность великой европейской войны.

Вся трудность балканскаго вопроса легко можетъ быть вскрыта однимъ соображеніемъ: до сихъ поръ люди старались найти такое странное рѣшеніе этого вопроса, которое исходило бы отъ культурныхъ европейскихъ державъ и въ то же время шло бы въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ европейской культуры и европейскаго прогресса. Въ самомъ дѣлѣ, въ центрѣ балканской проблемы лежитъ болѣе или менѣе зависимое положеніе отъ продолжающей оставаться варварскою Турціи тѣхъ различныхъ завоеванныхъ ею нѣкогда государствъ, которыя, именно вслѣдствіе этого завоеванія, очень долго оставались мало культурными, но на которыя все же сталъ вліять общій духъ цивилизаціи и обнаружилъ все большую несовмѣстимость ихъ развитія и господства надъ ними Турціи. Съ самаго 1453 г., когда турки ворвались въ Константинополь черезъ трупъ Константина Палеолога, Оттоманская монархія лежитъ, словно громадный эрратическій валунъ, словно памятникъ минувшихъ геологическихъ періодовъ, на новѣйшихъ культурныхъ наслоеніяхъ юго-восточной Европы и давитъ всѣмъ своимъ гнетомъ развивающіяся формы современной политической жизни. Можно сказать, что Порта осталась тою же самою военною и теократическою державою, какою она была и при взятіи Константинополя, и

болѣе двухъ вѣковъ спустя, подъ стѣнами Вѣны (1683), и въ началѣ прошлаго столѣтія, когда духъ свободы вѣялъ по всей Европѣ, и даже въ настоящее время послѣ того, какъ младотурецкая интеллигенція старалась влить новое вино въ старые мѣхи. Съ другой стороны, именно съ конца XV столѣтія вся Европа вступила въ полосу гораздо болѣе быстраго прогресса, чѣмъ то было въ средніе вѣка. И однимъ изъ главныхъ признаковъ этого оживленія общей европейской жизни было развитіе того истинно гуманнаго характера нынѣшней цивилизаціи, который въ значительной степени подорвалъ военно-феодальный строй современныхъ государствъ, а, съ другой стороны, секуляризировалъ, т.-е. сдѣлалъ свѣтскою, и человѣческую мысль, и государственную политику.

Въ особенности съ начала прошлаго вѣка европейская цивилизація поставила на очередь двѣ существенныя задачи: во-1-хъ, расширить самодѣятельность и личностей, и слагающихся изъ нихъ живыхъ народностей, а во-2-хъ, отдѣлаться отъ вліянія клерикальнаго міровоззрѣнія въ области государственныхъ вопросовъ. Послѣ четверти вѣка реакціи, послѣдовавшей за бурями французской революціи, на континентѣ Европы повѣяло новой весной народовъ, и одновременно стали повсюду сильно развиваться начала свободы личности, представительнаго правленія и большей автономіи различныхъ національностей. Тѣ уродливыя дипломатическія границы, которыми священные союзы кромсали по живому тѣлу народности, стали поддаваться свѣжимъ національнымъ стремленіямъ. И въ Италіи, Испаніи, Германіи и т. д. демократическія идеи шли рука объ руку съ патріотическими движеніями подавляемыхъ до того времени народовъ. Достаточно упомянуть, что большинство итальянскихъ революцій поднимало знамя возстанія не только противъ домашнихъ тирановъ, но и противъ чужеземныхъ поработителей. И либеральныя теченія Германіи, распадавшейся въ то время на массу мелкихъ государствъ, въ значительной степени включали въ себѣ тягу къ общенаціональному единству.

Конечно, этого освобождающаго процесса мысли и жизни не избѣжалъ и Балканскій полуостровъ. Если въ первой половинѣ XVII вѣка,—напримѣръ, во время чудовищной 30-лѣтней войны, опустошившей всю среднюю Европу и задержавшей ея развитіе, по крайней мѣрѣ, на сто лѣтъ,—если въ эту печальную эпоху милитаристская и клерикальная Европа еще не особенно отличалась по своему характеру отъ военной и теократической Турціи, то полутора вѣками позже положеніе дѣлъ измѣнилось. Чѣмъ дальше продвигался въ своемъ общемъ развитіи XIX вѣкъ, тѣмъ громаднѣе становилась пропасть между Турціей и тѣми христіанско-европейскими народами, которые изнывали подъ ея игомъ втеченіе уже четырехъ столѣтій. Къ несчастію, эгоистическіе интересы того страннаго политическаго сожительства государствъ,

которое называется культурной Европой, заставляли каждаго изъ членовъ европейской семьи народовъ съ большимъ пренебреженіемъ относиться къ свободолюбивымъ стремленіямъ тѣхъ національностей, на какія жестоко давила вѣчно вооруженная рука турокъ. Иные дѣятели Европы, игравшіе крупную роль въ ея судьбахъ, вели себя на Балканскомъ полуостровѣ такъ, что получалось самое вопіющее противорѣчіе между общими принципами ихъ политики и примѣненіемъ этихъ принциповъ къ балканскимъ народностямъ. Мы не говоримъ, конечно, о томъ, болѣе, чѣмъ странномъ для православнаго государя отношеніи, какое обнаружилъ къ Греціи Александръ I-й, прямо заявивъ, что всѣ его симпатіи лежатъ на сторонѣ не Греціи, возставшей противъ Турціи, а на сторонѣ Турціи, которая, какъ ни какъ, является представительницею законной власти противъ бунтующаго подданнаго: здѣсь легитимизмъ бралъ верхъ надъ христіанствомъ. Но и позже Николай I-й, который любилъ подчеркивать свою роль хранителя православія, тѣмъ не менѣе считалъ нужнымъ въ своихъ политическихъ интересахъ сохранять Турцію болѣе или менѣе неприкосновенною. И если отъ него идетъ пресловутая, столько разъ повторяемая фраза о больномъ человѣкѣ, брошенная имъ въ разговорѣ съ лордомъ Сеймуромъ, то смыслъ этого картиннаго выраженія и заключается въ томъ, что, какъ бы Турція ни была больна, все же нужно поддерживать ея жизнь, чтобы наслѣдники, собравшіеся у ея ложа, не могли сейчасъ-же начать тянуть каждый къ себѣ возможно бо́льшую часть имущества изъ наслѣдства. А подразумѣвавшимся выводомъ изъ этого положенія было желаніе по возможности отодвинуть срокъ неминуемой смерти паціента до тѣхъ поръ, пока императорская Россія будетъ достаточно сильна, чтобы одной воспользоваться всѣмъ наслѣдствомъ.

Въ сущности говоря, не бо́льшимъ безкорыстіемъ отличались представители и другихъ государствъ, даже такихъ, свободныя учрежденія которыхъ, казалось, должны были бы имъ внушать любовь къ борцамъ за свободу и независимость, поднимавшимъ знамя возстанія противъ турецкаго полумѣсяца. Это достаточно было видно и во время Крымской кампаніи, и во время русско-турецкой войны, когда именно наиболѣе цивилизованныя европейскія державы постарались берлинскимъ договоромъ въ значительной степени съузить тѣ внѣшнія и внутреннія пріобрѣтенія освобождавшихся балканскихъ странъ, которыя Россія заносила въ предварительныя условія санъ-стефанскаго мира. Правда, Западная Европа имѣла извѣстное основаніе поступать такимъ образомъ при видѣ того, какъ русскій панславизмъ съ превеликой помпой выдвигалъ требованіе замѣнить на Балканскомъ полуостровѣ верховныя права Турціи верховными же правами Россіи. Но суть дѣла отъ этого не мѣняется. Европейскія государства, несомнѣнно, ни разу до послѣдняго времени не проявили искренняго желанія

быть на Балканскомъ полуостровѣ проводниками тѣхъ самыхъ свободныхъ и демократическихъ идей, какія широко развиты у нихъ, и все время не столько думали о томъ, чтобы помочь той или иной стремящейся къ освобожденію народности, сколько боялись, какъ бы при происходящемъ измѣненіи границъ сосѣдъ не стащилъ крупнаго куска.

Это одна сторона дѣла. Другая, еще болѣе низменная, заключается въ томъ, что капиталистическая Европа чрезвычайно заинтересована въ существующей финансовой системѣ Турціи, равно какъ въ общей экономической эксплуатаціи страны. Ради этихъ, не особенно выспреннихъ, за то очень осязательныхъ интересовъ просвѣщенные участники въ европейскомъ концертѣ готовы были— да не прочь и теперь—смотрѣть сквозь пальцы на хозяйничанье турокъ, а если понадобится, то поддерживать и любой режимъ въ Константинополѣ, какъ бы ужасенъ онъ ни былъ, лишь бы онъ давалъ имъ возможность получать безпрепятственно купоны по государственному долгу и высокій процентъ на капиталъ, вложенный въ предпріятія.

Поддерживала же свободолюбивая Европа порядокъ вещей, установившійся при Абдулъ-Гамидѣ. За „кровавымъ султаномъ" взапуски ухаживали враждующія Франція и Германія. И въ то время, какъ французскій посолъ, небезызвѣстный Констанъ, являлся самымъ ревностнымъ защитникомъ турецкаго деспотизма и турецкой бюрократіи, жившей бакшишами, „геніальный царственный комми-вояжеръ", который усердно рекламируетъ нѣмецкіе продукты заграницей и, возсѣдая на тронѣ Германіи, съ улыбкою принимаетъ отъ своихъ подданныхъ этотъ лестный эпитетъ, считалъ нужнымъ, не смотря на свое потсдамское христіанство, поставить на сцену импозантное путешествіе въ Сирію и Палестину и тамъ, тѣми самыми устами, что славили Спасителя, возсылалъ хвалы мусульманину Саладину, какъ величайшему рыцарю средневѣковья... Но обратимся къ прозѣ.

Всѣмъ извѣстно учрежденіе такъ называемаго „Оттоманскаго долга", суть котораго заключается въ томъ, что, не вѣря больше Портѣ, европейскіе капиталисты организовали въ Константинополѣ особую администрацію, завѣдующую извѣстными частями турецкихъ бюджетныхъ полученій и распредѣляющую ихъ между кредиторами. Весь же турецкій долгъ равняется въ настоящее время ста тридцати одному милліону турецкихъ фунтовъ. Съ другой стороны, наиболѣе культурныя страны Запада ведутъ и наиболѣе обширную торговлю съ Турціей (въ 1909: Великобританія, 1455 милл. піастровъ=112 милл. рублей; Франція, 701 милл. піастровъ=56 милл. руб.; Австро-Венгрія, 655 милл. піастровъ=52 мил. руб. и т. д. Франція, впрочемъ, крайне недовольна и этими результатами, такъ какъ видитъ, что самые послѣд-

ніе годы 1910—1912 ея торговля отступила не только передъ Англіей, но даже и Германіей. И вотъ французскій патріотъ своего отечества, этотъ истинный Шейлокъ всей Европы, да, пожалуй, и всего міра, съ горечью распространяется на столбцахъ газеты „Le Temps“ на ту тему, что дѣйствительныхъ интересовъ Франціи нельзя измѣрять лишь цифрами обмѣна и что нужно присоединить къ количеству франковъ, которыми благородный галлъ ссудилъ Порту втеченіе 9 заемныхъ и конверсіонныхъ операцій, еще огромную долю французскаго золота, вложеннаго въ банки, желѣзнодорожныя предпріятія, рудники, различныя общественныя работы, табачную монополію и т. д.,—что составитъ два милліарда франковъ, т. е. сумму, въ 4 раза превышающую общую цифру нѣмецкаго капитала, нашедшаго помѣщеніе въ Турціи... Вотъ эти-то очень тонкія, но за то чрезвычайно крѣпкія нити золотой зависимости, не менѣе прямыхъ политическихъ интересовъ, и заставляли втеченіе долгаго времени культурную Европу проглатывать почти безъ протеста ужасающую неурядицу турецкаго режима. Пусть стоитъ варварская Турція,—лишь бы никто изъ сосѣдей не вздумалъ занять хоть клочка ея территоріи и лишь бы капиталъ давалъ хорошіе проценты.

Конечно, столкновеніе грубо эгоистическихъ, какъ политическихъ, такъ и матеріальныхъ, интересовъ Европы съ общимъ ходомъ культурнаго прогресса не могло не сказаться на крайне странныхъ судьбахъ балканскихъ народовъ. Духъ времени несомнѣнно дѣлалъ свое. И то одно, то другое изъ государствъ, входившихъ въ составъ Оттоманской имперіи, отрывалось отъ центральнаго тѣла, получало бóльшую или меньшую автономію, наконецъ, становилось совершенно независимымъ и начинало требовать себѣ мѣста на солнцѣ свободы. Но какими удивительными закоулками, черезъ какія причудливыя преграды и рогатки лежалъ этотъ путь развитія и какъ много еще осталось до сихъ поръ сумбурнаго, противорѣчиваго, нерѣшеннаго на Балканскомъ полуостровѣ!

Отчаянныя войны, которыя Греція вела противъ Турціи въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка, привели, наконецъ, къ признанію независимости греческаго государства, которое и было, согласно лондонскому протоколу 1830 года, объявлено королевствомъ, подъ соединеннымъ покровительствомъ Великобританіи, Франціи и Россіи. Двумя годами позже и островъ Самосъ получилъ рангъ вассальнаго турецкаго княжества подъ покровительствомъ тѣхъ же державъ. Съ другой стороны, адріанопольскій миръ 1829 года сузилъ верховныя права Турціи по отношенію къ придунайскимъ княжествамъ: Молдавіи и Валахіи. Послѣ того, какъ русскій генералъ Киселевъ проводилъ въ 50-тыхъ годахъ прошлаго вѣка свои реформы въ этихъ княжествахъ и, подъ предлогомъ защиты крестьянства отъ мѣстныхъ бояръ, только усилилъ своимъ „регламентомъ“

гнетъ послѣднихъ, національное стремленіе къ объединенію повело за собою слитіе двухъ княжествъ въ одно въ концѣ 61 года. Но надо было пройти чуть не 20 годамъ, чтобы Румынія провозгласила свою независимость отъ Турціи въ маѣ 1877 года.—что затѣмъ подтверждено 43 ст. берлинскаго трактата,—и еще четыре года спустя изъ княжества стала королевствомъ.

Еще страннѣе были судьбы славянскихъ племенъ, жившихъ на Балканскомъ полуостровѣ. Нити и прямого подчиненія, и вассальной зависимости, которыя соединяли ихъ съ Турціей, разрывались ими съ крайними усиліями, хотя, казалось бы, существованіе такой могущественной единоплеменной сосѣдки, какъ Россія, должно было облегчить пріобрѣтеніе самостоятельности балканскими славянами. Это особенно замѣчается въ исторіи освобожденія сербовъ, являющихся однимъ изъ древнѣйшихъ и наиболѣе культурныхъ племенъ полуострова. Разорванный на куски капризными велѣніями исторіи, сербскій національный организмъ тщетно стремился снова соединиться въ одно цѣлое и достигалъ высшихъ ступеней свободы и гражданственности лишь порознь въ каждой изъ своихъ частей. Раньше всѣхъ добилась фактической независимости микроскопическая Черногорія, которая еще въ концѣ 17-го вѣка высвободилась изъ-подъ ига турокъ, въ половинѣ 19-го добилась признанія новой, болѣе свѣтской организаціи своей княжеской власти со стороны Россіи и, наконецъ, была признана и формально независимой по берлинскому договору. Слѣдуетъ прибавить, что только въ самомъ концѣ 1905 года родовая патріархальная власть въ Черногоріи уступила мѣсто конституціонной монархіи.

Гораздо большею мачехою судьба оказалась по отношенію къ главному стволу сербскаго племени, собственно такъ называемымъ сербамъ, хотя они обнаружили, послѣ долгихъ вѣковъ порабощенія, удивительный героизмъ въ битвахъ за свободу съ Турціей. Въ самомъ началѣ 19-го вѣка, еще за 17 лѣтъ до греческаго возстанія, сербы проявили такую энергію сопротивленія полумѣсяцу, что Порта не могла долго отказывать имъ въ признаніи извѣстной самостоятельности. И съ 1825 г. Сербія находилась лишь подъ номинальною властью Порты, пока, наконецъ, статья 34 берлинскаго договора и совсѣмъ не уничтожила этой фикціи, признавъ полную независимость Сербіи. Но—увы!—практическіе результаты этихъ героическихъ національныхъ стремленій далеко не соотвѣтствовали количеству матеріальныхъ и моральныхъ жертвъ, принесенныхъ сербами свободѣ и независимости націи. Не забудемъ, что въ то время, какъ послѣднее крупное возстаніе балканскихъ славянъ противъ Турціи началось въ 75 г. какъ разъ съ Герцеговины, именно эта самая область Босніи и Герцеговины, населенная въ значительной степени сербами и хорватами, была передана, по берлинскому же договору, въ цѣляхъ гражданской и военной

администраціи, Австро-Венгерской монархіи; и сосѣдній Новобазарскій санджакъ клиномъ врѣзался между сербами, очутившись въ рукахъ гражданскаго австро-венгерскаго управленія. Въ концѣ концовъ мечты сербовъ о возстановленіи „Старой Сербіи“, славнаго царства Душана, разсѣялись подъ ударами грубой дѣйствительности. Сербія оказалась совершенно оттертою отъ моря, задыхаясь между турецкими и австро-венгерскими границами. Австро-Венгрія руководилась при этомъ грубо эгоистическими интересами не только экономическаго, но и политическаго характера: она желала, съ одной стороны, закабалить себѣ Сербію въ хозяйственномъ отношеніи, а съ другой, усердно старалась обезсилить, умалить государство сербовъ, чтобы изъ него не могло выйти политическаго центра притяженія для Хорватіи-Славоніи, входившей въ составъ Венгріи и населенной опять-таки главнымъ образомъ сербо-хорватами.

Болѣе благосклонна, но въ то же время еще болѣе капризна была судьба Болгаріи. Возрожденіе болгарскаго національнаго духа приблизительно совпадаетъ,—по причинамъ, объясненнымъ нами выше,—съ самымъ началомъ 19-го столѣтія. Но прошло не мало десятковъ лѣтъ, прежде чѣмъ надежды болгарскихъ патріотовъ получили хоть первое осуществленіе. Такъ, безслѣдно для болгаръ прошла война Россіи съ Турціей, закончившаяся адріанопольскимъ договоромъ. Послѣдній внесъ нѣкоторыя измѣненія въ положеніе придунайскихъ княжествъ, но совершенно оставилъ въ сторонѣ болгаръ, боровшихся, однако, за тотъ же идеалъ свободы. Не менѣе горько было разочарованіе болгаръ, когда, до начала Крымской кампаніи, въ 1853 г. Николай I счелъ нужнымъ заговорить о необходимости дать Болгаріи политическую самостоятельность, а парижскій конгрессъ 1856 г. подрѣзалъ крылышки этимъ иллюзіямъ. 60-е и большая часть 70-хъ годовъ проходятъ въ безпрестанныхъ попыткахъ возстанія болгаръ противъ Турціи. Наконецъ, 12 апрѣля 77 г. вспыхиваетъ русско-турецкая война, и побѣжденная Порта принуждена была въ мартѣ слѣдующаго года признать по санъ-стефанскому договору независимость Болгаріи. Границы болгарской территоріи по этому договору были сравнительно очень широки: Европейской Турціи едва-едва оставалась узкая полоса земель во Ѳракіи съ Константинополемъ и Адріанополемъ, и Болгарія, кромѣ пространства земель, заключеннаго между теченіемъ Дуная и Родопскими горами, охватывала всю Македонію и выходила къ Эгейскому морю въ окрестностяхъ Солуни.

То была „Великая Болгарія“, предметъ жаркихъ историческихъ чаяній болгарскихъ патріотовъ. Къ сожалѣнію, политика Россіи, клонившаяся къ тому, чтобы превратить Болгарію чуть ли не въ провинцію Россійской имперіи, дала предлогъ европейскимъ державамъ воспротивиться этому широкому освободительному плану

и, рядомъ крупныхъ ограниченій, проведенныхъ въ берлинскомъ трактатѣ, крайне сузить границы Болгаріи и превратить ее въ то, что въ свое время было названо „географическимъ парадоксомъ". Путь Болгаріи къ Эгейскому морю былъ отрѣзанъ вмѣстѣ со всей территоріей, расположенной къ югу отъ Родопскихъ горъ, а оставшаяся территорія была раздѣлена на двѣ части: собственно такъ называемую Болгарію къ сѣверу отъ Балканскихъ горъ, которая становилась автономнымъ вассальнымъ княжествомъ Порты подъ покровительствомъ Россіи, и Восточную Румелію, которая должна была остаться подъ политической и военной властью султана, но пользоваться административнымъ самоуправленіемъ, причемъ султанъ же назначалъ для страны генералъ-губернатора.

„Географическій парадоксъ" вскорѣ оказался и парадоксомъ политическимъ. На почвѣ освобожденной Болгаріи вскорѣ вступили въ борьбу различныя силы и стремленія. Судьба перваго болгарскаго князя, Александра Баттенберга, избраннаго 29 апрѣля 79 г. народнымъ собраніемъ въ Тырновѣ, какъ нельзя лучше характеризуетъ столкновеніе этихъ различныхъ теченій. Прежде всего, россійская бюрократія только о томъ и думала, чтобы превратить Болгарію въ одну изъ областей россійскаго государства. Министерства, администрація, войско, банковыя и торговыя сферы, самый дворъ были переполнены или чисто русскими людьми, или креатурами Россіи. Баттенбергъ считалъ себя чѣмъ-то вродѣ русскаго губернатора Болгаріи и, очевидно, не безъ внушенія со стороны правящихъ петербургскихъ круговъ пріостанавливалъ въ 1881—1883 г. г. дѣйствіе болгарской конституціи. Но скоро, не смотря на горячія симпатіи туземнаго населенія къ странѣ-освободительницѣ, внутри Болгаріи стали расти національное сознаніе и горячая любовь къ родинѣ, которыя не могли мириться съ подчиненной ролью отечества по отношенію къ могущественной Россіи, и тотъ самый князь, который управлялъ Болгаріей совершенно въ духѣ петербургскихъ инструкцій, вдругъ почувствовалъ, что почва подъ нимъ рушится, и единственнымъ выходомъ изъ ставшаго невыносимымъ положенія счелъ приближеніе къ національнымъ стремленіямъ болгаръ. Въ результатѣ 18-го сентября 85 г. вспыхиваетъ революція, которая низвергаетъ правительство Восточной Румеліи и присоединяетъ послѣднюю къ Болгаріи, причемъ центральной фигурой переворота становится Баттенбергъ, быстро пріобрѣтшій сильную популярность, особенно послѣ побѣды при Сливицѣ надъ Сербіей, внезапно напавшей на Болгарію подъ вліяніемъ интригъ Австріи.

Въ этомъ поворотномъ пунктѣ исторіи можно было убѣдиться, что офиціальная Россія преслѣдовала въ Болгаріи не широкіе интересы свободы и счастія страны, а свои эгоистичные планы. Не смотря на то, что султанскій фирманъ отъ 6-го апрѣля 1886 г. призналъ совершившійся фактъ, менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ

румелійской революціи, а именно въ ночь съ 20 на 21 августа 1886 г. группа молодыхъ офицеровъ окружила въ софійскомъ дворцѣ Александра Баттенберга, и одинъ изъ заговорщиковъ, нѣкто Радко Димитріевъ, нынѣ побѣдоносный генералъ при Киркъ-Килиссѣ, а тогда простой капитанъ, навелъ дуло револьвера на князя и, бросая листъ бумаги на столъ передъ Баттенбергомъ, воскликнулъ: „подписывай скорѣй отреченіе!“ Въ результатѣ получилась нацарапанная каракульками фраза „Богъ да спасетъ Болгарію“, которую конспираторамъ угодно было счесть за актъ формальнаго отреченія. Заговоръ составленный въ соотвѣтствіи съ инструкціями, полученными изъ-за границы, былъ подготовленъ умѣлой рукой, при сотрудничествѣ иноземныхъ офицеровъ. Извѣстна телеграмма, полученная изъ Петербурга въ отвѣтъ на смиренную просьбу о поддержкѣ со стороны Баттенберга который, не смотря на свое временное низверженіе, снова былъ введенъ болгарскими патріотами въ Софію при восторженныхъ крикахъ войска и всего населенія. Телеграмма эта гласила: „я воздержусь отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ печальное положеніе дѣлъ въ Болгаріи. Оно будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока вы останетесь въ княжествѣ. Вы сами рѣшите, что вамъ остается дѣлать“.

Баттенбергъ уступилъ. Но не уступило болгарское общественное мнѣніе, которое хотѣло во что бы то ни стало отстоять право родины на самостоятельное развитіе. Къ сожалѣнію, годы національнаго подъема Болгаріи были вмѣстѣ съ тѣмъ годами чудовищной, чисто азіатской борьбы партіи. Въ результатѣ ея и выросла постыдная диктатура Стамбулова, у котораго патріотизмъ несчастнымъ образомъ переплетался съ невѣроятнымъ эгоизмомъ, дикой жаждой власти и грубыхъ наслажденій и безпримѣрной жестокостью къ противникамъ. На престолъ Болгаріи избирается Фердинандъ Кобургскій (7 іюля 1887 г.). Мало-по-малу исторія страны пріобрѣтаетъ болѣе нормальное теченіе. Свирѣпость партійной борьбы смягчается сознаніемъ, что этимъ путемъ родину можно привести къ гибели. Сохраняя свою независимость, Болгарія понемногу налаживаетъ свои отношенія и съ Россіей, между тѣмъ какъ хитрый Кобургъ старается работать все упорнѣе и упорнѣе въ своихъ династическихъ интересахъ, маскируя ихъ „высшей“ политикой, разсчитанной на осуществленіе все болѣе и болѣе честолюбивыхъ замысловъ. Уже въ 1896 г. Фердинандъ успѣваетъ найти для своего наслѣдника Бориса такого могущественнаго крестнаго отца, какъ Русскій императоръ. А въ октябрѣ 1908 г., когда австро-венгерское правительство вдругъ присоединило къ территоріи монархіи Боснію и Герцеговину, уступивъ Турціи Новобазарскій санжакъ, главѣ болгарскаго государства, по очевидному соглашенію съ сильными сосѣдями, удалось провозгласить полную

независимость отъ Турціи и въ связи съ этимъ дать себѣ титулъ царя, подтвержденный великимъ собраніемъ 10 іюля 1911 г.

Осталась внѣ прогресса освободительнаго движенія населенная славянами и греками (наряду съ турками) Македонія. Судьбы ея должны были быть рѣшены еще 23 статьей берлинскаго договора, которая предусматривала введеніе необходимыхъ административныхъ, судебныхъ и иныхъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью уравненіе въ правахъ христіанскихъ національностей съ господствующей оттоманской расой, но до сихъ поръ не была приведена въ исполненіе. Македонія служила постояннымъ очагомъ возстаній, носившихъ характеръ не только борьбы съ турками, но и междоусобныхъ распрей между сербами, болгарами и греками. Эти христіанскія національности до самаго послѣдняго времени необыкновенно враждовали другъ съ другомъ и готовы были поддерживать даже турка, лишь бы ни одна изъ нихъ не пріобрѣла себѣ привилегированнаго положенія. Не довольствуясь безпрерывными стычками, грабежами и убійствами, враждующія въ Македоніи національности продолжали эту братоубійственную войну даже и на столбцахъ статистики. Достаточно взять въ руки исчисленіе населенія Македоніи по разнымъ народностямъ, чтобы убѣдиться, напр., въ какой степени сербы безжалостно избиваютъ и на полѣ цифръ своихъ противниковъ, между тѣмъ какъ эти послѣдніе отплачиваютъ имъ тѣмъ же. Но въ самое послѣднее время и въ Македоніи обнаруживается стремленіе соединиться противъ общаго врага.

Окончательнымъ разрыхленіемъ исторически сложившейся почвы на Балканскомъ полуостровѣ была попытка младотурецкой партіи раздѣлаться со старымъ османлійскимъ режимомъ, и, въ частности, съ ужасающимъ деспотизмомъ Абдулъ-Гамида и превратить Оттоманскую имперію въ современное культурное и правовое государство. Четыре года длится эта попытка, и читатель этихъ обозрѣній могъ убѣдиться, что, не преклоняясь на манеръ иныхъ нашихъ публицистовъ передъ младотурками только за ихъ удачный переворотъ, мы, тѣмъ не менѣе, старались относиться безъ всякаго предубѣжденія и съ симпатіей къ усиліямъ прогрессивныхъ оттомановъ обновить застывшую страну въ духѣ современной культуры. Увы, съ самаго начала младотурецкимъ дѣятелямъ помѣшало въ этомъ отношеніи ихъ политическое міровоззрѣніе, въ которомъ элементы свободы были, къ сожалѣнію, перемѣшаны съ чрезвычайно сильными централистическими и шовинистскими тенденціями, заставлявшими ихъ пренебрежительно относиться къ законнымъ національнымъ стремленіямъ другихъ народностей, Мы знаемъ, каковы были дѣйствія младотурокъ не только по отношенію къ христіанамъ, но и къ единовѣрцамъ, мусульманамъ въ Албаніи, все населеніе которой вотъ уже нѣсколько лѣтъ ведетъ самую ожесточенную борьбу съ Портой и наканунѣ послѣднихъ событій, столь перемѣшавшихъ карты на Балканскомъ полуостровѣ,

почти было уже добилось автономіи. Эти централистическія замашки младотурокъ, къ несчастію, давали возможность реакціонерамъ и поклонникамъ стараго режима опираться и на наиболѣе свободолюбивые элементы молодой Турціи, вербуя себѣ сторонниковъ между людьми, высоко ставящими свободу личности и автономію разныхъ народностей. Такимъ образомъ и вышло, что въ началѣ побѣдоносная младотурецкая революція обѣщала было влить новую кровь въ жилы застарѣлой оттоманской національности, а затѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, производила разладъ въ общественной жизни, создавала хаосъ въ душѣ каждаго отдѣльнаго турка и, наконецъ, развалила всю націю на рядъ враждующихъ партій, группъ, кружковъ. Младотурецкая революція оказалась гибельною для Турціи, но гибельною не потому, что произвела коренной переворотъ въ жизни и мысли, а потому, что остановилась на полдорогѣ и, поставивъ въ непримиримую вражду старую и молодую Турцію, не могла дать прочность и силу новому строю.

Намъ, правда, говорятъ: вѣдь и европейскія цивилизованныя государства по большей части стоятъ за централистическую внутреннюю политику и тоже не особенно склонны давать надлежащую самостоятельность различнымъ народностямъ, кромѣ господствующихъ. На это одинъ изъ радикальныхъ органовъ итальянской печати сдѣлалъ, по нашему мнѣнію, очень вѣское возраженіе, сказавъ, что, если централизація черезчуръ портитъ прогрессивный характеръ культурныхъ государствъ, то все же значительнымъ противоядіемъ этому отрицательному фактору служитъ самый характеръ современной цивилизаціи. Она настолько развиваетъ понятіе о свободѣ личности, о правѣ живыхъ народностей на самостоятельное развитіе, что самыя рѣзкія проявленія централистическаго и черезчуръ государственническаго направленія сталкиваются съ протестомъ общественнаго мнѣнія, требующаго наибольшей свободы для индивидуума и для союза индивидуумовъ. Турція же до сихъ поръ осталась милитаристской, теократической страной, гдѣ свободная человѣческая мысль скована предразсудками стараго религіознаго міровоззрѣнія, проникающаго до сихъ поръ всѣ стороны турецкой жизни. Взгляды на женщину, на чужестранца, на человѣка иной религіи до сихъ поръ носятъ у средняго турка характеръ исключительности, отъ которой тщетно хотятъ избавить его дѣятели молодой Турціи, сами еще не успѣвшіе окончательно освободиться отъ личныхъ и общественныхъ предразсудковъ.

Подъ этимъ угломъ зрѣнія мы и должны смотрѣть на войну Балканскаго союза противъ господства турокъ. Вовсе не нужно быть отчаяннымъ славянофиломъ или свирѣпымъ туркофобомъ, чтобы видѣть въ этомъ могущественномъ, но сложномъ, но, скажемъ даже, отчасти смутномъ, опасномъ, движеніи все же культурный шагъ впередъ. Нашъ критерій оцѣнки здѣсь очень простъ и

ясенъ. Все, что ведетъ къ свободѣ личности и самостоятельному развитію естественно выростающихъ національностей, считается нами за прогрессивное явленіе. Мы не споримъ, что рано или поздно младотурки сумѣли бы, быть можетъ, удачно рѣшить національный вопросъ въ Оттоманской имперіи. Но,—увы—исторія не ждетъ, и перезрѣлые вопросы приходится зачастую рѣшать ускореннымъ, болѣе энергичнымъ способомъ. Точно также мы не споримъ, что въ современной освободительной волнѣ, высоко поднявшейся на Балканахъ, текутъ и мутныя струи династическихъ притязаній мелкихъ царьковъ и князьковъ, честолюбія отдѣльныхъ общественныхъ дѣятелей, жажды беззастѣнчивой наживы въ военныхъ и капиталистическихъ кругахъ. Но рядомъ съ этимъ мы видимъ несомнѣнный приливъ общественнаго энтузіазма даже въ среднемъ обывателѣ поднявшихъ возстаніе странъ, какъ ни какъ, уже довольно давно пользующихся демократическими уърежденіями. И онъ начинаетъ какъ бы чувствовать, что здѣсь дѣло идетъ о широкихъ задачахъ свободы, права, цивилизаціи и прогресса.

Мы не знаемъ, что дастъ въ окончательномъ результатѣ Балканская война, усложненная интригами крупныхъ державъ и происками мѣстныхъ правителей и политикановъ участвующихъ въ борьбѣ націй. Во всякомъ случаѣ, эти послѣдствія войны окажутся тѣмъ болѣе благотворными, чѣмъ рѣшительнѣе люди прогресса будутъ защищать тѣ принципы свободы и права, которые пишутъ на своемъ знамени возставшіе противъ ига турокъ народы. Каждый разъ, когда втеченіе этой борьбы будутъ происходить отклоненія отъ начертанной программы, друзья прогресса должны останавливать виновниковъ этихъ отступленій и напоминать имъ объ идеалахъ, которые были ими же выставлены въ началѣ войны. Свобода личности и развитіе самоопредѣляющихся національностей,—но помимо всякаго религіознаго фанатизма,—вотъ тотъ оселокъ, на которомъ слѣдуетъ неизмѣнно пробовать внутренній смыслъ событій. Вотъ почему, когда Австрія утверждаетъ, что она не можетъ допустить Сербію къ морю, такъ какъ это противорѣчитъ ея интересамъ, то общественное мнѣніе можетъ и должно по достоинству оцѣнить эту аргументацію самаго низкопробнаго эгоизма. Точно также, когда Сербія и Болгарія уже дѣлятъ между собою всю Македонію и Албанію отъ Кюстендиля черезъ Охридское озеро до Дураццо, какъ если бы дѣло шло лишь объ одной территоріи, то сторонники свободы имѣютъ право остановить ихъ здѣсь и спросить: а что же вы думаете дѣлать съ албанцами? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, стоять по отношенію къ этой народности на точкѣ зрѣнія князя Алексѣя Кара-Георгіевича, который преспокойно объяснилъ одному корреспонденту, что, хотя бы албанцы насчитывали и болѣе милліона, все же они представляютъ, по сравненію съ сербами, такое дикое племя, что съ ними нечего и считаться: ихъ судьба будетъ, молъ, рѣшена болѣе про-

свѣщенными людьми къ удовольствію всѣхъ сторонъ. Не забудьте, что эту же пѣсню о высшей расѣ и о презрѣнной „райѣ“ пѣли втеченіе цѣлыхъ вѣковъ турки, пока вдругъ эта пѣсня не была прервана звуками національныхъ маршей союзниковъ, идущихъ на Константинополь.

Позволимъ въ заключеніе высказать еще одно—два соображенія, связанныхъ съ настоящею войною. Если Балканскому союзу удастся сплавить въ одно прочное цѣлое различныя народности полуострова и послѣ войны, то передъ нами въ юго-восточной Европѣ будетъ уже не пыль народностей, а федерація государствъ и даже, быть можетъ, организованное федеративное государство, могущее сдѣлаться факторомъ прогресса въ дѣлахъ мира и свободы. По моимъ разсчетамъ, въ подробности которыхъ я не хочу вводить читателя, 4 союзныя государства уже образуютъ вмѣстѣ территорію въ 219.453 кв. километра съ населеніемъ въ 10.121.000 жителей; а если прибавить сюда пространство и населеніе Македоніи и Албаніи (за исключеніемъ вилайетовъ Константинопольскаго и Адріанопольскаго, которые, можетъ быть, останутся въ рукахъ Турціи при ликвидаціи войны), то съ этими новыми 134.370 кв. килом. и 3.841.000 жителей, мы получимъ уже почтенное политическое цѣлое, поверхность котораго равняется 353.823 кв. километр., а число жителей—14.962.000, чуть не 15 милліонамъ, т. е. страну, превосходящую по величинѣ Соединенное Королевство Великобританіи и Ирландіи, а по числу жителей входящую въ категорію значительныхъ второстепенныхъ государствъ.

И еще одно замѣчаніе, остріе котораго обращено противъ правовѣрныхъ пацифистовъ, полагающихъ, что уже въ настоящее время міровые вопросы могутъ рѣшаться безъ помощи силы, а, въ частности, войны. Я его нахожу въ послѣдней рѣчи импульсивнаго Чёрчиля, англійскаго морского министра: „люди, которые претендуютъ въ этой области на знаніе, порою увѣряли насъ, что опасность войны стала нынѣ иллюзіей и что въ современную эпоху, безъ происковъ государственныхъ людей и дипломатовъ, безъ интриги финансистовъ, безъ взаимныхъ заподозриваній враждебныхъ генераловъ и адмираловъ, безъ сенсаціонной прессы, которая эксплуатируетъ невѣжество и легковѣріе публики, эта опасность исчезла бы. И, вотъ, однако, передъ нами война, въ которую не входитъ ни одна изъ этихъ причинъ; которая вспыхнула вопреки всему тому, что дѣлали дипломаты и государственные люди, чтобы помѣшать ей; на которую пресса не имѣла никакого вліянія; война, которую всѣ силы капитала старались предупредить и которая разразилась не вслѣдствіе невѣжества и легковѣрія народовъ, но какъ-разъ наоборотъ потому, что эти народы знали свою исторію и вѣрили въ свои судьбы; наконецъ, война, которая обнаружила силу самопроизвольнаго взрыва, унося все съ собой... Въ

виду такого явленія, кто будетъ настолько смѣлъ, чтобы утверждать, что сила никогда не является средствомъ, чтобы заявлять что частные антагонизмы исторіи и времени могутъ при всякихъ обстоятельствахъ быть устранены плоскими и поверхностными соглашеніями политиковъ и пословъ"?..

Намъ нечего присоединяться къ практическимъ выводамъ этой рѣчи, которую пылкій бриттъ заканчиваетъ приглашеніемъ Англіи „быть готовой". Но нельзя закрывать глазъ на вѣрность общихъ соображеній, развитыхъ здѣсь на историко-философскую сторону дѣла. Отъ насъ далекъ романтизмъ крови и восхищеніе поэзіей войны. Въ этомъ грубо матеріальномъ столкновеніи людей есть нѣчто чрезвычайно тяжелое, почти отвратительное, для сознанія. Но, увы,—тѣ силы современнаго міра, которыя могли бы побѣдить этого демона зла, еще не достаточно могучи, чтобы оказать ему рѣшительное сопротивленіе. Нѣтъ сомнѣнія, напримѣръ, что въ будущемъ, и, можетъ быть, сравнительно недалекомъ, трудящіяся массы сумѣютъ находить всѣмъ крупнымъ вопросамъ наиболѣе мирное рѣшеніе. Но пока мы можемъ воздать должное энергіи организаторовъ рабочихъ манифестацій, которыя во многихъ мѣстахъ Западной Европы требуютъ прекращенія войны и мирнаго соглашенія между сторонами, и въ то же время должны сказать, что слабы еще до сихъ поръ эти носители идеала будущаго братства и что имъ нужно было бы быть во много разъ сильнѣе и сознательнѣе, чтобы прекратить въ данный моментъ любую братоубійственную войну...

Н. С. Русановъ.

Дмитрій Наркисовичъ Маминъ-Сибирякъ.

Воспоминанія.

Однимъ стало меньше. Ушелъ изъ жизни и литературы Маминъ-Сибирякъ. Онъ долго болѣлъ, давно не писалъ и ушелъ, какъ часто уходятъ русскіе писатели, не использовавши въ должной мѣрѣ того, что было ему отпущено, не договоривши своихъ словъ. Ушелъ оригинальный и яркій русскій человѣкъ стараго воспитанія, крупный писатель старыхъ литературныхъ традицій. Однимъ стало меньше изъ немногихъ, остающихся въ живыхъ.

Я встрѣтилъ его въ первый разъ двадцать два года назадъ на редакціонномъ ужинѣ у Н. К. Михайловскаго. Не надолго встрѣтилъ. У меня осталось въ памяти блѣдное лицо, красивый бѣлый лобъ и въ особенности глаза, большіе, черные, прекрасные глаза. И особая ухватка, манера, интонація голоса, яркія словечки и не-

измѣнная трубочка. Отъ него вѣяло не то что провинціализмомъ, а чѣмъ-то не петербургскимъ, своеобычнымъ и оригинальнымъ.

Съ тѣхъ поръ мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ нимъ въ разнообразныхъ литературныхъ кругахъ и у меня только усиливалось и подчеркивалось это первое впечатлѣніе своеобычности и оригинальности. Онъ былъ всегда замѣтенъ во всякомъ обществѣ и всегда выдѣлялся на фонѣ петербургскихъ лицъ своимъ тономъ, своими манерами, своей ухваткой. И, когда собиралось большое литературное общество, казалось, что онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ разнообразныхъ группъ, собиравшихся тамъ, что онъ особнякомъ и самъ по себѣ. И позиція его въ Петербургѣ была особая.

По своему направленію, по литературной близости онъ примыкалъ ближе всего къ „Отечественнымъ Запискамъ" и „Русскому Богатству". Собственно, направленіе Мамина-Сибиряка нужно принимать съ большими оговорками. Съ „Русскимъ Богатствомъ" его объединяла общая народническая линія, глубоко залегавшая въ душѣ Мамина, но залегавшая не какъ формулированная, договоренная, политическая и соціальная программа, а какъ неискоренимая тяга къ народу, глубокое проникновеніе въ духъ и характеръ народа. Большую роль играли и его личныя отношенія съ людьми „Русскаго Богатства" и въ особенности съ Н. К. Михайловскимъ, къ которому Маминъ относился съ совершенно исключительнымъ уваженіемъ и съ какой-то особой нѣжностью, даже не гармонировавшей съ общимъ, немного суровымъ обликомъ Мамина. Такія же личныя отношенія съ покойной издательницей „Міра Божьяго" А. А. Давыдовой связали его на долгое время съ этимъ журналомъ

И къ Мамину было особенное отношеніе разнообразныхъ литературныхъ круговъ. Какъ-то къ нему подходили разные люди, и какое-то особое отношеніе установилось къ Мамину у самыхъ разнообразныхъ людей. Онъ былъ прямой, иногда рѣзкій въ своихъ сужденіяхъ, его полновѣсныя остроты, его яркія словечки, случалось, задѣвали людей, и Мамину прощалось то, что не простилось бы другому, можетъ быть, именно потому, что Маминъ былъ прямой, открытый, не желавшій обижать людей,—потому что Мамина любили. Въ немъ не было отгороженнаго, рѣзко отграниченнаго,— „отсюда и до сюда", что мѣшало бы ему вести знакомство и быть болѣе или менѣе близкимъ съ широкими и разнообразными кругами. И у него были обширныя знакомства, начиная отъ жестокихъ старыхъ людей, которые интересовали его, какъ типы, включая артистовъ и художниковъ и всю сборную и разношерстную интеллигентскую петербургскую публику и кончая старообрядцами,—моими знакомыми нижегородскими старообрядцами, которые разсказывали мнѣ, съ какой пріятностью проводили они долгіе вечера съ Маминымъ.

Главный кругъ его знакомства былъ, впрочемъ, литераторы,—и верхи и низы литературы, всякихъ обликовъ и направленій, кромѣ подлыхъ. И по существу онъ былъ литераторъ, прежде всего и только литераторъ. У него не было отхожихъ промысловъ и подсобныхъ занятій, онъ не служилъ, не принималъ участія въ какихъ-нибудь учрежденіяхъ и организаціяхъ, помимо литературы, онъ былъ весь въ литературѣ и въ томъ, что связано съ литературой.

Тоже одно изъ первыхъ моихъ впечатлѣній и самое характерное для Мамина, — онъ былъ уральскій человѣкъ. Мнѣ приходилось четыре года прожить около Урала, у меня были обширныя знакомства и докторскія связи съ уральскими заводчиками и купцами, служащими и рабочими и, когда я смотрѣлъ на Мамина, я невольно вспоминалъ уральскіе типы.

Уральскіе люди особенные. Можетъ быть, оттого, что они потомки бѣглыхъ людей, убѣгавшихъ на Уралъ отъ государственнаго и барскаго гнета, отъ религіозныхъ преслѣдованій, просто изъ жажды воли и широкой жизни, можетъ быть, потому, что уральскимъ людямъ всегда приходилось бороться съ лѣсомъ и звѣремъ, съ горами и бурными горными рѣками, вонзаться въ нѣдра земли,—въ розыскахъ золота, рудъ и драгоцѣнныхъ уральскихъ камней,—тамъ сложился особый типъ населенія, рѣзко отличающійся отъ коренного, срединнаго земледѣльческаго крестьянства.

Можетъ быть, не вполнѣ точна прибавка-псевдонимъ къ фамиліи Мамина,—Сибирякъ и было бы правильнѣе прибавленіе къ Мамину—Уралецъ. Мѣсто, откуда онъ вышелъ, еще не настоящая Сибирь, это все-таки Уралъ, перевалъ, грань между Россіей и Сибирью. Тамъ нѣтъ той этнографической мѣшанины, какая есть въ настоящей Сибири, тамъ коренное старорусское населеніе и, если на уральскомъ обликѣ сказываются уже нѣкоторыя сибирскія черты, то главное, что опредѣляетъ этотъ обликъ,—русское, старорусское.

Тамъ живы легенды Ермака и Пугачева, старыя сказанія о лѣсныхъ подвижникахъ, о старыхъ отчаянныхъ людяхъ, о всякихъ искателяхъ, о землепроходахъ. Тамъ нѣтъ русской покорности, смиренія и незлобивости, мягкости и гибкости, — тамъ люди болѣе суровые, съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства и болѣе смѣлые, нерѣдко безстрашные люди. Тамъ еще сохраняются старинныя русскія пѣсни и особая старая интонація голоса и рѣдкостныя слова, давно забытыя въ центральной Россіи, которыя можно встрѣтить въ старой новгородской лѣтописи. Тамъ говоръ на *о*, тамъ меньше количество словъ, короткія фразы, старинныя крѣпкія остроты, сильные жесты, суровая нѣжность. И издревле тамъ укрывалось и хранилось древлее благочестіе, древній укладъ жизни, въ постройкахъ, въ манерахъ, въ обычаяхъ.

Тамъ сильные люди. Я не встрѣчалъ въ Россіи такихъ могучихъ тѣлъ, какъ на уральскихъ заводахъ, такого роста, такой силы, такого идеальнаго мужского сложенія. Когда я изумлялся необыкновеннымъ фигурамъ забойщиковъ на золотыхъ пріискахъ Енисейской Тайги, тѣхъ, что идутъ впереди траншеи и отбиваютъ кайлой породу, провожавшій меня золотопромышленникъ отвѣтилъ мнѣ, какъ нѣчто, совершенно не требующее дальнѣйшаго объясненія: „да вѣдь это екатеринбургскіе".

Маминъ былъ уральскій человѣкъ. Кряжистый, словно сколоченный, сильный и смѣлый человѣкъ. Онъ былъ весь полностью отъ Урала,—обликомъ, ухваткой, чувствованіемъ, думаніемъ. Въ немъ много было отъ мглистыхъ еловыхъ лѣсовъ и бѣлорадостныхъ березокъ , отъ горныхъ вершинъ и угрюмыхъ скалъ, отъ уральскаго камня, отъ бурныхъ горныхъ рѣчекъ, отъ всей уральской жизни, отъ людей и звѣря, отъ старыхъ преданій.

Онъ зналъ Уралъ, какъ, можетъ быть, рѣдко кто. Онъ зналъ еще старый Уралъ, дореформенный древній Уралъ. Ему было двѣнадцать лѣтъ, когда была объявлена воля, на его глазахъ входила въ Уралъ новая жизнь, начиналась и развертывалась ломка стараго и входило новое, разрушавшее это старое. Уже сложившимся человѣкомъ онъ наблюдалъ, какъ приходилъ на Уралъ господинъ капиталъ, какъ ломалъ онъ старые устои жизни, какъ появлялись на Уралѣ новые, хищные типы,—вставали извнутри, прилетали извнѣ.

Онъ юношей и взрослымъ человѣкомъ съ ружьемъ за плечами исходилъ Уралъ по горамъ и лѣсамъ, изъѣздилъ его верхомъ, исколесилъ въ лодкахъ и на баржахъ, по бурнымъ рѣкамъ, бродилъ по старымъ заводамъ, по глухимъ деревнямъ, гдѣ хранился еще старый укладъ жизни, по старымъ могилкамъ, среди старыхъ людей.

Такъ онъ и донесъ до могилы Уралъ въ своей душѣ... Да, онъ прожилъ цѣлую петербургскую жизнь, онъ вращался среди той сборной русской интеллигенціи, которая шла въ Петербургъ съ юга и сѣвера, востока и запада, жилъ общей съ ней жизнью, но до самаго конца оставался Маминымъ-Сибирякомъ, уральскимъ Маминымъ. Онъ былъ породистый, сильный человѣкъ, цѣльный и цѣлостный, не ломкій, не гибкій, не гнущійся. Онъ былъ какъ обломокъ яшмы, красивой, узорчатой яшмы, занесенной далеко отъ родныхъ горъ. Онъ имѣлъ общій интеллигентскій обликъ, но за полированной поверхностью яшмы была глыба цѣльной породы, чистой, твердой, безъ трещинъ и излучинъ.

И онъ претворилъ въ своемъ художественномъ творчествѣ Уралъ, весь Уралъ и вернулъ его своей родной землѣ, прошедшимъ черезъ великое художественное воспріятіе, претвореннымъ яркимъ художественнымъ творчествомъ. Онъ отразилъ въ своихъ

писаніяхъ все, что внесъ въ его душу Уралъ, его суровость и поэзію, буйную радость уральской весны и угрюмую печаль окутанныхъ мглою узкихъ долинъ и темныхъ лѣсовъ, и душу уральскихъ людей, хищныхъ и кроткихъ, отчаянныхъ и молитвенныхъ. Онъ не былъ тѣмъ, что называется этнографическій писатель,—слишкомъ яркими и широкими красками рисовалъ онъ, слишкомъ много общерусскаго въ нарисованномъ имъ Уралѣ, — и, можно сказать, онъ вернулъ Уралъ не только Уралу, но и Россіи, въ особенности вернулъ старое, древнерусское, исконное, что лежало въ старомъ Уралѣ.

Онъ все далъ въ своемъ художественномъ творчествѣ, и новую жизнь, которая развернулась на Уралѣ за послѣдніе сорокъ - пятьдесятъ лѣтъ, всю ту капиталистическую, духовную и бытовую эволюцію, которую Уралъ переживалъ вмѣстѣ со всей Россіей, и новые типы и новый укладъ жизни, вызванный этой эволюціей, но особымъ художественнымъ любованіемъ была обвѣяна у него старая Россія, старый Уралъ. Дѣтскія и юношескія впечатлѣнія особенно крѣпкія и цѣпкія и особенно глубоко залегли въ душѣ Мамина. Онъ особенно любилъ или вѣрнѣе облюбовывалъ людей стараго воспитанія, стараго уклада, коренные, цѣльные исконные русскіе типы, — будутъ ли то дореформенные безумно дикіе исправники, заводскіе управители и владѣльцы, охотники и лѣсные люди, молитвенники въ темныхъ лѣсахъ, бурлаки и сплавщики, бабы раскольницы съ своимъ старымъ строгимъ укладомъ души.

У Мамина былъ большой талантъ, я позволилъ бы себѣ сказать, спеціально русскій талантъ, стихійный, даже немножко дикій, съ древнимъ неутраченнымъ непосредственнымъ чувствомъ природы, напряженнымъ особымъ чувствованіемъ лѣса и горы, рѣки и долины, звѣря и человѣка, какъ у родственнаго съ нимъ Куприна, у котораго такой же стихійный талантъ, такое же непосредственное, напряженное чувствованіе природы. И Маминъ не однотонный художникъ. На его палитрѣ всякія краски, у него есть юморъ и лирика, суровая сила и огромная нѣжность, яркій бытъ и тонкія и глубокія духовныя переживанія.

У него была и особая манера писанія,—сразу, быстро, иногда безъ помарокъ. У него все было—и широкія огромныя полотна: „Горное гнѣздо“, „Приваловскіе милліоны“, „Три конца“, „Хлѣбъ“,—и были тонкія миніатюры, какъ „Могилки“, какъ эпизоды изъ его скитаній, гдѣ все только улыбка или вздохъ или жалоба. У него были картины широкаго разгула, озорства и дикой отчаянности и кроткія фигуры одинокихъ оброшенныхъ людей и молитвенныхъ созерцателей, у него были картины обывательской жизни и Аленушкины сказки, такія дѣтскія сказки, такъ полныя переживанія дѣтской души, и Емеля Охотникъ, и про Воробья Воробеича...

Была еще особенность въ его художественномъ творчествѣ,—

правда. Онъ никогда не руководился въ своихъ писаніяхъ такъ называемыми теченіями въ русской литературѣ, чужими вліяніями и требованіями рынка, онъ самъ всегда былъ судья надъ собой. Онъ отражалъ въ своемъ художественномъ творчествѣ жизнь, какъ она отражалась въ его художественномъ воспріятіи—онъ не былъ фотографомъ и всегда претворялъ жизнь въ своемъ художественномъ изображеніи. Онъ не относился къ явленіямъ народной жизни съ порицаніемъ и осужденіемъ или похвалой и оправданіемъ; онъ не возвеличивалъ и не преуменьшалъ народную жизнь, но и не былъ безразличнымъ писателемъ.

Повторяю, онъ былъ народникъ, народникъ по кровной связи съ народомъ, которую онъ не могъ, если бы и хотѣлъ, отдѣлить отъ себя, какъ нельзя самому отодрать кожу отъ своего тѣла. Онъ былъ народникъ, потому что онъ самъ вышелъ изъ народа, по близости къ нему, по любви сердца, и главная струя симпатій его была направлена на то, на что направлена была у многихъ другихъ старыхъ русскихъ писателей, на народъ, на рабочихъ, крестьянъ, на обездоленныхъ, на страдающихъ людей. Ихъ онъ обвѣялъ своей лаской, своей суровой нѣжностью, своимъ жалѣніемъ.

Маминъ былъ человѣкъ стараго воспитанія, старыхъ устоевъ. И не потому только, что помнилъ крѣпостную жизнь, зналъ старую жизнь. Онъ любилъ все настоящее, старорусское, натуральное, истовое, коренное. Онъ искренно любуется, какъ ѣстъ въ буфетѣ старый, типичный русскій баринъ, только потому, что баринъ цѣльный, настоящій и по настоящему, по барски ѣстъ,—и заглавіе разсказу Маминъ пишетъ: „Настоящій"... И въ этомъ объясненіе, почему такъ часто и съ такой авторской любовностью обращается Маминъ къ старообрядчеству, гдѣ такъ много настоящаго, кореннаго, истоваго, гдѣ старорусское такъ тщательно сохраняется, такъ ревниво оберегается...

И какъ писатель,—онъ былъ стараго воспитанія, старыхъ, уходящихъ изъ жизни литературныхъ традицій.

Для него литература была не только „выявленіе" своего „я", но и миссія, святость, служеніе родинѣ. Онъ шелъ туда, гдѣ ему роднѣе, онъ, жившій „отъ строчки", никогда не вводилъ коммерческаго расчета въ свою литературную дѣятельность, и трудно представить себѣ, чтобы Маминъ торговался изъ-за гонорара и пошелъ въ чужое мѣсто только потому, что тамъ больше даютъ. И, самъ нуждаясь, онъ, какъ Крезъ, раздавалъ направо и налѣво безплатно свои разсказы въ многочисленные литературные сборники, появлявшіеся одно время съ благотворительной цѣлью, и, когда задумывались тѣ или другіе сборники — первое имя упоминалось Мамина, какъ неизмѣннаго поставщика.

Онъ любилъ и цѣнилъ только литературу старыхъ традицій, такъ сказать, общерусскую литературу, обращавшуюся ко всей Россіи, къ широкимъ массамъ населенія, не забывающую о народѣ.

И ненавидѣлъ глубокой Маминской ненавистью то утонченное, вѣрнѣе истонченное, что вскрылось въ литературѣ за послѣдніе годы,—глубокую оторванность отъ жизни и отъ народа, обращеніе не къ широкимъ слоямъ русскаго населенія, а разговоры промежду себя, обращеніе къ малой кучкѣ утонченныхъ и истонченныхъ людей, стилизацію, жертвующую содержаніемъ стилю, доходящую до того, что остается одинъ стиль и исчезаетъ не только содержаніе, но и смыслъ.

Теперь идетъ отбой, но тогда, во время моего близкаго знакомства съ Маминымъ, былъ медовый мѣсяцъ этого новаго направленія въ русской литературѣ и не было предѣловъ негодованію и презрѣнію Мамина.

. . . .

Въ высокой степени характеренъ для Мамина его языкъ, позволительно сказать, маминскій слогъ. Ему не нужно было обращаться къ словарю Даля и заимствовать оттуда народныя выраженія, какъ теперь практикуется, для того, чтобы стилизовать слогъ подъ народъ. Я уже упоминалъ, что у Мамина еще сохранилось давнее народное непосредственное чувствованіе природы, — у него сохранилась и народная манера думать образами и образно выражать свои мысли. По своей писательской манерѣ онъ примыкалъ къ старшему поколѣнію, къ мастерамъ слога, сдѣлавшимся классиками; у него та же благородная простота великолѣпнаго русскаго языка, та же сдержанность, такъ сказать, скромность языка въ пейзажѣ и жанрѣ, въ изображеніяхъ поэзіи природы и человѣческихъ чувствованій; — но у Мамина была и ярко выраженная индивидуальность, свой Маминскій языкъ. Уже масса уральскихъ словъ, драгоцѣнныхъ крѣпкихъ, старыхъ русскихъ словъ, дѣлаетъ его языкъ особенно богатымъ, оригинальнымъ и колоритнымъ, и потомъ его слогъ былъ волнующійся, сильный и гибкій, такъ ярко передававшій и суровое, сильное и нѣжное, и молитвенное. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что такой яркій, цвѣтной, узорчатый и коренной, образный народный языкъ можно встрѣтить только у немногихъ русскихъ писателей прошлаго и настоящаго.

Въ особенности настоящаго...

Можетъ быть, ростъ городовъ, новая концентрація интеллигенціи, огромная роль Петербурга въ литературѣ создали или, вѣрнѣе, создаютъ тотъ новый утонченный, стилизованный, чисто интеллигентскій языкъ, я бы назвалъ, петербургскій слогъ, которымъ пишутъ теперь многіе писатели,—не простой языкъ, не скромный, вывихнутый и, не смотря на всѣ вывихи, въ существѣ плоскій и скучный, лишенный красокъ и аромата подлиннаго, вѣчно возрождающагося и обновляющагося великолѣпнаго русскаго языка.

Ближе я сошелся съ Маминымъ въ Ялтѣ, куда онъ пріѣзжалъ гостить.

Въ пріятельство онъ вступалъ очень легко и быстро, но рѣдко подпускалъ къ себѣ близко людей и, чувствовалось, съ нѣкоторой опаской.

Въ Ялтѣ,—потому ли, что его не дергала петербургская жизнь и все то, что связано было у него съ писательствомъ, потому ли, что около него сразу образовался кружокъ ялтинскихъ людей, чтившихъ и полюбившихъ его,—онъ былъ другой, не петербургскій, менѣе сторожкій, спокойный, умиротворенный и—какъ бы сказать—ясный. И въ Ялтѣ я узналъ, какой былъ Д. Н. Маминъ, не смотря на свою кажущуюся суровость и даже нѣкоторую рѣзкость, милый, хорошій и простой человѣкъ и, въ особенности, какой онъ былъ внутренно интересный, своеобычный и оригинальный человѣкъ.

Скоро у насъ образовались правильныя засѣданія въ городскомъ саду, или днемъ, когда мы, врачи, оканчивали пріемы и освобождались отъ спѣшныхъ визитовъ, или вечеромъ, когда всѣ были свободны и можно было посидѣть подольше. Тогда къ нашей бесѣдѣ присоединялись знакомыя дамы и общество дѣлалось шире. Когда Д. Н. былъ въ добромъ расположеніи духа, онъ набивалъ и закуривалъ трубочку и говорилъ:

— О-отецъ дья-яконъ разсказывалъ... И Маминъ своими огромными черными глазищами оглядывалъ публику.

Тогда мы знали, что будетъ веселое собесѣдованіе. О. дьяконъ былъ уральскій человѣкъ и всегда разсказывалъ веселыя вещи, иногда посоленныя крупной уральской солью, но всегда яркія, остроумныя, разсказывалъ короткими фразами, неожиданными и яркими образными выраженіями. Когда я слушалъ разсказы Мамина, когда вставалъ предо мной его необыкновенный запасъ наблюденій, удивительные типы людей, съ которыми онъ встрѣчался и которыхъ онъ умѣлъ обрисовывать короткими штрихами,—я невольно думалъ, какъ много неиспользованнаго осталось изъ богатства его наблюденій и силы его творчества. Отъ Мамина никому не хотѣлось уходить, такъ остроуменъ онъ былъ, такъ веселъ и оживленъ дѣлался общій разговоръ. Объ одномъ онъ избѣгалъ говорить въ обществѣ — о себѣ, какъ писателѣ, о своихъ литературныхъ произведеніяхъ.

Онъ не сдѣлался приверженцемъ Ялты,—слишкомъ много было въ немъ Урала и слишкомъ глубоко сидѣлъ въ немъ Уралъ. Д. Н. одобрялъ море и горы, а ту красоту ялтинской растительности, которой мы любовались, не одобрялъ. И кипарисы, и мудреные привозные ливанскіе и гималайскіе кедры и магноліи и „слишкомъ много разъ",—и, кажется, единственное исключеніе дѣлалъ для чудесной лиловой глициніи, которая длинными пахучими гроздьями увивала его балконъ въ „Джалитѣ". И не разъ корилъ меня, что

я, тоже сѣверный человѣкъ, измѣнилъ своему сѣверу и перекинулся на сторону юга. Всю свою антипатію къ ялтинской растительной пышности онъ изливалъ на уксусное дерево — бѣдное, всѣми гонимое, но милое, удивительно неприхотливое и цѣпкое дерево, съ перистыми листьями, и, когда я пробовалъ заступиться за Крымъ и за уксусное дерево, онъ начиналъ донимать меня:

— Вотъ увидите, напишу!.. Непремѣнно напишу романъ изъ ялтинской жизни... Такъ и начинаться онъ будетъ,—двое возлюбленныхъ или „онъ и она"—сидѣли подъ тѣнью уксуснаго дерева... И весь романъ совершаться будетъ—онъ растягивалъ слова—по-одъ тѣнью уксу-у-снаго дерева.

Ему не доставало уральской елочки, бѣлой березки, того, что ему милѣе было и пальмъ, и каштановъ, и великолѣпныхъ магнолій. Разъ, я помню, разговорились мы вдвоемъ про нашъ сѣверъ и какъ-то затихъ онъ, полѣзъ въ карманъ, досталъ оттуда аккуратно сложенный пакетикъ въ тряпочкѣ и разложилъ на столѣ уральскіе камешки,—должно быть, носилъ онъ пакетикъ постоянно въ карманѣ,—чудесные рѣдкостные уральскіе камни, золотистые топазы и изумруды, и хризолиты, и таинственный александритъ, что горитъ то краснымъ, то зеленоватымъ огнемъ, и рубины, и сапфиры. Сбѣжало съ его лица обычное насмѣшливое выраженіе и, мягкій и сосредоточенный, сталъ онъ подавать мнѣ по камешку и ронялъ короткія фразы, гдѣ на Уралѣ родился камешекъ, какъ при немъ вынули его изъ земли, у кого покупалъ, кто и почему подарилъ ему тотъ или другой камешекъ и какъ живутъ люди, добывающіе камешки, и какъ работаютъ надъ ними. И забылъ про уксусное дерево, подъ которымъ какъ разъ сидѣли мы, и, должно быть, весь былъ тамъ, гдѣ родятся его камешки...

Онъ мало интересовался ялтинской публикой и, кажется, кромѣ нашего тѣснаго кружка ни съ кѣмъ не велъ знакомства. Кромѣ базара... Кажется, тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Ялту Д. Н. пошелъ на базаръ, разыскивать „россійскихъ", натуральныхъ людей. И нашелъ. Прежде всего старика-квасника, кажется, Степаномъ звать, съ которымъ и вступилъ въ пріятельство. Я нерѣдко по утрамъ, когда приходилось рано выѣзжать изъ дому, встрѣчалъ на набережной Дмитрія Наркисовича, съ неизмѣнной трубочкой, медлительно и важно шествовавшаго по направленію къ базару.

— Куда? спросишь.

— Квасъ пить.

Всякое утро ходилъ онъ пить квасъ у Степана и вели они по душамъ долгіе, должно быть, обоимъ пріятные, разговоры, а въ городскомъ саду въ тотъ же день мнѣ сообщались всѣ базарныя новости, неизвѣстныя мнѣ, постоянному жителю Ялты.

Разъ онъ встрѣтилъ меня въ городскомъ саду особенно оживленно.

— Сейчасъ тамбовскихъ встрѣтилъ... Артель пришла, мостъ строить черезъ Черное море въ Царь-Градъ.

Съ тамбовскими людьми познакомилъ Мамина тотъ же квасникъ, и тамбовскіе люди объяснили Мамину, что у нихъ слухи прошли, что русскій царь велѣлъ строить мостъ черезъ Черное море къ Царю-Граду, и что мостъ будетъ длинный, и потому работы будетъ вдосталь. Въ тотъ день Д. Н. былъ очень оживленъ и веселъ. Великолѣпно изображалъ онъ мнѣ почтеннѣйшаго съ чудесной бородкой сѣдого старика крестьянина, стоявшаго во главѣ артели и державшаго всю артель въ ежевыхъ рукавицахъ и глубоко вѣрившаго въ постройку моста черезъ Черное море къ Царю-Граду [1]).

И было видно, какъ онъ обрадовался, что розыскалъ коренныхъ россійскихъ людей въ Ялтѣ, натуральныхъ, исконныхъ русскихъ людей.

Есть задачливые люди и есть незадачливые. Однимъ жизнь—скатертью дорога, другимъ вся загорожена волчьими ямами, проволочными загражденіями.

Литературный успѣхъ иногда сразу завоевывается первыми же произведеніями, иногда, постепенно наростая, все выше и выше возноситъ удачливаго человѣка...

Жизнь не задалась Мамину. И личная жизнь... Хотя бы изъ его въ значительной мѣрѣ автобіографическаго разсказа. „Черты изъ жизни Пепко“ видно, какъ тяжко и горько складывалась молодая жизнь Мамина. А потомъ наладилось было. Свилъ онъ себѣ гнѣздо, по своему сердцу, по своей душѣ. А жена умерла первыми родами, оставивши ему дѣвочку... Маминъ былъ человѣкъ глубокаго чувствованія, и я знаю отъ покойнаго Н. К. Михайловскаго, какую муку перенесъ Д. Н. Маминъ. И, можетъ быть, нѣжная забота, которою окружилъ его Михайловскій, поддержка мужественной души, помогли Мамину пережить этотъ тяжкій ударъ. Самъ Маминъ въ свойственныхъ ему сдержанныхъ выраженіяхъ говорилъ мнѣ, что отсюда пошло отношеніе его къ Михайловскому, исключительная его любовь къ Михайловскому.

Незадачливъ онъ былъ и въ литературѣ. Онъ самъ разсказывалъ мнѣ въ Ялтѣ, какъ онъ девять лѣтъ посылалъ въ разныя редакціи разсказы и романы и повѣсти и девять лѣтъ получалъ отовсюду отказы. И не вспыхнулъ онъ сразу успѣхомъ и славой и не наростали и не наросли до могилы слава и успѣхъ Мамина, даже приблизительно въ той мѣрѣ, въ какой приличествовало ему. Да, Маминъ... Признанная величина, но какая-то неподвижная, сразу остановившаяся на мертвой точкѣ. И размѣры этой величины въ

---

[1]) Д. Н. напечаталъ потомъ про тамбовскихъ въ Ялтѣ.

широкихъ слояхъ публики не повышались и не понижались, а именно оставались на мертвой точкѣ признанія и забвенія.

Есть въ этомъ нѣчто удивительное. У него не было перепѣвовъ съ чужого голоса, онъ сразу вышелъ въ литературу не подражателемъ кому бы то ни было, а яркимъ, оригинальнымъ и своеобычнымъ писателемъ, и первое, помню, обратившее на себя общее вниманіе, произведеніе „Бойцы", напечатанное въ „Отечеств. Запискахъ" (1873 г. кн. 7—8). отличалось не только талантливостью, но и яркостью и оригинальностью темы, и манерой использованія темы.

Онъ былъ большой талантъ и не однотонный талантъ, у него была большая палитра красокъ,—и все-таки онъ не имѣлъ должнаго успѣха. Нельзя объяснить это и тѣмъ, что онъ поздно пришелъ, что онъ попалъ на безвременье, когда вкусы публики ушли отъ старыхъ бытовыхъ пріемовъ въ русской беллетристикѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже попалъ въ исключительныя условія. Старые беллетристы сходили со сцены и не вставали еще новые, начиналъ онъ въ томъ журналѣ, который задавалъ тонъ русской публикѣ, и всегда печатался въ наиболѣе распространенныхъ журналахъ, и, повторяю, успѣха не имѣлъ,—приличествующаго яркости и оригинальности таланта Мамина.

Да, онъ зналъ, что верхи литературы всегда чтили и по должному цѣнили его талантъ, но почему-то не писали о немъ критики и кромѣ статьи Скабичевскаго въ „Новомъ Словѣ" (1896 г., кн. 1—2) и статьи Альбова въ „Мірѣ Божьемъ" (1910 г., кн. 1—2) я не запомню большихъ общихъ статей, посвященныхъ Мамину. И публика шла мимо. Не то, что не осаждали его интервьюеры, не снимали его за обѣдомъ, за завтракомъ, въ ваннѣ, въ спальнѣ, для иллюстрированія въ журналахъ—это все явленія самоновѣйшаго времени; но никогда не создавалось шума около него, яростныхъ споровъ, — шума, можетъ быть, безтолковаго, но неизбѣжно сопровождающаго всякій успѣхъ. Да, въ провинціи любили, знали и чтили, и читали его; тамъ спорили и обсуждали, но этотъ провинціальный шумъ не доходилъ до Петербурга и Москвы и не сказывался въ столичныхъ толкахъ.

Сколько онъ написалъ и какъ онъ написалъ, мало кому теперь извѣстно... Мимо него шли люди въ академію, шли на свои юбилеи, а онъ оставался на Верейской улицѣ забытый и покинутый... И я не знаю другого—какъ бы сказать—болѣе ироническаго или трагическаго юбилея, какъ только что справленный надъ Маминымъ, надъ умиравшимъ и лишь изрѣдка приходившимъ въ сознаніе писателемъ. Люди вспомнили о забытомъ и покинутомъ писателѣ, когда лежалъ онъ распростертымъ на смертномъ одрѣ, когда звуки жизни уже не доносились до него, и прочитали надъ нимъ адресъ, какъ отходную молитву. Такъ юбилей и закончилъ писательскую жизнь Мамина-Сибиряка, завершивши и подчеркнувши его литературную судьбу.

Онъ лежалъ въ гробу и ничего не осталось отъ живого Мамина, котораго я такъ близко зналъ, котораго я только два года не видѣлъ. Мнѣ много приходилось провожать въ могилу близкихъ людей. Измѣняла ихъ болѣзнь, измѣняла смерть, но я въ первый разъ видѣлъ, какъ въ мертвомъ ничего не осталось отъ живого, какъ по другому и даже противоположному перестроилось мертвое лицо.

Это было такъ поразительно, что потомъ мнѣ невольно приходило въ голову, что, если бы судебная власть заставила меня показать подъ присягой, кто лежитъ въ гробу, я бы съ глубокимъ убѣжденіемъ присягнулъ, что это не Маминъ. Не въ томъ дѣло, что онъ былъ худой и блѣдный и что лицо изъ круглаго стало продолговатымъ, а въ томъ, что не осталось ничего, совсѣмъ ничего отъ Мамина, котораго я зналъ двадцать два года, отъ его смѣлаго облика, его насмѣшливаго выраженія лица. Закрыты были большіе его глаза, и грустно, и жалобно, и какъ-то покорно сложились губы подъ незнакомыми мнѣ рѣдкими усами. Не было бороды у него, и старые буйные волосы легли мягкими тонкими волосиками надъ его высокимъ лбомъ. И, что было самое поразительное,—лицо его приняло древній иконописный обликъ долго постившагося и много молившагося человѣка,—русскаго человѣка изъ давняго прошлаго, стараго письма. И такъ подходили къ этому лицу и монахиня, что читала въ углу протяжнымъ голосомъ старыя протяжныя молитвы, и альтъ, удивительнымъ надрывнымъ и болѣзнымъ голосомъ пѣвшій: „Вѣчная память!“, и ладонъ, и кадило, и свѣчи... строгое скорбное лицо словно наблюдало съ подушки, такъ ли все, по старому, истово, какъ должно...

Было сиро и бѣдно людьми около гроба. Все старики, сѣдые люди, которыхъ непремѣнно встрѣчаешь на похоронахъ. Больше дамъ, чѣмъ мужчинъ,—искренно горюющихъ, соболѣзнующихъ дамъ. А молодежи совсѣмъ не было.

На другой день, когда выносили гробъ,—собралось больше людей, изрѣдка виднѣлась молодежь, но тоже больше не молодыя лица, сверстники, немножко постарше, немножко помоложе. И, когда процессія двинулась, я услышалъ разговоръ въ толпѣ:

— А знаете, я только что еще двѣ телеграммы получилъ. Трогательныя—одну отъ курсистокъ, другую отъ учительницъ.— Мнѣ послышалось слово—изъ Варшавы.

— Это по случаю смерти?

— Нѣтъ, по случаю юбилея.

Немножко запоздалъ юбилей, немного опоздали телеграммы.

Маминъ умеръ, но не умерли его художественныя произведенія.

Нужно думать, что и не умрутъ, что къ Мамину еще вернутся

люди. Да, онъ не достаточно признанъ, но не всѣхъ признаютъ при жизни, и мы знаемъ не одинъ случай, когда людей признавали даже и не къ сорокалѣтнему юбилею, а долго спустя послѣ смерти. На нашихъ глазахъ въ общемъ признаніи встаетъ Тютчевъ, мало оцѣненный широкими слоями современниковъ. Да, учащаяся молодежь не пришла хоронить Мамина, очевидно, мало читаетъ, мало знаетъ его, но странное явленіе наблюдается въ настоящее время въ Россіи. Есть многочисленныя свидѣтельства, что учащаяся молодежь ушла отъ старыхъ писателей и рѣдко читаетъ Тургенева, Гл. Успенскаго, Салтыкова, и тоже есть многочисленныя свидѣтельства, что новый читатель, встающій изъ народа, идетъ именно къ старымъ русскимъ писателямъ. Близко знакомый мнѣ депутатъ-рабочій, вполнѣ освѣдомленный въ фабричномъ районѣ, пославшемъ его въ Думу, и въ крестьянствѣ, примыкающемъ къ его фабричному району, разсказывалъ мнѣ, что рабочіе и крестьяне усиленно читаютъ не только Толстого и Некрасова, но и Тургенева и Салтыкова и что именно Салтыковъ становится ихъ любимымъ русскимъ писателемъ.

Вѣрнѣе будетъ сказать, что къ Мамину пойдутъ. Будутъ идти и писатели, и интеллигентные люди, которые отвернутся отъ остраго и прянаго и будутъ искать здороваго и сильнаго, чудесныхъ яркихъ образовъ и которые въ особенности будутъ у него искать настоящаго, художественнаго русскаго языка.

Признаетъ его народъ. Придетъ къ нему коренная Россія, которая встаетъ въ своемъ пониманіи, та будущая читательская масса, которая скоро будетъ имѣть свое властное сужденіе о литературѣ, которая потребуетъ отъ писателя художественности и стиля, но и содержанія, отвѣта на свои духовные запросы.

Она придетъ къ Мамину, такому родному и близкому, такому яркому и художественному, такъ ясному и понятному для широкихъ массъ.

И, можетъ быть, онъ скоро сдѣлается тамъ классикомъ, можетъ быть, будетъ избранъ тамъ академикомъ.

С. Елпатьевскій.

Отзывы по поводу смерти Н. Ѳ. Анненскаго.

(Окончаніе).

Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Т. III—IV. Статья *Е. Святловскаго.* (Статья представляетъ „краткій очеркъ“ дѣятельности Николая Ѳедоровича въ И. В. Э. Обществѣ со дня вступленія въ члены—30 мая 1895 г. Изъ этого обстоятельнаго очерка, за невозможностью напечатать его цѣликомъ, при-

водимъ отрывокъ, характерный для одного изъ моментовъ дѣятельности покойнаго Н. Ѳ. Анненскаго въ бурный періодъ русской общественности):

...На 24 апрѣля 1906 г. было назначено засѣданіе III отдѣленія для бесѣды на тему о современномъ положеніи страны и задачахъ Государственной Думы, причемъ на повѣсткѣ значилось, что введеніе въ бесѣду сдѣлаютъ Н. Ѳ. Анненскій и В. А. Мякотинъ. Въ засѣданіи присутствовали въ числѣ гостей многіе члены Государственной Думы. Выбранный предсѣдателемъ собранія Николай Ѳедоровичъ открылъ засѣданіе рѣчью...

„Мы должны обсудить вопросъ, который волнуетъ Россію, общество, народъ. Мы стоимъ передъ великимъ историческимъ этапомъ. Чего ждать намъ отъ него, чего желать? Второе всѣ мы знаемъ, отвѣтить на первое труднѣе. Желать мы можемъ многаго, но какія изъ нашихъ желаній уже могутъ быть воплощены въ жизнь и какія являются несбыточными мечтами? Мы знаемъ, что у насъ все покупается дорогою цѣною. Длиненъ и тернистъ путь борьбы за свободу. Оглядываясь на пройденные нами этапы этого пути отъ того момента, когда впервые забрезжилъ блѣдный свѣтъ свободы, мы видимъ, что онъ на всемъ своемъ протяженіи усѣянъ костями борцовъ за нее. Но не уныніе, а бодрость пробуждаетъ это зрѣлище. Если въ прошломъ мы видимъ тяжелыя жертвы, то оно же являетъ намъ и величавые подвиги; и эти жертвы, и эти подвиги совершены были не напрасно. Мы видѣли растущую мощь и сознаніе народныхъ массъ, мы присутствовали при выступленіи ихъ въ качествѣ активныхъ дѣятелей на аренѣ исторіи, мы знаемъ, что они будутъ бодрыми работниками на народной нивѣ. Не будемъ обманывать себя иллюзіей, что мы уже у предѣла земли обѣтованной; намъ предстоитъ еще длинный—быть можетъ, крестный путь. Соберемся съ силами на новую дорогу, оглянемся на прошлое, постараемся оцѣнить настоящее, опредѣлимъ наши задачи на будущее"... (Давъ краткую и яркую характеристику момента передъ открытіемъ первой Думы, Николай Ѳедоровичъ продолжалъ): „Правительство *осуществило* обѣщанный созывъ Думы, которая надняхъ соберется... Но эта Дума въ своей дѣятельности вся опутана ограниченіями внутри и во внѣ; на ея пути положенъ тормазъ въ видѣ Государственнаго Совѣта. Если она будетъ дѣйствовать въ этихъ предѣлахъ,—ея дѣятельность сведется къ нулю. А между тѣмъ упованія, которыя страна возлагала на Думу, громадны. Между этими упованіями и рамками, въ какія поставлена Дума, создается глубокое несоотвѣтствіе, это обусловливаетъ трагическій конфликтъ. Гдѣ же выходъ? Какъ *сможетъ* Дума стать тѣмъ, чѣмъ она *должна* быть, чего мы можемъ ждать отъ нея,—и какъ можемъ мы помочь ея работѣ? Какъ бы ни было совершенно представительное учрежденіе, — оно живо лишь тогда, когда за нимъ стоитъ дружная работа всей страны. И тѣ, на кого легъ крестъ

трудной отвѣтственности дѣйствовать въ качествѣ законодателей страны, и мы, ея рядовые работники, должны соединить наши силы, чтобы дружною работою добыть для страны ту свободу, за которую она заплатила кровью, — въ которой такъ нуждается наша изстрадавшаяся, наша изголодавшаяся, наша несчастная родина. Чтобы обсудить сообща тѣ задачи, которыя выдвигаются передъ нами въ настоящій историческій моментъ, мы собрались въ этихъ стѣнахъ, подъ знаменемъ Общества, среди котораго 150 лѣтъ назадъ впервые прозвучало требованіе освобожденія народа отъ рабства. Вѣрные традиціямъ нашего Общества, будемъ говорить свободно. Свобода мнѣнія обязываетъ и къ уваженію чужого мнѣнія. Мы предлагаемъ три темы для нашей бесѣды: сегодня мы ставимъ вопросъ о политическихъ условіяхъ обновленія страны; завтра— вопросъ аграрный, а затѣмъ вопросъ о государственномъ хозяйствѣ".

Послѣ Николая Ѳедоровича говорилъ В. А. Мякотинъ, но, едва онъ успѣлъ кончить свою рѣчь и началъ говорить В. В. Водовозовъ, какъ въ залѣ засѣданія появился полицейскій приставъ и, сославшись на распоряженіе градоначальника, потребовалъ распустить собраніе. Николай Ѳедоровичъ, какъ предсѣдатель собранія, хладнокровно указалъ приставу, что ему не дано было слово и онъ не имѣлъ права прерывать оратора и что требованіе градоначальника не законно, ибо засѣданіе состоялось на точномъ основаніи устава, а поэтому онъ проситъ пристава удалиться. Приставъ ушелъ, но черезъ нѣсколько мгновеній возвратился въ сопровожденіи наряда полицейскихъ и снова предъявилъ требованіе о закрытіи собранія. Николай Ѳедоровичъ, отказываясь исполнить это требованіе, въ виду его незаконности, обратился къ присутствовавшимъ въ засѣданіи членамъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и въ горячихъ выраженіяхъ характеризовалъ весь инцидентъ, какъ яркую иллюстрацію нашихъ порядковъ. Въ залѣ было поднялся шумъ и выраженіе негодованія, но все стихло послѣ словъ Николая Ѳедоровича, пригласившаго собраніе не нарушать порядка и говорить только тѣмъ, кому слово предоставлено предсѣдателемъ. И, благодаря такому хладнокровію предсѣдателя, порядокъ болѣе не нарушался, пока не былъ составленъ и оглашенъ протоколъ, подъ которымъ тутъ же подписались всѣ присутствовавшіе члены Общества, Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

На слѣдующій день, когда во время рѣчи С. Н. Прокоповича (въ томъ же засѣданіи Комиссіи при III отдѣленіи подъ предсѣдательствомъ Николая Ѳедоровича) вновь въ залѣ появился нарядъ полицейскихъ съ помощникомъ пристава и полицейскимъ поручикомъ во главѣ,—и началъ оцѣплять собравшихся, Николай Ѳедоровичъ, попросивъ присутствующихъ сохранять спокойствіе, заставилъ представителя полиціи выслушать справку изъ Устава Обще-

ства, именно Высочайшіе рескрипты, подтверждавшіе нынѣ нарушаемыя градоначальникомъ права Общества. „Такъ какъ сдѣланное градоначальникомъ распоряженіе противорѣчитъ закону,—сказалъ Николай Ѳедоровичъ,—то мы отказываемся его исполнить. Теперь, послѣ того, какъ вы выслушали указанія закона, я спрашиваю васъ, считаете ли возможнымъ повторить ваше требованіе?“ Послѣ того, какъ помощникъ пристава заявилъ, что онъ вынужденъ примѣнить силу, Николай Ѳедоровичъ предложилъ собранію подчиниться насилію и разойтись, заявивъ протестъ противъ дѣйствій градоначальника.

Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ Николай Ѳедоровичъ проявилъ рѣдкую находчивость и хладнокровіе, никогда его не покидавшія.

Рада, 3 августа. Статья **Сергія Ефремова** (печатаемъ въ переводѣ съ украинскаго).

...Онъ какъ-то органически не могъ выносить, когда у него на глазахъ происходила какая-либо, по его мнѣнію, неправда,—тогда не было такой силы, которая могла бы его остановить... Его искренность была не меньше его рыцарскаго прямодушія, — увидѣвъ свою ошибку, онъ самъ первый сознавался въ ней... Потому, вѣроятно, такъ и уважали его за эти рыцарскія качества всѣ, кто зналъ его, — даже люди, далекіе отъ него по своимъ взглядамъ. Каждый зналъ, что, ужъ если что дѣлаетъ Николай Ѳедоровичъ, то дѣлаетъ по правдѣ, по справедливости, и какъ-то невольно хотѣлось склониться передъ этимъ юношею съ сѣдою головою, сдѣлать такъ, чтобы не причинить ему той боли, которая отражалась на его лицѣ, когда что-либо казалось ему несправедливымъ...

Всегда поражало меня въ немъ соединеніе великой силы убѣжденности съ великой силой искренности и рыцарской стойкости. Чувствовалось, что весь онъ въ томъ, что дѣлаетъ и говоритъ, что иначе говорить и дѣлать онъ не можетъ и никакая сила не заставитъ его пойти противъ своей мысли, противъ своего убѣжденія. Бываютъ такіе счастливые люди, у которыхъ мысль не расходится съ дѣломъ,—Анненскій былъ однимъ изъ такихъ людей. И онъ очаровывалъ всѣхъ непосредственною силою своей искренности. Эта его черта еще болѣе, чѣмъ его публицистическія и научныя заслуги (а и онѣ очень велики), привлекала къ нему симпатіи даже честныхъ и идейныхъ враговъ и создавала ту атмосферу общаго уваженія и любви, какою окруженъ былъ Анненскій.

Потому-то такъ и горько въ моментъ общаго упадка и апатіи сознавать, что не стало этого человѣка, — человѣка кристальной вѣры, чистаго слова и дѣла, этого настоящаго рыцаря безъ страха упрека.

Das litterarische Echo, Berlin, 1912, 15 September.

Скончался Н. Ѳ. Анненскій, многосторонній публицистъ и одинъ изъ наиболѣе выдающихся представителей русскаго либерализма шестидесятыхъ годовъ. Имя его тѣсно связано съ исторіей Россіи послѣдняго пятидесятилѣтія; онъ былъ движущей силой всѣхъ преобразовательныхъ стремленій. Воспитанникъ омскаго кадетскаго корпуса, Анненскій въ началѣ шестидесятыхъ годовъ былъ вовлеченъ въ потокъ русскаго „періода бури и натиска“ и принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ этой эпохи. Журналъ „Русское Богатство“ и „Вольно-Экономическое Общество“ были поприщемъ, на которомъ развернулась его дѣятельность.

НОВЫЯ КНИГИ.

Альманахъ издательства „Шиповникъ“, (Книга 18) Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Уже по заглавіямъ предчувствуешь нелегкую читательскую долю. Особенно пугаетъ А. Ремизовъ, обѣщая читателю язву, да еще пятую по счету. Правда, при чтеніи оказывается, что разсказъ начинается прямо съ этой пятой язвы... Но сейчасъ же приходится ставить и рѣшать другіе вопросы: кто авторъ „Пятой язвы“ и сколько этихъ авторовъ? Подписалъ авторъ одинъ, и этотъ авторъ А. Ремизовъ. Но въ первой же главѣ чувствуются два автора.

Передъ читателемъ русскій уѣздный городъ Студенецъ, въ которомъ живетъ и служитъ дѣлу правосудія непреклонный судебный слѣдователь Бобровъ, именуемый „Пятой язвой“. Онъ живетъ въ русскомъ уѣздномъ городѣ, но это только такъ кажется, что онъ живетъ въ русскомъ уѣздномъ городѣ. На самомъ дѣлѣ онъ живетъ въ библейскомъ Содомѣ. И вотъ объ этомъ-то Содомѣ и разсказывается какими-то двумя авторами. Одинъ изъ этихъ авторовъ, видимо, живущій въ Студенцѣ, онъ же Содомъ. — простодушно разсказываетъ о жизни жестокой, пьяной, безмысленной, грязной, чудовищно глупой (не просто глупой) и безпощадно мерзкой (не просто мерзкой). И этотъ простецъ, разсказывая, недоумѣваетъ, почему не любятъ въ городѣ слѣдователя Боброва, о которомъ ничего дурного нельзя сказать: онъ не напивается до такой степени, какъ кладбищенскій попъ, потерявшій одно время способность рѣчи; ему не приходится „для протрезвленія кровь изъ себя выпускать... ковыряя въ носу“, какъ это обычно дѣлаетъ соборный пономарь; онъ не раздѣнется до гола и не станетъ на показъ для публики, какъ это сдѣлалъ купецъ Тарелкинъ—„магазинъ готоваго платья“; онъ не изъ тѣхъ, съ кѣмъ можно поздороваться словами: „Жуликъ, мое почтеніе!“, какъ это дѣлается въ Студенцѣ при встрѣчѣ съ членомъ управы Рогаткинымъ. И все-таки именно Боброва, за ко-

торымъ „нѣтъ никакихъ безобразій“, никто не любитъ. Читаешь это восхваленіе судебнаго слѣдователя за то, что онъ не дѣлаетъ такихъ безобразій, какія дѣлаютъ пономарь, владѣлецъ магазина готоваго платья и кладбищенскій попъ, и усваиваешь себѣ умственный обликъ разсказчика: это тоже простецъ, одинъ изъ исповѣдующихъ разныя мѣстныя безобразія; очень можетъ быть, что разсказчикъ не кто иной, какъ самъ соборный пономарь, изобрѣвшій такое неожиданное средство трезвѣть при помощи расковырянія носа. Но вдругъ разсказчикъ мѣняется; это становится очевиднымъ по тому, что разсказчикъ начинаетъ философствовать, да такъ, что никакому простецу въ городѣ Студенцѣ въ голову не пришло бы. Является какой-то новый разсказчикъ, говорящій *инымъ* языкомъ, и для этого разсказчика ясно, почему судебный слѣдователь Бобровъ не былъ никѣмъ любимъ и почему онъ погибъ. Новый разсказчикъ, смѣнившій прежняго простеца, знаетъ, что виной всему замкнутая обособленность Боброва и его желаніе служить закону и при помощи закона бороться съ русскимъ уѣзднымъ Содомомъ, именуемымъ Студенцомъ. Бобровъ оказался ненужнымъ никому человѣкомъ. Если бы онъ грѣшилъ какъ всѣ, онъ жилъ бы легко и просто, хотя и безобразно, какъ „всѣ“. Для иллюстраціи этой психологической возможности авторъ заставляетъ своего героя вспомнить, какъ онъ—въ студенческіе годы—легко себя чувствовалъ однажды, когда „захворалъ... и послѣ доктора вечеромъ шелъ домой *по Невскому*, какъ-то чувствовалъ себя со всѣми близко: такъ много встрѣчалось подпорченныхъ и съ грѣшкомъ, какъ и онъ, *всѣ ему братья и сестры*“... Самое ужасное въ современной художественной литературѣ это—игра въ литературу, игра въ мысль, игра въ совѣсть и въ искренность. Вотъ и въ данномъ случаѣ. Взялъ авторъ серьезную тему: столкновеніе человѣка—законника по душевному складу съ русской жизнью, не вѣдающей законности не года, а цѣлые вѣка,—и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, явная ужимка, до такой степени несерьезная, что не хочется читать дальше. И, только принудивши себя, продолжаешь слѣдить за жизнью судебнаго слѣдователя, который въ Студенцѣ не захотѣлъ чувствовать себя со всѣми близко, какъ когда-то вечеромъ на Невскомъ, возвращаясь отъ врача неназываемой спеціальности!.. Но, да будетъ такъ! Почему же не захотѣлъ Бобровъ быть со всѣми близко—съ содержателемъ магазина, пономаремъ, „Жуликомъ“—членомъ управы? Оказывается, что Бобровъ возненавидѣлъ отсутствіе законности въ русской жизни. Снова слѣдуетъ рядъ скорострѣльныхъ переживаній слѣдователя, пишущаго спеціальное сочиненіе, обвинительный актъ противъ беззаконнаго русскаго народа. И въ этомъ актѣ есть все, что угодно: и Иванъ Грозный, заставляющій возить „новгородскаго владыку, обряженнаго шутомъ... съ бубенцами верхомъ на бѣлой кобылѣ“; и современные хулиганы, избивающіе сектанта, совмѣстно съ полицейскими, за отказъ перекреститься; и револю-

ціонеры, которые „убиваютъ направо и налѣво по указкѣ какого-то провокатора“; и, наконецъ, какая-то мать, что поставила свою дочь на рельсы и приказала ей броситься подъ поѣздъ, со словами: „Бросайся, ты никому не нужна“! Для Боброва все это одно и едино—все результатъ отсутствія законности. И вотъ, чтобы исцѣлить русскій народъ въ Содомѣ, Бобровъ начинаетъ нещадно судить всѣхъ виноватыхъ въ точности по закону, жесточайше прививая чувство законности. Отъ этого онъ сталъ въ положеніе „откатного камня“, по выраженію автора. Никто Боброва не любитъ: ни земляки-горожане, ни даже начальство. Желаніе быть правосуднымъ оказывается ненужнымъ. А тутъ еще подвернулась ошибка, Бобровъ повелъ слѣдствіе по ложному пути, „завинивъ“ неповиннаго. Другими словами, не только никто не любитъ правосуднаго Боброва, но и самое правосудіе невозможно, ни для Боброва, ни для кого иного. Между всѣми людьми стоитъ преградой взаимное непониманіе; „всѣ мы—безъ переводчика“, и всѣмъ нуженъ именно „переводчикъ“—для возможности взаимнаго пониманія. Откуда же взять при такихъ условіяхъ рѣшимость судить и направлять людей въ каторгу и арестантскія роты? Опять вы чувствуете себя близко, если не „со всѣми“, то съ А. Ремизовымъ; онъ дотронулся до больного мѣста совѣсти не только у тѣхъ, кому приходится судить и выносить приговоры, не сдѣлавши изъ этого простого ремесла, но и у всякаго человѣка съ живымъ чувствомъ. Что же нужно Россіи? что спасетъ русскій народъ—„беззаступный, бунташный... проклятый народъ“, по отзыву законника Боброва?

Послѣ этой философіи, несомнѣнно искренней и внушенной серьезнымъ чувствомъ, вдругъ вступаетъ въ свои права первый разсказчикъ простецъ и разсказываетъ о томъ, какъ „пріѣхалъ въ монастырь на богомолье Бабахина предводителя небельмейстеръ и усердія ради поставилъ свѣчку въ двадцать копеекъ“.

Тамъ и остаются до конца два автора, которыхъ никакъ нельзя соединить въ одно лицо, не смотря на то, что подъ разсказомъ есть единоличная подпись: А. Ремизовъ. Читателю все кажется, что разсказъ сдѣланъ совмѣстно съ кѣмъ-то другимъ, однимъ изъ содомскихъ простецовъ.

По грузности языка „Пятая язва“ напоминаетъ „Крестовыхъ сестеръ“. Для характеристики приведемъ слѣдующій образчикъ: „Прасковья Ивановна, такъ Богомъ одаренная, была до конца желанной, поскольку, желая и дѣйствуя, оставалась сама собою въ своей самости—животнымъ прекраснымъ и добрымъ, и становилась невыносимой—мелочной и мелкой, сварливой и завистливой, жадной и жестокой, какъ только выказывался въ ней человѣкъ не безыменный, а съ метрикою, занимающій опредѣленное мѣсто въ обществѣ“. Не фраза, а какое-то проволочное загражденіе для читателя, желающаго понять значеніе „самости“ (отъ слова—„самъ“, повидимому), обезпечивающей прекрасныя качества пре-

краснаго и добраго „животнаго“ Прасковьи Ивановны—жены слѣдователя Боброва.

По тѣмъ выдержкамъ, которыя уже приводились, читатель могъ замѣтить, что въ „Пятой язвѣ“ А. Ремизова сильно сказалась модная литературная манера — вести разсказъ въ тонѣ карикатурныхъ преувеличеній, которыя не вызываютъ ни повышеннаго чувства трагичнаго. ни обостреннаго впечатлѣнія комическаго. Зачѣмъ, при такихъ условіяхъ, нужны эти „маски“ жизни вмѣсто „ликовъ“ жизни, если говорить привычными терминами современной литературы, этого, вѣроятно, не знаетъ никто, не исключая самихъ авторовъ. Тѣмъ не менѣе успѣхъ „Мелкаго бѣса“ создалъ цѣну этимъ „маскамъ“ жизни, и „Пятая язва“ во многихъ отношеніяхъ соревнуетъ съ „Мелкимъ бѣсомъ“ на безвкусіе, пополняя кстати одинъ пробѣлъ въ галлереѣ псевдотиповъ Ѳ. Сологуба: въ Содомѣ А. Ремизова есть исправникъ Александръ Ильичъ Антоновъ, который когда-то „разрѣшилъ цирковымъ танцовщицамъ прокатиться среди бѣла дня, и притомъ во всей ихъ прекрасной натурѣ, на велосипедахъ по улицѣ“...

Къ чему все это? Вѣдь, авторъ „Пѣтушка“, о которомъ намъ пришлось въ свое время говорить, умѣетъ писать убѣдительно, не прибѣгая къ псевдотипичнымъ „рожамъ“, кричащимъ, но не волнующимъ?

Любопытно, что почти одновременно съ „Пятой язвой“, написанной такъ удручающе тяжело, въ печати появилась другая вещь А. Ремизова, написанная совершенно иначе: легко, просто и красиво. Мы говоримъ о „Царѣ Соломонѣ“ въ сборникѣ „Велесъ“.

Слѣдомъ за „Пятой язвой“ въ сборникѣ помѣщенъ разсказъ г. Пришвина: „Никонъ Староколѣнный“. Сначала у читателя является чувство отдыха. И то, что разсказъ г. Пришвина о раскольникѣ, появившемся среди рыбаковъ Ильменскаго края, ведется въ условномъ тонѣ приподнятаго настроенія, безъ скачковъ и переломовъ, тоже было пріятно; казалось, что это только вступленіе, за которымъ послѣдуетъ важное, о чемъ хочетъ разсказать авторъ. Но разсказъ все продолжается и все съ приподнятостью, а о причинѣ этой приподнятости никакъ нельзя догадаться. Такъ это и остается до конца. Остается непонятнымъ все, не исключая содержанія разсказа. Правда, мы узнали, что Никонъ — глубоко религіозный человѣкъ; что Никонъ любитъ „волю“, понимая подъ этимъ обладаніе „землей“, что въ то же время онъ сторонникъ „палки“, т. е. крѣпкаго руководительства людьми; что Никонъ хотѣлъ пойти къ царю—обличить передъ нимъ всѣ земныя власти; что онъ хотѣлъ убить нигилистку (по мнѣнію Никона), фантастически заподозривъ въ ней убійцу царя... Но все это не сливается въ нѣчто цѣльное и опредѣленное. Очень можетъ быть, что въ авторѣ говоритъ романтикъ, котораго пугаетъ маленькій калибръ современныхъ людей и, наоборотъ привлекаетъ фигура стараго

раскольника, нелѣпаго и диковатаго, но крупнодушнаго въ стремленіи. И автору, быть можетъ, жаль прошлаго; ему кажется, что современная жизнь уже не создаетъ такихъ единицъ жизни, какія „были“ въ прошломъ. На такое настроеніе какъ-будто указываютъ двѣ финальныя строки разсказа:

Заболотилась, закислилась почва, не растетъ на ней настоящее высокое дерево.

Можетъ быть, именно это хотѣлъ показать авторъ. Но, можетъ быть, его привлекало другое: можетъ быть, автору хотѣлось связать душевную стремительность Никона къ правдѣ съ фанатичностью религіознаго настроенія, отличающей Никона: въ сравненіи съ нимъ и священникъ, и дьяконъ совсѣмъ равнодушные къ Богу люди: дьяконъ самъ характеризуетъ разницу между собой и спорщикомъ—Никономъ, говоря, что онъ, дьяконъ, вѣритъ, „въ видимое и невидимое“, а Никонъ „только въ невидимое“. Отсюда страстная рѣшительность Никона и подавленность его оппонентовъ „видимымъ“, т. е. окружающей жизнью. Очень можетъ быть, что г. Пришвинъ имѣлъ *что* сказать фигурой своего Никона Староколѣннаго, но это все осталось только въ замыслѣ. Опредѣленнаго внутренняго значенія его раскольникъ не получилъ, объ немъ можно только догадываться по нарисованной схемѣ „яко зерцаломъ въ гаданіи“, что мы и пробовали сдѣлать. Для художественнаго произведенія этого недостаточно.

О „Заложникахъ жизни“ Ѳ. Сологуба, третьемъ изъ произведеній, составившихъ новую книгу „Альманаховъ“ мы поговоримъ особо, въ связи съ постановкой пьесы на Александринскомъ театрѣ.

Велесъ. Первый альманахъ русскихъ и инославянскихъ писателей, подъ редакціей Сергѣя Городецкаго и Янко Лаврина. 1912—1913. Петроградъ. Книгоиздательство „Велесъ“. Цѣна 1 р.

Сборникъ книгоиздательства „Велесъ“ состоитъ изъ произведеній „русскихъ и инославянскихъ писателей“, представляя попытку дать общій суммарный обликъ славянскихъ литературъ современности. При этомъ „авторскій гонораръ и весь доходъ отъ книги“ поступаютъ въ пользу дѣтей, осиротѣвшихъ во время борьбы „за независимость южныхъ славянъ“.

Къ счастію для рецензента, при отзывѣ не приходится считаться съ тѣмъ, что сборникъ имѣетъ благотворительную цѣль. Въ сборникѣ имѣются вещи, которыя можно съ удовольствіемъ прочесть не ради цѣлей изданія, а ради ихъ самихъ. Очень красиво разсказана Юліемъ Зейеромъ (Чехія) элегическая сказка о „королѣ Кофетуа“. Интересенъ разсказъ Андрея Бѣлаго: „Дервишъ“—изъ

путевыхъ замѣтокъ. Разсказъ идетъ о представленіи съ очарованными змѣями, которое автору довелось видѣть.

Очень хороша вещица А. Ремизова: „Царь Соломонъ“. Это стилизованная легенда о томъ, какъ царь Давидъ, послѣ всякихъ испытаній своего сына, надѣлъ на него вѣнецъ, чтобы онъ судилъ и рядилъ „все царство, всѣ народы, всю русскую землю“. Читаешь спокойный, ровный, красивый разсказъ А. Ремизова и чувствуешь, какъ ему легко и привольно думать объ этихъ сказочныхъ временахъ испытаній царя Соломона, когда въ жизни все было сказочно просто, понятно и свободно отъ той гнетущей путаницы, которая связана для А. Ремизова съ представленіемъ о XX вѣкѣ, его задачахъ и стремленіяхъ.

Кромѣ этихъ произведеній въ сборникѣ помѣщены: „Бѣляночка — маленькая повѣсть Динко Шимуновича (Хорватія); „Ядацъ“—разскасъ о чисто гаремной изобрѣтательности славянской красавицы—Ивана Цанкара (Словенія) и рядъ стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ. Наибольшее вниманіе привлекаютъ Н. Клюевъ („Плясея“) и С. Скитникъ—превосходнымъ стихотвореніемъ: „Въ этотъ вечеръ не ходи, Невяна“. Въ обоихъ стихотвореніяхъ разработаны мотивы народной поэзіи, у Н. Клюева разработаны съ яркою страстностью.

Немножко претенціозно обозначеніе мѣста, гдѣ изданъ сборникъ и гдѣ живутъ нѣкоторые авторы, участники сборника: С. Городецкій, В. Ивановъ, А. Ремизовъ, Сиракъ Скитникъ (болгаринъ) и Ѳ. Сологубъ. Вездѣ напечатано: „Петроградъ“ вмѣсто „Петербургъ“. Отчего бы тогда не передѣлать и фамилію „Зейеръ“ одного изъ участниковъ сборника?

В. Ѳ. Переверзевъ. Творчество Достоевскаго. Критическій очеркъ Съ предисловіемъ П. Н. Сакулина. Изд-во „Современныя Проблемы“. Москва. 1912. Стр. XVI+366. Ц. 1 р. 25 к.

Печальная книга: испорченная книга даровитаго человѣка. Чѣмъ выше цѣнишь способности и знанія автора, приложенныя имъ къ изученію Достоевскаго, тѣмъ непріятнѣе то, что выводы его изуродованы его критическими пріемами. Не все въ этихъ пріемахъ заслуживаетъ порицанія: наоборотъ, хорошо въ нихъ основное ,а дурно второстепенное, но и это второстепенное не лишено значенія, а, главное, оно очень дурно.

Хорошо въ подходѣ г. Переверзева къ Достоевскому то, что онъ охватываетъ изучаемаго писателя цѣликомъ, намѣчаетъ въ его творчествѣ большія линіи, группируетъ его образы въ основныя категоріи, стараясь опредѣлить ихъ общій характеръ, ихъ соціальную подпочву. Ко многому изъ того, что найдено и доказано г. Переверзевымъ въ его книгѣ, вѣроятно, не разъ еще возвратится литература о Достоевскомъ, кой-что, вѣроятно, останется.

Но могло и должно было остаться гораздо больше. Трудно даже понять, ради чего молодой изслѣдователь, очевидно, цѣнящій истину, прибѣгаетъ для доказательства своихъ тезисовъ къ такимъ неосновательнымъ утвержденіямъ, которыя не только падаютъ при провѣркѣ, но и исполнены внутреннихъ противорѣчій.

Кой-что изъ этихъ логическихъ и фактическихъ курбетовъ указано во вступительной статьѣ г. Сакулина, который мягко напоминаетъ о томъ, какъ легко дискредитировать „важный и плодотворный" соціологическій методъ, „допуская предпамѣренное упрощеніе изслѣдуемаго явленія и вытягивая сложную ткань художественнаго творчества въ одну прямую линію".

Дѣйствительно, какъ ни трудно вытянуть ткань въ прямую линію, надо сознаться, что г. Переверзевъ попытался сдѣлать нѣчто еще болѣе невозможное: все разнообразіе человѣческихъ индивидуальностей, созданныхъ Достоевскимъ, привести къ одному знаменателю. Въ сложности и противорѣчіяхъ творчества Достоевскаго его новый критикъ оріентируется съ поразительной легкостью и увѣренностью при помощи немногихъ руководящихъ началъ. Достоевскій—поэтъ „упадочнаго могущества"; мѣщанство близко къ „соціальному дну"; на „днѣ" создаются „двойники"—излюбленные типы Достоевскаго—„своевольные" и „кроткіе".

Все это, какъ формула, не плохо. Но какимъ же содержаніемъ наполняетъ г. Переверзевъ эти формулы? На добрую половину его утвержденія—натяжки, выдумки, произвольные афоризмы, въ которыхъ нѣтъ никакой убѣдительности. Достоевскій объявленъ поэтомъ мѣщанства; между тѣмъ онъ охотно бралъ своихъ героевъ въ дворянской, помѣщичьей, барской средѣ. Ни у одного русскаго писателя нѣтъ такой галлереи *князей*, какъ у Достоевскаго. Что дѣлать г. Переверзеву? Можно бы призадуматься, но въ погоней за доводами г. Переверзевъ не стѣсняется; онъ просто декретируетъ, что „если Достоевскому и случается иногда обрядить своихъ героевъ въ костюмъ помѣщика или свѣтскаго человѣка, напримѣръ: Валковскаго, Мышкина, Свидригайлова, то кромѣ костюма въ нихъ не сыщешь ни единой черты ни помѣщика, ни свѣтскаго человѣка. Они оторваны отъ своей среды иногда даже съ дѣтства, какъ Мышкинъ, вращаются въ мѣщанской средѣ, даже побывали на городскомъ днѣ, какъ Свидригайловъ или Ставрогинъ. У нихъ такой же психическій складъ, какъ у всѣхъ мѣщанъ, тѣ же чувства, тѣ же мысли". Совершенно очевидно, что при такихъ пріемахъ можно доказать, что угодно. Князь Мышкинъ всѣмъ своимъ существомъ говоритъ, что онъ аристократъ, Ставрогинъ на всѣхъ производитъ впечатлѣніе барина—для г. Переверзева это ничего не значитъ; наслѣдственность и воспитаніе не играютъ никакой роли—достаточно на четверть часа уйти изъ дворянской жизни, чтобы г. Переверзевъ съ торжествомъ закричалъ: ага, онъ мѣщанинъ въ костюмѣ

барина! Если не будетъ никакой внѣшней зацѣпки, то г. Переверзевъ скажетъ: онъ мѣщанинъ, потому что, вѣрно, когда-нибудь въ жизни проходилъ мимо мѣщанской управы. Все ясно, все понятно, все упрощено до дважды два четыре. Мышкина не понимаетъ окружающее общество, онъ слабый, самоотверженный, безвольный—„невольно закрадывается мысль, что и вовсе не князь Мышкинъ", Или: „если вы хотите представить себѣ, до какой степени не присталъ полковничій мундиръ и помѣщичье положеніе Ростаневу, сравните его съ Николаемъ Ростовымъ изъ „Войны и мира" Толстого. Сравненіе любопытно потому, что положеніе того и другого почти тожественно: оба небогатые помѣщики, оба служили въ гусарахъ, оба, по выходѣ въ отставку, мирно устроились въ своихъ усадьбахъ, оба недалекіе, но простодушные, честные и преданные долгу люди. Но какая огромная разнина душевныхъ организацій! Вмѣсто терпѣнія — грубая армейская вспыльчивость; вмѣсто кротости—такъ называемая „тяжелая рука"; вмѣсто смиренія—помѣщичья важность. Ни единой общей черты",—удивляется г. Переверзевъ; удивляется и самъ рѣшаетъ несуществующую загадку, „Если здѣсь не было переодѣванія у Достоевскаго, то, значитъ произошло замысловатое явленіе вродѣ того, о которомъ поется въ народной пѣснѣ: курочка свинью родила, поросенокъ яичко снесъ".

Дѣло просто: если ты настоящій дворянинъ, то ты не можешь быть ни своевольнымъ, ни кроткимъ; всѣ дворяне на одно лицо,— и кончено. Если князь Мышкинъ не похожъ на князя Болконскаго, то одинъ изъ нихъ поддѣлка; Достоевскій изобличенъ Переверзевымъ.

Можно было бы спросить: при такомъ чудовищномъ невниманіи къ человѣческимъ индивидуальностямъ, при такомъ всеобъемлющемъ и всеизвращающемъ убѣжденіи, что живыхъ людей нѣтъ, а есть только соціальныя категоріи, при такой слѣпотѣ къ личности—какъ можно говорить о поэтѣ, о поэзіи, объ искусствѣ, гдѣ все однократно, гдѣ смыслъ и цѣну типичности сообщаетъ только жизненность отдѣльнаго явленія? Но утѣшительно то, что г. Переверзевъ, кажется, лучше своей теоріи; шаблонъ еще не слопалъ его—и можно надѣяться, что критикъ, столь способный и къ анализу, и къ широкой схематизаціи, покажетъ себя сильнымъ внѣ тисковъ обезличившаго его ученія.

А. Корниловъ. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1912. Часть I. Стр. 283. Ц. 1 р. 25 к. Часть II. Стр. 272. Ц. 1 р. 25 к.

Книга г. Корнилова, какъ указываетъ онъ въ своемъ предисловіи, является воспроизведеніемъ курса русской исторіи въ XIX в., читаемаго за послѣдніе три года авторомъ въ петербургскомъ политехническомъ институтѣ. Появившіяся въ печати двѣ части

этого курса заключаютъ въ себѣ изложеніе исторіи Россіи въ царствованія Павла, Александра I и Николая I и въ первую половину царствованія Александра II (до 1866 г.). Вслѣдъ за этими двумя частями авторъ обѣщаетъ вскорѣ выпустить и третью, въ составъ которой войдетъ внутренняя исторія Россіи за послѣднія 35 лѣтъ XIX вѣка. Такимъ образомъ съ выходомъ третьей части книга г. Корнилова охватитъ весь XIX вѣкъ. Но вышедшія уже части ея имѣютъ и вполнѣ самостоятельное значеніе и заслуживаютъ самостоятельной оцѣнки.

Въ двухъ первыхъ лекціяхъ или главахъ своей книги, играющихъ роль введенія къ ней, г. Корниловъ устанавливаетъ общую схему русской исторіи,—схему, въ согласіи съ которой онъ затѣмъ разсматриваетъ и охватываемый его курсомъ періодъ. По этой схемѣ, принятой авторомъ, поворотнымъ пунктомъ въ развитіи Россіи, — пунктомъ, съ какого начинается ея новая исторія, является царствованіе Екатерины II. До нея „главнѣйшимъ лозунгомъ государственной власти было собираніе старинныхъ русскихъ земель, охрана государственной территоріи и внѣшнее возвеличеніе Россіи", а съ ея времени „начинаютъ въ сознаніи общества и самого правительства пробиваться совершенно иныя тенденціи" и на первый планъ выдвигаются задачи народнаго благосостоянія—матеріальнаго и духовнаго". Съ этой именно поры, когда забота о расширеніи государственной территоріи и охранѣ ея безопасности отошла на задній планъ, начался „сложный процессъ раскрѣпощенія сословій, освобожденія населенія и смягченія государственной власти", который и „составляетъ содержаніе исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ" (18—19). Въ соотвѣтствіи съ этой схемой г. Корниловъ и строитъ свой курсъ.

Сама по себѣ указанная схема не принадлежитъ лично г. Корнилову. Наоборотъ, она является довольно распространенной, но ея распространенность не увеличиваетъ ея вѣрности и не ослабляетъ силы тѣхъ возраженій, какія она вызываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, при Екатеринѣ II ростъ государственной территоріи происходилъ не только путемъ присоединенія „старинныхъ русскихъ земель", а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣ Екатерины этотъ ростъ не остановился. Съ другой стороны, довольно трудно считать царствованіе Екатерины II и начальнымъ моментомъ процесса раскрѣпощенія сословій. Раскрѣпощеніе дворянства началось задолго до Екатерины, что же касается крестьянства, то для него царствованіе Екатерины было какъ-разъ моментомъ наибольшаго закрѣпощенія. Утверждать же, какъ это дѣлаетъ г. Корниловъ, что со времени Екатерины II въ сознаніи не только русскаго общества, но и русскаго правительства „на первый планъ выдвигаются задачи народнаго благосостоянія", можно, конечно, только въ томъ случаѣ, если совсѣмъ не считаться съ подлинными фактами исторіи.

Общую схему русской исторіи, принятую г. Корниловымъ, далеко нельзя такимъ образомъ назвать вполнѣ удачной. Но точно также не особенно удачны и частныя схемы, устанавливаемыя г. Корниловымъ для охватываемаго его курсомъ промежутка времени въ формѣ раздѣленія послѣдняго на періоды. Не довольствуясь подраздѣленіемъ русской исторіи XIX вѣка на два крупные періода—до паденія крѣпостного права и послѣ этого паденія, г. Корниловъ излагаетъ событія XIX столѣтія по отдѣльнымъ царствованіямъ, а внутри каждаго царствованія устанавливаетъ еще рядъ дробныхъ періодовъ. Такъ, царствованіе Александра I онъ подраздѣляетъ на цѣлыхъ шесть періодовъ, царствованіе Николая I—на три періода (I, 76—3, II, 23—4). Автору и самому приходится повременамъ оговариваться, что это дѣленіе на дробные періоды не относится къ развитію народной жизни и касается почти исключительно правительственной дѣятельности. Но, взятое даже и въ этихъ границахъ, такое дробное дѣленіе остается все же крайне искусственнымъ. Когда, напримѣръ, авторъ выдѣляетъ въ особый періодъ александровскаго царствованія 1805—7 гг. или 1812—15 гг., то невольно приходитъ въ голову, что совершенно съ такимъ же правомъ можно было бы разсматривать, какъ отдѣльный періодъ, и время Отечественной войны.

Что касается фактическаго содержанія, вложеннаго авторомъ въ эти несовсѣмъ удачныя схемы, то оно довольно широко и разнообразно, охватывая собою и политическую, и культурную, и экономическую жизнь Россіи втеченіе XIX столѣтія. Эти различныя стороны русской жизни нашли себѣ, впрочемъ, неодинаковое отраженіе въ книгѣ г. Корнилова. Главное вниманіе онъ удѣляетъ правительственной дѣятельности и умственной жизни русскаго общества, и факты, относящіеся къ этимъ двумъ областямъ, занимаютъ первенствующее мѣсто въ его изложеніи, подчиняя себѣ всѣ остальныя части послѣдняго. При этомъ однако изложеніе автора и въ указанныхъ областяхъ не отличается особенной самостоятельностью и оригинальностью и носитъ скорѣе компилятивный характеръ, представляя собою добросовѣстную сводку довольно значительнаго фактическаго матеріала. Порою, правда, авторъ пытается перейти отъ передачи этого матеріала къ самостоятельнымъ обобщеніямъ и характеристикамъ, но по большей части такія попытки не особенно ему удаются. Характеристики, даваемыя авторомъ отдѣльнымъ историческимъ лицамъ и цѣлымъ эпохамъ, страдаютъ большою блѣдностью красокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не всегда находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми фактами, которые онѣ должны объяснять. Довольно трудно, напримѣръ, согласиться съ авторомъ, когда онъ утверждаетъ, что Александръ I „въ 1816 г. былъ еще искреннимъ и убѣжденнымъ конституціоналистомъ“ (I, 205). Еще болѣе трудно, пожалуй, принять безъ возраженій утвержденіе автора, будто „правительственная система

императора Николая I была одной изъ самыхъ послѣдовательныхъ попытокъ осуществленія идеи просвѣщеннаго абсолютизма“ (II, 112—3). Именемъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ историки привыкли обозначать рядъ явленій, имѣющихъ весьма мало общаго съ правительственной системой Николая Павловича, меньше всего поощрявшей просвѣщеніе. Точно также врядъ-ли кто-либо согласится съ авторомъ въ томъ, что военныя поселенія александровскаго времени являлись „опытомъ своеобразнаго военно-государственнаго соціализма“ (I, 212). Столь же рискованныя утвержденія попадаются временами у автора и тогда, когда онъ говоритъ объ умственной жизни русскаго общества. Люди, знакомые съ развитіемъ взглядовъ Бѣлинскаго, надо думать, не безъ удивленія прочтутъ у г. Корнилова, будто Бѣлинскій, „разочаровавшись въ тѣхъ данныхъ (?), которыя онъ получилъ изъ гегелевской философіи благодаря неправильному ея толкованію, вмѣсто того, чтобы лучше ее продумать, съ азартомъ отъ нея отказался и ударился въ другую крайность: именно, рѣшилъ, что нѣмецкая идеалистическая философія можетъ только завести человѣка въ тупикъ и что поэтому гораздо лучше обратиться къ тѣмъ положительнымъ соціальнымъ ученіямъ, которыя давала французская политическая литература того времени“ (II, 91).

Наряду съ такими несовсѣмъ удачными попытками самостоятельныхъ обобщеній и характеристикъ г. Корниловъ допускаетъ порою въ своемъ изложеніи и нѣкоторыя неточности въ передачѣ фактовъ. Паденіе и ссылку Сперанскаго, напримѣръ, онъ истолковываетъ, какъ сознательную жертву со стороны Александра, который передъ войной 1812 года „чутко прислушивался къ голосу общества и народа“ и именно поэтому „рѣшилъ пожертвовать лучшимъ своимъ сотрудникомъ ярости привилегированной толпы“ (I, 187, 173). Нѣтъ надобности особенно настаивать на неправильности подобнаго толкованія, слишкомъ мало согласованнаго съ обстоятельствами, сопровождавшими ссылку Сперанскаго. Извѣстное распоряженіе Александра I о назначеніи наслѣдникомъ Николая и тайну, окружавшую это распоряженіе, г. Корниловъ объясняетъ тѣмъ, что данная мѣра принята была Александромъ на случай его отреченія, а не смерти. И, давъ такое объясненіе, г. Корниловъ тутъ же приводитъ надпись Александра на пакетѣ, содержавшемъ въ себѣ упомянутое распоряженіе: „хранить въ государственномъ совѣтѣ до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другого извѣстія, въ чрезвычайномъ собраніи“ (I, 4). Въ другихъ случаяхъ, правда, не особенно частыхъ въ книгѣ г. Корнилова, авторъ повѣствуетъ объ историческихъ событіяхъ такимъ тономъ, который нѣсколько странно звучитъ въ устахъ современнаго историка и невольно приводитъ на память старинные учебники. Такъ, напримѣръ, авторъ находитъ возможнымъ говорить объ „интригахъ“ Наполеона въ

польскомъ вопросѣ (I, 152) или, описывая конецъ Отечественной войны, заявлять, что послѣ нея Александру „даже не съ кѣмъ было вести переговоры“ (I, 190). Въ дѣйствительности дѣло было, конечно, не въ томъ, что Александру не съ кѣмъ было вести переговоры, а въ томъ, что онъ не хотѣлъ вести ихъ съ Наполеономъ, который и послѣ 1812 г. продолжалъ, вѣдь, оставаться императоромъ.

Необходимо однако сказать, что подобныя неточности въ изложеніи и объясненіи отдѣльныхъ фактовъ представляютъ собою сравнительно рѣдкое явленіе въ книгѣ г. Корнилова. Въ общемъ послѣдняя даетъ, въ указанныхъ выше границахъ, довольно тщательно составленный сводъ фактическаго матеріала и этой своей стороной она безусловно можетъ быть полезна для лицъ, начинающихъ знакомиться съ новой русской исторіей. Они найдутъ, правда, въ этой книгѣ не столько университетскій курсъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, сколько обстоятельный и составленный въ сравнительно широкомъ масштабѣ учебникъ, но подобныхъ учебниковъ у насъ не такъ ужъ много, чтобы появленіе книги г. Корнилова можно было признать излишнимъ. Надо еще прибавить, что авторъ книги снабдилъ ее библіографическими указателями важнѣйшей литературы, относящейся къ описываемой имъ эпохѣ. Къ сожалѣнію, только, эти указатели составлены не особенно тщательно: съ одной стороны, въ нихъ внесено немало устарѣвшихъ уже работъ, съ другой — не внесены нѣкоторыя цѣнныя работы, появившіяся въ послѣднія десятилѣтія.

Мих. Грушевській. Культурно-національний рухъ на Україні въ XVI—XVII віці. Київъ-Львівъ. 1912 г. Стр. 248. Цѣна не обозначена.

Въ основу новой книги г. Грушевскаго, вышедшей на малорусскомъ языкѣ, легли, какъ указываетъ въ своемъ предисловіи ея авторъ, публичныя лекціи, читанныя имъ въ 1908 г. въ Кіевѣ и затѣмъ, въ 1909 г., напечатанныя въ журналѣ „Літературно-Науковий Вістникъ“. Выпуская теперь ихъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ, авторъ дополнилъ ихъ текстъ четырьмя новыми главами, впервые появляющимися въ печати. Составившаяся такимъ путемъ книга заключаетъ въ себѣ популярное изложеніе одного изъ крайне любопытныхъ моментовъ малорусской исторіи, а именно — того культурно-національнаго движенія, которое происходило въ Малороссіи въ XVI-мъ и въ началѣ XVII-го столѣтія, проявляясь по преимуществу на религіозной почвѣ. Въ рядѣ послѣдовательныхъ главъ своей книги г. Грушевскій развертываетъ передъ читателемъ по необходимости сжатую, но тѣмъ не менѣе живую и яркую картину этого движенія. Начавъ съ обрисовки тѣхъ политическихъ и культурныхъ условій, въ какихъ находилась Малороссія въ польско-литовскомъ государствѣ подъ конецъ XV столѣтія, онъ въ дальнѣйшемъ указываетъ, какъ подъ натискомъ польской культуры въ

малорусскомъ обществѣ постепенно просыпалось національное самосознаніе, вылившееся въ форму стремленій къ созданію самостоятельной національной культуры. Съ этой точки зрѣнія г. Грушевскій и излагаетъ исторію борьбы православія съ католичествомъ и уніей, характеризуетъ отдѣльныхъ дѣятелей этой борьбы, выставленныхъ малорусскимъ обществомъ, и выясняетъ участіе въ ней различныхъ общественныхъ классовъ, доводя свое изложеніе до 1620 г., т. е. до того момента, когда благодаря козачеству и подъ его охраной вновь была возстановлена высшая православная іерархія, уничтожившаяся было въ моментъ созданія уніи. Временами авторъ въ примѣненіи этой точки зрѣнія идетъ, пожалуй, черезчуръ далеко и кой-какія отдѣльныя его утвержденія способны вызвать возраженія. Но это во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ частности, въ общемъ же интересная и содержательная книга г. Грушевскаго вполнѣ отвѣчаетъ задачамъ исторической популяризаціи и можно отъ души пожелать, чтобы авторъ выпустилъ эту книгу и на русскомъ языкѣ, тѣмъ самымъ сдѣлавъ ее доступной и для широкихъ круговъ русскихъ читателей, изъ которыхъ въ настоящемъ ея видѣ съ ней смогутъ познакомиться лишь немногіе. Надо еще прибавить, что интересный текстъ дополняется въ книгѣ г. Грушевскаго не менѣе интересными иллюстраціями, съ большимъ стараніемъ и искусствомъ подобранными авторомъ и воспроизводящими образцы малорусскаго типографскаго и гравернаго искусства XVI—XVIII вв., равно какъ архитектуры и живописи этой эпохи.

Цезарь Ложье. Дневникъ офицера великой арміи въ 1812 году. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Н. П. Губскаго. Съ предисловіемъ А. М. Васютинскаго. Книгоиздательство „Задруга". М. 1912. Стр. VII+267. Ц. 80 к.

Дневникъ Цезаря Ложье, одного изъ офицеровъ итальянскаго корпуса, входившаго въ составъ наполеоновской „великой арміи" и дѣйствовавшаго подъ начальствомъ Евгенія Богарне, занимаетъ видное мѣсто въ ряду иностранныхъ мемуаровъ, посвященныхъ войнѣ двѣнадцатаго года. Авторъ дневника продѣлалъ съ наполеоновской арміей всю кампанію этого года, участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, предшествовавшихъ занятію Москвы, въ томъ числѣ и въ бородинской битвѣ, видѣлъ московскій пожаръ, затѣмъ пережилъ всѣ ужасы отступленія, оказавшись въ числѣ немногихъ, которые перешли обратно русскую границу, и его записи о видѣнномъ и испытанномъ имъ втеченіе похода представляютъ большой интересъ. Сравнительно наименѣе любопытны тѣ изъ нихъ, которыя заключаютъ въ себѣ описанія сраженій: въ этихъ описаніяхъ Ложье слишкомъ легко вдается въ напыщенную реторику, позволяющую ему даже небольшія авангардныя стычки

изображать крупными битвами и видѣть вокругъ себя безчисленное количество героевъ, непрерывно совершающихъ великіе подвиги. За то въ остальныхъ своихъ частяхъ этотъ дневникъ безусловно интересенъ и, пробѣгая его страницы, читатель получаетъ возможность отчетливо представить себѣ какъ характеръ шествія наполеоновской арміи по Россіи къ Москвѣ и отъ нея, такъ и разнообразныя настроенія, охватывавшія за время похода эту армію или, по крайней мѣрѣ, ея рядовыхъ офицеровъ, типичнымъ представителемъ которыхъ является самъ авторъ дневника. Въ виду этого появленіе дневника Ложье въ русскомъ переводѣ можно только привѣтствовать. Къ сожалѣнію, переводъ этотъ сдѣланъ не особенно удачно и въ немъ попадаются даже, хотя и не часто, такія мѣста, настоящій смыслъ которыхъ для читателя, знакомаго лишь съ русскимъ текстомъ, разгадать довольно мудрено.

Т. Богдановичъ. Александръ I. Историко-біографическій очеркъ. („Универсальная Библіотека" № 652. Книгоиздательство „Польза" В. Антикъ и К°). М. 1912. Стр. 127. Ц. 10 к.

Книжка г-жи Богдановичъ предназначена для широкихъ массъ читателей и авторъ ея удачно справился съ нелегкой задачей— дать этимъ читателямъ популярную біографію Александра I. Въ небольшой по объему книжкѣ г-жа Богдановичъ съумѣла изложить важнѣйшіе факты этой біографіи, притомъ изложить настолько ясно и обстоятельно, что у читателя книжки должно сложиться совершенно опредѣленное представленіе о личности Александра, въ общемъ вполнѣ согласное съ тѣмъ, какое выработано за послѣднее время русской исторіографіей. Есть, правда, въ изложеніи автора кой-какія частныя ошибки и неточности. Такъ, напримѣръ, авторъ ошибочно приписываетъ Александру I воспрещеніе продажи крестьянъ безъ земли, продажи, какъ извѣстно, благополучно совершавшейся вплоть до уничтоженія крѣпостного права. Точно также несовсѣмъ точно изложены г-жей Богдановичъ исторія Вѣнскаго конгресса и первые моменты образованія при Александрѣ I въ Россіи тайныхъ обществъ. Но такихъ ошибокъ и неточностей въ книжкѣ г-жи Богдановичъ во всякомъ случаѣ очень немного, вообще же эта книжка составлена очень добросовѣстно и заключаетъ въ себѣ немало интересныхъ свѣдѣній, хорошо характеризующихъ то время, которому она посвящена. Немаловажнымъ достоинствомъ ея, особенно цѣннымъ въ популярной книгѣ, является также языкъ автора, простой, чуждый всякой вычурности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, энергичный и красивый. Все это дѣлаетъ книжку г-жи Богдановичъ полезнымъ пріобрѣтеніемъ нашей литературы, далеко еще небогатой популярными историческими книгами.

А. П. Карсавинъ. Монашество въ средніе вѣка. Спб. 1912. Стр. 104. Ц. 1 р.

Небольшая книжка г. Карсавина носитъ названіе неточное: это—исторія не всего монашества, а только западнаго. Разумѣется, даже для самаго общаго, самаго популярнаго изложенія исторіи одного только западнаго монашества 104-хъ страницъ—все-таки совершенно недостаточно. И, дѣйствительно, книжка г. Карсавина поражаетъ краткостью, бѣглостью, часто поверхностностью въ изложеніи исторіи монашества втеченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ *до* Франциска Ассизскаго. Время Франциска и послѣдующая эпоха, повидимому, и извѣстны автору ближе, и самого его интересуютъ больше: это сказывается и въ содержаніи, и въ изложеніи послѣднихъ четырехъ главъ.

Популяризація, разсчитанная на интеллигентную публику, можетъ не давать ссылокъ, должна даже не затруднять своего читателя изложеніемъ теорій, контроверзъ и т. п.,—но она *обязана* давать тѣ результаты, къ которымъ наука пришла по данному вопросу. Между тѣмъ авторъ, напр., не говоритъ о судьбахъ лангобардскихъ монастырей, лангобардскаго монашества, хотя объ этомъ уже пять лѣтъ какъ существуетъ прекрасная маленькая монографія Grasshof'а (Langobardisch - fränkisches Klosterwesen in Italien. Göttingen, 1907), безъ которой теперь нельзя писать о сѣверно-итальянскомъ монашествѣ. Далѣе. Авторъ (если не считать нѣсколькихъ ничего не говорящихъ строкъ на стр. 2—3) обходитъ такой интересный и для его темы важный вопросъ, какъ вопросъ объ аскетизмѣ въ апостольскій вѣкъ, хотя могъ бы найти поучительную главу объ этомъ, напр., у Эннэя въ его „Spivit and origin of christian monasticism". Если бы авторъ воспользовался этою книжкою, то онъ и вообще написалъ бы по другому первыя свои страницы о всемъ раннемъ христіанскомъ аскетизмѣ. А вотъ еще и еще примѣры непростительнаго пренебреженія къ чрезвычайно важнымъ вопросамъ: какъ не отвести хоть *одной* страницы на то, чтобы читатель ясно уразумѣлъ соотношеніе между нищенствующими орденами—и Ѳомою Аквинскимъ, канонизованнымъ теоретикомъ и завершителемъ средневѣковой католической доктрины? А сдѣлать это было тѣмъ легче, что существуетъ—тоже оставшаяся внѣ кругозора автора—монографія (и интереснѣйшая!)—Ott'а (Thomas von Aquin und das Mendikantentum. Freiburg, 1908). А новиціатъ, страннопріимные дома, вопросъ о *дисциплинѣ*—какую массу глубокоинтересныхъ указаній текстовъ, какую сжатую, но содержательную характеристику всего этого авторъ нашелъ бы, напр., у Грегори Смита, въ его „Christian Monasticism!" Второй недочетъ книжки—рискованныя утвержденія (вродѣ весьма запутаннаго выведенія аскезы изъ „дуалистическаго мірочувствованія" на *первой* страницѣ), или прямо ошибочныя оцѣнки (вродѣ словъ—

на *послѣдней* страницѣ,—будто „въ эпоху реформаціи папство вернулось къ своей религіозной миссіи“, въ противоположность прежнимъ „политическимъ задачамъ“: нельзя быть дальше отъ истины въ пониманіи цѣлаго ряда самыхъ выдающихся и могучихъ понтификатовъ XVI—XVII вв.). Не мало подобныхъ фразъ обронено также и *между* первой и послѣдней страницами... Не говоримъ уже, конечно, о полномъ отсутствіи характеристики соціальныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ развивалось средневѣковое монашество. Языкъ автора порою нѣсколько претенціозенъ и напыщенъ („И вмѣстѣ съ увѣщаніями святителей несется чарующій вѣтеръ съ пустынь востока“... „искреннее стремленіе исполнять велѣніе Бога источало медъ изъ устъ“ и т. п.); отсутствіе простоты въ стилѣ приводитъ порою и къ курьезамъ: „*спаивавшая* братство любовь требовала общенія“ и т. п.

Конецъ книжки (начиная съ Франциска), какъ уже сказано, лучше, нежели ея начало и средина. Въ общемъ же, конечно, нужно принять во вниманіе и чрезвычайную сложность и огромность темы, пестроту фактовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло при подобной работѣ. А помимо всего,—ничтожные размѣры книжки таковы, что даже и *конспектъ* исторіи монашества оказалось возможнымъ дать лишь съ большими и существенными пропусками.

Авторъ слѣдитъ за развитіемъ самой идеи монашества, ухода отъ міра,—съ конца перваго вѣка, останавливается на исторіи первыхъ анахоретовъ, уходившихъ въ пустыни Египта и Сиріи въ III—IV вв., отмѣчаетъ устройство *перваго* монастыря (около 328 года), наконецъ, переходитъ къ „отцу западнаго монашества“ Бенедикту Нурсійскому. Изложивши уставъ Бенедикта, авторъ говоритъ о роли „англійскихъ миссіонеровъ“ (точнѣе,—миссіонеровъ съ Британскихъ острововъ). Къ сожалѣнію, у читателя книги не остается ни малѣйшаго прсдставленія о тяжкомъ кризисѣ, пережитомъ церковью и монашествомъ въ IX—X вв.: авторъ говоритъ объ эремитахъ (которыхъ почему-то пишетъ: еремиты) а потомъ *непосредственно* переходитъ къ Клюнійскому движенію. Если бы въ IX—X вв. только объ эремитахъ могла идти рѣчь, то клюнійскимъ монахамъ въ X—XI вв. не о чемъ было бы и безпокоиться! При такомъ пропускѣ клюнійское движеніе, могучій порывъ къ возрожденію церкви и очищенію ея,—становится совершенно непонятнымъ явленіемъ. Кратко, но недурно охарактеризованы рыцарскіе ордена, еще удачнѣе — нищенствующіе ордена: францисканскій и доминиканскій.

А. Коллонтай. По рабочей Европѣ. Силуэты и эскизы. Изъ записной книжки лектора. Изд. М. И. Семенова, Спб. 1912. Ц. 1 р. 35 к.

Вынужденная жить заграницей, г-жа Коллонтай нашла себѣ дѣло въ рядахъ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Работая въ качествѣ

разъѣздного лектора въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи, она имѣла возможность довольно близко подойти къ тамошней рабочей массѣ и успѣла зарисовать цѣлый рядъ сценъ изъ ея жизни и цѣлую галлерею лицъ изъ ея среды. Полученнымъ такимъ путемъ наброскамъ и посвящена большая часть ея книги. Конечно, все это—„эскизы и силуэты“, на лету схваченныя сцены, мелькомъ видѣнныя лица, мимоходомъ веденныя бесѣды; но въ цѣломъ онѣ даютъ довольно разностороннее, живое и, нужно думать, вѣрное представленіе о рабочей средѣ и партійной жизни, въ повседневныхъ, главнымъ образомъ, ея проявленіяхъ.

Г-жа Коллонтай далека отъ того, чтобы идеализировать эту среду и эту жизнь или приписывать имъ какія-либо исключительныя свойства. Напротивъ, ея вниманіе привлекаютъ, скорѣе, общерабочія и общечеловѣческія черты, не исключая и свойственныхъ вообще людямъ или данной средѣ слабостей. Она отмѣчаетъ, при случаѣ, и сценку ревности, и игру личныхъ самолюбій въ общественномъ дѣлѣ. Приходилось ей присутствовать при перебранкахъ между товарищами, слышать, когда они захмелѣютъ, „двусмысленный характеръ шутокъ“, и видѣть такое „вольное обращеніе“, сопровождаемое „ржаньемъ“, что оставалось только „незамѣтно пробраться къ выходу“. Некультурности и грубости въ этой средѣ еще много. Случается, что „даже партійные и тѣ бьютъ своихъ женъ“; (стр. 74). „Далеки мы еще отъ истинной солидарности, живемъ какъ волки, грыземъ другъ друга“,—жаловался г-жѣ Коллонтай одинъ изъ партійныхъ „функціонеровъ“ (229). Толпа и здѣсь любитъ, чтобы потакали ея слабостямъ. „Обличеніе должно касаться капиталистовъ, аграріевъ, поповъ, но не ихъ, не тѣхъ, что здѣсь присутствуютъ“ (223).

И въ партійной жизни не все идетъ гладко: имѣются тренія, меркантильные разсчеты и личныя пристрастія берутъ иногда перевѣсъ надъ моральными и идейными побужденіями, великія задачи размѣниваются на мелочи. Не боится г-жа Коллонтай коснуться и слабыхъ сторонъ въ дѣятельности нѣмецкой соціалъ-демократіи, въ частности—работы ея въ деревнѣ. „А что партія сдѣлала, чтобы втянуть насъ въ организацію?—жалуется одинъ изъ фермеровъ.—Пришлютъ намъ изъ города агитатора, а онъ кричитъ о вздорожаніи мяса... Ну, конечно, нашъ народъ пугается. Какъ? Соци требуютъ, чтобы я сало моей свиньи продавалъ не за 40 пф., а за 30? Да какіе же они послѣ этого „друзья“, чортъ возьми! Хороши союзники! Раззорить насъ хотятъ... А то явится агитаторъ, да и начнетъ подымать знамя 8-ми часового рабочаго дня. Опять недоумѣніе“ (50)... Пользуясь присутствіемъ г-жи Коллонтай, крестьяне спѣшатъ разспросить ее о русскомъ аграрномъ движеніи и о выставленныхъ въ немъ требованіяхъ. „Ваши русскіе крестьяне вовсе не такъ глупы“,—резюмируетъ одинъ изъ нихъ сообщенныя ею свѣдѣнія (49).

Но, каковы бы ни были рабочіе недостатки и каковы бы ни были партійные недочеты, нужно сказать, сдѣланные г-жей Коллонтай наброски производятъ въ конечномъ счетѣ бодрящее впечатлѣніе. Въ цѣломъ они даютъ картину массовой жизни, которая уже течетъ въ лучшую сторону, и партійной работы, которая производится съ неослабной энергіей. Получается впечатлѣніе неуклонно растущаго вширь движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность, что остановить его ничто уже не можетъ.

Въ остальныхъ частяхъ своей книги г-жа Коллонтай разсказываетъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ею изъ поѣздокъ въ Англію, Данію и Швецію. Въ Данію и Англію она ѣздила въ качествѣ представительницы россійской с.-д. партіи для участія въ международныхъ конгрессахъ, а въ Швецію въ качествѣ гостьи вмѣстѣ съ другими дѣятелями международнаго соціализма по приглашенію мѣстныхъ соціалистовъ. Въ этихъ серіяхъ набросковъ рабочая масса фигурируетъ лишь на заднемъ планѣ, является какъ бы фономъ и только немногія лица выдѣлены изъ ея среды; на первомъ же планѣ—„все интеллигенція, все идеологи“ (268) и среди нихъ такіе, которые пользуются извѣстностью не только въ своихъ странахъ, но и во всемъ культурномъ мірѣ. Да и обстановка другая: не повседневная жизнь, не будничная работа, а международные съѣзды, своего рода праздничные парады. Среди зарисованныхъ въ этой обстановкѣ „силуэтовъ и эскизовъ“ такъ же имѣется немало любопытныхъ. Для примѣра приведемъ два эпизода.

Между прочимъ, г-жа Коллонтай разсказываетъ объ исключительномъ интересѣ, какой иностранцы обнаруживали къ русской освободительной борьбѣ и, и главнымъ образомъ, къ наиболѣе рѣзкимъ ея проявленіямъ. Въ частности она приводитъ характерный разговоръ на эту тему съ англійскими рабочими. Напрасно она пыталась доказать, что не въ бомбахъ и не въ террористическихъ актахъ было главное; тщетно она старалась „оттѣнить дѣятельность соціалъ-демократіи, массовыя выступленія, трудную, кропотливую работу организаціи массъ“; напрасно она взывала къ ихъ этикѣ: вѣдь сами они не стали бы нападать на банки, на магазины, на частныхъ лицъ... „Какъ же вы не только прощаете русскимъ подобныя дѣянія, но даже поощряете ихъ?“—Русскимъ?—отвѣчали англійскіе собесѣдники.—Это совсѣмъ другое дѣло... Не знаю, что стали бы дѣлать мы, британцы, если бы кто-нибудь вздумалъ отнять у насъ наши гражданскія права и вольности“? (126)...

Не менѣе любопытный въ своемъ родѣ эпизодъ разыгрался на завтракѣ у лидера англійской ортодоксіи Хайндмана. Клара Цеткина стала осуждать двусмысленную позицію англійскихъ соціалъ-демократовъ въ вопросѣ о флотѣ. „Дорогой товарищъ,—отвѣчалъ Хайндманъ—вы жестоко ошибаетесь, мы—истинные друзья мира... Но именно для того, чтобы обезпечить хорошія отношенія между

добрыми сосѣдями, надо, чтобы наши „друзья“ на континентѣ знали, что и мы не дремлемъ, что и мы въ любой день и часъ готовы встрѣтить ихъ во всеоружіи“. Объяснивъ затѣмъ, что подъ этими добрыми сосѣдями онъ разумѣетъ прежде всего нѣмцевъ, съ которыми у англичанъ неизбѣжна борьба изъ-за рынковъ и что въ этой борьбѣ заинтересована не только буржуазія, Хайндманъ прибавилъ: „Признайтесь по дружбѣ, товарищъ Цеткина, даже мой старый пріятель Бебель не прочь бы пощекотать свое національное чувство и помѣряться силами съ Англіей? А? Но мы—старая, видавшая виды нація; насъ не такъ-то легко провести на сентиментальной ерундѣ“. „Шутливый тонъ—замѣчаетъ г-жа Коллонтай—плохо скрываетъ искреннюю серьезность его словъ... Горячая отповѣдь Цеткиной его ни въ чемъ не убѣдила“ (117—119). Легко понять, что бесѣда споткнулась въ данномъ случаѣ о самый крупный камень, какой еще лежитъ на дорогѣ международнаго соціализма; но немало имѣется и другихъ, загораживающихъ его русло,—не мало еще имѣется сложныхъ и мучительныхъ вопросовъ, которые мѣшаютъ „пролетаріямъ всѣхъ странъ объединиться“. Намеки на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ можно встрѣтить и въ набросках г-жи Коллонтай, которая сама, быть можетъ, не всегда даже ихъ замѣчаетъ... Во всякомъ случаѣ эти вопросы не мѣшаютъ ей такъ же, какъ и намъ, вѣрить, что рано или поздно путь къ международной солидарности будетъ расчищенъ.

Изложеніе г-жи Коллонтай не можетъ претендовать на художественность и не чуждо мѣстами сантиментальности. Но въ общемъ книга написана живо и читается легко. Нѣкоторыя главы ея (посвященныя Германіи) были напечатаны въ прошломъ году въ „Русскомъ Богатствѣ“, подъ заглавіемъ: „Изъ записокъ заграничнаго агитатора“, но онѣ составляютъ незначительную часть книги. Думаемъ, что наши читатели не пожалѣютъ, если прочитаютъ ее всю.

А. Р. Историческая переписка о судьбахъ православной церкви. Изд. Сытина. Москва. 1912. Стр. 64. Ц. 50 к.

Небольшая, хорошо изданная брошюра можетъ имѣть немалое значеніе для изученія „великой смуты“ 1904—1906 годовъ. Авторами „исторической переписки“ являются С. Ю. Витте и К. П. Побѣдоносцевъ—два виднѣйшихъ и интереснѣйшихъ бюрократа, фигуры которыхъ столь характерно и ярко вырисовывались на „закатѣ стараго вѣка“.

Какъ извѣстно, первые „оффиціальные“ предвѣстники наступающаго освободительнаго движенія выразились въ указѣ 12 декабря 1904г „о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка“. Совѣщаніе высшихъ сановниковъ о возможныхъ реформахъ, организованное на основаніи этого указа, под-

няло, между прочимъ, и вѣроисповѣдный вопросъ; въ результатѣ разсмотрѣнія этого вопроса появился знаменитый указъ отъ 17 апрѣля 1905 года о вѣротерпимости. Но между послѣднимъ указомъ и предшествовавшимъ ему на 4 мѣсяца указомъ 12 декабря въ бюрократическихъ нѣдрахъ шла усиленная борьба между либеральными бюрократами, во главѣ съ С. Ю. Витте, и консерваторами, среди которыхъ К. П. Побѣдоносцевъ занималъ, какъ извѣстно, исключительное положеніе. „Историческая переписка" весьма отчетливо знакомитъ читателя съ идейными позиціями борющихся сторонъ.

С. Ю. Витте нападаетъ, К. П. Побѣдоносцевъ защищается. Это чувствуется сразу. Нападаетъ С. Ю. Витте въ очень энергичныхъ и сильныхъ выраженіяхъ, краснорѣчиво доказывая, что пора покончить съ бюрократизаціей православной церкви, пора вернуться отъ бюрократическаго синодальнаго управленія, ведомаго чиновникомъ оберъ-прокуроромъ, къ соборному началу, единственно соотвѣтствующему церковнымъ канонамъ. „Мы отмѣтили—перечисляетъ Витте, резюмируя содержаніе своей обличительной критики, — изгнаніе изъ высшаго и епархіальнаго управленія принципа соборности и мѣстнаго представительства, прекратившійся созывъ помѣстныхъ соборовъ, сообщеніе сухо бюрократическаго характера дѣятельности Синода и епархіальному управленію, лишеніе церковной общины права избранія себѣ епископовъ и пресвитеровъ, права распоряженія церковнымъ имуществомъ и всякаго почина въ приходскомъ управленіи, сухое направленіе школы, *несеніе духовенствомъ полицейски-сыскныхъ обязанностей* (курсивъ нашъ), необходимость жить поборомъ и такія явленія государственной жизни, какъ чрезмѣрное развитіе государственной централизаціи, убившей всякіе слѣды общины и вообще мѣстной инициативы"... „Все это—вполнѣ основательно замѣчаетъ Витте — такіе факты, печальнаго, гнетущаго вліянія которыхъ на церковную жизнь никто не рѣшится отрицать" (стр. 53). И вотъ, чтобы покончить со всѣми этими язвами церковной жизни, С. Ю. Витте широкими штрихами набрасываетъ цѣлую схему реформъ, въ основаніе которыхъ кладется авторомъ слѣдующій тезисъ (стр. 9): „Религіозное начало есть по преимуществу начало общественное; оно развивается и крѣпнетъ тамъ, гдѣ общественной жизни предоставлена нѣкоторая свобода".

Соборность и принципъ самоуправленія С. Ю. Витте находитъ необходимымъ положить въ основу преобразованій. Во главѣ церкви долженъ стоять цѣлый помѣстный соборъ, для котораго „Синодъ, какую бы форму онъ ни имѣлъ, есть, во всякомъ случаѣ, только исполнительный органъ" (стр. 11); въ отдѣльныхъ епархіяхъ также долженъ быть организованъ выборный соборъ пресвитеровъ; наконецъ, должна быть возстановлена въ своихъ прежнихъ „до-Петровскихъ" правахъ самоуправляющейся единицы—самая мелкая ячейка

церковной организаціи—приходъ. „Русскій приходъ—пишетъ С. Ю. Витте,—представлялъ прежде живую и самодѣятельную единицу. Община сама строила себѣ храмъ, избирала священника и остальной церковный причтъ. Церковная казна имѣла тогда болѣе широкое назначеніе; ею поддерживались и содержались не только храмъ и дома для причта, но и школа съ учителемъ и цѣлый рядъ благотворительныхъ учрежденій; иногда она играла роль банка и раздавалась неимущимъ. Приходская община сама судила своихъ сочленовъ... Отъ этой живой и дѣятельной общины въ настоящее время осталось только одно имя“ (стр. 13—14). Главной причиной упадка прихода,—надо добавить,—Витте считаетъ „усиленіе крѣпостного права и развитіе государственной централизаціи“ (стр. 14) и заключаетъ, что „единственнымъ путемъ къ пробужденію замершей жизни можетъ быть только возвратъ къ прежнимъ каноническимъ формамъ церковнаго управленія“ (стр. 13). Для этого же, въ свою очередь, необходимо прежде всего созвать помѣстный, выборный соборъ, „гдѣ нужно будетъ организовать представительство, какъ отъ бѣлаго духовенства, такъ и отъ мірянъ“ (стр. 24). „Не можетъ быть бóльшаго государственнаго вреда, какъ стѣснять развитіе и свободное проявленіе этой народной силы (религіи), пытаясь вложить ее въ рамки сухихъ бюрократическихъ началъ, какъ это дѣлается теперь“,—такимъ аккордомъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1905 года заканчивалъ С. Ю. Витте свою записку „О современномъ положеніи православной церкви“.

И вся эта записка его и вторичное выступленіе его по данному вопросу, вызванное возраженіями К. П. Побѣдоносцева, вызываютъ горестное раздумье: такъ писалъ около 8 лѣтъ назадъ председатель комитета министровъ. Ну, а теперь? Вѣдь, теперь, пожалуй, за передовую, составленную изъ вырѣзокъ его „записки“, оштрафовали бы не одну провинціальную газету... А гдѣ помѣстный соборъ? Гдѣ мечты о возстановленіи самодѣятельности прихода? Пожалуй, самъ графъ Витте, читая слова своей записки, пугливо косится на собственное мнѣніе и съ радостью отрекся бы отъ него. Tempora mutantur!..

Кромѣ двухъ статей С. Ю. Витте въ разбираемой брошюрѣ помѣщены еще „Вопросы о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной церкви“ (стр. 26—31), составленные профессорами петербургской духовной академіи, и „Соображенія статсъ-секретаря Побѣдоносцева по вопросамъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной церкви“. „Вопросы“ въ общей ихъ постановкѣ гармонируютъ съ мнѣніемъ С. Ю. Витте. „Соображенія“ же К. П. Побѣдоносцева представляютъ критику какъ „Вопросовъ“, такъ и мнѣнія С. Ю. Витте... Но какая безсильная и вялая эта критика! „На Шипкѣ все спокойно“—вотъ тезисъ К. П. Побѣдоносцева: „Въ XIX столѣтіи, по мѣрѣ постепен-

наго смягченія нравовъ и расширенія правъ, ничто уже не препятствовало Церкви, ограждаемой государствомъ, усилить и расширить свое духовное вліяніе въ народѣ и въ обществѣ, и внимательный и безпристрастный изслѣдователь фактовъ церковной жизни долженъ признать, что, съ теченіемъ времени и съ распространеніемъ культуры въ обществѣ, дѣятельность Церкви не только не понизилась противу прежняго времени, но получила значительное развитіе и новыя средства и способы для нравственнаго воздѣйствія на паству" (стр. 35). И дальше защищается все. Синодъ для К. П. Побѣдоносцева—„постоянный соборъ" (стр. 35). Контроль со стороны государства и вмѣшательство чиновниковъ въ церковныя дѣла—необходимы въ Россіи, „гдѣ главнѣйшую заботу государственной власти составляетъ попеченіе о просвѣщеніи и воспитаніи народа въ духѣ вѣры и нравственности" (стр. 37). Бюрократизація епархіальнаго управленія необходима, ибо въ иныхъ консисторіяхъ переписка, размножаясь, доходитъ до 20.000 исходящихъ бумагъ въ годъ (стр. 39). Какъ же обойтись безъ бюрократическаго учрежденія, т. е. консисторіи?—спрашиваетъ К. П. Побѣдоносцевъ, не понимая въ своей кабинетной отрѣшенности отъ жизни, что эти 20.000 бумагъ и являются интереснѣйшимъ плодомъ бюрократизаціи управленія, въ которомъ, какъ правильно замѣчаетъ С. Ю. Витте,—дѣло о починкѣ развалившейся ограды церкви обязательно идетъ въ консисторію (стр. 55). Приходская самодѣятельность стала, по мнѣнію К. П. Побѣдоносцева, невозможной „съ тѣхъ поръ, какъ измѣнился вовсе составъ прихода и что было прежде просто, пришло въ смѣшеніе, разнообразіе и разладъ" (стр. 40) и т. д., и т. д. Все въ томъ же духѣ,..

Неубѣдительны доводы К. П. Побѣдоносцева, закрывающаго глаза на голоса жизни въ своей кабинетской замкнутости. Однако, въ концѣ концовъ, побѣдили они. Почему? Отвѣтъ ясенъ для всякаго читателя.

К. Н. Соколовъ, привать-доцентъ С.-Петербургскаго Университета. **Парламентаризмъ.** Опытъ правовой теоріи парламентарнаго строя. С.-Петербургъ. 1912 г. VII+432 стр. Ц. 3 р.

Наука государственнаго права до сихъ поръ не имѣетъ безспорнаго юридическаго опредѣленія парламентаризма. Большинство изслѣдователей склонно даже отрицать за парламентарнымъ строемъ значеніе правового явленія. Съ послѣдней, наиболѣе распространенной точки зрѣнія парламентаризмъ всецѣло принадлежитъ къ области фактическихъ отношеній: его изученіе—задача политики, а не теоретическаго знанія.

Книга К. Н. Соколова ставитъ себѣ цѣлью заполнить имѣющійся пробѣлъ и дать „опытъ правовой теоріи парламентарнаго строя". Задача, поставленная авторомъ, находитъ себѣ, такимъ

образомъ, оправданіе и въ важности затрагиваемаго вопроса, и въ современномъ состояніи государственныхъ дисциплинъ. Къ сожалѣнію, содержаніе книги далеко не всегда стоитъ на одной высотѣ съ серьезнымъ значеніемъ ея темы. Виной тому тѣ рамки, въ которыя авторъ самъ себя поставилъ.

Наука создается талантомъ и техникой. Методологическія предпосылки К. Н. Соколова заранѣе предопредѣлили узость его выводовъ. Авторъ—убѣжденный сторонникъ формально-юридическаго метода. „Теоретическое государствовѣдѣніе, говоритъ онъ, можетъ вѣдать только формы государственной организаціи, только организаціонную канву государственной жизни, не задаваясь невыполнимой цѣлью исчерпать всѣ узоры, которые вышиваетъ на ней жизнь“ (стр. 184). Конституціонныя нормы—таковъ тотъ единственный матерьялъ, изъ котораго складываются элементы теоретическихъ построеній автора. Въ результатѣ „правовая теорія парламентаризма“ глубоко догматична. Это общій дефектъ формально-юридической школы. Ея методы, въ сущности, простое толкованіе законодательныхъ постановленій. Это скорѣе пріемъ практика юриста, а не ученаго теоретика. Положимъ, К. Н. Соколовъ далеко стоитъ отъ традиціоннаго пониманія „конституціонной нормы“. Онъ вкладываетъ въ это пониманіе извѣстную широту, утверждая „правовой характеръ правилъ, которыми регулируется функціонированіе парламентарнаго строя, совершенно независимо отъ того, установлены ли или признаны эти правила государствомъ и сопутствуетъ ли имъ принужденіе какого бы то ни было вида“. (стр. 395). Подобное согласіе съ основными моментами „психологической теоріи права“, увеличивая ученый матеріалъ автора, не отражается, однако, на томъ способѣ, какимъ онъ надъ этимъ матеріаломъ оперируетъ. Формально-юридическій методъ заставляетъ автора совершенно отдѣлить содержаніе конституціоннаго правосознанія отъ той среды и тѣхъ условій, гдѣ данное правосознаніе выработалось. При подобныхъ условіяхъ парламентаризмъ, тѣсно и неразрывно связанный съ глубочайшими явленіями политической жизни и соціальнаго развитія, что, конечно, долженъ признать и самъ авторъ (стр. 334), фактически оказывается въ положеніи совершенно выдѣленнаго, самодовлѣющаго явленія.

Подобная постановка вопроса не только оставляетъ скрытой самую сущность парламентаризма, но не можетъ не отразиться на его юридическомъ опредѣленіи. Истинное содержаніе конституціоннаго правосознанія не можетъ быть вскрыто безъ детальнаго знакомства съ соціальной и всякой иной его мотивировкой.

Парламентарное государство, говоритъ авторъ, можетъ быть опредѣлено какъ такое „государство, въ которомъ правительство считаетъ себя обязаннымъ слѣдовать въ своей политической программѣ указаніямъ нижней палаты парламента, въ которомъ про-

тивоположный образъ дѣйствій правительства воспринимается населеніемъ, какъ нарушеніе конституціи". (стр. 411). Въ этомъ опредѣленіи главный выводъ и, слѣдовательно, главная теоретическая цѣнность всей книги К. Н. Соколова. Трудно назвать этотъ выводъ богатымъ и плодотворнымъ. Между тѣмъ описательная, и притомъ наиболѣе обширная по количеству страницъ, часть „Парламентаризма" несомнѣнно представляетъ изъ себя значительный интересъ. Авторъ съ огромнымъ трудолюбіемъ и безспорнымъ научнымъ вкусомъ собралъ цѣлую массу характерныхъ и свѣжихъ данныхъ по исторіи конституціонныхъ взаимоотношеній между исполнительной властью и парламентомъ. Если на такомъ богатомъ фундаментѣ создался бѣдный и узкій выводъ, то виной тому исключительно методъ изслѣдованія.

Къ тому же и самъ выводъ автора далеко не безспоренъ. При желаніи можно найти и противорѣчія въ „опытѣ правовой теоріи парламентарнаго строя". Юридическое опредѣленіе парламентарнаго государства, какъ такого строя, „глава котораго въ осуществленіи своихъ правительственныхъ прерогативъ связанъ конституціонно-правовой нормой, требующей постояннаго соотвѣтствія политики правительства желаніямъ большинства нижней палаты парламента" (стр. 410), очевидно не равняется опредѣленію, приведенному выше. Дѣло, конечно, не въ одномъ правосознаніи „главы государства". Правосознаніе „правительства" и „населенія" не можетъ быть опущено сторонникомъ психологической теоріи права при юридическомъ опредѣленіи парламентарнаго строя. Главное возраженіе, которое вызываетъ теорія К. Н. Соколова, однако, не въ этомъ.

Авторъ, отказываясь отъ изслѣдованія „узоровъ жизни", слишкомъ упрощаетъ парламентаризмъ. Фактамъ дѣйствительной жизни тѣсно въ его опредѣленіи. Растущая демократизація общественныхъ отношеній не находитъ себѣ мѣста въ его теоріи. Въ современной политической жизни все больше вліянія и значенія пріобрѣтаютъ внѣпарламентскіе факторы. Политическое вліяніе перемѣщается не только за парламентскія стѣны, но и за кругъ офиціальныхъ избирателей, создавая болѣе или менѣе правильно и полно организованное представительство общественныхъ интересовъ. Народная самоорганизація въ ея многоразличныхъ формахъ становится на мѣсто народнаго представительства. Между тѣмъ вся теорія парламентаризма у К. Н. Соколова основана на нормахъ, опредѣляющихъ отношеніе правительства исключительно къ парламенту: взаимоотношеніе „народа" и правительственной политики при этомъ совершенно не затрагивается. Еще Дайси въ своихъ извѣстныхъ „Основахъ государственнаго права Англіи" находилъ возможнымъ съ извѣстной точки зрѣнія говорить о переходѣ суверенитета отъ парламента къ избирателямъ. Послѣ Дайси англійскіе теоретики государственнаго права о такомъ переходѣ стали

говорить еще положительнѣе и опредѣленнѣе. Англійская конституціонная практика послѣднихъ лѣтъ знаетъ примѣры политическаго торжества избирателя надъ парламентомъ. Въ 1905 году Бальфуръ уступилъ министерскій портфель лидеру либераловъ Кэмпбелль-Банерману, въ тотъ моментъ, когда консервативная партія обладала въ палатѣ общинъ несомнѣннымъ большинствомъ. Напрасно К. Н. Соколовъ слишкомъ легко относится къ данному случаю и къ другимъ фактамъ аналогичнаго характера. Въ высокой степени интереснымъ является то обстоятельство, что Бальфуръ, учитывая настроеніе страны, подалъ въ отставку, даже не дожидаясь, когда населеніе будетъ призвано къ выборамъ. Пользуясь традиціонными терминами, можно сказать, что въ данномъ примѣрѣ мы видимъ знаменательный случай перемѣщенія „государственнаго суверенитета“ отъ парламента къ избирателю. Не даромъ въ Англіи все болѣе популярной становится идея законодательнаго референдума.

К. Н. Соколовъ предвидѣлъ отчасти тѣ упреки, которые ему будутъ сдѣланы съ указанной стороны.

Онъ полагаетъ, что въ рамкахъ парламентаризма не могутъ умѣститься современныя стремленія въ сторону прямого народоправства. Въ частности современныя дуалистическія республики сѣверо-американскаго или швейцарскаго типа „неспособны“ къ парламентаризму. Эти государства идутъ „въ направленіи республиканскаго „абсолютизма“, воплощаемаго въ строѣ непосредственной республики“ (стр. 410—4). „Лучшимъ наиболѣе законченнымъ образцомъ республиканскаго дуализма“ авторъ считаетъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты (стр. 420). Но какъ разъ на приведенномъ примѣрѣ яснѣе всего видно, что теорія парламентаризма К. Н. Соколова является для фактовъ дѣйствительной жизни своего рода Прокрустовымъ ложемъ. Съ Сѣверо-Американскими Штатами дѣло обстоитъ далеко не такъ просто. Авторъ правъ лишь постольку, поскольку онъ касается формально признанной конституціи, между тѣмъ жизнь далеко оставила за собой нормы конституціи. Видный дѣятель демократической партіи, нынѣ президентъ Штатовъ, В. Вильсонъ въ своей извѣстной книгѣ „Правленіе конгресса“ указываетъ на любопытную эволюцію С.-А. Соединенныхъ Штатовъ съ ея комитетами конгресса въ сторону парламентаризма. Можно поэтому вполнѣ согласиться съ С. А. Котляревскимъ, признающимъ, что „исторія развитія Соединенныхъ Штатовъ является, несомнѣнно, однимъ изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ отъ противнаго въ пользу жизнеспособности парламентарнаго строя“ („Правовое государство и внѣшняя политика“ стр. 387). К. Н. Соколовъ не посчитался съ только что приведенными соображеніями. У него нѣтъ ссылки на книгу проф. Котляревскаго, не смотря на то, что послѣдній обстоятельно разсматри-

ваетъ близкій для автора вопросъ объ эволюціи парламентарнаго строя. Это несомнѣнное опущеніе.

Кратко говоря, сущность эволюціи парламентаризма сводится къ установленію непосредственной зависимости правительственной политики отъ общественнаго мнѣнія страны. Самые принципы парламентарнаго строя остаются при этомъ непоколебленными. Создается только новый центръ политической зависимости. Въ рамкахъ парламентарнаго строя оказывается не только „теоретически мыслимой, но и практически осуществимой“ та демократизація общественныхъ отношеній, которая является господствующимъ явленіемъ послѣдняго времени.

Теорія, съ момента своего возникновенія отстающая отъ практики, не можетъ имѣть будущаго.

Шастенъ І. Тресты и синдикаты. Перев. съ франц. И. К. Брусиловскаго. Спб. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ. 1912. Стр. XVI + 306. Цѣна 2 р.

Книга Шастена состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части дается описаніе синдикатовъ и трестовъ въ различныхъ государствахъ Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ С.-Америки; во второй части разсматриваются отдѣльные вопросы, касающіеся вообще природы этихъ предпринимательскихъ союзовъ (синдикаты и цѣны, синдикаты и заработная плата, синдикаты и государство и т. д.). Первая часть изложена довольно обстоятельно, авторъ старается коснуться всѣхъ важнѣйшихъ синдикатовъ и трестовъ въ отдѣльныхъ государствахъ. Онъ останавливается не только на синдикатахъ нѣмецкихъ, французскихъ, бельгійскихъ, англійскихъ, но отводитъ мѣсто также Италіи, Испаніи и даже Россіи. Впрочемъ, Италія и Испанія изложены слишкомъ кратко, свѣдѣнія же о Россіи весьма неточны и, не смотря на поправки, сдѣланныя переводчикомъ въ примѣчаніяхъ, все же яснаго представленія о Россіи не получается.

Неясностью отличаются, впрочемъ, и нѣкоторыя мѣста во второй части книги Шастена. Сюда относится въ особенности гл. X подъ названіемъ „Синдикаты и индивидъ“, гдѣ авторъ останавливается и на вопросѣ объ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, между союзами предпринимателей и ассоціаціями рабочихъ. Указывая на то, что борьба между ними приводитъ въ Соединенныхъ Штатахъ къ образованію смѣшанн іхъ синдикатовъ, объединяющихъ интересы труда и капитала, авторъ относится отрицательно къ такого рода организаціямъ. „Съ возникновеніемъ смѣшанныхъ синдикатовъ рабочій очутился бы въ тѣсной зависимости отъ данной группы своей корпораціи; онъ былъ бы связанъ коллективнымъ договоромъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ, конечно, охранялъ бы его интересы, но чаще всего уничтожалъ бы его ини-

ціативу. Независимый рабочій болѣе не находилъ бы для себя мѣста, уволенный изъ завода рабочій не находилъ бы прибѣжища. Одинъ и другой стали бы жертвами тиранніи еще болѣе своевольной и невыносимой, чѣмъ тираннія хозяевъ. Прибавимъ, что рабочій синдикатъ, достигшій всемогущества, ограничилъ бы притокъ рабочей силы, чтобы поднять заработную плату. Такой экономическій деспотизмъ привелъ бы къ образованію класса самыхъ жалкихъ пролетаріевъ; и требованія этихъ пролетаріевъ угрожали бы общественному спокойствію гораздо сильнѣе, чѣмъ ему угрожаетъ современная экономическая борьба“ (стр. 274—75).

Изъ приведенныхъ строкъ не вполнѣ ясно, что Шастенъ имѣетъ въ виду и почему онъ рисуетъ себѣ подобные ужасы, въ случаѣ образованія „смѣшанныхъ синдикатовъ“. Повидимому, здѣсь рѣчь идетъ о соглашеніяхъ между союзами предпринимателей и рабочими организаціями, на основаніи которыхъ синдикатъ работодателей обязуется принимать только рабочихъ, принадлежащихъ къ рабочему союзу. Въ этомъ случаѣ, какъ видно изъ приводимаго далѣе авторомъ примѣра, „независимые“ предприниматели не могутъ найти „независимыхъ“ рабочихъ, или, иначе говоря, предприниматели, не примыкающіе къ синдикату и не желающіе войти въ соглашеніе съ рабочими, не могутъ достать нужныхъ имъ рабочихъ. Обыкновенно это послѣдствіе того, что эти предприниматели не желаютъ признать рабочаго союза или отказываются уплачивать своимъ рабочимъ ту заработную плату, на которой настаиваетъ профессіональный союзъ. Шастенъ относится скептически къ такого рода коллективнымъ договорамъ, выгоднымъ для рабочаго, какъ онъ самъ признаетъ, но въ то же время стѣсняющихъ его „инициативу“, или, иначе говоря, лишающихъ его возможности наниматься за болѣе низкую плату, чѣмъ этого требуетъ рабочій союзъ.

Вообще авторъ очень боится того, какъ бы профессіональные союзы не стѣснили личную инициативу рабочихъ, не замѣнили ее коллективнымъ договоромъ; а между тѣмъ улучшеніе условій труда въ Америкѣ и Англіи въ послѣднее время есть именно результатъ созданія тамъ коллективныхъ соглашеній между предпринимателями и рабочими, ибо при индивидуальномъ договорѣ рабочій совершенно безпомощенъ. Но тотъ же Шастенъ вовсе не опасается синдикатовъ и трестовъ въ смыслѣ давленія ихъ на личную свободу участниковъ: вообще, хотя онъ и признаетъ нѣкоторыя отрицательныя стороны этихъ союзовъ, но въ цѣломъ дѣятельность союзовъ предпринимателей рисуется ему въ розовомъ свѣтѣ. Такимъ образомъ отношеніе къ тѣмъ и другимъ организаціямъ у него далеко не одинаковое. Это подтверждается и его взглядомъ на стачки. „Стачка изъ-за солидарности, — говоритъ онъ, — которая не всегда имѣетъ подъ собой серьезное основаніе, сопровождается обыкновенно насиліемъ противъ собственности, отъ котораго страдаютъ хозяева, и

насиліями противъ лицъ, отъ которыхъ страдаютъ, главнымъ образомъ, независимые рабочіе". Эти „независимые" рабочіе—прибавимъ мы—именуются штрейкбрехерами.

И въ другомъ отношеніи авторъ является весьма непослѣдовательнымъ. Вполнѣ признавая необходимость и полезность синдикатовъ и трестовъ, хотя они и значительно стѣсняютъ личную иниціативу и сокращаютъ конкурренцію, онъ отрицательно относится къ тому, чтобы тѣ же предпріятія сосредоточивались въ рукахъ государства или города, а не частнаго общества. „Какъ можно одобрить (рѣчь идетъ, очевидно, о Франціи) проектъ такой желѣзнодорожной реформы, которая предлагаетъ поставить государство на мѣсто частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній?... Какъ можно допустить, чтобы муниципалитетъ такого крупнаго города, какъ Парижъ, съ различными нуждами котораго успѣшно справляется частная предпріимчивость, взялъ въ свои руки дѣло водоснабженія, дѣло транспорта, освѣщенія, погребенія? Мы имѣемъ здѣсь передъ собой настоящіе тресты—уже возникшіе или имѣющіе возникнуть, которые являются гораздо болѣе опасными, чѣмъ предпринимательскія коалиціи" (стр. 294). Конечно, все, что въ этомъ отношеніи сдѣлано въ Англіи, оказывается, по мнѣнію автора, дурнымъ, „ослабляетъ чувство отвѣтственности, парализуетъ духъ иниціативы и изобрѣтательности", хотя въ Англіи „дурныя послѣдствія такой системы смягчаются бытовыми условіями жизни" — намекъ на то, что во Франціи было бы еще хуже.

Другія разсужденія автора, касающіяся конкурренціи, вліянія синдикатовъ на цѣны, на заработную плату, отношенія ихъ къ биржѣ, также не отличаются глубиной. При этомъ, разсматривая одновременно и синдикаты, ограничивающіеся объединеніемъ сбыта, и тресты, уничтожающіе самое существованіе отдѣльныхъ предпріятій, онъ естественно устанавливаетъ положенія, которыя нерѣдко правильны для одной группы, но непримѣнимы къ другой. Говоря о злоупотребленіяхъ синдикатовъ въ видѣ продажи товаровъ за-границу по уменьшенной цѣнѣ, онъ совершенно игнорируетъ связь этого явленія съ современной таможенной политикой, съ усиленнымъ протекціонизмомъ.

Не совсѣмъ удачный бытовой примѣръ авторъ приводитъ на стр. 196, говоря о борьбѣ потребителей съ чрезмѣрно повышенными цѣнами синдикатовъ. Онъ сообщаетъ о томъ, какъ русское правительство объявило торги на поставку гранатъ и синдицированные заводы предложили свои весьма высокія цѣны. Когда же выступилъ со своими предложеніями другой заводъ, не участвовавшій въ синдикатѣ, они сразу понизили цѣны. Однако, „правительство, освѣдомленное относительно происковъ синдиката, отдало подрядъ независимому заводу!" На самомъ дѣлѣ гораздо болѣе частыми являются у насъ случаи иного рода, когда синдикатъ, хотя и устанавливающій болѣе высокія цѣны, чѣмъ прочіе заводы, все же получаетъ

заказы и казна терпитъ явный убытокъ. У синдиката имѣются пути и средства, которыми онъ достигаетъ своей цѣли...

Д-ръ С. А. Сухановъ. Патологическіе характеры. (Очерки по Патологической психологіи). Спб. 1912. 373 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Интересная книга д-ра Суханова посвящена изученію той области, которая лежитъ по серединѣ между психологіей и психіатріей. „Патологическіе характеры" являются, конечно, уклоненіемъ отъ идеальной „нормы" вполнѣ уравновѣшенныхъ людей, но они еще далеки отъ настоящихъ психозовъ, хотя иногда, какъ, напримѣръ, при эпилептическомъ характерѣ, дѣло и доходитъ до настоящаго психоза.

Въ обыденной жизни людей, надѣленныхъ патологическимъ характеромъ, считаютъ чудаками, людьми съ тяжелымъ характеромъ, неуживчивыми, нелѣпыми и т. п., но о томъ, что въ глубинѣ души этихъ людей идетъ, собственно, патологическій процессъ—объ этомъ, обыкновенно, никто и не подозрѣваетъ.

Книга д-ра Суханова посвящена изображенію четырехъ патологическихъ характеровъ: психастеническаго, резонирующаго, истерическаго и эпилептическаго. Отдѣльная глава посвящена циклотиміи, т. е., патологической смѣнѣ угнетенія и возбужденія душевной дѣятельности. Хотя циклотимія и не является „патологическимъ характеромъ", но ея сочетаніе съ патологическими характерами встрѣчается нерѣдко, благодаря чему самая картина душевной жизни всѣхъ этихъ психастениковъ, резонеровъ и т. д. рѣзко мѣняется.

Психіатрическая классификація до такой степени еще не установлена, что, критикуя какого-либо автора, было бы несправедливо навязывать ему свою классификацію. Поэтому мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе ни того вопроса, исчерпываются ли этими четырьмя классами всѣ патологическіе характеры, ни того, не слѣдуетъ ли какой-либо „классъ" д-ра Суханова видоизмѣнить, подраздѣлить или, вообще, какъ-либо перекомпоновать, хотя, напримѣръ, въ классъ „патологическаго резонерства" и включено д-ромъ Сухановымъ значительное количество патологическихъ явленій, которыя другими авторами классифицировались иначе.

Образованные люди съ пользой для себя прочтутъ книгу д-ра Суханова, написанную весьма легко и популярно, популярно настолько, что даже невольно испытываешь желаніе, чтобы авторъ нѣсколько сжалъ свое изложеніе и постарался бы избѣжать ненужныхъ повтореній.

Особенный интересъ для читателей представляетъ знакомство со столь, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчающимся психастеническимъ характеромъ, надѣленнымъ тревожностью, подозрительностью, мнительностью и тѣсно связаннымъ съ „навязчивыми пси-

хическими состояніями". Эти навязчивыя состоянія, являясь всегда источникомъ страданія для ихъ носителя, иногда подбиваютъ его и къ антисоціальнымъ поступкамъ. И мы думаемъ, что д-ръ Сухановъ высказываетъ слишкомъ категорическое сужденіе, когда утверждаетъ, что эти навязчивыя состоянія не только не приводятъ психастеника къ совершенію антисоціальныхъ поступковъ и даже будто-бы „опытъ показываетъ, что лица, страдающія частыми навязчивыми психическими состояніями, какъ будто даже *застрахованы* (курсивъ нашъ) отъ исполненія навязчивыхъ стремленій антисоціальнаго характера" (стр. 46). Самъ авторъ признаетъ, что „иной разъ навязчивыя стремленія и навязчивыя желанія разряжаются не только въ видѣ эмоціональнаго процесса, но и въ видѣ опредѣленныхъ двигательныхъ актовъ и поступковъ" (стр. 46). Но, по его мнѣнію, это бываетъ лишь тогда, когда дѣйствіе психастеника не причинитъ никому вреда „и субъектъ, въ такихъ случаяхъ, пожалуй, не будетъ отъ него очень-то воздерживаться" (стр. 47). Это утвержденіе нашего автора находится въ связи съ его мнѣніемъ, что при психастеніи „моральное чувство является обыкновенно достаточно выраженнымъ" (стр. 18). Возражать на это утвержденіе мы не будемъ уже по тому одному, что смыслъ предложенія, снабженнаго двумя ограничительными дополненіями („обыкновенно" и „достаточно") является довольно растяжимымъ. Мы только замѣтимъ, что пониженіе нравственнаго чувства у психастениковъ отрицать не легко, а между тѣмъ для успѣшной борьбы съ антисоціальнымъ „навязчивымъ стремленіемъ" нужна нравственная сила, скорѣе выше средняго уровня, если, конечно, не принимать во вниманіе чисто-животнаго страха наказанія.

В. Чернышевъ. Въ защиту живого слова. Спб. 1912. Стр. 83. Ц. 50 коп.

Живому ли языку учитъ школа на урокахъ родного языка? Вотъ вопросъ, который, казалось бы, не требуетъ отвѣта. Мы добились того, что мертвые языки, изъ которыхъ наша школьная наука не сумѣла извлечь ничего живого, отодвинуты на второй планъ; первый занятъ роднымъ языкомъ, — предполагается, живымъ, тѣмъ самымъ, на которомъ мы думаемъ и говоримъ. Но это иллюзія, одна изъ тѣхъ многочисленныхъ иллюзій, которыя кажутся удивительной нелѣпостью, когда раскрыты, и которыя, однако, можетъ раскрыть лишь творческая мысль. Простое оказывается простымъ лишь послѣ того, какъ уяснена его сложность; такъ совершенно яснымъ оказывается, что нашъ разговорный языкъ—одно, а письменный, литературный языкъ — другое, что школа, изучая исключительно послѣдній, забываетъ о первомъ. Въ защиту этой живой разговорной рѣчи и написана брошюра извѣстнаго изслѣдователя русскаго языка, лежащая предъ нами. „Какъ только

ребенокъ пришелъ въ школу, его тотчасъ же учатъ читать и писать, т.-е. чуть не съ перваго дня учатъ мертвому языку. При обученіи чтенію и письму рабски держатся орѳографіи, т.-е. мертваго языка. Когда ученикъ научился читать, то онъ слишкомъ много читаетъ про-себя, молча; исполняя домашнія работы, нѣкоторыя дѣти даже заданные наизусть стихи учатъ про-себя, т.-е. обращаютъ живую рѣчь въ мертвую, вопреки здравому чувству и смыслу. Ученики пишутъ диктовки и молчатъ. Теперь переходятъ ради лучшаго изученія орѳографіи, т.-е. мертваго языка, къ списыванію, а при немъ, по указанію нѣкоторыхъ его сторонниковъ, полагается сугубое молчаніе". На рядѣ примѣровъ авторъ съ полной убѣдительностью показываетъ, какъ много теряетъ школа, особенно народная, при этомъ схоластическомъ предпочтеніи утвердившихся въ книжномъ языкѣ формъ свободному и своеобразному слову, живущему въ устномъ обиходѣ. Языкъ крестьянскаго ребенка кажется г. Чернышеву не только богатымъ, яркимъ, устойчивымъ, пластичнымъ; онъ „еще и въ полномъ согласіи съ совѣстью, съ его чистымъ нравственнымъ чувствомъ... Въ городѣ болѣе сложныя и, смѣю сказать, болѣе тяжелыя отношенія людей... Деревенскій мальчикъ, наоборотъ, обыкновенно говоритъ истинную правду и всю правду. Это придаетъ его языку нравственную силу, силу внутренняго убѣжденія: здѣсь то самое свойство рѣчи, которое плѣняетъ насъ въ нѣкоторыхъ великихъ писателяхъ, какъ, напримѣръ, Бѣлинскій и Толстой". Но не только эти достоинства народной рѣчи—надо имѣть въ виду также иныя ея свойства,—напримѣръ, разстояніе между ея живымъ звукомъ и азбукой: разстояніе ничтожное въ такихъ языкахъ, какъ арабскій, громадное въ англійскомъ и значительное въ русскомъ. Этому вопросу посвященъ этюдъ „Живой языкъ и азбука"; очеркъ „Живой языкъ и списываніе" заканчивается пламеннымъ призывомъ „встать спиной къ орѳографіи и обратиться лицомъ къ нашимъ сокровищамъ живого слова". Наконецъ, заключительныя главы брошюры г. Чернышева посвящены вопросамъ выразительнаго чтенія; рядомъ интересныхъ историко-литературныхъ справокъ авторъ доказываетъ, что старая школа знала цѣну декламаціи — и этимъ онъ объясняетъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что старые русскіе писатели были также хорошими чтецами,—не въ примѣръ нынѣшнимъ. И здѣсь, стало быть — на высотахъ словеснаго творчества, не только въ его школьныхъ низахъ — живое слово уступаетъ понемногу мѣсто писанной буквѣ: печальное обстоятельство, усугубляющее интересъ новой работы г. Чернышева.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Д. Ревельскій. Одинъ изъ нихъ. Одесса. 1910 г. Ц. 5 к.

К. Михайловъ-Стоянъ. Судьба Россіи въ „Русланѣ и Людмилѣ" 1905 г.— Его же. Наши народныя пѣсни и законы вокальности. Липецкъ. 1912 г. Ц. 1 р.

Антонъ Сорокинъ. Смертельно-раненые. Спб. 1912 г. Ц. 40 к.

Г. Меликъ-Каракозовъ. Къ характеристикѣ современныхъ нѣмцевъ. Тифлисъ. 1912 г. Ц. 20 к.

Л. О. Вейнбергъ. Краткіе литературно-историческіе очерки. М. 1912 г. Ц. 70 к.

Г. Пилипенко. Алексѣй Петровичъ Плетневъ, какъ писатель и критикъ. Ц. 50 к.

Е. Кувшинская. Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи. Спб. 1912 г. Ц. 80 к.

Е. А. Черноусовъ. Очерки по исторіи Римской имперіи 180—235 гг. Харьковъ. 1911 г. Ц. 2 р.

Н. А. Оппель. Въ борьбѣ за свѣтъ. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

С. А. Бѣляцкинъ. Новое авторское право въ его основныхъ принципахъ. Спб. 1912 г. Ц. 1 р.

Слушательницы Спб. высшихъ женскихъ (Бестужевскихъ) курсовъ. По даннымъ переписи въ ноябрѣ 1909 г. Ц. 1 р.

Б. Глинскій. Революціонный періодъ русской исторіи (1861—1881). Историческіе очерки. 2 части. Спб. 1912 г. Ц. 5 р. 50 к.

П. Голубевъ. Что такое земство? Ставрополь. 1912 г. Ц. 35 к.

Н. Горбовъ. Донателло. Съ рис. М. 1912 г. Ц. 5 р.

Л. Дашкевичъ. Реформа волости. М. 1912 г. Ц. 50 к.

Философія техники. В. I. Спб. 1912 г. Ц. 80 к.

Я. Ардонъ. Кто мы? Кн. первая: „Пробуждающимся". Спб. 1912 г. Ц. 50 к.

Б. Юрьевскій. Что достигнуто землеустройствомъ? Спб. 1912 г. Ц. 30 к.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Сокольство и идея славянскаго единенія. Спб. 1912 г. Ц. 50 к.

В. А. Самсоновъ. Методическое руководство для веденія школьныхъ сочиненій. Спб. 1913 г. Ц. 1 р.

Нашъ міръ. Хрестоматія къ курсу теоріи словесности. Ч. IV. Сост. кружокъ московскихъ преподавателей: Н. Бродскій, Е. Домашевскій, Н. Мендельсонъ, Л. Реформатскій, Н. Сидоровъ, И. Соловьевъ. М. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

В. Чернышевъ. Упрощеніе русскаго правописанія. Изд. 2. Спб. 1912 г. Ц. 50 к.

А. П. Нечаевъ. Пора читать. Спб. 1912 г.

Обзоръ дѣятельности Государственной Думы 3-го созыва 1907—1912 г. 3 ч. Спб. Ц. 3 р.

Путеводитель по Константинополю, окрестностямъ и провинціи. Сост. Д. Коркмасъ и М. Скоковская. Константинополь. 1912 г. Ц. 2 р.

„Пробужденіе". Литературно - художественный альманахъ писателей изъ народа. Кн. 1-я подъ ред. И. А. Назарова. Суздаль. 1912 г. Ц. 30 к.

Календарь „Труженикъ" на 1913 г. Изд. „Библіотеки-копѣйки". Ц. 10 к.

Изд. Гл. Упр. Неокл. Сборовъ.— 1910 г. Статистика по казенной продажѣ питей. – Отчетъ Гл. Упр. Неокл. Сборовъ и казенной продажи питей.—Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ. Ч. I и II.

Изд. В. М. Саблина. М. 1912 г.—И. Д. Городецкій Учебникъ франц. языка. Ч. II. Ц. 70 к.—Его-же. Учебникъ нѣмецкаго языка. Ч. II, Ц. 80 к.— Н. Konwiezka. Бабочки и гусеницы.—Наше право: В. И. Нѣмчиновъ. Городское самоуправленіе. Ц. 2 р. 50 к. Л. З. Кацъ. Наше избирательное право. Ц. 1 р. 50 к. А. И. Гуляевъ. Коммерческій справочникъ.

Ц. 2 р.—К. Леонтьевъ. Собраніе сочиненій. 5 томовъ. Ц. 8 р. 75 к.—Мих. Коваленскій. Учебникъ русской исторіи. Ч. II. Ц. 50 к.

Изд. Т-во И. Д. Сытина. М. 1912 г.—Живой родникъ. 4-я книга. Литературно-художественная хрестоматія. Ц. 60 к.—В. Н. Сатаровъ. Сборникъ рисунковъ по исторіи искусствъ для рисованія. 2 вып. Ц. 30 к.—Е. П. Петровъ и П. А. Суворовъ. Рук. къ плетенію изъ ивовыхъ прутьевъ и камыша. Ц. 50 к.—Л. Н. Толстой. Сказки, басни и разсказы для маленькихъ дѣтей. Ц. 1 р. 25 к.—Ѳ. Холмогорскій. На зарѣ земледѣлія. Ц. 25 к.—Д. Раковъ. Долгій путь. Какъ учились люди дѣлать себѣ одежду. Ц. 25 к.—В. Ананьинъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Ц. 60 к.—Н. С. Лобаевъ. Убійцы. Нѣкоторыя черты психофизики преступниковъ. Ц. 1 р. 50 к.—Л. Н. Толстой. Дѣтство и отрочество. Ц. 1 р. 25 к.—И. Т. Костинъ. Русскій языкъ на второй ступени обученія. Ц. 40 к.

„Кн-во писателей". М. 1912 г.—Ив. Бунинъ. Суходолъ. Повѣсти и разсказы 1911—1912 г.г. Ц. 1 р. 50 к. Ив. Шмелевъ. Разсказы. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.

Всеобщая Библіотека. Спб. 1912 г.—Л. Буссе. Міровоззрѣніе великихъ философовъ новаго времени. Ц. 40 к.—Путешествія и приключенія бар. Мюнхгаузенъ. Ц. 30 к.—Поль Лафонъ. Бартоломэ Мурильо. Ц. 20 к.—Морсъ Гамель. Тиціанъ. Ц. 20 к.—Генрихъ Гейне. Книга пѣсенъ. Ц. 10 к.—Ф. Ницше. Такъ говорилъ Заратустра. Ц. 60 к.—Наполеонъ въ анекдотахъ. Ц. 20 к.—Уголовное уложеніе. Ц. 50 к.

Кн-во „Просвѣщеніе". Спб. 1912 г.—А. Г. Горнфельдъ. О русскихъ писателяхъ. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.—Н. Олигеръ. Собраніе сочиненій. Т. II. Ц. 1 р. 25 к.—Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Золото. Романъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.—Н. М. Осиповичъ. Собр. сочиненій. Т. 4-й. Ц. 1. 25 к.—Борисъ Лазаревскій. Собр. сочиненій. Т. 4-й. Ц. 1 р.—Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Гроза. Романъ въ 2-хъ ч. Изд. 9-е. Ц. 2 р. 50 к.

Кн-во „Грядущій день". Спб. 1913 г.—Реми де Гурмонъ. Книга Масокъ. Пер. съ франц. Е. Бландовой и М. Кузьмина. Рисунки Ф. Валлотона. Ц. 2 р. 50 к.—Пасквале Виллари. Джироламо Саванорола и его время. Т. I. Пер. Д. Н. Бережковъ. Ц. 4 р.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1912 г.—Александръ Бенуа. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Ч. 1-я. Вып. 2-й и 3-й.

Кн-во „Польза". В. Антикъ и К⁰. М. 1912 г. К. М. Тахтаревъ. Очерки по исторіи первобытной культуры. Съ пред. М. М. Ковалевскаго Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.—Универсальная библіотека. Г. Манъ. Охота за любовью. Романъ. Ц. 60 к.—С. Лагерлефъ. Домъ Лиліекроны. Ц. 30к.—Э. Ожешко. Меиръ Эзофовичъ. Повѣсть въ 2-хъ ч. Ц. 40 к.—Г. Мало. Безъ семьи. Ц. 40 к.—Графъ-Гейерстамъ. Власть женщины. Ц. 20 к.—Э. Кастельнуово. Рыцари непорочной. Ц. 10 к.—К. Ковальскій. Жизнь мгновенья. Ц. 10 к.—С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Капитанъ Кукъ. Ц. 10 к.—Поль Андрэ. Мужскія письма. Ц. 20 к.—Поль Верленъ. Избранныя стихотворенія. Ц. 10 к.—И. Тэнъ. Чтенія объ искусствѣ. 2 части. Ц. 20 к.—Отечественная война въ русской поэзіи. Сборникъ. Ц. 20 к.

Кн-во „Современныя проблемы". М. 1913 г.—Анри Пуанкарэ проф. Новая механика. Эволюція законовъ. Ц. 60 к.—Жанъ Беккерель. Эволюція матеріи и міровъ. Ц 60 к.

Изд. П. В. Луковниковъ. Спб. 1912 г.—Н. Балаевъ и Н. Дмитріевъ. Литературная хрестоматія для средн.-учебн. заведеній. Ч. 1-я. Ц. 1 р. 50 к.—П. Инфантьевъ. Жизнь народовъ Россіи. Этногр. разсказы. II. Ц. 1 р.—Его-же. Тамыръ. Ц. 17 к.—Чувашская свадьба. Ц. 14 к.—Жертва вогула. Ц. 17 к.—Соперники. Ц. 13 к.—Въ Амурской тайгѣ. Ц. 14 к.—Дочь шуленги. Ц. 11 к.—Тигръ-людоѣдъ. Ц. 11 к.—Вѣры Елачичъ. Какъ считали люди въ древнія времена. Ц. 17 к.

Кн-во „Матезисъ". Одесса. 1912 г.—О. Дзіобекъ. Курсъ аналитической геометріи. Пер. В. Щифъ. 2 части. Ц. 5 р.—Борель Штеккель. Элемент. математика. Ч. II. Геометрія. Пер. подъ ред. В. Кагана. Ц. 2 р. — Е. Нетто. Начала теоріи опредѣлителей. Пер. подъ ред. С. О. Шатунскаго. Ц. 1 р. 20 к.—А. О. Филипповъ. Четыре ариѳметическія дѣйствія. Ц. 70 к.

Изд. „Посредникъ". М. 1912 г. — Г. С. Солтъ. Мясо или плоды. Ц. 5 к.—Его же. Гуманитарное ученіе или гуманитаріанизмъ. Ц. 6 к.—Е. Лозинскій. Вегетаріанство и воспитаніе. Ц. 25 к. — Е. Горбуновъ. Какъ развести маленькій огородъ. Ц. 12 к.—

Врачъ Францманъ. Объ алкоголизмѣ. Ц. 8 к.—Календарь для каждаго. 1913 г. Ц. 20 к.—1913 г. Сельскій и деревенскій календарь. Ц. 20 к.

Кн-во „Прометей". Спб. 1912 г.—З. А. Венгерова. Собр. сочиненій. Т. I. Англійскіе писатели XIX в. Ц. 1 р. 25 к.—Ал. Амфитеатровъ. Аглая. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Гильоменъ. Исповѣдь простого человѣка. Ц. 1 р. 25 к.—Ф. Гра. Терроръ. Ц. 2 р.—Анри. Бергсонъ. Воспріятіе измѣнчивости. Ц. 60 к.—А. Богдановъ. Философія живаго опыта. Ц. 2 р.—И. В. Орнатскій. Разсказчикъ. Пособіе къ развитію рѣчи. 3 книжки. Ц. 70 к.—А. Посредниковъ. Начальное правописаніе. 3 книжки. Ц. 80 к.—Н. И. Карѣевъ. Собр. сочиненій. Философія исторіи въ русской литературѣ. Ц. 1 р. 50 к.—Джекъ Лондонъ. Собр. сочиненій. Т. VII. Сынъ солнца. Ц. 1 р. 25 к. Т. VII. Дочь снѣговъ. Ц. 1 р. Т. IX. Бѣлый клыкъ. Ц. 1 р. Х. Мартинъ Иденъ. Ц. 1 р. 50 к.—Ш. Л. Филиппъ. На днѣ Парижа. Ц. 1 р. Бретъ-Га ъ. Степной Найденышъ. Ц. 50 к

Р. В. Ивановъ. Стихотворенія. Кн. 2-я. Спб. 1912 г. Ц. 1 р.

Мих. Левинъ. Juvenilia. Стихи. Харьковъ. 1912 г. Ц. 60 к.

Ассасъ. Капли словъ. Собр. стиховъ. Харьковъ. 1912 г. Ц. 50 к.

Э. Митарновскій. Тѣни жизни. Разсказы. 1912 г.

Андре Лихтенберже. Мой маленькій Тротъ. Пер. съ франц. М. 1912 г. Ц. 60 к.

А. С. Панкратовъ. Безъ хлѣба. М. 1912 г. Ц. 1 р.

I. Брамовъ. Въ пути. Пьеса въ 3-хъ д. Спб. 1912 г. Ц. 75 к.

Даніилъ Святскій. Подъ сводомъ хрустальнаго неба. Спб. 1913 г. Ц. 1 р.

А. Алтаевъ. Въ великую бурю. Истор. романъ для дѣтей. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кн. Сер. Волконскій. Художественные отклики. Изд. „Аполлонъ". Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Японская лирика. Пер. А. Бранди. Спб. 1912 г. Ц. 40 к.

В. Ц. Бѣликовичъ. Красная книга. Новеллы. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Д. Ильина-Пожарская. Втроемъ на Бонапарта. Истор. повѣсть для дѣтей. Спб. 1913 г. Ц. 1 р.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Т. III. Л. Н. Толстой. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

К. Н. Соколовъ. Парламентаризмъ. Опытъ правовой теоріи парламентарнаго строя. Спб. 1912 г. Ц. 3 р.

Теодоръ Герцль. Фельетоны. Пер. С. А. Розовой. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

С. П. Кавелинъ. Историческій очеркъ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ. М. 1912 г. Ц. 70 к.

Н. Ѳ. Каптеревъ, проф. Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Изд. 2-е. Сергіевъ-Пос. 1913 г. Ц. 2 р.

А. Клоссовскій. Современное состояніе вопроса о предсказаніи погоды. Спб. 1913 г.

А. М. Никольскій. О борьбѣ за геометрическій методъ въ „новѣйшей исторіи". М. 1912 г.

В. Оствальдъ, проф. Организація и организаторы. Ч. 1-я. М. Ц. 30 к.

Б. Гуревичъ. Вѣчно человѣческое. Книга космической поэзіи. 1913 г. 2 р.

А. Долгоруких. Россія и пути прогресса. В. І-й. М. 1912 г. Ц. 60 к.

Р. К. Пенстъ. Менделизмъ. М. 1913 г. Ц. 1 р. 50 к.

П. Юшкевичъ. Міровоззрѣніе и міровоззрѣнія. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Арк. Петровъ. Рабочій вопросъ въ Японіи. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

О. Д. Дурново. Такъ говорилъ Христосъ. Изд. 2-е испр. и доп. М. 1912 г. Ц. 3 р.

И. И. Мечниковъ. Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія. М. 1913 г. Ц. 2 р.

Е. Е. Слуцкій. Теорія корреляціи и элементы ученія о кривыхъ распредѣленія. Кіевъ. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Г. В. Коршунъ, проф. и Е. С. Хотинскій, пр.-доц. Курсъ общей химіи. Ч. 1-я. Металлоиды. Хар. 1911 г. Ц. 3 р.

П. Соколовъ. Исторія педагогическихъ системъ. Спб. 1913 г. Ц. 2 р. 75 к.

П. Т. Васенко, проф. С. Ѳ. Платоновъ и Е. Ф. Тураевъ-Церетели. Начало династіи Романовыхъ. Истор. очерки. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

М. Я. Пинесъ. Исторія еврейской литературы. Пер. С. С. Вермель. М. 1912 г. Ц. 3 р. 50 к.

М. Львовичъ. Послѣдняя позиція (Саратовское ратуальное дѣло въ освѣщеніи чл. Гос. Д. Т. Замысловскимъ). Спб. 1912 г. Ц. 30 к.

Велесъ. Первый альманахъ русскихъ и инославянскихъ писателей

подъ ред. Сер. Городецкаго и Янко Лаврина. Спб. 1912—1913 г. Ц. 1 р.

А. Н. Соболевъ, свящ. Загробный міръ по древне-русскимъ представленіямъ. Серг.-Пос. 1913 г. Ц. 75 к.

Кн. Абамелекъ - Лазаревъ. Боевая работа русской арміи въ войну 1904—1905 гг. Ч. 1-я. Ц. 2 р.

Н. Мукаловъ. Лабораторные пріемы при изученіи ариѳметики. Кіевъ. 1912 г. Ц. 35 к.

Малый Толковый Словарь русскаго языка. Сост. П. Е. Стоянъ. Ч. 1-я. Спб. 1913 г. Ц. 1 р.

Памяти Макса Емельяновича Мандельштамма. Рѣчи, статьи и некрологи. Кіевъ. 1912 г. Ц. 60 к.

Прямой путь. В. 1-й. Спб. 1912 г.

Библіотека В. В. Протопопова. Театръ.

Маски. Ежемѣсячникъ искусства и театра. № -и. 1912 г. Ц. 50 к.

Московское Городское Кредитное О-во. Очеркъ 50-ти лѣтней его дѣятельности. 1802—1912 г.

Отчеты имп. росс. историческаго музея имени имп. Александра III въ Москвѣ за 1908—1911 гг.

Обзоръ Бакинской нефтяной промышленности за 1911 г. 2 т. 4 р.

Матеріалы къ пересмотру русско-американскаго договора. В. III. Изд. Мин. Финансовъ.

Труды XIV съѣзда земскихъ врачей и членовъ зем. врачебно-санитарныхъ учрежденій Смоленской губ. Т. II. 1912 г.

Свобода печати при обновленномъ строѣ. Спб. 1912 г. Стр. 244. Ц. 1 р. 25 к.

Пьеръ Милль. Барнаво въ Парижѣ. (Собраніе сочиненій, т. II). Пер. съ французскаго А. С. Полоцкой. Изд-ство „Освобожденіе". Спб. Ц. 1 р.

ПОПРАВКА: въ статьѣ С. Я. Елпатьевскаго: „Л. Н. Толстой" на стр. 213 напечатано: „Л. Н. читалъ одинъ изъ наименѣе удачныхъ своихъ народныхъ разсказовъ—„Первый винокуръ". Слѣдуетъ читать: „одинъ изъ наименѣе удачныхъ своихъ народныхъ разсказовъ, напоминавшій „Перваго Винокура".

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала «Русское Богатство».

ПОСТУПИЛО:

На увѣковѣченіе памяти Н. Ѳ. Анненскаго: отъ П. Неволина—15 р.

А всего съ прежде поступившими . . . . 50 р.

Съ благотворительной цѣлью: отъ А. Заруднаго—5 р.; черезъ М. П.—156 р.; отъ И. Н. Сергачева—3 р.; отъ Ольги Яковлевны Консерваторовой 20 сентября 1912 г.—3 р. 24 к.; отъ М. Ефремова—23 р.; отъ А. А.—15 р.; отъ Д. Голубятникова—2 р.

Итого. . . 207 р. 24 к.

Въ пользу голодающихъ: отъ Ал. Ник. Грекуловой—5 р.

Въ пользу раненыхъ черногорцевъ: отъ Д. Голубятникова—1 р.

Въ пользу вдовы умершаго депутата 2-й Гос. Думы Хвоста: отъ неизвѣстныхъ—16 р.

Редакторъ **Л. И. Бородзичъ.** Издатель **В. Г. Короленко.**

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118002234